

№

1848

1.

ПАТРОШЪ

издаваемый

О. К. О. Ж. И.

=

Санктпетербургъ.

11-9
N-102

ШАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ. — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

1848.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕНН. АКАДЕМ.
Ленинградская Центральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 января, 1848 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

Содержание первой книжки.

I. **Драматическая литература.**

Житейские дела. Оригинальная драма в пяти действиях Д. О. Бруннера.

I. **Изыщная словесность.**

Деодий Гмржа. Повесть из бессарабских преданий В. А. Каприцкого.

II. **Стихотворения.**

На смерть Макдональда Кларка, прозванного безумным певцом. Д. Сушков.

Облако. Н. Греков.

Куда не помотришь, повсюду... С. Дуров.

День жизни. Н. Голубин.

Нищий. В. Корсак.

Забвение. Д. Сушков.

Над колыбелью и могилой. Н. Греков.

IV. **История искусства.**

Гете. Его жизнь и литературная деятельность. Г. Перетц.

V. **Юмористика.**

Похвальное слово картам. А. И. Писарев.

Уж кстати и похвала преферансу.

VI. **Библиография.**

Шутка. История, в роде комедии. – СПб., 1847.

Натуральная школа: Шутка-водевиль в одном действии. Отелло на песках, или Петербургский араб: водевиль в одном действии. Соч. П. Каратыгина. – СПб., 1847.

Лучия в гавани, или Петербургская невеста. Водевильные сцены из водевильных нравов. Ф. У. Жгутиков.

История лютни. Китайская драма. Као-Тонг-Киа. – СПб., 1847.

Иван Семенович Хватайкин: комедия-водевиль в одном действии. Соч. Н. М. л. с. а. – СПб., 1847.

VII. **Театральная летопись.**

Русский театр.

1. Каменный гость: соч. А. Пушкина

2. Отелло на песках, или Петербургский араб: водевиль в одном действии, соч. П. Каратыгина.

4. Дон-Кихот Ламанхский, рыцарь печального образа и Санхо Пансо: комедия-водевиль в двух действиях и пяти картинах взятая из романа Сервантеса П.

Каратыгина.

5. Натуральная школа: шутка-водевиль в одном действии – бенефис Каратыгина 2.

6. Мушкетеры королевы: драма в трех действиях перед С французского.

7. Геройство семнадцатилетнего моряка: оперетка в двух действиях. Перевод с французского.

8. Тетушка болтушка: водевиль в одном действии. Перевод с французского – бенефис Самойловой 1-й.

9. Купленное дитя, или Мать преступника: драма в трех действиях. Перевод с фр. С. Соловьева.

10. Хорош Петербург, да друзья одолели! : водевиль в одном действии.
11. Не ест, а толстеет, странное дело!: шутка-водевиль в одном действии. Переделка с фр.
12. Сельский праздник, или Голенький ох! А за голеньким бог!: русская народная оригинальная оперетка в одном действии М. С. Владимирова. – бенефис Дюр.
13. Дамы и гусары: комедия в двух действиях.
14. Цикута: греческая комедия в одном действии. Пер. с фр. Р. Зотова.
15. Последний в роде, или ехал да не доехал: водевиль в одном действии. Перед с фр. К. А. Тарновского.
16. Бой-жинка: малороссийская опера-водевиль в одном действии – бенефис Сосницкого.
Статья Ф. А. Кони.

Раздел VIII : Панорама современных театров – см. на 2-й странице обложки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Многіе изъ бывшихъ подписчиковъ на «Репертуаръ», возобновивъ нынѣ подписку на *Пантеонъ*, обратились въ Редакцію съ просьбами не измѣнять и въ 1848 году срока выхода въ свѣтъ книжекъ и оставить его по прежнему, на каждое 15-е число. Не видя особенныхъ къ тому препятствій, желая угодить всѣмъ своимъ пренумерантамъ, и находя притомъ, что такое измѣненіе можетъ принести и ту пользу, что читатели «*Пантеона*» найдутъ въ немъ всѣ новости *двумя недѣлями ранѣе*, чѣмъ въ другихъ журналахъ, Редакція рѣшилась исполнить желаніе подписчиковъ и будетъ отнынѣ выпускать книжки свои *непрерывно и аккуратно*

15-го числа каждаго мѣсяца.

Это измѣненіе, сверхъ того, дастъ Редакціи возможность отложить для всѣхъ вообще подписчиковъ срокъ на *полученіе преміи* въ 1848 году до 15-го февраля. Слѣдовательно всѣ, подписавшіеся до 15-го февраля, имѣютъ право на *премію*, которая будетъ состоять изъ великолѣпнаго литературнаго *Альманаха*, или *Музыкальнаго Кипсека*. Всѣ подписавшіеся позднѣе 15-го февраля, получаютъ журналъ *вполнѣ*, со всѣми приложеніями и картинками, но только — безъ *преміи*, потому что премія будетъ заказана за границую, и отлагать заказы далѣе февраля мѣсяца невозможно.

Редакція приготовила къ помѣщенію въ книжкахъ 1848 года множество шестъ первокласныхъ авторовъ, нѣсколько замѣчательныхъ повѣстей и романовъ и многія статьи, касаю-

4207
1792 G 7

Музыкальный Театръ
Билеты
Входъ въ Оубачарского

- щіяся развитія и исторіи искусствъ въ Россіи. Между прочи-
ми будутъ напечатаны въ первыхъ номерахъ :
- ОБЕРЪ-КУХМИСТЕРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО**, комедія въ
трехъ дѣйствіяхъ . . . . . } **Всѣ три П. И.**
СВАДЬБА РУМЯНЦОВ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. } **Хмельницкаго.**
ТАРТЮФЪ, комедія Мольера, переводъ въ стихахъ. }
КАКЪ ВАМЪ УГОДНО, Комедія Шекспира. Переводъ
съ Англійскаго . . . . . } **А. Н. Бородина.**
АРХИПЪ ОСИНОВЪ или **РУССКАЯ КРѢПОСТЬ**. Драма
съ куплетами . . . . . } **Ө. А. Коки.**
СТРУЭНЗЕ. Драма Михаила-Бера (брата Мейербера), пе-
реводъ . . . . . } **Ө. А. Коки.**
ТЕАТРАЛЬ. Очеркъ въ стихахъ. . . . . } **П. С. Федорова.**
ГОНИ ЛЮБОВЬ ВЪ ДВЕРЬ, ОНА ВОЙДЕТЬ ВЪ
ОКНО. Комедія Скриба . . . . . } **П. С. Федорова.**
АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА или **КТО НЕ ПЛЯ-**
САЛЪ ПО ЖЕНСКОЙ ДУДКѢ. Комедія-водевиль. } **П. И. Григорьева.**
ЛЮБИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ. Драматическія сцены. } **П. И. Меншикова.**
ЗАПИСКИ ФЛОРЫ. Забѣдательной Парижской актрисы,
о вѣкѣ Наполеона. Три тома.
ПУСТЫНЬКА УРСУЛЫ. Повѣсть . . . . . } **М. И. Воскресенскаго.**
ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ ТЕАТРАЛЬНАГО ДИРЕКТО-
РА. Повѣсть весьма поучительная.
ВИЛЬГЕЛЬМЪ-МЕЙСТЕРЪ. Романъ . . . . . } **Гете.**
КАРЕТА НЕВСКАГО ПРОСПЕКТА. Романъ . . . . . } **И. И. Голубина.**
ТЕАТРЪ ВЪ РОССІИ, при Екатеринѣ Великой. . . . . }
ПАРИЖЪ, ЕГО ДРАМА И ЖИЗНЬ, ВЪ 1846 ГОДУ. } **Ө. А. Коки.**
АКТЕРЫ — КАКЪ ЛЮДИ И ЛЮДИ, КАКЪ АКТЕРЫ. }
(Философическія замѣтки Капельдивера)
КАКЪ ДѢЛАЮТСЯ ВЕЛИКИМЪ ТРАГИКОМЪ. Повѣсть. }
ШУШЕРИНЪ . . . . . }
МОЛЬЕРЪ. Драма-біографія . . . . . } **В. Р. Зотова.**
ДОНЪ-КАРЛОСЪ, Шиллера. Переводъ въ стихахъ . . } **П. Г. Ободовскаго.**
Н. И. ХМЕЛЬНИЦКІЙ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ И ЧЕЛО-
ВѢКЪ. Біографическій очеркъ . . . . . } **С. Ө. Дурова.**
НОВѢЙШАЯ ДРАМА ВЪ ГЕРМАНИИ. . . . . } **Ө. А. Коки.**
ПОВѢСТЬ БЕЗЪ ИМЕНИ. . . . . } **Е. П. Гребенки.**
Еще новая повѣсть . . . . . } **В. А. Каприцкаго.**

О П Е Ч А Т К И

Замѣчательныя въ повѣсти: Гиржи.

Напечатано.

читай.

Стр. 14.	Клопотарюле	Клопотарюле.
—	Бане, бано	Бине, бине.
21.	Пригорамъ.	Григорашъ.
25.	сырбаръ,	Сырбаръ.
28.	Сестри.	Сестра.
29.	Доставлюся и намъ.	Жатвы много есть и намъ.
32.	Гванцъ.	Жванцъ.

Остальныя пойметъ самъ читатель. Опечатки зло неизбежное въ сроч-
номъ изданіи.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЖИТЕЙСКІЯ ДѢЛА.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

А. О. Бруннера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

ЕГОРЬ ПЕТРОВИЧЪ АМОСОВЪ.	ЖЕНА ЕГО.
НАТАЛІЯ ПАВЛОВНА, жена его.	ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ АМОСОВЪ.
СОФІЯ ЯКОВЛЕВНА ЛИЗЕВА, двоюродная сестра ея.	Омнишнина, солдатка. ДОКТОРЪ.
ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ ГУТМАНЪ, негоціантъ.	ДВА ГОСТЯ. СЛУГА.
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ, сынъ его.	ЛИЗА, горничная. ЖАНДАРМСКІЙ ОФИЦЕРЪ.
САВА САВИЧЪ КРУТІЛО.	Гости обоего пола, слуги.
КНЯЗЬ УШАТИНЪ	

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домъ Амосовыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Хорошо меблированная комната. Дверь въ глубинѣ сцены и боковыя по обѣимъ сторонамъ. На второмъ планѣ окно.

I.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА входить справа, **ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ ГУТМАНЪ**, слева.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(увидя Гутмана, съ удивленіемъ.)* Иванъ Карловичъ!

ГУТМАНЪ. *(весело.)* Здравствуйте, Наталья Павловна, здравствуйте! *(цѣлуетъ ея руку.)*

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Какими судьбами? Давно пріѣхали?

ГУТМАНЪ. Часа два, небольше; и прямо къ вамъ. Съ мѣсяць, какъ изъ Одессы, а теперь изъ Москвы. Бѣлокаменная вамъ кланяется.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(улыбалась.)* Старая знакомая! Но скажите, пожалуйста, какъ это вы рѣшились разстаться съ вашею возлюбленною? Ровно пять лѣтъ, какъ ни на шагъ изъ Одессы... Вѣрно дѣла?

ГУТМАНЪ. Коммерческія, вы знаете. Повѣреннаго оставилъ управлять конторою, а самъ махнулъ на почтовыхъ. Кончилъ въ Москвѣ и завернулъ къ вамъ въ Питеръ на сынишку взглянуть. Ну, что у васъ новаго? Здоровъ ли старикъ Лилѣвъ, вашъ дядюшка? здоровъ? Да что ему дѣлается! А что Соничка? я думаю, выросла, похорошела, узнать нельзя, а? Да постоитъ, не былъ ли у васъ сегодня...

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Вы видѣли Жоржа?

ГУТМАНЪ. Сейчасъ отъ него. Сидитъ въ кабинетѣ... заваленъ бумагами... такой серьезный, что Боже упаси! Вѣрно крѣпко занятъ. А я, было, хотѣлъ спросить васъ...

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(вздыхая)* Ахъ! если бы вы знали, Иванъ Карловичъ!

ГУТМАНЪ. Ну, вотъ и вы также! ужъ не случилось ли чего?

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(печально)* Вы застали насъ въ большемъ горѣ... Дядюшка...

ГУТМАНЪ. Что съ нимъ? Вы пугаете меня... Опасно болѣвъ, что ли?

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Благодаря Бога, онъ здоровъ, но непріятности по службѣ... Вы знаете, онъ такъ дорожилъ своимъ мѣстомъ, посвящалъ все время служебнымъ занятіямъ, и вдругъ... Кто знаетъ,

успѣетъ ли онъ оправдаться? Если дядюшка потеряетъ мѣсто, онъ не перенесетъ удара—это убьетъ его!

ГУТМАНЪ. Да растолкуйте мнѣ, въ чемъ же его обвиняютъ?

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Я право не слумю вамъ хорошенько объяснить... Говорятъ, что недостаетъ какихъ-то бумагъ по одному важному дѣлу. По несчастію, онъ держалъ ихъ у себя... онъ затерялся, и потому вся вина пала на дядюшку... Начали обвинять его, что онъ съ намѣреніемъ уничтожилъ ихъ, чтобы дать другой оборотъ дѣлу. Дядюшка, со слезами на глазахъ, говорилъ намъ, что это клевета, что онъ правъ, но отъ него требуютъ докозательства, а онъ не можетъ ихъ представить, потому что все его оправданіе заключается въ этихъ роковыхъ бумагахъ... Боже! что-то будетъ! (*тираетъ глаза*).

ГУТМАНЪ. (*съ участіемъ*). Экое несчастіе! О! я вполне увѣренъ, что старый другъ мой правъ! Онъ неспособенъ на поступокъ, въ которомъ его обвиняютъ и лгать не станетъ... Но, какъ могли затеряться эти бумаги?. Неужели вашъ дядюшка такъ безпечень? Нѣтъ ли тутъ какихъ нибудь постороннихъ интригъ? Честный человѣкъ у всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу!

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Можетъ быть въ этомъ виноваты и другіе, но что же имъ сдѣлалъ дядюшка? Вы знаете, онъ такой добрый!

ГУТМАНЪ. (*съ чувствомъ*). Милая Наталья Павловна, не судите о людяхъ по себѣ! Было время, когда и я также думалъ, но съ сѣдыми волосами я приобрѣлъ опытъ, который не дешево мнѣ стоитъ.. Впрочемъ, къ чему смотрѣть на вещи съ одной только черной стороны; скижите-ка лучше, что говоритъ объ этомъ Егоръ Петровичъ?

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Мой мужъ также находится въ Слѣдственной Коммиссіи по этому дѣлу... Правда, онъ налѣтается, но никогда не отвѣчаетъ прямо на мои вопросы.

ГУТМАНЪ. Вотъ видите ли, зачѣмъ грустить? Егоръ Петровичъ не упуститъ случая употребить все, что будетъ нужно, къ оправданію Якова Михайловича... Успокойтесь; Богъ дастъ, все пойдетъ къ лучшему!

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Да полно такъ ли?

ГУТМАНЪ. Ахъ. Боже мой! какъ можно отчаяваться прежде времени? Ну, сдѣлаютъ замѣчаніе, выговоръ, что ли... тѣмъ все и кончится.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. О! вы не повѣрите, какъ меня радуетъ ваша увѣренность! Вы сняли тяжелый камень съ груди моей... Я снова весела, готова прыгать... разцѣловать васъ, любезный Иванъ Карловичъ!

ГУТМАНЪ (*улыбаясь*) А ну-те... я не мѣшаю.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(обнимая и целуя его въ лобъ)* О, я знаю, Жоржъ не станетъ ревновать меня къ старинному другу дядашки!

ГУТМАНЪ. А дѣтъ двадцать-пять тому, вы не сказали быэтого.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА *(улыбалась)* Не мудрено, тогда меня не было еще на свѣтѣ!

ГУТМАНЪ. И въ самомъ дѣлѣ! Вы правы, Наталья Павловна: Егоръ Петровичъ можетъ быть совершенно спокоенъ, когда я целую жену его. Я гожусь вамъ въ дѣдушки! *(целуетъ ее)*.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(грозитъ пальцемъ)* Послушайте... Иванъ Карловичъ.

ГУТМАНЪ. *(смѣясь)* Да кто-же виновать? Вашъ поцѣлуй разлакомилъ меня, и я невольно вспомнилъ молодые годы, когда бывало...

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(перебивая)* Довольно, довольно. Я ничего не хочу знать болѣе.

ГУТМАНЪ. Такъ до свиданія, прощайте!

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Куда же вы?

ГУТМАНЪ. Да я думаю, теперь ужъ воротился мой Саша! Давеча я не нашель его дома... Кстати, скажите-ка мнѣ, давно ли вы его видѣли? Ваша неприятная новость совершенно сбила меня съ толку; я раза три порывался спросить васъ...

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не встрѣтили его у насъ? Онъ здѣсь, и я думала...

ГУТМАНЪ *(быстро)* Здѣсь?

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Да; я оставила его въ саду съ Соничкой.

ГУТМАНЪ. Съ Софьей Яковлевной? *(ударяетъ себя по лбу)* Какой я, право, дуракъ! Ну, какъ недогадаться, что онъ долженъ быть у васъ? *(Наталья Павловна хочетъ говорить)* Знаю, все знаю.. Онъ писалъ ко мнѣ, писалъ и Яковъ Михайловичъ. Мы подумаемъ... Да гдѣ-же онъ? Подавайте мнѣ моего сыннишку! *(подбѣгаетъ къ окну)*.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(смотря въ окно)* Они идутъ сюда...

ГУТМАНЪ *(также)* А!... вотъ онъ!.. Какъ выросъ!.. *(кричитъ изъ окна въ садъ)*. Г. студентъ! Что я? Г. кандидатъ! Г. юристъ, философъ! *(махнувъ рукой)* Не слышитъ! *(снова кричитъ)*. Ей! Александръ Ивановичъ! Ваше благородіе! А!... поднять голову... увидалъ, побѣжалъ, какъ угорѣлый! *(быстро отходитъ отъ окна къ Натальи Павловны)*. Пойдемте къ нимъ на встрѣчу.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(увидя мужа, который въ эту минуту выходитъ слѣва въ сильной задумчивости, въ сторону)* Жоржъ! *(Гутману)* Я тотчасъ — за вами.

ГУТМАНЪ. *(убылая въ среднюю дверь)* Какъ выросъ, возмужалъ.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(въ полумоса, смотря на мужа)*. Какой задумчивый, печальный! О, я снова начинаю бояться: предчувствіе говорить мнѣ что-то недоброе!

II.

АМОСОВЪ И ЖЕНА ЕГО.

АМОСОВЪ *(про себя)* Одинъ только шагъ, и . . .

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(подходя къ мужу, робко)* Жоржъ...

ОНЪ. *(вздрынув)* А! Это ты, Наташа.

ОНА. Ты скоро ѣдешь?

ОНЪ. Да... въ присутствіе.

ОНА. По дѣлу...

ОНЪ. *(перебивая)* Да, да!.. *(садится)*

ОНА. *(ласково)* Другъ мой...

ОНЪ. Я просилъ тебя, Наташа, — не беспокоить меня... Ты видишь... я занятъ, обдумываю ..

ОНА. *(подходя къ нему)* И такъ печаленъ! Я хотѣла спросить тебя, какъ идетъ дѣло дядюшки.

ОНЪ. *(съ неудовольствіемъ)* Вѣчно одно и тоже! ты рѣшилась мучить меня.

ОНА. *(обнимая мужа)* Не сердись, мой другъ... ты долженъ извинить мои докучные вопросы .. Вспомни, что онъ былъ благодѣтелемъ нашимъ; мы всѣмъ ему обязаны. Изъ всѣхъ родныхъ, онъ одинъ призрѣлъ бѣдную сироту, твою Наташу, заботился о ея воспитаніи, любилъ наравнѣ съ своею дочерью... Я привыкла считать его вторымъ отцемъ моимъ

ОНЪ. *(съ нетерпѣніемъ)* Послушай, Наташа..

ОНА. И ты также, Жоржъ. . Бѣдный и неизвѣстный, ты пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поступить на службу. . къ кому не обращался ты, вездѣ встрѣчалъ холодъ и равнодушіе... Безъ мѣста, безъ покровителей, одинъ, въ чужомъ городѣ, ты приходилъ въ отчаяніе... у тебя не стало, наконецъ, денегъ, чтобы купить кусокъ хлѣба ..

ОНЪ. *(грубо, вставая и отводя отъ себя рукою жену)*. Прощу васъ, сударыня, кончить вашу проповѣдь. Къ чему это воспоминаніе? Я очень хорошо помню, что я слишкомъ долго игралъ ничтожную роль, къ которой принудили меня обстоятельства и... О! я никогда этого не забуду! Не думаете ли вы упрекать меня тѣмъ, что я былъ... нищій!

ОНА. Упрекать?... Ты обижаешь меня, мой другъ! я хотѣла только напомнить тебѣ, что мы оба всѣмъ обязаны доброму дядюшкѣ. Въ этотъ трудный, горькій періодъ жизни, ты нашелъ въ

его домъ и кровь и ласку.. Онъ приютилъ тебя, какъ роднаго, помогъ поступить на службу; даже настоящимъ мѣстомъ ты обязанъ ему же.

ОНЪ (*въ сторону, съ горькою усмѣшкою*) Да, признаюсь, ушелъ я далеко! (*вслухъ*) Но я не поминую, чего ты отъ меня хочешь? къ чему это предисловіе?

ОНА. Но дялюшка...

ОНЪ. Дялюшка?!.. Да развѣ я не хлопочу, не употребляю всѣхъ усилій, чтобы... чтобы помочь ему?. И что я могу сдѣлать особеннаго? Какъ будто въ моей власти карать и миловать? Я такое же слѣпое орудіе, какъ и другіе... Законы, одни только законы..

ОНА. (*перебивая*) Но ты увѣренъ въ его невинности, ты можешь убѣдить другихъ... Извини, мой другъ, я, право, не понимаю, какъ у васъ рѣшаются дѣла, но мнѣ кажется, что истина вездѣ и всегда найдетъ свой отголосокъ. Кто знаетъ, можетъ быть откроется случай отыскать эти бумаги, тогда...

ОНЪ. (*съ быстрымъ движеніемъ, пристально смотря ей въ глаза*) Отыскать бумаги?! (*Пауза*) Извини меня... я долженъ..

ОНА. Да, мой другъ, подумай хорошенько.. Можетъ быть, здѣсь кроются чьи нибудь интриги..

ОНЪ. Наташа!

ОНА. (*прижималась къ мужу.*) О! если это правда, то слова мои должны возбудить въ тебѣ новыя силы бороться съ ними! Не прерывай, выслушай меня, Жоржъ.. Отбрось на минуту всѣ заботы, всѣ непріятности нашей суетной жизни, посвяти эту минуту памяти сердца.. Ты вспомнишь тогда маленькую дѣвочку, которую нѣкогда встрѣтилъ въ домѣ своего благодѣтеля.. Дитя, она съ перваго взгляда всею душею привязалась къ тебѣ и, со слезами на глазахъ, слушала повѣсть твоихъ горькихъ неудачъ и лишеній, и утѣшала тебя по своему, и, какъ дитя, рѣзвилась и прыгала, чтобы вызвать улыбку на грустное лицо твое.. И какъ часто, бывало, утомленная продолжительною бѣготнею, она засыпала на колѣняхъ своего названнаго братца, безпечная, счастливая!.. Съ годами, это тихое, спокойное чувство любви братской перешло въ другое, болѣе нѣжное, сознательное... (*Движеніе Амосова*) Жоржъ, другъ мой, помнишь ли ты это время? Эти длинныя вечера въ темныхъ аллеяхъ сада, эти минуты взаимной любви, довѣренности, эти мечты о будущемъ?

ОНЪ. (*съ увлеченіемъ, взявъ ее за руку*) Милая, добрая Наташа... Другъ мой! (*про себя, задумчиво.*) Золотые годы!

ОНА. Да, Жоржъ, это были святыя минуты! Ты говорилъ ей, и Богъ тебя слышалъ: Наташа, мы скоро будемъ принадлежать другъ другу на вѣки; для насъ откроется новый міръ, новые пути

въ жизни... Я буду трудиться для твоего счастья, и оба будемъ жить для счастья другихъ... Ничто не помѣшаетъ намъ дѣлать добро.... Мы послѣдуемъ примѣру дядюшки... можетъ быть, и намъ удастся заслужить такое же благословеніе, какимъ мы осыпаемъ теперь этого добраго, благороднаго человѣка!

ОНЪ. *(съ усиліемъ)* Довольно... Прощу тебя... Оставь меня, Наташа.

ОНА. О, ты видишь, я всё еще ребенокъ! Говорю о томъ, что ты такъ хорошо помнишь... Но я увлеклась воспоминаніемъ... пусть же оно послужитъ тебѣ утѣшеніемъ въ тѣхъ неприятностяхъ, которыя ты, можетъ быть, встрѣтишь, защищая дядюшку... Мнѣ стало такъ легко теперь, мой другъ! Я знаю, ты меня любишь, ты добръ, чувство благодарности постоянно живетъ въ твоемъ сердцѣ... Богъ поможетъ твоимъ усиліямъ!

ОНЪ. Конечно... все зависитъ отъ—случая. Но я долженъ скоро ѣхать; приготовить кое-какія бумаги... Прощу тебя...

ОНА. Я не стану мѣшать... *(взявъ его за руку, въ полмолса, съ улыбкою)* Пріѣзжай поскорѣе, Жоржъ; обрадуй чѣмъ нибудь свою Наташу! *(уходитъ)*.

III.

АМОСОВЪ, потомъ СЛУГА.

АМОСОВЪ. *(смотря ей вслѣдъ)* Я... обманулъ ее!.. участь Лилѣва почти рѣшена. *(вздрынувъ)* Рѣшена?! *(Пауза)* Дня два тому, я могъ бы спокойно выговорить это слово, не смотря на мои планы, надежды... но теперь, когда я увѣренъ, что эти бумаги существуютъ *(съ силою)*, что эти бумаги... *(увлекаясь внутреннимъ волненіемъ)* Наташа, Наташа!.. что ты мнѣ напомнила!.. *(Въ изнеможеніи опускается въ кресло и нѣсколько минутъ сидитъ молча, въ глубокой задумчивости)* Да, это былъ чудный, сладкій сонъ!.. Съ свѣтлыми способностями ума, съ братскою любовью къ людямъ, съ твердымъ намѣреніемъ идти по прямому пути, осуществить мечты мои, я началъ новый родъ жизни, начавъ службу. Тогда... *(Быстро встаетъ и подходит къ авансценѣ)* Проклятое воспоминаніе! Не правда! Я ошибался... я не былъ созданъ для этой ничтожной, жалкой роли!.. Нѣтъ, я дурно понималъ себя! Въ груди моей издавна гнѣдился зародышъ того чувства, которое, мало по малу, ширилось, ширилось и, наконецъ, едва не задушило меня; искра, которая незамѣтно тлѣла и превратилась, наконецъ, въ необъятный пожаръ! Страшно подумать, чего я не вынесъ въ этой борьбѣ... Я видѣлъ, какъ другіе, съ ничтожнымъ умомъ, но съ умѣньемъ вести дѣла свои, загорали, толкая, опережая другъ

друга; я видѣлъ, какъ другіе силою твердой воли брали съ боя, и почести, и богатство, а я... Глупецъ! я стоялъ въ сторонѣ, вдали отъ всѣхъ, ничтожный и неизвѣстный, какъ прежде—и мучился, какъ Танталъ жаждою! Я всё еще колебался! (съ силою) О! будь сто—разъ проклята эта ребяческая, школьная нерѣшительность!.. (Пауза) Но теперь я проснулся... я не упущу случая, которой такъ неожиданно открылся... получу мѣсто Лигѣва... Этотъ шагъ вознаградитъ мнѣ потерянное время, а тамъ...

СЛУГА (входитъ изъ средней двери) Сава Савичъ Крутило... Прикажете принять?

АМОСОВЪ. А! Приси. (про себя) Да, я рѣшился. (Показался Крутило. Слуга уходитъ).

IV.

АМОСОВЪ И КРУТИЛО.

КРУТИЛО: (съ низкими поклонами) Егору Петровичу... имѣю честь...

АМОСОВЪ. (скоро) Здравствуйте, здравствуйте.. (въ полголоса) Ну, что?..

КРУТИЛО. (также, оглядывая и кладя руку на боковой карманъ) Со мною-сь.

АМОСОВЪ. (быстро) Подайте.. (протягиваетъ руку)

КРУТИЛО. (въ нерѣшительности) Но...

АМОСОВЪ. (съ досадою) Чтожь, вы мнѣ не вѣрите?

КРУТИЛО. Какъ можно, (вынимаетъ изъ кармана бумаги и по-даетъ ихъ Амосову) извольте, вотъ онѣ. (въ сторону) Свои люди—сочтемся!

АМОСОВЪ. (поспѣшно перебирая бумаги) Да, это тѣ самыя. (Крутиль) Но объясните ли вы мнѣ, наконецъ, какимъ образомъ очутились онѣ въ вашихъ рукахъ? (прячетъ бумаги въ карманъ.)

КРУТИЛО. Послушайте, Егоръ Петровичъ... Третьяго дня я признался вамъ, что бумаги, которыхъ недостаетъ къ оправданію Якова Михайловича легко могутъ быть отысканы... (улыбался) Эта неожиданная новость, повидимому, васъ очень встревожила...

АМОСОВЪ. (въ волненіи) Вы не отвѣчаете на мой вопросъ. Я спрашивалъ...

КРУТИЛО. Позвольте... я люблю систему. (токаетъ табакъ) И такъ... вамъ это не понравилось.. (въ сторону) Я зналъ это напередъ, иначе чортъ бы меня дернулъ! (вслушъ) Но—мы скоро поняли другъ друга..... я обѣщавъ вамъ непремѣнно доставить эти бумаги, которыя, въ свою очередь, могутъ доставить вамъ мѣсто Лигѣ-

ва...въ награду за усердіе вы дали мнѣ слово не забыть меня при случаѣ...О, я довольствуюсь весьма немногимъ, но есть люди, которые не такъ безкорыстны, какъ я...

АМОСОВЪ. Что вы хотите этимъ сказать?

КРУТИЛО. Что человѣкъ, отъ котораго я успѣлъ приобрести эти важныя бумаги...

АМОСОВЪ. (*быстро*) Какъ! Здѣсь замѣшано третье лицо? Ему извѣстно...

КРУТИЛО. Успокойтесь, этотъ человѣкъ... братъ жены моей—мой шуринъ. Онъ нѣкогда служилъ подъ начальствомъ Якова Михайловича, и недавно, по его же представленію, отставленъ отъ службы за... (*съ выразительнымъ жестомъ*) якобы за взятки. Этотъ человѣкъ рѣшился мстить... по своему...онъ часто сиживалъ за работою въ кабинетѣ старика Лилѣва, зналъ, гдѣ хранятся у него дѣловыя бумаги, и... вы понимаете?

АМОСОВЪ. (*про себя*) Какая низость! (*вслухъ*) Но вы сами... я слышалъ ... вы служили?..

КРУТИЛО. (*съ гримасою*) Фи!.. неужели вы думаете?... какъ можно! Конечно, я тоже служилъ при немъ, но вышелъ въ отставку по собственному желанію. Нѣтъ, нѣтъ, я не способенъ на такой поступокъ!

АМОСОВЪ. (*въ сторону*) Онъ думаетъ обмануть меня! (*вслухъ*) Но ... какимъ образомъ эти бумаги теперь у васъ?

КРУТИЛО. Случайно. Роденька мой долго колебался, хотѣлъ, было, признаться во всемъ Лилѣву и возратить ему бумага, но по счастью, я подоспѣлъ во время...Изъ усердія, Егоръ Петровичъ, повѣрьте, единственно изъ усердія къ вамъ...я растолковалъ этому дураку, что позднее раскаяніе не спасетъ его отъ наказанія, застращалъ судомъ, обѣщалъ (*пристально смотритъ на Амосова*) денегъ—и бѣдняжка согласился. (*Улыбается*) Вы знаете, блескъ золота ослѣпительнѣе свѣтилъ небесныхъ, а звукъ его—что твоя музыка! хе, хе, хе, хе!.. (*тохаетъ табакъ*) Къ тому же, человѣкъ онъ бѣдный, жена, дѣти...Я далъ слово, что онъ получитъ приличную награду.. (*серьезно*) Я далъ ему честное слово. (*въ сторону*) Анекдотецъ придумалъ ловко!

АМОСОВЪ. (*съ трудомъ скрываетъ презрѣніе*) Честное слово? Вы?! (*про себя*) Негодяй!

КРУТИЛО. (*смыло*) Да, я! что за вопросъ?. Такое же честное слово, какое дали мнѣ вы!

АМОСОВЪ. (*въ сильномъ волненіи подходитъ къ авансцену; вполголоса*) И я рѣшаюсь стать на одну доску съ этимъ презрѣннымъ человѣкомъ... можетъ быть, воромъ?! И этотъ ужасный, низкій за-

говоръ противъ роднаго?.. противъ дяди жены моей..... моего благодѣтеля?! (съ силою) О, никогда, никогда!..

КРУТИЛО. (подходя къ нему) Что вы изволили сказать?

АМОСОВЪ. (съ жаромъ) Что я никогда не рѣшусь на подобное средство.. я..

КРУТИЛО. (хладнокровно) Значить бумаги вамъ не нужны... *протягиваетъ руку* Пожалуйте, это не моя собственность.

АМОСОВЪ. Бумаги? Лилѣвъ будетъ оправданъ!

КРУТИЛО. (быстро) Вы этого не сдѣлаете! Послушайте...

АМОСОВЪ. Не злѣсь! Ты будешь говорить передъ судомъ, въ тюрьмѣ! (схвативъ его за руку) И ты осмѣлился предлагать мнѣ?!.

КРУТИЛО. (въ испугъ) Егоръ Петрович!

АМОСОВЪ. (бросаясь въ кресло) А!.. какъ я упалъ глубоко!.. (Закрываетъ лицо руками).

КРУТИЛО. (спокойно.) Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете. Это значило бы навсегда повредить себѣ... испортить всю карьеру... конечно, нельзя тотчасъ рѣшиться... дѣло довольно щекотливое... но подумайте только о томъ, что ожидаетъ васъ...

АМОСОВЪ. (въ ужасъ) Молчите!

КРУТИЛО. И къ чему такъ горячиться? Судите сами, Яковъ Михайловичъ старъ... если его и отрѣшать отъ мѣста, онъ не много потеряетъ.. Старикъ богатъ; и на своемъ вѣку довольно послужилъ, пора и честь знать. А между тѣмъ, получивъ его мѣсто, вы сдѣлаете такой шагъ, какой не всякому удастся. А вы непременно его погучите; я знаю, у васъ все слажено, вы....

АМОСОВЪ. (съ глухимъ стономъ.) Молчите, говорю я вамъ!

КРУТИЛО. Съ этимъ мѣстомъ вамъ откроется обширная дорога... Вы перегоните многихъ, и, кто знаетъ, можетъ быть со временемъ...

АМОСОВЪ. (быстро вставая) Проклятый!

КРУТИЛО. (въ сторону, улыбаясь) Дуракъ! Чего я испугался? я вижу его насквозь!

АМОСОВЪ. (вдругъ) Эти бумаги... (вынимаетъ изъ кармана бумагу и пересматриваетъ ихъ).

КРУТИЛО. (дѣлая жестъ, какъ будто разрываетъ бумагу). Вотъ отгадъ?.

АМОСОВЪ. Нѣтъ... нѣтъ...

КРУТИЛО. Чтожъ! Можно затопить каминъ: не нужно щепокъ!

АМОСОВЪ. Здѣсь недостаетъ одной и самой важной. (Сматриваетъ пристально на Крутилу)

КРУТИЛО. (въ полголоса, почти ему на ухо). Она осталась... у шурина.. но чрезъ нѣсколько минутъ она будетъ въ вашихъ рукахъ..

Вы знаете условіе.. (въ сторону). Предосторожность не мѣшасты!

АМОСОВЪ. (схвативъ его за руку, задыхающимся голосомъ) Бумагу!

КРУТИЛО. Я уже сказалъ...

АМОСОВЪ. (съ силою) Бумагу! (Пауза) Черезъ полчаса въ кабинетъ.... Ты принесешь ее и... получишь деньги. Ступай!

КРУТИЛО. Ни минуты не замедлю... Но не забудьте...

АМОСОВЪ. (толкая его къ дверямъ). Я ожидаю.

КРУТИЛО. (подходя къ средней двери, въ сторону) Хе, хе, хе, хе! Все кончилось, какъ я предполагалъ. Однакожь, ояъ было напугалъ меня порядкомъ! (уходитъ).

V.

АМОСОВЪ (Одинъ, послѣ минутнаго молчанія).

Да! Отступить назадъ—значитъ идти на перекоръ судьбы!... Я не искалъ несчастія Лилѣва... Все это—дѣло случая. Только третьяго дня узналъ я о существованіи бумагъ... Не былъ ли я вправѣ заранѣе рассчитывать на это мѣсто, выискивать средство получить его?... И теперь, когда я почти достигъ желаемого, когда я сроднился съ этого мыслью, основалъ на ней всѣ мои надежды въ будущемъ—я вдругъ долженъ отъ всего отказаться, потому только, что.... Нѣтъ, нѣтъ, это выше силъ моихъ! (указывая на бумаги). Я сожгу ихъ!.. Никто ничего не узнаетъ... Эта тайна умретъ между мной и Крутилой... И кому придетъ въ голову подозрѣвать?.. Развѣ на лбу моемъ написано, что эти бумаги ... (со стономъ, увлекаясь душевнымъ волненіемъ и закрывая лицо руками). Презрѣнный, низкій, слабый человекъ?.. Амосовъ, на что ты рѣшился?! Опомнись, этотъ старикъ избавилъ тебя отъ голодной смерти....Онъ родной, благодѣтель твой!... (въ сильномъ отчаяніи) А!... Борьба моя не выносима! Три дня и три ночи эта мучительная мысль, какъ Фурія преслѣдуетъ меня... Три ночи безъ сна!.. Напрасно гоню ее отъ себя.... она насильно всасывается въ грудь, жужжитъ въ ушахъ, лижетъ мозгъ!.. Да... да... Еще есть время, я долженъ побѣдить себя... Воздуха мнѣ, воздуха! Скорѣй на улицу... взгляну на домъ, гдѣ живетъ Лилѣвъ... Я, можетъ быть, увижу старика можетъ быть... (ублываетъ).

ГУТМАНЪ И СЫНЪ ЕГО.

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. Во-первыхъ, это вздоръ; во вторыхъ, это вздоръ, и въ третьихъ, это все таки вздоръ... Коротко и ясно!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Но, батюшка...

ОТЕЦЪ. Что прикажите, сыночекъ, любезный?

СЫНЪ. Шутка ли ждать два года... Да это цѣлый вѣкъ!

ОТЕЦЪ. А по твоему, ты да ляхъ—веселымъ пиркомъ, да и за свалебку?... Удивляюсь, какъ ты не вздумалъ еще жениться до поступленія въ университетъ! Ну, да тогда я много не разговаривалъ бы съ тобою?... Знаешь, того... *(съ жестомъ)* по родительски!

СЫНЪ. Но скажите, пожалуйста, что я буду дѣлать такъ долго за границей? Другое дѣло ѣхать туда...

ОТЕЦЪ. *(перебегая)* Съ запиской?. Ну, такъ! *(сердась)* Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, съ ума спятилъ; а?. Вѣдь Лилъевой нѣтъ еще и шестнадцати!.. А ты, небось, ужъ лѣтъ пять бороду брѣшь?.. Подумаешь, какъ не послѣщать!.. Нѣтъ, братъ, шалишь, не позволю.. Раньше двухъ-трехъ лѣтъ и думать не смѣй! А между тѣмъ, въ эти два года побываешь за границей; ты, малый, не дуракъ, хорошо учишься, только что кончилъ курсъ въ университетѣ... ты проведешь тамъ это время не безъ пользы. Для молодого, любознательнаго челоука такая поѣздка славная школа.

СЫНЪ. Я вовсе не отвергаю пользу путешествія. Конечно, если бы я посвятилъ себя по преимуществу какой нибудь наукѣ, не спорю, провести два—три года за границей имѣло бы цѣль: по ѣхать туда единственно за тѣмъ, чтобы познакомиться съ кое-какими достопримѣчательностями Германіи и Франціи, право, на это не нужно такъ много времени. А путевыхъ впечатленій я писать не стану, онѣ и такъ уже всѣмъ надоели.. Согласитесь, что я долженъ буду умереть со скуки, тѣмъ болѣе, что эта разлука...

ОТЕЦЪ. Опять?. Послушай Саша, я вижу, ты хочешь взбѣсить меня... Слышишь ли?... два года! *(кричитъ)* Два года... *(пожимая тонъ)* да еще и съ хвостикомъ!.. Не нравится?. Ну, такъ я помѣщу тебя при моей конторѣ въ Одессѣ, а жениться теперъ не позволю; не позволю также по пустому ахать, да охать въ Петербургѣ.. Выбери любое!

СЫНЪ. *(взявъ его за руку)* Батюшка!

ОТЕЦЪ. *(передразнивая)* Батюшка, батюшка!.. *(смягчался)* Стыдно, братъ, Саша; я право не ожидалъ отъ тебя этаго... Другой, на твоемъ мѣстѣ, прыгалъ бы отъ радости, что отецъ даетъ ему новое средство образоваться, а ты вбилъ себя въ голову...

СЫНЪ. (*быстро*) О! вы ошибаетесь, папаша; я вамъ очень благодаренъ, вполне цѣню вашу доброту и любовь ко мнѣ; но я думалъ...

ОТЕЦЪ. То-то думалъ! Знаю я васъ! Ужъ если приглянулась какаянибудь юбка, такъ вы дѣлаетесь хуже полумумныхъ—вынь-да-положь! Ну, да полно переливать изъ пустаго въ порожнее. Запри-ка на время сердце на замокъ, да возьми за хвостъ благоразуміе и разсуди самъ, что ты еще за шутъ? Вѣдь курамъ на смѣхъ! И такъ, слушай. Два года проведемъ за границей, погостимъ у дяди въ Мюнхенѣ, пожалуй, позаймись у него въ конторѣ..потомъ воротимся, не понравится наша коммерція, начнешь служить, а тамъ съ Богомъ, женишься и на Соничкѣ. Я отъ этаго не прочь. Она дѣвка добрая, отецъ ея также согласенъ, слѣдовательно и дѣло съ концемъ. Ну, (*протливая къ нему руки*) маршъ сюда!

СЫНЪ. (*бросаясь къ нему на шею*) Добрый папаша!

ОТЕЦЪ. (*цѣлуя его въ лобъ*) Горячая головка!...помяни мое слово, Саша, эти два года пройдутъ для тебя, какъ два дня...

СЫНЪ. (*быстро*) Клянусь...

ОТЕЦЪ. Ну, ну...пошла писать! Согласенъ, вѣрю. (*Пауза*) Да гдѣ же Софья Яковлевна?

СЫНЪ. Она, кажется, ищетъ Наталью Павловну.

ОТЕЦЪ. признаться, обѣ хороши! Ушли, а насъ оставили однихъ...что у нихъ за секреты? (*увидѣвъ Наталью Павловну*) А! наконецъ, одна отыскалась!

VII.

ТѢЖЕ И НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Не видали ли вы Сонички? Куда это она скрылась?

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. А мы думали, что она съ вами, и хотѣли было спросить васъ.

НАТАЛЬЯ ПAV. Странно! Она вдругъ выбѣжала изъ сада и...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. (*съ безпокойствомъ*) Ужъ не случилось ли чегонибудь?

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. (*смѣясь*) Развязалась ленточка на башмакѣ? Вѣрно, несчастіе не большое.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ахъ, какіе вы, право, батюшка! Всѣ обращаете въ шутку!

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. Не бось по вашему—ахъ да охъ? И что тутъ особеннаго?

НАТ. ПАВ. Однакожь... шутки въ сторону... Не проговорились ли вы, Иванъ Карловичъ, на счетъ дялюшки?. Мы отъ нея скры-

ваемъ... *(какъ будто вспоминая)* Ахъ, Боже мой! она что — то говорила съ Лизой... *(звонитъ въ колокольчикъ)*

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. И рѣчи не заводилъ... ни слова.

АЛЕКСАНД. ИВАНОВ. А она такъ его любитъ! Бѣдняжка!

VIII.

ТѢЖЕ и ЛИЗА.

—

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(Лизъ)* Не знаешь ли ты, гдѣ Софья Яковлевна?

ЛИЗА. Приходили отъ Якова Михайловича.. онъ только-что пріѣхалъ..

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Такъ она ушла домой?

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. И ни слова не сказала?

ЛИЗА. Человѣкъ сказывалъ, что старый баринъ пріѣхалъ такой скучный, блѣдный, и тотчасъ послалъ за барышней.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Что это значитъ?

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(Лизъ)* хорошо. *(Лиза уходитъ)*. Какая мысль!. Неужели.. *(увидавъ мужа, съ крикомъ)* Ахъ!

ГЪТМАНЪ и СЫНЪ ЕГО *(подбѣгая къ ней)* Что съ вами? *(Наталя Павловна молча указываетъ на Амосова, который въ эту минуту входитъ въ комнату блѣдный, держа въ рукахъ распечатанное письмо).*

IX.

ТѢЖЕ, АМОСОВЪ.

—

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. *(подбѣгая къ Амосову)* Егоръ Петровичъ.. Скажите, ради Бога...

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Жоржъ?..

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. Ну, что?..

АМОСОВЪ. *(Вздвинувъ)* Яковъ Михайловичъ... *(въ замѣшательствѣ)* правъ..

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(съ радостнымъ крикомъ)* О! какое счастье!

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. *(къ ней, съ самодвольнымъ видомъ)* Вотъ видите.

АМОСОВЪ. Да... онъ правъ.. по совѣсти... но по законамъ... Я получилъ сейчасъ письмо... онъ осужденъ.

ВСѢ. *(кромя Амосова)* Осужденъ?!

АМОСОВЪ. Я предвидѣлъ это рѣшеніе... но всё еще надѣялся.. Теперь, всё кончено! Онъ отрѣшенъ отъ мѣста... и оставленъ

въ сильномъ подозрѣннн. *(въ сторону)* Бумаги уничтожены... Возврата нѣтъ!

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. *(горло)* Оставленъ въ подозрѣннн!! Но, чортъ возьми, вѣдь онъ невиненъ!. Ты самъ же говоришь... *(кричитъ)* Понимаешь ли? Онъ невиненъ!

АМОСОВЪ. Но бумаги, которыя...

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. Затеряны?.. Вздоръ! Ихъ украли!

АМОСОВЪ. *(Взронуевъ)* Украли?! О, не можетъ быть!... Вы ошибаетесь... Кто вамъ сказалъ?... Вы слышали?..

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. Я ничего не знаю и знать ничего не хочу, но эта безпечность, пропажа, для меня непонятны!.. И никакихъ средствъ къ оправданію?

АМОСОВЪ. Иванъ Карловичъ...

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. *(въ слезахъ)*. Бѣдный дядюшка!

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Что будетъ съ нею!

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. Не пощадить тридцатилѣтней службы, неукоризненной жизни, сѣдыхъ волосъ несчастнаго старика!

АМОСОВЪ. *(въ усиленнѣ)*. Послушайте!... Одинъ Богъ читаетъ въ сердцахъ людей... но по законамъ... по ходу дѣла... все обвиняло его... Вы обращаетесь ко мнѣ, какъ будто отъ меня зависѣло... О! я сдѣлалъ все, что могъ... хлопоталъ, просилъ... Неужели вы думаете, что я менѣ васъ принимаю участія въ общемъ горѣ нашемъ, что я... менѣ васъ... страдаю?... *(въ сторону, отирая лицо платкомъ)* Слова ихъ, взгляды — острый ножъ!

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. *(взявъ его за руку)*. Извини, братъ, Егоръ, я... потерялъ совсѣмъ голову... Погорячился.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. Вы слышите? Голосъ Софьи Яковлевны... она рыдаетъ!

Х.

ТѢЖЕ, ЛИДѢВА.

ЛИДѢВА. *(въ слезахъ)* Ради Бога... спасите... помогите...

ВСѢ. Что, что такое?

ЛИДѢВА. О! вы вѣрно уже знаете... Мой отецъ... ему сдѣлалось дурно... Поспѣшите..

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Боже мой! Жоржъ... Иванъ Карловичъ..

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. *(схвативъ за руку отца)* Пойдемте!

ЛИЛЪЕВА. (Амосову) Егоръ Петровичъ.. Онъ любитъ васъ, какъ сына... Онъ хочетъ видѣть, говорить съ вами... Ради Бога! утѣшите бѣднаго отца моего... Онъ въ отчаяніи... Онъ... плачетъ... рветъ на себѣ волосы...

ИВАНЪ КАРЛОВИЧЪ. Несчастный!

АМОСОВЪ. (съ шумомъ стономъ) Успокойтесь... прошу васъ... (увидавъ Крутилу, который въ эту минуту осторожно высовываетъ юлову изъ-за дверей.) Идите, идите... я... за вами.

ЛИЛЪЕВА. (бросаясь на руки сестры) Наташа, другъ мой! (всѣ, кромѣ Амосова, идутъ къ дверямъ).

АМОСОВЪ. (въ полголоса, прижимая руки къ груди) Тише, проклятые, тише! Еще нѣсколько минутъ... полчаса усилій!.. (оглядывается, и когда всѣ уходятъ, подбѣгаетъ къ Крутиль, который въ эту минуту входитъ).

XI.

АМОСОВЪ, КРУТИЛО.

АМОСОВЪ. Бумагу!

КРУТИЛО. (вынимая бумагу изъ кармана) Вотъ она, но...

АМОСОВЪ. (брося ему кошелекъ) Возьми! (выхватываетъ изъ руки его бумагу, разрываетъ и прячетъ клочки въ карманъ) Последняя! (Крутиль.) Одно слово. Не забудь, что я знаю настоящаго вора...

КРУТИЛО. (быстро.) Позвольте...

АМОСОВЪ. Я догадался... Теперь ты понимаешь?. Малѣйшая неосторожность можетъ погубить тебя. Ступай! (поспѣшно уходитъ).

КРУТИЛО. (смотря ему вслѣдъ) Догадливъ! (Пауза) Чтожъ!.. Онъ меня не выдастъ... Свой своему по неволѣ другъ!.. А признаюсь, я выкинулъ мастерскую штуку... Что называется, съ одного вола да три шкуры содралъ! По милости Лилъева, меня отставили—я отплатилъ ему тѣмъ же... Пото мѣ, облегчилъ карманъ господина, которому эти бумаги крѣпко не нравились... Ну, а теперь взялъ небольшую толику и съ Амосова!.. А, каковъ премеанничекъ? Хе, хе, хе, хе! Но я предвижу, онъ не остановится на этомъ—не тѣмъ смотреть! Чтожъ? По старому знакомству, я не упушу случая услужить отцу и благодѣтелю, похлопотать, спроворить... на это меня станетъ... а тамъ, смотришь, онъ пойлетъ впередъ, а я тихомъ, да ползкомъ за нимъ, и кто знаетъ, можетъ быть со временемъ... О! какъ чудно все устроено на свѣтѣ! Вѣдь не будь такихъ людей, какъ Амосовъ, такимъ людямъ, какъ я, пришлось бы умирать съ голоду! (поспѣшно уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Богато-убранная зала. Трое дверей въ глубинѣ и боковыя по обѣимъ сторонамъ.

I.

АМОСОВЪ, ЖЕНА ЕГО.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Ну, что мой другъ, это письмо не отъ Сонички?

АМОСОВЪ. Нѣтъ, изъ Москвы... Пишутъ о дѣлахъ, просятъ похлопотать кое о чемъ.

ОНА. А отъ нея опять нѣтъ писемъ! По смерти дялюшки она стала такъ грустна, задумчива, такъ слаба здоровьемъ... я боюсь, чтобы эта неутихшая грусть не имѣла дурныхъ послѣдствій. И такъ далеко отъ насъ! Право, мнѣ кажется, мы поступили очень неосторожно, отпустивъ ее въ Оренбургъ. Ты помнишь, я всячески старалась отклонить тебя отъ этаго намѣренія, но ты все настаивалъ.

ОНЪ. (съ досадою). Ахъ, Наташа, какой ты ребенокъ, право! Настаивалъ? Да вѣдь я оекунъ Сонички; слѣдовательно, кромѣ родства, на мнѣ лежитъ новый священный долгъ заботиться объ ней, какъ о собственной дочери! И я ничего не падалъ... Всевозможныя развлеченія, балы, спектакли—ничто не могло ослабить ея грусти, которая незамѣтно перешла въ болѣзнь... Необходимо было принять болѣе серьезныя мѣры.

ОНА. Но, мой другъ, я не думаю, чтобы степной воздухъ и кумысъ...

ОНЪ. Это былъ совѣтъ докторовъ... Ну, а тетка Сонички являлась такъ кстати... Она сама вызвалась... Пибеть въ окрестностяхъ Оренбурга небольшой хуторокъ... вотъ почему я рѣшился отпустить съ нею Кузину... Впрочемъ, будемъ надѣяться. Тамошній

7024.

климатъ, сельскій воздухъ и кумысъ, приготавливаемый на мѣстѣ, вѣроятно, скоро помогутъ нашей больной...

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. Дай-то Богъ! Мнѣ только какъ-то не нравится наша дальняя родственница.. у ней такія грубыя манеры!.. И признаюсь, я до сихъ поръ не могу понять, откуда вдругъ явилась эта родня?

ОНЪ. Чтожъ мудреваго! едва ли самъ Яковъ Михайловичъ знавалъ ее... она постоянно жила въ Оренбургѣ.. Что-же касается до ея простоты, то этотъ недостатокъ воспитанія выкупается у нея примѣрною добротой... Ты знаешь, какъ она привязана къ кузницѣ.

ОНА. Конечно... это правда...

ОНЪ. Послушай, Наташа. Распорядилась ли ты, какъ слѣдуетъ? Вѣдь у насъ сегодня не простой вечеръ... будутъ танцы... много званных... Графъ Сомовъ будетъ.. князь Ушатинъ, мой начальникъ, которому я такъ много обязанъ...

ОНА. Все готово... *(съ неудовольствіемъ)* Эти обѣды, вечера...

ОНЪ. Необходимы.

ОНА. Не думаю, тѣмъ болѣе, что наше состояніе...

ОНЪ. Опять за прежнее, Наташа! Повторяю—они необходимы, и теперь въ особенности. Правда, эти связи не дешево стоятъ, но отъ нихъ многое зависитъ.

ОНА. А между тѣмъ, ты разоряешься, входишь въ долги.

ОНЪ. Чтожъ! Мы успѣемъ еще поправить наше состояніе.

ОНА. По какимъ образомъ?

ОНЪ. Паставетъ время, когда не я въ другихъ, а во мнѣ будутъ искать...

ОНА. Но чего недостаетъ тебѣ? Чего ты еще хочешь?

ОНЪ. Чего хочу я?... Много, можетъ быть, даже слишкомъ много... Да ты не поймешь меня!

ОНА. Честолюбіе!

ОНЪ. Прошу тебя—похлопочи... Графъ Сомовъ у насъ еще въ первый разъ... *(про себя)* Чего хочу я? Гмъ!

ОНА. *(уходя въ среднюю дверь, въ полумоса)* Это чувство скоро заглушить въ немъ всѣ остальные.

II.

АМОСОВЪ *(въ раздумьи)*.

Да! Годъ шумной, открытой жизни дорого мнѣ стоитъ! И кто знаетъ, скоро ли я заставлю думать по-своему этого упряма, князя Ушатина? Его смѣшныя, рыцарскія понятія о честности, спра-

ведливости, приводятъ меня въ отчаяніе! Но... терпѣніе... буду ждать! (съ досадою) Все ждать! А между тѣмъ, я совершенно раззорился.. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явится молодой Гутманъ... ему обѣщана рука кузины... отъ меня потребуютъ денегъ, отчета въ управленіи имѣніемъ? Я останусь тогда нищимъ, хуже... (съ силою) Возвратить имѣніе, которое я привыкъ уже считать своимъ? Никогда! (Пауза) Начало сдѣлано... Лилѣва въ Оренбургѣ — далеко, безлюдно, и славный надзоръ! Пора, наконецъ, рѣшиться... (съ разстановкою). Мнѣ кажется, я не ошибся въ Нейманѣ? Его кумирь — золото! Но деньги, деньги... гдѣ мнѣ достать ихъ?

III.

АМОСОВЪ, КРУТИЛО.

КРУТИЛО. (входитъ). Уфъ!

АМОСОВЪ. Гдѣ ты пропадалъ? Я посылаю... тебя не могли отыскать...

КРУТИЛО. Съ самаго утра... еще и домой не забѣгалъ. Ногъ подъ собою не слышу... Хлопоталъ по дѣламъ.

АМОСОВЪ. Былъ ли ты у доктора Неймана?

КРУТИЛО. Только-что отъ него. Обѣщалъ непременно захватить завтра утромъ. Онъ на дняхъ отправляется обратно въ Оренбургъ.

АМОСОВЪ. На дняхъ!

КРУТИЛО. Получилъ предписаніе.... немедленно.

АМОСОВЪ. (съ быстрымъ движеніемъ). Послушай, Сава... мнѣ нужны деньги.

КРУТИЛО. Кому они не нужны, Егоръ Петровичъ? Деньги вещь очень хорошая!

АМОСОВЪ. Не въ томъ дѣло. Придумай, что хочешь, обѣгай всѣхъ ростовщиковъ, если нужно, но доставь мнѣ непременно десять, пятнадцать тысячъ рублей.

КРУТИЛО. Пятнадцать тысячъ?! Помилуйте, Егоръ Петровичъ да вѣдь это капиталъ! И опять безъ залога?

АМОСОВЪ. Главное—безъ отговорокъ! Я знаю, если ты захочешь тряхнуть собственнымъ карманомъ, тебѣ не нужно и хлопотать.

КРУТИЛО. Что съ вами, Егоръ Петровичъ!.. какія у меня деньги? Хоть обыщите—гроша мѣднаго теперь не найдете! Вы знаете, недавно жена моя купила деревушку, въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ вашего по-

чтевнаго родителя... Расходъ не малый... Последняя копѣйка ребромъ пошла!

АМОСОВЪ. Къ чорту деревню и расходы! Ты слышала... мнѣ нужны деньги.

КРУТИЛО. *(шоякая табакъ, съ разстановкою).* Слышать-то, слышала, Егоръ Петровичъ... да изволите-ли видѣть...я... также пришелъ къ вамъ за деньгами.

АМОСОВЪ. Ты?

КРУТИЛО. Не подумайте, чтобы я, такъ сказать, собственно для себя... Избави Боже! Вы и сынишку и племянника моего пристроили—много довольны! *(про себя)* Покамѣстъ съ тебя и взять-то нечего! *(вслухъ)* Нѣтъ, Егоръ Петровичъ, я говорю въ разсужденіи того векселя... помните?

АМОСОВЪ. Да вѣдь срокъ еще не вышелъ? цѣлые полгода...

КРУТИЛО. Совершенно справедливо *(про себя)* Охъ!.. того гляди разкритится! *(вслухъ)* Если хотите, оно дѣло понятное.. Срокъ еще не вышелъ, такъ, стало быть, и платить еще не время. Такъ! Въ какую сторону ни поверни—все такъ! Но человекъ, у котораго я для васъ занялъ—страшный иезуитъ... пронохалъ, проклятый... требуетъ теперь же уплаты, не то, говорить, въ судъ подамъ, плохо вамъ будетъ!

АМОСОВЪ. Въ судъ! Хоть убей, ни одного слова не понимаю!

КРУТИЛО. Признаться, я маху далъ, Егоръ Петровичъ.. Но вамъ крѣпко были нужны деньги, а этотъ жидъ, безъ залога, или, по крайней-мѣрѣ, поручительства какого нибудь туза, отцу родному не дастъ въ займы. Что твой, говорить, вексель? Просто дрянъ! Поди, судись, а тамъ смотришь, по десяти копѣекъ на рубль получишь!

АМОСОВЪ. Да ты хочешь взбѣсить меня: говори короче!

КРУТИЛО. Залога не было...Я думала, думала, да и поручился.

АМОСОВЪ. *(нѣсколько минутъ смотритъ на него молча)* Что это за басня? ты поручился? Давно ли ты попалъ въ тузы? И что изъ этого слѣдуетъ?

КРУТИЛО. Охъ, дурно, Егоръ Петровичъ! Я... подписался подъ руку Бузина, знаете, миллионера.

АМОСОВЪ. *(съ испугъ)* Сумасшедшій! что ты сдѣлала? Фальшивая подпись? подлогъ? И на моемъ векселя?

КРУТИЛО. Изъ усердія, Егоръ Петровичъ, повѣрьте, изъ усердія!..Вы требовали, чтобы я достала денегъ, во-что-бы то ни стало.. вотъ какъ теперь—вынь, да положи! Ну, какъ было не услужить благодѣтелю!

АМОСОВЪ. И ты рѣшилась?...Такъ и раздѣлывайся же съ сумомъ, какъ знаешь! я здѣсь въ сторонѣ...ты одинъ будешь отвѣчать въ подлогъ, ты...

КРУТИЛО. *(спокойно)* Кто знаетъ, Егоръ Петровичъ. Въдъ этотъ вексель за вашею подписью... Меня никто подозрѣвать не станетъ— не я занималъ деньги.. Скорѣе подумаютъ, что вы сами..

АМОСОВЪ. *(горячо)* Негодяи! *(про себя)* Онъ правъ!

КРУТИЛО. Клянусь вамъ, единственно изъ усердія. И вотъ благодарность?! За все мои старанія, хлопоты... *(Пауза)*.

АМОСОВЪ. Послушай, Сава.. Это была дьявольская штука! Твое усердіе перешло границы... Но прошлаго не воротить, остается поправить бѣду. Теперь, ты самъ видишь, какъ необходимы деньги, и уже не пятнадцать тысячъ, а почти вдвое.

КРУТИЛО. И еще двѣ тысячи— ростовщику въ придачу... только на этомъ условіи онъ соглашается умолчать о подлогѣ.

АМОСОВЪ. Дѣлать нечего.. я заплачу.

КРУТИЛО. *(про себя)* Эхъ, маху дагъ! Спросить бы вдвое... Въдъ эти денежки въ мой карманъ— за хлопоты!

АМОСОВЪ. Говори же.. Скоро ли ты достанешь?

КРУТИЛО. Рѣшительно не могу... не у кого.

АМОСОВЪ. Какъ не можешь?

КРУТИЛО. *(шюхалъ табакъ, въ сторону)* Въ другой разъ на такую удочку не подлѣнешь, изъ собственнаго кармана— слуга покорный! Онъ мотаегъ, разоряется...

АМОСОВЪ. Да отвѣчай-же! что ты все ворчишь себѣ подъ носъ?

КРУТИЛО. Я уже отвѣчалъ вамъ, Егоръ Петровичъ— не могу-съ. А опять поручиться... сами знаете, не равенъ часъ!

АМОСОВЪ. *(съ сильнымъ волненіемъ)* Но ты губишь меня, несчастный! И теперь именно, когда го твоей милости... А на дняхъ уѣзжаетъ Нейманъ... Я ничего не успѣю, мой планъ пойдетъ къ чорту!.. И этотъ вексель?! Я погибъ! Слышишь ли? я погибъ!

КРУТИЛО *(спокойно)* Есть средство.

АМОСОВЪ. *(быстро)* Какое?

КРУТИЛО. Секретъ простой и вѣрный.

АМОСОВЪ. *(съ нетерпѣніемъ)* Ну?

КРУТИЛО. Попросите у Пвана Карловича.

АМОСОВЪ. У Гутмана?

КРУТИЛО. Старикъ на дняхъ получилъ здѣсь по векселю, во все неожиданно, тридцать тысячъ. Онъ вамъ не откажетъ.

АМОСОВЪ. Въ самомъ дѣлѣ! какъ это мнѣ прежде не пришло въ голову?.. Но рѣшится ли онъ такую сумму....

КРУТИЛО. Помните! Да это такая добрая, честная душа, что его и валуть—то не трудно, не только...

АМОСОВЪ. Сава!

КРУТИЛО. Мой совѣтъ—поторопиться. Вы знаете, онъ скоро уѣзжаетъ въ Одессу.

АМОСОВЪ. (*въ раздумьи*) Да, это единственное средство. Но какъ сказать ему? Какой отыскать предлогъ? Я всячески стараюсь скрыть отъ него мои плохія обстоятельства, тѣмъ болѣе, что впоследствии придется... (*задумывается*).

КРУТИЛО. (*про себя*) Я на него рассчитывалъ, и потому поторопился... (*улыбаясь*) И овцы цѣлы, и волки сыты!

АМОСОВЪ. Прекрасно! я скажу ему... Чу! (*прислушивается*) Кажется, его голосъ... (*Крутиль*) Ступай... завтра утромъ.

КРУТИЛО. Да не лучше ли подождать теперь? (*Справа открывается дверь, показался Гутманъ; Амосовъ молча отводитъ отъ себя рукой Крутилу, который поспышно уходитъ на-лѣво*).

IV.

АМОСОВЪ, ГУТМАНЪ, потомъ КРУТИЛО (*за дверью, слѣва*).

АМОСОВЪ. (*встрѣчая Гутмана въ дверяхъ*) А! Иванъ Карловичъ... Спасибо вамъ, что не забыли вторника.

ГУТМАНЪ. Ошибся, братъ. Я собрался къ тебѣ не на вечеръ. Ты видишь... одѣтъ по дорожному. Пришелъ проститься.

АМОСОВЪ. Какъ! Неужели вы сегодня уѣзжаете?

ГУТМАНЪ. Непремѣнно. Я уже послалъ за лошадьми. Какъ приведутъ—въ кибитку, да и маршъ въ дорогу.

АМОСОВЪ. (*въ сторону*) Сегодня?! Нѣтъ, онъ не уѣдетъ безъ того, чтобы... (*вслухъ*) Такъ неожиданно! Я думалъ, что вы будете въ Петербургѣ, по крайней-мѣрѣ, еще съ нѣлюю.

ГУТМАНЪ. Куда! Пора въ Одессу. Скоро долженъ прибыть изъ Смирны мой грузъ; надобно самому распорядиться.. А этотъ грузъ—огромная афера! Въ послѣдній мой прїѣздъ сюда, я, нажеться, говорилъ тебѣ?..

АМОСОВЪ. Да, да, я помню. (*Пауза*) А я слышалъ, Иванъ Карловичъ, что вамъ удалось получить здѣсь вовсе неожиданно деньги?

ГУТМАНЪ. Ты слышалъ? Представь себѣ, я было и надежду совсѣмъ потерялъ. Эти тридцать тысячъ, что называется, съ неба свалились... Конечно, я не слишкомъ въ нихъ нуждался, да лишніи деньги, братецъ, никогда не мѣшаютъ, а въ коммерціи въ особенности...

АМОСОВЪ. О, ваша правда! вотъ, на-примѣръ, чего бы я не далъ, чтобы имѣть теперь лишнія деньги.

ГУТМАНЪ. А что у тебя за проэктъ?

АМОСОВЪ. Если хотите, это также своего рода афера.

ГУТМАНЪ. Ужъ не коммерческая ли?

АМОСОВЪ. *(улыбался)* Почти. Это — спекуляція на тѣ выгоды, которыя могутъ доставить мнѣ особенное расположеніе, вниманіе...

ГУТМАНЪ. Что-же это такое? Не понимаю.

АМОСОВЪ. Князь Ушатиѣ намѣренъ прикупить земли къ своему имѣнію, и нуждается въ деньгахъ... Онъ обратился ко мнѣ... Вы понимаете, что просьба его поставила меня въ затруднительное положеніе.

КРУТИЛО. *(осторожно высовывая голову изъ дверей, слева)* Не утерпѣлъ! *(прислушивается)*.

ГУТМАНЪ. Понимаю! Не имѣя лишнихъ денегъ, ты принужденъ былъ отказать ему?...

АМОСОВЪ. Отказать было неловко. Я далъ слово непременно достать для него... тридцать тысячь рублей... Онъ обѣщаетъ уплатить... черезъ годъ.

ГУТМАНЪ. Но если у тебя нѣтъ въ наличности этой суммы, гдѣ же ты ее достанешь? Далъ слово? Ты поступилъ очень неблаго-разумно! Князь Ушатиѣ всѣмъ извѣстенъ, какъ человекъ прямой и благородный, онъ, конечно, не разсердился бы за отказъ твой.

АМОСОВЪ. Всѣ это правда... Но теперь я долженъ сдержать обѣщаніе... Я хотѣлъ было попросить васъ, мой добрый Иванъ Карловичъ.

КРУТИЛО. *(въ сторону)* Ага! вотъ оно!

ГУТМАНЪ. Меня? Гмъ! Правда, у меня есть теперь лишнія деньги, да...

АМОСОВЪ. Вы окажете мнѣ величайшую услугу... Я беру этотъ долгъ на себя, выдамъ вексель.

ГУТМАНЪ. Ну, пожалуй, векселя-то и не нужно! Я вѣдь буду имѣть дѣло съ тобою, а не съ постороннимъ человекомъ... тебѣ я и на слово повѣрю... Да и гдѣ мнѣ теперь возиться съ векселемъ? Развѣ росписку... я человекъ коммерческій, не мѣшаетъ для памяти.

АМОСОВЪ. Такъ вы согласны?

ГУТМАНЪ. Изволь, братецъ, изволь! Ты далъ слово... что съ тобой будешь дѣлать! *(вынимаетъ бумажникъ, а изъ него депъ пачки ассигнацій)*.

КРУТИЛО. *(въ сторону)* Не я ли говорилъ? Предобрая душа!

ГУТМАНЪ. Теперь у меня самого останется не больше, какъ на дорогу (*улыбаясь*) Ну, да въ Одессѣ мой ковчегъ! (*подаетъ деньги Амосову*) Вотъ тутъ двадцать, да тутъ десять— равно тридцать. На, успокой Ушатина!

КРУТИЛО. (*въ сторону*) Ошибся—Саву Савича!

АМОСОВЪ. Какъ я вамъ благодаренъ! (*въ сторону*) Отдыхаю!

КРУТИЛО. Полно! Могу, такъ отчего-жъ не услужить!

АМОСОВЪ. Я на минуту васъ оставлю.. Пойду написать рописку.

ГУТМАНЪ. (*смѣясь*) Которую я и читать не стану, а запечатаю въ конвертъ и, вѣроятно, не распечатывая возвращу тебѣ обратно. Видишь ли, какъ я увѣренъ въ аккуратности твоей и князя.

КРУТИЛО. (*въ сторону*) Мысль богатая! (*скрывается*).

АМОСОВЪ. Еще разъ благодарю! (*уходя на-льво, про себя*) А между тѣмъ... Опять новое обязательство....

V.

ГУТМАНЪ, потомъ СЛУГА.

ГУТМАНЪ. (*потирая руки*) Ну, спасибо моему должнику; его деньги дали мнѣ возможность оказать услугу добрымъ людямъ. А этотъ съ своимъ векселемъ? Да я и не по столько давалъ, бывало, старику Лилѣву, а все таки векселей не бралъ. Э—эхъ! плохо бы было, когда-бъ и такимъ короткимъ людямъ нельзя было вѣрить безъ векселей и поруки! По моему, честное слово—лучшая порука въ мірѣ! (*Пауза*) Однакожъ, я думаю, привели уже лошадокъ... Можно по маленьку и укладываться.. Съ Натальей Павловной я простился, остается обнять Егора, да и съ Богомъ! (*Входитъ слуга*).

СЛУГА. (*подавая ему письмо*) Къ вамъ письмо, Иванъ Карловичъ. Почталіонъ принесъ.

ГУТМАНЪ. *взявъ письмо (и смотря на конвертъ)* Одесса?. Наконецъ-то! (*Слугъ*) Спасибо, братецъ, спасибо! (*Распечатываетъ письмо. Слуга уходитъ*).

VI.

ГУТМАНЪ, АМОСОВЪ.

АМОСОВЪ. (*въ смущеніи, подавая Гутману конвертъ*) Вотъ рописка... Я предупредилъ ваше желаніе.. положилъ въ конвертъ и

ГУТМАНЪ. (улыбаясь) Ну, и ладно! (постыпно кладетъ конвертъ въ карманъ) А я сейчасъ получилъ вѣсточку изъ Одессы. Давно не писали... Смерть хочется прочесть... Извини, пожалуйста! (принимается читать письмо).

АМОСОВЪ. (подходя къ авансцену, въ полумоса) Этотъ бѣсъ Крутило не далъ мнѣ опомниться, какъ конвертъ былъ уже запечатанъ и... (Пауза) Не замѣтилъ ли Гутманъ моего невольнаго смущенія?

ГУТМАНЪ. (наблюдивъ, перестаетъ читать) Боже!

АМОСОВЪ. (оборачиваясь) Что съ вами?

ГУТМАНЪ. (въ разстройствѣ) Постой, постой!.. (продолжаетъ читать.)

АМОСОВЪ. (про себя) Конечно... Сава правъ... Онъ сегодня же уѣзжаетъ, а тамъ... кто знаетъ, что можетъ случиться!

ГУТМАНЪ. (въ отчаяннѣй) Все?! Банкроты!

АМОСОВЪ. (подбывая къ нему.) Какъ! Это письмо?..

ГУТМАНЪ. Да! корабль, на которомъ шелъ грузъ мой... потонулъ!

АМОСОВЪ. Потонулъ?!

ГУТМАНЪ. Кредиторы тотчасъ бросились въ контору, требуя уплаты. Чтобы удовлетворить ихъ, повѣренный мой рѣшился обратиться все въ наличныя деньги, но прикащикъ, съ которымъ производилась эта сдѣлка, похитилъ весь капиталъ и сбрылся за границу! (закрываетъ лицо руками.)

АМОСОВЪ. Какой ужасный переворотъ! Все потерять... однимъ ударомъ—все!

ГУТМАНЪ. Къ кому обратиться? Меня здѣсь почти никто не знаетъ... А! Свиридовъ.. Скорѣй къ нему.. Можетъ быть, его кредитъ... (бѣжитъ къ дверямъ и вдругъ останавливается.) Я потерялъ совсѣмъ память... Свиридовъ еще вчера уѣхалъ въ Нерчинскъ! (въ отчаяннѣй) Никакой надежды!

АМОСОВЪ. Прошу васъ, успокойтесь... Неужели у васъ ничего не осталось?

ГУТМАНЪ. (со стономъ) Ничего, почти ничего! О, ты не знаешь всѣхъ обстоятельствъ... Между моими кредиторами есть два человека, у которыхъ нѣтъ ни искры жалости... Это мои враги по коммерціи, и, по несчастію, въ рукахъ ихъ большая часть моихъ векселей. Они воспользуются этимъ случаемъ.. Я непременно долженъ заплатить имъ весь долгъ сполна, иначе они подадутъ векселя ко взысканію; за ними другіе, и тогда... Банкротство неизбежно — я погибъ! Я не долженъ терять ни минуты, долженъ спѣшить въ Одессу, а что ожидаетъ меня тамъ?... Тюрьма! позоръ.

АМОСОВЪ. (*про себя*) Что, если онъ потребуешь?... И, Боже мой, вѣдь я ничемъ не обязался!.. И что мнѣ теперь искать въ немъ?.. Онъ—нищій!

ГУТМАНЪ. (*который въ это время снова принялся за письмо.*) Что это? Я не прочелъ приписки.. (*быстро перевортыиваетъ страницу письма и читаетъ вслухъ*) они только что вышли отъ меня... согласились, наконецъ, переписать векселя на годъ, съ условіемъ, уплатить имъ теперь же треть капитала съ процентами, что составитъ 30-ть рублей. Ради Бога, постарайтесь занять эту сумму въ Петербургѣ а въ Одессѣ вамъ ожидать нечего. Срокъ назначенъ перваго числа будущаго мѣсяца. Спѣшите!! (*перестаетъ читать*) Боже! Благодарю тебя!

АМОСОВЪ. (*с одрогнувшись*) Тридцать тысячъ!

ГУТМАНЪ. Эти камни наконецъ тронулись... До перваго числа остается еще десять дней—я поспѣю во время... По счастью, я получилъ здѣсь тридцать тысячъ; они спасутъ меня! Въ годъ я успѣю какъ нибудь подняться... Напишу брату въ Мюнхенъ... можетъ быть... (*Амосову*) Ты слышалъ! Еще не все потеряно!

АМОСОВЪ. (*въ замѣшательствѣ*) Вы не повѣрите, какъ я радъ... Поспѣшите отъѣздомъ... Въ Одессѣ вы будете имѣть больше средствъ, успѣете уговорить...

ГУТМАНЪ О! безъ денегъ мнѣ и показаться нельзя. Ты слышалъ, что писалъ повѣренный? Но, по счастью, эти тридцать тысячъ... Я тотчасъ ѣду. Прощай, прощай! (*хочетъ обнять его и вдругъ останавливается*) Ахъ, Боже мой, что со мной дѣлается! Вѣдь деньги твои у тебя.. Ты взялъ ихъ для Ушатина... Давай—ка поскорѣй.. Чтожъ дѣлать? Извинись передъ нимъ; тутъ дѣло поважнѣй какой нибудь покупки. Ты видишь—неожиданное несчастье!

АМОСОВЪ. Да, да; вы совершенно правы и... это такой неожиданной случай!

ГУТМАНЪ Что же, братецъ?.. Сдѣлай милость, принеси ихъ поскорѣй. Для меня дорога теперь каждая минута.

АМОСОВЪ. (*въ сторону*) Я долженъ поступить рѣшительно. (*вслухъ*) Да я не понимаю, что вы спрашиваете?

ГУТМАНЪ. Какъ что? Деньги!

АМОСОВЪ. Какія деньги?

ГУТМАНЪ. Но эти тридцать тысячъ, которыя ты только-что взялъ у меня, для князя Ушатина?

АМОСОВЪ. (*съ усиліемъ*) Вы ошибаетесь... Я не бралъ у васъ никакихъ денегъ! (*отходя въ сторону*) Сказалъ!

ГУТМАНЪ. (*сильно пораженный, нѣсколько минутъ неподвижно смотритъ на Амосова*) Не бралъ?

АМОСОВЪ. Я удивляюсь вашему вопросу!..

ГУТМАНЪ. (сѣ крикомъ) Не брааь?! (Пауза) Послушай, Егоръ Петровичъ... какъ можно шутить такими вещами и въ такую минуту?.. Ради Бога, прошу тебя..

АМОСОВЪ. Я вовсе не шучу... Припомните хорошенько, не отдали ли вы ихъ кому нибудь другому? Что же касается до меня, я ничего у васъ не брааь... ничего вамъ не долженъ!

ГУТМАНЪ. Такъ это не шутка?! Этотъ тонъ, слова... (сѣ силоу). Какъ! И ты рѣшился?.. ты?!

АМОСОВЪ. Успокойтесь... поспѣшите домой... можетъ быть, вы вспомните потомъ... Извините, съѣзжаются гости.. я долженъ.. (хочетъ идти)

ГУТМАНЪ (схвативъ его за руку) Пстой!

АМОСОВЪ. Позвольте...

ГУТМАНЪ (притянувъ его къ себѣ и смотря ему въ глаза, задышающимся голосомъ) Безчестный человекъ! (сѣ силоу) Подлецъ!

АМОСОВЪ. (горячо) Иванъ Карловичъ!

ГУТМАНЪ. Но развѣ ты забылъ, что у меня твоя росписка? А!.. у тебя гости?.. у тебя будутъ князья и графы?.. Хорошо, я покажу имъ эту бумагу (вынимаетъ изъ кармана конвертъ). На ней не высохли еще чернила... Эти люди принудятъ тебя возвратить мнѣ деньги. Они узнаютъ всѣ обстоятельства, они... (срываетъ печать, вынимаетъ изъ конверта бумагу и развертываетъ ее предъ глазами Амосова) Ты не брааь? Читай!

АМОСОВЪ. Еще разъ повторяю, вы ошибаетесь.. принимаете меня за другога... Это несчастное извѣстiе разстроило вашу память.

ГУТМАНЪ. (возвышая голосъ) Читай!

АМОСОВЪ. Потрудитесь это сдѣлать сами.. Я, право, ничего здѣсь не вижу.

ГУТМАНЪ. (поспѣшно поднося бумагу къ глазамъ) Что это?.. Я, кажется, ослѣпъ! (протирая глаза) Листъ чистой бумаги?.. ни строчки! (перевортывая страницу, сѣ крикомъ) Ничего?!.. (Пауза. Въ ужасъ, подбѣгая къ Амосову) Амосовъ!!

АМОСОВЪ. Видите-ли, я говорилъ правду... Вы ошиблись.

ГУТМАНЪ. (внѣ себя) Воръ!

АМОСОВЪ. (сѣ быстрымъ движенiемъ) Г. Гутманъ! вы забыли, конечно, что вы въ моемъ домѣ, и что я могу...

ГУТМАНЪ. Меня выгнать! Меня!.. (схватывая себя за голову) Голова моя, голова!.. И этотъ человекъ?.. (сѣ истерическимъ смѣхомъ) Ха, ха, ха, ха!

АМОСОВЪ. (сѣ безпокойствомъ оидываясь на среднюю дверь, беретъ его за руку) Послушайте!..

ГУТМАНЪ. (въ сильномъ отчаянiи) О! пусти, пусти меня! Я знаю, что мнѣ теперь остается! (убываетъ на право).

VII.

АМОСОВЪ, ПОТОМЪ СЛУГА.

АМОСОВЪ. *(быстро подойдя къ авансценѣ)* Мнѣ.... стыдно! *(Пауза; вдругъ)* Такъ, или иначе—все равно! Я не могъ возвратитъ ему денегъ... Половина ростовщику, а другая половина Нейману. Нѣтъ, нѣтъ, я не отдамъ этихъ денегъ! Выдумка Крутилы помогла мнѣ выдержать испытаніе. Впрочемъ, я увѣренъ, что у старика есть еще кое-что въ запасъ... онъ притворяется *(входитъ слуга)*

СЛУГА. Князь Ушатинъ!

АМОСОВЪ. Князь?.. И жена его?

СЛУГА. Въ гостиной. Барыня приказала просить васъ... Начали съѣзжаться...

АМОСОВЪ. Послушай... *(говоритъ ему на ухо, указывая на право)* Понимаешь?

СЛУГА. Слушаю-съ. *(Амосовъ уходитъ)* Никакъ они пооссорились; когда я подходилъ сюла, они что-то крупно говорили... Великъ не пускать, когда придетъ... Ну, такъ и есть, что пооссорились! *(уходитъ направо).*

VIII.

1-й и 2-й ГОСТИ *входятъ изъ среднихъ дверей.*

1-й. **ГОСТЬ.** Это общее мнѣніе.

2-й. **ГОСТЬ.** Признаюсь, когда всѣ кричатъ въ одинъ голосъ—трудно разобрать, кто что говоритъ!

1-й. Но согласитесь, что благородство и безкорыстіе Егора Петровича слишкомъ хорошо извѣстны. Развѣ вы забыли, что онъ сдѣлалъ для этаго несчастнаго чиновника... Крутилина, кажется... который, по ложному подозрѣнію, былъ лишень мѣста? Онъ узналъ объ этой несправедливости, и явился истиннымъ его благодѣте-

лемъ и всего его семейства. Объ этомъ великодушномъ, безкорыстномъ поступкѣ долго говорили въ городѣ.

2-й. Только слишкомъ много жалѣли этого... несчастнаго чиновника! *(въ сторону)* Я коротко знаю этого сѣкола!

1-й. Вы, кажется, предубѣждены противъ Амосова?

2-й. Избави Боже! Я готовъ повторить со всеѣмъ, что Егоръ Петровичъ самый благородный, великодушный человекъ, но, извините, маленько опрометчивъ.

1-й. Я васъ не понимаю.

2-й. Онъ слишкомъ много на себя надѣется. Растолкуйте мнѣ, какъ можно что нибудь нажать—проживаясь?

1-й. Вы говорите объ его открытой жизни?.. Онъ поставленъ почти въ необходимость... обширное знакомство... Впрочемъ, при своихъ способностяхъ, а главное, при благопріятномъ случаѣ, онъ можетъ многого достигнуть. А вмѣстѣ съ возвышеніемъ, онъ приобрѣтетъ новые несравненно большіе способы къ жизни—это въ порядкѣ вещей. Дай только Богъ, чтобы его средства не были насильственными!

2-й. Именно. Всего грудью не возьмешь! Вотъ и покойный отецъ мой... пренебрегалъ мелкими средствами, все надѣялся на свои способности, и кончилъ тѣмъ, что ничего не важилъ!

1-й *(улыбался)* Я замѣчаю, что слово—*нажить*, ваше любимое слово! *(въ сторону)* Сынокъ не по батюшкѣ пошелъ!

2-й. Да какъ же иначе? Изъ чего же мы и бьемся, служимъ, трудимся?..

1-й. Не спорю, у всякаго свой образъ мыслей.

2-й. Ужъ если пошло на откровенность, то я вамъ доложу, все это гордость проклятая! Сами разсудите, кто поступаетъ благо-разумнѣе? Тотъ ли, кто хотя и плетется, но поминутно оглядывается во всѣ стороны, чтобы не сбиться съ дороги, дойдетъ до лужи—обойдетъ.... не лъзя? —немножко замочить ноги и оботреть ихъ...

1-й. *(въ сторону)* О ближнаго!

2-й. *(продолжая)*... да все по прежнему впередъ осторожнымъ шагомъ; или тотъ, кто на всемъ скаку бросается чрезъ пропасть? Хорошо, если перескочить... а какъ нѣтъ? Хе, хе, хе, хе! Тише ѣдешь, дальше будешь!

1-й. Вы говорите, какъ человекъ совершенно опытный... въ этомъ дѣлѣ... *(про себя)* унижаться не краснѣя!

2-й. И! къ чему нельзя привыкнуть, живя въ свѣтѣ!

1-й. Но ваше сравненіе нисколько нейдетъ къ Егору Петровичу!

2-й. Можетъ быть... *(про себя)* Любезный другъ, я дальше тебя вижу!

1-й. Вообще, я плохо понимаю эту тактику; я все служилъ въ военной. Мелкія средства мнѣ вовсе неизвѣстны, а съ боя пришлось брать однѣ лишь батареи!

2-й. *(улыбался)* Видно по всему, что человекъ военный! *(Пауза)* Однако-жъ.. Я съ вами здѣсь заговорился, а меня навѣрно ждетъ Пустельгина.

1-й. Жена вашего начальника?

2-й. Да. Я всегда въ ея партіи... *(въ сторону)* Поневоля! *(въ слухъ)* По пятачку въ преферансъ—я въ большую не играю. *(уходя, про-себя)* Охъ! Опять придется проиграть! Охотница списывать и приписывать лишнее.. Да что же дѣлать? *(уходитъ.)*

1-й. *(смотря ему вслѣдъ, презрительно)* Подъячій!. И осмѣливается сравнивать себя съ Амосовымъ, благороднѣйшимъ изъ людей! *(за сценой музыка.)*

IX.

КНЯГИНЯ УШАТИНА, НАТАЛЯ ПАВЛОВНА, КНЯЗЬ АМОСОВЪ.
(Всѣ входятъ изъ боковыхъ дверей) и 1-й ГОСТЬ.

КНЯЗЬ. Да это заговоръ, ужасный заговоръ!

НАТАЛЯ ПАВЛОВНА. А, господа, вы не ожидали такого предложенія отъ ненавистницъ танцевъ?.. Сами виноваты, зачѣмъ вы насъ отдали на жертву г. Пивогину! *(сметая).*

АМОСОВЪ. *(тихо ей)* Какъ можно!.. Племянникъ министра... *(кивнвъ)* Я увѣренъ, что эта мысль принадлежитъ вамъ, княгиня?

КНЯГИНЯ. Да я и не запираюсь. *(смыслъ)* Что же вы стоите, Егоръ Петровичъ? Вѣдь я уже васъ ангажировала! *(Амосовъ, кланяясь, переходитъ на ея сторону.)*

КНЯЗЬ. Помилуйте, mesdames. Взгляните... ну, что я за танцоръ? Да я и ступить не умѣю! *(увидавъ 1-го гостя)* А! вотъ мой спаситель! Вы слышали? Меня ангажируютъ.. ради Бога, заступитесь!..

1-й гость. (*улыбаясь*) Что дѣлать, князь... Надобно повиноваться.

АМОСОВЪ. Прибавьте дамамъ!

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. (*Князю*) Вы видите... вамъ нѣтъ пощады.. Скорѣе вашу руку...

КНЯГИНЯ. Да это превесело! Я въ восхищеніи!.. Пойдемте!

КНЯЗЬ. О если такъ... (*взявъ за руку 1-ю гостя*) Вы непремѣнно должны участвовать въ нашей кадрили (*смыясь*) Предатель!

1-й гость. Я?!

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. } Ха, ха, ха!.. Попались!. пойдете,
КНЯГИНЯ. } пойдете!.

ГОЛОСЪ СЛУГИ. (*за сценой, справа*) Позвольте, сударь!

ГОЛОСЪ ГУТМАНА. (*тамъ-же*) Пусти меня, пусти!

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА (*мужу*) Что это тамъ за шумъ?

АМОСОВЪ (*вздвинувъ, въ сторону*) Голосъ Гутмана?! (*вслухъ*) Князь.. mesdames... прошу! Я тотчасъ явлюсь.. (*Князь съ женою, Наталья Павловна и 1-й Гость уходятъ, смыясь. Амосовъ притворяетъ за ними дверь и подбываетъ на льво*) У меня нѣтъ больше силъ... нѣтъ духу!

X.

АМОСОВЪ, ГУТМАНЪ.

ГУТМАНЪ. (*въ дверяхъ, справа, отталкивая слугу.*) Прочь! (*входитъ*) А!... Егоръ Петровичъ... вы сдержали слово... вашъ слуга..

АМОСОВЪ. Скажите, пожалуйста, что вы отъ меня хотите?

ГУТМАНЪ. Чего хочу я? (*увлекаясь*) Нѣтъ! я не могу повѣрить... подумать страшно!.. Миѣ кажется, что я видѣлъ, слышалъ все во свѣтъ... Ради Бога, разувѣрь меня, отвѣчай... эти деньги?

АМОСОВЪ. Послушайте...

ГУТМАНЪ (*возвышая голосъ*) Одно слово, послѣднее слово— деньги!

АМОСОВЪ. (*съ усиленіемъ*) Но... я уже сказалъ вамъ..

ГУТМАНЪ. (*дрожащимъ голосомъ*) Егоръ... я все забуду, все прошу... никто не узнаетъ... я... (*бросается къ ногамъ его*) Ты видишь, я на все рѣшился... (*сквозь слезы*) Смотри... я обнимаю твои колѣна, въ отчаяніи, въ слезахъ... О! сжался.. пощади честь мою, мои сѣдые волосы... отдай миѣ мои деньги! (*рыдаетъ*).

АМОСОВЪ (*съ быстрымъ движеніемъ, поднимая Гутмана*) Иванъ Карловичъ... (*про себя*) Нейманъ! Нейманъ!.. Я буду твердить это имя!

ГУТМАНЪ. Да, да... меня бросать въ тюрьму... я сойду съ ума... Слышишь ли? я не переживу моего безчестія.. И мой сынъ, мой Саша... О! я рѣшусь тогда на все... Онъ не увидитъ меня болѣе (*съ силою*) мой сынъ! Амосовъ! человѣкъ ли ты?

АМОСОВЪ (*едва владея собой*) Я... не могу... Клянусь вамъ.., у меня нѣтъ денегъ... у меня ихъ нѣтъ! (*про себя*) Нейманъ! Имъ-ніе! Отчежь... Я устою!

ГУТМАНЪ. Нѣтъ денегъ? ты отдалъ ихъ Князю?. Ты рѣшился на безчестный поступокъ, чтобъ угодить ему... (*съ силою*) Низкопоклонникъ! рабъ!.. (*вдругъ*) А!.. Ушатины здѣсь... Я пойду къ нему... Онъ все узнаетъ... онъ возвратитъ мнѣ деньги!. (*хочетъ идти*).

АМОСОВЪ. (*бросаясь къ нему*) Остановитесь!. Что вы хотите дѣлать?

ГУТМАНЪ. Оставь меня!. Между нами все кончено. Пусть рѣшить теперь Ушатины! (*бросается къ среднимъ дверямъ*)

АМОСОВЪ (*схвативъ его за руку, тащитъ нальво*) На минуту... Умоляю васъ... сюда идуть...

ГУТМАНЪ. Идуть?—тѣмъ лучше! Я объявлю предъ всѣми, что ты...

АМОСОВЪ (*внѣ себя*) Уйдите, уйдите!

ГУТМАНЪ. (*вырываясь*) Пусти меня! Они узнаютъ, наконецъ... (*среднія двери отворяются*)

АМОСОВЪ. (*въ бѣшенствѣ*) А!... (*бросается къ среднимъ дверямъ*). Помогите!.. Доктора, ради Бога, доктора! (*музыка за сценой прерывается*).

XI.

ТѢЖЕ, КНЯЗЬ, ЖЕНА ЕГО, НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА, 1-й и 2-й ГОСТИ
и нѣсколько другихъ лицъ обоего пола.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ. Что здѣсь случилось?

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА. (*увидавъ Гутмана*) Иванъ Карловичъ?

ГУТМАНЪ. (*задыхаясь*) Наталья Павловна... вашъ мужъ... (*не можетъ продолжать отъ сильнаго волненія*).

АМОСОВЪ. (*быстро*) Вообразите.. какой неожиданный ударъ! Онъ получилъ извѣстіе, что корабль, на которомъ шелъ грузъ его, потонулъ, а прикащикъ похитилъ изъ конторы остальную капиталъ!

НАТ. ПАВ. Боже!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ. Возможно ли?

ГУТМАНЪ. (Князю Ушатину.) А... князь... вы—князь Ушатинъ? я Гутманъ, негодянтъ. Послушайте... Вамъ нужны были деньги... Я далъ ихъ для васъ вотъ этому человѣку... (указываетъ на Амосова.)

АМОСОВЪ, (князю въ полголоса.) Вы видите... ужасная вѣсть совершенно разстроила его мысли!.. (Общій шепотъ.)

ГУТМАНЪ, (обращаясь къ гостямъ, въ отчаяннн.) Да! я все потерялъ! все!.. (Ушатину.) Князь... эти тридцать тысячъ, которые вы сейчасъ получили, послѣднее мое достоянн... они мнѣ необходимы, теперь же, сію же минуту; иначе я банкротъ!.. О! я знаю, вы благородный, честный человѣкъ... вы...

КНЯЗЬ, (Амосову, который пожимаетъ плечами.) Что онъ говоритъ?.. (Гутману.) Я васъ не понимаю...

ГУТМАНЪ. Какъ! И вы также?.. Князь... ради Бога... возвратите мнѣ эти деньги... отъ нихъ зависитъ моя будущность, честь, жизнь моя... (въ сильномъ отчаянн.) Не понимаете?! Деньги, деньги!.. Отдайте мнѣ деньги!..

КНЯГИНЯ. (Нат. Павловнѣ.) Онъ занятъ одною мыслью...

1-й ГОСТЬ. Совершенно потерялъ разсудокъ!

КНЯЗЬ. Успокойтесь... Я не просилъ, не бралъ никакихъ денегъ... Вспомните хорошенько .. можетъ быть...

ГУТМАНЪ. Не брали?! (Пауза.) А!.. Они хотятъ свести меня съ ума!.. (Амосову.) И ты не бралъ?.. И эта бумага... сонъ?! (съ крикомъ.) Никто не бралъ?! Я обокраденъ!.. Но кто же, кто?!..

НАТ. ПАВ. (подбывая къ Гутману.) Ради Бога. . соберите ваши мысли... Пванъ Карловичъ!..

ГУТМАНЪ, (отталкивая ее.) Всѣ за одно!.. И князь Ушатинъ?!. Всѣ!.. (дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ.) Такъ слушайте-же, какъ я васъ обругаю... (съ силою) вы... (съ дикимъ хохотомъ.) честные, благородные люди!..

КНЯЗЬ, (Амосову.) Этотъ неожиданный ударъ...

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ. Банкротъ!

ГУТМАНЪ, (отшатнувшись.) Банкротъ?! Позоръ! О, лучше смерть!.. (выхватываетъ изъ кармана пистолетъ.)

ВСѢ, (въ испугъ.) Ахъ!

АМОСОВЪ. Боже!.. (съ быстрымъ движеннемъ, къ Гутману) Что вы дѣлаете?.. Но, можетъ быть, эти деньги... (въ отчаянн.) Господа! Остановите, удержите его!.. (бросается къ Гутману и съ нимъ нѣкоторые изъ мужчинъ.)

ГУТМАНЪ. Нѣтъ, я не услышу болѣе этаго проклятья!.. Банкротъ?! Прочь отъ меня!.. Я все предвидѣлъ... (блжнн къ депрамъ на лѣво.) Прощай, мой Сама, прощай! (выблнн въ комнату. Слышнн выстрѣлъ. Общій крикъ.)

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ГОСТЕЙ, (заглядывая въ двери.) Застрѣлся! (Наталья Павловна падаетъ безъ чувствъ на руки Кляини.)

АМОСОВЪ, (вздраивая.) Застрѣлся?! (подбывая къ аванс-сценѣ, шепотомъ.) О! я не думалъ, я никогда не думалъ!.. (Справа вбѣгаютъ слуги.)

КНЯЗЬ. Ужасно! (подходя къ Амосову.) Егоръ Петровичъ...

АМОСОВЪ, (изнемогая.) Уведите меня скорѣй отсюда... онъ былъ стариннымъ другомъ нашего дома... вы видѣли, не было средствъ убѣдить, остановить его... такъ неожиданно! (Одному изъ слугъ, указывая на льво.) Запри эту дверь... тамъ... (второму слугѣ.) Скорѣе... музыка!.. (беретъ Князя за руку.) Князь...

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ГОСТЕЙ. (обращая взоры на право.) Что тамъ за шумъ? (Справа вдругъ отворились двери, вбѣгаетъ Александръ Ив. Гутманъ, въ дорожномъ платки; весь въ пыли.)

(За сценой музыка до конца дѣйствія).

ХІІ.

ТЪ-ЖЕ И АЛ. ИВ. ГУТМАНЪ.

АЛЕК. ИВАН. Гдѣ онъ? гдѣ мой отецъ?.. Я нашелъ записку... Онъ навсегда прощается со мной... Навсегда!! Мнѣ сказали... не прошло и получаса... онъ побѣжалъ сюда... О, ради Бога, отвѣчайте, гдѣ мой отецъ?

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ. Его сынъ?!

АМОСОВЪ. (про себѣ.) Судьба!

НАТ. ПАВ. (приходя въ чувство.) Александръ Ива...но...вичъ.

АЛЕК. ИВАН. Я привезъ значительную сумму... Онъ спасенъ! Мой дядя... я только что пріѣхалъ... Да отвѣчайте же, гдѣ мой отецъ? Никто ни слова!.. Наталья Павловна... какія лица!.. Что смотрите вы на эту дверь?.. (бросается на льво.)

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ. Не пускайте его... удержите... (заграждаютъ ему дорогу.)

АЛЕК. ИВАН. (въ ужасѣ.) Что это значитъ?.. Неужели... (оттолкнувъ ихъ, быстро отворяетъ дверь, перебѣгаетъ порогъ комнаты и вдругъ съ пронзительнымъ крикомъ.) Отецъ!.. (падаетъ безъ чувствъ.)
(Общее смятеніе. Всѣ окружаютъ Гутмана.)

ХІІІ.

ТЪ-ЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА. Графъ Сомовъ!

АМОСОВЪ, (*быстро поднявъ голову.*) Графъ!.. (*увлекая за собою Князя.*) Эта сцена..... (*обращаясь къ другимъ гостямъ.*) Господа... прошу... (*поспѣшно идетъ къ двери.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Зала. Дверь въ глубинѣ сцены и боковыя. По обѣимъ сторонамъ окна, драпированныя большими занавѣсами. Справа—столъ и на немъ все нужное для письма.

I.

АМОСОВЪ, КНЯЗЬ УШАТИНЪ, ПОТОМЪ СЛУГА.

АМОСОВЪ. Но согласитесь князь, что обстоятельства вполне оправдываютъ искъ просителя.

КНЯЗЬ. Чтожъ? Законы никому не запрещаютъ отыскивать права свои, но они должны быть доказаны на дѣлѣ. Предположимъ даже, что этотъ господинъ имѣетъ какое нибудь основаніе...

АМОСОВЪ. Вы непременно хотите предположить, что требованіе Третьякова несправедливо?

КНЯЗЬ. Я въ этомъ почти увѣренъ.

АМОСОВЪ. Но по буквальному смыслу законовъ...

КНЯЗЬ. Егоръ Петровичъ, оставьте эти крючки подъячимъ, они недостойны людей, поставленныхъ на ту ступень, которую мы занимаемъ. Буквальный смыслъ законовъ! Какъ часто употребляютъ во зло это слово! И какое недѣльное заблужденіе! Повѣрьте, и буквальный и существенный смыслъ законовъ—одно и тоже—самая строгая справедливость. Что черно, то ни въ какомъ смыслѣ не можетъ казаться бѣлымъ, и на оборотъ. А если здѣсь вкралось злоупотребленіе, не на насъ ли дѣжится обязанность открыть и не допустить его? Конечно, это не такъ легко, какъ многіе думаютъ; мнѣ самому случалось разбирать дѣла, гдѣ холатаи и приказные такъ искусно подбирали доказательства и подкрѣпляли ихъ ссылками на законы, что эта темнота и сбивчивость заставляли меня иногда невольно впадать въ ошибку, или, лучше сказать, въ западню; но теперь, когда есть нить, есть основаніе...

АМОСОВЪ. (*сучо*) И опять можно легко ошибиться!

КНЯЗЬ. По крайнѣ-мѣрѣ, надобно употребить все зависящія отъ насъ средства.

АМОСОВЪ. Которыя ни къ чему не послужатъ, и только по пустому замѣдлять рѣшеніе дѣла.

КНЯЗЬ. (*вспыльчиво*). Да какъ же иначе? Вы такъ легко судите! Вспомните, что здѣсь идетъ рѣчь о цѣлой будущности бѣднаго семейства. Лишить послѣдняго достоянія, пустить по міру вдову съ малолѣтними дѣтьми, единственно отъ невниманія къ дѣлу, — это было бы не только непростительно, но даже безчеловѣчно! И клянусь, я удвою вниманіе... Третьяковъ богатъ, какъ Крезъ, а все несчастье этой женщины — въ ея бѣдности!

АМОСОВЪ. Я, подобно вамъ, сострадаю ея положенію, но что-же дѣлать? Долгъ судьбы — не увлекаться чувствомъ, чтобы не сдѣлаться пристрастнымъ.. А по несчастью, обстоятельства этого дѣла...

КНЯЗЬ. (*значительно*) По счастью, они оправдываютъ мои ожиданія! (*входитъ слуга*).

АМОСОВЪ. Ваше сіятельство!..

СЛУГА. Г. Третьяковъ!

КНЯЗЬ. (*улыбался*) Легокъ на поминѣ! (*Амосову*) Я вамъ мѣшаю?

АМОСОВЪ. Напротивъ. (*слуш*). Вѣдь я сказалъ тебѣ...

СЛУГА. Онъ уже въ третій разъ приходитъ... я отвѣчалъ, какъ вы приказывали, что нѣтъ дома.

АМОСОВЪ. Ну?

СЛУГА. Говорить, что очень, дескать, нужно, просилъ доложить... и я думалъ...

АМОСОВЪ. Глупецъ! ступай, скажи, что я принять не могу... прошу извиненія... но если ему угодно меня видѣть...

СЛУГА. Попросить пожаловать въ присутствіе?

АМОСОВЪ. Нечего и спрашивать; ты знаешь, какъ обыкновенно. (*слуга уходитъ*).

КНЯЗЬ. (*съ удивленіемъ*) Какъ? Вы не принимаете у себя.

АМОСОВЪ. Просителей? Это мое правило. Я избѣгаю подобныхъ свиданій, не люблю секретовъ съ людьми, которыхъ дѣла болѣе или менѣе отъ меня зависятъ. Что онъ хочетъ сказать мнѣ наединѣ — я могу услышать въ канцеляріи. (*въ сторону*) Это очень кстати!

КНЯЗЬ. (*съ быстрымъ движеніемъ, взявъ его за руку*) Егоръ Петровичъ... съ этой минуты я еще болѣе васъ уважаю, если это только возможно. Общее мнѣніе на каждомъ шагу оправдывается вами на дѣлѣ. Вы — честный, благородный человекъ!

АМОСОВЪ. (*съ притворнымъ смущеніемъ*) Ваше сіятельство...

КНЯЗЬ. (*улыбался*). Хотя и строги, какъ Катонъ! но я надѣюсь убѣдить васъ, что въ этомъ дѣлѣ вы уже слишкомъ строги! Мы

еще поговоримъ... До свиданія. (*про себя, подходя къ двери*) Нѣтъ, я въ немъ не ошибся!

АМОСОВЪ. (*провожая его*) Прощайте ваше сіятельство!.. (*князь уходитъ*) Ханжа! Добродѣтельный смертный! (*ходитъ большими шагами по комнатѣ*).

II.

АМОСОВЪ и КРУТИЛО.

КРУТИЛО. (*осторожно входитъ. — Про себя*). Не въ духъ!.. Опять что нибудь съ княземъ... (*отходитъ въ сторону*).

АМОСОВЪ. (*вдруг останавливается*). Удивляюсь, почему онъ до сихъ поръ не сдѣлаетъ изъ своего дома богадѣльню; онъ такъ усердно хлопочетъ о всѣхъ нищихъ, вдовахъ и сиротахъ!.. (*подойдя къ авансценѣ*). И вотъ уже въ третій разъ, по его милости, отъ меня ускользаютъ всѣ выгоды подобныхъ сдѣлокъ. Но, чортъ возьми, если это такъ продолжится, то я никогда не успѣю составить себѣ состоянія, и...

КРУТИЛО. (*подходя къ нему*) Егоръ Петровичъ... я встрѣтилъ внизу г. Третьякова.

АМОСОВЪ. (*быстро оборачиваясь*). Кстати! Назови мнѣ, пожалуйста, землю, гдѣ рождаются эти безтолковые провинціалы! Ни на волосъ догадки! Какъ не понять, что я не могу принимать открыто подобныхъ ему просителей!.. Лезетъ по парадному крыльцу!

КРУТИЛО. (*нюхая табакъ*). Народъ мудреный!

АМОСОВЪ. Эта дверь на общей лестницѣ, противъ двери къ министру, а на площадкѣ разхаживаетъ швейцаръ и — все замѣчаетъ... Могъ бы, кажется, догадаться! Нельзя же мнѣ самому объяснить ему, что если онъ хочетъ поговорить со мной... о подробностяхъ... на это есть другой ходъ... со двора... (*Крутило съ растаповкою*) Отъ чего ты не намекаешь ему?

КРУТИЛО. Я ожидалъ случая... не замѣлю! (*въ сторону*) Къ свѣдѣнію, Савушка, къ свѣдѣнію! Этотъ баринъ довольно таки походилъ, дороже дастъ теперь за секретъ!

АМОСОВЪ. Съ самаго утра начинаютъ бѣсить меня! (*садится и вынимаетъ изъ кармана бумаги*).

КРУТИЛО. Вы .. что-то не ладите съ княземъ, Егоръ Петровичъ...

АМОСОВЪ. (*сухо*) Что тебѣ за дѣло!

КРУТИЛО. Конечно, я здѣсь человѣкъ совершенно посторонній... Я, такъ, единственно изъ усердія... только, по моему, вы

поступаете слишком сгоряча, сами себя вредите. Вѣчно съ нимъ спорите! Пожалуй, онъ начнетъ, наконецъ, подозрѣвать...

АМОСОВЪ. *(съ досадою)* Я звалъ тебя не для того, чтобы слушать твои наставленія! Прошу впередъ не мѣшаться въ дѣла, которыхъ ты не понимаешь!

КРУТИЛО. Куда! Я ровно ничего не смыслю! А по моему, какъ можно спорить съ начальникомъ? Другое дѣло — оклеветать его или подать доносъ.

АМОСОВЪ. *(быстро вставая)* Сава!

КРУТИЛО. *(спокойно)* Къ слову пришлось, Егоръ Петровичъ... Только воля ваша, а спорить негодится. Скорѣе во всемъ съ нимъ быть согласнымъ, дѣлать, какъ онъ хочетъ, при случаѣ, даже предупредить его желанія.... смотришь, онъ сѣбно вѣрится, а тамъ... Проиграешь двѣ-три партіи, на четвертую въ шестеро воротись! А князь пусть самъ себя винить, если наткнется на рогатину; на то намъ Богъ глаза далъ!

АМОСОВЪ, *(въ раздумьи.)* Этотъ человекъ какъ будто читаетъ мои мысли!

КРУТИЛО, *(нюхая табакъ.)* А не поможетъ эта хитрость, мало ли другихъ средствъ?.. Князь такой фармазонъ, прости Господи! обо всемъ говорить и судить, и обо всемъ такъ громко, чуть не кричить! Либераль, просто либирагъ! Видите ли, терпѣть не можетъ несправедливости... Экая птица, подумаешь! Да мы въ прежніе годы и не съ такими справились! Нужно только отыскать случай, и не то чтобы доносъ, а такъ, знаете, политически... представить на видъ вредное направленіе, такъ сказать, неблагонадежность... опасныя послѣдствія, какъ говорится, для общественнаго спокойствія... Да помилуйте, можно затянуть такой узелъ, что и самъ сатана его не разпутаетъ!.. Будь Ушатиный не только правъ, чуть не святъ — не отыграется!.. Видали мы примѣры!

АМОСОВЪ, *(который съ удивленіемъ слушалъ и пристально смотрѣлъ на Крутилу.)* Послушай Сава... Клянусь, ты не на своемъ мѣстѣ... Ты рожденъ быть дипломатомъ!

КРУТИЛО. Хе, хе, хе!.. Шутить изволите!..

АМОСОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ: у тебя здѣсь... *(кладетъ руку на его голову.)*

КРУТИЛО. Простой умишка, Егоръ Петровичъ! *(иронически.)* И куда мнѣ гоняться за другими, мѣшаться въ чужія дѣла?.. Я ровно ничего не смыслю!

АМОСОВЪ. Каждая твоя выдумка стоитъ одна другой!

КРУТИЛО. Положимъ, другой на моемъ мѣстѣ сталъ бы просить привилегіи, но я человекъ скромный, лишь бы услужить отцу и благодѣтелю!

АМОСОВЪ, *(про себя.)* Мы подумаемъ... берегитесь, ваше сіятельство, не выводите меня изъ терпѣнія! *(вслухъ Крутилу.)*

Однако — жъ, полно забѣгать впередъ, займемся — ка дѣломъ. Я хочу тебѣ дать небольшое порученіе.

КРУТИЛО. Позвольте только приказать.

АМОСОВЪ. Я знаю, ты мастеръ... *(въ сторону)* подписывать-ся подь чужую руку.

КРУТИЛО. А развѣ?... *(оглядываясь.)* Да нѣтъ ли тутъ чего нибудь опаснаго, Егоръ Петровичъ?

АМОСОВЪ. Трусъ!.. Напротивъ, очень просто. Нужно переписать письмо, которое я составилъ на черно, *(подаетъ ему записку.)* Вотъ оно. И вотъ какимъ почеркомъ. *(показываетъ и отдаетъ ему распечатанное письмо.)*

КРУТИЛО, *(заглянувъ въ записку.)* А!.. отъ имени Александра Ивановича Гутмана... *(пробылалъ записку)* къ Лилѣевой?... Онъ возвратился съ молодой женой?... Извиняется?... *(поднявъ голову.)* Ага! Бумага, которую вы получили вчера отъ доктора Неймана нужна здѣсь, въ Петербургѣ, а это письмецо въ Оренбургѣ?... Хе, хе, хе! Понимаемъ! *(снова заглядываетъ въ записку.)*

АМОСОВЪ. Успѣешь прочесть послѣ. Ступай въ кабинетъ, садись и пиши, а я приду посмотрѣть, *(подходя къ столу—въ полголоса.)* Необходимо сегодня — же объявить женѣ... скоро весь городъ узнаетъ. *(разбираетъ бумаги.)*

КРУТИЛО. Сю минуту! *(уходя, про себя)* Обо мнѣ говорить, а самъ, на выдумки, того смотри, меня перецеголяетъ!

III.

АМОСОВЪ и ЖЕНА ЕГО.

НАТАЛ. ПАВ. *(увидѣвъ Крутилу, который въ эту минуту уходитъ,—въ полголоса.)* Вѣчно съ этимъ человѣкомъ! *(вслухавъ-мужу.)* Послушай, мой другъ, Александръ Ивановичъ не пріѣзжалъ?

АМОСОВЪ. *(отходя отъ стола)* Нѣтъ еще. Впрочемъ, я не знаю, рѣшится ли онъ сегодня выѣхать?

ОНА. Но мнѣ говорилъ докторъ, что онъ совершенно поправился. Александръ Ивановичъ вѣроятно будетъ къ намъ къ первымъ... Какъ онъ долго хворалъ, бѣдняжка! Слишкомъ два мѣсяца!

ОНЪ. Да, съ того самаго вечера... когда, по счастью, онъ выдержалъ этотъ страшный кризисъ.

ОНА. А ты такъ рѣдко навѣщалъ его!

ОНЪ. Я вѣчно занятъ... столько дѣлъ!

ОНА. Кто у тебя былъ сегодня?... Я слышала...

ОНЪ. Князь Ушатинъ. А передъ нимъ молодой Пволгинъ... спрашивалъ объ тебѣ... я сказалъ, что ты не совсѣмъ здорова.

ОНА. И прекрасно сдѣлалъ. Этотъ Пволгинъ ужасно надоѣдаетъ мнѣ своею болтовнею!

ОНЪ. А многія изъ нашихъ дамъ думаютъ иначе. Онъ самый отчаянный волокита!

ОНА. Фать!

ОНЪ. (*улыбаясь.*) А ты и не замѣчаешь, что онъ строитъ тебѣ куры?

ОНА. (*ласкаясь къ мужу.*) Жоржъ... какъ тебѣ не стыдно!

ОНЪ. (*цѣлуя ея руку.*) О, я совершенно спокоенъ, мой другъ, и всегда отъ души смѣюсь, когда вижу его у насъ, разодѣтаго въ пухъ и прахъ.

ОНА. Перестань, пожалуйста... какъ можно!.. Я разсержусь на тебя.

ОНЪ. Да какъ же ты хочешь, чтобы я не смѣялся? На него нельзя сердиться... онъ поступаетъ такъ, по привычкѣ, какъ рыцарь прекраснаго пола вообще... (*средняя дверь отворяется.*) Кто тамъ?.. (*на порогъ показался Александръ Ивановичъ Гутманъ.*) Ба! Да вотъ и больной нашъ

IV.

ТЪ - ЖЕ, А. И. ГУТМАНЪ.

НАТ. ПАВ. (*бѣжитъ къ нему на встрѣчу.*) Слава Богу!.. Наконецъ я вижу васъ здоровымъ.

АМОСОВЪ. Садитесь, Александръ Ивановичъ... Вы еще такъ слабы... Непринуждайте себя... (*придвигаетъ ему кресло.*)

ГУТМАНЪ. Благодарю, Егоръ Петровичъ... (*пожимаетъ ему руку и садится.*) Не безпокойтесь, я совершенно здоровъ... (*къ Натальѣ Павловнѣ, которая садится подлѣ него*) Наталья Павловна, я такъ давно не видалъ васъ... (*цѣлуя ея руку.*) Моѣ горе...

НАТ. ПАВ. Полноте... не вспоминайте о прошломъ.

АМОСОВЪ. (*садясь по другую сторону Гутмана.*) Станемъ лучше думать о настоящемъ.

ГУТМАНЪ. (*со вздохомъ.*) А прошедшее неволью впадаетъ на умъ... Ударъ былъ слишкомъ неожиданъ!

НАТ. ПАВ. Когда вы совершенно оправитесь...

АМОСОВЪ. Поѣдете за границу.

НАТ. ПАВ. За границу?.. Опять?

ГУТМАНЪ. Вамъ не говорилъ Егоръ Петровичъ? Меня приглашаетъ дядя... онъ старъ, бездѣтенъ... узналъ о моемъ несчастіи .. Впрочемъ, эта поѣздка будетъ зависеть отъ обстоятельствъ, *(про себя.)* Согласится ли Соничька? *(вслухъ.)* Сначала, я долженъ ѣхать въ Одессу, уплатить долги отца моего... я употреблю на это деньги, которыя получилъ отъ дяди.

АМОСОВЪ. Какъ?.. Вы хотите...

ГУТМАНЪ. О! непременно. Правда, я лишусь послѣдняго, но исполню все, что требуетъ отъ меня честь и долгъ сына. Я успокою кости бѣднаго старика моего, сниму пятно съ его имени. Я останусь нищимъ, но я молодъ, кое-чему учился... Богъ не безъ милости—я не умру съ голода.

НАТ. ПАВ. *(взявъ его за руку.)* О! я васъ понимаю!

АМОСОВЪ. *(въ сторону.)* Энтузіастъ!

ГУТМАНЪ. *(осматривая камнату.)* Но... я не вижу Софьи Яковлевны... Ея вѣрно нѣтъ дома?

НАТ. ПАВ. Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не знаете?.. *(мужу)* Ты не говорилъ, Жоржъ?

ГУТМАНЪ. *(встаетъ, за нимъ другіе.)* Что такое? Я нѣсколько разъ спрашивалъ Егора Петровича... Онъ отвѣчалъ всегда, что она здорова.

АМОСОВЪ. Да, я не хотѣлъ... Вы были такъ слабы...

ГУТМАНЪ. *(съ безпокойствомъ.)* Но скажите, пожалуйста, что же случилось?

НАТ. ПАВ. По смерти Якова Михайловича, она такъ часто хворала, что мы рѣшились по совѣту докторовъ...

АМОСОВЪ. Отпустить ее съ одною дальнюю родственницею въ Оренбургъ, гдѣ она пользуется теперь кумысомъ. Мы не писали къ вамъ объ этомъ, чтобы не огорчить заравѣ.

ГУТМАНЪ. Въ Оренбургъ? Но она уже выздоровѣла... скоро возвратится... вы ее ожидаете, не правдали?..

НАТ. ПАВ. Я рѣшительно не знаю, что сказать вамъ. Она давно уже ничего не пишетъ. Жоржъ получилъ нѣсколько писемъ отъ тетки. Она увѣдомляетъ, что кухня чрезвычайно поправилась, что деревенская жизнь ей полезна, но ни слова объ ея здоровьи, и — ни строчки отъ Сонички! *(печально)* Я вижу, она разлюбила насъ!

АМОСОВЪ. *(про себя)* Теперь будетъ кстати объявить обимъ разомъ.

ГУТМАНЪ. Разлюбила? И можетъ быть позабыла меня, свои клятвы? *(съ быстрымъ движениемъ)* О, нѣтъ! вѣроятно она скоро будетъ сюда сама, можетъ быть, даже въ дорогѣ, и вотъ почему... *(Нат. Пав.)* Вы къ ней писали, что я возвратился?

НАТ. ПАВ. Да, и также не получила отвѣта.

АМОСОВЪ. (*про-себя*) Все письма перехвачены!

НАТ. ПАВ. (*Гутману*) Сядьте, Александръ Ивановичъ. Вы блѣднѣете, дрожите...

ГУТМАНЪ. (*съ усиленіемъ*) Нѣтъ; ничего, ничего... Я ожидалъ... думалъ ее увидѣть... я думалъ...

АМОСОВЪ. Успокойтесь. Вамъ вредно всякое волненіе. (*про себя*) Пора!

ГУТМАНЪ. О! вы хотите скрыть отъ меня истину? Считаете меня ребенкомъ? Я догадываюсь, что это значить. До нея дошли вѣроятно слухи о банкротствѣ отца моего: она знаетъ, что я всего лишился... и рѣшилась забыть, пренебречь любовью бѣдняка!... Она такъ богата... Она... (*съ силою*) совершенно вправѣ...

НАТ. ПАВ. Какъ! И вы могли подумать?

ГУТМАНЪ. (*съ горькою усмѣшкою*) Ей такъ поправилась деревенская жизнь... Ни строчки на извѣстіе, что я воротился? Вы сами видите, здѣсь кроется что-то особенное.

АМОСОВЪ. (*мрачно*) Да... особенное!

ГУТМАНЪ. Я вправѣ?!

НАТ. ПАВ. Но клянусь вамъ, я ничего не знаю! (*обращаясь къ мужу*) Жоржъ?

АМОСОВЪ. О! не смѣшите обвинять несчастную дѣвушку!

ГУТМАНЪ. Несчаст . . . . .

НАТ. ПАВ. Ты пугаешь меня!

АМОСОВЪ. Я скрывалъ отъ тебя Наташа, хотѣлъ испытать прежде все средства, издержалъ огромную сумму — и все напрасно! Видно, такъ Богу было угодно!

ГУТМАНЪ. (*съ силою*) Умерла?! Ради Бога, отвѣчайте, она умерла?

АМОСОВЪ. Нѣтъ, но....

НАТ. ПАВ. О! мнѣ страшно Жоржъ! Прошу тебя...

АМОСОВЪ. Вчера я получилъ письмо изъ Оренбурга, отъ доктора Неймана. Онъ пишетъ, что все медицинскія пособія истощены, что болѣзнь ея неизлѣчима... Да, друзья мои, это ужасно! Неутѣшная грусть имѣла слишкомъ сильное вліяніе на слабый организмъ Соничьки... Она — помѣшалась!

ГУТМАНЪ. } (*съ крикомъ*) Помѣшалась!

НАТ. ПАВ. }

АМОСОВЪ. Прочтите, вотъ письмо... (*подаетъ письмо, которое схватываетъ Гутманъ*) Я получилъ также свидѣтельство изъ Врачебной Управы, какъ опекунъ. Нѣтъ болѣе сомнѣнія и нѣтъ надежды!

ГУТМАНЪ. (*пробѣжавъ письмо*) Да, да... несчастная... О! сто разъ было бы лучше ея равнодушіе, измѣна! И я осмѣлился думать?.. (*со слезами*) Прости меня, мой ангель, прости меня! (*закрываетъ лицо руками*).

АМОСОВЪ. Наташа... Друзья мои...

НАТ. ПАВ. Зачѣмъ мы отпустили ее въ Оренбургъ? Это уединеніе погубило ее!

АМОСОВЪ. Какъ люди, мы думали, предполагали, Наташа, но Богъ судилъ иначе... Что-жъ дѣлать? Покоримся его святой волѣ! Я также не чужой этой бѣдной дѣвушкѣ... я былъ къ ней истинно привязанъ, любилъ ее, какъ дочь... Эта неожиданная, печальная вѣсть терзаетъ меня не менѣе васъ, друзья мои, но вы видите, я удерживаю ропотъ, удерживаю слезы, которыя невольно навертываются на глазахъ моихъ... Я покоряюсь. Провидѣнію—пути его неповѣдимы! *(отирываетъ глаза)*.

НАТ. ПАВ. *(схватываетъ его за руку)*. Жоржъ, другъ мой!

ГУТМАНЪ. *(съ быстрымъ движеніемъ)* Прощайте!

НАТ. ПАВ. *(обращ. къ нему)* Александръ Ивановичъ...

ГУТМАНЪ. Прощайте... Я — иду молиться... на могилу отца моего... *(увлекаясь чувствомъ)* молиться за обоихъ! Она также умерла для меня, навсегда умерла для свѣта!

АМОСОВЪ. *(про себя)* А имѣнье навсегда мое!

НАТ. ПАВ. *(Гутману)* Перестаньте... Пожаляйте себя... Смотрите, я не плачу болѣе... Я женщина, сестра ея и — утѣшаю васъ!

ГУТМАНЪ. Но я любилъ ее, какъ никогда сестра любить не можетъ!... *(Пауза)* Вы правы, я долженъ все забыть, беречь себя... Меня ожидаетъ Одесса, долги отца моего, честь... Эта мысль спасетъ меня отъ отчаянія; она подкрѣпитъ меня! *(въ изнеможеніи схватывается за спинку кресла)*.

АМОСОВЪ. *(женѣ)* Наташа, успокой, утѣшь бѣднаго, *(идетъ къ дверямъ)*. Эта сцена становится мнѣ въ тягость! *(поспѣшно уходитъ)*.

—

V.

АМОСОВА и ГУТМАНЪ.

—

ГУТМАНЪ. Не безпокойтесь, Наталья Павловна... Вы видите, теперь я совершенно спокоенъ... Прощайте, вы знаете, куда ѣду я *(хочетъ идти, потомъ снова обращается къ Амосовой)* На минуту. Я забылъ отдать вамъ письмо. Я нашелъ его на столѣ, вмѣстѣ съ запиской ко мнѣ, въ тотъ вечеръ, помните?... *(вынимаетъ изъ*

кармана письмо). Это, вѣроятно, послѣдняя воля отца моего.. (отдаетъ ей). Письмо адресовано на ваше имя.

НАТ. ПАВ. Ко мнѣ? (быстро срываетъ печать и пробываетъ письмо) А!...

ГУТМАНЪ. Что съ вами?

НАТ. ПАВ. Ничего, ничего... Внезапное волненіе, грусть и мысль... Онъ пишетъ... просить, чтобы я, по чувству нашей старинной дружбы, покровительствовала вамъ, чтобы я любила сироту... онъ... оставляетъ васъ на мое попеченіе; онъ (въ сторону) Боже!

ГУТМАНЪ. (опустивъ голову) И въ эту страшную минуту онъ еще думалъ обо мнѣ! (беретъ изъ рукъ Амосовой письмо) Позвольте...

НАТ. ПАВ. (въ ужасѣ) Это письмо?... (хочетъ взять его обратно).

ГУТМАНЪ. (приложивъ письмо къ губамъ, отвѣчаетъ своей мысли) Да! (пауза) нѣсколько строкъ его руки и память добродѣтельной жизни — вотъ все, что намъ отъ него осталось (Наталья Павловна поспѣшно беретъ у него письмо). Отецъ мой не ошибся. Онъ зналъ къ кому обращался... Я также, какъ и онъ, нашелъ въ васъ друга.

НАТ. ПАВ. Я исполню завѣтъ Ивана Карловича... я буду вашей матерью, другомъ... Идите Александръ Ивановичъ, идите... Онъ ожидаетъ васъ.

ГУТМАНЪ. (цѣлуя ея руку) Я передамъ ему, что вы сказали... (поспѣшно уходитъ).

VI.

АМОСОВА. (одна)

Вдругъ столько перенести!.. (съ глубокимъ стономъ) Эта сцена... обвиненія... деньги... (съ судорожнымъ движеніемъ) Я помню, все помню! И мой мужъ? Жоржъ?... (съ силою, — подбывая къ авансценѣ) О! не можетъ быть, не можетъ быть! (пауза) А между тѣмъ, въ этомъ письмѣ!.. Онъ писалъ предъ смертью... Кто рѣшится клеветать въ этотъ страшный часъ? Клеветать?... Но онъ могъ забыть, ошибиться... Нѣтъ! онъ пишетъ такъ обстоятельно, такъ (заглядывая въ письмо) Деньги... росписка... какая низость! (читаетъ) «Я не открою этой тайны моему сыну... Я боюсь, чтобы мысль отомстить за смерть отца не завлекла его слишкомъ далеко... Вашъ мужъ довершилъ бы тогда остальное — онъ погубилъ бы моего Сашу! Я рѣшился, иду! Можетъ быть, все переѣмнится.. но если меня не станетъ, ради Бога, на колѣнахъ умоляю васъ, будьте ангеломъ хранителемъ несчастнаго сироты, котораго я оставляю нищимъ, будьте ему второю матерью...» (переставъ читать) Кому-же вѣрить?... Глазамъ или серд-

цу? Если-бы я могла убѣдиться... Чу! *(прислушивается)* Голоса?... мой мужъ, и его повѣренный... этотъ человекъ, котораго я неволью боюсь и презираю... У нихъ вѣчныя тайны... *(снова прислушивается)* Идуть сюда?... *(какъ-бы пораженная внезапною мыслию)* Что если?... Иногда одно слово можетъ... *(поспѣшно подбѣгаетъ къ окну на право и прячется за занавѣсь)*

VII.

АМОСОВЪ, КРУТИЛО *(входятъ изъ средней двери)* и **НАТ. ПАВ.** *(за занавѣсами окна)*.

АМОСОВЪ. *(осматривая комнату)* Ушелъ, наконецъ! *(заглядываетъ въ письмо, которое держитъ въ рукахъ)*.

КРУТИЛО. Похожъ ли почеркъ, Егоръ Петровичъ?

АМОСОВЪ. Какъ нельзя больше. Не только Лигѣва, самъ Гутманъ легко можетъ ошибиться.

НАТ. ПАВ. *(въ сторону)* Гутманъ? Соничька?

КРУТИЛО. О! вы знаете, я на эти вещи собаку съѣлъ! Помните тотъ вексель, когда я поручился, то есть...

АМОСОВЪ. *(сердито)* Дуракъ!

КРУТИЛО. *(про себя, улыбаясь)* Не угодилъ!

АМОСОВЪ. Ты мнѣ напомнилъ о старикѣ Гутманѣ... Безъ этой дьявольской штуки, я, можетъ быть... возвратилъ бы ему его деньги. И эта росписка... Все твое дѣло!

НАТ. ПАВ. *(въ сторону)* Такъ это правда?

КРУТИЛО. Полно такъ-ли, Егоръ Петровичъ?... Впрочемъ, все на свѣтѣ къ лучшему! Вы, кажется, забыли, что эти деньги дали вамъ возможность сладить съ докторомъ Нейманомъ. Иначе, дѣло легло бы въ долгій ящикъ. А молодой Гутманъ такъ неожиданно явился... Пришлось бы тряхнуть карманомъ и возвратить имѣнье.

НАТ. ПАВ. *(въ сторону)* Что я слышу?... Докторъ?. Имѣнье?.. *(прислушивается съ напряженнымъ вниманіемъ)*

АМОСОВЪ. *(съ разстановкою)* Конечно, нѣтъ худа безъ добра... надобно было рѣшиться. Эта небывалая тетушка, которую я ввелъ въ домъ, чтобъ имѣть предлогъ вынриводить отсюда Лигѣву, помогла мнѣ, какъ нельзя лучше.

НАТ. ПАВ. *(въ сторону)* Эта женщина?..

АМОСОВЪ. Спасибо Крутило, ты зналъ, кого выбрать!

КРУТИЛО. *(кланяется)* Моя дальняя родственница... Марья Ивановна... *(улыбаясь)* Подъячій въ юбкѣ!

АМОСОВЪ. Она совершенно овладѣла кузиной. Ну, а это письмо — вѣсть о женитьбѣ Александра Ивановича — будетъ рѣши-

тельнымъ ударомъ. Я избѣгну насилія... при своей наклонности къ единенію, Лигѣва навсегда останется въ Оренбургѣ, и никогда не узнаетъ, что ее считаютъ здѣсь безумною. (*Наталья Павловна съ глухимъ стономъ отшатнулась въ глубину окна*) Что это? Ты слышалъ?...

КРУТИЛО. (*оглядываясь*) Да... мнѣ послышалось... какъ будто...

АМОСОВЪ. Кто-то застоналъ?

КРУТИЛО. Понимаю! Вѣрно опять прищемили трезора... бѣдняжкѣ часто достается! (*пауза. Амосовъ подходитъ къ столу*). И такъ, вы сами видите, Егоръ Петровичъ, все на свѣтѣ къ лучшему! Одно изъ другаго... Если-бы, напримѣръ, вы не рѣшились уничтожить бумагъ Якова Михайловича, которыя доставили вамъ, сначала его мѣсто, а теперь богатое наслѣдство его дочери, вы, съ позволенія сказать, и до сихъ поръ сидѣли бы у моря, да ждали погоды! (*движеніе за занавѣсами*).

АМОСОВЪ. (*который въ продолженіи словъ Крутилы запечаталъ письмо*) Довольно, полно тревожить прошлое... Мнѣ нужно еще написать инструкцію нашей (*улыбаясь*) тетускѣ. (*отдаетъ ему запечатанное письмо*) Ступай, отвези на почтѣ. (*садится и приоткрывается писать*)

КРУТИЛО. (*про себя*) Подумаешь, какъ человѣкъ-то измѣняется! Года два тому, когда я предложилъ ему... онъ чуть меня въ тюрьму не запряталъ, а теперь, что ни шагъ, то... (*съ быстрымъ движеніемъ*) Способный человѣкъ! (*идетъ къ средней двери. — Нат. Павл. отбросивъ занавѣсъ и упираясь въ изнеможеніи одною рукою объ окно, другую протягиваетъ въ слѣдъ Крутилы, какъ будто хочетъ остановить его; хочетъ говорить—и не можетъ. — Крутило уходитъ*).

VIII.

АМОСОВЪ и ЖЕНА ЕГО.

НАТ. ПАВ. (*по уходѣ Крутилы, проводитъ обими руками по лбу и, прислонясь къ стѣнѣ, неподвижно смотритъ на мужа. Шепотомъ*) Да... я не ошиблась, это мой мужъ... Онъ самъ! (*въ сильномъ разстройствѣ подходитъ къ мужу сзади и смотритъ чрезъ плечо его на письмо*).

АМОСОВЪ. (*пишетъ и читаетъ про себя*) Вы должны окружить ее всевозможными попеченіями, но при этомъ не забудьте, что малѣйшая неосторожность...

НАТ. ПАВ. (*схвативъ его за руку*) Чудовище!...

ОНЪ. (съ крикомъ, собравъ въ кучу бумаги и закрывъ ихъ вѣломъ тѣломъ, въ ужасѣ оборачиваетъ голову назадъ) А!...

ОНА. И Соничька?... Соничька?!

ОНЪ. Жена?

ОНА. (задыхаясь) Гутманъ... мой дядя... Вѣсь?! (оступаетъ въ ужасѣ) Злодѣй!...

ОНЪ. (схвативъ ее за руку и оглядываясь во все стороны. Молчите! А!.. Что вы сказали?... Повторите, повторите! Развѣ объ этомъ говорить? Кто говорить? Но это неправда... слышите ли? Это ложь! Клевета! Я ничего не знаю... Банкротство лишило старика памяти... Я не знаю, не видалъ никакихъ бумагъ вашего дяди... я...)

ОНА. О! не старайся обмануть меня... У меня есть доказательства!

ОНЪ. Доказательства?... Такъ этотъ подъячій измѣнилъ мнѣ?... И вѣсь уже знаютъ?... Да отвѣчайте же, сударыня, я спрашиваю васъ...

ОНА. (съ быстрымъ движеніемъ раскрывая предъ его глазами письмо Гутмана.) Убийца!

ОНЪ. (вырвавъ изъ рукъ ея письмо.) Рука Гутмана? Онъ успѣлъ таки... (заглянувъ въ письмо.) Но сынъ ничего не знаетъ... (спрятавъ письмо.) И никто не узнаетъ! (къ жени.) Продолжайте, продолжайте... Вы хотите погубить меня? Подкупили Крутилу?... Въ вашихъ рукахъ моя перенеска? У меня въ домѣ былъ воръ?.. Вы...

ОНА. (изнемогая) Нѣтъ, нѣтъ... но я все слышала... (указывая на окно.) Здѣсь... когда ты говорилъ съ этимъ человѣкомъ.

ОНЪ. (перемѣля тономъ.) Какъ! Вы подслушали нашъ разговоръ? Только? Ничего больше?... Ха, ха, ха, ха!..

ОНА. (въ ужасѣ.) Жоржъ!

ОНЪ. (говоритъ съ самимъ собой.) Никакихъ доказательствъ... Никто больше не знаетъ?... Я отдыхаю!

ОНА. Боже! И это тотъ самый человѣкъ, который такъ сострадалъ несчастію дяди, Гутмана?... (съ силою.) Который... еще недавно, здѣсь, въ этой комнатѣ, плакалъ о Соничькѣ?!

ОНЪ. (въ полумолса.) Какой неожиданный случай!.. Этотъ стонъ?... (смотря на окно.) Она была здѣсь и все слышала. (подходя къ жени.) Уйдите, успокойтесь... вы такъ взволнованы.

ОНА. А!.. Наконецъ съ лица твоего спала маска! И все въ жертву преступному чувству, желанію возвыситься, обогатиться... Ничего святаго?!

ОНЪ. Перестаньте сударыня!.. Вы не знаете обстоятельствъ, въ которыхъ я находился. Не вамъ судить о моихъ поступкахъ. Женщина никогда не пойметъ...

ОНА. (съ силою) Къ какимъ злодѣйствамъ способенъ честолюбецъ?!

ОНЪ. (быстро) Наташа! (Пауза). Оставьте ваши пустыя жа-

лобы и упреки! Повторяю, не я, а случай приготовили несчастіе Лилъеву и... этому старику. Уйдите! Прошлаго воротить нельзя.

ОНА. Но Соничька?... Она жива... страдает ..

ОНЪ. Ошибаетесь. Она довольна своею скромною жизнію. Она не любить свѣтъ, привыкла къ уединенію, ничего не знаетъ .. о своей участи.

ОНА. *(едва слушая его)* Эта женщина, наемница, которую ты приставилъ къ ней... подложное письмо о женитьбѣ Гутмана... Письмо?! О, умоляю тебя, останови, пошли скорѣй на почту... не отсылай его!... Вѣдь она любить, слышишь ли? Она любить Гутмана! И ты хочешь разрушить лучшую мечту бѣдной дѣвушки, отнять послѣднюю надежду на счастье?... Да развѣ ты никогда не любилъ?... Жоржъ?

ОНЪ. *(съ нетерпѣніемъ)* Чего вы отъ меня хотите?

ОНА. *(въ сильномъ разстройствѣ)* Возврати мнѣ сестру, отдай мнѣ сестру мою!

ОНЪ. *(горячо)* Мое терпѣніе, наконецъ, истощилось! ни слова больше, ни одной жалобы! Понимаете ли? Я вамъ приказываю... Бойтесь даже во снѣ проговорится о тайнѣ, которую открылъ вамъ случай, иначе, я...

ОНА. *(быстро)* Ты меня не слушаешь? У тебя нѣтъ сердца бога? Хорошо! Я сама явлюсь передъ судомъ и обвиню тебя!

ОНЪ. Ты?!

ОНА. О! что нужды! Пусть указываютъ на меня пальцами, осыпаютъ насмѣшками... свѣтъ узнаетъ, наконецъ, твои преступныя средства къ возвышенію! Я докажу ему, что не въ дѣсахъ, не подъ рубищемъ только скрываются убійцы, что не у всѣхъ злодѣевъ суровыя, мрачныя лица... подобные имъ люди нерѣдко таятся въ кругу образованнаго общества, живутъ въ роскоши, пользуются всеобщимъ уваженіемъ; во взорахъ ихъ самое искренное участіе къ судьбѣ ближняго, на устахъ вѣчная улыбка, но въ душѣ... о! *(съ силою)* Да, я прибѣгну къ правосудію... Законы возвратятъ мнѣ несчастную сестру мою! *(бѣжитъ къ дверямъ).*

ОНЪ, *(бросаясь къ ней)* Остановись!

ОНА. Оставь меня!

ОНЪ. *(удерживая ее)* Образумься!... Что ты дѣлаешь?..

ОНА. *(вырываясь)* Оставь меня!

ОНЪ. Такъ ты непременно хочешь?! *(толкая ее къ дверямъ)* Ха, ха, ха, ха! Ступай-же, ступай! Добрая жена! Чадолубивая мать! Ступай, объяви всѣмъ, что мужъ твой преступникъ, что отецъ твоихъ дѣтей...

ОНА. *(отшатнувшись)* Моихъ дѣтей?!... *(закрываетъ лицо руками).*

ОНЪ. *(насмѣшливо)* Что-же ты остановилась? *(Пауза)* Ступай, женщина! Сиди лучше за палками, качай свои люльки!

ОНА. *(съ усиленіемъ)* Нѣтъ! Я должна... я спасу ее *(бросается къ дверямъ).*

ОНЪ. (*схвативъ ее за руку, — въ бѣшенствѣ*) Несчастливая! но развѣ ты не видишь, что для меня нѣтъ болѣе выбора?.. Плиты думаешь, что у меня неостанетъ духа, средствъ?.. Одно слово, намекъ... и клянусь, я погублю Гутмана, погублю обоихъ! У меня есть свидѣтельство... я заключу Лилѣву въ сумашедшій домъ!

ОНА. (*съ крикомъ*) Сестру?!

ОНЪ. (*виѣ себя*) Да! я рѣшусь тогда на все... На все!

ОНА. (*въ сильномъ испугѣ*) О, ради Бога... (*дрожа всѣмъ тѣломъ*) только... не въ су...ма...шед...шій!... (*въ изнеможеніи опускается на руки мужа*).

ОНЪ, (*съ безпокойствомъ, подводя ее къ кресламъ*) Я вышелъ изъ себя... (*увидавъ Кляшню Ушатину, которая въ эту минуту поспѣшно входитъ справа, про-себя*) Княгиня! Очень вѣстали!

—

IX.

ТѢЖЕ, КНЯГИНЯ УШАТИНА.

—

КНЯГИНЯ. Я не ошиблась... Эта ужасная вѣсть...

АМОСОВЪ. (*къ ней*) Вы слышали? Да, Княгиня, насъ постигло новое несчастье!

НАТ. ПАВ. (*шепотомъ, озираясь вокругъ*) Погубить обоихъ!

КНЯГИНЯ. (*обращаясь къ ней*) Милая Наталья Павловна... не отчаявайтесь... Богъ милостивъ... Онъ возвратитъ разсудокъ сестрѣ вашей.

НАТ. ПАВ. (*съ глухимъ стономъ*) Разсудокъ? Ея разсудокъ?!

АМОСОВЪ. (*съ безпокойствомъ*) Извините Княгиня, жена моя...

КНЯГИНЯ. Прошу васъ, безъ принужденій... Я заѣхала на минуту, чтобы утѣшить васъ... Надобно уложить ее въ постель... видите, какъ она разстроена.

АМОСОВЪ. (*быстро*) Я проведу ее въ спальню. (*подходитъ къ жень и хочетъ взять ее за руку*.)

НАТ. ПАВ. (*съ судорожнымъ движениемъ отводя отъ себя мужа, почти подбѣгаетъ къ Кляшнѣ*) Не оставляйте меня Княгиня... ради Бога, не оставляйте! Если бы вы знали...

АМОСОВЪ. Наташа! (*звонитъ въ колокольчикъ*.)

КНЯГИНЯ. О! не отчаявайтесь такъ. У васъ остались еще мужъ, дѣти... Поберегите себя для нихъ. Богъ часто посылаетъ такія испытанія своимъ избраннымъ, чтобы научить ихъ смире-

нiю. Ваше тихое семейное счастье, добродѣтельная жизнь вашего мужа...

НАТ. ПАВ. (со стономъ.) Довольно... Перестаньте! (забываясь.) Письмо, письмо!.. Еще есть время.. возвратите его... Умоляю васъ, письмо!

АМОСОВЪ. (съ усиленiемъ, отводя жену въ сторону.) Успокойся, мой другъ...

НАТ. ПАВ. (протягивая руки.) Письмо!

КНЯГИНЯ. Что она говоритъ?

АМОСОВЪ. (поддерживая одною рукою жену, которая едва стоитъ на ногахъ.) Мы получили отъ доктора съ извѣстiемъ... (вынимая изъ кармана бумагу.) и это свидѣтельство также... (значительно, искоса смотря на жену.) Свидѣтельство о помѣшателствѣ кухни... (тихо женѣ.) Одно слово и я...

НАТ. ПАВ. (падая безъ чувствъ.) Ахъ!.. (Вбѣгаетъ Лиза.)

КНЯГИНЯ. (поддерживая ее вмѣстѣ съ Амосовымъ.) Бѣдная!..

АМОСОВЪ. (Лизѣ.) Барынѣ сдѣлалось дурно... Скорѣе... (подводитъ жену съ помощiю горничной къ дверямъ на право и обращается къ Ушатиной.) Княгиня...

КНЯГИНЯ. Поберегите ее, Егоръ Петровичъ... (уходя.) Какой ударъ!..

X.

АМОСОВЪ, потомъ СЛУГА.

АМОСОВЪ. (проводивъ жену до дверей, быстро подходитъ къ авансценѣ) О! я взбѣшонъ! Она едва не проговорила... (Пауза) Чего бы я не далъ, чтобы Наташа еще не знала. Теперь у меня новый, непримиримый врагъ... и въ моемъ собственномъ семействѣ; — жена! Вѣчная принужденность, несогласiе! (Пауза) Не вортишь! Эта тайна умереть въ груди ея... Чувство матери и моя угроза заставить ее молчать... Да! я не отступлю ни на шагъ безъ боя, отчаяннаго боя, и рѣшусь на все... я долженъ спасти себя! Всякое новое препятствiе, опасность только раздражаютъ меня... О! въ эту минуту я такъ золъ, что готовъ даже...

СЛУГА (входитъ изъ среднихъ дверей.) Его сиятельство, князь Ушатинъ прислалъ просить васъ пожаловать къ нему.

АМОСОВЪ (съ досадою.) Хорошо! Ступай!

СЛУГА. Человѣкъ сказываетъ, что очень, дескать, нужно поговорить по тому дѣлу, по которому Князь прiѣзжалъ сегодня.

АМОСОВЪ. (вспыльчиво.) Я кажется сказалъ по русски: хорошо, хорошо! (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и въ сильномъ вол-

ненн бьетъ одной рукой объ ладонь другой.) А! ваше сіятельство, вамъ угодно поговорить со мною о дѣлѣ Третьякова? Извольте, я къ вашимъ услугамъ! Но совѣтую вамъ согласиться съ моимъ мнѣніемъ, иначе, или вы или я... а обоимъ намъ здѣсь тѣсно! Я перестану спорить, изъ мѣдвѣдя я сдѣлаюсь лисицей, и опутаю васъ такими сѣтями, что будь вы сто разъ князь — я столкну васъ съ дороги! Я не стану затрудняться въ выборѣ средствъ... трудно было сдѣлать первый шагъ, а теперь... (*быстро оборачиваясь къ слугѣ.*) Карету мнѣ! А человѣку скажи, что я сейчасъ буду.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Зага. Двери въ глубинѣ сцены и справа на второмъ планѣ.

I.

АЛЕК. ИВАНОВИЧЪ ГУТМАНЪ. (*сидитъ и читаетъ письмо.*)
АМОСОВЪ (*входитъ изъ среднихъ дверей*) потомъ **СЛУГА.**

АМОСОВЪ. (*подходя къ Гутману.*) Прочли?

ГУТМАНЪ. (*поднявъ голову, — печально.*) Еще одну минуту... Извините... (*продолжаетъ читать про себя.*)

АМОСОВЪ. (*подойдя къ авансценѣ — въ полголоса.*) Странно! О чемъ я не думаю, а этотъ проклятый перстень не выходитъ у меня изъ головы!.. (*Пауза*) Увидимъ, что-то скажетъ Крутило?

ГУТМАНЪ. (*встаетъ и отдаетъ Амосову нѣсколько писемъ.*) Все по прежнему... Никакой надежды!

АМОСОВЪ. Вы убѣдились теперь изъ писемъ доктора, что переѣздъ только усилитъ страданія бѣдной дѣвушки; она не перенесетъ такой дальней дороги... да и къ чему это? Докторъ Нейманъ пользуется заслуженною славою искуснаго медика... необходимо предоставить времени... А между тѣмъ, будемъ молиться Богу!

ГУТМАНЪ. (*грустно.*) Чтобы онъ окончилъ ея страданія... а этотъ конепъ—могила! (*съ быстрымъ движеніемъ.*) Да! Все заставляетъ меня проститься наконецъ съ Петербургомъ.

АМОСОВЪ. Вы сдѣлаете очень благоразумно. Чего вамъ ожидать при вашихъ ограниченныхъ средствахъ, здѣсь, въ столицѣ?

ГУТМАНЪ. (*съ горькою улыбкою.*) Прибавьте, гдѣ такъ легко можно ошибиться даже въ самыхъ близкихъ, самыхъ короткихъ знакомыхъ... Вы открываете имъ свою душу, ожидаете сочувствія

къ вашимъ страданіемъ, а они сначала посмотрятъ на карманъ вашъ! Если онъ пустъ, всѣ ваши надежды напрасны... *(про себя.)* И она также!.. Наталья Павловна!.. *(вслухъ.)* Вы совершенно правы Егоръ Петровичъ; мнѣ ничего не остается ожидать въ Петербургѣ.

АМОСОВЪ. А скоро вы думаете отправиться?

ГУТМАНЪ. Въ полгода, которые провелъ я въ Одессѣ, я умѣлъ окончить всѣ дѣла покойнаго батюшки... Думаю отправиться съ первымъ пароходомъ. Но позвольте спросить... Наталья Павловна...

АМОСОВЪ. *(быстро.)* Извините ее, пожалуйста. Она сегодня не такъ — то здорова... Вы вѣроятно дорожите временемъ, чтобы успѣть приготовиться къ отъѣзду?.. Хотите проститься съ нею?

ГУТМАНЪ. Я думалъ...

АМОСОВЪ. Да вотъ приходите завтра къ чаю... Мы проведемъ этотъ вечеръ вмѣстѣ... *(въ сторону.)* Я буду дома! *(входитъ слуга.)*

СЛУГА. Князь Ушатинъ!

АМОСОВЪ. Князь? *(про себя.)* Странно! *(дѣлаетъ слугѣ знакъ просить.)*

ГУТМАНЪ. Прощайте, Егоръ Петровичъ.

АМОСОВЪ. До свиданія! *(входитъ Князь Ушатинъ, Гутманъ уходитъ.)*

II.

АМОСОВЪ, КНЯЗЬ УШАТИНЪ.

АМОСОВЪ. *(быстро подходя къ князю.)* Ахъ, ваше сіятельство, какой счастливый случай доставилъ мнѣ сегодня честь васъ видѣть у себя? Прошу... *(придвигаетъ кресло.)*

КНЯЗЬ. *(сухо.)* Благодарю. Я не на долго.

АМОСОВЪ. Съ тѣхъ поръ, какъ, по несчастію, я лишился въ васъ начальника, я такъ рѣдко пользовался этимъ удовольствіемъ, и въ особенности — въ послѣднее время... Скажите пожалуйста, за что такое наказаніе?

КНЯЗЬ. Послушайте, Егоръ Петровичъ... Для меня не новость встрѣчать равнодушіе въ людяхъ, которымъ я бывалъ нерѣдко полезенъ, но открыть самую черную, преступную неблагодарность, подвергнуться клеветѣ, которая болѣе нежели оскорбляетъ — безславить меня, и все это въ награду за добро... Признаюсь, я этаго никогда не ожидалъ!

АМОСОВЪ. Растолкуйте мнѣ, пожалуйста... я право не понимаю, что вы хотите этимъ сказать?

КНЯЗЬ. (съ жаромъ.) Что я отогрѣлъ змѣю на груди моей!

АМОСОВЪ. Но я все еще ничего не узналъ... кто — жь этотъ неблагодарный?..

КНЯЗЬ. Вы!

АМОСОВЪ. (съ притворнымъ удивленіемъ.) Какъ?! Такъ рѣчь идетъ обо мнѣ?.. Вы меня обвиняете?

КНЯЗЬ. (презрительно.) Столько дерзости!...

АМОСОВЪ. (гордо.) Князь!.. (спокойно.) Вы видите, я рѣшился хладнокровно слушать васъ. Это единственное средство противъ вспыльчивости и предубѣжденія: Продолжайте, ваше сіятельство, продолжайте, я — весь вниманіе!

КНЯЗЬ. О! я отдаю вамъ полную справедливость; вы превосходно разыграли роль вашу! Снимите маску, сударь, она теперь не кстаети! Я знаю всю гнусность вашего доноса. Случай открылъ мнѣ глаза, но по несчастію моя догадка не возвратитъ мнѣ потеряннаго; у меня нѣтъ доказательствъ въ преступной клеветѣ вашей... я очерненъ въ глазахъ правительства такъ хитро, что чѣмъ болѣе я буду откровененъ, тѣмъ болѣе буду казаться виновнымъ. Мой образъ мыслей, мои слова, переписка — все это представлено въ такомъ черномъ свѣтѣ, что я не только ужасаюсь при мысли, что самое честное, благородное направленіе души челоуѣка остается безсильнымъ, но что оно должно умолкнуть предъ ложнымъ, безсовѣстнымъ доносомъ интригана!

АМОСОВЪ. (хладнокровно.) А! вотъ въ чемъ дѣло. Теперь я начинаю понимать, хотя и не могу принять на себя роли, которую вамъ угодно было мнѣ назначить... Да, я слышалъ что — то подобное. Что — жь?.. Не я ли говорилъ и доказывалъ вамъ, что филантропія давно уже вышла изъ моды, и скорѣе можетъ повредить намъ, нежели принести пользу. Вы не хотѣли вѣрить... вы слишкомъ громко объяснили ваши мысли, слишкомъ горячо защищали (улыбалсь) угнетѣнное челоуѣчество, забывая, что общественное спокойствіе не можетъ допустить этой вредной философіи...

КНЯЗЬ. (съ достоинствомъ.) Довольно сударь! Не прибавляйте къ клеветѣ вашей новыхъ оскорбленій!

АМОСОВЪ. Гмъ! я вижу, что дальнѣйшее объясненіе не нужно.

КНЯЗЬ. Да, я все понялъ. Мои приговоры лишали васъ возможности употреблять во зло власть; теперь я не мѣшаю вамъ болѣе... вы торжествуете; но вспомните, что постунокъ, на который вы рѣшились, сударь...

АМОСОВЪ. (перебивая.) На минуту! (улыбалсь.) Нашъ разговоръ становится до такой степени серьезнымъ и монотоннымъ, что я беру смѣлость украсить его для разнообразія небольшимъ анекдотцемъ... Мнѣ рассказывали, что на какой — то рѣкѣ, во время бури, лодка съ двумя гребцами неожиданно пошла ко дну. Одинъ изъ утопавшихъ пустился вплавъ, силы его были уже истощены,

но онъ не теряя надежды достигнуть берега, какъ вдругъ кто-то схватилъ его поперегъ тѣла... Оглядывается... это былъ его товарищъ... Напрасно старался онъ освободиться, просилъ, уговаривалъ... противникъ крѣпко сжалъ его въ своихъ окостенѣлыхъ рукахъ... А между тѣмъ, берегъ былъ въ виду, а отважный пловецъ начиналъ уже утонать... Тогда только вспомнилъ онъ, что у него за поясомъ былъ ножъ... онъ успѣлъ его выхватить и.... Однимъ словомъ, онъ поплылъ дальше свободно, легко... Правда, ножъ былъ въ крови, но онъ достигъ берега! (*Пауза.*) Не правда ли, ваше сіятельство, этотъ анекдотецъ, съ небольшимъ только измѣненіемъ, можно примѣнить ко многимъ обстоятельствамъ въ нашей жизни?

КНЯЗЬ. (*содрагаясь.*) О! ваша ужасная логика, сударь, превзошла мои ожиданія!

АМОСОВЪ. (*хладнокровно.*) Она вамъ непонятна, какъ мнѣ ваша философія.

КНЯЗЬ. (*увлекаясь.*) Но развѣ вы думаете, что эти постыдныя средства могутъ быть надолго скрыты отъ свѣта, оставаться вѣчно безнаказанными? Развѣ вы думаете, что у насъ нѣтъ законовъ, которые караютъ преступника, какъ бы высоко не стоялъ онъ въ обществѣ? О! разувѣрьтесь сударь, можно обмануть людей, усыпить на время ихъ проницательность хитростію и коварствомъ, но рано или поздно, истина обнаружится и тогда ни титула, ни богатства, ни самыя заслуги не спасутъ васъ отъ позора и наказанія! Повторяю — у насъ есть законы сударь, у насъ есть законы!

АМОСОВЪ. (*прежнимъ тономъ.*) Конечно... жизнь наша есть сѣпленія удачъ и неудачъ... но она такъ коротка... Блаженъ тотъ, кто пользуется ею!

КНЯЗЬ. Нѣтъ! Слушать васъ долѣе — значило бы не уважать себя.

АМОСОВЪ. (*хладнокровно.*) А право жаль, что у насъ запрещено дуэль!

КНЯЗЬ. Да, сударь, разувѣрьтесь! Я потерялъ гораздо менѣе въ своемъ несчастіи, нежели вы выиграли въ случайной удачѣ. Не забывайте, что честный человѣкъ останется всегда чистъ, не смотря на всѣ происки интригановъ; онъ остается чистъ и послѣ паденія, но на людяхъ, которые возвышаются помощью средствъ, подобныхъ вашимъ, на этихъ людяхъ, сударь, будетъ лежать вѣчное, неизгладимое клеймо всеобщаго презрѣнія!

АМОСОВЪ. Ха, ха, ха, ха!..... Вы превосходно декламируете князь, но я не понимаю одного — для чего вы удостоили меня лестнымъ посѣщеніемъ вашимъ, зная, по видимому, такъ хорошо всѣ обстоятельства... моей интриги, клеветы... какъ вы называете этотъ простой случай? Къ чему все это?

КНЯЗЬ. (*быстро, съ достоинствомъ.*) Я пришелъ къ вамъ, сударь,

чтобы облегчить себя отъ негодованія... Я пришелъ *(съ силою)*, чтобы бросить вамъ прямо въ лицо презрѣніе честнаго человѣка!

АМОСОВЪ. Вы забываетесь, князь!

КНЯЗЬ *(съ презрительною миною)*. Извините... я не такъ выразился... Я пришелъ благодарить васъ... да, благодарить за этотъ низкій поступокъ; онъ открылъ мнѣ, наконецъ, глаза... Я не буду болѣе краснѣть, служа съ такимъ, какъ вы, человѣкомъ! *(поспѣшно уходитъ)*.

АМОСОВЪ *(смѣясь ему въ слѣдъ)*. Ступай! Достойный проповѣдникъ! Ходячая мораль! Ступай! Я смѣюсь надъ твоимъ презрѣніемъ и угрозами... *(садится)*. Глупецъ! Онъ не понимаетъ, что съ этою рыцарскою добродѣтелью не много выиграешь въ свѣтѣ; чего добраго—умрешь съ голоду! Положимъ, вы падаете не ушибаясь, ваше сіятельство, но я — грѣшный человѣкъ, по моему, лучше подниматься, хотя иногда и приходится кое-гдѣ зацѣпиться и прорвать кафтанъ... Чтожъ? Можно положить такую яркую заплату, что близорукимъ онъ покажется сшитымъ изъ новой, лучшей матеріи. *(встаетъ)* На дняхъ я получилъ неожиданно новую награду. *(улыбался)* Ну, а тамъ... Развѣ я не могу быть также княземъ, какъ Ушатинъ? Развѣ я не могу... *(показался Крутило.)* Наконецъ—то!

III.

АМОСОВЪ, КРУТИЛО.

—

АМОСОВЪ *(обращаясь къ Крутило.)* Что ты узналъ? Говори.

КРУТИЛО. Ровно ничего, Егоръ Петровичъ. Хозяинъ магазина уѣхалъ въ Павловскъ, а прикащикъ ничего не знаетъ.

АМОСОВЪ. Уѣхалъ? Но онъ сегодня-же будетъ обратно?

КРУТИЛО. Поздно вечеромъ, не раньше.

АМОСОВЪ. Ты заѣдешь къ нему завтра утромъ, а между тѣмъ... *(подойдя къ авансценѣ, — въ полголоса)* Рѣшительно не понимаю. Вчера я видѣлъ у Иволгина бриліантовый перстень жены моей... Я очень хорошо рассмотрѣлъ, это былъ тотъ самый, который достался ей отъ покойнаго отца ея. Иволгинъ говорилъ, что онъ купилъ у Кемерера. Странная вещь! Она такъ дорожила имъ... И къ чему ей продавать? *(Пауза — Въ раздумьѣ)* Мнѣ показалось, что этотъ фатъ Иволгинъ какъ-то странно улыбался, когда я разсматривалъ и хвалилъ его покупку... Я едва удержался... не будь онъ племян... *(быстро)* Вздоръ! не можетъ быть!

КРУТИЛО *(подходя къ нему)*. Егоръ Петровичъ...

АМОСОВЪ. Ну?

КРУТИЛО. Давича, посылая меня къ ювелиру, вы изволили промолвить два—три слова...

АМОСОВЪ. Что тутъ особеннаго? Безъ словъ ты не могъ бы понять моего приказанія.

КРУТИЛО. Такъ-съ... да слово слову рознь! Вы изволили немножко вспылить, проговориться на счетъ... съ позволенія сказать... Натальи Павловны.

АМОСОВЪ. (*быстро*). Послушай Сава! Я никому не могу запретить думать, но берегись высказывать словами подобныя мысли... я вырву у тебя языкъ!

КРУТИЛО (*хладнокровно*). А онъ и мнѣ и вамъ нуженъ, Егоръ Петровичъ. Безъ языка я не могу вамъ передать, что заключалось въ записочкѣ, которую....

АМОСОВЪ. Записка? Къ кому? Отъ кого?...

КРУТИЛО. Видите ли, языкъ вещь необходимая. Зачѣмъ-же его вырывать? (*похал табакъ*) И что такое человекъ безъ языка?. Безъ него и головы не нужно! Вотъ хоть на-примѣръ....

АМОСОВЪ (*вспыльчиво*). Сава! (*Пауза*) Какая это записка?

КРУТИЛО (*про-себя*). Вырву языкъ! Экъ поднялъ носъ! (*вслухъ*). Да вотъ изволите-ли видѣть... Я воротился съ полчаса тому, когда у васъ былъ князь Ушатинъ... На лѣстницѣ я встрѣтилъ горничную Натальи Павловны. Она проворно сбѣжала внизъ и обронила записку... Я тотчасъ поднялъ...

АМОСОВЪ. Подай ее сюда!

КРУТИЛО. Позвольте. Въ запискѣ я прочелъ: «Приходите, я васъ ожидаю... мой мужъ скоро уѣдетъ... намъ никто не помѣшаетъ...» Что-то въ этомъ родѣ... Я не успѣлъ прочесть больше, потому что въ эту минуту я снова увидѣлъ горничную... Она меня не замѣтила и какъ будто чего-то искала... Чтوبъ не подать подозрѣнія я осторожно подбросилъ записку... Она нашла ее и побѣжала....

АМОСОВЪ. Ты пошелъ за нею?

КРУТИЛО. Нѣтъ, я поспѣшилъ къ вамъ.

АМОСОВЪ. Дуракъ!

КРУТИЛО. Помилуйте! Она могла случайно оглянуться... замѣтить... свернуть въ другую улицу.... Не знаю, кто бы остался тогда въ дуракахъ!

АМОСОВЪ (*не слушая его*). Ты прочелъ адресъ? Адресъ?...

КРУТИЛО. Адреса не было. Вѣроятно, она знаетъ, куда приказано отнести.

АМОСОВЪ (*подойдя къ авансценѣ*). О! я также знаю. Этотъ перстень, записка и эта таинственность.... Сколько притворства! Она почти съ презрѣніемъ отзывалась всегда объ Иволгинѣ! Такъ вотъ причина ея покорности, которую я считалъ слѣдствіемъ угрозъ моихъ?!.. Только этого не доставало... Не доставало, чтобы, кромѣ семейнаго несогласія, вѣчнаго раздора, въ моемъ домѣ поселился

еще позоръ! И эта скромная женщина! (сѣ судорожнымъ движеніемъ, скрежеща зубами) Ропотъ напрасень! (мрачно) Меня караетъ... (поднявъ глаза вверхъ) Онь!... (быстро оборачиваясь, — Крутиль) Что ты здѣсь торчишь? Ступай, ты мнѣ больше не нуженъ.

КРУТИЛО. Я думалъ Егоръ Петровичъ, что вамъ будетъ угодно приказать мнѣ что нибудь... Вы изволите уѣхать, а здѣсь...

АМОСОВЪ. Молчи! (пауза) А враги мои? Они воспользуются случаемъ разнести по цѣлому городу, выставить съ смѣшной стороны, повредить мнѣ, (сѣ силою) Нѣтъ, клянусь, я зажму имъ ротъ моимъ хладнокровіемъ! (сѣ истерическимъ хохотомъ) Ха, ха, ха, ха! Глупцы! Не вамъ со мною бороться... Никакое испытаніе въ мірѣ не заставитъ меня поколебаться! (сѣ усиліемъ) Я... стану между ними, интрига кончится! (Опустивъ глаза въ землю). И все тѣмъ кончится! (Вдругъ, со стономъ) Но я люблю ее!... (сѣ отчаяніемъ) А!... бываютъ минуты, когда я начинаю... (сѣ быстрымъ движеніемъ) Я долженъ убѣдиться... (Крутиль) Ты подождешь въ швейцарской, я...

КРУТИЛО (Увидавъ Лизу, которая входитъ справа). Ссѣ!...

IV.

ТѢЖЕ, ЛИЗА.

ЛИЗА (про-себя). Не уѣзжалъ еще?

АМОСОВЪ. Ты ко мнѣ? Жена послала?...

ЛИЗА. (сѣ замѣшательствомъ). Нѣтъ-сѣ... я... я пришла посмотреть, который часъ.

АМОСОВЪ. Но развѣ у Натальи...

ЛИЗА. Часы остановились... (подходя къ столовымъ часамъ).

АМОСОВЪ (про-себя). Караулятъ меня! (вслухъ Крутиль) Подана ли карета?

КРУТИЛО. У подъѣзда.

АМОСОВЪ. Хорошо... Я тотчасъ ѣду... (Крутиль тихо). Пиди за мной.

КРУТИЛО. (проводяя его, про-себя) Дождайся въ швейцарской!

V.

ЛИЗА, НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА.

НАТ. ПАВ. (входитъ справа) Ну, что Лиза?

ЛИЗА. Спрашивалъ карету... Тотчасъ ѣдить.

НАТ. ПАВ. Хорошо! Ты мнѣ скажешь, когда онъ явится. Попросить сюда...

ЛИЗА. Да онъ ужъ дожидается.

НАТ. ПАВ. Здѣсь?

ЛИЗА. Нѣтъ, но я видѣла изъ окна... Онъ два раза прошелъ по улицѣ и все смотрѣлъ на карету у подъѣзда...

НАТ. ПАВ. Ступай же, мой другъ. (*Слышитъ стукъ отъезжающаго экипажа*) Чу! Уфхаль. Смотри, не забудь предупредить меня, если мой мужъ неожиданно воротится. (*всторону*) О! возбудить подозрѣніе этого человѣка, значило бы погубить его! (*Лизѣ*) Ступай, онъ вѣрно скоро будетъ. Ты знаешь, онъ придетъ со двора... по той лѣстницѣ?

ЛИЗА. Я буду дожидаться... (*про себя*) Не понимаю, зачѣмъ она скрывается отъ мужа? (*уходитъ на право*).

НАТ. ПАВ. (*увлекалась внутреннимъ волненіемъ*) О! какая жизнь, какая жизнь!.. (*Пауза*) Что сказать ему? Неужели я должна все открыть? Все?! (*со стономъ*) Боже! Умилосердись надо мною... Я женщина, слабая женщина... Подкрѣпи меня! (*опускаетъ голову на грудь. — Пауза. — Ръшительно*). Онъ ничего не узнаетъ... Я скрою преступленіе, но я уговорю его остаться въ Петербургѣ, подамъ надежду... онъ будетъ помогать мнѣ, и тогда, если намъ удастся, безъ вѣдома мужа, перевести сюда Соничку, если Жоржъ увидитъ ее здѣсь, онъ не посмѣетъ болѣе... и можетъ быть...

VI.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА, ГУТМАНЪ, потомъ ЛИЗА.

ГУТМАНЪ. (*поспѣшно входить справа*) Наталья Павловна... (*цѣлуетъ ея руку*) Вы не перемѣнились, все также добры, по прежнему привязаны къ бѣдному сиротѣ?...

НАТ. ПАВ. (*съ упрекомъ*) И вы могли думать иначе, Александръ Ивановичъ?

ГУТМАНЪ. Но судите сами. Вчера я пріѣхалъ къ вамъ, какъ къ роднымъ, прямо съ дороги... и вдругъ встрѣтилъ такой сухой, принужденный пріемъ. Что я могъ подумать? Уѣзжая въ Одессу, я не успѣлъ даже проститься, вы были опасно больны...

НАТ. ПАВ. (*вздрагивая*) Да, я была очень больна! Ничего не помню,...

ГУТМАНЪ, (*продолжая*) Прошло около полугода — и мнѣ показалось... Извините... я вѣрю теперь, что здѣсь была другая, посторонняя причина.

НАТ. ПАВ. Это правда. Мой мужъ вѣчно занятъ дѣлами... и такъ горюетъ о нашемъ несчастіи... Вы понимаете... прїѣздъ вашъ... воспоминаніе... Я съ намѣреніемъ отклоняла разговоръ... Мнѣ самой было такъ грустно, больно... Вотъ настоящая причина той принужденности, которую вы въ насъ замѣтили... Но теперь я одна и посмѣшила разувѣрить васъ. Мнѣ не хотѣлось только, чтобы Жоржъ зналъ о нашей бѣсѣдѣ... Онъ старается удалить отъ меня всякое воспоминаніе, и потому я просила...

ГУТМАНЪ. О, записка ваша совершенно меня успокоила. Благодарю, Наталья Павловна! увести съ собою это горькое чувство было бы для меня послѣднимъ ударомъ.

НАТ. ПАВ. *(быстро)* Такъ вы непременно хотите ѣхать къ дялюшкѣ?

ГУТМАНЪ. Пора наконецъ рѣшиться.

НАТ. ПАВ. Отъ чего вы не хотите начать служить здѣсь, въ Петербургѣ?

ГУТМАНЪ, *(съ быстрымъ движеніемъ)* Здѣсь? Никогда *(Пауза)* Впрочем... это труднѣе, нежели вы думаете. Я не хочу никому быть въ тягость, а жить въ столицѣ при моихъ средствахъ...

НАТ. ПАВ. Но вы писали, что въ Одессѣ вы неожиданно подучили отъ неизвѣстной особы значительную сумму.

ГУТМАНЪ. Судя по письму, это была уплата стараго долга. Я употребилъ эти деньги, чтобы удовлетворить послѣднихъ кредиторовъ... У меня почти ничего не осталось.

НАТ. ПАВ. И эти деньги также, всѣ? *(въ сторону)* Я сдѣлала, что могла.

ГУТМАНЪ. Теперь, вы видите, уѣзжая къ дялѣ, я слѣдую голосу разсудка — мнѣняю нищету на довольство. *(задумчиво)* Довольство, возможность жить — это правда, *(съ тяжелымъ вздохомъ)* но не счастье!

НАТ. ПАВ. Послушайте, Александръ Ивановичъ.. Не уѣзжайте, повремените еще нѣсколько мѣсяцевъ. Кто знаетъ, можетъ быть.

ГУТМАНЪ, *(быстро)* Это невозможно! Письма отъ доктора, которыя мнѣ показывалъ сегодня Егоръ Петровичъ лишили меня послѣдней надежды. Скажите, къ чему эти отстрочки? Чтобы плакать о прошломъ, терзаться мыслию о судьбѣ несчастной дѣвушки, чтобы невольнымъ воспоминаніемъ, глядя на васъ, на этотъ домъ, садъ, комнаты, безпрестанно тревожить рану сердца?.. А!.. вы думаете, что я не страдаю, потому-что я не обливаюсь слезами, не проклинаю судьбу?.. Да, я молчу, глаза мои сухи, это правда, но здѣсь Наталья Павловна... *(ударяя въ грудь)* Здѣсь... *(съ быстрымъ движеніемъ)* Ради Бога, не удерживайте меня болѣе; я долженъ ѣхать, чтобы въ постоянныхъ трудахъ по дѣламъ дяли,

въ чужой странѣ, стараться забыть о томъ, что было и никогда не возвратится на родинѣ!.. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

НАТ. ПАВ. О! вы не уѣдите. Вспомните, что отецъ вашъ завѣщалъ мнѣ быть вашей матерью... Это была послѣдняя его воля, она должна быть для васъ священна. Я имѣю право приказывать... но я прошу, умоляю васъ, не уѣзжайте Александръ Ивановичъ! Если вы все еще любите мою бѣдную Соничку.

ГУТМАНЪ. (св силою) Люблю ли я ее? (со слезами) До преступленія Наталья Павловна! По временамъ мнѣ приходитъ на мысль, что безуміе ея не можетъ быть преградой нашему счастью, что любовь моя властна возвратить ей въ послѣдствіи разсудокъ, и я почти рѣшаюсь... (св судорожнымъ движеніемъ) О, не правда ли, такъ думать — преступленіе, святотатство? (увлекаясь чувствомъ) А вы еще спрашиваете, люблю ли я ее?

НАТ. ПАВ. (въ сильномъ волненіи — въ полмолоса) И не смѣть, не имѣть силъ сказать?

ГУТМАНЪ. Вамъ дурно? Вы... (поддерживаетъ ее).

НАТ. ПАВ. (смутно глядя вокругъ себя) Соничька... сестра моя... (схвативъ Гутмана за руку) Вы сказали преступленіе? Не покидайте меня... Мы употребимъ все средства, чтобы перевести ее сюда...

ГУТМАНЪ. Сюда? Но развѣ вы не знаете, что подобный переездъ...

НАТ. ПАВ. Неправда! Ей лучше... она...

ГУТМАНЪ. Что вы сказали?

НАТ. ПАВ. (отомлившись) Я надѣюсь... думаю... Ради Бога, не говорите никому объ этомъ; мой мужъ ничего не долженъ знать; онъ... можетъ быть... не захочетъ, не позволитъ... но я увѣрена, что ей будетъ лучше... здѣсь, при моихъ глазахъ.

ГУТМАНЪ. Такъ есть еще надежда! И вы до сихъ поръ ничего мнѣ не сказали?..

(Изъ сред. дверей вблгаетъ Лиза)

ЛИЗА. Егоръ Петровичъ!

НАТ. ПАВ. Онъ?

ЛИЗА. Идетъ сюда.. (поспѣшно уходитъ на право).

НАТ. ПАВ. (въ испугъ — Гутману) Уйдите, уйдите!

ГУТМАНЪ. Но прошу васъ, объясните мнѣ...

НАТ. ПАВ. Въ другое время. Завтра... сегодня, можетъ быть. Но никому ни слова... Уйдите... Лиза васъ приводитъ.

ГУТМАНЪ. Что съ вами вдругъ сдѣлалось?...

НАТ. ПАВ. (прислушиваясь) Вы слышите?... Ради Бога... (почти толкаетъ его въ дверь на право. Гутманъ уходитъ. Наталья

Павловна поспѣшно переходитъ на другую сторону) Онъ въ состояннй исполнить свою угрозу!

VII.

АМОСОВЪ, ЖЕНА ЕГО.

АМОСОВЪ, (*про-себя*) Я опоздалъ! Но онъ былъ здѣсь... Крутило слышалъ чей-то мужской голосъ. (*бросаетъ бѣглый взглядъ вокругъ комнаты*).

НАТ. ПАВ. (*наблюдавшая за нимъ, — въ сторону*) Какой взглядъ!

АМОСОВЪ. (*про себя*) Все равно! (*вслухъ, обращаясь къ женѣ*) У меня есть къ вамъ просьба.

ОНА. Что вамъ угодно?

ОНЪ. Бездѣлка! Миѣ нуженъ на минуту перстень, который вы получили по наслѣдству отъ вашего отца.

ОНА. (*въ сторону*) Онъ узналъ?

ОНЪ. На минуту, не больше... Я знаю, вы такъ имъ дорожите. Не беспокойтесь, онъ будетъ возвращенъ вамъ въ цѣлости... Миѣ пришла охота взглянуть на него. (*Пауза*) Чтожь? Я ожидаю.

ОНА. Къ чему эта просьба, сударь? Я вижу, вы очень хорошо знаете, что у меня нѣтъ болѣе этого перстня.

ОНЪ. А позвольте спросить, куда онъ дѣвался? Потерянъ? У васъ его украли?

ОНА. Я продала его вмѣстѣ съ брилiантовымъ крестомъ моею покойной матери, вмѣстѣ съ другими вещами, которыя миѣ принадлежали.

ОНЪ. Всѣ ваши брилiанты?!

ОНА. Миѣ были нужны деньги.

ОНЪ. (*задыхаясь*) Чтобы .

ОНА. Какъ! И вы меня спрашиваете? Вы знаете, для чего я пожертвовала этими священными для меня залогами, знаете, что я переслала эти деньги въ Одессу, и рѣшились упрекать меня?

ОНЪ. (*внѣ себя, — едва слутая*) Что?! Я ничего не понимаю! Эти деньги... Куда? Кому?... А!... вы не хотите признаться, но я все знаю! Вчера я видѣлъ этотъ драгоцѣнный для васъ перстень на рукѣ Иволгина... Сегодня вы назначили ему свиданiе... (*съ силою*) Эти брилiанты... вы ихъ отдали вашему любовнику.

ОНА. (*съ крикомъ*) Моему люб...

ОНЪ. Да, сударыня... Иволгинъ сейчасъ былъ здѣсь, вы...

ОНА. И онъ осмѣлился подозрѣвать! (*съ силою*) Такъ оскорблять меня?!

ОНЪ. *(въ сторону)* Куда дѣвалось мое хладнокровіе? *(жестъ)* Отвѣчайте, этотъ человѣкъ...

ОНА. *(быстро, съ достоинствомъ)* Довольно сударь, ни слова больше! Какое вы имѣете право оскорблять жену вашу такимъ нелѣпымъ подозрѣніемъ? И гдѣ отыскиали вы поводъ? Въ моей прошлой жизни, потерянномъ счастьи, въ моей любви къ дѣтямъ... *(съ силою)* въ моихъ страданіяхъ?

ОНЪ. Но развѣ вы не слышали? Я знаю, что вы писали сегодня записку, назначали свиданіе... Кому?

ОНА. *(вздрынувъ)* записку?

ОНЪ. А! Вы блѣднѣете... Кому вы ее посылали? Кому?

ОНА. *(быстро)* Выслушайте меня... Этотъ перстень, вѣроятно, былъ купленъ у ювелира, которому я продала его вмѣстѣ съ другими брилліантами, а эти деньги...

ОНЪ. *(въ себя)* Я вамъ говорю — записка, свиданіе! *(за дверью справа слышенъ стукъ)* Что это? Неужели онъ еще здѣсь? О, кто бы онъ ни былъ, я... *(бѣжитъ на право).*

ОНА. *(загораживая ему дорогу)* Я вамъ запрещаю!

ОНЪ. *(отталкивая ее)* Несчастная!

ОНА. *(бросаясь на право и заперевъ собою дверь)* Нѣтъ! ты не войдешь сюда!.. Клянусь, я не знаю этого человѣка!.. Жоржъ... Ты будешь раскаяваться... Тебѣ будетъ стыдно. *(Въ эту минуту двери отворяются и на порогъ комнаты показался Гутманъ).*

АМОСОВЪ. *(въ изумленіи, — всторону)* Гутманъ?

VIII.

ТѢЖЕ, ГУТМАНЪ.

ГУТМАНЪ, *(въ волненіи, обращаясь къ Амосу)* Вы хотѣли видѣть человѣка, къ которому супруга ваша писала сегодня записку? Что вамъ отъ меня угодно, Егоръ Петровичъ! *(къ Нат. Павловнѣ)* Для чего вы принудили меня скрыться... удерживали вашего мужа? Нѣсколько словъ, которыя я услышалъ...

НАТ. ПАВ. *(слабымъ голосомъ)* Вы слышали?

АМОСОВЪ. *(про себя)* Я... пораженъ! Это свиданіе...

ГУТМАНЪ. *(Амосову)* О, ваше подозрѣніе ужасно! *(подавая ему записку)* Прочтите.

АМОСОВЪ, *(быстро пробѣгая записку)* Извините, я никакъ не думалъ... *(къ жентъ)* Прости меня, Наташа, я невольно краснѣю при мысли... Но ты не хотѣла отвѣчать на мои вопросы, а этотъ случай, таинственность... *(про-себя)* Что если...?

ГУТМАНЪ, *(Нат. Павловнѣ)* Теперь, мнѣ кажется, я знаю имя моего неизвѣстнаго благодѣтеля... Эти деньги, которыя я такъ

неожиданно получилъ въ Одессѣ и до сихъ поръ считалъ уплатой стараго долга...

НАТ. ПАВ. Александръ Ивановичъ...

ГУТМАНЪ. О! для такой жертвы нѣтъ словъ, нѣтъ благодарности, Наталья Павловна... Но я ее понимаю, и готовъ благоговѣть, молиться предъ вами, какъ предъ ангеломъ!

НАТ. ПАВ. *(съ быстрымъ движеніемъ)* Вы ошибаетесь! Эти деньги принадлежатъ вамъ... Это...

АМОСОВЪ, *(схвативъ ее за руку, — шепотомъ)* Молчите! *(вслухъ Гутману)* Извините... Я такъ взволнованъ... моя жена... эта семейная сцена... вы понимаете...

ГУТМАНЪ, *(смотря попеременно на Амосова и жену его, — про себя)* Я ей одной обязанъ... Но здѣсь что-то кроется... Это странное свиданіе... ея волненіе... загадочныя слова о Соничкѣ... Я ухожу не надолго! *(уходитъ)*.

IX.

АМОСОВЪ, ЖЕНА ЕГО.

АМОСОВЪ, *(по уходѣ Гутмана, быстро обращается къ женѣ)* Такъ вы рѣшились пренебречь моею угрозою, сударыня? Отвѣчайте, вы все ему открыли?

НАТ. ПАВ. Нѣтъ, нѣтъ, увѣрю васъ.

ОНЪ. Клянитесь!

ОНА. Видитъ Богъ, онъ не знаетъ еще о вашемъ преступленіи...

ОНЪ. Дѣтьми клянитесь!

ОНА. О! клянусь вамъ!...

ОНЪ, *(про себя)* Да .. кажется, я поспѣлъ во время... онъ еще не знаетъ. *(вслухъ)* Зачѣмъ вы отъ меня скрывались? Вы могли бы успокоить, разувѣрить его въ ошибочномъ о насъ мнѣніи, не прибѣгая къ такимъ средствамъ. Знаю, мое присутствіе, мой видъ вамъ въ тягость... Но я не тиранъ, сударыня! Я просилъ васъ только объ одномъ — не мѣшаться въ дѣла мои.

ОНА. Жоржъ!

ОНЪ. Еще разъ — простите меня. Это недоразумѣніе ввергло меня въ величайшую ошибку.

ОНА. *(бользненнымъ голосомъ)* Я все забыла!

ОНЪ. Во всякомъ случаѣ, вы поступили очень неосторожно, продавъ брилліанты. Объ этомъ могли узнать другіе и вывести весьма невыгодныя заключенія. Но я поправлю ошибку и завтра

же выкуплю ихъ. Напрасно вы торопились... Я и самъ имѣлъ на мѣреніе помочь Гутману.

ОНА. Вы! Но ваши деньги, сударь, принесли бы ему несчастіе... На нихъ кровь его отца, слезы Соничьки!

ОНЪ. Опять? Такъ вы рѣшились ни на минуту не давать мнѣ покоя?

ОНА. *(съ отчаяніемъ)* Да, я каждый день, каждый часъ умоляю я тебя сжалиться надъ моими страданіями, а ты меня не слушаешь. Твой покой? А что ты сдѣлалъ съ моимъ покоемъ, что ты сдѣлалъ со мною? О! взгляни на меня... Та ли я женщина, которая еще нѣсколько мѣсяцевъ тому, удивляла всѣхъ своею свѣжестію и красотою? Вглядись хорошенько въ лицо мое... Глаза мои впали, на лбу показались морщины, — а мнѣ только двадцать пять лѣтъ!

ОНЪ. Послушай Наташа...

ОНА. *(изнемогая)* А!.. ты считаешь меня врагомъ своимъ? Но развѣ ты не видишь, что я такая же преступница, какъ и ты?.. что не смотря на весь ужасъ твоихъ злодѣяній, я — не могу, не смѣю промолвить слова?.. *(движеніе Амосова. — Со столомъ)* Да, жестокой человекъ, ты зналъ, какой струвы коснуться! Эта страшная картина, которую ты безпрестанно развертываешь предъ моими глазами, — будущность дѣтей моихъ... нищета, позоръ, которые ихъ ожидаютъ, если бы я рѣшилась... И я до сихъ поръ молчала, я хотѣла даже забыть, что... *(въ ужасѣ)* подумать страшно! Но есть предѣлъ страданьямъ человека, всякой борьбѣ... и вотъ онъ... Я изнемогла... нѣтъ больше силъ... я начинаю презирать сама себя... мнѣ въ тягость жизнь... *(съ силою)* Жоржъ!.. возврати мнѣ сестру мою, или, *(ухватясь за его руку)* убей, убей меня!

ОНЪ. *(съ участіемъ)* Опомнись... Такія мысли...

ОНА. *(почти шепотомъ)* Нѣтъ! Я не хочу умирать... я не хочу только жить! *(Пауза).*

ОНЪ. *(съ разстановкою, какъ бы обдумывая)* Наташа! Я заслуживаю болѣе состраданіе, нежели упреки... И ты не замѣчаешь во мнѣ никакой переменны? О, ты сказала правду — всему есть предѣлъ!

ОНА. *(въ изумленіи смотритъ на него)* Что ты говоришь?

ОНЪ. Успокойся, мой другъ. Мнѣ рисали.. Соничькѣ гораздо лучше.. Она почти выздоровѣла.

ОНА. Боже! Такъ ли я слышу? Ты рѣшился возвратить свѣту несчастную сестру мою? О, ради Бога, повтори еще разъ.. Я боюсь ошибиться!

ОНЪ. Я не хотѣлъ было до времени объявлять тебѣ объ этой перемянѣ.. Ждалъ случая.. но твои упреки.. Да, Наташа, твои слезы, самоотверженіе пробудили во мнѣ, наконецъ, раскаяніе..

Я съ ужасомъ вспоминаю теперь о моемъ безчеловѣчномъ поступкѣ! Прости меня... Я былъ увлеченъ обстоятельствами, пагубными совѣтами... но по счастью, я во время образумился! Я уже писалъ въ Оренбургъ... Черезъ мѣсяць, съ небольшимъ, кузина наша будетъ здѣсь.

ОНА. Здѣсь? *(Пауза)* Жоржъ... Не шути моими муками... если это неправда..

ОНЪ. *(съ упрекомъ)* Ты мнѣ не вѣришь?... Что-жь? Я не роппу! я заслужилъ такое наказаніе... Богъ съ тобой!

ОНА. И я ее увижу?

ОНЪ. Черезъ мѣсяць она будетъ здѣсь... и тогда ты мнѣ повѣришь.

ОНА. О! прости... Я вѣрю... Мнѣ такъ отраднo вѣрить! *(сквозь слезы)* Иначе быть не могло... Вдругъ сдѣлаться такимъ злодѣемъ... Изъ человѣка — камнемъ! Нѣтъ, нѣтъ я вѣрю... Тебя погубили совѣты злыхъ людей; но ты родился добрымъ, благороднымъ... Меня никогда не покидала эта мысль... Я все надѣялась... и вотъ..

ОНЪ. Опять слезы, Наташа?

ОНА. Отъ радости, мой другъ, отъ радости!

ОНЪ. Забудемъ прошлое. Въ письмѣ къ кузинѣ я слегка упомянулъ, что слухи о женитьбѣ Александра Ивановича оказались ложными..

ОНА. Но это письмо, которое...

ОНЪ. Я объясню тебѣ потомъ... Теперь, выслушай меня... До времени надобно сохранить все это въ тайнѣ... Никому ни слова, что здоровье Соничьки... Ты понимаешь? — Эта быстрая перемѣна можетъ навлечь подозрѣніе, и тогда...

ОНА. Не безпокойся, отъ меня никто не услышитъ. Но мы подадимъ надежду Александру Ивановичу, не правда ли? Надобно удержать его въ Петербургѣ?

ОНЪ. *(быстро)* Его? Избави Боже! Ему-то и не должно ничего знать. Эта горячая голова все испортитъ. Зачѣмъ его удерживать? Пусть себѣ отправляется за границу, къ дядѣ.

ОНА. *(съ удивленіемъ)* Но какъ же?... Вѣдь они любятъ другъ друга... Соничька...

ОНЪ. Потомъ, чрезъ два-три мѣсяца, мы ему напишемъ... понемногу приготовимъ къ радостному извѣстію... Разсуди сама: онъ читалъ письма доктора, и вдругъ... Я знаю его вспылчивый характеръ... Что онъ подумаетъ? Нѣтъ, онъ долженъ непременно уѣхать... Этимъ средствомъ я устраню себя отъ подозрѣній... Понимаешь ли, — онъ долженъ непременно уѣхать отсюда, на время, иначе я ни за что не отвѣчаю. и Соничька..

ОНА. *(быстро)* Твоя правда... Мы не станемъ его теперь удерживать, но потомъ... Жоржъ! зачѣмъ ты отворачиваешь отъ меня лицо свое? О, смотри мнѣ смѣло въ глаза... Я не хочу бо-

лѣе вспоминать о прошломъ... Смотри, я снова ожила, помолодѣла. Я снова, не краснѣя, могу любить моего мужа!

ОНЪ, (*въ замѣшательствѣ*) Наташа...

ОНА. О! брось эту шумную жизнь, честолюбивыя мечты свои, онѣ едва не погубили тебя! Поѣдимъ къ батюшкѣ, въ деревню Соничьки.. Мы будемъ жить цѣлымъ семействомъ, въ кругу родныхъ... Мы были такъ счастливы въ неизвѣстности... Уѣдимъ отсюда!

ОНЪ. (*увлекаясь*) Миѣ оставить службу, Петербургъ! (*опомнясь*) Оставь меня, Наташа... Сегодня я такъ много перенесъ... Дай миѣ время успокоиться... Я скоро долженъ ѣхать къ Министру.

ОНА. Я буду съ нетерпѣніемъ ожидать твоего возвращенія. Приходи ко миѣ, Жоржъ.. Мы такъ давно не были вмѣстѣ!

ОНЪ. Черезъ часъ я буду дома. (*отходитъ въ сторону*).

ОНА, (*про-себя — смотря на мужа*) А я пойду... молиться.

X.

АМОСОВЪ, потомъ КРУТИЛО.

АМОСОВЪ, (*смотря ей вслѣдъ—въ раздуми*) Да, такъ любить можетъ только женщина! (*Пауза*) Однакожъ, (*улыбался*) я едва не расхохотался! Она зоветъ меня въ деревню, предлагаетъ эту жалкую, неизвѣстную жизнь... Миѣ!... (*смѣясь*) Дурочька! (*Пауза*) Признаюсь, миѣ блеснула счастливая мысль увѣрить ее въ моемъ раскаяніи... Теперь она успокоилась. Гутманъ уѣдиль... я могу дѣйствовать свободнѣе.. Наша тетушка пишетъ, что Лилѣва, благодаря ханжеству какой-то монахини, начала бредить монастыремъ.. Прекрасно! Я окончу эту комедію гораздо проще. Лилѣва поступить въ монастырь, но предъ тѣмъ, дарственная запись утвердить за мною имѣніе... Въ два-три мѣсяца я все обдѣлаю — концы въ воду! (*улыбался*) Чтожъ? Я не обманулъ жену... Лилѣва выздоровѣетъ... Ну, а если она поступить въ монастырь... Удерживать ее отъ этого святаго намѣренія я не смѣю.

КРУТИЛО. (*который вошелъ при послѣднихъ словахъ Амосова, про себя*) Смѣлѣе, Савушка, смѣлѣе! (*нѣсколько разъ кашляетъ*).

АМОСОВЪ. (*оборачиваясь..*) Ты зачѣмъ? Я тебя не звалъ.

КРУТИЛО. Я осмѣлился...

АМОСОВЪ. (*скоро*) Бриліанты, записка все вздоръ!.. Я знаю теперь въ чемъ дѣло. Ступай. (*Крутило снова кашляетъ и не тро-*

гастя съ мѣста. — Амосовъ пристально смотритъ на него.) Ты какъ будто хочешь просить меня?.. Я знаю твои приемы.

КРУТИЛО. Слѣшное дѣло, Егоръ Петровичъ... Иначе, я не сталъ бы теперь васъ беспокоить.

АМОСОВЪ. Опять денегъ, а? Бѣздонная бочка! Развѣ ты мало перебралъ ихъ у меня?

КРУТИЛО. Помилуйте, и думать не смѣю! Я пришелъ-съ... съ просьбицей — оказать мнѣ покровительство ваше въ одномъ дѣлѣ.

АМОСОВЪ. Ну, говори скорѣе... мнѣ нѣкогда.

КРУТИЛО (*про себя*) Да что я въ самомъ дѣлѣ трушу! (*вслухъ.*) Какъ вамъ извѣстно, Егоръ Петровичъ, я имѣлъ тяжбу по имѣнью съ Петромъ Андрѣевичемъ, почтеннымъ родителемъ вашимъ.

АМОСОВЪ. То есть, эту тяжбу имѣлъ съ нимъ сутяга, у котораго ты купилъ деревню? Процессъ давно уже рѣшенъ, и по всей справедливости, въ пользу моего отца... Но къ чему ведетъ это предисловіе?

КРУТИЛО. Да деревушка — то моя въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Петра Андрѣевича, а на поляхъ моихъ есть и его земелька. Оно, выходитъ, чрезполосныя владенія... (*съ гримасою.*) Терпѣть не могу! Я было предлагалъ вашему батюшкѣ продать мнѣ свою деревню, писалъ къ нему... Куда! И руками и ногами! За сто тысячъ, говорить, не продамъ. И какія резоны приводитъ — смѣхъ, да и только. Говорить: «здѣсь я родился, прожилъ болѣе полувѣка, здѣсь похороненъ отецъ, лежитъ старуха-жена... хочу, чтобъ и меня здѣсь же похоронили.»

АМОСОВЪ. (*съ нетерпѣніемъ.*) Да кончишь ли ты? Несносная заманка. Пришелъ просить о дѣлѣ, а толкуетъ о вещахъ совершенно постороннихъ.

КРУТИЛО. Да это... совсѣмъ не постороннее.

АМОСОВЪ. Что?

КРУТИЛО. Я рѣшился возобновить процессъ.

АМОСОВЪ. Ты съ ума сошелъ!

КРУТИЛО. Нѣтъ-съ, благодаря Бога, все по прежнему... Извольте-ли видѣть, на дняхъ мое дѣло перенесено въ Петербургъ, такъ я и рѣшился побезпокоить васъ, Егоръ Петровичъ; отъ васъ будетъ многое зависѣть... А я уже припасъ кое-какіе документы... Остается только утвердить ихъ и дѣло съ концемъ!

АМОСОВЪ. Какъ! И ты хочешь, чтобъ я помогъ тебѣ отнять у моего отца послѣдній уголъ, который у него остался? Обокрасть его... выгнать изъ деревни?

КРУТИЛО. (*хладнокровно.*) Помилуйте! Зачѣмъ выгонять? Онъ только переѣдитъ. У васъ есть имѣніе... вы человекъ не бѣдный.

АМОСОВЪ. А, дьяволъ! Куда ты припряталъ рога свои?

КРУТИЛО. Хе, хе, хе!.. Опять шутить изволите! (*кладитъ себя рукой по лысину.*) Какіе тутъ рога?

АМОСОВЪ. Осмѣлится мнѣ предлагать.. Негодяй!

КРУТИЛО. (*поднявъ голову.*) Потихе: всѣму есть мѣра... Я уже столько проглотилъ дураковъ и негодяевъ, что мой желудокъ больше не варитъ! И чѣмъ я хуже когонибудь другаго? Развѣ потому, что прошу теперь для себя, а не дѣлаю того — же для васъ?

АМОСОВЪ. Ты смѣешь?..

КРУТИЛО. Да что же тутъ особеннаго? Вѣдь вы рѣшились же нѣкогда...

АМОСОВЪ. (*внѣ себя.*) Злодѣи!

КРУТИЛО. (*хладнокровно.*) Ну такъ, я и негодяй и злодѣи! Послушайте, вамъ всѣ завидуютъ, васъ превозносятъ похвалами, считаютъ честнѣйшимъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ, чуть не святымъ... вамъ все: и почести, и богатство; — а на мою долю презрѣніе, ругательства, чуть не побой! Да не вы одни, всѣ указываютъ на меня пальцами, называютъ мошенникомъ, воромъ... Положимъ, я не праведникъ: но сами разсудите, за что же одного негодяя гладятъ по головкѣ, а другаго бьютъ немилосердо!

АМОСОВЪ. Крутило...

КРУТИЛО. Да, видно такова ужъ судьба наша! Мы, бѣдные, мелкіе люди, годимся только для того, чтобы исполнять прихоти другихъ; другіе охотно пользуются выгодами, которыя извлекаютъ изъ нашего ума и низости, они прибѣгаютъ къ нашей помощи, чтобы самимъ не замараться... на насъ падаетъ весь стыдъ, а они въ сторонѣ; мы и негодяи, и злодѣи, а они честные, благородные люди! (*Пауза.*) Что же вы молчите? Скажите, чѣмъ я хуже этихъ людей?

АМОСОВЪ. (*съ удивленіемъ смотритъ на него.*) И это говорить Крутило? Этотъ низкопоклонный рабъ!

КРУТИЛО. То было прежде, а то теперь! До времени я все переносилъ; молчалъ, когда меня ругали; но теперь, благодаря Бога, я кое-что припасъ... на мой вѣкъ хватить! Зачѣмъ же мнѣ быть слугою, когда я могу быть баринномъ?

АМОСОВЪ. О! наконецъ-то я вижу, что ты за человѣкъ!

КРУТИЛО. А вы думали, что я и разсуждать — то не умѣю? (*улыбаясь.*) По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ... У меня, на всякій случай, была про запасъ овечья шкурка, да камушекъ за пазушкой.

АМОСОВЪ. (*послѣ минутнаго размышленія.*) Вѣдь вонъ! Если ты еще разъ осмѣлишься напомнить мнѣ объ этой тяжбѣ, я... Ступай!

КРУТИЛО. Такъ вы рѣшительно..

АМОСОВЪ. (горячо) Прочь съ глазъ моихъ!

КРУТИЛО. Вы меня выгоняете? Что-жъ! Я всегда ожидалъ такой благодарности. Но не забудьте, что есть люди, которые съ радостію меня примуть... Князь Ушатинъ, на примѣръ, да и другіе... Я буду съ ними откровененъ... А мнѣ кое-что извѣстно, въ моихъ рукахъ есть кое-какая переписка.

АМОСОВЪ. (быстро.) Ты хочешь?..

КРУТИЛО. (со вздохомъ.) Совѣсть одоѣла... Хочу показаться.

АМОСОВЪ. Все объявить врагамъ моимъ?.. А!.. Червякъ!.. Я раздавлю тебя пятой.

КРУТИЛО. (спокойно.) Князь Ушатинъ защититъ меня, а мое раскаяніе... (дѣлаетъ видъ, что хочетъ идти).

АМОСОВЪ. Пстой! (Пауза.) О! никогда!.. (схвативъ Крутилу за плеча, съ силою трясетъ его.) Будь проклятъ! (толкаетъ его къ дверямъ и бросается въ кресла).

КРУТИЛО. (про-себя.) Вздоръ! Покричитъ и умается. (отходитъ къ сред. дверямъ и спокойно нюхаетъ табакъ.)

АМОСОВЪ. (быстро встаетъ и подходитъ въ авансцену.) Вотъ куда привела меня наконецъ эта преступная жизнь! Быть въ зависимости отъ подобнаго человѣка!.. Онъ осмѣлился идти противъ меня! Онъ??. (внѣ себя.) Я уничтожу его... я... (Пауза.) Но что я сдѣлаю? Князь Ушатинъ ненавидитъ меня; я былъ причиною его несчастія, онъ воспользуется случаемъ отплатить мнѣ тѣмъ-же. Враги мои... и теперь, когда я превозмогъ всѣ трудности, когда мнѣ остается одинъ только шагъ, чтобы... упасть съ этой высоты: сдѣлаться посмѣшищемъ цѣлаго города, хуже... Нѣтъ! я долженъ предупредить зло. Крутило откажется отъ своего намѣренія... я куплю его молчаніе. (содрогнувшись). Чѣмъ?! (Пауза.) Увидимъ! Я отыщу средство... Ей! Ктонибудь! (подходитъ къ столу и хочетъ звонить въ колокольчикъ).

КРУТИЛО. (поспѣшнѣе выходя впередъ.) Что прикажете?

АМОСОВЪ. Ты здѣсь?

КРУТИЛО. Я и не уходилъ... (улыбаясь.) Я зналъ, что вы меня позовете!

АМОСОВЪ. (скоро.) Я сейчасъ ѣду, но по возвращеніи моемъ... приди въ кабинетъ и принеси съ собою документы, о которыхъ ты мнѣ говорилъ. Но не думай, чтобы я согласился... Никогда! (уходитъ.)

КРУТИЛО. (улыбаясь.) Деревушка моя! (Пауза.) Да, пора было съ нимъ кончить. Онъ такъ быстро шагаетъ, что скоро перестанетъ во мнѣ нуждаться. Лучше взять, чѣмъ получить отставку! Да и какъ оставаться долѣе у такого рѣшительнаго чело-

вѣка? Вѣдь онъ, пожалуй, предложилъ бы мнѣ наконецъ зарѣзать когонибудь... (съ гримасою.) Фи! Я на такой поступокъ не способенъ. (уходитъ.)

XI.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА и ГУТМАНЪ (поспѣшно входятъ справа,)
потомъ ЛИЗА.

ГУТМАНЪ. Но растолкуйте мнѣ, что значить эта быстрая переменна? Давеча вы уговаривали меня остаться въ Петербургѣ, теперь совѣтуете ѣхать...

НАТ. ПАВ. (въ замѣшательствѣ.) Я убѣдилась, наконецъ, что это необходимо.

ГУТМАНЪ. Но Соничька, Соничька? Вы мнѣ сказали...

НАТ. ПАВ. Я ошибалась. Развѣ вы не читали писемъ доктора?

ГУТМАНЪ. О! я читалъ ихъ, и вотъ почему мнѣ кажется страннымъ... Наталья Павловна, до сихъ поръ вы были моимъ ангеломъ-хранителемъ, прошу одной милости: выведите меня изъ этаго сомнѣнія, не скрывайте ничего. Нѣсколько словъ, которыя почти невольно вырвались у васъ, давеча, въ нашемъ разговорѣ, ваше волненіе, таинственность... Не правда ли, вы хотѣли что-то открыть мнѣ, и вдругъ вашъ мужъ...

НАТ. ПАВ. (быстро.) Вы ошибаетесь, онъ... ничего... но Боже мой! вы воротились, чтобы измучить меня Александръ Ивановичъ! ваши вопросы.

ГУТМАНЪ. Нѣтъ! Мнѣ говоритъ предчувствіе, что здѣсь что-то кроется... И, клянусь вамъ, я все узнаю! Я рѣшусь на послѣднѣе средство—отправлюсь въ Оренбургъ.

НАТ. ПАВ. Въ Оренбургъ!

ГУТМАНЪ. Да, я хочу увѣриться собственными глазами въ моемъ несчастіи, или... (смотритъ пристально на Амосову.) Боюсь догадаться!

НАТ. ПАВ. (въ сильномъ волненіи.) Послушайте...

ГУТМАНЪ. Вы скоро обо мнѣ услышите. Прощайте!

НАТ. ПАВ. (увлекаясь.) Но если онъ узнаетъ!

ГУТМАНЪ. Онъ?!

НАТ. ПАВ. О, ради Бога, не раздражайте его! Онъ подумаетъ...

ГУТМАНЪ. (пораженный ея словами) Да кто-же этотъ человекъ! Что вы сказали! Повторите!

НАТ. ПАВ. (опомнившись.) Я ничего не говорила... Что вы отъ меня хотите!.. Вы видите, я ничего не знаю!..

(Входитъ Лиза.)

ЛИЗА. Пришла какая-то женщина. Говорить — изъ Оренбурга.

ГУТМАНЪ. А!.. (Лиза) Гдѣ эта женщина? Скорѣй ее сюда.

НАТ. ПАВ. Отъ Соничька?!

ГУТМАНЪ. Такъ вы рѣшились?.. (подбываетъ къ столу и звонитъ въ колокольчикъ).

НАТ. ПАВ. (быстро) Нѣтъ, пусть положитъ меня въ уборной. (Лиза уходитъ.—Въ сторону). Боже!

ГУТМАНЪ. Вы тотчасъ узнаете. (Входитъ Лиза.—Она говоритъ ей, значительно смотря на Амосову.) Наталья Павловна хочеть видѣть эту женщину. (тихо Амосовой.) Прикажите, я требую!

НАТ. ПАВ. (изнемогая). Что вы дѣлаете?

ЛИЗА. (Нат. Павловнѣ) Позвать сюда?

НАТ. ПАВ. (дѣлаетъ знакъ рукой.— Лиза уходитъ.— Обращаясь къ Гутману.) Александръ Ивановичъ..

ГУТМАНЪ. (холодно.) Сядьте!

XII.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА, ГУТМАНЪ и ОМИНИШНА.

ОМИНИШНА. (кланяясь въ поясъ Амосовой.) Здравствуйте матушка барыня.

ГУТМАНЪ. Ты изъ Оренбурга?

ОМИНИШНА. Изъ хутора, родимый! Жила въ услуженіи у тетки Софьи Яковлевны... никакъ сестрицы вашей

НАТ. ПАВ. Она тебя послала.

ОМИНИШНА. Нѣтъ, матушка. Стосковалась по сыну... онъ здѣсь, въ Питерѣ, въ полку. Пришла его провѣдать. Да вотъ, зашла къ твоей милости...

ГУТМАНЪ. (перебивая) Ну, а Софья Яковлевна, что-же ты не говоришь! Она... здорова.

ОМИНИШНА. Богъ милостивъ. Горюеть только сердечная, да...

ГУТМАНЪ. Здорова? Не... она не... (съ усиленіемъ) сумасшедшая?

ОМИНИШНА. Чтоты, батюшка! Христось съ тобой (крестится).

ГУТМАНЪ. (схватывая себя за голову.) Продолжай, Оминишна, продолжай!

ОМИНИШНА. (обращаясь попеременно къ обоимъ.) Когда я поступила къ Марьѣ Ивановнѣ, она все на васъ пѣняла... Никто, говоритъ, и знать меня не хочеть, хоть бы строчку написали! А тетушка, Марья Ивановна, бывало, утѣшаетъ: оставься со мною, моя голубушка, ужъ я ли не люблю тебя. Твоя, говоритъ, сестрица живетъ въ Питерѣ, во всякомъ удовольствіи, ей и горюшка ма-

ло, что ты здѣсь тоскуешь по батюшкѣ. А она, бывало, сердечная бросится къ ней на шею, да... *(плачетъ.)* Извините, сударыня... Грѣхъ вамъ было покидать мою краличку! Такая добрая, такая,

ПАВ. НАТ. *(со стономъ)* О! перестань!..

ГУТМАНЪ. Продолжай, Оминнишна, продолжай! *(закрываетъ лицо руками).*

ОМИНИШНА. *(отирая глаза рукавомъ)* Да вотъ, въ ту пору, какъ получили мы письмо, что нарѣченный-то ея женихъ прѣхалъ въ Питеръ съ молодой женой...

ГУТМАНЪ. *(поднявъ голову)* Что?!

ОМИНИШНА. Какъ, бишь, звать-то его? позапamятавала прозвище... Александръ Ивановичъ... Гур... Гум...

ГУТМАНЪ. *(съ крикомъ)* Гутманъ?!

ОМИНИШНА. Такъ и есть—Гуртной. Злодѣи онъ этакой! Ужъ она плакала, плакала, моя сердечная... вспомнишь, такъ сердце надрывается. Ну, вотъ, въ ту пору еще хуже стало; а теперь, и мать родная не спознаетъ... Съ лица совѣмъ спала, то и дѣло молится Богу, да поговариваетъ о монастырѣ.

НАТ. ПАВ. Въ монастырь! Нѣтъ, она скоро получить письмо... Вы увидите...

ГУТМАНЪ. *(Оминнишнѣ, скоро)* Довольно. [Ступай, Оминнишна... тебя позовутъ... дождись тамъ... слышишь-ли? *(говоритъ съ самимъ собой)* Я все понялъ.

ОМИНИШНА. Слышу, батюшка, слышу! *(про-себя)* Разспрашиваютъ, какъ будто ничего не знаютъ... Безсовѣстные! *(уходитъ на право).*

ХІІІ.

АМОСОВА, ГУТМАНЪ.

НАТ. ПАВ. *(подбѣгая къ нему)* Ради Бога! Выслушайте меня.

ГУТМАНЪ. *(отводя ее отъ себя рукой)* Зачѣмъ? я все уже слышалъ отъ этой женщины... все понялъ... Вашъ мужъ опекунъ Лилѣвой... ея богатое наслѣдство... *(съ силою)* И вы за одно съ нимъ... *(задышась)* Сестру свою?!

НАТ. ПАВ. Я!

ГУТМАНЪ. А чтобы вознаградить меня за гибель несчастной дѣвушки, которую я любилъ, вы подали мнѣ богатую милостину! Эти деньги... *(движеніе Амосовой)* все комедія!.. Ужъ не хотѣли-ли вы купить мое молчаніе? И я, глупецъ, я благословлялъ вашъ великодушный поступокъ! *(въ отчаяніи)* О, зачѣмъ я не могу возвра-

тѣтъ теперь же этихъ денегъ, не могу, цѣною собственной крови, тѣла, вымѣнять эту горсть золота, чтобъ бросить ее къ ногамъ вашимъ (со слезами) не съ молитвою и благословеніемъ, съ которыми я принимала отъ васъ эту мнимую жертву, а съ проклятіемъ на устахъ!

НАТ. ПАВ. Довольно на сегодня... я больше не могу!... Чтобы я... сестру... (въ припадкѣ сильнаго отчаянія) О, бейте меня, плюйте мнѣ въ лицо, но только такъ не говорите!

ГУТМАНЪ. (въ недоумѣній) Этотъ стонъ?...

НАТ. ПАВ. (изнемогая) Клянусь вамъ... я невинна...

ГУТМАНЪ. Но вы все знали?...

НАТ. ПАВ. Да... случайно.

ГУТМАНЪ. И допустили?

НАТ. ПАВ. Тогда ужъ было поздно... и я не смѣла говорить. Его ужасная угроза... Онъ хотѣлъ погубить васъ, запереть Соничку въ сумашедшій домъ... потомъ..

ГУТМАНЪ. Боже! и я еще медлю? О, скорѣе въ судъ, къ министру...

НАТ. ПАВ. Одно слово...

ГУТМАНЪ. Не бойтесь за меня! Знаю, я бѣднякъ, ничтожный человѣкъ, а мужъ вашъ такъ богатъ и силенъ... Но развѣ Бога нѣтъ? Нѣтъ государя?.. Да, я упаду къ ногамъ его, все расскажу... государь нашъ милосердъ и правосуденъ, онъ меня выслушаетъ. Такіе злодѣи могутъ быть только до тѣхъ поръ, пока онъ еще объ нихъ не знаетъ!

НАТ. ПАВ. О! ради Бога... не погубите Жоржа!

ГУТМАНЪ. И вы меня просите?!

НАТ. ПАВ. Послушайте. Сначала, я не могла ничего понимать.. его угроза меня сразила. Два мѣсяца жизнь моя висѣла на волоскѣ.. потомъ, когда я была въ состояніи снова мыслить, рассуждать, другое мучительное чувство стало между мною и чувствомъ сестры... Не обвиняйте меня.. сто разъ хотѣла я во всемъ признаться, написать вамъ — и всякій разъ у меня не доставало духа.. я плакала, молилась Богу — и все тоже чувство, котораго я не могла преодолѣть!.. Это чувство матери, которая видитъ въ преступникѣ — отца дѣтей своихъ!.. Отъ одного моего слова зависѣла, можетъ быть, цѣлая будущность этихъ невинныхъ малютокъ, молчать было также преступленіе... и только сестра и мать въ состояніи понять борьбу мою!.. О, не презирайте — пожалѣйте меня!.. Наказаніе превзошло мѣру... такихъ мученій было бы довольно, чтобы два раза умереть, а я — вы видите — я все еще живу!.. (Движеніе Гутмана. Амосова, схвативъ его за руку, сквозь слезы) Умоляю васъ... не погубите отца дѣтей моихъ! (хочетъ броситься къ ногамъ его).

ГУТМАНЪ. *(удерживая ее съ участіемъ)* Страдалица! прости... я оскорбилъ тебя... Я думалъ... *(съ быстрымъ движеніемъ)* Но Боже-мой, я забываю, что Соничька.

НАТ. ПАВ. Теперь.. нѣтъ.. онъ наконецъ раскаялся... писалъ въ Оренбургъ... сегодня онъ открылся мнѣ... Соничька скоро будетъ сюда.

ГУТМАНЪ. И вы ему вѣрите?

НАТ. ПАВ. Не вѣрять! О, на этотъ разъ я не могу ошибиться.. я видѣла на глазахъ его слезы раскаянія, его голосъ доходилъ прямо до сердца.

ГУТМАНЪ. *(въ раздумьи)* Хорошо.. ни слова вашему мужу... пусть онъ думаетъ, что мнѣ ничего не извѣстно, что я ѣду за границу... иначе, если здѣсь кроется обманъ, онъ воспользуется временемъ и можетъ быть.. *(вздрыгнувъ)* я начинаю бояться этого челоуѣка! *(скоро)* Мы увидимъ! Завтра я приду проститься съ вами, скажу, что нѣкоторые дѣла покойнаго батюшки призываютъ меня на время въ Ригу — и поѣду въ Оренбургъ, въ тотъ хуторъ... Эта женщина, Ооминишна, отправится со мною.. И, клянусь вамъ, если мою бѣдную Соничьку сторожить самъ сатана, я перехитрю его!

НАТ. ПАВ. Поѣзжайте, поѣзжайте, но прошу васъ...

ГУТМАНЪ. *(скоро)* Завтра вы объясните мнѣ остальное... теперь я должеъ разспросить Ооминишну. *(хочетъ идти)*

НАТ. ПАВ. *(удерживая его)* Александръ Ивановичъ... *(умоляющимъ голосомъ)* Дайте мнѣ слово, что вы не сдѣаете никакого зла Жоржу.

ГУТМАНЪ. *(мрачно)* Молите Бога, чтобы раскаяніе его было искренно. *(поспѣшно уходитъ)*

НАТ. ПАВ. *(подбывая къ авансценѣ)* Не вѣрять? Да что же мнѣ теперь осталось?... О, нѣтъ! я буду вѣрять, буду надѣяться, что мое счастье еще возможно!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорація таже.

I.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА и ДОКТОРЪ.

НАТ. ПАВ. Вы вѣчно спорите, любезный докторъ!

ДОКТОРЪ. А зачѣмъ вы меня не слушаете? Предписаніе медика должно быть закономъ для больного, иначе, можно ли ручаться за успѣхъ лѣченія!

НАТ. ПАВ. Но вы мнѣ даете ваши противныя микстуры, тогда, какъ я совершенно здорова.

ДОКТОРЪ. Ужъ позвольте мнѣ не повѣрять!

НАТ. ПАВ. Опять за прежнее, докторъ?... Вы непременно хотите слѣвать меня больною!

ДОКТОРЪ. Да если вы въ самомъ дѣлѣ больны?

НАТ. ПАВ. Ахъ, Боже мой, что за человѣкъ! Ну, скажите мнѣ, по-крайнѣ-мѣрѣ, что у меня за болѣзнь такая?

ДОКТОРЪ. Это — *Morbus hereditaria*, какъ обыкновенно мы выражаемся — родъ душевнаго недуга, который вы получили по наслѣдству отъ вашей матушки. Я знавалъ ее... Чрезвычайно слабой комплекціи, особенная расположенность къ мечтательности, безотчетная тоска... Увѣрю, вамъ непременно надобно лѣчиться!

НАТ. ПАВ. (*печально — про себя*). Онъ отгадалъ, только въ половину... Этотъ недугъ не наслѣдственный, онъ родился во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ... (*задумывается*).

ДОКТОРЪ. Вы задумались?... Конечно, потери, которыя испытали вы въ столь короткое время — главная причина развитія этой болѣзни, но къ чему постоянно грустить теперь, когда, благодаря Бога, разсудокъ сестрицы вашей возвратился? Это не подлежитъ болѣе сомнѣнію, я читалъ официальную бумагу... Софья Яковлевна вѣроятно скоро будетъ сюда и навсегда останется съ вами.

НАТ. ПАВ. О, скоро ли я дождусь этой счастливой минуты!

ДОКТОРЪ. Терпѣнье! (*улыбался*) По несчастію, ковры-самолеты существуютъ въ однихъ только сказкахъ!... Подумайте о времени года, дурныхъ дорогахъ... вотъ вамъ и разгадка.

НАТ. ПАВ. (*про себя*.) Жоржъ сдержалъ слово, но вотъ

уже второй мѣсяцъ, а она не ѣдитъ и ни слова отъ Александра Ивановича!... Что причиною? Радость ли свиданія, или...

ДОКТОРЪ. Опять вздохъ? Воля ваша, вы должны принять мою успокоительную микстуру.

НАТ. ПАВ. Повторяю вамъ, докторъ, я совершенно здорова, а если я кажусь вамъ иногда печальною... чтожь?... *(съ грустною улыбкою.)* Одни только птички вѣчно поютъ!

ДОКТОРЪ. Такъ, такъ... Вы хотите поставить на своемъ, а между тѣмъ, въ однихъ этихъ словахъ я уже замѣчаю...

НАТ. ПАВ. Несносный человѣкъ! Ну, хорошо... чтобъ вамъ сдѣлать удовольствіе... извольте... напишите рецептъ, я пошлю въ аптеку за вашей гадкой микстурой!

ДОКТОРЪ. И примете?

НАТ. ПАВ. Непремѣнно... *(въ сторону)* вылью за окошко!

ДОКТОРЪ. *(потирая руки.)* Брависсимо! Иду писать рецептъ. Смѣю увѣрить, эта микстура дѣлаетъ чудеса, и притомъ — чисто моего изобрѣтенія! Но я подумаю, не нужно ли будетъ положить туда немного... во первыхъ: она...

НАТ. ПАВ. Что хотите, но только избавьте меня отъ латыни, докторъ! Отъ нея такъ и отзывается лѣкарствомъ!

ДОКТОРЪ. Молчу, молчу и отправляюсь въ вашу кабинетъ... Позволяете?

НАТ. ПАВ. *(улыбаясь.)* О, вы знаете, для доктора нѣтъ закрытыхъ дверей! *(Докторъ уходитъ на право. — Изъ среднихъ дверей показался слуга.)*

II.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА, СЛУГА.

СЛУГА. Пріѣхалъ какой-то баринъ... Просить доложить.

НАТ. ПАВ. Кто такой?

СЛУГА. Фамилію не сказываетъ.... Говоритъ, что сосѣдъ по Осташкову.

НАТ. ПАВ. По имѣнью Петра Андрѣевича? Кого онъ спрашивалъ? Мужа?

СЛУГА. Я докладывалъ, что барина нѣтъ дома. Говоритъ, все равно, доложи баринъ.

НАТ. ПАВ. Проси! *(слуга уходитъ.)* Сосѣдъ Петра Андрѣевича? Кто бы это былъ? Я никого тамъ не знаю, исключая..

III.

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА, ПЕТРЪ АНДРѢВИЧЪ АМОСОВЪ.

ПЕТРЪ АНДР. *(въ дверяхъ)* А вотъ я я! *(останавливается на порогъ).*

НАТ. ПАВ. (*увидавъ его*) Ахъ! Петръ Андрѣвичъ!... (*блѣжитъ къ нему*).

ПЕТРЪ АНДР. (*обнимая ее*) Милая Наташа!

НАТ. ПАВ. (*радостно*) Батюшка! Какъ вамъ было не грѣшно такъ обманывать?

ПЕТРЪ АНДР. Что, не бось, не ждала, не гадала?.. Нарочно не приказалъ сказывать.. Думаю — вотъ удивлю!

НАТ. ПАВ. И прибавьте — обрадую! Во всю жизнь мнѣ никто не дѣлалъ лучшаго сюрприза... (*улыбалась*) Садитесь-же, дорогой сосѣдъ! (*привдвигаетъ ему кресла*).

ПЕТРЪ АНДР. Нѣтъ, баста! Теперь я снова отецъ Егора. Сосѣдъ Петра Андрѣвича не смѣлъ бы обнять тебя, а мнѣ такъ и хочется еще разъ поцѣловать мою милую, безцѣнную Наташу!

НАТ. ПАВ. Десять, двадцать, сто разъ! (*обнимаетъ его*) О, какъ обрадуется Жоржъ!

ПЕТРЪ АНДР. Ну что, здоровъ ли онъ?... ваши дѣтки?

НАТ. ПАВ. Слава Богу! всѣ здоровы.

ПЕТРЪ АНДР. А хороши вы, нечего сказать! Обѣщали старику каждый годъ бывать у него, и четыре года прошло — ни раза! Только тѣмъ и бралъ бывало, что разбрацо васъ за глаза, поворчу съ недѣлю — другую, да снова принимаюсь ждать!

НАТ. ПАВ. Добрый папаша! Не сердитесь на насъ, пожалуйте! Жоржу въ эти четыре года было ужасно много дѣла по службѣ, но мы непремѣнно хотѣли навѣститъ васъ выпышнею зимою. Да что-же вы не сядете, батюшка? Вы вѣрно устали съ дороги?

ПЕТРЪ АНДР. Напротивъ, усталъ сидя... Все сидѣлъ... не вѣрнись? Право! (*смѣется*).

НАТ. ПАВ. По прежнему, все такой-же веселый, добрый!

ПЕТРЪ АНДР. Веселый?... Эхъ, мой другъ, у всякаго есть свое маленькое горе! Это-то и заставило меня выбраться изъ моего скромнаго уголка и пріѣхать въ вашу столицу.

НАТ. ПАВ. Вѣрно хлопотать по какомунибудь дѣлу?

ПЕТРЪ АНДР. Если хочешь, хлопотать-то не о чемъ. Дѣло правое, окончится своимъ порядкомъ. Меня беспокоятъ только сплетни, которыя... Ну, да безъ нихъ люди, кажется, ни на шагъ!

НАТ. ПАВ. Что такое?

ПЕТРЪ АНДР. Мнѣ писали на счетъ Егора... конечно, это вздоръ, клевета... Пожалуй можно и ни вѣсть что выдумать!

НАТ. ПАВ. (*съ безпокойствомъ*) Но въ чемъ же его обвиняютъ?

ПЕТРЪ АНДР. Послѣ расскажу. Хе, хе, хе, хе!.. Знаю, этимъ господамъ не по нутру быстрое возвышеніе сына... Онъ таки многимъ утеръ носъ! Въ какіенибудь три — четыре года, — рукой не достанешь! Молодецъ! Я не понимаю только, какъ у нихъ достало духа утверждать, будто онъ... Мелкія

душеньки! Нѣтъ силъ тягаться, такъ давай хоть исподтишка вредить чѣмъ нибудь!

НАТ. ПАВ. (про себя) Неужели ему писали?... Но какимъ образомъ могли узнать?... (вслухъ, съ быстрымъ движеніемъ) Вы правы батюшка. люди такъ злы, такъ завистливы!

ПЕТРЪ АНДР. Именно, всё это вздоръ! Дай мнѣ только поговорить съ Егоромъ. мы тотчасъ выведемъ ихъ на чистую воду! Ну, да это въ сторону. Покажи-ка мнѣ лучше своихъ ребятъ... Смерть хочется обнять ихъ, поносить на рукахъ.... Что твой Коля, по прежнему такой же непосѣдъ, буяниъ?

НАТ. ПАВ. О! теперь его узнать не лѣзя... Онъ такъ выросъ, поумнѣлъ.

ПЕТРЪ АНДР. бывало, все просилъ играть съ нимъ въ лошадки... Ну, какъ не потѣшить ребенка! Вотъ меня и запрягутъ, дадутъ веревку въ зубы; я въ корню, Маша на пристяжкѣ, а онъ, знай себя, погоняетъ: «ну! ты, гнѣдой, лѣнивый!» я былъ у нихъ гнѣдой, — да порою такъ хлыстнуть, что хоть большому такъ въ пору! Право! (смѣется). Доставалось мнѣ таки на орѣхи, нечего сказать! А какой лакомка! Чуть завидитъ, тотчасъ бѣжитъ и лезетъ въ карманъ, а коли ничего не найдетъ, вскочитъ на шею, да какъ примется таскать за волосы, да за уши: «вотъ я тебя прибю дѣдушка, подавай бонбошекъ!» Я хохочу до слезъ, а онъ знай себя колотить! Такой милый! Ну, а Маша скромница, все заступалась за меня, бывало, приползетъ къ намъ, да чуть не плачетъ бѣдная... «благеецъ, благеецъ, не бей дѣдушку, это папашинъ папа!» Голубчики мои! Веди меня скорѣй, Наташа, покажи мнѣ ихъ!

НАТ. ПАВ. Пойдемте, батюшка! Они вѣрно рѣзвятся теперь въ моемъ кабинетѣ. (уходитъ съ отцемъ на право.)

IV.

АМОСОВЪ и СЛУГА.

АМОСОВЪ. (входитъ съ недовольнымъ видомъ и оборачивается къ слугѣ, который, войдя за нимъ съ портфелемъ въ рукахъ, остается у дверей). Ну, что ты стоишь, какъ болванъ? Вы сегодня, кажется, всё одурѣли!.. Положи на столъ! (Слуга кладетъ на столъ. — Амосовъ садится, Посылалъ ли ты за Крутилой?)

СЛУГА. Андрей ходилъ-съ, да не засталъ дома.

АМОСОВЪ. Говорилъ-ли онъ женѣ, что очень нужно?

СЛУГА. Андрей сказывалъ, что жена Савы Савича въ деревнѣ, а онъ самъ еще съ вечера уѣхалъ съ какими-то господами и до сихъ поръ еще не бывалъ.

АМОСОВЪ. Уѣхалъ? Съ кѣмъ? Куда?

СЛУГА. Не могу знать-съ. Человѣкъ въ то время выходилъ, а дворникъ ничего не знаетъ; говорить только, что уѣхалъ. Должно быть въ городъ.

АМОСОВЪ. Все равно! Сходить еще разъ.... Теперь онъ можетъ быть дома... Попросить ко мнѣ сей же часъ... Понимаешь?

СЛУГА. Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

АМОСОВЪ. (*встаетъ и подходитъ къ авансценѣ.*) Что бы это значило? Министръ меня не принялъ! (*Пауза.*) Чтожъ? Онъ вѣроятно очень занятъ, или (*въ раздумьѣ.*) Мнѣ показало, что у подъѣзда стояла гарета князя Ушатина. Это не даромъ! Вздоръ! Ушатинъ упалъ—и болѣе не встанетъ! И что онъ можетъ теперь мнѣ сдѣлать? чего мнѣ бояться?... Козней?... Пора къ нимъ привыкнуть! У дурака только нѣтъ враговъ (*ходитъ по комнатѣ и вдругъ останавливается.*) Странно, тысяча разъ странно! Мнѣ такъ грустно сегодня.... О чемъ я ни думаю, а предо мной—этотъ путь, который я прошелъ такъ быстро и.... (*вдругъ.*) Ребенокъ! Баба! (*Пауза.*) Однако-жъ, что причиною этого непонятнаго безпокойства? Предчувствіе, что князь Ушатинъ?.... Да гдѣ же здѣсь опасность? Мысль о прошломъ? А зачѣмъ мнѣ вспоминать о немъ, когда настоящее общааетъ такъ много?... Да, чрезъ часъ я снова поѣду къ министру—и этотъ проэктъ (*указывая на портфель.*), который я составилъ, откроетъ мнѣ двери и разсѣетъ всѣ глупыя сплетни, если только онъ причиною этой маленькой неприятности.... А между тѣмъ, ненадо забывать о дѣлѣ... Пора кончить съ Лилѣвой. Все слажено; остается укрѣпить за мною имѣние документомъ.... Я дамъ довѣренность Крутилѣ. Это послѣдняя услуга, которую я отъ него ожидаю.... О, я дорого заплатилъ ему.... Эта тяжба ...

V.

АМОСОВЪ И ОТЕЦЪ ЕГО

—

ПЕТРЪ АНДР. (*который вошелъ въ комнату при послѣднихъ словахъ сына.*) Извольте принимать?

СЫНЪ (*вздрыгнувъ, въ полголоса.*) Отецъ?!

ОТЕЦЪ (*бросается къ нему на шею.*) Егорушка! Голубчикъ мой!

СЫНЪ (*въ сильномъ волненіи.*) Батюшка!.... Такъ неожиданно...

ОТЕЦЪ. Да, да.... Пришлось, наконецъ, свидѣться! Но что съ тобою? Ты такъ блѣденъ, дрожишь?

СЫНЪ. (*въ замѣшательствѣ.*) Нѣтъ, ничего.... Но вашъ пріѣздъ... радость свиданія... Давно ли вы пріѣхали, батюшка?

ОТЕЦЪ. У васъ-то я съ полчаса, да и того нѣтъ, кажется, а въ Петербургъ я вѣхалъ около полуночи.

СЫНЪ. Вы остановились не у насъ?

ОТЕЦЪ. Не хотѣлъ тревожить, будить васъ ночью. Я остановился не подалеку отсюда, въ трактирѣ. Откомандируй—ка братъ кого нибудь, чтобы привезли мои вещи. У меня ихъ немало.. Чемоданъ, два—три узелка, да и все тутъ. Попоходному!

СЫНЪ. (*про себя*). Видѣть его каждый день, каждый часъ, теперь, когда... (*вслухъ*) Знаете-ли батюшка... я боюсь, чтобы вамъ не было у насъ слишкомъ безпокойно.

ОТЕЦЪ. У васъ? Что ты! Меня можетъ безпокоить только одно—не стѣсню ли я васъ?

СЫНЪ. Нѣтъ, я не скажу вамъ этаго... Но видите ли, у меня вѣчно народъ, чужіе... а вы привыкли къ аккуратной жизни... Зачѣмъ вамъ принуждать себя, мѣнять свои привычки? Не лучше ли вамъ остаться... на квартирѣ? Вы говорите—здѣсь недалеко? Мы будемъ часто видѣться.

ОТЕЦЪ (*прислально смотря на сына*). Какъ знаешь... Пожалуй, я останусь... въ трактирѣ... (*въ сторону*). Это что-то не по-сыновнему!

СЫНЪ. Не подумайте, пожалуйста, чтобы я... я съ радостью, первый, предложилъ бы вамъ квартиру въ моемъ домѣ, но у меня всѣ комнаты заняты.... Пришлось бы назначить мой кабинетъ, гостиную или залу, а это очень неудобно... Комнаты проходныя и вѣчно кто нибудь!

ОТЕЦЪ. Конечно, это правда... Пожалуйста, не хлопочи, я проживу и тамъ... Однако-жь, скажи по совѣсти, я кажется помѣшалъ тебѣ? Ты что-то не въ духѣ.

СЫНЪ. О, напротивъ... я такъ счастливъ, такъ радъ, что вижу васъ, наконецъ, послѣ долгой разлуки.

ОТЕЦЪ. (*про себя*) Что это право? Миѣ какъ будто холодно отъ этихъ словъ... Вотъ вздоръ какой! (*вслухъ*) Да будь повеселей, пожалуйста! Знаешь, на распахку! Мы люди простые, деревенскіе, любимъ и поговорить и послушать. Поразскажи-ка миѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ... А ужъ какъ я обрадовался, когда до меня дошли слухи о твоихъ успѣхахъ! Во всемъ нашемъ околodкѣ только и было толковъ, что про тебя. (*смыльсь*) Не по батюшкѣ пошелъ!... (*кланяясь*) Титулярный въ отставкѣ!

СЫНЪ. На этотъ разъ я охотно бы помѣнялся съ вами... Вы пріѣхали, а тутъ, какъ нарочно, чрезъ полчаса я долженъ непремѣнно быть у министра.

ОТЕЦЪ. У министра? Ого! Да я бы кажется не посмѣлъ предъ нимъ и одного слова выговорить!... А тебѣ чай ни почему? За панибрата? Соколъ ты мой! Да вотъ, кстати, скажика миѣ Егоръ, что у васъ тамъ слышно о моей тяжбѣ? Ты миѣ ничего не писалъ... Правда, въ послѣднемъ письмѣ упомянулъ слегка, да такъ темно вато, что—не взыщи братъ—толка не добился!

СЫНЪ. (*про себя*) Настала пытка! (*вслухъ*) Видите ли батюшка ... дѣло довольно зарутанное....

ОТЕЦЪ. Христось съ тобой! Да оно ясно, какъ день!

СЫНЪ. Для васъ, для меня, можетъ быть; но вы не знаете еще, что документы, которые представилъ вашъ противникъ...

ОТЕЦЪ. Какіе документы?

СЫНЪ. Между ними есть записъ нашего прадѣда отцу бывшаго владѣтеля деревни, которую, какъ вамъ извѣстно, купилъ г. Крутило.

ОТЕЦЪ. Вздоръ! Подобной записи быть не можетъ..., Помнишь, лѣтъ пять тому, ты разбиралъ весь мой бумаган и самъ мнѣ говорилъ... Да мало того, что по бумагамъ видно, эта тяжба однажды уже рѣшена въ мою пользу; что же они хотятъ еще?

СЫНЪ. Но теперь представлены неоспоримые документы.... Они даютъ совершенно другой оборотъ дѣлу.... и эта тяжба....

ОТЕЦЪ. Ну?

СЫНЪ. (*въ замѣшательствѣ*) По-видимому.... должна проиграться!

ОТЕЦЪ. (*пристально смотритъ на сына*). Послушай Егоръ... Тутъ что нибудь да не такъ... Или тебя обманули, или... Да какъ же ты это упустилъ изъ вида, не писалъ мнѣ, что дѣло пошло такъ плохо!

СЫНЪ. Я не хотѣлъ заранѣе огорчать васъ, а между тѣмъ, я дѣлалъ все, что отъ меня зависило, хлопоталъ....

ОТЕЦЪ. (*быстро*). Будемъ опять хлопотать, непременно хлопотать! Ты мнѣ поможешь, посоветуешь.... Если у моего сосѣда-судяги есть какая нибудь сильная рука, я стану просить...

СЫНЪ. Я не совѣтовалъ бы вамъ батюшка, потому что...

ОТЕЦЪ. Какъ! Уступить такъ легко мое Осташково? И ты мнѣ совѣтуешь?... (*про себя*) Чему вѣрить? Но какъ возможно (*вслухъ*) Развѣ ты не знаешь, что мнѣ давно уже предлагали продать эту деревню, самъ Крутило предлагалъ, но я не согласился. Понимаешь ли? Я не хочу вашихъ денегъ, всего вашего Петербурга не возьму... оставьте мнѣ только мое Осташково!

СЫНЪ. Но батюшка....

ОТЕЦЪ. Пстой! Ты можетъ быть называешь это упрямствомъ... но я старъ, Егоръ, живу воспоминаніемъ, а въ этой деревнѣ все мнѣ дорого—каждый камень, каждый кустъ. Послушай. Ты помнишь угловую комнату съ зелеными занавѣсками? Въ ней вы родились—мои дѣти!... А возлѣ, другая... Бывало, зимою, на софѣ—я, дѣдъ, старуха жена, а ты съ покойной сестрой у ногъ нашихъ, на коврѣ, противъ затопленной печки... и все бывало докучали дѣду—разсказывай вамъ сказки! (*сквозь слезы*) Ты ничего уже не помнишь, а я никогда не забуду этой комнаты, софы... Твоя мать передъ смертью сидѣла на ней, и все смотрѣла на коверъ, гдѣ вы когда-то рѣзвились... Смотрѣла, а слезы ручьемъ... Она вспоминала о своихъ ми-

лыхъ дѣтяхъ, а они были далеко... Одинъ въ Петербургѣ, другая въ Москвѣ, и никто изъ нихъ не слышалъ ея послѣдняго вздоха!

СЫНЪ. (*съ волненіемъ*). Прощу васъ... это воспоминаніе...

ОТЕЦЪ. Да, да... У вѣзда въ деревню стоитъ столбъ, и онъ мнѣ также дорогъ! Вотъ, какъ теперь помню, отпуская тебя въ Петербургъ, мы собрались у этого столба, отслужили, какъ слѣдуетъ, молебень на дорогу... Мы плакали на взрыдъ, за нами дворян, а въ сторонѣ толпой крестьяне—и старшіи, и малыи всѣ собрались, чтобъ проводить молодого барина... У этого столба отецъ Василии осѣнилъ тебя крестнымъ знаменіемъ, ты принялъ здѣсь и наше родительское благословеніе, въ послѣдній разъ обнялъ всѣхъ и бросился въ кибитку... И долго, долго махалъ ты намъ бѣлымъ платкомъ, а мы кричали, бросали вверхъ шляпы и все смотрѣли вслѣдъ по дорогѣ, пока наконецъ... (*рыдая*) А тамъ, въ рошѣ, на одной соснѣ, сестра твоя предъ отъездомъ въ Москву, откуда она и не воротилась уже, бѣдная, вырѣзала свое имя...

СЫНЪ. (*растроганный*) Ради Бога... батюшка.

ОТЕЦЪ. (*моя слезы*) Тамъ... у пруда... растетъ береза... я самъ посадилъ ее въ молодости, когда въ первый разъ увидѣлъ мать твою... У той березы я часто сижу теперь... и вспоминаю васъ, моихъ милыхъ, мою старуху вспоминаю... При мнѣ никого не осталось, одинъ, какъ ковыль въ степи, сижу, и чуть бывало береза наклонитъ надо мною вѣтви, а я уже думаю: это они посылаютъ мнѣ свои поклонны... зашумитъ она листьями, а мнѣ кажется, будто я слышу вашъ голосъ!... (*съ силою*) И мнѣ все это бросить? всего лишиться?... Нѣтъ, я не выѣду изъ Осташкова, а развѣ... вывезутъ... на кладбище! — (*Пауза. — Улыбался, сквозь слезы*) Да что я? Вѣдь деревушка — то еще моя!... (*отирая глаза*) А я никакъ уже и прослезился... (*сичу*) Да, мы будемъ хлопотать, мы отстоимъ, не правда-ли?

СЫНЪ. (*съ усиліемъ, говоря съ самимъ собой*) Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! (*вслухъ*) Теперь уже поздно!

ОТЕЦЪ. Поздно?

СЫНЪ. (*скоро*) Тяжба проиграна и вашъ сосѣдъ на дняхъ будетъ введенъ во владѣніе.

ОТЕЦЪ. Что? Осташково?..

СЫНЪ. Документъ былъ на лицо... законъ говорилъ въ пользу вашего противника... Никакія хлопоты болѣе не помогутъ.

ОТЕЦЪ. Дѣло уже рѣшено?!

СЫНЪ. Вы не повѣрите, батюшка, какъ мнѣ больно объявить вамъ объ этомъ, но къ чему скрывать долѣе, когда... все уже кончено!

ОТЕЦЪ. (*несколько минутъ смотритъ пристально на сына, потомъ вдругъ подходитъ къ нему и кланяется*) Прощайте... Милостивый государь!

СЫНЪ. Что это значитъ, батюшка?

ОТЕЦЪ. Это значить... что я до сихъ поръ не вѣрилъ, и теперь еще не смѣю... но если я останусь здѣсь... я долженъ буду повѣрить!

СЫНЪ. Я не понимаю, что вы говорите?

ОТЕЦЪ. Право? Хорошо, я также скажу—къ чему долѣе скрываться? Это сомнѣніе болѣе недѣлн можетъ мое сердце... Слушай! Мнѣ писали.... Сынъ вашъ — человекъ погибшій! Страсть къ почестямъ, жадность къ богатству совершенно ослѣпили его, заглушили въ немъ все чувства благороднаго человека и сдѣлали—злѣдемъ!... (*Движеніе Амосова*) Да! онъ даже не колеблетя болѣе въ исполненіи своихъ преступныхъ замысловъ, для него все средства хороши и позволительны, лишь бы они вели къ цѣли!.. (*Амосовъ хочетъ говорить*) Да, да... мнѣ писали, совѣтовали поспѣшить сюда, чтобы остановить, вразумить его, если только голосъ отца, взглядъ на его сѣдины, можетъ еще пробудить совѣсть въ такомъ человекѣ!

СЫНЪ. (*увлекаясь*) Но кто осмѣлился?..

ОТЕЦЪ. Князь Ушатинъ!

СЫНЪ. Князь?! (*говоря съ самимъ собой*) А! онъ рѣшился на каждомъ шагу вредить мнѣ!

ОТЕЦЪ. Что же ты не возражаешь противъ этой клеветы? Ты смѣшался? Смотри мнѣ прямо въ глаза, если смѣешь!... Смотри!..

СЫНЪ. Батюшка...

ОТЕЦЪ. Слушай дальше, слушай, Егоръ! Мнѣ писали, что какой-то Крутило, подъячій, выгнанный изъ службы, твой помощникъ въ преступленіяхъ, и чтобы достойно вознаградить его, ты рѣшился даже...

СЫНЪ. (*быстро*) Не правда!.. Я ничего не сдѣлалъ для него... Эта тяжба...

ОТЕЦЪ. (*съ крикомъ*) Ты признался!.. Я не сказать еще... ты самъ... Боже! Онъ признался!..

СЫНЪ. Вы не хотите выслушать меня...

ОТЕЦЪ. И я еще не вѣрилъ... я хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ посмѣяться... надъ этой клеветой!.. Чтожь?.. Смѣйся Егоръ, смѣйся!.. Эти люди изъ зависти хотѣли очернить тебя въ глазахъ отца... но ты видишь, злоба ихъ безсильна... я смѣюсь, хохочу, я... (*обливаясь слезами*).

СЫНЪ. Ради Бога, успокойтесь... Этотъ процессъ... неожиданная потеря, такъ васъ растроила, что вы... Но клянусь, я охотно помогу... я предлагаю вамъ жить въ моей деревнѣ...

ОТЕЦЪ. (*задыхался*) Ты?!.. Мнѣ?!..

СЫНЪ. Я обезпечу все ваши нужды... Если вы нуждаетесь теперь въ деньгахъ... я могу... И вотъ на первый случай... (*вынимаетъ изъ кармана пачку ассигнацій*) Здѣсь значительная сумма... (*подаетъ ему*).

ОТЕЦЪ. (*выхватывая изъ рукъ его деньги*) Подаяніе!.. И ты смѣешь предлагать мнѣ деньги?.. Мнѣ?!.. А сколько вдовѣ и сиротѣ ограбилъ ты за эту сумму?... сколько погубилъ... И

золотомъ ты думаешь вознаграждать?.. А! Торгашъ!.. У тебя всему одна оцѣнка!.. *(бросаетъ ему деньги въ лицо)*.

СЫНЪ. Батюшка!.. Такъ оскорблять...

ОТЕЦЪ *(виль-себя)*. О!.. ты думаешь, что я теперь бѣднякъ, нищій... всего лишился? ошибаешься... я богатъ, очень богатъ!.. И я дѣлаю тебя моимъ наследникомъ любезный сынъ... Я оставляю тебѣ... *(съ силою)* Отцовское проклятье!

СЫНЪ *(пораженный, отшатнулся въ сторону)* Про.....

VI.

ТѢЖЕ и НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА.

НАТ. ПАВ. *(объѣгая справа)* Что здѣсь случилось?

ПЕТ. АНДР. Ничего .. ровно ничего... Отецъ проклялъ сына! *(Нат. Пав. съ крикомъ бросается къ нему)*.

АМОСОВЪ. *(также)* Пощадите! *(закрываетъ лицо руками)*,

ПЕТ. АНДР. И я еще здѣсь?! О, скорѣй отсюда... изъ этаго вертепа разбойниковъ... гдѣ люди торгуютъ совѣстью, честью, священными чувствами родства, какъ изношеннымъ платьемъ, гдѣ сынъ возстаеъ на отца, гдѣ... скорѣй въ деревню, въ глушь... *(едругъ)* Куда? Куда ты пойдешь, несчастный старикъ? У тебя все отняли... Ограбили... Мое Осташково!.. *(бросается на шею дочери)* Наташа!.. я знаю, ты не причастна этому злодѣйству... уведи меня скорѣй отсюда... не дай мнѣ дожить до послѣдняго позора—умереть у ногъ... этого человѣка!.... *(увлекаетъ ее за собою на право)*.

НАТ. ПАВ. Боже!.. *(входитъ докторъ.—Обращаясь къ нему)* Докторъ... прошу васъ... батюшка... *(всѣ трое уходятъ)*.

VII.

АМОСОВЪ, потомъ СЛУГА.

АМОСОВЪ. *(быстро подоидя къ авансценѣ)* А! послѣднее звено, которое связывало меня съ жизнью сердца—разорвано!.. Теперь, я непобѣдимъ! Я чувствую въ себѣ исполинскую силу духа!.. Давайте мнѣ враговъ, борьбы, интригъ... вотъ жизнь, которая мнѣ нужна теперь!.. Я разрушу всѣ преграды, попру ногами моихъ завистниковъ и стану такъ высоко... И Князь Ушатинъ узнаетъ первый, каково со мной бороться! Онъ вздумалъ мстить... онъ, можетъ быть, и въ эту минуту еще за-

мышляеть... Мой портфейль! Прокэты! *(зходитъ слуга)* Проворнѣ карету!

СЛУГА. *(подавая ему записку)* Пришелъ мальчикъ... Говоритъ, что вчера вечеромъ подаль ему на улицѣ какой-то господинъ и приказалъ тотчасъ отнести, да онъ сегодня только домъ отыскалъ.

АМОСОВЪ. *(взявъ записку)* Записка? Отъ кого?

СЛУГА. Не могу знать-съ. Сказываетъ только, что этотъ господинъ садился въ ту пору въ карету съ офицеромъ.

АМОСОВЪ. *(развернувъ записку)* Рука Крутилбы? *(читаетъ въ полголоса)* «Спасите! Меня схватили» *(вздригнувъ, продолжаетъ)* «Я не знаю еще въ чемъ меня обвиняють, но всѣ бумаги мои отобраны, а вы знаете, что .. Ради Бога, спасите меня и себя...» *(переставъ читать)* Я погибъ! Этотъ трусъ въ состояннн все открыть... *(слугъ)* Карету мнѣ, карету! *(слуга уходитъ)* Схватили и еще вчера!... Цѣлый день прошелъ.... *(Схватываетъ портфейль).* Что мнѣ теперь дѣлать? Куда ѣхать? *(бросая портфейль на столъ).* Къ чорту прокэты! Дѣло идетъ о головѣ моей! *(быстро оборачивается, хочетъ идти къ дверямъ, и вдругъ встрѣчается съ княземъ Ушатинымъ, который вошелъ при послѣднихъ словахъ его).* Князь? *(шепотомъ).* Злой духъ!

VIII.

АМОСОВЪ И КНЯЗЬ УШАТИНЪ.

КНЯЗЬ. *(подходя).* Егоръ Петровичъ...

АМОСОВЪ. Позвольте мнѣ узнать причину...

КНЯЗЬ. Тяжкая, грустная для меня обязанность, сударь... Министръ поручилъ мнѣ принять отъ васъ всѣ бумаги...

АМОСОВЪ. Бумаги?! Что это значитъ?

КНЯЗЬ. Но я думалъ, что вы все уже знаете?.. Случай открылъ подлогъ документовъ по извѣстной вамъ тяжбѣ... Крутило схваченъ и — отъ страха, думая спасти себя, — признался въ такихъ вещахъ...

АМОСОВЪ. *(быстро).* Признался? — Вы ошибаетесь!... У меня не можетъ быть ничего общаго съ такимъ человекомъ и я тотчасъ-же ѣду...

КНЯЗЬ. Вы не дали мнѣ кончить. Васъ ведѣно судить.

АМОСОВЪ. Меня?! Но я хочу видѣть, говорить...

КНЯЗЬ. Теперь уже поздно. Всѣ обнаружено. *(Пауза).*

АМОСОВЪ. *(увлекаясь)* А!.. Вы торжествуете!.. Вы, можете быть, первые были моимъ обвинителемъ, искали моей гибели, и теперь еще, вы съ намѣреніемъ явились сюда, чтобы насладиться вашимъ мщеніемъ... Вы...

КНЯЗЬ. *(съ достоинствомъ)* Егоръ Петровичъ! Чѣмъ я за-

служилъ отъ васъ это новое оскорбленіе? Не увлекайтесь, сударь, чувство мести не знакомо князю Ушатину! Вы насильно заставили меня быть вѣстникомъ вашего несчастія и я дорого бы далъ, чтобы избавитца отъ этой неприятной для меня роли... (*Подходитъ къ нему ближе*). Послушайте... Можетъ быть, въ числѣ бумагъ вашихъ есть такія, которыя могутъ еще болѣе обвинить васъ, — скройте ихъ... Не удивляйтесь, повторяю вамъ — скройте... Но посидѣшите... чрезъ полчаса я снова явлюсь къ вамъ съ предписаніемъ, и тогда я долженъ буду исполнить мою обязанность.

АМОСОВЪ. (*пораженный его словами*). Какъ! и вы рѣшаетесь для меня... Вы, князь!

КНЯЗЬ. Поняли ли вы меня теперь, Егоръ Петровичъ? Оклеветанный, но невинный, въ борьбѣ съ вами, я думалъ только объ одномъ — смыть пятно съ моего добраго имени, но не искалъ вашего паденія. Правосудіе было свыше... и теперь, когда мнѣ возвращена честь и — еще болѣе — довѣренность начальства, я снова, какъ прежде, охотно прощаю вамъ всё зло, которое вы мнѣ причинили, и вижу въ васъ не врага моего, но человѣка въ несчастіи, мужа добродѣтельной женщины, отца невинныхъ малютокъ, и повѣрьте, какъ не велика ваша вина предо мною — князь Ушатинъ никогда не забудетъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ человѣчеству и никогда не унижится до роли палача!

АМОСОВЪ. (*въ сильномъ волненіи*). Довольно, князь! Вы отомщены болѣе, нежели вы думаете!.. (*Бросается въ кресло*).

КНЯЗЬ. Прощайте... Не забудьте, что чрезъ полчаса мы снова увидимся... Вы понимаете? (*Поспѣшно уходитъ*).

АМОСОВЪ. Бумаги! Но въ лицѣ Крутилы, въ его признаніи всё мои преступленія!.. (*Вскакиваетъ*). Судъ! И можетъ быть ссылка, Сибирь?!.. А! теперь припомни всё Амосовъ!.. Какъ! Это зданіе, которое я громоздилъ цѣною немовѣрныхъ усилій, цѣною страшныхъ жертвъ и преступленій... Одно мгновеніе и — все рушилось! Что я теперь такое?.. И еще сегодня... здѣсь... Эта послѣдняя жертва!.. (*Бросаясь на право, съ крикомъ*). Отецъ!..

IX.

АМОСОВЪ И НАТ. ПАВЛОВНА.

НАТ. ПАВ. (*Отталкивалъ его отъ дверей. Въ сильномъ разстройствѣ*). Твой отецъ? Но развѣ ты не слышалъ? Онъ тебя проклялъ!

АМОСОВЪ. (*Съ глухимъ стономъ*). Наташа! Пощади хоть ты меня!

ОНА. Такъ вотъ твое раскаяніе?! Обманъ! Притворство! Ты смѣялся надъ моими муками, слезами и втайнѣ готовилъ по-

вое преступленіе! *(Увлекаясь чувствомъ)*. И я еще надѣялась?.. Такъ любить, столько вынести, перестрадать, чтобы увидѣть, наконецъ, что и любовь, и вѣра, и молитвы... *(съ выраженіемъ горькаго упрека; поднимая глаза и руки вверхъ)* О Боже!

ОНЪ. Не говори такъ... Послушай... Я всё потерялъ, всё!

ОНА. Нѣтъ! въ груди моей угасла, наконецъ, и послѣдняя искра чувства... Оно замѣнилось ненавистію, презрѣніемъ... Чаша переполнилась. Я навсегда покидаю тебя... увожу съ собою дѣтей... бѣгу отсюда, чтобы никогда не возвращаться... Между нами всё кончено, — мы болѣе не увидимся!

ОНЪ. Ты меня оставляешь!

ОНА. А Соничка? Говори, что ты сдѣлалъ съ сестрой моей? Ты погубилъ ее, Гутмана?...

X.

ТѢЖЕ. ГУТМАНЪ и ЛИДЬЕВА.

ЛИДЬЕВА. *(вбѣгая)*. Наташа!

НАТ. ПAV. *(бросаясь въ ея объятія)*. Сестра! *(Пауза)*.

АМОСОВЪ. *(вздригнувъ, отступаетъ въ сторону)* А! Всё противъ меня!

НАТ. ПAV. Наконецъ, я тебя вижу... Ты одна не сдѣлалась жертвою этого злодѣя... Ты спасена!

ЛИДЬЕВА. Другъ мой...

АМОСОВЪ. *(бросаясь къ ногамъ ихъ)* Сестра! Наташа! забудьте прошлое... Не проклинайте... Не проклинайте меня!... *(обнимаетъ ихъ колыма)*.

ЛИДЬЕВА. *(въ испугъ, схвативъ за руку Гутмана)*. Онъ здѣсь! *(Прижимаясь къ сестрѣ и смотря съ участіемъ на Амосова)*. Бѣднѣйшій! Посмотрите...

НАТ. ПAV. И ты ему вѣришь?.. *(со слезами)*. Но онъ обманетъ, опять обманетъ! *(тащитъ сестру и Гутмана на право)* Пойдемте... тамъ... его отецъ... Если бы вы знали!.. Скорѣе, мы ѣдимъ, тотчасъ ѣдимъ!

АМОСОВЪ. *(удерживая жену за платье)*. Не покидай меня, Наташа!... Ты одна у меня теперь осталась! Наташа!

НАТ. ПAV. *(Старался освободиться)*. Никогда!

XI.

ТѢЖЕ, АМОСОВЪ — ОТЕЦЪ и ОФИЦЕРЪ.

ПЕТРЪ АНД. *(въ дверяхъ)*. Войдите г. офицеръ, войдите! *(поспѣшно входитъ и указываетъ на сына)*. Человѣкъ, котораго вы ищите, — вотъ онъ!

АМОСОВЪ. (съ крикомъ встаетъ и выпускаетъ изъ рукъ платье жены). Такъ скоро! О! пощадите... Вы видите, я осужденъ, меня ожидаетъ...

ПЕТРЪ АНД. Ха, ха, ха! Посмотрите на этого человѣка! Въ счастіи — онъ былъ гордъ, жестокъ, неумолимъ, и вотъ онъ теперь — подлый трусъ!

АМОСОВЪ. (схватывая себя за голову). Нѣтъ! но ради Бога... прощеніе, батюшка! Одно ласковое, утѣшительное слово... одинъ прощальный поцѣлуй, жена! Сестра!

ПЕТРЪ АНД. (выступая впередъ и отстраняя Нат. Павл. и Лилъеву, которыя протягиваютъ руки къ Амосову, какъ будто хотятъ что-то сказать). Ни слова, дѣти! Кто смѣетъ говорить?... Я одинъ здѣсь судья! (обращаясь къ нему.) Чего ты хочешь? Вглядись хорошенько въ наши лица... Смотри... Найдѣди въ нихъ хоть искру жалости... Твой видъ поселяетъ въ насъ отвращеніе, ужасъ, но никакого другаго чувства!.. Твое паденіе — день общаго торжества! И, клянусь, я первый готовъ былъ бы сдѣлаться твоимъ обвинителемъ, поднять топоръ, чтобы отсѣчь гнилую вѣтвь отъ дерева... Не дрогнула бы отцовская рука! Однимъ злодѣемъ меньше — и только! Ну, чего же ты хочешь?

АМОСОВЪ (бросаясь къ отцу). Батюшка!

ПЕТРЪ АНД. (отталкивая его). Неправда! У меня нѣтъ болѣе сына, у этой бѣдной женщины мужа, у дѣтей ея отца... Кто ты такой? Мы тебя не знаемъ!

АМОСОВЪ. Г. офицеръ! Ведите меня!.. (убѣгаетъ въ среднія двери, за нимъ уходитъ офицеръ).

Старикъ Амосовъ нѣсколько минутъ смотритъ молча вслѣдъ сыну, потомъ быстро подходитъ къ авансценѣ и закрываетъ лицо руками. Амосова, Лилъева и Гутманъ окружаютъ его. Слышны тихія, прерывистыя рыданія старика. — Занавѣсъ падаетъ).

ДЕРДІЙ ГИРЖА.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ БЕССАРАБСКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

В. А. КАПРИЦКАГО.

Хочу я разсказать моимъ добрымъ читателямъ былъ, слышанную мною отъ одного изъ почтенныхъ старожилловъ Бессарабіи. Незнаю, живъ ли ты еще, мой старый капитанъ де Мазыль (*), съ которымъ бесѣды о временахъ минувшихъ имѣли для меня такую прелесть? Если живъ, то прости, что я погрѣшилъ въ чемъ нибудь противъ твоего разсказа о *Дердїй Гиржъ*; если же тебя нѣтъ уже на свѣтѣ, то конечно, что ни рассказывай, для тебя теперь все равно — лишь бы твоихъ костей не шевелили! Еслибы я могъ перевяты у тебя живую рѣчь, твой голосъ, доходившій до сердца, движенія твоего выразительнаго лица, то я не сталъ бы писать повѣстей, а сталъ ихъ рассказывать, какъ ты, и всѣ бы меня заслушались.

Помню, какъ ты, мой старый капитанъ, рассказывалъ однажды, сидя у своего дома на завалинѣ, твоимъ слушателямъ объ измаильскомъ штурмѣ. «Вотъ, говоритъ, передъ штурмомъ; часу ко второму ночи все войско вострепнулось, какъ одинъ человекъ. Вотъ взвилась одна ракета, другая. Люди и кони—все дрожало, но не отъ страха, а отъ нетерпѣнія. Раздается крикъ: Суворовъ идетъ! Суворовъ!... Всѣ мы стали не пошевельнувшись.»

(*) Мазылы — мелкіе дворяне, въ родѣ бывшихъ нашихъ однодворцевъ. Капитанъ де Мазыль въ родѣ окружнаго начальнича палъ мазылами.

При этомъ словѣ старикъ всталъ съ своего мѣста, скинулъ шапку и, согбенный сотнею лѣтъ, вытянулся въ струнку, какъ во время оно передъ Суворовымъ.

Суворовъ вдругъ остановился передъ нами и спросилъ:

— А вы кто такіе?

— Мы волонтиры, батюшка Суворовъ!

— Изъ какой вы націи?

— Всѣ румыни до одного (*).

— А сколько васъ такихъ?

— Сто человѣкъ!

— Кто васъ привелъ сюда?

— Самы пришли.

— Зачѣмъ?

— Доказать русскимъ солдатамъ, что и мы умѣемъ бить турковъ съ Суворовымъ!

— Bravo волонтиры, bravo! сказалъ Суворовъ. Я самъ, говоритъ, когда-то служилъ волонтиромъ — такимъ, какъ вы! Потомъ, обратившись къ войскамъ и перекрестившись, скомандовалъ: Теперь съ Богомъ ребята, ступай! а вы, волонтиры, впередъ!

Войска разступились и мы бросились впередъ, и черезъ часъ всѣ легли мертвые по ту сторону крѣпостной стѣны: уцѣлѣли только четверо. По взятіи крѣпости, насъ отыскали и повели къ Суворову.

— Ай, да мои волонтиры!... Да зачѣмъ васъ такъ мало? кричалъ онъ, глядя на насъ, на четверыхъ.

Мы молчали. Суворовъ нахмурился, потомъ подошелъ къ намъ, обнявъ каждого и роздалъ по этой медалькѣ.

При этомъ старикъ отстегнулъ отъ кафтана серебряную четверугольную медальку, поцѣловалъ ее со слезами на глазахъ и сѣлъ на прежнее мѣсто. Вотъ кто былъ мой капитанъ-разказчикъ! Онъ описывалъ людей и событія съ самой натуры. Намъ такъ не потрафить. Но будемъ рассказывать, какъ съумѣемъ!

I.

Бессарабія ископана цвѣла богатыми селеніями. Посреди ихъ, лѣтъ за сто, даже за шестьдесятъ назадъ, красовалось на бе-

(* Жители Молдавіи называютъ себя Румынами, т. е. Гимлянами.

регу Реута, не далеко отъ выпѣшняго Орхея, какъ красавица между красавицами, село *Валя Лунга* (*). Плодопоспѣйшіе поля и луга окружали его на далекое пространство. Межъ и границъ тогда не знали, все было привольное: засѣвай и коси, гдѣ хочешь; никто не говорилъ: это твое, а это мое! все было общее. Но отъ этого приволья было не лучше. Въ нномъ селеніи полей много, а на поляхъ пусто. На сто хозяевъ нвогда трехъ коровъ не оставалось, все угоняли татары, либо турки, алкавшіе нвогда одного только опустошенія. Противъ нихъ никто никнуть не смѣлъ; они были мѣстными владыками, они грабили всѣхъ и всѣ должны были за это имъ же еще кланяться. Вотъ каковы были времена! Бессарабія отъ Буджака на западъ болѣе или менѣе взрыта глубокими оврагами и вертепами и этнмъ-то вертепамъ жители ея были часто обязаны спасеніемъ своей жизни и имущества. На пзвѣстныхъ разстояніяхъ, по возвышеніямъ, стояли часто безмѣнные часовые, которые, при приближеніи опасности, давали знать жителямъ, и жители съ дѣтьми, съ женами, съ стадами бѣжали въ свои вертены, оставляя жилища на произволь Божій. Селеніе Валя-Лунга помѣщалось въ глубокой долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ живописными горами. Во время оно долина эта кипѣла народомъ, а теперь она пуста, подобно сотвѣ другихъ опустѣвшихъ мѣстъ и селеній. Жители, или разбѣжались отъ татарщины, или погибли.

Между поселянами Валя-Лунга и по богатству, и по другимъ качествамъ, считался тогда почетнѣе всѣхъ мазыль Радуканъ. Онъ жилъ особо отъ селенія на высокой горѣ, такъ, что бѣленькій домъ его съ Валя-Лунгской долины видѣлся вверху, точно подъ самыми облаками. Но не о Радуканѣ хочу я говорить, а о его прекрасной дочери Маріуцѣ.

Много есть въ Бессарабіи матерей, говорилъ старшій каптанъ, и у тѣхъ матерей много дочерей, но такая дочь, какъ Маріуца, была только у одного Радукана. Я зналъ тысячи женщинъ бѣлолицыхъ, черноокихъ, всякихъ, но такого лица, такой красавицы, сто лѣтъ живу на свѣтѣ, но другой не видывалъ. Это была какая то мечта — не женщина. Всѣхъ насъ молодыхъ парней было въ селѣ человекъ до ста, и мы сто бредили одной Маріуцой. Преслѣдованія и ухаживанія наши пугали ее до того, что она почти не приходила въ селеніе, и мы только издали мог-

(*) *Валя-Лунга* значить длинная долина.

ли восхищаться и любоваться ею. У подошвы горы, на которой жилъ Радуканъ, билъ ключъ; вода низвергалась природнымъ фонтаномъ изъ этого ключа въ огромную каменную впадину и отсюда потомъ яркой голубой лентой бѣжала вдоль по долинь. Мариуца часто приходила, съ кувшиномъ въ рукѣ, черпать воду къ этому фонтану и при первомъ шорохѣ, потому что ее часто здѣсь караулили, взбѣгала, какъ дикая коза, опять на свою гору. Сбѣгая и взбѣгая по ней, она вѣчно рѣяла въ высотѣ, и жителямъ долины казалась чѣмъ то чуднымъ, неуловимымъ.... Разъ самъ я—грѣшный человекъ! тогда я былъ еще очень молодъ!—разъ я самъ хотѣлъ подкараулить Мариуцу у этого фонтана и засѣлъ. Мнѣ хотѣлось только увидѣть ее и сказать, что я смертельно люблю ее и умру, если она меня пренебрежетъ. Сажу и жду цѣлый день. Вотъ она, наконецъ, бѣжитъ и поетъ. Я далъ ей сойти къ ключу, налить кувшинъ и потомъ сталъ подкрадываться. Между тѣмъ, она ничего не примѣчая, поставила кувшинъ на землю, подошла къ впадинѣ, развязала косу и начала раздѣваться. У меня пошла голова кругомъ. Уже она разула ножки, раскрыла грудь и плечи, и вдругъ оглянулась — каково было мое положеніе!.. Она вскрикнула, вспрыгнула и убѣжала... а я, кажется, какъ стоялъ, такъ и ушелъ въ землю... Съ той минуты Мариуца меня возненавидѣла!..

Такъ описывалъ Мариуцу капитанъ.

Однажды, въ воскресный день, село Валя-Лунга необыкновенно было взволновано. Сельскія улицы заперѣли народомъ съ самаго утра. Веселое нетерпѣніе выражалось на всѣхъ лицахъ. *Ладжокъ! Ладжокъ!* кричали ребяташки, бѣгая по улицамъ и сзывая стараго и малаго. *Ладжокъ!* повторяли галтеп (взрослые). Наконецъ, пора джока настала. А вы знаете ли, мои читатели, что такое джокъ? Это молдаванскій національный танецъ! Если вы этого танца не видали, то жаль! Хотя въ насмѣшку и говорятъ, что молдаване переняли этотъ танецъ у медвѣдя, по это не правда! Въ немъ есть много своей поэзіи, и молдаване любить его страстно. Какъ бы вамъ этотъ танецъ лучше представить? Вотъ видите: всякій мужчина выбираетъ себѣ пару и потомъ пара съ парой, сколько ихъ есть, (чѣмъ больше, тѣмъ лучше) становятся въ кружокъ. Музыкантъ ударилъ смычкомъ разъ и кругъ зашевелился, всѣ еще только на иголкахъ; другой—и кругъ отхлынулъ во всѣ стороны, какъ волна морская, и вдругъ все сдѣлось снова во едино, рука съ рукой, плечо съ плечомъ. Стоять и ждутъ. Минута нетерпѣлія. Музыка заиграла громче,

уже не останавливаясь, и въ танцующихъ заиграла молодая кровь. То пригравнуть, то отгравнуть, кружась въ одно и то же время все живѣе и живѣе, быстрѣе и быстрѣе, пока у всѣхъ не закружится голова отъ удовольствія. Кругъ едва, едва наконецъ колышется, и вдругъ остановился. Музыканту поднесли полную чару. Онъ пьетъ и приговариваетъ. Джокъ недвижимъ. Все смолкло. Говорятъ пожатія рукъ, говорятъ глаза. Красавицы рдѣютъ, молодецкое сердце таетъ отъ восторга. Музыкантъ, между тѣмъ отеръ усы, воспламенился, ударилъ смычкомъ. Небо и земля,—все пошло джокомъ!

На джокъ въ упомянутое нами воскресенье была приглашена и Маріуца. Цѣлая толпа молодыхъ людей и дѣвиць отправились звать ее на этотъ тапець. Отъ отца и матери послѣдовало согласіе — дочь должна идти по неволѣ. Молодые войники (*), мечтавшіе о себѣ, были въ восторгѣ. Надобно при этомъ сказать, что незадолго предъ тѣмъ воскресеньемъ въ Валя-Лунгу прикочевалъ цыганъ-скрыпачъ, котораго въ окрестности вездѣ знали и называли *Юницею чудакомъ*. Онъ былъ какъ будто немного помѣшанъ. Если дадутъ ему ѣсть то онъ ѣсть; пѣтъ—такъ пѣтъ! При томъ, что бы онъ ни ѣлъ — все ему казалось горько. Только вино онъ любилъ. Послѣ чарки добраго молдавскаго вина онъ вынималъ изъ своего мѣшка скрыпку и начиналъ играть. Если онъ былъ печаленъ, то такъ настраивалъ свою скрыпку, что заставлялъ всѣхъ, даже дѣтей, плакать, а если веселъ, то всѣхъ веселилъ. Если онъ игрывалъ на джекѣ, то мертвый бы заплясалъ, не только живой, подъ его огненную музыку. Когда Маріуца пришла на джокъ, а Юница заигралъ, то волненіе между танцующими и не танцующими произошло страшное. Перепуганная и одичавшая на своей горѣ, дѣвушка сначала не могла ступить въ тактъ и сбивалась въ танцѣ поминутно; но, мало по малу, музыка Юницы ее ободрила. Свѣжіе и живительные звуки этой музыки, ею доселѣ неслыханной, скоро произвели на нее необыкновенное дѣйствіе. Она подняла потупленную голову, посмотрѣла вокругъ себя, улыбнулась ласково на пріѣтствіе молодыхъ войниковъ и сдѣлалась еще во сто разъ краше, чѣмъ была. Ножки ея, прежде не твердыя, вспорхнули и увлекли весь джокъ за собою. Музыкантъ, для большаго оживленія танцующихъ, оставилъ свое мѣсто и сталъ въ средину круга. Джокъ около него завертѣлся вихремъ; даже зрители, сидѣвшіе внѣ круга, вспрыгнули съ своихъ мѣстъ

(* Войникъ по нашему молодець, казакъ.

и заплясали. Музыкантъ, воодушевляя другихъ, и самъ больше и больше воодушевлялся, не сводя, между тѣмъ, глазъ съ прекрасной Маріуцы. Ея видъ, ея пляска пробудили подъ конецъ въ немъ такой восторгъ, что онъ самъ заплясалъ, не переставая наигрывать и вдругъ, переѣнивъ тонъ, вмѣсто плясовой, онъ заигралъ печальный погребальный маршъ и удалился изъ круга танцующихъ. Джокъ разстроился.

Опустивъ смычокъ, музыкантъ долго глядѣлъ на Маріуцу и вдругъ отвернулся, медленно отирая костлявою рукою скатившуюся слезу.

— Что это съ тобою, старичина? спросили съ удивленіемъ Ювицу окружавшіе.

Цыганъ подпаялъ глаза, робко посмотрѣлъ на толпу, пристально на Маріуцу, и покачалъ головою. — Я долго шатался по свѣту, сказалъ онъ: былъ тамъ, гдѣ никому изъ васъ не бывать; ходилъ въ Римъ, въ Цареградъ, въ адъ... видалъ людей и черныхъ и бѣлыхъ, и разныхъ, но такую, вотъ какъ она (музыкантъ указалъ на Маріуцу) я встрѣчаю только другую въ жизни моей!...

— Гдѣ же ты встрѣтилъ первую, подобную, скажи намъ? отозвались голоса.

— Скажу — будете смѣяться; не скажу — станете думать, что солгалъ!

— Скажи, скажи! повторили окружавшіе въ одинъ голосъ.

— Однажды въ Яссахъ, ночью, началъ цыганъ, едва переводя духъ: шелъ я по княжеской улицѣ, не встрѣчая никого, кромѣ собакъ, да нашихъ братьевъ цыганъ, рыскавшихъ тамъ и сямъ по городу. Наконецъ въ улицѣ стало совершенно темно и пусто, какъ въ этой головѣ... ни зги свѣтлой! Въ этотъ день боярникъ Чунта давалъ праздникъ. Я никогда не любилъ бояръ, ни ихъ празднествъ, ни ихъ буйнаго веселья... и уходилъ прочь въ пущи съ моей горемычной скрипкой. Мнѣ давали золота — я не бралъ; меня били — я имъ не говорилъ ни слова. Такъ и тогда случилось. Меня искали всюду и наши подъ шатромъ, за городомъ. Я глодалъ послѣдній сухарь и любовался, глядя на солнце.

— Гайда! сказали мнѣ слуги боярскіе.

— Куда?

— Къ нашему боярину! у него праздникъ. Хотятъ, чтобы ты поигралъ, позабавилъ именитыхъ гостей.

— Вотъ еще я ихъ забавлять стану!... подумалъ я, и отвѣчалъ посланнымъ, что — не пойду!

— Ого! ты еще церемонишься! возразилъ одинъ изъ нихъ. Если

такъ, то мы тебя и безъ просьбы попросимъ пожаловать: возьмите его! крикнулъ этотъ батракъ на такихъ же батраковъ, какъ самъ. Меня взяли и потащили, раба Божьяго, и наконецъ притащили.

— Я зналъ уже напередъ, что мнѣ не сдобровать и былъ самъ не свой, бречча, какъ бы кто шибудь изъ васъ сталъ бреччать у матери, либо у сестры на похоровахъ. Смычокъ ходилъ не по струнамъ, а будто меня по горлу рѣзалъ. Я поминутно сбивался. Праздникъ ихъ не удался.

— Дайте ему пятьдесятъ чубуковъ въ спину, крикнулъ Чунта на свою челядь, указывая на меня: да горячихъ!... чтобъ онъ не фальшивилъ!

Мнѣ дали сто, и всунули снова скрипку въ руки. Я схватилъ смычекъ и заигралъ имъ, уже не фальшивя.

— Браво! раздалось браво! ай да Юница!

У меня брызнули слезы. Хозяинъ сунулъ руку въ карманъ, вынулъ горсть червонцевъ и бросилъ ко мнѣ въ шапку — я хотѣлъ было надѣтъ ее ему же на голову. Напоследокъ гости разбѣхались, предовольные. Меня отпустили. Я былъ не радъ жизни и пошелъ блуждать по темнымъ улицамъ, темень самъ, какъ почь. Что-то брякнуло у меня въ шапкѣ — я вспомнилъ о червонцахъ! Размышляя дорогою, что-бы купить себѣ завтра на эти деньги — петлю на горло, либо оставить ихъ про черный день (а мнѣ видите былъ онъ красивый!) — вдругъ слышу въ сторонѣ, будто пискъ ребенка.... прислушиваюсь: то былъ точно голосъ дитяти; я къ нему — и на самой срединѣ улицы нахожу голое, едва живое дитя. Самъ не знаю, какъ его не растоптали лошади, не разорвали собаки! Меня взяла жалость! Беру моего пискленка на руки, онъ едва дышетъ. Я прижалъ его къ груди и говорю: лучше бы тебѣ на свѣтъ не родиться, какъ мнѣ!... Коли своя мать не захотѣла вскормить, то какая же волчица вспонитъ теперь, да вскормитъ тебя, какъ роднаго! Ребенокъ замиралъ. Я не зналъ, что дѣлать и вдругъ придумалъ! У меня была одна знакомая цыганка, раба; она кормила молокомъ своимъ двухъ княжескихъ щенятъ, чтобы сдѣлать ихъ, какъ сказывали, понятливѣе.... хорошая выдумка! Я вспомнилъ про нее и побѣжалъ прямо къ доброй Маріянкѣ; постучался и отдалъ ей на руки моего найденыша — это была прелестная дѣвочка! Говорю, что это дочь моя, и хлопнувъ по рукамъ, нанялъ Маріанку въ кормилицы. Отдавая въ задатокъ мои червонцы, я позабылъ и о побояхъ, и о тѣхъ

страдавiяхъ, на какiя осужденъ человекъ - горемыка въ этой жизни, и за что?...

Я никогда не былъ женатъ — куда мнѣ было таскать по свѣту еще жену!... а отцемъ стало быть и подавно! Но съ того дня я сталъ и отцомъ и матерью, всѣмъ вмѣстѣ. Материнская тоска, материнская радость наводила на меня дурь, когда, бывало, не вижу день моего дитятки, либо черезъ день, черезъ два повидаюся. Прежде я былъ лѣнивъ и беспеченъ страхъ, не хотѣлъ никого потѣшать моимъ смычкомъ ни за какiя блага, во съ той минуты сталъ работать на моей скрипкѣ, какъ воля, день и ночь; бѣгалъ съ нею по домамъ, по улицамъ; холодъ, вьюга — стоишь передъ окнами и заводишь *дойна* (*)! Бьютъ, гонятъ, а все-таки дадутъ что нибудь за работу. Бывало, заберешься въ темный уголъ въ какой нибудь корчмѣ и пилишь.... струны лопнутъ, дерешь на чемъ попало! плакать хочется, а смѣешься!...

Все это дѣлалось для моей маленькой Нуницы. За то, что это былъ за ребенокъ! И теперь: взойдетъ ли зоринька на небо, пролетитъ ли пташка и сядетъ на вѣтку, прошебечетъ ли звонкiй соловей, мнѣ кажется — то она!... Почему знать, можетъ быть точно она — вѣдь люди обращаются же въ разные виды! Я привязывался къ этому дитяти больше и больше, какъ скряга къ своему мѣшку, въ которомъ каждый день прибавлялось по червонцу. Не было такой душевной муки, такихъ побоевъ, такого стыда, ничего, чего бы я не перенесъ для того только, чтобы моя Нува была одѣта всякiй день, какъ княгиня, ѣла и пила, какъ любимая дочь Падышаха.

До того все мнѣ казалось—ночь и пустыня! я былъ одинъ между людей, какъ тополь! а теперь насъ стало двое — она, моя наряженная куколка, да я!... точно небо и земля! Не видали-ль вы, когда повѣтеръ вѣтеръ и травка клонится къ землѣ — такъ она льнула ко мнѣ, а я къ ней! Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, будто нѣсколько минутъ, будто пять словъ, сказанныхъ наскоро, на вѣтеръ — фу! и нѣтъ! Нуница моя стала подростать, бѣгать, лепетать.... сколько радостей!... да сколько же и горя потомъ! Когда бы я ни возвратился — рано ли, поздно ли, она ждала моего прихода у окна, иногда день цѣлый до поздней ночи; иногда я ночь цѣлую не приходилъ, она все ждала. Я чуть на порогъ и она бросится ко мнѣ на шею и повиснетъ.... потомъ усаживала

(*). Пѣсенный припѣвъ, подобный русскому ай люли! люли!

меня, брала мою голову къ себѣ на колѣна, баюкала, твердя: засни, засни, Нене! и сама засыпала тутъ же.

Наконецъ ей скучно стало оставаться одной. — «Ты уйдешь, сказала она однажды, снимая со стѣны скрипку мою: ты будешь тамъ, гдѣ такъ весело! А я здѣсь остаюсь одна!... Нене! возьми и меня съ собою; ты будешь играть, а я потанцую предъ господами!» И съ той минуты Нуна была со мною неразлучна. Въ бархатной забонелѣ (*), въ золотыхъ папучахъ (**), въ червонномъ ожерельи, она порхала предо мною, какъ золотой мотылекъ; иногда уходила далеко... потомъ опять возвращалась и звала меня все туда, гдѣ слышны были музыка, да пляска, да веселье! — Какая бѣлая цыганочка! Какіе глаза у этой цыганочки! говорили бояре и боярыни, лаская ее. — Какъ тебя зовутъ? спрашивали. — Нуна! — «Ты поешь?» — Пою! — «Танцуешь?» — Танцую! — и она начинала пѣть и танцовать, и бубенчиками прихлопывать — самъ не знаю, гдѣ она всему этому научилась! Ее дарили монистами, дорогими серьгами, мнѣ давали денегъ, всего. Теперь настала ея очередь, ея забота — чѣмъ жить намъ отъ утра до вечера; о томъ, что будетъ завтра, — мы не помышляли. Я сталъ лѣнивъ и безпеченъ, по прежнему, и ни о чемъ не думалъ, лишь бы моя пташка была весела, да ни о чемъ не горевала; бралъ скрипку въ руки развѣ тогда, когда хотѣлъ плакать отъ удовольствія, и мы плакали... потомъ хохотали, смѣялись надъ собою. Такъ проходило время! Ахъ! оно прошло и уже не возвратится! Такъ все невозвратно!

Нуница выросла вдругъ, будто въ одно лѣто... Пятнадцать лѣтъ миновало, какъ одно! Мы жили все также: что Божья ночь, то сонъ! что Божій день, то пѣсни и никакой заботы. Всегда безъ печали и безъ думы. Но, какъ рыбка живая гуляетъ по морю, ищетъ раздолья и нѣги — такъ юность!

Есть пѣсня, — дѣвица спрашиваетъ: «Куда крылатая, вольная пташка летишь ты?» —

Въ золотую рощу лечу,

Съ милымъ моимъ повидаться хочу.

«Ахъ постой!» отвѣчаетъ дѣвица:

«Въ эту ночь я уйду отъ отца, я покину мать,

«И вспорхнувши вдвоемъ, улетимъ! улетимъ!»

(*) Забонъ, Забонела — верхняя одежда.

(**) Папучи — башмаки.

Эту пѣсню стала пѣть порою Нуница моя. Я задумался. «Развѣ ты не вольна? развѣ ты не птица?» говорилъ я ей. Она глядѣла на меня безъ отвѣта — только глаза ея говорили ясно, что не сегодня, такъ завтра, она покинетъ меня; потомъ бросалась ко мнѣ на грудь, рыдая, и я рыдалъ! «Ты тоскуешь со мною! Иди, куда хочешь!» говорилъ я. — Нѣтъ! нѣтъ! мнѣ мнръ — пустота; мнѣ злата не нужно! а ты за злато меня не отдашь, не правда ли? отвѣчала она, цѣлуя мои нескладныя руки, мои сѣдины... Я веселѣлъ снова, какъ день.

Помню, какъ теперь, у господаря былъ пиръ. Съѣхались бояре и князья, свои и иноземные, Богъ знаетъ, откуда! Я вошелъ. Куконы и куконицы (*) сидѣли кругомъ, звѣзда подлѣ звѣзды, одна другой лучше! Я сталъ у порога. Всѣ были веселы, но на меня нашла смертельная грусть. Вотъ вошла и Нуница, какъ царевна, весела, всѣхъ краше!!... По приказу, я взялъ въ руки скрышку и хотѣлъ навести на всѣхъ такую же грусть... Нуна моя вышла на средину, поклонилась, взмахнула кудрями, оставила на меня умильныя, ястребинныя очи... я повялъ!... Никогда не была она такъ прекрасна! Припоминаю ту пѣсню, которую она любила — и грануль!... Она начала тавецъ!....

— О потавцуй же, потавцуй! воскликнулъ вдругъ Юница, прерывая разсказъ и подбѣгая къ Маріуцѣ, потавцуй, а я заиграю!

— Но ты не досказалъ!... что-же дальше?... что-же дальше? продолжай! — закричали любопытные слушатели отъ мала до велика.

Цыганъ не обратилъ на нихъ вниманія и повелъ по струнамъ живѣе и живѣе, то тише, то громче. Толпа отступила невольно. Маріуца, какъ очарованная, ступила впередъ и остановилась передъ музыкантомъ. Онъ мигнулъ ей, приударилъ... Онъ былъ такъ странно увлекателемъ, обаяніе игры его было такъ сильно, что дѣвушка, дотолѣ робкая и нелюдимая, пренебрегла всѣмъ и, будто восторженная, начала импровизировать тавецъ... чудный, не-бываемый! То коснется земли, то вѣтъ! то будто упадетъ съ облака, то хочетъ снова подняться... или летитъ, летитъ!... То вдругъ закружится, какъ вихорь, и станетъ на одной ножкѣ. Опять прыжокъ — и повисла на воздухѣ. Легко заплетенная коса распустилась, красная шапочка слетѣла долой... У всѣхъ зарыбило въ глазахъ. Руки музыканта судорож-

(*) Куконы — барыни; куконицы — барышни.

но задрожали... странно посмотрѣлъ онъ, дико вырвалъ еще нѣсколько звуковъ и... струны пополамъ! У него будто сердце лопнуло. Скрыпачъ, какъ отчаянный, схватилъ порванный инструментъ, размахнулся... скрыпка свистнула въ воздухъ — хлопъ, и разлетѣлась въ мелкіе кусочки.

Всѣ остолбенѣли. Юная танцовщица, утомленная пыломъ пляски, не выдержала и упала безъ чувствъ. Въ то же мгновение изъ среды толпы кто-то съ быстротою молніи бросился къ дѣвушкѣ, схватилъ ее, какъ перышко, на руки и понесъ....

— Гиржа! Гиржа! — раздался голосъ изъ толпы.

— Дердїй Гиржа!!... повторили двадцать голосовъ вдругъ.

Незнакомецъ будто не слышалъ этихъ восклицаній. Въ двадцати шагахъ, у плетневаго забора, стоялъ осѣдланый конь. Незнакомецъ свистнулъ, конь громко заржалъ, узнавъ своего господина по посвисту, рванулся на привязи и, оборвавъ поводья, прямо побѣжалъ къ нему на встрѣчу. Незнакомецъ прыгнулъ въ сѣдло, держа на рукахъ безчувственную дѣвушку, махнулъ плетью и исчезъ.... Народъ изумился.

Черезъ минуту, почти по слѣдамъ бѣглеца, въ село ворвалось человекъ десять турковъ.

— Эй вы, дурачье, полстяныя головы! закричали они, приближаясь къ толпѣ. — Тутъ должно быть проскакалъ человекъ на бѣломъ конѣ, въ красномъ полахъ, куда онъ дѣлся?

— Мы никого не видали! — отвѣчали голоса изъ народа.

— Мы сами видѣли, какъ онъ спустился въ село: онъ тутъ перебили турки грозно. — Кто-жъ это такой? — возразили поселяне, будто недоумѣвая.

— Какъ кто? Да такой-же разбойникъ, какъ и все вы! Всехъ васъ на одинъ шашлыкъ (*). Гдѣ онъ?

— Почему намъ знать! повторили тѣже голоса.

— Не знаете?... Такъ я же вамъ дамъ знать!... подхватилъ одинъ изъ турецкаго десятка, выхватывая ятаганъ изъ-за пояса: души ихъ! кроши ихъ!...

И все бросились, какъ волки, на беззащитный народъ.

— Турки! турки! пронеслось изъ края въ край, по селенію, и жены, дѣти, старый и малый, все, какъ овцы, разбѣжались, куда кто могъ. Село, за минуту кипѣвшее народомъ, опустѣло, какъ отъ повѣтрія.

Турки захватили стадо овецъ, около сотни головъ рогатаго скота и отправились обратно. Гиржа ушелъ.

(*) Шашлыкъ — вертелъ.

II.

Теперь вамъ надобно знать, кто такой былъ этотъ Гиржа. Родомъ былъ онъ истый румынъ, потомокъ, можетъ быть, славныхъ Штефановскихъ героевъ, положившихъ кости свои за родную страну, но происхожденія неизвѣстнаго. Пятилѣтнимъ мальчикомъ привезенъ онъ былъ въ уединенный Нямцкій монастырь и отданъ на воспитаніе монахамъ; но наставленія добрыхъ отцовъ пали на бесплодную почву. Дикая натура этого мальчюка не предвѣщала ничего добраго. Монахи, однакожь, не подозрѣвая нисколько въ питомцѣ своемъ будущаго сорванца, старались всѣми способами обратить его на путь истинный, но напрасно. Мальчикъ съ каждымъ днемъ становился непослушнѣе. Въмѣсто того, чтобы пѣть на клиросѣ, или звонить, по обязанности, въ колокола, онъ гарцовалъ на водовозномъ концѣ вокругъ монастырскихъ стѣнъ, или стрѣлялъ съ колокольной крыши въ мимолетающія стада дикихъ утокъ. Монахи заставляли его поститься и каяться за подобныя проказы; онъ смиренно переносилъ всѣ наказанія, но исправляться не думалъ! Потомъ онъ сталъ уходить совѣмъ изъ монастыря и пропадалъ по цѣлымъ днямъ и только голодъ, или изнеможенье заставляло его возвращаться назадъ къ монахамъ; наконецъ, однажды, онъ ушелъ и не возвращался больше. Первое общество, къ которому онъ присталъ — были цыганы. Ихъ беззаботное житье и безпрестанные переходы съ мѣста на мѣсто, ночлеги и дневки лѣтомъ и зимою подъ открытымъ небомъ повравились ему чрезвычайно. Тутъ, у цыганскаго оговька, онъ научился пѣть и слагать пѣсни, подъ звуки бандуры. Босой, оборванный, въ холодъ и непогоду, съ бандурой въ рукахъ, былъ онъ настоящій счастливецъ. Горе ждало его не здѣсь. Долго бродилъ онъ такимъ образомъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, пока не пришелъ напоследокъ въ Яссы. Лицо его, языкъ, бѣлыя руки и природная стыдливость вовсе не обличали въ немъ цыгана. Онъ и между самыми цыганами слылъ не иначе, какъ подъ именемъ *бойранаша* (господчика). Въ двадцать лѣтъ формы его вылились по образцу настоящаго румынскаго типа, рѣзкаго и античнаго. Къ тому же, молодой человекъ былъ еще красавецъ. Надобно было видѣть, какъ молодыя ясскія коконицы заглядывали этому красавцу въ глаза, когда онъ, въ новой бархатной дуламѣ (*), въ красной кучмѣ (**), на бекрень, проходилъ по улицамъ столицы, или

(*) Дулама — верхняя мужская одежда.

(**) Кучма — шапка.

останавливался самъ зѣвать на прохожихъ. Чернокудрые волосы его вились по плечамъ шелковыми космами и лоснились, какъ вороненые, когда онъ ими потряхивалъ. Притомъ, бойкій, краснорѣчивый, онъ овладѣвалъ каждымъ, кто его хотя разъ видѣлъ, или слышалъ. Не мудрено послѣ этого, что молодой бандуристъ въ скорости обратилъ на себя вниманіе столичныхъ бояръ, а особенно боярынь. Въ то время было такое заведеніе въ Молдавіи, что, чѣмъ знатнѣе бояринъ, тѣмъ онъ окружалъ себя большею толпою челядинцевъ, нужныхъ и ненужныхъ, которые его опивали, объѣдали и, наконецъ, продавали тамошнему правительству. Все было тогда подкупно и все продажно. Чѣмъ подобная свита была красивѣе и лучше подобрана, тѣмъ она возбуждала больше зависти, и тѣмъ это болѣе льстило ея господину. Молодому Гиржѣ скоро посыпались предложенія со всѣхъ сторонъ вступить въ боярскую службу. Онъ думалъ не долго—новость положенія, блескъ и роскошь богатой, даровой жизни, не могли не обольстить его. Притомъ же, при видѣ быстро возрастающихъ и преходящихъ фортувъ, не мудрено, чтобы и въ его собственной душѣ не родились какія нибудь надежды на будущее... все было тогда возможно! Съ этимъ взглядомъ на вещи, Гиржа съ радостію промѣнялъ общество цыганъ на компанію челядинцевъ боярина Корбанеско, къ которому рѣшился поступить въ услуженіе. Гиржѣ ничего не стоило выступить тотчасъ изъ ряду обыкновенныхъ слугъ. Боярину, боярынь, боярскимъ дѣтямъ и даже своимъ товарищамъ—всѣмъ умѣлъ онъ угодить, не понимая самъ, какъ это происходило. Имя его сдѣлалось веерѣ моднымъ. Тысячи хитростей и обольщеній употреблено было съ разныхъ сторонъ, чтобы привлечь его на службу къ другимъ боярамъ. Но Гиржа не поддался и остался вѣренъ первому своему господину.

Однажды, бояринъ Корбанеско давалъ праздникъ. Все, что было блестящаго и знатнаго въ Яссахъ, собралось на этотъ праздникъ. Самъ молдавскій владыка удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Гиржа въ званіи старшаго боярскаго слуги обязанъ былъ слѣдовать за малѣйшими движеніями присутствовавшихъ, поспѣвать всюду, чтобы неугодженіемъ, или какимъ нибудь беспорядкомъ не уронить достоинства своего именитаго патрона и не подать повода къ злословію и къ завистливымъ пересудамъ. Праздникъ шелъ на славу, веселіе было всеобщее. Гиржа невидимо всѣмъ ворочалъ, за всѣмъ наблюдалъ и былъ всюду, какъ тутъ. Онъ могъ дать отчетъ даже въ томъ, сколько разъ свѣтлѣйшій владыка чихнулъ отъ остроты

турецкаго каймакана (*), тутъ присутствовавшаго, и кто не пожелалъ ему при этомъ здравствовать, и сколько разъ Логофетъ Мари (**) почесалъ себѣ затылокъ отъ досады, что у боярина Корбанеско такой знатный балъ и такое несмѣтное богатство.

Въ Яссахъ все было покойно, только изрѣдка въ ночной тишинѣ раздавались голоса:

— *Клопотарюне!*

— *Аудъ!*

— *Сый самъ бине!*

— *Бане! бане! (***)*

И снова все опять утихло, но вдругъ на улицахъ послышался всеобщій крикъ.

— Что такое?

— Пожаръ! Пожаръ! Городъ горитъ! отвѣчали вдругъ сотни голосовъ.

Пожаръ еще и теперь считается въ Яссахъ мѣтѣйшимъ бичемъ Божиимъ, наравнѣ съ потопомъ, землетрясеніемъ и чумою: что же было тогда, когда и полиціею, и пожарною командою, и прочими мѣрами къ отвращенію народныхъ бѣдствій завѣдывалъ одинъ Аллахъ?!.. Когда отъ одной искры выгоралъ цѣлый городъ изъ конца въ конецъ и потомъ на остывшемъ пожарищѣ люди и собаки завывали по днямъ и ночамъ въ одинъ голосъ, голодные, ища пристанища?...

— Пожаръ! Пожаръ! — повторяли отъ всюду тысячи.

Можно вообразить, какое дѣйствіе произвело это страшное слово на гостей боярина Корбанеско.

— Гдѣ же этотъ пожаръ, въ какомъ именно мѣстѣ? спросилъ молдавскій владыка, не выпуская изо рта трубки.

— Въ княжескихъ палатахъ! отвѣчали ему.

Турецкій каймаканъ покотился со смѣху, когда владыка при этомъ извѣстїи поперхнулся табачнымъ дымомъ и началъ чихать и прыскать...

Наконецъ, все бросилось къ княжескимъ палатамъ. Нижній этажъ со всѣхъ входовъ и выходовъ былъ уже въ пламени; верхнему не оставалось за тѣмъ никакого спасенія. Но тамъ хранились сокровища князя, стоившія ему трудовъ, можетъ быть, цѣлой жизни, которыя онъ копилъ и тавлъ отъ турковъ! Сокровища эти, можетъ быть, стоили много крови и поту

(*) Турецкій чиновникъ.

(**) Придворный чинъ.

(***) Переключка ночныхъ стражей.

человѣческаго... они были для него дороги. Онъ далъ бы теперь, можетъ быть, пролить собственную свою кровь, лишь бы спасти эти дорогія сокровища, но какимъ образомъ?.. Бѣдный господарь всплакался неутѣшно, когда ему сказали, что все погбло!...

Дворецъ пылалъ и вдругъ, среди пламени и дыма, въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа показалась человѣческая голова. Всѣ съ ужасомъ обратились въ ту сторону и вспомнили, что пожаръ могъ захватить во дворцѣ людей и даже дѣтей княжескихъ!... И черезъ нѣсколько секундъ глядятъ — къ тому же самому окну подходитъ человѣкъ, держащій на обѣихъ рукахъ двухъ малютокъ, обвинившихся рученками около его шеи.

— Это мои дѣти! мои дѣти! вскрикнулъ господарь: отдаю вамъ всѣ сокровища, спасите только дѣтей моихъ! Но этого призыва никто не слышалъ, потому что вниманіе всѣхъ приковано было къ тому окну, въ которомъ стоялъ тотъ же человѣкъ неподвижно съ своею ношею, казалось, размышляя о томъ, что ему другаго средства къ спасенію не оставалось, какъ броситься съ высоты прямо въ пламя, на волю Божию. На минуту, человѣка съ малютками не стало въ окнѣ: всѣ подумали, что они обрушились и погбли; но наконецъ глядятъ — онъ появился снова и, перекрестившись, кричитъ едва внятнѣмъ голосомъ: Ловите! — и бросается внизъ, черезъ огонь, большой комъ разнаго хлама — сперва одинъ, потомъ другой! Хватаютъ, развертываютъ и находятъ обонхъ княжескихъ дѣтей, окутанныхъ и завязанныхъ въ двухъ пуховыхъ подушкахъ. Оба остались здоровы и невредимы. Женщины съ радостнымъ воплемъ подняли дѣтей на руки и начали цѣловать. Теперь спаситель княжескихъ дѣтей долженъ былъ придумать средство для своего собственного спасенія. Онъ не долго думалъ. Найдя веревку, и прикрѣпивъ ее однимъ концомъ къ окну, онъ бросился въ самое пламя по веревкѣ внизъ, но не выдержалъ, оборвался и мертвый упалъ на подоловныя для него одѣяла. Глядятъ мертвецу въ лицо и узнаютъ, что это Гиржа! Народъ на рукахъ понесъ его показать господарю. Употреблены были всѣ средства для возвращенія его къ жизни, и черезъ недѣлю Гиржа скакалъ уже по яснымъ улицамъ на борзомъ конѣ, въ числѣ любимѣйшихъ слугъ молдавскаго владыки.

Любимецъ господаря сдѣлался вскорѣ и любимцемъ народа, потому что возвышеніе нисколько неизмѣнило его простаго нрава и обращенія съ собратами, а придало ему только болѣе охоты служить всякому, чѣмъ онъ могъ, въ тогдашнее трудное время.

Будучи близокъ къ владыкѣ Молдавіи, онъ вскорѣ увидѣлъ, что дѣлалось тогда въ этой бѣдной странѣ, забытой Богомъ, обреченной на нескончаемыя бѣдствія. Ни одной христіанской страны въ мірѣ не было несчастіе тогдашней Молдавіи. Турки ли возставали противъ русскихъ, русскіе ли пробивали себѣ штыками путь за Дунай. — Ее ни какъ нельзя было миновать. Недоставало казны въ Стамбулѣ — подавай государь! Государь придушилъ народъ и — казна есть! Золото тянули изъ чловѣческихъ жилъ, изъ чего попало, лишь бы только вытянуть. Не заплатилъ Султанъ татарамъ за неудачный походъ противъ русскихъ, или противъ нѣмцевъ — вотъ вамъ, говоритъ, Молдавія — она отвѣчаетъ за все! И татары рвутъ народъ, терзаютъ, уводятъ женъ, дѣтей и купаются въ крови, какъ въ маслѣ! Къ тому же, Молдавія, какъ извѣстно, не имѣла законныхъ властителей, а отдавалась въ Стамбулѣ на аренду тому, кто предлагалъ за нее болшую плату; поэтому кто переплачивалъ, тотъ естественно долженъ былъ возратить свои деньги съ барышемъ — дѣло торговое! До того, какимъ образомъ доставались эти деньги, никому не было надобности. Арендаторами же были не турки, не татары и не жидаы, а фанариотскіе греки. Всѣмъ извѣстно, что это были за люди. Со всякимъ новымъ арендаторомъ-господаремъ являлись въ Молдавію цѣлыя полки этихъ людей, которые воевали тамъ, какъ хотѣли. Бѣдный царявъ (*) готовъ былъ молиться Богу, даже за татарина, если тотъ его щадилъ, но за грека у него не доставало духу; это христіанское племя было хуже бусурмановъ. Бусурмане, по-крайней-мѣрѣ, подобно повѣтрію, приходили и уходили, но тѣ были всегда тутъ и сторожили добычу, какъ вороны, и каркали падъ головою! Одной только русской палицы эти вороны боялись, но народъ, напротивъ, о русскихъ только и помышлялъ, считая ихъ ближайшими своими братьями, а русскаго Царя прямымъ и законнымъ своимъ властителемъ. По естественному порядку, послѣ этого, въ Молдавіи, какъ въ странѣ завоеванной греками, и господствующее или боярское сословіе должны были составлять или настоящіе греки, или греки по душѣ. Истинному румыну не могло быть хода. По этой причинѣ, между простолудиномъ и бояриномъ должна была произойти врожденная, пламенная ненависть, отталкивавшая ихъ другъ отъ друга, какъ людей совершенно другъ другу чуждыхъ. Въ такомъ жалкомъ положеніи была Молдавія лѣтъ за

(*) Крестьянинъ.

сто до этого, или даже ближе. Но обратимся къ нашему разсказу.

Гиржа скоро приобрѣлъ безграничную довѣренность господаря. Глядя на безчиное бояръ и угнѣтеніе народа, онъ, по кровному сочувствію съ простолюдиномъ, не могъ иногда, въ добрый часъ, не замолвить слова господарю то за одного несчастнаго, то за другаго. У одного бояриня отнялъ землю, а владѣльца выгонялъ палками на большую дорогу, либо сажалъ въ яму, либо на цѣпь, какъ собаку, которая лаяла; у другаго отнималъ жену, у третьяго выводилъ изъ стойла лучшаго коня, или вырубалъ рошу, либо выѣдалъ стадомъ жатву и тому подобное. Объ этихъ-то людяхъ Гиржа иногда ходатайствовалъ у господаря, и господарь по его убѣжденію, заставлялъ иногда бояръ возвращать похищенное добро, или удовлетворять за насиліе. Разумѣется, бояре возстали общимъ сонмомъ противъ подобнаго нарушенія своихъ правъ и привилегій. Злоба ихъ противъ Гиржи не имѣла границъ. Они употребляли разные средства поколебать его во мѣстѣ господаря, но Гиржа, будучи правъ во всемъ, считалъ себя невредимымъ. Наконецъ, бояре стали говорить князю, что Гиржа человѣкъ опасный для всѣхъ, что онъ способенъ, при первомъ случаѣ, возмутить противъ нихъ народъ, предать ихъ туркамъ, или продать татарамъ. Выдумывали все, что могли. Владыка колебался и потребовалъ на все это доказательствъ. Доказательства тотчасъ были представлены самыя ясныя. Господарь, наконецъ, рѣшился отдалить Гиржу отъ себя. Бояре только этого и хотѣли. Черезъ три дни Гиржа уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, за какое-то новое преступленіе противъ общественнаго спокойствія. Гиржа понялъ, что передъ нимъ изъ тюрьмы лежала только одна дорога — на висѣлицу. Но онъ не унывалъ. Ему казалось, все было одно, что въ тюрьмѣ, что въ иномъ мѣстѣ — жизнь кошійка, а висѣлица — такъ висѣлица! Сидя въ заперти, онъ наигрывалъ удалыя пѣсни на своей бандурѣ, или весело разговаривалъ съ народомъ изъ-за рѣшетки, выходявшей на улицу. Народъ кишмя-кипѣлъ съ утра до вечера предъ его окномъ: одни, чтобы посмотрѣть на него, какъ на пойманнаго звѣря; другіе, чтобы засмотрѣться на молодца. По улицѣ проходу не было.

Въ одно утро Гиржа стоялъ у своего окошка и разсѣянно смотрѣлъ на торговую площадь — одинъ базаръ кипѣлъ въ это время на площади, а другой въ его душѣ. Вдругъ, смотритъ, передъ самымъ его окномъ ставятъ висѣлицу.

— Не для меня ли это? спросилъ заключенный у своего тюремнаго сторожа.

Тотъ отвѣчалъ, что для него.—Такъ вотъ, наконецъ, награда за мою вѣрную службу господарю! подумалъ Гиржа. Зачѣмъ я въ самомъ дѣлѣ былъ такой дуракъ, что служилъ честно! Зачѣмъ я не измѣнилъ ему, не сообщилъ туркамъ, что его сокровища не сгорѣли, а лежатъ въ подвалахъ и что имъ числа нѣтъ; зачѣмъ я его не обокралъ самъ! И неужели за это я долженъ погибнуть! Но, не увывай же, душа, примолвилъ онъ, схватилъ бандуру и сталъ подъ нее насвистывать шумную и веселую *сербойку* (сербскую пѣсню).—Мальчишки на улицѣ, нехоти, заплясали.

— Такъ-то сегодня запляшу и я на воздухъ! пробормоталъ Гиржа, и замолкъ.

— Пусть чортъ, неподавившись, проглотитъ душу мою, если я не отомщу имъ....

Дайте мнѣ только съ висѣлицы сорваться, а тамъ ужъ будетъ, что будетъ!

Всѣ эти рѣчи говорены были вслухъ. Гиржа былъ теперь уже дѣйствительно виновенъ и стоилъ висѣлицы, и вдругъ, къ вечеру, глядитъ — висѣлицы не стало, ее сломали и свесли долой; народъ всплеснулъ руками отъ радости. Черезъ часъ Гиржу повели къ князю.

— Гиржа помилованъ! раздалось въ народѣ. Да здравствуетъ владыка! вивать! — и съ этимъ словомъ шапки, ведра, все, что было въ рукахъ, полетѣло на воздухъ.

— Гнать, бить эту погань! крикнулъ князь, выходя быстрыми шагами изъ внутреннихъ покоевъ своего дворца. Отучить ее впередъ отъ этихъ криковъ!

И народъ стали гнать, топтать, бить безъ пощады. Площадь вмигъ опустѣла, какъ пустырь. И, черезъ минуту, тысячи головъ показались на крышахъ, на заборахъ, спрашивая: что же хотять съ нимъ сдѣлать такое?...

Гиржа, сложа руки, въ цѣпяхъ, стоялъ посреди стражи и гордо глядѣлъ на владыку, съ презрѣніемъ на окружавшихъ его бояръ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но ему не дали распространиться. Вывели степного жеребца. Четыре конюха на-силу могли сдержать разъяреннаго дикаря. Все было готово; по данному знаку сорвали съ несчастнаго цѣпи, опрокинули на спину, прикрутили веревкою за ноги къ конскому хвосту, и свистнули. Конь рванулся съ мѣста и за третьимъ прыжкомъ грянулся со всѣхъ четырехъ ногъ о земь. Въ мгновеніе ока Гиржа привсталъ, рванулъ веревку, вспрыгнувъ на коня, далъ шпоры и, въ виду всего двора, при радостныхъ кликахъ народа, конь вспрыгнулъ, повернулъ въ улицу, въ другую, въ третью — и пропалъ....

— Лови, лови его! закричали одни.

— Ловить — то можно, да какъ поймаешь! отвѣчали другіе.

Гиржа ускакалъ изъ города, повернулъ въ степь и скрылся.

Гиржа бѣжалъ въ горы къ мунтянамъ (*). Три недѣли сряду яссскіе жители безъ умолку толковали объ этомъ необыкновенномъ бѣгствѣ; въ четвертое воскресенье, вечеромъ, въ двухъ верстахъ отъ города, показалось вдругъ около тридцати человѣкъ *Каларошей*, верховыхъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ и подѣзжавшихъ какъ будто къ городскимъ воротамъ. Впереди всѣхъ, на бѣломъ гармасарѣ (**), перекинувъ черезъ сѣдло карабивъ, ѣхалъ, какъ видно было, самый удалой всадникъ и командовалъ. Кони неслись на рысяхъ, по ѣздоки скоро осадили ихъ и, тихимъ шагомъ, повернувъ къ городскому водою, остановились у колодца; бѣгуны зарыли морды въ жолобы, перевели духъ и сѣлавъ на лѣво кругомъ, помчались опять мимо самаго города назадъ. Густая пыль за клубилась и на минуту скрыла коней и всадниковъ; бѣлый гармасаръ первый выскочилъ на свѣтъ.

— Ай да Гиржа! ай да конь! ай да мы! восклицала толпа, провожая глазами удалаго ѣздока. То былъ точно Гиржа и уже вольный казакъ!

Велѣдъ за ними тотчасъ же послали многочисленную погоню — велѣно было непременно схватить Гиржу живаго; но посланные погнались въ горахъ за зайцами и воротились ни съ чѣмъ, нарочно заморивъ десятка два лучшихъ лошадей изъ княжеской конюшни, чтобы тѣмъ болѣе доказать свое усердіе.

Послѣ этого прошли четыре мѣсяца; про Гиржу потолковали и перестали. Онъ уже не являлся, говорили гдѣ-то сгинулъ; наконецъ провеселось, что съ цѣлою сотнею такихъ же сорванцовъ, какъ и самъ, онъ перебрался за Дунай и присталъ къ Сербской вольницѣ, рѣзать турковъ. Отъ сердца отлегло у многихъ при этой вѣсти. Въ Яссахъ на первыхъ порахъ бояре, на которыхъ былъ золь Гиржа, со страху не рѣшались за городъ показаться. Кто знаетъ тогдашнюю Молдавію, тотъ не подивится этому страху.

— Поздравляемъ боярина Дьяволеско и боярина Суфлетъ-Негру, говорили клеветы ихъ.... Гиржа за Дунаемъ: не вынести ему оттуда своей головы!

— О, если бы не вынести! принесли бы вклады семи монасты-

(*) Мунтяны — жители Карпатскихъ горъ, горы.

(**) Жеребець.

рямъ разомъ! отвѣчали они, обращаясь съ крестомъ и молитвою къ Николаю Чудотворцу.

III.

Въ Яссахъ все пошло по прежнему, бояре успокоились. Господарь уѣхалъ обозрѣвать свои *моши*, помѣстья, и возвращался уже спокойно назадъ въ колымагѣ, окруженный стражниками. Передовой съ вѣстію проскакалъ уже въ городскія ворота, звонари зазвонили во все колокола, и вдругъ, къ не описанному изумленію крещенаго народа, откуда ни возмись, точно съ неба упала, толпа незнакомой конницы, въ красныхъ плащахъ, вооруженная, высыпавъ разомъ на равнину, какъ огненная, понеслась на встрѣчу княжескому поѣзду.

— Стой! закричали красные, выхватывая сабли на голо. Княжескіе проводатары стали, какъ вкопанные.

— Прочь! крикнулъ одинъ изъ красныхъ, направляя коня въ самую среднюю княжеской стражи.

Толпа раздалась въ обѣ стороны, наѣздникъ стрѣлой проскочилъ впередъ и осадилъ коня передъ княземъ.

— Это ты, Гиржа! воскликнулъ Господарь, хватаясь въ торопяхъ за пистолетъ и выстрѣливъ, не прицѣливаясь....

Шапка наѣздника черезъ секунду упала на землю, прострѣленная насквозь.

«Плохой выстрѣлъ, свѣтлѣйшій владыка! началъ Гиржа, стоя съ непокрытою головою. Промакъ непростительный! Тебѣ нужна была голова моя — еслибъ у меня ихъ было десять, во время оно, я бы все до единой положилъ за тебя. Тебѣ нужна была эта башка — есть тугая петля, есть топоръ — махъ! и душа вонъ, и человекъ не стало, какъ мыши! Въ случаѣ, еслибы вздумала спросить тебя потомъ совѣсть, что ты сдѣлалъ съ твоимъ вѣрнымъ слугою? ты отвѣчалъ бы, не запинаясь: утопилъ, удушилъ, либо повѣсилъ, какъ честнаго христіанина, и баста! и все кончено бы было между нами. Но тебѣ этого было мало: ты хотѣлъ надо мною еще поругаться, хотѣлъ чтобы мясо мое собака по клочкамъ собирала, а кости были разбросаны: одна здѣсь, а другая тамъ! ты не хотѣлъ, чтобы они лежали гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ до возстанія въ тотъ день, когда мы оба предстали бы на судъ Божій. Я помню твои милости, владыка! помню твое добро — оно у меня свинцомъ лежитъ на душѣ и душитъ. Вырви, пожалуйста, эту душу, убей меня, какъ соба-

ку, на этомъ мѣстѣ, и мнѣ будетъ легче, и мы тогда квиты съ тобою.

Господарь съ изумленіемъ смотрѣлъ на этого дикаго чело-вѣка и только теперь появля, какою преданностію къ нему была полна вѣкогда эта огненная душа! Господарь молча вышелъ изъ колымаги, скинулъ съ головы княжескую шапку и протянулъ руку къ прежнему своему любимцу.

Спрыгнувъ съ коня, Гиржа быстро подбѣжалъ и поцѣловалъ эту руку; потомъ сталъ на одно колѣно и безмолвно опустилъ передъ княземъ повинную голову.

— Проси у меня чего хочешь, дорогой Гиржа, сказалъ князь: я все для тебя сдѣлаю и хочу только, чтобы ты снова возвратился ко мнѣ — не слугою моимъ, а моимъ сыномъ, моимъ братомъ!

— Нѣтъ, свѣтлѣйшій князь! отвѣчалъ Гиржа: я уже не могу возвратиться. Рѣка не возвращается изъ глубины моря обратно къ прежнимъ берегамъ своимъ — тамъ ей аминь! такъ и мнѣ. Прощай владыка! Мы уже болѣе не увидимся никогда!... Благослови меня! прибавилъ Гиржа трогательнымъ голосомъ, склоняясь предъ Господаремъ еще ниже.

Господарь машинально ознаменовалъ его крестомъ.

Гиржа быстро вскочилъ потомъ на коня, гикнулъ на своихъ и, поклонившись въ послѣдній разъ прежнему своему повелителю, повернулъ коня въ обратный путь.

— Съ Богомъ! съ Богомъ! — сказала та и другая сторона, и черезъ минуту толпы разъѣхались — одна поскакала въ городъ, а другая въ широкую степь!...

IV.

Разставшись такимъ образомъ съ княземъ, и отвергнувъ его предложеніе, какую же участь готовилъ для себя Гиржа? Планъ его былъ уже обдуманъ. Предъ нимъ открывалось поприще обширное, хотя опасное; но чѣмъ опаснѣе, тѣмъ оно казалось обольстительнѣе. Въ это время турки начинали одну изъ продолжительнѣйшихъ войнъ своихъ съ Россією. Двѣ русскія арміи подвигались — одна къ Бендерамъ, а другая къ Хотину. Мѣстнымъ жителямъ представлялся благопріятный случай обратить скрытое оружіе противъ ненавистныхъ турковъ. Гиржа со всею силою своего характера схватился за эту мысль и съ этой минуты она сдѣлалась любимѣйшимъ его помысленіемъ.

Чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствія, онъ, съ немногочисленными своими новобранцами, перебрался за Прутъ, въ Бессарабію, и началъ съ того, что въ первую же ночь напалъ въ распахъ на большой турецкій обозъ, шедшій отъ Скулянь къ Бендерамъ, разбилъ его и разграбилъ до тла.

Черезъ три дни потомъ, Гиржа провѣдалъ, что пятьсотъ человекъ янычаръ отправились изъ Измаильской крѣпости въ Хотинъ, на подкрѣпленіе тамошнему гарнизону. У него было своихъ неболѣе сотни. Борьба могла быть неравная, но за то кровавая. Ему хотѣлось испытать свои силы. Дорога изъ Измаила въ Хотинъ шла нѣкогда густымъ и неисходнымъ Каринскимъ лѣсомъ. Турки, послѣ двухдневнаго перехода, расположились на вочлегъ въ этомъ лѣсу. Партія ихъ раздѣлилась на двѣ части — одна удалилась къ лошадямъ, а другая, многочисленнѣйшая, осталась у пылавшаго огня, и послѣ усталости, заснула богатырскимъ сномъ. Наступила полночь. Гиржа слѣдовалъ за турками недремлющимъ окомъ. Когда все угомонилось и погрузилось въ сонъ, Гиржа, съ своею сотней, какъ съ стаей тигровъ, притая дыханіе, подползъ къ турецкому огню, и вдругъ окружилъ турковъ со всѣхъ сторонъ. Спящіе не просыпались.... вдругъ залпъ!... И вдругъ, Алла! Алла! Алла! Второй залпъ! — и половина янычаръ легла на мѣстѣ; другая въ страхѣ и ужасѣ схватилась за оружіе. Пошла рѣзня.

— Аманъ! Аманъ! закричали турки.

— Нѣтъ вамъ амана, какъ не будетъ спасенія душъ вашей! вопилъ Гиржа.

И турки легли на мѣстѣ, всѣ до единаго. Молдаване обобрали мертвыхъ, свалили ихъ на одну кучу, навалили на нихъ костеръ сухаго хворосту, и зажгли. На другой день, на мѣстѣ побоища остался только пепелъ; вѣтеръ подулъ и развѣялъ его въ разныя стороны.

Когда вѣсть объ этомъ достигла до нашихъ, можно представить себѣ ихъ неописанный ужасъ и ярость.

— Что это за выходцы, кто и откуда они? спрашивали турки, ероша свои длинныя бороды со злости.

Сначала на это никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Наконецъ узнали, что нѣкто Гиржа, разбойникъ, сорвавшійся въ Яссахъ съ висѣльцы и ограбившій господаря, бѣжалъ оттуда, собралъ шайку такихъ же головорѣзовъ, какъ самъ, и теперъ разбойничаетъ.

— Поймать его, этого разбойника! кричали наши Бендерскій и Измаильскій; съ живаго кожу содрать!

Трусость и поиски пошли по всей Бессарабіи. Но Гиржа пропалъ, какъ подъ землю канулъ. Изшарили всѣ норы, всѣ вертепы и не нашли живаго слѣда. Сказали, онъ ушелъ за границу, въ Цессарію, и тамъ разбойничаетъ. Черезъ мѣсяць, подъ самыми стѣнами Бендеръ, Гиржа настигъ богатый турецкій караванъ: что могъ, ограбилъ, людей изрубилъ, а остальное сжегъ. Бендерскій наша чуть носъ свой не откусилъ въ порывѣ бѣшенства. Опять пошли поиски и опять таже пѣсня.

— Ну, да мы его захватимъ въ лапы, говорили турки, не сегодня, такъ завтра! и затихли.

А между тѣмъ Гиржа носился, какъ ихъ враждебный геній, злой *шайтанъ*, по Бессарабіи, изъ конца въ конецъ, собирая и вооружая втайнѣ молодую вольницу и волнуя народъ именемъ русскихъ, которые одной ногой стояли уже на берегу Днѣпра и только ждали повелѣній, чтобы начать дѣйствія. По необходимости Гиржа сталъ осторожнѣе и только изрѣдка выходилъ изъ засады, пугать турковъ, преслѣдуя ихъ иногда подъ самыми стѣнами крѣпостей, или самъ уходя отъ ихъ преслѣдованій въ лѣса камышей, или въ непроходимыя Кадринскія пущи. И ему приходилось иногда жутко! Но вотъ, онъ снова въ чистомъ полѣ одинъ, на конѣ, и рыскаеть.... то прильнетъ ухомъ къ землѣ и слушаетъ: не идутъ ли турки съ которой-нибудь стороны? не приближаются ли русскіе?... не подъ ними ли это дрожитъ земля? то взвѣдетъ на высокій курганъ и глядитъ, глядитъ — и вдругъ сверкнетъ глазами, стиснетъ саблю въ зубахъ и помчится вслѣдъ за вѣтромъ, либо въ ту, либо въ другую сторону. Но возвратимся къ нашей Маріуцѣ.

V.

Домъ джупына (господина) Радукана, прозванный мѣстными жителями *валлугинскою каланцею*, раздѣлялся на двѣ половины. Одна, состоящая изъ двухъ свѣтлыхъ комнатъ, предназначалась для пріема гостей, а другая называлась хозяйскою. Радуканъ сидѣлъ дома на пріемной половинѣ и, облокотясь на столъ, о чемъ-то думалъ. Противъ него сидѣла его хозяйка.

— Да, худыя, худыя времена настали! промолвилъ онъ.

— А когда же они были лучше? все тѣже страхи, тоже разоренье отъ турковъ, а люди жили-же! — отвѣчала хозяйка.

— Жили! да что это за житье! Заяцъ уходитъ въ лѣсъ, мышь

въ свою пору, а ты куда уйдешь, какъ вдругъ нагрянуть татары?...

— Дастъ Богъ, все переѣмнется! и татаръ чума возьметъ, и турковъ русскій съ свѣта сгонитъ, а христiяне все-таки останутся христiянами.

— Гм! знаешь ли что, жена? Я покину тебя, оставлю домъ на твое попеченiе, а самъ пристану къ гиржевымъ войникамъ (молддцамъ), косить турецкiя головы!

— Что ты? что ты это вздумалъ? люди на старость готовятся на покой, а ты воевать собираешься?

— А чѣмъ же я не воякъ? Посмотрѣла бы ты на меня въ чистомъ полѣ, да противъ супостата! мнѣ хоть бы каплю вражьей крови достать — сердцу стало бы легче!

— Кинь изъ головы эту поганую думку! У тебя на рукахъ домъ, дочь-невѣста: намъ только на тебя и надежда!

— Мнѣ что-то смѣрть—тоска! сказалъ Радуканъ, вставая изъ за стола; спой мнѣ какую-нибудь пѣсню, *драгаме* (милая моя)! развесели мою душу!

— Гдѣ мнѣ пѣть! и что я тебѣ спою?

— Спой мнѣ, какъ Штефанъ Вода (*) ходилъ противъ турковъ, три дни и три ночи бился съ ними, на четвертый всѣхъ избилъ и въ крови ихъ коней выкупалъ! Спой мнѣ эту пѣсню!

— У тебя на умѣ все кровь, да турки! Когда ты ихъ изъ головы выкинешь! сказала почти со слезами жена Радукана.

— Ты, баба, теперь во всемъ мнѣ поперечить стала. Хочу бить турковъ—не позволяешь. Намедни, хотѣлъ взять въ зятя сына Орхеевскаго каймакана (**), а ты говоришь—не нужно, потому, что онъ дочкѣ не нравится. Великое дѣло не нравится! А я развѣ тебѣ нравился, когда на тебѣ женился—скажи правду?...

— Ты ли не нравился мнѣ, Пригорамъ! грѣхъ! отвѣчала его подруга, съ видомъ сердечнаго упрека.

— Чѣмъ же ты это докажешь?

— Неужели я тебѣ этого еще не доказала?

— Доказала, но послѣ, а я хочу знать, что было тогда, когда ты со слезами со мной подъ вѣнецъ шла. Мать приказала, и ты пошла!

— Тогда было тоже, что и теперь; ты мнѣ казался лучше всѣхъ и мать мнѣ ничего не приказывала! Хочешь, я тебѣ расскажу, какъ было дѣло?

(*) Штефанъ Великiй, знаменитый господарь Молдавскiй.

(**) Каймаканъ значить начальникъ.

— Расскажи!

— Помню, у нея жила старушка-бабушка. Настанетъ, бывало, праздникъ, я умоюсь, зачешусь, лентами косу уберу и стану передъ зеркаломъ.... «Что ты все въ зеркало смотришь, Фатаме?» говоритъ она. — Гляжу, хороша ли я, бабушка! — «Хороша!!» молвить она и покачаетъ головою. «И я когда-то была, говоритъ, хороша, но была-ли отъ того счастлива!... Нуець умъ, да разумъ, а красота, какъ роса, блеснетъ и исчезнетъ!» Я заткну пучекъ зори за косу. «А это на что?» спроситъ она. — Чтобы полюбили молодцы дѣвицу! отвѣчаю. — «Полюбятъ и разлюбятъ, приворожатъ и покинутъ, а ты плачь и разрывайся! Слушай, Фатаме! продолжаетъ старушка, обнимая меня: не смотри въ проклятое зеркало, не ходи на улицу, сиди и хоронись отъ людей, какъ отъ огня! Чѣмъ алмазь глубже лежитъ въ землѣ, тѣмъ онъ краше, чѣмъ дѣвица дальше отъ людскаго глаза, тѣмъ лучше. По міру ходятъ языки, какъ сороки; молва никого не минуетъ — берегись худой молвы, пуще немочи! Слушай! когда придетъ тебѣ пора замужъ и явится женихъ — выбрай не богатаго, не знатнаго, а любаго и разумнаго: будетъ любовь да разумъ — счастливо вѣкъ проживете, а безъ того и счастья не будетъ!» И что-жъ? стали приходять женихи не только изъ нашего, но и разныхъ сель. Приходитъ Михайлаки сырбаръ и, не говоря ни слова, высыпалъ на столъ кучму (шапку) червонцовъ. Мать спрашиваетъ: «хочешь за этого?» — Нѣтъ! — говорю я. Михайлаки съ тѣмъ и ушелъ. Пришелъ Чорба и принесъ три куска дорогой аладжи мнѣ въ подарокъ, да матери шитую золотомъ нафрамъ (повязку) и кланяется ей. Мать спрашиваетъ меня: «хочешь за этого?» — Нѣтъ! повторяю, не хочу! — Она поморщилась немного и воротила подарки назадъ. Приходитъ Тома Гросулъ. Тому тоже. Приходишь, наконецъ, ты — безъ сватовъ, безъ подарковъ, Богъ знаетъ откуда! Мать спрашиваетъ: «за этого хочешь?» — За этого, или ни за кого! — отвѣчала я ей, ни жива, ни мертва. Насъ повели потомъ къ вѣнцу, мать меня благословила и отдала тебѣ на-руки. И Богъ благословилъ насъ! Мы прожили вѣкъ съ тобою, будто день.... и ты ли была мнѣ не по праву?...

— Вотъ какъ мы съ тобой разговорились! отвѣчалъ Радуканъ, тронутый до глубины души. Правда — ты была добрая хозяйка. Съ тѣхъ поръ, какъ мы подружались, на нашъ домъ полилось изобиліе, какъ Божій даръ. Что день, то прибыль, что годъ, то небесная благодать. У другихъ либо неурожай, либо градъ нивы выбилъ, а у меня, что нива — то Божья

краса, что поле — то золотое. У другихъ были турмы (стада) овецъ, а теперь, перевелись ни за что; а у меня изъ двухъ овецъ да сдѣлались турмы, даромъ что татары грабили насъ и обирали. Но все таки сынъ Каймакана, мнѣ кажется, не женихъ, а краса; не пригрозить ли ее выдти за него замужъ?

— Не принуждай, баде! она дитя! можетъ быть, найдутся люди еще лучше Каймакана!

Отецъ покачалъ головою, сталъ искать глазами кого-то.

— Ея нѣтъ? да гдѣ-жъ это наша Мариуца? спросилъ Радукачъ: неужели она до сихъ поръ не возвращалась съ джока?

— Нѣтъ еще! отвѣчала мать тревожнымъ голосомъ.

— Худо ты дѣлаешь, что отпускаешь ее одну!

— Ей бы, кажется, и возвратиться пора, прибавила Радуканесса, съ видимымъ безпокойствомъ: не знаю, что-бы за причина!... Ахъ! это кто къ намъ въ гости, вдругъ вскрикнула она, подбѣгая къ окну.

Сердце материнское вздрогнуло, почувавъ что-то не доброе. Глядятъ: изъ-за села, окольнымъ путемъ, кто-то свой не — свой, турокъ не турокъ, ѣдетъ на конѣ и не одинъ, а самъ-другъ.... Глядятъ, и не вѣрятъ глазамъ своимъ. Ъздки ближе и ближе, конь шибче, вытянулъ голову и проскочилъ въ растворенныя ворота....

— Мариуца!!! — воскликнули отецъ и мать въ изумленіи, и бросились на встрѣчу.

Не доѣзжая до крыльца, дѣвушка весело и съ рѣзвымъ хохотомъ спрыгнула съ коня и бросилась на шею матери. Что же должно было почувствовать сердце материнское! Отецъ скрестивъ руки, глядѣлъ на дочь и осматривалъ пріѣзжаго.

— Гдѣ ты была? спросилъ онъ, наконецъ, у дочери съ такимъ взглядомъ, который оледенилъ бы татарина.

Мариуца затрепетала въ первый разъ въ жизни отъ отцовскаго взгляда.

— Гдѣ же, говори? повторилъ онъ грознымъ голосомъ.

— Я танцевала джокъ! отвѣчала Мариуца, и слезы перебили ее слова. Игралъ тотъ старій цыганъ — такъ звучно! такъ живо! Сперва я танцевала со всѣми, потомъ пошла танцевать одна.... точно я съ ума сошла!... Цыганъ все игралъ и все звалъ меня въ танецъ: я долго не хотѣла, потомъ пошла.... и вдругъ мнѣ показалось, будто онъ хватаетъ скрипку и хочетъ меня ударить.... я не успѣла перекреститься и обмерла!... Я помнила все: что я, гдѣ я, только въ глазахъ стало желто, да зелено.... только сердце, слышу, ноетъ и чуть не разорвет-

ся. Вдругъ чувствую, кто-то взялъ меня на руки, будто неживую, и понесъ.... и помчалъ!... Дѣва Пречистая! думаю: что это со мною? не турокъ ли укралъ меня отъ отца и матери, хочеть сгубить, а тѣло бросить въ Дунай? не татаринъ-ли думаетъ взять въ наложницы? лучше пусть удушить, замучить! И чтожъ? открываю глаза, и вижу, что это совѣмъ не татаринъ, а молодой бравый воинъ!... «Тебѣ не страшно со мною, драга?» спросилъ онъ, глядя на меня, какъ будто съ этимъ взглядомъ хотѣлъ отдать душу свою. — Нѣтъ! отвѣчала я... и мы помчались: мнѣ хотѣлось скорѣе домой, я обняла его обѣими руками и мы полетѣли, какъ птицы! Не качай же, не качай головою, моя мама, развѣ я неправду говорю? прибавила Маріуца, утирая рукавомъ слезы.

Мать смутно глядѣла на дочь, а отецъ не задавалъ уже ей болѣе никакихъ вопросовъ.

Приѣзжій стоялъ недвижимо. Онъ былъ суровъ и страшень, если судить по нахмуреннымъ бровямъ его, по загорѣлому лицу, по вооруженію, и нѣтъ, если присмотрѣться къ нему пристальнѣе. Что-то невольно привлекало къ нему сердце. Поникнувъ головою, онъ впалъ, казалось, въ тяжкую думу. Видно было что душа его боролась съ чѣмъ-то. И вдругъ, будто пришедъ въ себя, незнакомецъ выпрямился, вспрянулъ на коня и повернулъ въ обратный путь.

— Куда же ты, фрате Дёрдій? крикнулъ хозяинъ, будто опомнясь во слѣдъ отъѣзжавшему.

— А ты меня почему знаешь? живо подхватилъ послѣдній, сдерживая своего коня на всемъ бѣгу.

— Какъ не узнать Гиржу? Я узналъ бы тебя съ завязанными глазами, отъ роду не видавши! повторилъ отецъ Маріуцы.

— Гиржа! вскрикнули мать и дочь въ одинъ голосъ.

— Прощайте же, люди добрые, сказалъ Гиржа, привставъ на стремена: я у васъ незваный гость — да мнѣ и во свояси пора!

— Какъ? Ты къ намъ и черезъ порогъ переступить не хочешь? перебили хозяева. Развѣ мы не свои, и ты намъ добра не желаешь? продолжали они, упрашивая его.

Гиржа вошелъ и сѣлъ, какъ истуканъ. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ говорить и не могъ. Хозяева, между тѣмъ, засуетились, изжарили чуть не цѣлаго барана и поставили на столъ; принесли баклагу вина, разныхъ сластей. — Гиржа ни до чего не дотронулся. Мрачный видъ гостя навелъ на всѣхъ печаль и уныніе. Хозяинъ хотѣлъ завести рѣчь о предстоящей войнѣ съ русскими, о надеждахъ Бессараби быть подъ властью русскаго царя—

Гиржа не отвѣчалъ ни слова. Мысли его были заняты совершенно инымъ.

— Мнѣ пора! сказалъ наконецъ гость, быстро подымаясь и кланаясь хозяевамъ: спасибо за привѣтъ, да за ласку вашу; буду жить, буду помнить!

— Неужели ты сейчасъ хочешь отправиться, брате! живо перебила хозяйка. Видишь, съ той стороны какія тучи наши: скоро дождемъ брызнетъ! Птицы прячутся въ траву! Останься у насъ до ясной погоды.

— Нѣтъ, сестри! меня ждуть подъ дождемъ мои волонтиры. Да и намъ ли непогоды бояться? Туча вымочитъ — вѣтеръ высушитъ!

— Когда же ты прибудешь опять въ нашу сторону? спросилъ хозяинъ.

— Можетъ быть никогда! отвѣчалъ Гиржа, скакнувъ въ сѣдло.

— Такъ ты ужъ болѣе къ намъ никогда не воротись!.. никогда?... перебила Мариуца, пренебрегая дѣвичьимъ стыдомъ.

— Фати! не своди съ ума моей башки! пусть она лучше на съѣденіе туркамъ достанется!.. Нѣтъ, не ворочусь! отвѣчалъ Гиржа, туго надвигая на глаза шапку, — ударилъ коня, и конь ринулся...

Мариуца взвизнула и упала на порогъ, полу-живая. Отецъ и мать думу задумали...

VI.

Въ одномъ изъ глубокихъ Орхеевскихъ гертоповъ (*), по имени *разбойничьемъ*, собраны были Гиржевы волонтиры. Ихъ было человекъ пятьсотъ катанъ (**) — бойкихъ, готовыхъ на всѣ опасности. Въ назначенный часъ всѣ они были уже на своемъ мѣстѣ. Настала ночь вмѣстѣ съ ужасною грозю. Дождь лилъ; вѣтеръ буйно шумѣлъ и раскачивалъ лѣсъ. Усталые катаны, раздѣлившись на кучки, сидѣли подъ проливнымъ дождемъ, повѣся носы; не разсѣданные кони ихъ, на длинныхъ поводьяхъ стояли тутъ же, опустивъ головы. Каждый шорохъ въ лѣсу возбуждалъ всеобщее вниманіе.

— *Чине вине?* Кто тамъ? раздавалось отъ времени до времени.

(*) Гертопъ — глубокой оврагъ.

(**) Катаны, молдавскіе гусары, или по нашему казаки.

— Катана yine! — и все умолкало снова.

Въ одной группѣ волонтировъ, подъ защитой широкаго бука, успѣли развести огонекъ. Люди прижались къ огоньку и стали грѣться.

— Ухъ! старая шкура ужъ костей не грѣеть! сказалъ сотникъ Штирба, шестидесяти-лѣтній рубака, съдой, какъ лунь: дай-те-ка мнѣ мою закадычную, порасшевелить душу.

Подали огромную баклагу вина. Онъ хлебнулъ порядкомъ и передалъ слѣдующему. Баклага пошла ходить по рукамъ. Огонекъ вспыхнулъ ярче, лица оживились, кружокъ сталъ постепенно увеличиваться.

— Ну-те, сказалъ Штирба, разглаживая усы; споемъ теперь пѣсенку про старыя времена. Вѣтеръ жалобно гудить — загудимъ и мы ему подь ладъ. Ну-те же!

Катаны затянули хоромъ:

Листъ зеленый бурунчукъ (*)!

Вражiй видится бунчукъ.

Загорѣлись у владыки,

У Штефана лсны очп,

Какъ на небѣ звѣзды ночи.

«Гей катаны! гей войники!»

Молвилъ Вода,

Старый Вода.

«Дѣды наши и отцы

«Были славные бойцы!

«Были нѣмца, били ляха,

«Не давали саблей маха!

«Всѣхъ косили

«Да рубили.

«Но вѣдъ всѣхъ не порубить,

«Какъ траву не покосить!

«Доставалось и намъ

«И румынскимъ молодцамъ.

«Чтожъ мы ихъ?..

«Какъ мы ихъ?..

«Развѣ вражiихъ мы сыновъ,

«Для потѣхи, какъ быковъ,

«Въ ярмы цугомъ не впрягали?

«Ими поля не вспахали?

«А?...» — Да, да! —

«То-то да!»

«Нашъ народъ — былъ людъ честной

«И любилъ онъ край родной!

(*) Трава.

«Въ насъ ли нѣтъ ужъ той любви?
«Мы ли не Румынской крови?»

«А?...» — Да, да! —
«То-то да!...»

«Гей катаны! гей войники!
«Слышите-ли? брань и крики!
«Турокъ кличетъ насъ на бой,
«Ну-те-жъ, дѣтки, вслѣдъ за мной!

Старый Дунерь (*) поднялъ вой...
То онъ плачетъ, то хохочетъ...
Воронъ вьется надъ рѣкой,
Воронъ вражьей крови хочетъ!

Ага-га! Ага-гу!
Не дадимся же врагу.

Листъ зеленый бурнчукъ!
Гдѣ же, турокъ, твой бунчукъ?
Ты пожаловалъ къ намъ въ гости,
Не съ веселья, а со злости.
Накормилъ хлѣбомъ-солью,
Напоилъ нашей кровью
Почивайте-жъ вражьи кости
Вѣчнымъ сномъ могилы.
Сокрушились вражьи силы!

Ага-гу! Ага-га!
Уходили мы врага!

Голоса умолкли. Ну те же, затынемъ теперь другую! сказала Штирба, опуская сѣдую голову на широкую грудь.

Катаны затынули унылымъ голосомъ:

Листъ зеленый навилки!
Гдѣ-жъ, Богданъ, (*) твои войники?

О, Богданъ, о Богданъ!
На несчастье ты намъ данъ!

— Чу! перебилъ старый сотникъ, прерывая пѣніе: кто-то свистнулъ! Всѣ наострили уши. Свистъ послышался снова. Въ отвѣтъ ему раздались тысячи свистовъ.

— Капитанъ Дѣрдій! Капитанъ Дѣрдій! воскликнули катаны, и бросились къ конямъ. Черезъ минуту капитанъ Дѣрдій стоялъ уже въ кругу своихъ вольнобравцевъ.

— Ну что, все ли у насъ благополучно, товарищи? спросилъ капитанъ, не сходя съ коня.

(*) Дунерь — Дунай.

(*) Богданъ сынъ Стефана Воды, побѣжденный турками и предавший Молдавію бичу бусурмановъ.

— Все, слава Богу! отвѣчалъ Штирба.

— Всѣ ли наши? повторилъ Гиржа, озираясь во всѣ стороны.

— Всѣ! всѣ! отвѣтствовали катаны со всѣхъ сторонъ въ одинъ голосъ.

— Отведите же теперь моего коня, да накормите его, продолжалъ Гиржа, — бѣдный конь! А вы, товарищи, одни ложитесь спать, а другіе будьте на готовѣ; коней не разсѣдывать и пустить на траву!

Люди разошлись въ разныя стороны, Гиржа остался одинъ. Между тѣмъ, дождь пересталъ, вѣтеръ утихъ, тучи разсѣлились, показался мѣсяцъ. Гиржа легъ головою на толстый дубовый пенъ и погрузился въ думу.

Мѣсяцъ скоро зашелъ за далекія горы Инкулуя. Забрезжило утро. Жаворонокъ приполнялъ головку изъ-подъ крыльшка, вытянулъ шейку, взвился на воздухъ и ударилъ въ первый колокольчикъ. Тамъ послышался другой, тамъ третій — колокольчики зашлись, возвѣщая грядущій Божій день. Сотни мѣсныхъ птишекъ зашумѣли въ листьяхъ и защелетали на тысячу различныхъ голосовъ. Блѣснули первые лучи солнца. Трепещущіе листья деревъ заиграли въ огнѣ. Повѣялъ утренній вѣтерокъ: травка колыхнулась, цвѣтки подняли головки и зажили снова на цѣлый день, будто на цѣлую вѣчность. Лучи, наконецъ, цѣлымъ дождемъ пролились на землю. Милліоны золотыхъ мотыльковъ взмахнули крыльями и полетѣли съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ травки на травку. Безчисленные рои разнородныхъ мошекъ поднялись столбомъ и заиграли. Каркнулъ воронъ, зашипѣла змѣя, пронесся отдаленный крикъ дикой утки и, наконецъ, пробудился человекъ. Лицо его просіяло.

Катаны проснулись, напоили коней и пустили ихъ снова на траву. Гиржа лежалъ въ томъ же положеніи.

— Что это съ нашимъ капитаномъ? говорили катаны; конь его выкормленъ, выхолонъ и ржетъ и зоветъ своего сѣдока, а господинъ спитъ; вотъ ужъ, слава Богу, скоро полдень!

— Пусть спитъ! отвѣчали другіе: у богатыря и сонъ богатырскій, не по нашему.

— Да, да, точно не по нашему — онъ спитъ и чувствуетъ! перебилъ сотникъ Штирба.

Но Гиржа не спалъ. Тысячи думъ передумалъ онъ въ это время. Голова его ворочалась во всѣ стороны. Стало вечерѣть. Гиржа приподнялъ голову, раскрылъ глаза и снова уткнулъ головою на пенъ. Товарищи его только пожимали плечами. На-

конецъ, Гиржа свиснулъ... Катаны вспрыгнули на ноги. — Коня! сказалъ капитанъ. Подали коня.

— Ну, сказалъ онъ, обращаясь: жутко намъ стало! Турокъ караулитъ насъ, какъ кошка мышъ, но эта мышъ скорѣе кошкѣ глаза выцарапаетъ, чѣмъ ей достанется въ зубы. Султанъ далъ повелѣніе схватить насъ живьемъ, изрубить въ куски, посолить на постраму (*) и доставить ему въ Стамбуль — полакомиться. Паши расходились: одинъ поклялся бороною, а другой Алахомъ, что они насъ уходятъ! Полагаютъ, что мы имъ сами подставимъ рога. Русскіе уже въ Неванцѣ и не двигаются; Сераскиръ дрожитъ за Хотинъ: онъ бы и фыркнулъ, да мы у него на шеѣ. Ему натрубили въ уши, что насъ не сотни, а тысячи. Онъ только того и глядитъ, что бы мы не выскочили гдѣ-нибудь у него изъ подъ полы и не заварили каши. Задали мы ему тревогу! Вѣдь нашъ умъ все равно: сначала я было думалъ броситься прямо собакѣ въ пасть и биться на пропалую; потомъ думаю: къ чему?... Жизнь у насъ не даровая, а кровью купленная; за чѣмъ же отлавать ее ни за старую паучу! Можетъ быть, и намъ придется еще пожить на свѣтѣ, лежа за печкой, да припѣваючи!... Гиржа вздохнулъ.

— Теперь у меня другое въ головѣ, продолжалъ онъ. Если моя думка сбудется — мы заслужимъ милость у русскихъ, а если нѣтъ.... Но на Бога надежда! Черезъ три дни мы будемъ въ русскомъ станѣ; надобно пройти съ честью и иначе, какъ по турецкимъ головамъ. Прямо только одни дураки ходятъ. Мы постараемся пройти на славу! Я отправлюсь сперва одинъ. Ждите меня въ этомъ лѣсу, но будьте на готовѣ, и ни гу, гу! Если черезъ два дня не буду назадъ, то не ворочусь и до страшнаго суда: тогда врозь, сидите и ждите у моря погоды, авось прибудетъ волна и пришибетъ васъ не къ тому, такъ къ другому берегу. Прощайте, товарищи!

Товарищи повѣсили головы. Гиржа гикнулъ на коня и въ мгновеніе ока скрылся въ чащѣ лѣса. Проскакавъ часъ ѣзды, онъ живо привелъ въ исполненіе задуманную имъ мысль — преобразиться въ турка. По турецки ему не учиться. Обвертѣлъ голову поясомъ, досталъ изъ отроковъ юбку, накинулъ кусокъ краснаго сукна на плечо, саблю въ зубы, и поскакалъ прямо къ турецкимъ шатрамъ.

Гиржа совершилъ уже добрыхъ часовъ семь пути. Настала ночь. Мѣсяцъ сіялъ. О мѣсяцъ! мѣсяцъ! подумалъ удалой

(*) Пострама по нашему ветчина.

наѣздникъ, — сколько разъ я встрѣчалъ тебя и провожалъ на синемъ небѣ безъ думки, безъ тревоги.... Отъ чего же теперь кровь бушуетъ во мнѣ, отъ чего же теперь сердце бьется такъ тяжело?! Чего я хочу? Чего я ищу? Про то знаетъ Богъ! я не ищу добычи, не хочу богатства.... я былъ всегда бѣднякомъ и теперь гроша за душой не имѣю, нацѣвая одну и ту же пѣсню :

Фридзы еерде алуники

Каутъ инъ пугы, пуй мимикы! (*)

Можетъ быть, я хотѣлъ бы славы?... знатнаго имени? О, я знаю этихъ знатныхъ!.. да ко мнѣ и не пристала знатность!.. А слава?.. Доброй славы я не заслужу, а худой не хочу. Ну, такъ мести? Да, мести я хочу, какъ пойманный волченокъ хочетъ волчьяго молока.... Я хотѣлъ бы мстить!... Мстить! покуда не выместилъ бы всего, что у меня на сердцѣ; а на сердцѣ у меня не цвѣты цвѣтутъ, а лежитъ гробъ.... и въ этомъ гробу, вижу, лежитъ мертвецъ съ посинѣлымъ лицомъ, съ выклеванными глазами... это я самъ! Отъ-чего я не могу славить рукою своей головы такъ, чтобы выдавить оттуда хоть слезинку!... Вѣтеръ! вѣтеръ! схвати гдѣ нибудь двѣ росинки, принеси сюда и брызни мнѣ въ лицо.... а я подумалъ бы, что это слезы. Говорятъ: становится легче, когда человекъ заплачетъ. Но я въ самомъ дѣлѣ плачу, деревянные глаза мои заплакали!... мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало легче. Богъ посылаетъ землѣ дождь, а человекъ — слезы! Благодарю тебя Господи! Сердце немного успокоилось, будто послѣ дружнихъ объятій, послѣ поцѣлуя.... Но кому меня обнимать, кому цѣловать? Обниметъ меня развѣ сырая земля, а поцѣлууетъ развѣ душманъ (врагъ) въ мертвыя уста. О Лея! (**). Лея! Неужто я покинулъ тебя навсегда и ты достанешься другому?.... Га! чтѣ вздрогнулъ подо мною ты, мой вѣрный конь? аль дрожить подъ тобою земля?... Ты закусилъ удила и увнесся... Мчи же, мчи меня, куда знаешь... не жалѣй своихъ ногъ, не щади моей головы! Впереди пропасть... Ступай черезъ пропасть. Мой конь перепрыгнулъ зря! Стой! Бздохъ сдержалъ поводъ. Коню нужно было перевести духъ. Служаетъ — тишина!... Только комаръ — трубачъ трубить, да ку-

(*) На орѣхѣ листьевъ густо,

А въ карманѣ моемъ пусто!

(**) Лея значитъ Милля.

звечики куютъ; — царь-Бука выѣзжаетъ на полеванье (*). Впереди сверкнули огоньки, какъ рысьи глаза, — конь насторожилъ уши. Вдругъ выстрѣлъ!... бѣдняга вздрогнулъ подь сѣдомомъ, какъ листъ. — Ну, другъ! сказалъ Гиржа, трепля его по бедру: вынесешь изъ бѣды — закромяю! а пѣтъ — то не найдешь себѣ другаго такого товарища! — Конь только вздохнулъ. Вдоль холмовъ забѣлѣли турецкіе шатры. — За чѣмъ это не кости ихъ! вражьи кости! — подумалъ Гиржа: — либо бы теперь погулять по нимъ.... потоптать!....

— Кто ѣдетъ? закричалъ вдругъ турецкій часовой, просыпаясь.

Гиржа прыгнулъ ему черезъ голову, и былъ таковъ.

— Шайтанъ, шайтанъ! закричалъ турокъ въ испугѣ.

— Гдѣ онъ? — раздались голоса съ другой стороны.

— Вонъ онъ!... свалился съ тучи и прямо на меня и повесся, какъ оглашенный!...

— Не самъ ли это пророкъ слетѣлъ съ небеси и гуляетъ на бѣлой кобылицѣ своей по ратному полю? перебилъ третій голосъ.

— Великъ Алахъ, а Магометъ пророкъ его! повторили голоса.

Черезъ минуту, отчаянный наѣздникъ стоялъ уже посреди турецкаго стана. Враги снятъ! подумалъ онъ: снятъ!... О если бы вѣкъ не просыпаться вамъ. Туча! грянь на нихъ! земля, разступись! о какъ тяжко глядѣтъ въ очи спящему врагу и не запѣтъ ему пѣсни на могильный сонъ! бормоталъ Гиржа въ какомъ-то изступленіи. Онъ пустилъ коня вдоль по турецкому становищу, и вдругъ наѣзжаетъ на конскій табунъ. Конь его захрапѣлъ и заржалъ — табунъ откликнулся тѣмъ же бѣшенымъ и неудержимымъ ржаніемъ. Въ одно мгновеніе весь лагерь встрепенулся.

— Алла! Алла! Джяуръ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Тше! тше! закричалъ Гиржа: что я вамъ за джяуръ? я такой же честный османли, какъ и вы, развѣ вы ослѣпли? Эй, башка! продолжалъ онъ, обращаясь къ первому встрѣчному, гдѣ шатеръ Сераскира-паши?

— А ты кто? и на что тебѣ Сераскиръ? спросилъ турокъ съ недоувѣрчивостію.

— Я изъ Бендеръ, съ вѣстью! отвѣчалъ Гиржа.

— Изъ Бендеръ! повторилъ турокъ, осматривая его съ ногъ до головы. — Съ какою вѣстью?

— Вотъ я еще съ тобой разговаривать стану! веди меня! а не

(*) Народная сказочная поговорка.

то.... прикрикнулъ наѣздникъ, взмахнувъ нагайкой: я самъ тебѣ покажу дорогу....

Турокъ вытаращилъ глаза.

— Что тамъ такое? спросила толпа сбѣжавшихся мусульманъ; что за шумъ?

— А вотъ, отвѣчалъ Башка, указывая на Гиржу: спрашиваетъ Сераскира! Спросить бы прежде его, что онъ самъ за птица?

— Ахъ ты сынъ слѣпой курицы! развѣ ты не видишь, кто я?... Я ага янычарскій изъ Бендеръ! Да долго ли мнѣ ещё разсуждать съ тобою? гаркнулъ Гиржа, заноса нагайку.

Нагайка свиснула въ воздухъ; турокъ отшатнулся и сталъ увиливать.

— Не вилай же, не вилай, какъ собака задомъ, а пошелъ впередъ! гайда! повторилъ мнимый ага.

— Да мы тебѣ, ага, лучше укажемъ дорогу, куда нужно, отозвались голоса изъ толпы.

— Нѣтъ! я хочу, чтобы онъ указалъ! возразилъ Гиржа грозно.

— Отъ чего же непременно я? отвѣчалъ Башка, отступая все дальше и дальше, и стараясь улизнуть.

— А оттого, что ты сова, а насову ночью только и положиться можно!

— Сова! сова! подхватили голоса, подымая турка на смѣхъ.

— Ну-же, царь-птица, впередъ! хлопай глазами! прикрикнулъ Гиржа, напирая конемъ на одураченнаго османли.

Нечего было дѣлать; бѣдный турокъ, пополамъ со стыдомъ, пополамъ со страхомъ, отправился. Мнимый ага шелъ по его пятамъ, а безчисленная толпа любопытныхъ за ними — пѣшіе и конные. Процессія эта продолжалась съ часъ. Впереди, наконецъ, блеснула ставка Сераскира, ее окружали избранные янычары, въ высокихъ тюбанахъ, съ длинными чубуками въ зубахъ.

— Кто идетъ? раздался голосъ.

— Ага изъ Бендеръ! отвѣчалъ Гиржа, отдавая коня своему вожатому: доложите обо мнѣ Сераскиру!

Сераскиръ не спалъ; ему доложили. Гиржа вошелъ, приложился рукою сперва къ губамъ, потомъ къ челу и сталъ въ почти-тельномъ отдаленіи. Окружавшіе пашу осмотрѣли незнакомца съ замѣтнымъ любопытствомъ, нѣкоторые даже перемигнулись. Гиржа смѣло посмотрѣлъ въ глаза Сераскиру и старался дать знать, что онъ говорить хочетъ.

— Ну, что же ты намъ скажешь? спросилъ паша послѣ нѣкотораго молчанія, обращаясь къ бендерскому вѣстнику.

— Знаменитый паша! непоколебимое подножіе стонъ великаго Падишаха! я привезъ тебѣ вѣсть!

- Какую?
- Добрую: про Гиржу разбойника!
- Что же онъ — пойманъ? повѣшенъ? жаль, что не мнѣ онъ достался въ руки! воскликнулъ паша, облизывая губы.
- Нѣтъ, онъ живъ и приказалъ кланяться, въ добромъ здоровьѣ, твоему благополучію! отвѣчалъ лукавый волонтиръ.
- Анасыны! бабасыны! что же ты хочешь мнѣ сказать про него? перебилъ паша, вспрыгнувъ съ своего мѣста.
- Я скажу тебѣ, око прозорливости, только то, что я достоверно знаю.
- На-примѣръ?
- Что Гиржа засѣлъ теперь въ Каппарскихъ пущахъ, чтобы рвать насъ по кусочкамъ съ тыла, когда русскіе начнутъ съ головы!
- Не можетъ быть! Да развѣ у него хватитъ столько силы?
- Считать этихъ сорванцовъ я не считалъ, но мнѣ показалось ихъ точно какъ червей въ падали — если не больше. Я чуть-чуть было на нихъ не наткнулся носомъ.
- Какимъ образомъ?
- А вотъ какъ. Три дня тому назадъ, въ Бендерахъ, ранехонько утромъ, я ходилъ по крѣпостной стѣнѣ съ дубиной и будилъ часовыхъ. Посмотрѣлъ къ Дубассарамъ — тихо! за Днѣстръ къ Хаджибею — ни души! русскихъ нигдѣ не видно, только дикіе гуси съ крикомъ неслись съ той стороны, да рѣка, словно змѣя, развернувъ кольца, била хвостомъ о прибрежныя скалы и лоснилась отъ солнца, какъ золотая. Я сталъ спускаться въ крѣпость и, какъ нарочно, оборотился къ Кишинеуской дорогѣ, гляжу: пять ѣздоковъ лихихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, приближаются къ городскимъ воротамъ; одинъ изъ нихъ было не много поотсталъ, потомъ вдругъ забѣжалъ со всей прыти впередъ, и началъ кружиться на всемъ скаку и, подлетѣвъ къ крѣпости, разомъ поднялъ коня на дыбы. Я думалъ, онъ хочетъ прыгнуть ко мнѣ на стѣну и чуть было не подаль ему руки, но что-то дернуло спросить напередъ, кто онъ? — Гиржа! Гиржа! закричали мальчишки позади меня. Я ударилъ себя по лбу, а онъ по лошади — и драла. Случай былъ, зажмурился глаза, засадить ему пулю въ любое ребро и потерялъ ни-за-что... меня взяла злость! За его голову обѣщана давно киса червонцевъ... бѣгу на базаръ и кричу: кто хочетъ двѣ? Вызвалось охотниковъ много; выбираю четырехъ надежныхъ, а я пятый, и бросаюся за ворота, какъ бѣшеные, по свѣжему слѣду. Часа черезъ два ѣзды настигаемъ молодцовъ въ Булбоцкой долині. Они замѣтили насъ и прибавили

шагу, полагая навѣрное, что насъ не пять, а десятковъ пять! Они отъ насъ, а мы за ними въ догонку. Одинъ изъ нихъ нарочно отсталъ отъ прочихъ шаговъ на десять и поѣхалъ позади; то подается въ одну сторону, то въ другую, какъ будто заслоняя собою остальныхъ товарищей; то разомъ повернется къ намъ на заднихъ ногахъ, и грозитъ, и огрызается отъ насъ, какъ отъ собакъ. У меня чуть жилы не порвались съ сердцовъ. Засунул коню въ бока каблукъ по косточки, саблю на-голо — и налетаю на *анасымысына* (*). Кони пошатнулись назадъ, сшибнувшись грудью съ грудью. Мы наперли. Сабли скрестились — махъ! другой! и разлетѣлись въ щепы. Мы чуть не схватились зубами. Я, съ горяча, хватаю оба пистолета въ ту и въ эту руку — пафъ! пафъ! и оба выстрѣла мимо.... Представьте мое положеніе!... Свѣтъ завертѣлся у меня въ глазахъ, какъ мельница.... Онъ же, этотъ волчій выродокъ, вынулъ пистолеть изъ-за пояса, щелкнулъ.... я думалъ, по-краней-мѣрѣ, убьетъ съ разу — и кончено!... и скрестилъ руки, и показываю ему пальцемъ вотъ сюда, въ лобъ!... Онъ посмотрѣлъ на меня пристально... усмѣхнулся и, засунувъ пистолеть назадъ за поясъ, говоритъ: — «Нѣтъ дружище! поѣзжай лучше обратно съ Богомъ! да скажи матери своей, чтобы она прежде хорошенько отерла тебѣ молоко на губахъ — тогда помѣряемся!» — сказалъ и повернулъ коня, а я остался на мѣстѣ, какъ дуракъ!... Прочіе тоже захотѣли помѣряться. Смотрю: съ ихъ стороны повалился только одинъ; а мои всѣ четыре молодца, лучшіе паѣздники, перерублены наповалъ. Того носитъ конь по оврагу — ноги въ стремявахъ, а самъ безъ головы и машетъ все еще саблею... другаго сплюснуло подъ конемъ, какъ тѣсто. Куда дѣвать было свою голову? Не ворочаться же назадъ. Зарядилъ пистолеть туго на туго.... гляжу: прямо надъ головой летять два ворона. Цѣлюсь правой рукой — есть! цѣлюсь лѣвой — тоже есть! Руки у меня, какъ слѣдуетъ быть. Миѣ стало еще досадиѣе, что я могъ дать такой страшный промахъ!... Думаю, теперь уже не дамъ! и пустился съ отчаянія за ними одинъ! Четверо сутокъ я вилялъ по горамъ, по вертепамъ, не спуская глазъ съ четырехъ точекъ — сплю и вижу! На пятый день, вдругъ, молодцовъ не стало. Тутъ были — тутъ нѣтъ! Я слѣзъ съ коня и поползъ по травѣ, какъ собака, и нюхаю вражяго слѣду.... и вдругъ наворачиваюсь на цѣлую тьму-тьмушую этихъ головорѣзовъ. Я оттуда, и прямо сюда!

Слушатели уши развѣсили.

(*) Турецкая брань.

— Что-жь намъ теперь дѣлать? воскликнулъ паша, ходя скорыми шагами взадъ и впередъ въ своей палаткѣ.

— А перевѣшать ихъ, какъ куръ, отвѣчали окружавшіе его аги, въ одинъ голосъ.

— Можетъ быть это не такъ-то легко сдѣлать, какъ вы думаете, молвилъ осторожный паша.

— Ничего легче быть не можетъ! ручаюсь бородой пророка! — подхватилъ Гиржа: только нужно послѣшить!

— Какъ же намъ это сдѣлать? продолжалъ паша; надо подумать!

— Я думалъ, думалъ и лучше ничего не могъ выдумать.... если только такой глупой башкѣ, какъ я, позволяется говорить, что она думаетъ, замѣтилъ коварный волонтирь.

— Говори! объявилъ Сераскирь.

— Время слишкомъ дорого, сказалъ Гиржа. По моему, не тратя ни минуты, приказать тотчасъ выступить отборнѣйшему войску, окружить Капнарскій вертепъ и кончить дѣло однимъ разомъ. Время не ждетъ — сегодня они еще тамъ навѣрное, а завтра нищѣ ихъ!

Паша задумался. Слышно было, что русскіе — вотъ, вотъ, не сегодня, такъ завтра нагрянуть изъ-за Днѣстра. Шагъ былъ опасный. Паша колебался.

— Коли ужъ этого сдѣлать нельзя, продолжалъ Гиржа, то позволь мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, вызвать охотниковъ: авось не посчастливится-ли заслужить у Султана, если не шубу съ плеча, то хоть кожу съ этого сихимбашки — я ужъ бы зналъ, что съ нею сдѣлать? Говорять, у этихъ разбойниковъ куча золота награблена!

— Нѣтъ! я иду самъ! перебилъ паша торопливо. Конецъ концовъ!

— Конецъ концовъ! повторилъ Гиржа. Самъ Аллахъ внушилъ тебѣ эту счастливую мысль. Аллахъ одинъ, а такихъ пашей, какъ ты, не много!

Въ палатку вошелъ Буджацкій ханъ Сулейманъ-Оглу, прославленный наѣздникъ своего времени.

— А гдѣ ты, ага, досталъ себѣ такого коня? сказалъ онъ, посмотрѣвъ на Гиржу съ досадою: вѣдь ему цѣны нѣтъ!

— Каковъ ѣздокъ, таковъ и конекъ! отвѣчалъ волонтирь коротко и ясно.

— Молодецъ! подхватилъ паша, трепля его по плечу: отнынѣ ты останешься при мнѣ безотлучно.

— Слушаю! отвѣчалъ Гиржа съ покорностію.

— Для такого наѣздника, какъ ты, мало коня — ему нужно такое же и оружіе. У меня есть знатный клинокъ, сказалъ паша,

снимая со стѣны дорожную, старинную саблю, персидской работы: дарю его тебѣ, ага, за то, что ты мнѣ понравился.

Гиржа приложилъ руку къ сердцу и низко поклонился, изъявляя чувствительную благодарность. Онъ сталъ осматривать подарокъ.

— Ну что, каковъ? нравится ли тебѣ? спросилъ паша.

Гиржа вынулъ изъ кармана конскую подкову, разогнулъ ее, какъ крендель, и сталъ рубить на кусочки.

У пашы лицо вытянулось отъ удивленія.

— Чудный клинокъ! воскликнулъ Гиржа въ восторгѣ и снова началъ кланяться и благодарить.

Паша былъ доволенъ. Гиржа торжествовалъ. Наконецъ, Сераскиръ приказалъ бить тревогу. Ударили въ бубны, въ литавры, въ тазы — крикъ и галасъ раздались по всему лагерю. Гиржа снова поклонился милостивому пашѣ и вышелъ на открытый воздухъ — перевести духъ! Черезъ минуту Сераскиръ потребовалъ къ себѣ снова бендерскаго агу. Гиржа вошелъ.

— Ну, каково же въ Бендерахъ? спросилъ турецкій военачальникъ съ любопытствомъ. Паша Юсуфъ крѣпко, небось, держится?

— Да, паша Юсуфъ еле-еле на ногахъ стоитъ! отвѣчалъ Гиржа, не думая долго.

— Что такое? Выдержать ли ему осаду противъ русскихъ, тебѣ спрашиваютъ? повторилъ Сераскиръ.

— Онъ самъ города беретъ, какъ расходится?... отвѣтствовалъ немплосердый лгуль. Намедни три дни въ ротъ капли не бралъ — и паша, какъ паша; потомъ, какъ хватилъ до слезъ, и ползъ на стѣну, и кричитъ: гдѣ русскіе! Вотъ я ихъ! подавай ихъ сюда! всѣхъ въ мѣшокъ, да и съ моста въ воду! Смѣхъ и горе! а все проклятое вино.

— Какъ? Паша Юсуфъ вино пьетъ?

— Ого! не пьетъ, а ѣсть лучше сказать.

— Ты врешь, ты врешь, ага, какъ собака! воскликнулъ разгнѣванный Сераскиръ.

— Клянусь гнѣдой кобылой Магомета, что не лгу! возразилъ катана съ достоинствомъ.

Сераскиръ призадумался. Гиржѣ не для чего было миловать Юсуфа. Онъ продолжалъ:

— Бывало, вотъ какъ теперь вижу, нашъ паша, словно подлѣ одадыки, увивается около бутылочки, и треплетъ ее, и ласкаетъ.... и радъ бы.... да мудроно распечатать! и какъ сдавить за горло, молоко такъ и брызнетъ, развѣ на днѣ останется капли двѣ — онъ и тѣмъ доволенъ! а теперь принесутъ бочку, онъ и ляжетъ подлѣ бочки, какъ подлѣ законной жены, об-

нявшись, и тянеть, пока не вытянетъ весь сокъ изъ нея — пере-
ливая изъ пустаго въ порожнее!.... Четыре дни тому назадъ, мы
трое, Топчи-Баши, мулла Ибрагимъ и я, были у Пашы. Заго-
ворили о будущей жизни, о томъ, какія блага ожидаютъ право-
вѣрнаго въ Магометовомъ раю, на девятомъ небѣ. Послушайте!
перебилъ Юсуфъ: мнѣ снился нынче преудивительный сонъ — какъ
вамъ покажется? Будто, бродя одиноко вокругъ Истамбула, я очу-
тился нечаянно на нашемъ старомъ кладбищѣ. Священные над-
писи изъ Корана горѣли золотыми буквами на надгробныхъ кам-
няхъ. Я сталъ читать и первый стихъ, который попался мнѣ на
глаза, было проклятiе противъ свиноядiя и пьянства. Я вспомнилъ
о тяжкихъ прегрѣшенiяхъ моей жизни, и горько заплакалъ. Жизнь
стала мнѣ въ тягость; земныя ничтожныя блага, земная власть,
могущество.... всѣмъ я презрѣлъ! Магометъ обѣщалъ небо непью-
щимъ сынамъ земли — и я, презренный рабъ Аллаха, промѣнялъ
небо на какую-нибудь мадеру! О великiй Аллахъ! воскликнулъ я:
недостойнъ я образа человѣка — преврати меня въ козла, пре-
врати въ кабана, только дай побывать на девятомъ небѣ, обнять
черноокихъ хурiй, хоть на одинъ мигъ насладиться утѣхами рая...
и тогда пусть я буду свинья, пусть я буду кабанъ! И что же?
моя молитва была услышана. Гляжу: отверзаются небеса и юныя
хурiй, обольстительной красоты, одна за другой нисходятъ на
землю — полунагiя, безъ шалваръ, безъ покрываль.... Можете пред-
ставить! старая кровь заиграла въ моихъ жилахъ, какъ молодая
буза! Полныя огня и страсти, онѣ окружаютъ меня и, взявшись
за руки, начинаютъ плясать. Минуту спустя, гляжу: о пре-
вращенiе превращенiй!... вокругъ меня пляшутъ и гудятъ, кто бы
вы думали? — Пустыя бочки!... Я опрокинулся назадъ головою и
слышу голосъ изъ одной бочки: — Юсуфъ! Юсуфъ! считай: ты
выпилъ *семьсотъ семьдесятъ семь* бочекъ.... выпей еще столь-
ко, и получишь рай! Я проснулся въ страхѣ и трепетѣ и до сихъ
поръ не опомнюсь. Что бы значилъ видѣнный мною сонъ? спро-
силъ паша, обращаясь къ слушателямъ. Я и Топчи-Баши ото-
звались невѣдѣнiемъ и сослались на муллу. Мулла покрутилъ по-
сомъ и отвернулся. День былъ между тѣмъ жаркiй. Жаж-
да томилла пашу. — Пить! закричалъ онъ. Принесли чистой воды.
Паша взялся за ковшъ, понюхалъ — кисло! и вылилъ его муллѣ
на голову. Тотъ приснулъ, какъ котъ, и сталъ будто оплеванный!....

Сераскиръ отчаянно махнулъ рукою. Гиржа замолчалъ и вы-
шелъ вонъ.

Съ наступленiемъ утра, отборнѣйшая часть турецкаго войска
подъ предводительствомъ самого Сераскира двинулась изъ подъ

Хотѣла по указанію новаго вожатаго къ Каннарскимъ пущамъ. Турецкій военачальникъ задумчиво вѣхалъ на своемъ конѣ. Можетъ быть, онъ чувствовалъ, что дѣлалъ глупость. Поднять на ноги цѣлую армію и идти съ нею противъ какихъ-нибудь бессарабскихъ разбойниковъ, имѣя въ виду русскихъ и оставляя крѣпость безъ надежнаго прикрытія — была дѣйствительно непростительная глупость! Но, можетъ быть, паша разсуждалъ иначе. Турки два дня шли безъ отдыха. Наконецъ, къ вечеру другаго дня, Каннарскій лѣсъ показался. Онъ простирался на нѣсколько верстъ въ окружности. Турки переждали минуту и съ разныхъ сторонъ, сохраняя возможную тишину, пустились въ обходъ. Окруживъ лѣсъ, они должны были остановиться и, по данному сигналу, со всѣхъ сторонъ напасть на разбойниковъ. Но прежде всего Гиржѣ, по знакомому слѣду, надлежало открыть ихъ притонъ и тотчасъ подать сигналъ, что они тутъ; за этимъ сигналомъ должна была взвиться ракета, какъ знакъ ко всеобщему нападенію. Вслѣдствіе этого распоряженія, Гиржа бросился въ чашу лѣса и пропалъ. Тишина смертельная воарилась кругомъ, только вѣковой лѣсъ шумѣлъ и, качая вершинами, будто посмѣивался надъ глупостію человека.

Въ лѣсу вдругъ неожиданно раздался выстрѣлъ. Сперва одинъ, потомъ другой. Турки вообразили, что посланный ихъ находится въ опасности и, не ожидая сигнала, съ крикомъ: Алла! бросились на выручку въ непроходимую чашу. Волки, зайцы, козы, дикіе кабаны выбѣжали изъ лѣсу и пустились на-уходъ въ разные стороны. Турки бились въ лѣсу цѣлую ночь совершенно понапрасну. Нигдѣ не было замѣтно слѣда человѣческаго. Наконецъ, они выбились изъ мочи и стали выходить толпами на сборное мѣсто. Одежда ихъ была изорвана, обувь растеряна, лица изцарапаны и окровавлены, какъ будто послѣ страшнаго побоища. Это было уже не отборное войско турецкаго Сераскира, а настоящая толпа кочующихъ цыганъ. Взошло солнце и блескомъ своимъ озарило міръ. Туркамъ было не до него.

— Гдѣ-жъ это бендерскій ага? спросилъ Сераскиръ, выходя въ бѣшенствѣ изъ своей палатки.

— Аги нѣтъ! отвѣчали ему коротко и ясно.

Сераскиръ остался въ недоумѣніи

Истощенному войску нужно было дать отдыхъ. Настала слѣдующая ночь. Турки, послѣ перенесенныхъ трудовъ, заснули мертвецкимъ сномъ, но Сераскиръ долго не могъ успокоиться и утѣшить бунующаго гнѣва.

Къ утру, на Хотинской дорогѣ, послышался громкій конскій топотъ. Турки встрепенулись и стали прислушиваться.

— Это наши! сказалъ одинъ изъ старыхъ спаговъ, преспокойно опуская на сѣдло голову.

— Какъ, наши? Почему ты знаешь? отозвались другіе.

— Я носомъ слышу!

— Куда же они такъ поспѣшаютъ? повторили прежніе голоса.

— Да они бѣгутъ отъ русскихъ! замѣтилъ спагъ хладнокровно.

— О! стало быть намъ покуда еще можно сдѣлать кейфъ. — примолвили мусульмане, зѣвая и потягиваясь съ наслажденіемъ.

Между тѣмъ топотъ послышался ближе, и черезъ часъ толпа всадниковъ осадилъ коней у самой палатки Серескира.

— Что тамъ такое? спросилъ паша, просыпаясь въ тревожномъ предчувствіи. — Это наши изъ подъ Хотина! отвѣчалъ приближенный ага, съ сердечнымъ прискорбіемъ.

— Какъ, наши? кто имъ велѣлъ являться сюда безъ моего приказанія? вскрикнулъ паша немилосерднымъ голосомъ.

— Да ихъ прогнали оттуда! — возразилъ ага добродушно.

— Кто? какъ?! перебилъ паша.

— Да русскіе, говорятъ, штыками!

Паша вскрикнулъ и опустилъ руки. Теперь ему живо представилась вся несообразность его необдуманнаго отступленія отъ Хотинской крѣпости. Онъ долженъ былъ отвѣчать за это головою. Медленно вышелъ паша изъ своей палатки и приказалъ представить себѣ нѣкоторыхъ изъ бѣглецовъ, чтобы распросить о подробностяхъ случившагося несчастія.

— Какъ это случилось? спросилъ онъ, когда тѣ приблизились.

— Да вотъ какъ, началъ одинъ, выступивъ нѣсколько впередъ, послѣ ухода блистательнаго наши, мы простояли спокойно цѣлыя сутки. Птица не пролетала съ той стороны, изъ-за Днѣстра! На другой день, утромъ, видимъ челоувѣкъ пятьсотъ верховыхъ пробираются окольными тропинками къ рѣкѣ; они прискакали къ берегу, бухъ! и будто канули, а потомъ снова вынырнули....

— Эге-ге! да это молдавская вольница такъ удираетъ! сказали наши.

Мы посмотримъ: точно они! и пустились было за ними въ погоню — поймаешь ихъ! Они первые мастера на утекъ. Какъ зайцы выскочили они на тотъ берегъ, задрали хвосты и скрылись въ степь. Не прошло двухъ часовъ, какъ на той сторонѣ затарохтели уже русскіе барабаны. Прибѣжала конница вѣсть съ пѣхотою. Каждый конникъ посадилъ къ себѣ на хвостъ по пѣхотинцу и, такимъ образомъ, привалили къ рѣкѣ. Днѣстръ вздулся отъ

дождей и бушеваль, какъ разъяренный. Мы думали; чорта съ два они усидять на коняхъ. Но сказано, что московъ, то ужь цѣлый бѣсъ! Не успѣли мы оглянуться, какъ они ужь на этой сторонѣ: грянули изъ пушекъ, оскалили штыки и, полѣзли, какъ кошки, на стѣну, а молдавская больница за ними. Не прошло часу, слышимъ: русскіе ужь пѣсни запѣли! — стало быть все кончено! Прощай Хотинъ! сказали мы, повернули коней и пустился къ тебѣ съ извѣстіемъ.

Паша тяжело задумался.

— Ну, а между этою проклятою вольницею никто изъ васъ не видалъ ихъ атамана? спросилъ прежній ага, начиная догадываться и желая, можетъ быть, окончательно вывести пашу изъ недоумѣнія.

— Какъ невидать! сказала одинъ изъ бѣглыхъ турковъ: тотъ самый Башка, котораго три дни назадъ Гиржа въ насмѣшку прозвалъ совою. Когда наши дали тягу, продолжалъ онъ, я прищипорилъ также своего жеребца, но не могъ, однако же, поспѣть за товарищами и немного поотсталъ. Вдругъ слышу, меня нагоняютъ сзади. Ну, думаю себѣ, теперь ужь башкѣ моей капуть! Оглядываюсь: изъ-за кургана несется прямо на меня какой-то наѣздникъ, и машетъ рукою, и кричитъ во все горло, чтобы я остановился. Останавливаюсь. Наѣздникъ подъѣзжаетъ ближе и кричитъ мнѣ: Здорово, Башка!

Я выпучилъ на него глаза.

— А куда ты такъ поспѣшаешь? повторилъ онъ лукавымъ голосомъ. Да вотъ, говорю, отъѣзжаю во свояси!

— И хорошо дѣлаешь! поѣзжай съ Богомъ! Ну, а Пашу ты скоро надѣешься увидѣть, или нѣтъ? спросилъ онъ усмѣхаясь такъ, какъ только усмѣхаются одни черти.

— Я думаю, что удостоюсь взглянуть на его великолѣпную особу если не сегодня, такъ завтра: отвѣчалъ я.

— Кланяйся же ему, сказалъ онъ, и поблагодари отъ меня за угощеніе и за подарокъ!

— За какое угощеніе? перебилъ Паша, цѣпенѣя отъ гнѣва.

— А онъ сказалъ, что Паша его намеренъ угощать, какъ Султана, и подарилъ ему дорогую саблю! замѣтилъ Башка.

— Такъ это былъ не бендерскій ага? завопилъ Сераскиръ, ударивъ себя кулакомъ по лбу.

— Нѣтъ!... это былъ самъ сатана — Гиржа! отвѣчалъ Башка торжественно.

— За чѣмъ же ты мнѣ этого прежде не сказалъ? вскрикнулъ

Сераскирь, не помня себя отъ бѣшенства. — Повѣсить этого вѣщуна сейчасъ-же!

На Башку бросились со всѣхъ сторонъ.

— Помилуйте! закричалъ Башка отчаяннымъ голосомъ.

— Нѣтъ тебѣ помилванія! произнесъ судія и военачальникъ, поспѣшно входя въ свою палатку.

— Ай! ай! помилуйте! вопилъ Башка. Чѣмъ я тутъ виноватъ?

Но на него никто не обращалъ вниманія. Какъ козель въ отпущенія за грѣхи турецкаго военачальника, висѣлъ онъ черезъ минуту на сосновомъ суку и вертѣлся, и бился на веревкѣ... рвалъ ее руками, грызъ зубами, но напрасно!...

Сераскирь выступилъ съ своимъ войскомъ назадъ къ Хотину и расположился противъ русской арміи, не смѣя однакожь затѣять съ нею никакого дѣла.

VII.

Джупинъ Радуканъ рядомъ съ сожительницею сидѣлъ въ своей свѣтлицѣ и оба молчали. Они помышляли о своей дочери. Былъ вечеръ. Мариуца не приходила домой съ самаго утра. Въ нѣскольکو дней она сдѣлалась неузнаваема. Бывало, настанетъ день и домъ Радукана оживится. Прежде всѣхъ улыбалась его дочка, первая пѣснь была ея, а за нею ужъ раздавались пѣсни пташекъ. Не было въ домѣ угла, въ который бы она не заглянула, не было души, съ которой бы она не заговорила. Все оживало отъ ея присутствія. Она ни на минуту не могла оставаться покойною. То готовить для отца любимое питье, или кушанье, или разстилаетъ по стѣнамъ разноцвѣтные ковры своей работы, и любитъ будущимъ приданымъ; то заведетъ разговоръ съ любимымъ котомъ и строго приказываетъ ему не терзать и не мучить бѣдныхъ мышей, и котъ слушаетъ.... то подбѣжить къ отцу и дернетъ его легонько за усь и потомъ поцѣлуетъ; то выхватитъ у матери изъ рукъ или иголку, или веретено, и шьетъ, и прядетъ, и поетъ!... Въ последнее же время она измѣнилась совершенно. Въ ней нельзя было узнать прежней Мариуцы. Ей говорить, а она не слушаетъ. Уйдетъ изъ дому и ищетъ по полю какихъ-то цвѣтовъ и плачетъ; то отправится съ кувшиномъ за водой и воротится назадъ съ пустыми руками; либо приведетъ въ домъ стараго, полумнаго Юницу и сажаетъ его на почетное мѣсто, и поить, и кормить, и осыпаетъ его ласками. Бѣдный цыганъ смотрѣлъ на нее, протиралъ глаза и опять смотрѣлъ.... Мариуца плакала, цыганъ и самъ хотѣлъ бы заплакать, да не могъ, и только смѣшно кривлялся.

— Ну, что же намъ теперь дѣлать съ нашею дочкою? спросилъ Радуканъ, обращаясь къ женѣ съ видомъ совершеннаго недоумѣнія.

— А отслужить молебень и просить пона, чтобы помолился о ея душѣ и прочиталъ надъ нею *зордію* (*), кротко отвѣчала Радуканесса.

Радуканъ махнулъ рукою.

— Я тебѣ говорилъ, продолжалъ онъ, отдадимъ дочь за Каймаканова сына... теперь ее не только Каймакановъ сынъ, а послѣдній пастухъ не возьметъ за себя!

— И Богъ съ ними! до жениховъ ли тутъ, когда дѣло идетъ не о томъ! возразила жена.

Радуканъ отвернулся въ сторону, чтобы отереть кулакомъ слезу.

— Ну, а еслибы Дердїи Гиржа пришелъ и попросилъ ея руки — что бы ты сказалъ? спросила Радуканесса съ какимъ-то вдохновеніемъ материнскаго предчувствія.

— Не говори этого, перебилъ Радуканъ съ грустію; развѣ ты не знаешь, что этому никогда не бывать!

Въ это время на дворѣ послышалось глухое ржаніе коня и вслѣдъ за тѣмъ дверь съ шумомъ растворилась... въ комнату вбѣжала Маріуца, какъ полумумная. Дико посмотрѣла она на отца, схватила мать за руку и насильно потащила ее за собою. У порога стоялъ конь, весь въ пѣнѣ, и насилью держался на ногахъ отъ усталости, а на конѣ сидѣлъ мертвый всадникъ головою навзничь...

— Отгадай, мама, кто это такой? спросила Маріуца съ живостию, указывая на сѣдока пальцемъ.... Голосъ ея дрожалъ, глаза свѣтились, какъ у кошки.

— Это Гиржа! молвилъ Радуканъ, засматривая мертвецу въ лицо.

— О нѣтъ, это совсѣмъ не Гиржа! Кто вамъ сказалъ, что это онъ?! это убитый татаринъ! нѣтъ, это мышь! быстро перебила Маріуца и захохотала...

— Что ты? что ты? воскликнула мать, знаменуя дочку крестомъ. Развѣ ты не видишь, дитя мое, что это человекъ, а не мышь!

— Онъ убитъ! молвилъ Радуканъ, обращаясь къ своимъ батракамъ. Возьмите и снесите его въ хату!

Батраки сбѣжались, ссадили убитаго съ коня, внесли бережно въ домъ и опустили на подушки.

Маріуца неподвижными глазами слѣдила за этою печальною церемоніею.

— Добрая память тебѣ падшій воиникъ! продолжалъ хозяинъ, глядя въ лицо удалому наѣзднику. Послѣ Гиржи уже не будетъ Гиржи!...

(*) Зордія т. е. молитва exordium, читаемая для изгнанія бѣса.

— Такъ это онъ! неужели это Гиржа? вскрикнула Мариуца, вырываясь изъ рукъ матери, и прыгнула впередъ, какъ львица, съ распущенными прядями волосъ... потомъ отступила три шага назадъ и остановилась... потомъ на цыпочкахъ подошла къ постели убитаго и начала его будить: Дердй! драгу Дердй, встань! Ты обмануль меня, сказалъ не воротись!... Встань и умойся! посмотри, какъ ты забрызганъ кровью!... Чтожь ты мнѣ не отвѣчаешь? а?... скажи мнѣ, гдѣ ты былъ! Но какой ты синій, синій!... Знать ты долго не спалъ, что пріѣхалъ такой сонный!... Спи! я не хочу тебя будить! Ты потомъ расскажешь, что тебѣ снилось... можетъ быть, теперь ты видишь меня во снѣ!... Ахъ эти мухи, какъ они надоѣдаютъ ему! прочь!... Спи, мое дитятко, спи! а-а-а! а-а-а! Ты спишь, какъ убитый! Не убить-ли ты?... Но быть не можетъ! Кто осмѣлится убить тебя? и за что? неужели за то, что ты меня любишь. Я знаю, что ты меня любишь, не обманывай. Но ты даже и не дышешь... что это значить? — И Мариуца всплеснувъ руками, вдругъ опустилась на колѣна и зарыдала громкимъ, раздирающимъ душу, рыданіемъ, припавъ устами къ мертвымъ губамъ своего возлюбленнаго. Весь домъ огласился воплями плача.

На вопль Мариуцы мертвый какъ будто очнулся и зашевелилъ губами. Радуканъ быстро схватилъ со стѣны кинжалъ и приложилъ его плашмя къ устамъ мертвеца... сталь потускла!... Гиржа вздохнулъ!

— Онъ живъ! воскликнулъ обрадованный хозяинъ.

— Живъ! повторили всѣ отъ мала до велика.

Живъ! живъ! прощелбеталъ воробей подъ окномъ, и въ домѣ снова все ожило.

Гиржу стали осматривать. Нашли, что тѣло его было пробито тремя пулями разомъ. Радуканъ безъ всякихъ орудій, простыми руками, ловко и скоро вынулъ эти пули и бросилъ въ огонь. Раны перевязали. Большой послѣ этого открылъ на минуту глаза и впалъ въ прежнее оцѣпеніе.

Но молодость и желѣзное сложеніе взяли верхъ. Большой постепенно сталъ приходить въ себя: то, по-временамъ, мигнетъ бровью, то шевельнетъ рукой, то поморщится и вдругъ, желая повернуться съ одного бока на другой, онъ захохалъ и открылъ глаза. Мариуца стояла подлѣ него на колѣнахъ и молилась! Блаженъ человекъ, о которомъ молятся ангелы!... Гиржа ожилъ.

— О драга! шепталъ онъ едва внятнмъ голосомъ. Положи мнѣ на лицо твою руку! такъ!... теперь на уста, такъ!... не отнимай! Приложи теперь руку къ головѣ! такъ!.. дай мнѣ ка-

пельку воды! не плачь, драгулица! а лучше засмѣйся! вотъ такъ!... Поведи еще рукою по лицу! еще! еще!... такъ!... такъ!... о я слышу, какъ во мнѣ снова ожила кровь!... Еще... еще!... такъ... такъ! лепеталь больной и лепеча заснуль... Сутки цѣлые онъ спалъ непробуднымъ сномъ. Мариуца отъ него не отходила: то легонько поправитъ ему подушку, то смахнетъ на лету муху, чтобы та не обезпокоила больного; то склонится лицомъ къ лицу и прислушивается къ его дыханію, то неслышными шагами обойдетъ постель и воротится снова на прежнее мѣсто, и стоитъ, какъ тѣнь, нѣма и недвижима... и слушаетъ... иногда ей покажется, будто больной вздохнулъ, будто пролепеталь ея имя, и сердце ея забьется въ груди... и она боится, чтобы бѣшеніе его вдругъ не разбудило спящаго. Наконецъ, Мариуца едва могла держаться на ногахъ отъ изнеможенія и безпрестаннаго напряженія силъ. Подошедъ къ изголовью своего возлюбленнаго и пославъ ему, можетъ быть, мысленно поцѣлуй, она, сидя, склонилась тутъ же головою къ подушкѣ и подобно ему заснула счастливымъ дѣвическимъ сномъ.

На другіе сутки Гиржа проснулся. Онъ уже могъ говорить. Настало утро. Воробей зачирикалъ подъ окномъ, голубь заворковалъ подлѣ своей голубки, а Гиржа, глядя на Мариуцу, рассказывалъ хозяевамъ о томъ, что съ нимъ случилось послѣ послѣдняго ихъ свиданія. — Наконецъ, мы очутились въ русскомъ лагерѣ, продолжалъ рассказчикъ. Русскій генераль меня принялъ, какъ нельзя лучше; русскіе съ нами подружлись съ перваго дня. Они наши, таже вѣра, таже кровь! Если бы я не былъ румыномъ, то желалъ бы быть развѣ русскимъ. Что за удаля, что за богатырская душа! Съ ними можно міръ завоевать. Они когда-нибудь его и завоеуютъ. Русская царица знаетъ наши страданія и за насъ теперь воюетъ съ туркомъ. Будемъ, братья и сестры, молиться за нея Богу!

Слушатели при этомъ встали, обратились къ иконамъ и зачали просить у Бога русской царицѣ побѣды, долготѣνιαго царствования и славы!

— Въ Русскомъ лагерѣ, на покоѣ, мною вдругъ овладѣла давнишняя моя тоска. Настала ночь. Ложусь на одинъ бокъ — не ложится, ложусь на другой — дрема прочь идетъ! Всѣ спятъ, только изрѣдка перекликнутся часовые, либо птица пролетитъ, либо пробѣжитъ испуганная лошадь, и снова все успокоится. Одинъ я беспокоенъ. Захотѣлось размыкать кручину. Встаю, сѣдлаю коня, сажусь и отправляюсь, самъ не зная куда. Наконецъ, думаю, дай попытаюсь, не удастся ли пробраться какъ-нибудь мимо турец-

каго войска; а турки стояли противъ русскихъ носъ съ носомъ. Захотѣлось подышать тѣмъ воздухомъ, гдѣ я недавно гарцовалъ и мучилъ турковъ, находя въ этомъ успокоеніе и отраду. Мимо турецкаго стана я прошелъ спокойно. Отправляюсь дальше. Наступилъ день. Думаю себѣ, въ русскомъ лагерѣ меня сегодня не спросятъ, и ѣду дальше. Сворачиваю къ полудню въ глушь, чтобы дать коню отдохнуть и покормиться. Выѣзжаю на прежнюю дорогу уже передъ вечеромъ; вижу, впереди пасутся кони, около нихъ стоитъ, опершись на ружье, сторожевой турокъ, а прочіе спать преспокойно. Подъѣзжаю къ турку на полвыстрѣла и киваю ему головою: *Саламъ алей кюмъ!* — онъ мнѣ отвѣчаетъ на мое здравствование и пропускаетъ впередъ. Черезъ двадцать шаговъ оглядываюсь и вижу, какъ десять турецкихъ ружей направляются прямо въ меня... я по коню. — Но турки бацнули и изъ десяти выстрѣловъ попадаютъ въ меня цѣлые три. Хотя и чувствую, что пули не глубоко зашли, потому что помѣшала мнѣ моя ваточная скуртайка, но совладать самъ съ ними я не могъ. Направляю коня моего къ Орхею, но съ каждымъ шагомъ впередъ я сталъ ослабѣвать больше и больше. Я далъ коню волю, а самъ упалъ на сѣдло, обвинивъ руки около конской шеи, чтобы не свалиться и такъ закаменѣлъ. Какимъ образомъ потомъ я ѣхалъ и пріѣхалъ къ вамъ, мои добрые хозяева, уже не знаю. Вѣрно мнѣ осталось еще долго жить на свѣтѣ, коли я воскресъ послѣ этого турецкаго угощенья.

Большой замолкъ. Лицо его было смертельно блѣдно, но глаза, встрѣчаясь съ глазами Мариуцы, черпали изъ нихъ жизнь поминутно.

Спусти недѣлю, Гиржа садился уже на коня. Отецъ самъ открывалъ ворота, мать надѣла на него лядунку съ святымъ ладаномъ отъ пули, отъ чаръ и всякой напасти, и строго наказывала имѣть его всегда при себѣ, на груди... Мариуца плакала.

— Не плачь, Леля, черезъ три-дни ворочусь опять! сказалъ отъѣзжающій.

Она залилась еще пуще.

— Какая ты! вѣдь онъ сказалъ воротится — и воротится! три дни не загорами! перебила мать, почти пополамъ съ гнѣвомъ.

Гиржа ударилъ по лошади, еще разъ повернулся на стремянахъ, кивнулъ головою, и исчезъ. Спустя нѣсколько времени Мариуца вышла взглянуть на дорогу, по которой скрылся ея милый воинъ — дорога была пуста, только хозяйская собака, провожавшая знакомаго гостя, бѣжала по ней обратно домой и жалобно лаяла.

Черезъ три дни, вдали показалась сперва пыль, а потомъ всад-

никъ. — Это онъ! онъ! вскрикнула обрадованная Мариуца и выбѣжала на встрѣчу.

— Здравствуй Леля! воскликнулъ Гиржа, спрыгнувъ съ коня.

— Здравствуй баде! повторила Мариуца, чуть не прыгнувъ ему на шею.

— Ты, Леля, меня не ждала сегодня? Ты думала я не буду?

— Нѣтъ, мое сердце чуяло, что ты будешь, но будешь опять на одну минуту!

— А ты хочешь на вѣкъ! для меня и минуты дороги! возразилъ Гиржа съ грустію.

— Чудны люди! вмѣсто того, чтобы дома сидѣть, пахать поле, да молиться Богу — они ищутъ битвъ и сраженій... и тебѣ, баде, не страшно?...

— Я только одного боюсь — чтобы ты не разлюбила меня, моя милая!

— Разлюбить я тебя вѣкъ не разлюблю; но какъ подумаю, что ты уѣхалъ, можетъ быть, навсегда.. что ты опять раненъ, то... А знаешь ли, что я безъ тебя дѣлала въ эти три дни?... я сидѣла за воротами, глядя вонъ на ту дорогу и все плакала...

— А ты думаешь мнѣ легко было!

— Неужели ты опять покинешь насъ и уѣдешь?... спросила Мариуца, съ пѣжностію глядя на своего милого войника.

— Я долженъ ѣхать, отвѣчалъ онъ, меня тамъ ждуть!

— О не ѣзди, не ѣзди, или возьми и меня съ собою!

— Куда?

— Куда! куда ты, туда и я!

— Я поѣду далеко.... на войну!

— И я съ тобою!

— Что же ты будешь тамъ дѣлать?

— Смотрѣть, какъ ты будешь воевать! Буду ходить за тобою, ухаживать за твоимъ конемъ; буду его поить, кормить, ему гриву расчесывать!

— О Лелица, Лелица! сказалъ Гиржа, это невозможно!»

— Отъ чего же невозможно? отвѣчала Мариуца.

— А отъ того, что дѣвѣнцы на войну не ѣздятъ!

— Вѣдь я же тамъ не одна буду, а съ тобою; а съ тобою какая дѣвѣнца не поѣдетъ!

— Нѣтъ, душа моя! лучше дома сиди да слушайся матери. Если она тебѣ скажетъ: не люби мужчинъ, они этого не стоятъ! — ты такъ и поступай. Кого же слушать намъ, какъ не старыхъ людей? Если она тебѣ не прикажетъ печалиться — не печалься, дитя мое, не плачь! А между тѣмъ, я возвращусь съ войны, принесу вамъ

вѣсть о погибелѣ турковъ и больше не разстанусь съ вами... тогда дѣлай со мною, что захочешь!

— Когда же это будетъ?

— Черезъ мѣсяць, черезъ два, коли Богъ поможетъ!

— Черезъ мѣсяць! черезъ два!... отъ чего бы намъ съ этой же минуты не разставаться?

— Я бы радъ самъ, драгулица, да не могу.

— Ну хорошо!... я не буду плакать, не буду печалиться.. но если ты воротиться убитый, или не воротиться вовсе... то... то я скажу, чтобы меня тогда живую похоронили въ землю... слышишь? Хорошо... я не буду больше плакать! добавила Мариуца, отирая слезы. Поѣзжай, куда хочешь. Ищи, чего желаетъ душа твоя! только воротись, хоть черезъ десять лѣтъ. Я десять лѣтъ буду все ждать тебя; или иѣтъ, лучше не возвращайся... Какое тебѣ дѣло до моихъ слезъ и до моего горя. Поѣзжай! прощай, баде, воскликнула она и, рыдая, бросилась прочь....

Гиржа хотѣлъ погнаться за своею возлюбленною, утѣшить ее, но не смѣлъ.

— *Биши ай винитъ! биши ай винитъ!* добро — пожаловать! кричалъ Радуканъ, стоя на порогѣ дома.

Гиржа едва разслышалъ. Хозяева стали просить гостя войти: онъ не зналъ, войти ли ему, или броситься на коня и скакать куда глаза глядятъ....

— *Побѣдимъ ла касы!* милости просимъ!—повторили хозяева.

Гиржа не могъ одолѣть своего сердца и вошелъ. На порогѣ дома на него повѣяло раемъ тихой жизни и домашняго счастья. Онъ былъ уже, казалось, готовъ броситься къ ногамъ добрыхъ хозяевъ и просить себѣ у нихъ пріюта и благословія, но въ ту же минуту въ избу вбѣжала цыганка и, обращаясь къ хозяйскому гостю, спросила: — А сказать-ли, джупине Дѣрдій, что будетъ съ тобою, если не сегодня, такъ завтра?... вѣдь ты объ этомъ теперь думаешь?....

Гиржа вздрогнулъ. Цыганка повторила предложеніе.

— Убирайся вопъ съ своими *минаунчи*, враками, произнесъ волонтиръ, грозно взглянувъ на отгадчицу.

— Напрасно, а я бы тебѣ сказала кое-что, продолжала цыганка, прищелкнувъ языкомъ и глядя пристально ему въ глаза.

Цыганка не отставала.

— Пошла прочь! крикнулъ наконецъ Гиржа, выведенный изъ терпѣнія.

— Коли такъ, молвила плутовка, то дай же мнѣ хоть шельяжекъ (*) за моё усердіе, у тебя отъ этого прибудеть десять.

— Вонъ, повторилъ Гиржа, указывая кулакомъ на дверь.

Цыганка ступила нѣсколько шаговъ назадъ, повела искоса глазами, кивнула головою, повернулась и скрылась.

Появленіе цыганки навело на всѣхъ родъ унынія. Но дверь внезапно растворилась и въ комнату впрхнула Маріуца, живая, веселая, беззаботная, какъ будто она вѣкъ не знала ни слезъ, ни печали.

— Правда ли, начала она, обращаясь къ матери, что дѣвушка вѣкъ свой не должна любить мужчинъ, потому что они этого не стоятъ?

— Вотъ какъ! а откуда ты это взяла? спросила Радуканесса.

— Гиржа сказалъ! но я хочу знать, правда ли это?

— Правда, правда! подхватилъ Радуканъ, умная дѣвушка должна любить того, кого ей прикажутъ.

— А кого же вы мнѣ любить прикажете?.. спросила Маріуца, быстро посмотрѣвъ отцу въ глаза.

— Человѣка честнаго, добраго хозяина.

— Стало быть, по вашему, дѣвушкѣ все равно за кого ни выдти замужъ, лишь бы выдти?

— Оно почти что такъ, отвѣчалъ отецъ: будешь перебирать — вѣкъ засядешь въ дѣвкахъ. Вамъ подавай все любезныхъ! не знаютъ сами, чего хотятъ. Притомъ, иногда человѣка не любишь, а выйдешь замужъ и полюбишь.

— Вотъ какъ! а я этого и не знала.

— Мало-ли ты еще чего не знаешь, фатаме, поживешь научишься. Но когда придетъ бѣда, тогда ты скажешь: правду отецъ говорилъ, а я его не послушала...

— Если ужъ такъ... коли вы хотите меня замужъ выдать, то выдавайте хоть сейчасъ... я готова.

— За кого же ты хочешь замужъ? спросилъ отецъ, съ недоумѣніемъ покачавъ головою.

— Да по мнѣ хоть за Каймаканова сына.

— Но ты же Каймаканова сына не любила и говорила, что его терпѣть не можешь...

— Я его и теперь терпѣть не могу. А развѣ нельзя выйти замужъ за одного, а любить, между тѣмъ, другаго?...

Слова эти были произнесены съ такимъ невиннымъ простодушіемъ, что всѣ расхохотались.

Послѣ этого Гиржа всталъ, взялъ хозяина за руку и вывелъ его

(*) Шельякъ — мелкая монета.

изъ дому. Долго вдвоемъ они вели рѣчь о чемъ-то, долго разсуждали, наконецъ, протянули другъ къ другу руки и обнялись, какъ братья.

— Жена, вина! сказалъ потомъ Радуканъ, входя въ хату; вина! я хочу быть сегодня пьянымъ. Нѣтъ, фата, повторилъ онъ, обращаясь къ дочери; я не отдамъ тебя ни за Каймаканова сына, ни за кого; ты будешь у меня вѣкъ сидѣть въ дѣвкахъ.

Вмѣсто отвѣта дочка прыгнула отцу на шею, обнимала его, цѣловала ему руки и чуть не разцѣловала также любимого своего кота отъ такого радостнаго извѣстія.

Скоро вся семья образовала тѣсный кружокъ около гостя. Веселая и непринужденная рѣчь лилась. Гиржа заговорилъ снова о русскихъ. Русскіе уже гонять турковъ не оружіемъ, сказалъ онъ, а палками. Мы уже переходимъ Прутъ, а тамъ перейдемъ за Дунай, а тамъ, можетъ быть, дойдемъ и до Стамбула. Тогда будетъ вся Бессарабія и вся Молдавія — русское царство. То-то раздолье. Ты, хозяйца, напечешь тогда калачей и повезешь въ Москву продавать, русскіе будутъ ѣсть и облизываться. Можетъ быть и русской Царицѣ поднесутъ. Русская Царица удивится, и по твоимъ калачамъ и насъ помянетъ. А ты, хозяинъ, соберешь свои стада и погонишь въ Балту, либо въ Бердичевъ, на ярмарку, не боясь уже никого, возьмешь за нихъ торбу червонцевъ, и купишь мошію (пмѣніе) и заживешь бояриномъ.

— А ты? перебилъ вдругъ гостя хозяинъ и хозяйка.

— Я?... я попрошу у русской царицы принять меня въ свое войско и оставить командиромъ надъ моими катанами. Сперва переженю ихъ, а потомъ самъ женюсь. Отъ насъ родятся именя уже чистыхъ русскихъ. До старости будемъ служить мы, а тамъ послужатъ наши дѣти государевымъ дѣтямъ!....

Бесѣда эта продолжалась до полуночи. Когда подъ окномъ заплели вторые пѣтухи, тогда только хозяйка замѣтила, что всѣмъ имъ уже пора успокоиться.

— Нѣтъ возразилъ хозяинъ, дай намъ съ гостемъ еще побесѣдовать. Давно уже я такъ не бесѣдовалъ. А какъ думаешь, товарищъ, не спѣть ли намъ теперь:

Фридзы верде де пилинъ!

Вѣдь пѣсня веселитъ сердце человѣка!

— Коли спѣть, такъ спѣть, отвѣчалъ Гиржа. Досталъ бандуру, ударилъ пальцами и затянулъ первый, Радуканъ за нимъ:

Фридан верде де вилнит,
Содузь Вода ла Хотинь,
Ла мари батали!...

Гайде! гайде вой румыне!
Сы ве батець бине!

Листь зеленый полюню
Пошель Вода къ Хотину
На великую войну!..

Ну-те brave Румыни.
Бейтесь храбро!.....

Вслѣдъ за тѣмъ игрокъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и вмѣсто пѣсни заигралъ плясовую. Старый Радуканъ не вытерпѣлъ, вспрыгнулъ на ноги, выпрямился, подбоченился и пошелъ плясать по комнатѣ.

— Что-то ты, баде, сегодня слишкомъ разгулялся — замѣтила хозяйка, принявъ серьезный видъ.

— Молчи баба! я, кажется, въ дому моемъ хозяйникъ: хочу пою, хочу пляшу, а ты не въ свое дѣло не мѣшайся....

— За симъ словомъ быть вамъ здоровымъ, а мнѣ отиравляться пора, сказала Гиржа, бросая бандуру.

— Куда?... Въ это время?... въ эту пору?....

— Такой бурлакъ, какъ я, не знаетъ ни поры, ни времени, прощайте, продолжалъ онъ, торопливо кланяясь своимъ хозяевамъ.

— Прощайте! повторилъ Гиржа, кидаясь на коня, повернулся — и исчезъ въ темнотѣ ночи.

Все это послѣдовало съ такою бостротою и внезапностію, что отецъ, мать и дочь долго еще не могли опомниться, глядя другъ на друга въ совершенномъ недоумѣніи. Наконецъ, у бѣдной Мариуцы показались на глазахъ слезы.

— Не плачь, фата! молвилъ отецъ, скрѣпя сердце, а молись Богу и отиравайся спать — утро вечера мудренѣе.

И черезъ нѣсколько минутъ вмѣсто шума и веселыхъ пѣсень въ домѣ Радукана стало тихо и темно, какъ въ могилѣ....

Гиржа уѣзжалъ и возвращался всегда къ назначенному времени. Мариуца была уже невѣста, Гиржа ея женихъ! — Вотъ пара! говорили жители Валя-Лунги: такъ пара!... Радуканъ добылъ себѣ зятка, словно кто изъ насъ кладъ нашелъ да вдругъ разбогатѣлъ! — Гиржа, пріѣзжая, привозилъ своей невѣстѣ каждый разъ какой-нибудь подарокъ: то серьги, то браслетъ, а однажды привезъ ей горсть русскихъ дукатовъ. — Дукаты эти подарены мнѣ, сказалъ онъ, русскимъ военачальникомъ, послѣ взятія крѣпости Браилы; на нихъ, видишь, портретъ русской царицы — береги ихъ! — И Мариуца напизама эти ду-

каты на нитку, на подобіе мониста, и надѣла на шею, какъ драгоцѣнность!

Разъ вечеромъ, Маріуца позвала къ себѣ ворожею и попросила ее погадать, пріѣдетъ ли на завтра женихъ ея по общацію?

— Пріѣдетъ, голубушка, пріѣдетъ! это вѣрно! отвѣчала ворожея, и еще съ новымъ подаркомъ, вѣрно съ алмазомъ изъ султанской короны.

На другой день Маріуца стояла за воротами и ждала уже своего жениха. Показалась по дорогѣ вдаль маленькая точка. Маріуца устремила глаза на эту точку. Точка увеличивалась, увеличивалась... Маріуца глядитъ: по дорогѣ бѣжитъ конь во всю мочь. Маріуца замахала платкомъ. Но конь заржалъ и вдругъ поворотилъ въ другую сторону, въ поле... и сталъ; потомъ стремглавъ бросился опять назадъ, черезъ село; народъ съ крикомъ хотѣлъ загородить ему дорогу — но онъ черезъ народъ!... Маріуца, какъ вкопанная, стояла на томъ же мѣстѣ. Вотъ онъ снова бѣжитъ по горѣ, по знакомой ему дорогѣ, мимо нея... весь въ крови, поводья оборваны, избитое сѣдло болтается подъ ногами; прискакалъ къ воротамъ и грянулся... хотѣлъ приподняться и только застоналъ!

— Гдѣ-жъ ты покинулъ своего товарища, сказала наконецъ Маріуца, подходя къ коню?

Бѣдняга опустилъ подъ себя голову.... растянулся, и издохъ на мѣстѣ.

Отецъ и мать стали представлять дочери, что появленіе Гиржева коня ничего не значитъ, что конь этотъ легко могъ достаться съ тѣхъ поръ другому ѣздоку, что онъ былъ уже старъ и для Гиржи негодился и что Гиржа давно будто-бы хотѣлъ сбить его съ рукъ; но представленія эти на Маріуцу не подѣйствовали. На нее нашла прежняя безмолвная, безутѣшная тоска. Она лежала въ постели и не вставала.

— Что у тебя болитъ? спрашивала мать.

— Что у меня болитъ?... возражала больная: у меня болитъ немного голова... и ноги мои дрожатъ!..

Вдругъ, въ домъ Радукана приходитъ цыганка, толкуетъ, что она знахарка и проситъ хлѣба.

— Если ты знахарка, отвѣчаетъ Радуканъ, то скажи, гдѣ я потерялъ сегодня кису съ деньгами?

— Она у тебя, говоритъ, лежитъ въ сундукѣ подъ образами, какъ святая!

Тотъ сталъ искать и нашель.

— А ты, краса моя, что такъ головку повѣсила: намедни я

видѣла тебя такою веселою? спросила цыганка, быстро поглядѣвъ на Маріуцу. Аль ты замужъ хочешь, да не отдастъ отецъ, аль тебѣ женихи все не по сердцу?..

Маріуца грустно покачала головою.

— Не то? Ну такъ другое что-нибудь, а есть! покажи-ка мнѣ эту руку, покажи! я погляжу... скажу богата-ли будешь, будешь-ли счастлива?..

— Лучше скажи, долго ли мнѣ еще осталось жить на свѣтѣ! пробормотала Леля.

— Все, все расскажу, что у тебя на роду написано, только взгляну!.. Гай! гай!... сколько дорогъ, сколько слезъ да денегъ!.. покажи другую: какое счастье! И въ той рукѣ женихъ, и въ этой, вдругъ два, а гдѣ два, тамъ и десять!.. Не сердись же на меня — такъ выходитъ! Одинъ женихъ — правда войникъ, да за тридцать земель!.. а другой и хорошъ, и подъ бокомъ: что ближе, то лучше! Что-жъ ты хмуришься, краса моя, вѣдь тутъ такъ написано — я не свои слова говорю. И близкаго своего жениха ты не любишь, а о томъ все тужишь, да тужишь. Облачко ли, бывало, пролетитъ надъ дубравой, пташка ли прибудетъ съ чужой стороны — ты спрашиваешь: не видали-ль вы тамъ моего милаго?... И твой милый, будто съ облака упалъ, какъ тутъ и кличетъ тебя и кормитъ сладкими рѣчами.... Разставаясь, не говорилъ-ли онъ, что полюбилъ тебя, сизую голубку, какъ душу родную?... не отвѣчала-ль ты ему, что влюбила его сама, больше отца и матери!.. Не красивѣй же, не красивѣй за себя! Не говорилъ ли онъ, чтобы дѣвицы не любили слишкомъ войниковъ, потому-что они того не стоятъ?... Онъ говорилъ правду, но ты ему не повѣрила. Онъ подарилъ тебѣ перстень съ дорогимъ алмазомъ и сказалъ, что скорѣе этотъ алмазъ потускнеть, чѣмъ онъ забудетъ тебя, и что-жъ? посмотри твой алмазъ потускнѣлъ!.. Не гляди же на меня такъ, какъ будто ты меня задуть хочешь!... я говорю такъ, какъ было, и скажу пожалуй, какъ оно дальше будетъ.... только слушай, да не перебивай! — Говорили люди, будто онъ убитъ, будто онъ пропалъ, но это неправда!.. Онъ живѣхонекъ себѣ и здоровѣхонекъ, и теперь подлѣ другихъ невѣсть увивается.... Одна изъ нихъ, боярская дочка, раепрекрасная, болѣе всѣхъ ему приглянулась, и онъ ей!.. Красавица пристально на него глядитъ и спрашиваетъ: любилъ-ли онъ, кохалъ-ли онъ кого-нибудь на своемъ вѣку? — никого! — отвѣчаетъ любовникъ (*) и даритъ ей перстень покраще твоего!..

(*) Любезный, любовникъ.

Вотъ имъ кукушка ужъ вѣнцы куеть, пчела медъ собираеть, да на уста кладеть... вотъ молодая ужъ пкъ свадьбѣ принаряжается!... Гдѣ же твой перстень, душа моя? Ты кинула его прочь! Не ищи-жъ теперѣ! Видишь, видишь? воронъ снялся и вдругъ полетѣлъ... онъ унесъ твой перстень — ты и не видала!... и понесетъ его на средину моря и броситъ. Тамъ ему быть. Но, ласточка моя, я заговорила — мнѣ пора! Прощай и за правду лихомъ не поминай! молвила цыганка, повернулась и исчезла, какъ тѣнь.

Мариуца вдругъ вспрянула съ постели и встала, какъ будто зловехонька. На лицѣ заигралъ румянецъ. Она стала увѣрять, что болѣзнь ея — какъ рукой сняло, что она ужъ не ляжетъ въ постель, а пойдетъ въ поле, нарветъ полевыхъ цвѣтовъ и воротится.

Настала ночь, темная, осенняя. Звѣзды сверкнули на небѣ и потухли; мѣсяцъ совсѣмъ не показывался. Радуканъ съ женою сѣли на порогѣ дома ждать возврата дочери... но они ждали ее напрасно!..

— Я зажгу домъ, стада пусть волки ѣдятъ, я разорю все, пусть все погибаетъ! кричалъ Радуканъ на другой день въ отчаяніи, когда посланные отвѣчали, что не нашли Мариуцы ни въ полѣ, ни на степи, за тридцать верстъ въ окружности, нигдѣ!..

День потухалъ промежъ вечерняго сумрака. Рѣка Прутъ неслась и мутила водою, плескала волнами о берегъ: берега чуть не захлебнутся, рѣка чуть не выплеснетъ. Рѣка хочетъ потопить села, потопить людей, но берега противятся и сжимаютъ ее пуще и пуще, и вотъ совсѣмъ прищемили.. и какъ злая, необузданная кобылица съ визгомъ и трепетомъ рвется и прыгаетъ, хлещетъ хвостомъ и мечетъ гривой, вся въ пѣнѣ — такъ она бушевала, и наконецъ примирѣла.

За рѣкой чернѣлись русскіе полки. Межъ русскихъ полковъ стоялъ небольшой шатеръ, а въ этомъ шатрѣ лежалъ зачумленный капитанъ молдавскихъ волонтировъ.

Переправа черезъ рѣку съ бессарабской стороны не прекращалась. Карантиновъ на этой рѣкѣ тогда еще не бывало. Стало смеркаться. Съ лѣваго берега къ переправѣ, въ одномъ платьицѣ сбѣжала дѣвушка и стала махать рукою одному перевозчику, чтобы тотъ присталъ скорѣе къ берегу. Перевозчикъ причалилъ. Дѣвушка опрометью бросилась въ лодку.

— А куда ты, драгулица, въ эту пору? спросилъ перевозчикъ, глядя на нее съ замѣтнымъ удивленіемъ.

— Перевези меня, дядя голубчикъ, на ту сторону!

— На ту сторону? возразилъ онъ, вглядываясь въ лицо незнакомки; ты знаешь, леля; я даромъ не перевозжу!

— Ахъ да, не перевозишь! отвѣчала она вѣсколько призадумавшись; потомъ быстро сняла съ шеи низку дорогихъ дукатовъ и подала перевозчику дрожащими руками.

— Этого мало! продолжалъ нахаль съ коварною улыбкою, поглядывая то на нее, то на золото.

— Мало?.. такъ больше же у меня ничего нѣтъ!

— На нѣтъ и суда нѣтъ! подхватилъ перевозчикъ: ладно! садись! да только держись, какъ струнка, а то моя чайка, видишь, такъ и шатается. Ты, леля, не боишься?

— Нѣтъ! отвѣчала она, трепеща всеѣмъ тѣломъ.

Первозчикъ пристальнѣе взглянулъ на свою спутницу и гребнулъ со всего размаху; ладья круто пошатнулась на бокъ — дѣвушка только сполоснула косу. Гребецъ спохватился.

— А знаешь что, лелица? началъ онъ потомъ, съ видомъ сатаны: возьми ты свои дукаты назадъ, я не хочу съ тебя никакой платы!

— Отъ чего же? возьми пожалуйста! Мнѣ ужъ теперь этихъ дукатовъ не нужно! возразила молодая спутница съ страшнымъ бiенiемъ сердца.

Тотъ не понялъ ея отвѣта. Ладья подеслась по зыби, какъ стрѣла. Гребецъ не сводилъ глазъ съ своей незнакомки. Лицо ея было блѣдно, очи впали, но чудесная красота этихъ очей казалась тѣмъ еще поразительнѣе. У него глаза разгорались, какъ у тигра. Ладья уносилась; незнакомкѣ казалось, что она все стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Скоро ли мы пристанемъ къ тому берегу? спросила она въ нетерпѣнiи.

— Скоро!.. скоро!.. Да ты, какъ я вижу, и минуты не хочешь со мною позабавиться, раскрасавица! отвѣчилъ перевозчикъ, опуская весло.

— О, ради Бога, поспѣши! умоляю тебя!

— Умолай—не умолай, а поцѣловать за труды все-таки надобно, продолжалъ онъ, начиная слегка заигрывать съ своею спутницею...

Вмѣсто отвѣта дѣвушка подняла голову и презрительно посмотрѣла на наглеца, такъ, что тотъ смутился.

— Куда же ты это поспѣшаешь? началъ онъ снова съ явною досадою.

Спутница его какъ будто не слышала этого вопроса.

— А! такъ знаю-же куда! промолвилъ нахаль: ты поспѣшаешь

къ любовнику! У тебя тамъ любовникъ есть, который дарить тебя золотыми дукатами!..

Бѣдняжка вдругъ затрепетала, какъ подъ ножемъ убійцы, при этомъ намекѣ.

— У меня была своя любовница, продолжалъ безчувственный наглець, да я ее бросилъ! То-ли дѣло, что день, то иная!.. Да такъ ты гору опрокинешь, не то-что эту скорлупу! экая непосидущая! вскрикнулъ перевозчикъ, удерживая ладью въ равновѣсїи.

— Слышишь дѣвка! началъ онъ снова льстивымъ и сладкимъ голосомъ; у меня хатка, какъ игрушка, и свѣтла и тепла и всего доволь! Пристань ко мнѣ, не пожалуешься!..

Дѣвушка съ удивленіемъ выпучила глаза на перевозчика и посмотрѣла на него, какъ на помѣшаннаго.

— Э! такъ ты еще церемоннѣшься, голубушка, какъ я вижу! воскликнулъ душегубецъ и гребнулъ изо всей силы.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя! Я не церемонюсь! Ради Бога, приставай скорѣй къ тому берегу! подхватила незнакомка умоляющимъ голосомъ.

Тотъ только кивнулъ головою. Душегубка взбѣжала на средину рѣки и остановилась. Черезъ минуту ее несло уже теченіемъ въ противоположную сторону; гребецъ не сдерживалъ.

— Куда же ты, дядя, правишь? воскликнула бѣдная: гляди—ты не правишь совсѣмъ!

— Моя чайка носомъ чуетъ нору свою — полно маяться. Надо спать, да рано вставать! лишь бы до дому добраться! отвѣчалъ тотъ равнодушно.

— Куда до дому? а я? перебила несчастная.

— Ты?.. а ты развѣ у меня ночь не пробудешь? Я тебя напою, накормлю и спать уложу... постелю подъ тебя мою эпанчу, а на утро съ Богомъ!..

Задушевный вопль перебилъ слова чудовища.

— Знаешь ли что? вопила несчастная, упавъ предъ нимъ на колѣна — я ушла отъ отца и матери. Можетъ быть, они прокляли меня. О, ты не знаешь, зачѣмъ я это сдѣлала!... О пощади, не ужасай меня!

— Что же ты такъ испугалась? развѣ я тебя съѣмъ, что ли? я только тебя приголубить хочу, моя драгулица! возразилъ перевозчикъ, стараясь привлечь ее ближе къ себѣ.

Та, какъ ужаленная, отшатнулась назадъ и вспрынула на ноги. Ладья задрожала, какъ листъ.

— Скажи, наконецъ, куда ты везешь меня? — возопила незнакомка отчаяннымъ голосомъ. Въ глазахъ ея блеснули молніи... которыя пролились потомъ потокомъ слезъ.

— Кричи—не кричи, матушка, вѣдь это не поможетъ! Да и къ чему тутъ плакать?... Клянусь моимъ Богомъ, что ты завтра еще меня благодарить станешь за мою прїязнь!... Да не качай же такъ мою люльку, какъ будто ты изъ нея меня выкинуть хочешь!... Присядь-ка хорошенько, да не плачь, какъ старая баба на званыхъ похоронахъ.

Въ одно мгновенье слезы изякли въ глазахъ злополучной дѣвочки, отданной на жертву этому неумолимому чудовищу; руки ея поднялись къ небу и опустились; ноги уже не въ состояніи были поддержать бремени тѣла, онѣ скользнули по дну... душегубку шибнуло на сторону и черезъ минуту ее несло уже вверхъ дномъ вдоль по теченію.

Перевозчикъ бросился вплавъ на другой берегъ рѣки и спасся, а спутница его на томъ же мѣстѣ пошла ко дну.... Но вода не приняла ее и выкинула на другой же день на поверхность, какъ чужое достояніе. Ближніе рыбаки, увидѣвъ на рѣкѣ утопленницу, поймали ее и вытащили на берегъ.

— Какая страшная! сказалъ одинъ рыбакъ. Это должна быть какая нибудь колдунья, брошенная въ воду. Да какъ она потонула? Вѣрно еще молода была. Что намъ теперь съ нею дѣлать?

— Не везти же на базаръ вмѣстѣ съ линиями! отвѣчалъ другой рыбакъ, а тутъ и зарыть въ землю!

Вырыли небольшую яму, подкатали камень подъ голову и засыпали трупъ землею.

— Амнь! тебѣ, красавица! сказали рыбаки двусмысленно и отправились на базаръ съ своими линиями.

VIII.

Черезъ два мѣсяца, Гиржа съ избранными своими волонтирами возвращался съ войны въ домъ Радукана.

— Меня тамъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждуть, сказалъ онъ: поспѣвшимъ товарищи!

И товарищи дружно понеслись черезъ степь, велѣды за своимъ капитаномъ.

— Если бы подо мною да былъ мой прежній конь, продолжалъ Гиржа, я бы васъ оставилъ и впередъ поскакалъ сказать, что я прибылъ, и чтобы меня больше не ждали! Ахъ, ожиданье, должно быть, тяжкая вещь!... тотъ конь понималъ меня.

— Гдѣ-то онъ теперь, бѣдняга, обрѣтается? сказалъ одинъ изъ спутниковъ: навѣрное, либо одичалъ гдѣ-нибудь, либо издохъ. Когда ты, капитанъ, лежалъ замертво въ чумѣ, онъ никому не дался въ руки, а все бѣгалъ и искалъ, какъ видно, тебя по полю, по лагерю.... Наконецъ, прибѣжалъ къ твоему шатру и завылъ, точно какъ собака, и бросился прочь. Русскіе казаки хотѣли его поймать, онъ схватилъ одного зубами и чуть не съѣлъ; потомъ побѣжалъ въ степь и скрылся....

Топотъ ѣздоковъ раздался наконецъ надъ самымъ селеніемъ Валя-лунга. Жители вообразили, что это опять татары и выскочили въ страхъ изъ своихъ домовъ.

— Нѣтъ, это гости къ Радукану! сказали они немного погодя, поднявъ вверхъ головы съ любопытствомъ.

Вотъ ѣздоки прискакали къ воротамъ, вотъ уже вѣхали на дворъ — на дворѣ и около дому все было пусто! Гиржа сталъ кликать хозяевъ, но на его кликъ отозвалась воемъ только хозяйская собака. Нензьяснимый ужасъ овладѣлъ Гиржею.

— Дома хозяева? закричали за тѣмъ двадцать голосовъ у самага порога.

— Кто тамъ? послышался голосъ изъ избы. — А! это вы дорогіе гости?... добро пожаловать, добро пожаловать! я сейчасъ! а откуда и куда васъ Богъ несетъ? повторилъ тотъ же голосъ уже за порогомъ.

Это былъ голосъ самого хозяина.

— Какъ куда? возразилъ Гиржа блѣдный, какъ смерть. Развѣ ты насъ не ждалъ?... Мы къ тебѣ пріѣхали!

— Вы ко мнѣ пріѣхали?... отвѣчалъ хозяинъ. Вы напрасно пріѣхали....

Гиржа, не слушая далѣе, опрометью бросился мимо хозяина въ домъ и сталъ посреди комваты, какъ окаменѣлый. Съ постели подымался остовъ женщины, худой и сгорбленной, какъ смерть!.. Увидавъ Гиржу, она устремила на него сухіе, свѣтящіеся глаза и начала будто въ бреду: Ты зачѣмъ? ты за моею дочкою? дочки моей теперь уже не получишь!... Я берегла ее для тебя, и не уберегла!... Бывало, весной разцвѣтутъ цвѣтки, роемъ подымутся мотыльки — она точно, какъ тотъ мотылекъ!... Намедни, вечеромъ, я свѣчу зажгла — мотылекъ влетѣлъ въ окно и прямо на огонь; махнулъ раза два крылушками — и баста! Чтобы ему летѣть прочь отъ огня!... Такъ точно и Маріуца моя, подумала я!... Я помню, какъ она родилась... о, что это была за тяжелая ночь для меня! она родилась.... я взяла ее на руки — мнѣ казалось, я царство цѣлое получила и держу на рукахъ!... И то-

чно, какъ тотъ мотылекъ—будто не жила!... Еслибы я знала, я бы лучше ее на свѣтъ не живую родила! Лучше бы она въ утробѣ моей погибла!... Либо пусть бы она сиротой родилась; пошла бы по міру... чужіе люди, можетъ быть, лучше бы уберегли ее, чѣмъ мать!... Лучше бы мнѣ ослѣпить, чѣмъ видѣть, какъ она росла и выростала съ каждымъ днемъ все лучше, съ каждымъ утромъ все краше! Тогда мнѣ все казалось красно!... а теперь? мнѣ кажется теперь и свѣтъ уже не тотъ, и люди не тѣ, и все не то! Я хотѣла броситься сперва въ огонь, либо въ воду, потомъ думаю: зачѣмъ?.. Коли страдаетъ душа, пусть же страдаетъ до конца. — Терпи казакъ, атаманъ будешь! — говаривалъ мой Радуканъ: только я знаю, что не бывать ему атаманомъ уже никогда!... Эту ночь я только что сомкнула глаза, Маріуца является ко мнѣ — босая, въ одной сорочкѣ, простоволосая! глаза помутились, губы посинѣли... и будить: встань, мама! говорить, погляди на меня — такова ли была я? .. Такову ли, молодую, готовила ты меня замужъ выдать?... Не выдавай меня, мама, ни за кого замужъ. Я ни за кого не пойду, кромѣ Дердія!.. Знаешь ли ты, гдѣ я была? Я три царства исходила, искала его на днѣ моря, подъ землею, всюду — но нигдѣ не нашла! Если онъ уже не любитъ меня — пусть не любитъ! Но пусть же никого болѣе не любитъ!... Но если онъ полюбитъ другую, женится на другой, хоть бы на княгинѣ,—о, тогда я задушю ее, эту барыню, какъ мышевка! Я въ кошку обращусь и вѣсилюсь въ нее, и стану царапать, царапать, пока у ней сердца не выцарапаю, пока не загрызу ее!... Такъ скажи ему!

Гиржа выслушалъ этотъ ужасный бредъ весь до конца и — остался живъ!

IX.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Гиржа съ пріѣзда поселился въ домѣ Радукана и сталъ ухаживать за старикомъ и старухою, какъ ихъ батракъ. Горе убило его совершенно!... онъ сдѣлался тише и смиреннѣе ребенка и покорнѣе самаго послѣдняго батрака. Онъ былъ въ домѣ и пастухомъ, и конюхомъ, и истопникомъ, и слугою, и служанкою, и всемъ; работалъ за пятерыхъ и не жаловался ни на утомленіе ногъ, ни на усталость рукъ, ни на перадѣвіе наемныхъ батраковъ. Богатство Радукана учетверилось. Старикъ и старуха въ горѣ чужомъ забыли собственное горе. Сперва Гиржа ухаживалъ

за стариками, потомъ они стали ухаживать за нимъ и называть его не иначе, какъ своимъ истиннымъ, своимъ роднымъ сыномъ. Старуха выдумывала для него самыя ласковыя, самыя нѣжныя имена, чтобы его развеселить. Онъ оставался тотъ же: всегда молчаливый, всегда покорный, всегда работающій.

— Послушай! сказалъ ему однажды старикъ, посадивъ его подлѣ себя. Домъ нашъ красуется! У меня три мѣшка накоплено золота и серебра. Какъ посмотрю на нихъ, духъ радуется. Но духу моему не долго уже бодриться. На дняхъ, можетъ быть, смерть придетъ ко мнѣ и скажетъ: пора уже тебѣ, любезнѣйшій, и во свояси! Уложи-ка свои косточки въ аршинныя досточки, да получше вели ихъ закрѣпить, да въ могилу ступай!.. Я и пойду въ могилу. Положишь меня вотъ тамъ, подъ тѣмъ старымъ дубомъ — посмотри, какъ онъ качаетъ вѣтвями и шумитъ, будто мои слова кажутся не понутру ему, будто ему, бѣдному, жаль своего стараго хозяина, который его выростилъ и выхолитъ... И мою старушку положишь также подлѣ меня. Я знаю, что она поплетется вслѣдъ за мною, гробъ за гробомъ! Тамъ уложишь насъ обоихъ рядомъ. Мы будемъ тамъ лежать и долгую думу думать!..

Гиржа, склоня голову, слушалъ старика съ нѣмою покорностію.

— Мы будемъ думу думать, а ты что будешь дѣлать безъ насъ? Тебѣ будетъ скучно. Ты, можетъ быть, захочешь оставить наше пепелище и отправиться въ другую сторону?..

— Нѣтъ! моя душа, какъ камень, ужъ на этомъ мѣстѣ обросла травою — мнѣ отсюда никуда не отправляться! отвѣчалъ

Гиржа печально.

— Но тебѣ одному будетъ скучно! Послушай! сказалъ старикъ торопливо, какъ-бы стараясь скорѣе скинуть гору съ плечъ: тебѣ надобно жениться!..

— Мнѣ жениться!.. повторилъ Гиржа и устремилъ глаза на старика, будто для удостовѣренія, не съ ума ли онъ сошелъ...

Старикъ храбро встрѣтилъ этотъ взглядъ и подселъ къ своему собесѣднику еще ближе.

— Чего вы отъ меня хотите, наконецъ? продолжалъ Гиржа отчаяннымъ голосомъ.

— А мы хотимъ съ бабою, чтобы ты непременно женился, подхватилъ старикъ. Дѣло кончено: мы и невѣсту тебѣ нашли, хотя не молодую, но она намъ нравится. Какъ себѣ ты хочешь, а мы свое дѣло знаемъ и сдѣлаемъ. Что было, того ужъ не воротить! Надобно думать теперь о будущемъ; только одни пьяницы и воры о будущемъ не думаютъ.

Гиржа, вмѣсто отвѣта, склонился головою на грудь и слушалъ далѣе.

— Слушай! продолжалъ Радуканъ встревоженнымъ голосомъ. Богъ создалъ и людей и скотовъ, и вотъ эти тучи и небеса!.. Но человѣку Богъ далъ одно, а другимъ тварямъ другое. Умираетъ муха, издыхаетъ старая лошадь — имъ нѣтъ надобности, останется ли послѣ нихъ какая либо память на землѣ, или нѣтъ, а старому человѣку хочется, чтобы объ немъ помянули... дѣти, внуки, правнуки!.. больно ложиться въ могилу и все съ собою похоронить! У меня нажито добро потомъ и кровью. Я не хочу, чтобы мое добро досталось чужому. Я хочу оставить его твоимъ дѣтямъ, а своимъ внукамъ!... можетъ быть, твои внуки сядутъ когда-нибудь на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ теперь, посмотрятъ на домъ, на этотъ самый садъ, на поля... и скажутъ: все это досталось намъ отъ дѣда, отъ прадѣда! — царство имъ небесное! правда ли, что эта мысль утѣшаетъ человѣка?

Гиржа безмолвствовалъ.

За сборами къ свадьбѣ времени не тратили. Рѣшено было ее не откладывать. Жениху невѣста понравилась за глаза. Она жила въ другомъ селеніи и была тоже дочь богатыхъ родителей. Свадьбу хотѣли отпраздновать на славу, съ шумомъ, съ большимъ поѣздомъ, съ музыкантами впереди, по настоящему молдавскому обычаю. Вѣнчаться молодые должны были въ Валялунгской церкви. Отправились за невѣстою. Женихъ съ своею свитой долженъ былъ встрѣтить ее на полъ-пути. Вотъ они встрѣтились, поздоровались и отправились въ церковь. Толпы верховыхъ и безчисленные каруцы (повозки) съ шумомъ и громоздомъ потянулись черезъ селеніе. Музыканты играли, каруцы скрипѣли подъ ладъ музыки, а верховые на своихъ коняхъ, увѣшанныхъ блестящею сбруею, или ѣхали шагомъ, важно подбоченясь, или съ крикомъ и гикомъ высыпали впередъ, шпоря бѣгуновъ и готовые, казалось, кинуться въ схватку съ самымъ дьяволомъ, не разбирая, кто сильнѣе; или напирая не давали конямъ совершенно никакого ходу впередъ и кони метались то въ одну сторону, то въ другую; — ѣздки разбѣгались и снова потомъ смыкались въ одну общую нестройную путаницу.

— Я былъ самъ свидѣтелемъ этой свадьбы, говорилъ мой капитанъ де-Мазыль, немного призадумавшись: какъ теперь вижу, продолжалъ онъ, на воропомъ ковѣ, убраннымъ красными лентами, ѣдетъ всадникъ, окруженный почетною свадебною

стражею. Это былъ самъ женихъ. Лицо его было блѣдно, черные съ сѣдною волосы полурастрепаны. Глаза всѣхъ устремились на этого человѣка. Тѣло его было уже сгорблено, но по осанкѣ, по его воинственному виду, по всему, видно было, что не мирная жизнь поселянина, а огонь и мечъ и побойще — вотъ его стихія! Въ послѣднее время изъ воиня, изъ капитана волонтировъ онъ сдѣлался пастухомъ, но если бы этому пастуху царь вдругъ далъ саблю въ руки и сказалъ: завоюй мнѣ, братецъ, какое-нибудь царство — онъ бы его непременно завоевалъ!... такой это былъ человѣкъ. Онъ ѣхалъ молча и посреди всеобщей суматохи одинъ сохранялъ видъ безчувственного равнодушія. Въ сжатыхъ губахъ, въ небрежно повисшей головѣ выражались досада и презрѣніе, не только къ жизни, но ко всему на свѣтѣ! Онъ былъ погруженъ въ какую то тяжкую думу. Если бы въ это время подъ самымъ носомъ его выстрѣлить... онъ бы, кажется, усомъ не пошевелилъ, такъ онъ былъ занятъ своею думою. Толпа любопытныхъ поселянъ нахлынула со всѣхъ сторонъ, загрозявая жениху дорогу болѣе и болѣе. Конь его сталъ едва-едва впередъ подвигаться. Онъ не напиралъ. На минуту воцарилось кругомъ какое-то смутное безмолвіе. Даже веселая компанія, окружавшая молодыхъ, пріутихла.

— Вивать жениху и невѣстѣ! вдругъ закричалъ кто-то.

— Вивать!! подхватили *Калараши*, верховые.

Женихъ вздрогнулъ и чуть, казалось, не загородилъ, кулакомъ рты этимъ крикунамъ, но замолчалъ и поѣхалъ далѣе.

— Да, да! попируемъ таки, наконецъ! толковали старыя бабы, идя вслѣдъ за женихомъ. Старый Радукавъ дождался таки свадьбы!... если не дочь выдаетъ, такъ нареченнаго сына женить!

— Вивать!!...

Не знаю, что пробудилось въ это время въ душѣ Гиржи, только конь его не вынесъ удара, нанесеннаго ему тяжелою рукою всадника и прынулъ на право, прынулъ на лѣво... взвился на дыбы и ринулся изъ толпы, какъ изъ полымя... скрылся за домами, и пропалъ! Свадьба со всѣмъ поѣздомъ остановилась... ни впередъ, ни назадъ.

— *Унде о фуджитъ ла драку?* куда это онъ къ чертямъ провалился, говорили поѣзжане, поглядывая значительно другъ на друга. Не воротится ли онъ?..

Но онъ, почтеннѣйшіе мои, сказалъ капитанъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ: не воротился и до сего дня...

Въ это самое время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, гурьба мальчишекъ съ шумомъ и крикомъ окружила кого-то, восклицая: *Янъ баде! Кынты баде!* Ну-же, заиграй намъ, дядя, ну!

— Громче! громче! повторяли другіе, помирая со смѣху.

— Надъ кѣмъ вы это забавляетесь? спросилъ одинъ изъ поѣзжанъ — подходя къ неуговорнымъ крикунамъ.

— А вотъ, надъ нашимъ чуднымъ музыкантомъ! отвѣчали мальчишки, указывая пальцами на какую-то тѣнь въ образѣ человѣка.

Поѣзжанннхъ глядять: на землѣ, въ пыли, сидитъ сухой, скорченннй скелетъ старика и боязливо озирается кругомъ. Въ длинныхъ, костлявыхъ рукахъ держалъ онъ двѣ палочки; одну упиралъ на подобіе скрипки о лѣвое плечо, придерживая ее подбородкомъ, а другою водилъ точно какъ смычкомъ по струнамъ, то скорѣе, то тише, безпрестанно перебирая лѣвыми пальцами.

— Ну-же, громче! понукали мальчишки.

И старикъ кивнулъ головою, шелкнулъ, приударилъ палочками — казалось всѣ косточки вдругъ заиграли въ этомъ шедушномъ тѣлѣ отъ воодушевленія.

— Bravo! bravo! ай-да музыкантъ! Ну-же, ну! прикрикнули снова со всѣхъ сторонъ.

И скрипачъ съ большимъ и большимъ одушевленіемъ сталъ водить своимъ смычкомъ по палочкѣ и перебирать пальцами. Хохотъ поднялся громче и громче; люди степенные больше всѣхъ надрывали бока.

— Что это за человекъ? спросилъ тотъ-же любопытный, глядя на бѣдняка, сдѣлавшагося, по видимому, всеобщимъ посмѣшищемъ.

— Это сумасшедшій скрипачъ! отвѣчали ему.

— Сумасшедшій скрипачъ? что же ему, скрипачу, вздумалось барабанить на этихъ палочкахъ?

— А онъ воображаетъ себѣ, что играетъ на чудеснѣйшей скрипкѣ!

— Вы бы попробовали дать ему въ самомъ дѣлѣ скрипку въ руки.

— Пробовали!...

— Что-жь?

— Дадутъ. Онъ возьметъ ее, настроитъ, поведетъ смычкомъ и швырнетъ прочь, и снова примется за свои палочки.

— Я, кажется, его гдѣ-то видѣлъ, но не могу припомнить, продолжалъ тотъ же незнакомецъ.

— Какъ не видать! Это извѣстный Юница скрипачъ! или, какъ его называли, *Юница чудака!*

— Ионца скрипачъ! Ионца чудакъ! вскрикнулъ незнакомецъ. Такъ-это Ионца!... Неужели это онъ, тотъ знаменитый Ионца, котораго я зналъ двадцать лѣтъ назадъ?!.. Такъ вотъ чѣмъ кончаютъ музыканты! продолжалъ онъ. Что же послѣ этого значить знаменитость на свѣтѣ!...

Увы!... (*)

(*) Мы приносимъ искреннюю благодарность даровитому автору за доставленіе намъ случая ознакомить публику съ его живымъ, художественнымъ перомъ. Эта повѣсть, безъ всякаго сомнѣнiя, займетъ почетное мѣсто въ нашей литературѣ, какъ произведеніе въ высшей степени поэтическое по вымыслу, и чрезвычайно замѣчательное, по изложенію и языку. *Ред.*

СПИХОПВОРЕНІЯ.

НА СМЕРТЬ

МАКДОНАЛЬДА КЛАРКА,

ПРОЗВАННАГО «БЕЗУМНЫМЪ ПЬВЦОМЪ» (*).

Онъ умеръ — пьвецъ сумасшедшій —
Страдалецъ—поэтъ!

Цѣль жизни въ любви лишь нашедшій,
Забывшій про свѣтъ!

Онъ умеръ, какъ жилъ онъ, мечтая
О страсти своей,
И мысленно ей посвящая
Стихи—же объ ней.

Онъ жилъ здѣсь почти незамѣтно,
Молитву творя,
И съ нѣжностью робкой привѣтно
Ей въ очи смотря.

(*) Желающіе узнать подробности о жизни этого замѣчательнаго американскаго поэта, скончавшагося зимою 1843 года, въ Нью-Йоркѣ, пускай прочтутъ краткую, но весьма удачно написанную біографію его, помѣщенную въ № 45 Русскаго Инвалида за 1844 годъ. Сои.

Любилъ онъ одинъ углубляться
 Въ таинственный лѣсъ,
 И тамъ, въ тишинѣ, познаваться
 Сокрытыхъ чудесъ....

Любилъ онъ шумъ моря, въ часъ бури,
 Любилъ онъ дѣтей,
 Любилъ цвѣтъ небесной лазури,
 И зелень полей.

Но больше дѣтей и природы —
 Любовь онъ любилъ,
 Ей отдалъ всѣ лучшіе годы
 И ею онъ жилъ.

Повсюду искалъ онъ напрасно
 Души здѣсь родной;
 За нею стремился всечасно
 Онъ робкой душой.

И долго средь жизни онъ шумной
 Тотъ призракъ искалъ:
 Его не дождался безумный —
 Его не призвалъ!

Съ улыбкою тихой и ясной
 Покинулъ насъ онъ,
 И въ міръ перешелъ онъ прекрасный,
 Исчезнувъ, какъ сонъ....

Но память о бѣдномъ поэтѣ
 Въ сердцахъ все живетъ:
 Любилъ кто такъ много на свѣтѣ,
 Тотъ вѣкъ не умретъ!

Пусть всѣ съ насмѣшкой холодной
 Твердили объ немъ —
 Воскреснетъ онъ въ пѣснѣ народной,
 Въ преданьи живомъ!

И дѣва къ могилѣ, порою,
 Забытой придетъ;
 Почтитъ его память слезою,
 Цвѣты принесетъ.

И съ думой стыдливой, быть можетъ,
 О миломъ ей снѣ,
 Она на могилу положила
 Цвѣты въ тишинѣ.

И въ часъ тотъ изъ гроба возстанетъ
 Безумный пѣвецъ,
 И тихо изъ глазъ его канетъ
 Слеза на вѣнецъ....

А тѣ, что смѣялись жестоко,
 Пѣвецъ! надъ тобой,
 Тѣ будутъ въ могилѣ глубокой
 Забыты молвой!

Д. Сушковъ.

=

ОБЛАКО.

Гляжу я во слѣдъ облачку золотистому:
 Одно-одинехонько по небу чистому
 Летитъ оно въ синюю даль;
 И нѣтъ ему грусти: одно ли скиталось,
 Отъ тучи-ль громовой оно оторвалось,
 Ему ничего здѣсь не жаль!

Свободно и быстро, всегда равнодушное,
 И Божьему только закону послушное,
 Оно совершаетъ полетъ.
 Еще не погаснетъ сіянье лучистое
 Зори огнецвѣтной, — оно золотистое
 Въ лазури небесъ пропадетъ.

Ж. Трековъ.

=

* * *

Куда не помотришь — повсюду,
 Всегда видишь грустныя лица:
 Не встрѣтишь веселой улыбки,
 Веселаго взгляда не встрѣтишь....

Захочешь-ли вслушаться въ рѣчи,
 Летучія рѣчи людскія —
 Въ нихъ слышишь какую-то муку
 Сомнѣнья, надежды и страха.

Сойдешься-ли съ искреннимъ другомъ,
 И тайны ему повѣряешь:
 Все какъ-то не выскажешь мысли,
 Отвѣта отъ друга не выждешь.....

И трудно, и больно, и горько
 Больному съ больными встрѣчаться:
 Но можетъ-ли горе быть вѣчно?
 Уже-ли границъ нѣтъ терпѣнью?

С. Дуровъ.

ДЕНЬ ЖИЗНИ.

Утро жизни нашей чистой
 Протекаетъ, какъ ручей;
 Вѣетъ розою душистой
 Отъ его прекрасныхъ дней;
 Вѣетъ свѣжимъ ароматомъ,
 Вѣетъ чѣмъ-то не земнымъ...
 Счастьемъ мы тогда богаты
 И довольны вѣчно имъ.

Полдень жизни нашей шумной
Трудно сердцу пережить:
Сердце юности безумной
Любить пламенно любить;
Любить радость и восторги,
Любить пѣнистый бокаль,
Любить шумъ заздравныхъ оргій
И блестящій карнавалъ!

Вотъ и вечеръ наступаетъ
Это мужества пора:
Умъ ужъ ясно понимаетъ
Цѣну жизни и добра....
И живемъ мы осторожно,
Тянемъ ляжку черныхъ дней,
А порою, если можно,
Веселимся безъ затѣй!

Вотъ и вечеръ на исходѣ—
Это старости закатъ...
Ахъ! зачѣмъ молодые годы
Мы не можемъ взять назадъ!
Мы живемъ остаткомъ силы,
Пѣсню грустную твердимъ,
И надъ хладною могилой
Съ душой пасмурной стоимъ...

Да, стоимъ, пока клюкою
Не столкнетъ насъ злобный рокъ
И доскою гробовою
Не захлопнетъ.... Краткій срокъ
Намъ назначенъ въ этой жизни!
Тотъ блаженъ, кто пережилъ
Этотъ срокъ безъ укоризны...
Кто молился и любилъ!

И. Толубинъ.

НИЩІЙ.

Лохмотьемъ обвѣшенъ,
 Съ сумою, безъ крова, безъ нищи,
 Ни кѣмъ неутѣшенъ —
 По улицѣ крадется нищій.

Мальчишки, играя,
 Въ бѣднягу камня бросаютъ,
 И нужды незная,
 Съ него же лохмотья срываютъ!

Подходить-ли къ дому,
 Гдѣ хлѣба и радостей вволю,
 Чтобъ чувству живому
 Довѣрить плачевную долю:

«Богъ-дасть!» тамъ отвѣтятъ,
 Недавши дойти до порога;
 И слезъ незамѣтятъ,
 Хоть ихъ у бѣдняги такъ много!

И крадется нищій,
 Лохмотышемъ старымъ обвѣшенъ,
 Безъ крова, безъ нищи —
 До гроба никѣмъ неутѣшенъ!

В. Корсакъ.

ЗАБВЕНІЕ.

«Не позабуду я минувшія волненья,
 Минувшую любовь;
 Но сердца прежнія желанья и сомнѣнья
 Не возвратятся вновь;

Они на вѣкъ прошли, исчезли, какъ мечтанья,
 Какъ жаркій, чудный сонъ,
 Оставивъ по себѣ одни воспоминанья —
 Глаголь другихъ временъ !»

Такъ мыслимъ мы порой, когда грозы нежданой
 Падеть на насъ ударъ,
 И намъ представятся впервые сердца раны,
 Его потухшій жаръ....
 И вѣримъ мы тогда, что сердце молодое
 Заснуло мертвымъ сномъ ;
 Что замерло оно, и что одно былое
 Владычествуетъ въ немъ.
 Обманъ !... одинъ обманъ ! Оно на мигъ спокойно,
 Но часъ едва пробьетъ —
 И снова закипитъ въ насъ сердце страстью знойной,
 Вновь лава въ насъ течетъ....
 Вмигъ позабыто все : минувшаго мученья,
 Злой опыта урокъ....
 И съ силой новою терзаютъ насъ сомнѣнья,
 Какъ неизбежный рокъ !

Д. Суиковъ.

НАДЪ КОЛЫБЕЛЮ И МОГИЛОЙ

Стою задумчивый одинъ у колыбели;
 Не спитъ въ ней ангелъ мой—малюточка моя,
 А за полночь давно, давно ужъ побѣлѣли
 Востока свіе края.
 Не спитъ малюточка, все открываетъ глазки
 И улыбается, и весело глядитъ,
 Какъ будто отъ меня ждетъ материнской ласки...
 А мать въ землѣ холодной спитъ.

И въ колыбель ея спадаютъ градомъ слезы.
 Напоминаетъ мать въ ней каждая черта,
 И щечекъ пухленькихъ зардѣвшіяся розы
 Цѣлуютъ жадныя уста.
 А дума объ ея здѣсь участи далекой
 Готова сердце мнѣ на части расколоть,
 И отхожу отъ ней съ молитвой я глубокой:
 Да сохранить ее Господь!

==

Стою задумчивый одинъ я надъ могилой
 И сердце грусть сосетъ, какъ лютая змѣя,
 И горько плачу я: въ ней спитъ мой ангелъ милый,
 Подруга бѣдная моя.
 Блескъ утреннихъ лучей играетъ надо мною,
 На небѣ голубомъ давно зажегся день,
 А я стою надъ ней... безумною мечтою
 Зову ея младую тѣнь.

Но все молчитъ вокругъ, все спитъ тамъ безъ пробуда!
 И замираетъ духъ, и стынетъ въ жилахъ кровь...
 Я жду какого-то торжественнаго чуда —
 Вѣдь въ чудо вѣруеть любовь.
 Вѣдь вмѣстѣ съ горечью—о миломъ ей младенцѣ
 Я приношу всегда ей радостную вѣсть,
 Вѣдь мнѣ все кажется, что въ материнскомъ сердцѣ
 Любовь и въ тѣсномъ гробѣ есть.

Ж. Трековъ,

==

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ГЕТЕ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Stünd ich, Natur! vor dir ein Mann allein!
Da wär's der Mühe werth ein Mensch zu seyn.
Goethe, Faust.

Двадцать восьмого августа, 1749 года, ровно въ полдень, въ имперскомъ городѣ Франкфуртъ на Майнѣ родился ребенокъ. Созвѣздія благопріятствовали ему: солнце, вступивъ въ знакъ Дѣвы, достигло вершины дневнаго пути своего; Юпитерь, Венера и Меркурій дружелюбно смотрѣли на него; а Сатурнъ и Марсъ оставались равнодушны.

Звѣзды не обманывали, потому что блестящая участь суждена была этому ребенку; слишкомъ полѣвка господствовалъ онъ силою своего генія надъ литературою Германіи и на закатѣ дней своихъ, признанъ былъ всею Европою первымъ поэтомъ своего вѣка. Но кромѣ этой славной доли, судьба дала ему счастье и долговѣчность: 83 года прожилъ онъ и постоянно, положеніемъ своимъ и характеромъ, былъ счастливъ и доволенъ. Этотъ ребенокъ былъ Гёте.

Отецъ его, человекъ холодный и положительный, совершенный контрастъ живаго и веселаго характера его матери, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, отказался отъ дѣлъ и занимался

только науками и искусствами; онъ хотѣлъ самъ образовывать своихъ дѣтей и исполнялъ эту обязанность съ свойственнымъ его характеру постоянствомъ и аккуратностью. У него было только двое дѣтей, сынъ Іоаннъ-Вольфгангъ и дочь Корнелія, нѣжно-любившіе другъ друга и сохранившіе эту привязанность до самой смерти. Подъ строгимъ надзоромъ отца, Вольфгангъ учился прекрасно, съ замѣчательною легкостію, и отличался отъ товарищей своихъ рановременнымъ даромъ стихотворства.

Это внутреннее образованіе Гёте дополнялось ви́шними впечатлѣніями. Виды Рима и его памятниковъ, привезенные отцомъ его, вмѣстѣ съ другими произведеніями искусства, изъ Италіи, сильно подѣйствовали на дѣтское воображеніе будущаго поэта и внушили ему раннюю любовь къ изящнымъ остаткамъ древности. Средніе вѣки тоже представлялись ему въ полномъ блескѣ въ стѣнахъ роднаго города; Рёмеръ (императорскій дворець) съ своею готическою архитектурою, съ своими старинными церемоніями, съ своими залами и портретами императоровъ, представлялъ дивное цѣлое, невольно приковывавшее вниманіе пытливаго ребенка и открывалъ передъ нимъ прошедшее Германіи во всей полнотѣ и ясности.

Страшная катастрофа глубоко возмутила въ первый разъ спокойствіе духа ребенка. 1-го ноября 1755 года было землетрясеніе въ Лиссабонѣ и распространило паническій страхъ въ цѣломъ свѣтѣ, привыкшемъ съ нѣкотораго времени къ миру и спокойствію. Огромная и великолѣпная столица вдругъ поражена была ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ.» Земля трясется и колеблется; море вздувается и бушуетъ; корабли разбиваются другъ объ друга; дома рушатся и падаютъ, на нихъ храмы и башни; королевскій дворець частію поглощенъ моремъ; раскрытая земля дышетъ, кажется, пламенемъ; огонь и дымъ видны вездѣ, посреди развалинъ. Шестьдесятъ тысячъ человекъ, спокойныхъ и счастливыхъ за минутой, погибаютъ разомъ, и тотъ счастливѣйшій изъ нихъ, кто не успѣлъ почувствовать бѣдствія. Огонь продолжаетъ опустошеніе, которое еще усиливаютъ толпы злодѣевъ, скрывавшихся прежде, но освобожденныхъ этимъ событіемъ. Несчастные, пережившіе другихъ, подвергаются грабежу и убійству.

«Далеко отозвалась эта катастрофа; во-многихъ мѣстахъ чувствовали болѣе слабыя потрясенія; во многихъ цѣлебныхъ источникахъ замѣченъ былъ необыкновенный застой; все это усиливало дѣйствіе извѣстій, сперва смутныхъ, вскорѣ наполненныхъ ужасными подробностями. Это событіе доставило бога-

тые матеріалы для размышленій набожныхъ, для утѣшеній философскихъ, для проповѣдей духовенства. Вниманіе всего міра было сосредоточено на этомъ предметѣ, и сердца, взволнованныя несчастіемъ другихъ, не были еще чужды безпокойствъ о себѣ и о близкихъ сердцу; потому что со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія болѣе и болѣе подробныя о необозримыхъ слѣдствіяхъ этого событія. Никогда, можетъ быть, демонъ страха не распространилъ ужаса съ такою быстротою и силою по всей землѣ.

«Ребенокъ, часто слышавшій разговоры объ этомъ предметѣ, сильно былъ потрясенъ. Юное сердце тщетно старалось укрѣпиться противъ этихъ впечатлѣній; но это было трудно ребенку, когда и мудрые и ученые разногласили въ мнѣніяхъ объ этой катастрофѣ (*).»

Гѣте минулъ восьмой годъ, когда началась Семилѣтняя война. Его семейство раздѣлилось на партіи: одни, съ отцомъ его, держали сторону Фридриха; другіе, съ его дѣдомъ (Іоанномъ Тексторомъ, бургомистромъ Франкфурта), сторону Маріи Терезіи. Герой прусскій возбудилъ энтузіазмъ въ маленькомъ Гѣте; онъ возмущался въ душѣ противъ родныхъ, которыхъ находилъ несправедливыми къ предмету своего удивленія; и эти впечатлѣнія были, по его собственному сознанію, зерномъ того равнодушія къ общественному мнѣнію, того презрѣнія къ людямъ, отъ котораго онъ никогда не могъ освободиться.

2-го января 1759 года, Франкфуртъ былъ занятъ французскими войсками, подъ предводительствомъ графа Торана, который помѣщенъ былъ въ домѣ Гѣте. Ни образцовое поведение этого офицера, которому поручена была военная полиція, ни его любовь къ искусствамъ не могли смягчить домохозяина, постоянно нерасположеннаго къ своему постояльцу и едва не навлекшаго на себя большихъ непріятностей, отъ вращенныхъ только ловкостію его жены. Но ребенокъ былъ не такъ упрямъ: онъ скоро сошелся съ новымъ жильцомъ и приобрѣлъ много пользы отъ пребыванія французовъ. Несмотря на предубѣжденія отца противъ театра, онъ съ дозволенія матери, проводилъ почти всѣ вечера въ театрѣ, открытомъ во Франкфуртѣ французскими актерами. Онъ имѣлъ туда свободный входъ по билету, полученному отъ дѣда. Тамъ онъ сошелся съ однимъ мальчикомъ изъ труппы, который ввелъ его за кулисы и въ разговорахъ съ которымъ

(*) *Dichtung und Wahrheit aus meinem Leben. I Theil, 1.*

онъ значительно усовершенствовался во французскомъ языкѣ, чему не мало помогло и постоянное посѣщеніе театра. Онъ даже сочинилъ на французскомъ языкѣ небольшую пьесу, по образцу драмъ Ла-Шоссе, бывшихъ въ то время въ модѣ, и показалъ ее своему маленькому пріятелю, смѣло разсуждавшему о правилахъ драматическаго искусства, объ Аристотелѣ и о трехъ единствахъ. Строгий цензоръ, просмотрѣвшій пьесу, передѣлалъ ее на свой манеръ и во имя драматическаго искусства, не оставилъ въ ней живаго слова. Послушаемъ разсказъ самаго Гёте о слѣдствіяхъ этой строгой критики, разсказъ, вполне выражающій его пылливый характеръ.

«Этотъ неудачный опытъ заставилъ меня задуматься, я рѣшился изучить въ самомъ источникѣ всѣ эти законы, всѣ эти теоріи, на которыя всѣ ссылались и которыя слѣдвали мнѣ очень подозрительными; это занятіе не было для меня трудно, но произвело тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Сперва я прочелъ трактатъ Корнелья о трехъ единствахъ и понялъ всѣ требованія; но на чемъ они основывались? Это казалось мнѣ неяснымъ, но еще болѣе сбился я съ толку, когда узналъ скоро объ *Сидѣ* и прочелъ предисловія, въ которыхъ Корнейль и Расинъ должны были оправдываться передъ публикою, противъ нападокъ критиковъ. По крайнѣй мѣрѣ, мнѣ стало ясно, что никто самъ не зналъ, чего хочетъ; что *Сидъ*, пьеса удивительная, была объявлена дурною по приказанію всемогущаго кардинала; что Расинъ, идолъ французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мой, не могъ при жизни своей удовлетворить требованіямъ любителей и критиковъ. Все это усилило мои сомнѣнія; наконецъ, помучившись порядочно надъ этою полемикою, надъ этимъ теоретическимъ ребячествомъ прошедшаго вѣка, я послалъ ихъ къ чорту и рѣшительно бросилъ всю эту путаницу, потому что замѣтилъ, что сами авторы, создавшіе такъ много прекраснаго, сбивались съ толку и путались, когда начинали разсуждать и объясняли свою систему, или когда хотѣли оправдаться или защититься. Я поспѣшно возвратился къ живымъ произведеніямъ, сталъ еще ревностнѣе посѣщать театръ, читалъ совѣстливо и прилѣжно, такъ, что въ это время имѣлъ терпѣніе изучить всего Расина, всего Мольера и большую часть Корнелья (*).

По выступленіи французовъ, Гёте принялся за прежнія

(*) *Dichtung und Wahrheit*, 1 Th., 3. —

свои занятія и началъ также учиться рисованію и музыкѣ. Въ особенности предался онъ изученію языковъ. Но скоро непрерывные переходы отъ одной грамматики къ другой, отъ одного автора къ новому, надоѣли Гёте. Ему пришла мысль соединить занятія всѣми языками и онъ принялся за романъ въ шпешмахѣ, въ которомъ шесть или семь братьевъ и сестеръ, разбросанные судьбою въ разныя страны, переписываются между собою, каждый на своемъ любимомъ языкѣ, кто по французски, кто по нѣмецки, кто по англійски, кто по итальянски, кто по латини и по гречески; одинъ же изъ братьевъ избралъ жидовско-нѣмецкое нарѣчіе. Этотъ странной выборъ возбудилъ въ Гёте желаніе заняться основательно еврейскимъ языкомъ, желаніе, тотчасъ-же удовлетворенное отцомъ его. Первая книга Моисея, прочитанная имъ съ докторомъ Албрехтомъ, увлекла его подвижное воображеніе на Востокъ; чистая и спокойно-прекрасная фигура Іосифа плѣнила его и трогательную исторію послѣдняго патріарха Гёте изложилъ въ обширной поэмѣ, въ прозѣ. Замѣтимъ здѣсь странную игру случая: какъ 14-ти-лѣтній Гёте искалъ на Востокѣ убѣжища отъ броженія собственныхъ идей, отъ утомленія, произведеннаго слишкомъ разнообразными занятіями, такъ впоследствии и 70-ти-лѣтній старецъ, утомленный страшнымъ зрѣлищемъ политическихъ переворотовъ, онъ стремился туда-же, въ этотъ край спокойствія и нѣги (*).

Около этого времени Гёте познакомился съ Маргаритою; эта связь, начатая стихами и поддерживаемая ими, сохранила свой платоническій характеръ до конца и была настоящею первою любовью поэта. — Празднества, по случаю избранія и коронаціи Іосифа II, оживлявшія Франкфуртъ въ первые мѣсяцы 1764 года, были блестящею рамою для этой чистой и свѣжей любви. Но счастливыя минуты продолжались недолго; Гёте ознакомился съ жизнью страданіемъ и отъ прекрасной Маргариты (Gretchen) ему осталось только воспоминаніе, тишь граціи и чистоты, которымъ онъ украсилъ потомъ лучшую изъ своихъ поэмъ. —

Вылѣчившись отъ опасной болѣзни, въ которую повергло его отчаяніе, Гёте, приготовленный разнообразными занятіями

Въ 1819 году Гёте издалъ свой *Западно-Восточный Диванъ* (West-östlicher Divan).

своего дѣтства, отправился въ Лейпцигскій Университетъ, гдѣ преподавали въ это время Морусъ, Эрнести и Геллертъ. Здѣсь Гёте былъ исключительно увлеченъ литературными занятіями.

«Я всегда любилъ, говоритъ онъ, выражать въ стихахъ все, что замѣчалъ въ себѣ, въ другихъ и въ природѣ. Я писалъ чрезвычайно легко, потому что слѣдовалъ истинкту и не зналъ еще критики. Хотя я не имѣлъ полной вѣры въ свои произведенія, однако не полагалъ, чтобъ они были совершенно худы. Какіе ни находили бы въ нихъ недостатки, я былъ внутренно убѣжденъ, что непременно обуду писать все лучше и лучше и, со временемъ, займу почетное мѣсто возлѣ Гагедорна, Геллерта и имъ подобныхъ (*).

Но вскорѣ Гёте былъ горько разочарованъ; новая дѣятельность, новыя вліянія убѣдили его въ ничтожности его литературныхъ трудовъ и въ ложномъ направленіи. Первые сомнѣнія были заронены въ душу его новой Лейпцигской знакомкой, г-жею Бѣме, имѣвшей на него сильное вліяніе.

» Г-жа Бѣме, въ особенности на вкусъ мой производила сильное вліяніе, правда отрицательное, но въ этомъ случаѣ мнѣнія ея совпадали съ мнѣніями критиковъ. Водянистое пустословіе Готшеда наполнило германскій міръ настоящимъ наводненіемъ, грозившимъ затопить самыя высокія горы . . .

. . . . Находить худое худымъ, вотъ въ чемъ состояло величайшее лукавство, величайшій триумфъ современной критики . . . .

Г-жа Бѣме была женщина съ умомъ образованнымъ, съ отвращеніемъ ко всему слабому, ничтожному и пошлomu; притомъ, мужъ ея терпѣть не могъ поэзіи. Въ началѣ она слушала меня терпѣливо, когда я передавалъ ей стихи или прозу авторовъ уже извѣстныхъ; но ея снисхожденіе было непродолжительно. Вскорѣ она начала ужасно преслѣдовать поэтовъ, въ ролѣ Вейсе, котораго стихи повсюду повторяли съ энтузіазмомъ и которымъ я самъ былъ очарованъ. Но, разсматривая ихъ, я долженъ былъ согласиться съ нею. Я рѣшался также иногда читать ей стихи своего сочиненія, не называя автора; но и имъ доставалось не лучше. Такимъ образомъ, эти блестящіе луга, которые представлялъ мнѣ вѣмецкій Парнасъ и въ которыхъ я прогуливался съ такимъ удовольствіемъ, были немилосердо покошены; и я принужденъ былъ самъ переворачивать изсохшую траву и осмѣивать, какъ вещь мертвую, то, что незадолго до-ставляло мнѣ столько удовольствія.

(*) Dichtung und Wahrheit, 2 Th. 6.

»Этимъ урокамъ значительно помогаль, самъ того не зная, профессоръ Морусъ, человекъ чрезвычайно кроткій и вѣжливый, съ которымъ я познакомился за столомъ у совѣтника Лудвига. Разсуждая съ нимъ о древнихъ, я не скрылъ отъ него своей симпатіи къ нѣкоторымъ изъ новѣйшихъ писателей; такъ-какъ онъ говорилъ объ этихъ предметахъ съ большимъ хладнокровіемъ, чѣмъ г-жа Бѣме, и главное съ большимъ знаніемъ дѣла, то и раскрылъ мнѣ глаза, сперва къ величайшему моему неудовольствію, потомъ къ удивленію, наконецъ къ поученію. —

»Надо прибавить къ этому постоянныя іереміады, которыми Геллертъ, въ своихъ чтеніяхъ, старался отвлечь насъ отъ поэзіи. Онъ неохотно принималъ стихотворенія и преимущественно поправлялъ сочиненія въ прозѣ. Онъ смотрѣлъ на стихи, какъ на печальную болѣзненность духа, и что всего хуже, даже проза моя не нравилась ему . . . . . Всѣ возставали противъ моего вкуса и наклонностей; а что предлагали мнѣ въ замѣнъ, было или такъ далеко отъ меня, что я не могъ оцѣнить его достоинствъ, или такъ близко, что я не находилъ его лучше того, что осуждали. Меня рѣшительно сбили съ толку. Я ожидалъ богатыхъ результатовъ отъ одного курса Эрнести объ *Ораторъ* (De Oratore) Цицерона; я почерпнулъ правда многое въ его лекціяхъ, но все таки не могъ разрѣшить вопроса, наиболѣе занимавшаго меня. Я искалъ разумныхъ основаній сужденія и замѣтилъ, что никто не имѣлъ ихъ; потому-что никто не сходилъ съ другими, даже въ мнѣніяхъ объ образцахъ, на которые всѣ ссылались; да и гдѣ же было намъ отыскивать правила, когда критики находили столько ошибокъ въ произведеніяхъ такого человека, какъ Виландъ, въ этихъ прелестныхъ созданіяхъ, которыя невольно приводили васъ въ восторгъ? (*) —

Оттолкнутой этою неопредѣленностію и шаткостію основаній отъ занятій литературныхъ, Гѣте обратилъ болѣе вниманія на разговоры о естественныхъ наукахъ, въ домѣ совѣтника Лудвига, и тамъ-то научился онъ уважать имена Линнея, Галлера и Бюффона. Но вскорѣ Гѣте примирился съ литературою; важность предмета и сжатость формы, которыхъ требовали отъ него, не указывая, какъ ихъ достигнуть, нашель онъ въ самомъ себѣ. Онъ началъ выражать только тѣ

(*) Dichtung und Wahrheit, 2 Th. 6.

чувства, которыя испытывалъ, и заключился въ кругѣ личнаго опыта; такимъ образомъ, онъ началъ облекать въ поэтическія формы всѣ впечатлѣнія, радостныя или печальныя, и всѣ произведенія его, съ этого времени, сдѣлались какъ бы отрывками одной обширной исповѣди.

Гёте влюбился въ Лейпцигѣ въ миленькую и хорошенькую дѣвушку, изъ простаго званія, какъ и Маргарита; онъ вывелъ ее изъ терпѣнія своими капризами и потерялъ сердце своей Анветы (Annette). *Капризъ любовника* (нигдѣ неограниченный), который онъ написалъ, какъ бы для приложенія своей теоріи, былъ искупленіемъ его ошибки и облегченіемъ его печали. Провицательность, съ которою онъ подмѣтилъ подъ пристойною и привѣтливою наружностію общества столько скрытыхъ бѣдствій и низостей, тяжело подѣйствовала на его душу и внушила ему другую драму: *Соумышленники*.

Занимаясь гравированіемъ на мѣди, подъ руководствомъ Эзера, директора Академіи Живописи въ Лейпцигѣ, Гёте подвергся сильной грудной боли, обратившейся въ опасную болѣзнь, которая принудила его возвратиться въ отеческій домъ (въ сентябрѣ 1768 г.). Старанія матери и сестры возвратили ему здоровье, но продолжительныя страданія и особенно вліяніе дѣвicy Клеттенбергъ, женщины съ душою возвышенною, преданною мистицизму, сдѣлали изъ него мистика и, наконецъ, алхимика; онъ перечиталъ Веллинга, Парацельса, Василія Валентина, Гельмонта и другихъ, и съ увлеченіемъ предался изученію Кабалистики, какъ бы приготовляя себя къ созданію *Фауста*.

Весною Гёте опять уѣхалъ изъ Франкфурта, но на этотъ разъ въ страну болѣе поэтическую, чѣмъ однообразныя равнины Саксоніи, именно въ Стразбургъ, старинный Имперскій городъ, но уже болѣе столѣтія присоединенный къ Франціи. Хотя отецъ Гёте, любившій страстно Италію, поселилъ въ немъ презрѣніе къ готической архитектурѣ, однако грандіозныя формы Стразбургскаго собора съ перваго взгляда произвели на него глубокое впечатлѣніе и долгое время занимали его пылкое воображеніе.

Въ это время, Стразбургъ кипѣлъ празднествами, по случаю проѣзда черезъ городъ и бракосочетанія Маріи - Антуанеты. Чтобы не играть жалкой роли въ общественныхъ собраніяхъ, Гёте началъ брать уроки танцованія и эти уроки подали поводъ къ трогательному и драматическому приключенію, которое пусть расскажетъ намъ самъ Гёте.

«Танцевальный учитель имѣлъ двухъ дочерей; обѣ были хороши собою и моложе двадцати лѣтъ. Начавъ учить-ся танцованію съ дѣтства, обѣ танцовали прекрасно; и самый неловкій ученикъ быстро успѣвалъ подъ ихъ руководствомъ. Обѣ были очень милы и я всячески старался не показаться имъ неловкимъ и смѣшнымъ. Я заслужилъ ихъ похвалы и онѣ всегда охотно танцовали со мною менуэтъ, подъ скрипку отца, и даже, что было для нихъ гораздо труднѣе, учили меня вальсировать и пируэтамъ. У отца было мало учениковъ и они вели жизнь очень уединенную. По этому онѣ часто просили меня, по окончаніи урока, посидѣть съ ними и я охотно оставался, потому что младшая сестра мнѣ очень нравилась. Иногда мы читали вмѣстѣ романы. Старшая была гораздо внимательнѣе ко мнѣ; къ уроку она всегда была готова и часто продолжала его такъ долго, что я почиталъ себя обязаннымъ предложить два билета; но отецъ никогда не бралъ болѣе одного. Младшая же не была такъ предупредительна и являлась только по зову отца.

«Я скоро узналъ причины этого. Однажды, послѣ урока, когда я хотѣлъ войти въ залу, старшая сестра удержала меня, говоря: «Подождите немножко, тамъ моя сестра сидитъ съ ворожеей, которая гадаетъ ей объ отсутствующемъ другѣ, владѣющемъ ея сердцемъ. Мое свободно, прибавила она, и пора бы ему привыкнуть къ невниманію.» Я отвѣчалъ ей, что она можетъ узнать истину отъ ворожен; что я самъ давно хотѣлъ погадать, но не имѣлъ вѣры въ гаданье. Она упрекнула меня за невѣріе и объявила, что нѣтъ ничего безошибочнѣе отвѣтовъ этого оракула, только надобно вопрошать его не шутя, не смѣясь, а серьезно. Наконецъ, она рѣшилась ввести меня въ залу, убѣдившись, что гаданье кончено. Мы нашли младшую сестру въ веселомъ расположеніи духа; она была ко мнѣ внимательнѣе обыкновеннаго, шутила и смѣялась. Мы обласкали старуху и общали ей хорошую плату, если она поворожитъ старшей сестрѣ и мнѣ. Старуха согласилась и разложила карты сперва для дѣвчушки. Но разсмотрѣвши положеніе ихъ, она отказалась отвѣчать. «Вижу, вижу, сказала младшая сестра, уже посвященная въ таинства, вы боитесь сказать что-нибудь неприятное сестрѣ моеей; вѣрно эта проклятая карта!» Старшая поблѣднѣла, но воздержалась и сказала: «Все таки говорите; я не умру отъ этого.» Старуха, послѣ оховъ да вздоховъ, объявила ей, что она влюблена, что ее не любятъ, что ей неприятно быть третья особа и тому подобное. Хорошая дѣвчушка не-

могла скрыть своего смущенія. Старуха хотѣла ободрить ее и прибавила, что она получитъ письмо и деньги. «Письма я не жду, а денегъ не хочу. Если я въ самомъ дѣлѣ люблю, какъ вы говорите, то стою сердца, которое любило бы меня взаимно.»—Посмотримъ, не перемѣнятся ли карты, сказала старуха, тасуя ихъ и раскладывая снова; но мы сами замѣтили, что вышло еще хуже. Дама была окружена печальми, король былъ еще далѣе отъ нея. Старуха хотѣла начать въ третій разъ, въ надеждѣ лучшаго, но бѣдная дѣвушка заплакала и поспѣшно убѣжала изъ комнаты. Я былъ въ нерѣшимости. Любовь удерживала меня съ одною, состраданіе влекло къ другой. «Утѣшите Люсинду, сказала младшая, ступайте къ ней.» Я все еще колебался, наконецъ пошелъ вмѣстѣ съ Эмилиєю, но дверь была заперта изнутри. Какъ мы ни стучались, какъ мы ни звали, Люсинда не отвѣчала. «Оставимъ ее одну, сказала Эмилиа, если она этого хочетъ.» Я заплатилъ старухѣ за зло, которое она сдѣлала, и хотѣлъ уйти, но Эмилиа удержала меня, требуя, чтобъ и я погадалъ «Позвольте мнѣ удалиться,» вскричалъ я, и поспѣшно убѣжалъ домой.

«На другой день я нерѣшился къ нимъ идти. На третій, Эмилиа прислала мнѣ рано утромъ мальчика, который часто приносилъ мнѣ письма отъ сестеръ и относилъ отъ меня цвѣты и фрукты, она просила меня непременно зайти къ нимъ. Я пришелъ въ обычное время; отецъ былъ одинъ; къ концу урока пришла Эмилиа и танцевала со мною очень граціозный менуэтъ, въ которомъ была очаровательна. Послѣ урока, я по обыкновенію, отправился въ залу; когда отецъ ушелъ, я спросилъ о здоровьи Люсинды. Она лежитъ, отвѣчала Эмилиа, и я очень довольна. Успокойтесь. Ея душевныя страданія утихаютъ, когда она считаетъ себя больною; ей не хочется умереть, и она слушается насъ. Мы ей даемъ кое-какія лѣкарства, она отдыхаетъ и такъ успокоиваются мало-помалу бурныя ея волненія. Она очень добра, очень мила въ этихъ мнимыхъ болѣзняхъ; какъ она въ самомъ дѣлѣ здорова, а страдаетъ только любовью, то и придумываетъ разныя романтическія смерти, которыхъ сама же очаровательно пугается, какъ дѣти, когда имъ говорятъ о привидѣніяхъ. Она объявила мнѣ вчера, что непременно умретъ на этотъ разъ, и что только въ послѣднюю минуту могутъ привести къ ней неблагодарнаго друга, который сперва былъ такъ любезенъ съ нею, но теперь совсѣмъ перемѣнился; что она, упрекнувъ его за измѣну, тотчасъ-же умретъ. Послѣ этого Эмилиа убѣ-

дительно просила меня прекратить посѣщенія, объявила, что она отдала уже свое сердце и руку другому, и снова умоляла уйти. Я колебался. «Прощайте! сказала она, простимся въ послѣдній разъ!» Она обняла меня и вѣжливо поцѣловала; я прижалъ ее къ сердцу.

»Въ это время дверь отворилась и сестра ея, вбѣжавъ въ комнату, вскричала: «Ты не одна простишься съ нимъ!» Эмилія поспѣшно оставила меня, а Люсинда обняла и прижалась къ моей груди. Наконецъ, она отошла отъ меня. Я хотѣлъ взять ея руку и успокоить ее, но она отвернулась и бросилась на софу. Эмилія подошла къ ней, но Люсинда и ее оттолкнула; тогда началась сцена, воспоминаніе которой и теперь тягостно для меня, и которая, хотя не имѣла въ себѣ ничего театральнаго и была даже очень естественна для живой, молоденькой французенки, но могла быть представлена только очень искусной и чувствительной актрисой.

»Люсинда осыпала сестру свою упреками: «Это не въ первый разъ, вскричала она, что ты отвлекаешь отъ меня сердце, привязывающееся ко мнѣ. Не то ли было и съ отсутствующимъ, который избралъ тебя въ подруги предъ моими глазами? Я по неволѣ была свидѣтельницею вашей любви, и перенесла это; но я одна знаю, какихъ слезъ мнѣ это стоило. Теперь ты и его отняла у меня, не отказываясь отъ прежней любви. Я откровенна и добра, и всякой, узнавъ меня, почитаетъ себя вправе меня покинуть; а ты, ты скрытна и притворна, и весь свѣтъ думаетъ, что въ тебѣ затаены чудеса. Но только холодное, самолюбивое сердце можетъ все приносить въ жертву самому себѣ; затаясь въ глубинѣ груди, оно не смѣетъ открыться, какъ мое сердце, пламенное и вѣрное, на которомъ можно читать также ясно, какъ на моемъ лицѣ.»

»Эмилія ничего не отвѣчала; она сидѣла возлѣ сестры своей, которая все болѣе и болѣе разгорячалась и высказывала такія вещи, объ которыхъ лучше было бы при мнѣ не говорить. Эмилія старалась успокоить ее и дѣлала мнѣ знаки, чтобы я ушелъ; но ревность и подозрѣніе имѣютъ тысячу глазъ: Люсинда замѣтила эти знаки. Она встала, спокойно подошла ко мнѣ и, казалось, размышляла. Наконецъ, она сказала мнѣ: «Я знаю, что я потеряла васъ и не имѣю болѣе правъ на ваше сердце. Но и ты, сестра, не будешь владѣть имъ!» При этихъ словахъ, она взяла меня за голову, прижала мое лицо къ своему, и, поцѣловавъ нѣсколько разъ вскричала: «Теперь бойтесь моего проклятія; горе, горе той, которая впервые послѣ меня

прикоснется къ этимъ устамъ! Осмѣйся прикоснуться къ нему! Знаю, что небо услышитъ мой голосъ! А въ, прибавила она, обращаясь ко мнѣ, оставьте насъ какъ можно скорѣе.»

«Я поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы и далъ себѣ слово никогда болѣе не заглядывать въ этотъ домъ (*)».

Въ Стразбургѣ Гёте познакомился съ Гердеромъ, первымъ замѣчательнымъ человѣкомъ, съ которымъ свела его судьба, и который пріобрѣлъ на него сильное вліяніе. Гёте, хотя неохотно подчинялся вліянію Гердера, но вскорѣ сошелся съ нимъ дружески. Во время болѣзни его, Гёте постоянно посѣщалъ знаменитаго уже историка и проводилъ съ нимъ цѣлые дни.

« . . . . Я скоро привыкъ къ его насмѣшливому тону и къ страсти хулить, съ каждымъ днемъ лучше оцѣняя его прекрасныя и великія качества, обширность его познаній и глубину его мысли. Этотъ великодушный брюзга сильно подѣйствовалъ на меня. Онъ былъ старѣе меня пятью годами, что много значить въ молодости; признавая его достоинства, отдавая полную справедливость его трудамъ, я чувствовалъ сильно его преимущество. При немъ я былъ какъ-то связанъ; потому что особы старѣе меня, которыхъ я зналъ до него, избаловали меня своею снисходительностію; а отъ него никогда нельзя было ожидать одобренія. Такимъ образомъ, постоянная борьба привязанности и почтенія, которыя онъ мнѣ внушалъ, съ раздраженіемъ, которое онъ возбуждалъ, произвели во мнѣ первое внутреннее несогласіе, которое я испыталъ въ жизни. Разговоръ его постоянно возбуждалъ во мнѣ новыя идеи.

« . . . . Я тщательно скрывалъ отъ Гердера занятіе нѣкоторыми предметами, глубоко запавшими мнѣ въ душу и возвышавшимися мало-по-малу до степени поэтическихъ созданій. Это были *Гетцъ фонъ Берлихингенъ* и *Фаустъ*. Біографія перваго глубоко взволновала меня. Этотъ характеръ грубый, но страстный къ добру, защищающійся собственнымъ своимъ мужествомъ въ эпоху насилія и анархіи, живо возбудилъ мою симпатію. Интересная и комическая легенда Фауста отозвалась и звучала въ моей головѣ на веѣ тоны. И я также обѣжалъ весь кругъ наукъ, и рано почувствовалъ ихъ суетность. Я также нѣсколько разъ пытался достигнуть счастья, и всегда оставался менѣе довольнымъ и менѣе спокойнымъ. Эта мысль постоянно

(*) *Dicht. und Wahrh.*, 2 Th. 9.

меня преслѣдовала и доставляла мнѣ отраду въ часы уединенія. Но особенно скрывалъ я отъ Гердера свою кабалистическую хвию, которою все еще занимался тайкомъ и съ удовольствіемъ (*).»

Но Гёте не забывалъ и другихъ занятій; онъ слѣдовалъ курсы по всеѣмъ факультетамъ, но съ особеннымъ рвеніемъ занимался анатоміею и естественными науками, между прочимъ, геологіею, бывшею въ это время еще въ младенчествѣ. —

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ жизни Гёте въ Стразбургѣ была связь его съ Фредерикою, дочерью протестантскаго пастора въ Сезенгеймѣ, деревнѣ въ окрестностяхъ Стразбурга. Гёте, едва знакомый съ любовью, страстно полюбилъ эту простую и очаровательную дочь природы, увлекаясь невольною сообщительною веселостію, умомъ непритязательнымъ, сердцемъ неиспорченнымъ, полнымъ самоотверженія и потребности любить. Завлеченный любовью, Гёте не думалъ, что онъ навѣки смущаетъ спокойствіе бѣдной дѣвушки; онъ забылъ, что холодное дыханіе анализа всегда леденило его страсти и лишало ихъ силы и энергіи; онъ забылъ, что его характеръ, его самолюбіе не могли удовольствоваться скромною любовью дочери деревенскаго пастора; онъ не подумалъ, что не всякое сердце легко разстается съ радостями любви и очарованіемъ взаимности, и все болѣе и болѣе завлекалъ довѣрчивую дѣвушку своимъ обаятельнымъ разговоромъ, своими пламенными письмами. А когда пребилъ для него часъ пробужденія, когда онъ замѣтилъ огромное нравственное разстояніе, отдѣлявшее его отъ Фредерики, когда онъ понялъ необходимость, для себя, разорвать связь блистательнаго Гёте съ дѣвушкой безъ образованія, то для нея было уже поздно: жестоко обманутая, Фредерика прокляла поэзію, свою себялюбивую соперницу, и, какъ цвѣтокъ, обхваченный раннимъ холодомъ, унесла въ скромную могилу несбывшіяся мечты свои о счастьи.

А Гёте? — Гёте, не забывавшійся въ самыя пламенныя мгновенія любви и подчинявшій даже страсти и недостатки свои анализу, Гёте по своему сохранилъ воспоминаніе объ этой дѣвственной любви: безпристрастный жрецъ искусства, онъ самъ же отмстилъ себя за Фредерику, выставивъ соединеніе высокаго ума и низкаго характера въ Вейслингенѣ и въ Клавиго, и благородное самоотверженіе и преданность безкорыстной любви въ двухъ Маріяхъ.

(*) Dicht. und. Wahrh. 2 Th. 10.

Не помнимъ, кто-то замѣтилъ, что Гёте, живя во Франціи, любилъ только то, что было запечатлѣно германскимъ духомъ: дѣвушку въ нѣмецкомъ костюмѣ и съ часто нѣмецкимъ характеромъ, мыслителя — нѣмца и памятники древне-германскаго искусства. Разумѣется, что эта мысль, какъ и все остроумныя изрѣченія, вѣрна только съ одной стороны, потому-что въ Стразбургѣ Гёте узналъ и полюбилъ Шекспира, поэта ничуть не нѣмецкаго и до того полного британской народности, что онъ не смотря на свое всемірное значеніе, только въ Англіи могъ развиваться. Вѣрнѣе можно сказать, что на гостепріимной землѣ Франціи Гёте разлюбилъ эту страну, языкъ ея и литературу. Онъ самъ объяснилъ причины этого страннаго явленія въ своей автобіографіи и, какъ мы почитаемъ его исключительный германизмъ, слѣдствіе его ненависти ко всему французскому, весьма важнымъ элементомъ характера его поэзіи и значенія его въ нѣмецкой литературѣ, то и рѣшаемся вышсать изъ его записокъ все, что имѣетъ отношеніе къ этому факту.

»Очень мало такихъ біографій, которыя были бы изображеніемъ чистаго, спокойнаго и постояннаго прогресса человѣка. Наша жизнь есть кругъ, изъ котораго мы не можемъ вырваться, непостижимое смѣшеніе произвола и необходимости. Наши желанія предвѣстіе того, что мы исполнимъ среди какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Но эти обстоятельства охватываютъ насъ своимъ значеніемъ. *Что*—заключается въ насъ самихъ; *какъ*—рѣдко отъ насъ зависитъ; и мы не должны отыскивать—*почему*.

»Французы, вообще учтивы, снисходительны къ иностранцамъ, желающимъ говорить на ихъ языкѣ; они никогда не смѣются надъ ошибками и не осуждаютъ за нихъ. Но, какъ коверканье роднаго языка имъ неприятно, то они имѣютъ привычку повторять вашу мысль въ другой формѣ, и такъ сказать, вѣжливо подтверждать ее, употребляя однакоже при повтореніи ея настоящее, правильное выраженіе, и показывая, такимъ образомъ, непотловому и внимательному человѣку настоящей путь.

»Какъ ни выгодна эта манера для людей, желающихъ научиться, но въ ней есть что-то унижительное; вы заняты предметомъ разговора, а васъ безпрестанно прерываютъ, отвлекаютъ; вы теряете терпѣніе и перестаете говорить. Это случилось со мною чаще, чѣмъ съ кѣмъ нибудь; когда говоришь что нибудь интересное, то ожидаешь отвѣта, а не простой

поправки выраженія; а это часто позволяли себѣ со мною, потому что мой французскій языкъ былъ особенно неправиленъ и смѣшанъ. Я удержалъ въ памяти выраженія слугъ, кучеровъ и часовыхъ, старыхъ и молодыхъ актеровъ, первыхъ любовниковъ, крестьянъ и героевъ театральныхъ, и въ это вавилонское нарѣчіе входила еще странная подмѣсь, потому что я слушалъ французскихъ протестантскихъ проповѣдниковъ и съ удовольствіемъ посѣщалъ ихъ храмы, потому что это доставляло мнѣ, по воскресеньямъ, пріятную прогулку въ Бокенгеймъ. Но это еще не все; такъ-какъ Германия XVI вѣка особенно меня интересовала, то я вскорѣ возымѣлъ такое-же предпочтеніе и къ Франціи этой великой эпохи. Монтанъ, Амю, Рабле, Маро были друзьями моими и возбуждали во мнѣ симпатію и удивленіе. Всѣ эти различные элементы дѣлали изъ моего языка настоящій хаосъ; смыслъ моихъ словъ, по странности ихъ, очень часто ускользалъ отъ слушающихъ меня, и самый образованный французъ не могъ вѣжливо поправлять меня, а долженъ былъ просто осуждать и учить.

» . . . Отъ языка мы обратились къ политикѣ. — Безъ сомнѣнія мы не могли хвалить Германскую конституцію; мы сознавались, что вся она состояла изъ законныхъ злоупотребленій; но поэтому самому она была выше тогдашней французской, бывшей смѣсью злоупотребленій незаконныхъ, въ которой правительство употребляло энергическія мѣры всегда не вовремя и даже не могло остановить публичныхъ предсказаній о радикальной реформѣ.

»Но особенно отдалялъ меня отъ французовъ невѣжливый наветъ, который они непереставали повторять, что нѣмцы вообще, да и самъ Фридрихъ, несмотря на его притязанія на французское образованіе, не имѣютъ вкуса. Мы утѣшали себя въ этомъ случаѣ презрѣніемъ къ несправедливому мнѣнію, но никакъ немогли объяснить его; потому что, какъ мы слышали, еще Менажъ утверждалъ, что французскіе писатели имѣютъ всѣ качества, кромѣ вкуса, а изъ современнаго Парижа до насъ доходили вѣсти, что всѣ новѣйшіе авторы не обладали вкусомъ и что даже самъ Вольтеръ не могъ избѣгнуть этого общаго приговора. Уже нѣсколько разъ и прежде обращенный къ природѣ, я началъ искать истины и искренности чувствъ только въ рѣчахъ, облеченныхъ въ энергическую форму жизни.

«Если эти причины, изложенныя мною вкратцѣ, покажутся вѣшними, случайными и частными, я прибавлю, что французская литература имѣла нѣкоторыя качества, способныя от-

толкнуть, а не привлечь пылкого молодого человѣка. Она была стара и слишкомъ утонченна, а этимъ не могла прельстить молодость, ищущую вездѣ жизнь и свободу.»

»Съ XVI столѣтія французская литература постоянно шла впередъ. Даже внутреннія волненія, политическія и религіозныя, и внѣшнія войны способствовали ея успѣхамъ; но, самой блестящей эпохой ея былъ вѣкъ Людовика XIV. При благоприятныхъ обстоятельствахъ, богатая жатва созрѣла быстро и была счастливо собрана, такъ, что величайшіе таланты XVIII вѣка должны были скромно подбирать оставшіяся колосья.

»Однакожъ, многое состарѣлось, и прежде всего *комедія*. Она должна была безпрестанно обновляться, не достигнувъ еще до совершенства, оживляемая новыми интересами, приваравливаясь къ жизни и къ правамъ эпохи. Изъ трагедій, многія сошли со сцены и Вольтеръ не упустилъ прекраснаго случая, при новомъ изданіи сочиненій Корнелья, показать всѣ несовершенства предшественника, съ которымъ онъ, по мнѣнію многихъ, не могъ сравниться.

»И Вольтеръ, чудо своего вѣка, устарѣлъ, какъ и литература, которой онъ почти цѣлое столѣтіе давалъ жизнь и законы. Около него существовали и прозябали еще многіе литераторы, болѣе или менѣе дѣятельные, болѣе или менѣе счастливые, которые мало по малу исчезли. Вліяніе общества на писателей становилось съ каждымъ днемъ могущественнѣе, потому-что хорошее общество, состоявшее изъ людей значительныхъ по рожденію, по званію и по богатству, избрало литературу однимъ изъ главнѣйшихъ своихъ занятій; а чрезъ это литература сдѣлалась общежительной и утонченной. Высшій кругъ и литераторы взаимно образовывали другъ друга и должны были такъ-же взаимно портить другъ друга, потому-что утонченное, по существу своему, исключительно, и французская критика тоже сдѣлалась исключительною, отрицательною, презрительною и злословною. Высшій классъ съ такимъ направленіемъ судилъ о писателяхъ; а писатели, съ меньшимъ приличіемъ, также поступали между собою и даже съ своими покровителями; если они не могли *убѣдить* публику, то старались *обмануть* ее или смягчить смиреніемъ; и оттого произошло, кромѣ внутреннихъ потрясеній церкви и государства, такое литературное броженіе, что самъ Вольтеръ, при всей своей дѣятельности, при всемъ своемъ превосходствѣ, едва могъ противустать потоку всемірнаго отрицанія. Уже называли его вслухъ каприз-

нымъ, старымъ ребенкомъ; на его неутомимые и настойчивые труды смотрѣли, какъ на безплодные усилія истощеннаго старика; не хотѣли ни признавать, ни почитать нѣкоторыя начала, которыя онъ поддерживалъ всю жизнь и распространенію которыхъ посвятилъ всю свою дѣятельность; его Бога, почитанію котораго онъ пожертвовалъ атеизмомъ, оспаривали у него; и онъ самъ, праотецъ и патриархъ, долженъ былъ наряду съ самыми молодыми изъ соперниковъ своихъ выжидать благоприятной минуты, бѣгать за новыми милостями, быть слишкомъ добрымъ съ друзьями, слишкомъ злымъ съ врагами. Стоило ли вести жизнь столь дѣятельную и великую, чтобы кончить ее въ такой зависимости? Что было невыносимаго въ подобномъ положеніи не ускользало отъ его высокаго разума и тонкой чувствительности; по временамъ онъ облегчалъ сердце неожиданными порывами, давалъ волю своему негодованію и наносилъ жестокіе удары, отъ которыхъ часто доставалось и друзьямъ и недругамъ, потому что всякой думалъ, что можетъ глядѣть на него свысока, хотя никто не былъ ему по плечу. Публика, слушающая только сужденія стариковъ, легко пріобрѣтаетъ мудрость старости; а нѣтъ ничего хуже зрѣлыхъ сужденій въ умѣ незрѣломъ.

»И такъ, французская литература была стара и слишкомъ утонченна, какъ сама по себѣ, такъ и въ особѣ Вольтера. Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ:

»Жизнь дѣятельная и общественная, политика, барышъ въ большомъ размѣрѣ, пріязнь владыкъ міра и употребленіе этой пріязни на достиженіе владычества надъ міромъ, такова была съ раннихъ лѣтъ постоянная цѣль Вольтера. Никто такъ легко не принималъ ярма зависимости, чтобы сдѣлаться независимымъ. Онъ успѣлъ подчинить себѣ умы; его нація принадлежала ему.

«Все, что я излагаю здѣсь вкратцѣ и съ нѣкоторою послѣдовательностію, отзывалось тогда безплодно и смутно въ нашихъ ушахъ, какъ голосъ мгновенія, какъ непрерывная какофонія.

»Мы, юные германцы, разочаровывались съ каждымъ днемъ. По своимъ началамъ, по своей особенной натурѣ, мы любили удерживать впечатлѣнія предметовъ, медленно перерабатывать ихъ. Мы были убѣждены, что при совѣстливомъ разсмотрѣніи, можно открыть что-нибудь въ каждомъ

предметъ. Мы признавали впрочемъ, что это великое и прекрасное французское общество представляло намъ много богатствъ, потому-что Руссо совершенно прельстилъ насъ. Но, разсматривая жизнь и судьбу его, мы видѣли, что онъ, какъ бы въ награду за труды свои, жилъ въ Парижѣ въ невѣстности и забвеніи.

»Энциклопедисты и многочисленные томы огромнаго произведенія ихъ производили на насъ тоже ощущеніе, какое испытываешь, когда въ огромной мануфактурѣ пройдешь посреди безчисленныхъ станковъ и машинъ въ движеніи; когда этотъ стукъ и грохотъ, этотъ механизмъ, смущающій глаза и умъ, наводитъ на мысль обо всемъ, что нужно для приготовленія куска сукна, то невольно съ омерзѣніемъ смотришь даже на платье, которое носишь.

«Дидро имѣлъ много сродства съ нами, потому-что во всемъ, что не нравилось въ немъ французамъ, онъ настоящій нѣмецъ. Но его точка зрѣнія была слишкомъ возвышенна, его горизонтъ слишкомъ обширенъ, чтобы мы могли стать подъ его знамена.

«Я упомяну еще о «*Пигмалионѣ*» Руссо, произведемъ сильное впечатлѣніе. Можно бы многое сказать объ этомъ предметѣ, потому-что это странное произведеніе колеблется, такъ сказать, между природою и искусствомъ, съ ложнымъ притязаніемъ на разрѣшеніе искусства въ природѣ. Мы видимъ въ немъ художника, создавшаго совершеннѣйшее произведеніе и все-таки недовольнаго тѣмъ, что выразилъ свою идею внѣ себя, по правиламъ искусства, и что далъ ей высшее существованіе; онъ хочетъ еще низвести ее до себя, обратить въ существо земное. Онъ разрушаетъ высочайшее произведеніе разума и труда самымъ пошлымъ дѣйствіемъ чувственности.

«Всѣ эти системы и многія другія, вѣрныя или недѣльныя, истинныя вполне или вполонину, вліянію которыхъ мы были подвержены, чрезвычайно смѣшивали наши идеи; мы терялись въ этихъ изворотахъ; и такимъ-то образомъ, съ разныхъ сторонъ подготовлялась литературная революція Германіи, которой мы были свидѣтелями и которой, волею или неволею, съ сознаниемъ или безотчетно, мы могущественно содѣйствовали (*).

Такимъ образомъ, Гёте совершенно отдѣлился отъ французскаго элемента, находя «жизнь французовъ слишкомъ ограни-

(*) *Dicht. und Wahrh.* 3 Th. 11.

ченною и утонченною, поэзію ихъ холодною, критику отрица- тельною, философію темною и неутѣшительною.» Природа сдѣ- лалась бы единственнымъ идоломъ его, если бы поэтическая душа его не увлеклась созданіями Шекспира, этого мощнаго генія, о которомъ Гёте говорилъ, что онъ такъ могучъ, что многіе невольно подражаютъ ему, думая, что создаютъ сами.

Возвратившись во Франкфуртъ, Гёте познакомился съ Мер- комъ, человѣкомъ ума замѣчательнаго, но страннаго и сатири- ческаго, который скоро подружился съ нимъ и часто его пыл- кому юношескому энтузіазму противуполагалъ леденящій хо- лодъ горькой прони. Мы уже видѣли, что Гёте изъ себя и изъ собственной жизни болѣе, чѣмъ изъ легенды, почерпнулъ безпокойный, ищущій знанія и наслажденій характеръ Фауста; воспоминанія первой, дѣвственной любви породили чудный образъ Маргариты; теперь въ Меркѣ онъ нашелъ Мефисто- феля, третье лицо своей дивной драмы.

Внимательное изученіе Шекспира и исторіи Германіи поро- дили *Гетца фонъ Берлихингенъ*, величественную и поэтически вѣрную картину жизни германской XVI-го столѣтія. Два раза передѣлывалъ Гёте эту драму и, еслибъ не Меркъ, то онъ передѣ- лалъ бы ее и въ третій разъ. Наконецъ, онъ издалъ ее въ 1779 г. на свой счетъ. Баснословенъ былъ успѣхъ этой драмы, исп- ровергавшей всѣ теоріи; молодежь видѣла въ ней паденіе ус- тарѣвшей драматической системы и воошреніе духа независи- мости; ученые рукоплескали удачной попыткѣ въ изображеніи народнаго быта старины; только нѣсколько устарѣлыхъ голо- совъ возопили противъ Гетца, видя въ немъ апологію права сильнаго. Но успѣхъ этого перваго созданія Гёте былъ вполне заслуженный; мощно обрисованный образъ Гетца, человѣка доб- раго и благороднаго, рѣшающагося во время буйной анархіи, вмѣ- сто суда и закона, употребить право сильнаго, потомъ приходящаго въ отчаяніе при мысли, что уважаемый имъ государь почитаетъ его мятежникомъ: наивная истина характеровъ и положеній и энергическое выраженіе возвышенныхъ чувствъ, все ставитъ эту драму на высокое мѣсто въ германской литературѣ. Увлечен- ный первымъ успѣхомъ, Гёте въ четыре недѣли написалъ *Вертера* (въ 1774 г.) давно уже задуманнаго имъ и заготов- леннаго, такъ сказать, собственнымъ опытомъ, дѣйствитель- ными страданіями поэта. Гёте испыталъ моральную пытку Вер- тера возлѣ другой Шарлотты; онъ сочувствовалъ неопредѣлен- ному и мрачному безпокойству современнаго юношества и да- же самъ покушался на самоубійство; но къ счастью, воля из-

мѣнила ему. Не подражая безумству молодаго Иерусалема, застрѣлившагося отъ несчастной страсти къ женѣ своего друга, онъ искалъ облегченія въ художническомъ выраженіи болѣзненныхъ чувствъ, волновавшихъ его. Это огненное произведеніе, вскружившее столько головъ, низвело въ душу поэта тишину и безоблачное спокойствіе; оно имѣло блестящій успѣхъ, потому-что вполне выражало нравственное состояніе тогдашней Германіи и было искрой, упавшей въ порохъ.

«Отвращеніе къ жизни, говоритъ Гёте, имѣеть причины физическія и нравственныя; предоставивъ первыя медикамъ, а вторыя моралистамъ, мы займемся только главнымъ вопросомъ, выставляющимъ этотъ грустный фактъ въ полномъ свѣтѣ.

«Все счастье жизни зависитъ отъ правильнаго вліянія внѣшнихъ предметовъ. Переменны дни и ночи и временъ года, послѣдовательность цвѣтовъ и плодовъ, и все, что является періодически для нашего наслажденія, вотъ истинныя двигатели, существенныя пружины земнаго существованія. Чѣмъ болѣе расположены мы наслаждаться всѣми этими благами, тѣмъ счастливѣе чувствуемъ себя; но когда эти разнообразныя явленія развиваются предъ нами, не возбуждая нашего участія; когда мы нечувствительны къ ихъ сладостному обаянію, тогда обнаруживается величайшее изъ золъ, важнѣйшая изъ болѣзней, и жизнь становится для насъ тяжкимъ бременемъ. Рассказываютъ, что одинъ англичанинъ повѣсилъ, чтобы не одѣваться и не раздѣваться каждый день. Я зналъ садовника, наблюдавшаго за большимъ паркомъ, который сказалъ разъ съ отчаяніемъ: «Неужели эти тучи будутъ вѣчно тянуться съ запада на востокъ?» Рассказываютъ объ одномъ изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ людей, что онъ съ болѣзненнымъ чувствомъ смотрѣлъ на весеннюю зелень; онъ желалъ, чтобы она хоть разъ покраснѣла для разнообразія. Таковы дѣйствительно признаки отвращенія къ жизни, оканчивающагося обыкновенно самоубійствомъ, и чаще, чѣмъ полагаютъ, встрѣчающагося въ людяхъ мыслящихъ и сосредоточенныхъ въ себѣ.

«Но ничто такъ не возбуждаетъ этого отвращенія, какъ возвратъ любви, т. е. любви первой, потому-что во второй и послѣдующей теряется возвышенный смыслъ любви. Идея постоянства и безконечности, возвышающая и поддерживающая ее, становится эфемерною, какъ и все повторяющееся».

«Самый молодой человекъ рано замѣчаетъ, если не въ се-

бѣ, то въ другихъ, что нравственныя эпохи перемѣжаются, какъ и времена года. Милость знатныхъ, покровительство сильныхъ, услуги людей дѣятельныхъ, симпатія толпы, любовь частныхъ лицъ, все это появляется и исчезаетъ, и мы ничего не можемъ удержать, какъ не удержимъ солнца, луны и звѣздъ; однакожъ это неестественныя феномены; все ускользаетъ отъ насъ по нашей или по чужой винѣ, случайно или по волѣ рока, но все измѣняется и нельзя ни на что положиться.

«Особенно мучить юношу съ сердцемъ чувствительнымъ неотвратимый возвратъ нашихъ слабостей. Мы поздно узнаемъ, что, совершенствуя свои добродѣтели, мы увеличиваемъ и недостатки. Одни покоятся на другихъ, какъ на корняхъ, и пороки развиваются скрытно съ такою же силою и разнообразіемъ, какъ добродѣтели снаружи. Дѣйствуя всегда доблестно, по волѣ и убѣжденію, мы рѣдко получаемъ отъ того наслажденіе; недостатки же, проявляющіеся противъ нашего желанія, напротивъ, постоянно безпокоятъ и мучатъ насъ. Въ этомъ заключается величайшая трудность познанія самого себя, и оно становится почти невозможнымъ. Прибавьте къ этому кипучую кровь молодости, воображеніе легко смущающееся, случайныя несчастія, и тогда сами же скажете, что нетерпѣливое желаніе избавиться отъ подобнаго страданія противно природѣ (*).

Къ тому же въ это время сильно дѣйствовала на молодежь Германіи англійская литература и въ особенности поэзія, мощная, но прилипчиво меланхолическая, нравственная, но преисполненная мрачнаго презрѣнія къ жизни. Она служитъ какимъ-то грознымъ комментариемъ на этотъ ужасный текстъ:

Then old Age and Experience, hand in hand,
Lead him to death, and make him understand,
After a search so painful and so long,
All his life he has been in the wrong (**).

Даже Шекспиръ, столь полный жизни и разливающей эту жизнь широкими струями, даже онъ не чуждъ губительной ме-

(*) *Dicht. und Wahrh.* 3 Th. 13.

(**) Потомъ, старость и опытность, рука въ руку, ведутъ его къ смерти, и даютъ ему понять, послѣ столь тягостнаго и долгаго исканія, что вся жизнь его была—заблужденіе.

ланхолии. Гамлетъ и его монологи безпрестанно представлялись разстроенному воображенію современниковъ Гёте и они, видя въ Гамлетѣ болѣзнь, протекающую изъ разъединенія воли и силы дѣйствовать, искали разрѣшенія ея не въ дѣятельности, а въ самоубійствѣ. И въ нихъ существовало это разъединеніе, но источникомъ его была не слабость силы, но превзбытокъ ея, не имѣвшій предмета для дѣятельности. Безъ всякаго внѣшняго побужденія къ ней, эта сила дѣлалась разрушительною, обращалась противъ самой себя, а скучная будущность мелочной, пошлой, мѣщанской жизни неволью возбуждала мысль о правѣ человѣка наложить на себя руку. Самъ Гёте объясняетъ подобнымъ настроеніемъ умовъ успѣхъ *Вертера* и сознается, что этотъ романъ произвелъ сильное впечатлѣніе только потому, что вездѣ встрѣтилъ сочувствіе, и что открыто и ясно выразилъ тайныя химеры больной молодости. И послѣ этого, съ наивнымъ эгоизмомъ генія, онъ прибавляетъ:

«Я почувствовалъ себя, какъ послѣ общей исповѣди, облегченнымъ, свободнымъ и вправѣ начать новую жизнь. Старое средство было мнѣ на этотъ разъ спасительно. Но въ то время, какъ я, преобразивъ дѣйствительность въ вымыселъ, облегчилъ и просвѣтилъ себя, друзья мои заблуждались, полагая, что должно обращать вымыселъ въ дѣйствительность, подражать роману и при случаѣ застрѣлиться. Что въ началѣ произошло въ небольшомъ кругу, то повторилось въ послѣдствіи въ огромной массѣ публики; и это произведеніе, бывшее для меня столь полезнымъ, было осуждено, какъ чрезвычайно опасное (*).

И далѣе:

«Это произведеніе имѣло успѣхъ, и успѣхъ огромный, оттого особенно, что появилось во-время. Достаточно одной искры, чтобы взорвать мину: взрывъ, произведенный имъ въ публикѣ, былъ такъ силенъ только оттого, что молодежь была уже подкопана, и что всякой нашелъ случай вывести на свѣтъ свои преувеличенныя притязанія, свои неудовлетворенныя страсти, свои мнимыя страданія. Нельзя требовать отъ публики, чтобы она интеллектуально приняла созданіе интеллектуальное. Она привязалась къ идеѣ, къ сюжету, какъ было и съ моими друзьями; и тогда появился старый предразсудокъ, основан-

---

(*) *Dicht. und Wahrh.* 3 Th. 13.

ный на важность напечатаннаго произведенія, именно, что оно должно имѣть поучительную цѣль; но истинная живопись не имѣетъ ее; она не одобряетъ и не осуждаетъ, а развиваетъ чувства и дѣйствія въ ихъ связи, и этимъ самымъ просвѣщаетъ и научаетъ (*).

Читая эти строки, проникнутыя глубокимъ равнодушіемъ, почти даже презрѣніемъ къ страданіямъ ближняго и полною гордости заботою о спокойствіи только своего я, невольно вспоминаешь слова Гердера. вылившіяся прямо изъ сердца этого великодушнаго брюзги, какъ называетъ его Гетѣ:

«Надобно знать, имѣетъ ли человѣкъ право возвышаться до области, въ которой всѣ страданія, истинныя или ложныя, дѣйствительныя или мнимыя, одинаково равно для него; въ которой онъ перестаетъ быть, если не художникомъ, то человекомъ; въ которой свѣтъ, хотя освѣщаетъ, но ничего не оплодотворяетъ; и не приведетъ ли это право, однажды признанное, къ совершенному отрицанію человѣческаго характера. Никто не думаетъ оспаривать у боговъ ихъ вѣчное спокойствіе; они могутъ смотрѣть на все земное, какъ на игру, которою они располагаютъ по своему произволу. Но мы, люди, подверженные всѣмъ нуждамъ человѣческимъ, мы не должны забавляться театральными позами; прежде всего сохранимъ величіе, священное величіе, безъ котораго искусство обращается въ жалкій фарсъ. Комедія! комедія! Софокль не былъ же комедіантомъ, Эсхилъ еще менѣе. Все это выдумки нашего времени; Давидъ пѣлъ свои гимны съ большимъ увлеченіемъ, съ большимъ чувствомъ, чѣмъ Пиндаръ, а онъ управлялъ царствомъ. — Вы же, чѣмъ вы управляете? — Вы изучаете природу во всѣхъ ея явленіяхъ, отъ иссопа до кедра Ливанскаго. Природа! Вы поглощаете даже ее въ себѣ, какъ часто говорите; прекрасно! Но не лишайте же меня для этого прекраснѣйшаго изъ всѣхъ явленій, человѣка въ полномъ его величіи естественномъ и моральномъ (**).

Издавши въ свѣтъ *Гетца* и *Вертера*, Гетѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе и сталъ въ ряду знаменитостей Германіи. Тѣсная связь скрѣпилась между нимъ и Лафатеромъ, она началась дѣятельною перепискою, въ которой пламенный христіа-

(* Dicht. und Wahrh. 3 Th. 13.

(**) Joh. Falk. — Göthe aus näherem persönlichem Umgange dargestellt.

нинъ безуспѣшно пытался обратить юнаго скептика; она скрѣпилась поѣздкою Лафатера во Франкфуртъ и еще болѣе посѣщеніемъ знаменитаго фізіономиста поэтомъ въ горахъ Швейцаріи. Гёте даже предпринялъ съ Лафатеромъ и съ Базедовымъ, знаменитымъ революціоннымъ педагогомъ, путешествіе на берега Рейна и въ эту-то поѣздку родилась въ немъ мысль сдѣлать драму изъ жизни Магомета. Онъ подмѣтилъ, что атеисты и христіанины употребляли средства умственныхъ, даже духовныхъ, для земныхъ цѣлей; онъ предположилъ изобразить, въ образѣ Магомета, генія, принужденнаго, для дѣйствія на міръ и распространенія въ немъ идей, спуститься до общаго уровня, унизить чрезъ это свои высокія качества и, наконецъ, совершенно потерять ихъ. Онъ не исполнилъ этого плана, а перевелъ въ послѣдствіи *Магомета* Вольтера.

Около этого времени, Гёте со смѣлостію, характеризующею первыя произведенія его, задумалъ поэму, содержаніе которой заимствовалъ изъ легенды о Вѣчномъ Жидѣ; въ ней хотѣлъ онъ представить поэтическую картину религіи и различныя фазы ея существованія. Начало поэмы, нѣсколько отрывковъ и окончаніе были написаны; но недостатокъ необходимыхъ свѣденій и времени для пріобрѣтенія ихъ, принудили его отказаться отъ этой идеи.

Къ этой же эпохѣ относится *Прометей*, предпринятый въ порывѣ высокой гордости. Гёте, говоритъ, что онъ чувствовалъ влеченіе къ этому Титану, создавшему людей безъ помощи боговъ.—

Не переставая создавать, Гёте въ то же время продолжалъ и въ внутреннее образованіе свое. Поэтъ высшаго разряда, онъ, не будучи философомъ въ спеціальному значеніи этого слова, никогда не былъ чуждъ философскихъ интересовъ и съ жаждою искалъ разрѣшенія жизненныхъ проблемъ. Разгоры и переписка его съ братьями Якоби только усилили эту жажду; утоленіе ея нашель онъ въ чтеніи Спинозы. Отверженіе, которымъ богословіе заклеяло это великое имя, не остановило Гёте, его любопытство, напротивъ того, было усилено ненавистью, возбужденною этимъ философомъ. Онъ прочелъ произведенія его, именно *Этику*; его пытливый духъ нашель въ ней спокойствіе и свѣтлыя идеи о мирѣ физическомъ и нравственномъ. Жанъ-Поль сказалъ, во имя германской философіи и литературы, о знаменитомъ оптикѣ Гаги: «Мы глядимъ сквозь его очки.» Съ помощію магическихъ очковъ Спинозы, Гёте такъ глу-

боко и такъ ясно прозрѣлъ въ таинства природы и общества. Какъ Шекспиръ установилъ его литературныя понятія, сколько могъ установиться этотъ гибкій и подвижной умъ, такъ и Спиноза опредѣлилъ его философскія идеи; оба они были для Гёте, каждый въ своей сферѣ, самыми вѣрными толкователями природы. —

Эти серьезные занятія перемежались болѣе нѣжнымъ впечатлѣніемъ. Сердце Гёте, подобно старинной физикѣ, имѣло отвращеніе къ пустотѣ (*hogog vacui*) и въ немъ привязанность угасшая, быстро замѣнялась другою, рождающеюся. Мы видѣли, что первыя влеченія его имѣли предметомъ дѣвушекъ изъ простаго состоянія; теперь они приняли другой характеръ. Любовь его обратилась къ молодымъ особамъ одинаковаго съ нимъ состоянія, съ которыми, въ его возрастѣ, она была очаровательнымъ предисловіемъ супружества. Первая привязанность такого рода развилась среди игръ молодежи, въ которыхъ, нѣсколько вечеровъ сряду, судьба давала ему подругою молодую дѣвушку, одаренную всѣми достоинствами женственности. Для этой дѣвушки, на нѣсколько часовъ вѣнчавшей его любовь тихую и безмятежную, молодой поэтъ написалъ *Клавно*, менѣе, чѣмъ въ недѣлю. Онъ даже думалъ жениться на ней, и это намѣреніе одобрено было его семействомъ, но неизвѣстныя обстоятельства разстроили его планы. Но ни одна женщина не дѣйствовала на него такъ сильно, какъ блистательная Лилли, сама впрочемъ подчинившаяся его могущественному вліянію, какъ Армида обаянію Ринальдо. Радости и печали этой бурной любви излились въ множество лирическихъ стихотвореній. Но союзъ его съ Лилли встрѣтилъ сильныя препятствія, со стороны его родныхъ, которые успѣли убѣдить его въ невозможности этого брака. Колеблясь между желаніями сердца и совѣтами разсудка, онъ уѣхалъ изъ Франкфурта, въ надеждѣ найти утраченное спокойствіе духа въ горахъ Швейцаріи и подъ итальянскимъ небомъ, но увлеченный пылкостью страсти, онъ воротился съ границы Италіи во Франкфуртъ, гдѣ его отношенія къ Лилли сдѣлались для него источникомъ новыхъ страданій. Это тягостное, мучительное состояніе кончилось приглашеніемъ его къ Веймарскому Двору, приглашеніемъ, окончательно опредѣлившимъ судьбу его.

Уже Веймарскій Дворъ начиналъ приобрѣтать въ Германіи то значеніе, какое Феррарскій имѣлъ въ Италіи, и образованная принцесса успѣла уже привлечь къ нему Виланда и другихъ литераторовъ.

Гёте два раза видѣлся съ наслѣднымъ принцомъ Веймарскимъ, желавшимъ привязать къ себѣ эту новую знаменитость. Отецъ Гёте, человѣкъ недовѣрчивый и подозрительный, придерживавшійся старинной пословицы *procul ab Iove, procul a fulmine*, (дальше отъ Зевса, дальше отъ молніи) боялся этихъ высокихъ милостей къ своему сыну, который смѣялся подозрѣніямъ человѣка, мѣщанская жизнь котораго была невыносима для его поэтического духа. Въ проѣздъ чрезъ Франкфуртъ новаго герцога Саксенъ-Веймарскаго съ молодою супругою его, принцессою Луизою Гессенъ-Дармштадскою, поѣздка Гёте въ Веймаръ была рѣшена. Онъ увозилъ съ собою многія начатыя творенія, между прочимъ *Графа Эмонта*. Эта драма была плодомъ продолжительнаго изученія XVI вѣка и философскихъ размышленій, оставившихъ въ ней глубокой слѣдъ. Графъ Эмонтъ и герцогъ Альба олицетворяютъ двѣ силы, которыя Гёте вездѣ находилъ въ мірѣ, одну кроткую, другую ужасную; одну — все привлекающую къ себѣ; другую — все склоняющую передъ собою; трагическій фатализмъ древнихъ не производитъ такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ эта двойственность человѣческой природы. Полный воспоминаній этого произведенія, занимавшаго послѣдніе дни, даже послѣдніе часы пребыванія его въ Франкфуртъ, Гёте, вырываясь отъ женщины, старавшейся удержать его, вскричалъ, восторженный и вдохновенный:

«Kind, Kind! nicht weiter! Wie von unsichtbaren Geistern gepeitcht, gehen die Sonnenpferde der Zeit mit unsers Schicksals leichtem Wagen durch; und uns bleibt nichts, als muthig gefasst, die Zügel fest zu halten, und bald rechts, bald links, vom Steine hier, vom Sturze da, die Räder abzulenken. Wohin es geht, wer weiß es? Erinnet er sich doch kaum, woher er kam.» (*)

Гёте прибылъ въ Веймаръ въ ноябрѣ 1776, въ годъ вступленія на престолъ герцога Карла-Августа; онъ былъ назначенъ въ 1776 г. тайнымъ совѣтникомъ посольства (*Geheimer-Legationsrath*) съ совѣщательнымъ голосомъ; въ 1779, членомъ Тайнаго Совѣта; въ 1782, Каммеръ-Президентомъ и получилъ дворянство;

(*) «Дитя, дитя! довольно! Какъ бы погоняемые невидимыми духами, солнечные кони времени несутся съ легкою колесницею нашей судьбы; и намъ остается только, съ мощною рѣшимостію, крѣпко схватиться за возжи, и то справа, то слѣва, предохранять колеса—здѣсь отъ камня, тамъ отъ пропасти. Куда несутся они, кто знаетъ? Едва помнишь, откуда умчался»

а въ 1815 былъ возведенъ въ достоинство Министра. Онъ оставилъ службу въ 1828 г., по смерти своего покровителя, герцога Карла-Августа. —

Дѣла такого государства, какъ Саксенъ-Веймарское, имѣющаго около 220 т. жителей, 2000 войска и около трехъ миліоновъ ежегоднаго дохода, не могутъ быть очень важны. Значить, они не могли мѣшать литературнымъ занятіямъ Гёте, поглощая все его вниманіе; тѣмъ страннѣе кажется молчаніе его съ пріѣзда въ Веймаръ. *Фаустъ* и *Элмонтъ* оставались не конченными и въ продолженіе 12 лѣтъ, Гёте не издалъ ни одного капитальнаго произведенія, соотвѣтствующаго его дебюту. Но это время не пропало для него; тяжелая работа происходила въ немъ и подготовляла второй періодъ литературной его дѣятельности, періодъ, отмѣченный вѣрнымъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, какъ первый обозначился энергіею и смѣлостію. Въ эту переходную эпоху онъ написалъ, впрочемъ, нѣсколько пьесъ, незначительныхъ въ сравненіи съ другими его произведеніями. Это были: *Die G. Schwester* (Братъ и Сестра), небольшая пьеса, полная жизни и чувства; *Sery und Bätely*, написанная по возвращеніи изъ втораго путешествія въ Швейцарію съ герцогинею Веймарскою и дышущая мѣстнымъ колоритомъ; *die Vögel* (Птицы), удачное подражаніе Аристофану. Но Гёте задумалъ уже *Вильгельма Мейстера*, произведеніе важное, обработка котораго не могла быть непродолжительна. Вѣрная и глубокая мысль была зародышемъ этого романа: человекъ часто предпринимаетъ то, для чего не созданъ природою; тайный голосъ удерживаетъ его, но онъ не сознаетъ этого инстинкта и не сходитъ съ ложнаго пути. Начиная понимать свою ошибку, онъ страдаетъ, и все-таки увлекается привычкою, слабо сопротивляясь ей. Такъ многіе губятъ лучшіе годы жизни и, наконецъ, впадаютъ въ отчаяніе. А можетъ быть, всѣ эти заблужденія ведутъ ихъ къ драгоцѣннѣйшему благу, и нимъ можно сказать, какъ герою романа: «Вы походите на Саула, сына Кисова, который пошелъ искать ослицу отца своего, а нашелъ царство.» —

Въ 1786 г. Гёте проводилъ лѣто въ Карлсбадѣ, среди дружескаго общества, которое онъ оживлялъ своею непринужденною веселостію, отличительнымъ характеромъ его въ это время, читая охотно свои стихи, сообщая всѣмъ свои предположенія, свои идеи. 28 августа, въ день своего рожденія, онъ получаетъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ находитъ,

посреди льстивыхъ похвалъ, строгіе упреки за забвеніе своего генія и пламенныя убѣжденія снова принятыя за занятія, какъ бы нарочно забытыя. Особенно Гердеръ, мнѣніемъ котораго Гёте такъ дорожилъ, смѣяся надъ его страстію къ естественнымъ наукамъ, совѣтовалъ ему оставить бездушную природу для трудовъ болѣе важныхъ. Гёте воспользовался урокомъ и вдругъ, не сказавши ни слова Герцогу, не предупредивъ ни одного изъ своихъ друзей, собралъ свои рукописи и поскакалъ въ Италію, проѣхалъ Тироль, пробылъ три дня во Флоренціи и успокоился только по пріѣздѣ въ Римъ. Здѣсь онъ вполне предается глубокимъ впечатлѣніямъ вѣчнаго города; вниманіе его раздѣляется между изящными остатками древности и чувственною жизнью итальянцевъ; онъ смиряетъ первое впечатленіе, и въ тишинѣ созерцанія спокойно воспринимаетъ дѣйствіе образцовыхъ произведеній новаго искусства. Удивленіе поглощаетъ его вполне. Никто не знаетъ его мыслей; въ письмахъ, въ разговорахъ онъ скупъ на замѣчанія; видно, что онъ размышляетъ въ глубинѣ души. Видѣть столько чудесъ и восхищаться ими—утомляетъ его; онъ не можетъ отдѣлится отъ впечатлѣній отъ другихъ, не можетъ передать ихъ. Но, мало-помалу, онъ пріучается жить посреди великихъ произведеній; за пылкостью первыхъ порывовъ слѣдуетъ спокойствіе болѣе глубокое, склонность къ пластикѣ, болѣе обозначившаяся.

Посреди разнообразныхъ занятій, возбуждаемыхъ обстоятельствами, поэтическая натура Гёте не ослабѣваетъ; 10 января онъ издаетъ *Ифигенію въ Тавриду* (*Iphigenie auf Tauris*), созданіе чисто античное, по простотѣ, правильности и чистотѣ формы, отъ котораго не отказался бы Софокль. Когда же, въ февралѣ, его Веймарскіе пріятели съ энтузіазмомъ говорятъ ему объ этомъ произведеніи, мысли Гёте заняты уже Тассомъ. Разумѣется, при такомъ расположеніи духа, Ифигенія не могла удовлетворить его. «Тщетно ищутъ на бумагѣ того, что я долженъ былъ сдѣлать, пишетъ онъ въ Веймарѣ; по-крайней-мѣрѣ, по этому отгадываютъ, чего мнѣ хотѣлось.— Все его идеи объ искусствѣ и поэзіи такъ перемѣшаны приливомъ новыхъ идей, что друзья упрекаютъ его за противорѣчія въ письмахъ. «Правда, говорилъ онъ въ день отъѣзда въ Неаполь, меня носятъ глубокой и вѣчно-волнующійся океанъ; но я вижу отсюда огонекъ маяка и приду въ себя, только - что ступлю на берегъ.»

Это колебаніе, эта нерѣшимость замѣтны въ эту эпоху во всѣхъ его письмахъ. Гёте не сознаетъ еще ни самаго себя, ни

цѣли своей въ будущемъ; откровеніе, нисшедшее на него при созерцаніи чудесъ искусства, смущаетъ сначала всѣ его идеи. Зрѣлище этого обширнаго и высокаго ума, который осматривается и сомнѣвается въ минуту вступленія на настоящій путь, невольно переноситъ васъ къ *Исповѣди* Руссо; Гёте самъ вспоминаетъ объ ней въ эту эпоху. «Я часто думаю о Руссо, объ его жалобахъ, объ его ипохондріи,—пишетъ онъ изъ Неаполя, 17 марта 1787 г.,—и понимаю, какъ этотъ прекрасный организмъ могъ такъ жалко страдать. Если бы я не пыталъ такой любви ко всемъ произведеніямъ природы, если бы я не видѣлъ, что среди видимаго смѣшенія, всѣ наблюденія сводятся и классифируются, я самъ часто почелъ бы себя сумасшедшимъ.» Но между Руссо и Гёте существуетъ важное различіе. Руссо чувствуетъ смущеніе души и пожирающее его безпокойство, но не дѣлаетъ никакого усилія для своего исцѣленія; онъ сознаетъ зло, но не имѣетъ мужества уничтожить его насильственно. Руссо не способенъ къ быстрой и полной рѣшимости, свойственной энергической душѣ Гёте. Что у Гёте только временное, преходящее состояніе, то составляетъ основаніе характера Руссо, характера болѣзненнаго и раздражительнаго.

Въ Римѣ, Гёте велъ жизнь одинокую, жизнь мыслительную; въ Неаполь, онъ выѣзжалъ всюду, гонялся за развлеченіями и охотно согласовался съ нравами очаровательнаго города. Отсюда онъ поѣхалъ въ Сицилію и тамъ, на классическихъ поляхъ битвъ древности, собиралъ, къ удивленію островитянъ, камни всѣхъ родовъ. Въ Палермо, онъ вспомнилъ объ Каліостро, посѣтилъ его семейство и собралъ изъ устъ его родственниковъ любопытныя подробности объ его жизни. Но главнымъ занятіемъ Гёте все-таки была поэзія. Одиссея, которую онъ не переставалъ читать во время поѣздокъ изъ Сициліи, Одиссея возбуждаетъ въ его умѣ желаніе воспроизводить древность: она неотразимо прельщаетъ его воображеніе. Онъ задумываетъ обработать въ драматической формѣ исторію Новизкаи. Онъ набрасываетъ планъ трагедіи и въ маѣ 1787 г. пишетъ Гердеру изъ Неаполя: «Я предпринялъ трудъ обширный, требующій покоя для выполненія.» Только во вторичное пребываніе его въ Римѣ, совершается внутреннее его преобразованіе, и онъ достигаетъ великаго торжества надъ самимъ собою. Тогда только всякое волненіе утихаетъ; тогда только начинаетъ онъ сознать то невозмутимое спокойствіе, которое составитъ въ будущемъ основаніе его характера, то равновѣсіе духов-

ныхъ силъ, котораго ничто впослѣдствіи не могло нарушить. Теперь онъ достигъ того торжественнаго состоянія, въ которомъ созерцаніе соединяется съ дѣятельностію и оплодотворяетъ ее, не заглушая и не уничтожая, какъ было въ годы юности. Онъ пишетъ «Элмонта,» «Вильгельма Мейстера,» и наслаждается созданіями древности, не мѣшающими уже его творческой дѣятельности. Надобно слышать слова его о произведеніяхъ греческаго ваянія. «Эти благородные образы, говорятъ онъ, были для меня таинственнымъ противудіемъ противъ слабого, ложнаго и манернаго, грозившихъ овладѣть мною. Какъ передать то, что я испыталъ здѣсь? Передъ такими созданіями человѣкъ самъ становится выше. Чувствуешь, что благороднѣйшій предметъ занятія есть человѣческій образъ. Къ несчастію, при такомъ зрѣлищѣ, сознаешь все свое безсиліе.» Спокойствіе болѣе и болѣе глубокое нисходитъ на душу Гёте. Онъ удовлетворилъ потребности живаго созерцанія прекраснаго, потребности, присущей его организаціи. «Въ Римѣ, говоритъ онъ, я въ первый разъ примирился съ собою; я почувствовалъ себя счастливымъ и разсудительнымъ.» Въ письмѣ, отъ 22 февраля, онъ объясняетъ смыслъ этихъ словъ: «Содня-на-день я приобретаю убѣжденіе, что рожденъ только для поэзіи и что долженъ употребить десять лѣтъ на усовершенствованіе своего таланта, на созданіе чего нибудь великаго. Долгому пребыванію въ Римѣ я обязанъ мыслью отказаться отъ ваянія.» Въ такомъ-то расположеніи, онъ принимается за работу, въ нѣсколько дней начертываетъ планъ «Тасса,» однакожь въ апрѣлѣ все еще занимается скульптурою: онъ лѣпитъ ногу по древнему образцу, но вдругъ, вспомнивъ, что его ожидаетъ произведеніе болѣе важное, бросаетъ все и принимается окончательно за «Тасса,» вѣрнаго и сладостнаго спутника путешествія его по Италіи.

И такъ поэтическій элементъ беретъ, наконецъ, въ душѣ Гёте перевѣсъ надъ другими, отнынѣ онъ свободно идетъ къ вершинѣ, съ которой равнодушно смотритъ на тревоженія жизни; борьба была болѣзненна, но плодотворна; кромѣ вліянія, произведеннаго ею на всю дѣятельность Гёте, она непосредственно произвела «Торквато Тассо», въ которомъ такъ превосходно выражено состояніе болѣзненнаго колебанія и сомнѣнія, состояніе, изъ котораго онъ самъ вышелъ побѣдителемъ.

Главная идея Гёте въ Тассѣ есть изображеніе придворной жизни во всѣхъ главнѣйшихъ ея отгѣнкахъ, во всемъ величіи и во всей ничтожности. Одна эта мысль царствуетъ въ трагедіи,

подчиняя себѣ малѣйшія подробности. Языкъ его облекается на этотъ разъ въ особенную изящность, въ изысканность; кажется, какъ будто онъ старается скрыть мысль подъ выраженіемъ. Поэтъ вспоминаетъ афоризмъ знаменитаго дипломата: что слово дано человѣку для того, чтобы скрывать свои чувства. Дѣйствующія лица этой трагедіи, даже въ пламенныхъ порывахъ страстей, не забываютъ ни на минуту сферы, въ которой они живутъ; языкъ ихъ, отборный, льстивый, вкрадчивый, видимо старается скрыть даже то, что хочетъ выразить, и истина проникаетъ въ него не иначе, какъ по закону строгого этикета. *Тассъ* — придворная пьеса, написанная придворнымъ. Двучиность скрывается въ ней подъ искусственною рѣчью; непріятное впечатлѣніе нѣкоторыхъ поступковъ исчезаетъ подъ очарованіемъ стиха! Никогда не были изображены съ большей тонкостью, съ большимъ тактомъ и вкусомъ, общежительность нашего времени, румяна, которыми воспитаніе тщательно покрываетъ наружную сторону, тогда, какъ подъ ними честолюбіе, гордость и эгоизмъ ползутъ къ своей цѣли. Только принцесса и поэтъ представляютъ въ драмѣ жизнь чувства; они одни вырываются по временамъ изъ этой душевой атмосферы, и то тогда только, когда они одни, когда никакой посторонній свидѣтель не стѣсняетъ ихъ порывовъ. Такъ, въ первой сценѣ втораго акта, принцесса благородно и откровенно высказываетъ Тассу любовь свою; таковъ самъ Тассъ, до ссоры съ Антоніо. Эта ссора, столь мало важная, которая, кажется должна бы быть забыта черезъ нѣсколько часовъ, эта ссора пробуждаетъ въ двухъ противникахъ глубокую ненависть, тѣмъ болѣе сильную и непримиримую, что она давно уже гнѣздилась въ ихъ сердцахъ и ждала только искры, чтобы вспыхнуть. Антоніо непрестанно старается удалить отъ двора человѣка, которому онъ завидуетъ, который въ милости у государя и у женщинъ, и сверхъ того отличается поэтическимъ гениемъ. Герцогъ, какъ ни безпокоенъ характеръ Тасса, не рѣшается потерять его; онъ привыкъ грѣться на солнцѣ великаго имени, ему пріятно читать стихи, въ которыхъ поэтъ воспѣваетъ его царствованіе и его домъ. «Его терпятъ», говоритъ Антоніо, какъ терпятъ многихъ другихъ, которыхъ не могутъ ни замѣнить, ни исправить.»

Повторимъ, что Гете выводитъ въ Тассѣ не вѣчный споръ жизни идеальной съ жизнью дѣйствительною, но только придворную жизнь. Если бы онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Тасса представителя жизни идеальной, поэта, какъ нѣкоторые неоснова-

тельно предполагають, онъ вдохнулъ бы въ него душу сильную и могучую, возвышающуюся надъ коварствомъ свѣта и продолжающую свой путь, несмотря на интриги. Гёте нашель бы въ борьбѣ жизни поэтической съ жизнью придворною какой-нибудь трагическій случай, отъ котораго Тассъ его погибъ бы съ величіемъ и благородствомъ, возбуждая скорѣе удивленіе, чѣмъ состраданіе; однимъ словомъ, Гёте создалъ бы новаго Вертера, только въ высшей сферѣ. Но вичего этого вѣтъ въ драмѣ. Геній Тасса, вмѣсто отверженія, доставляетъ ему милость государя и восторженное удивленіе придворныхъ красавицъ. Если онъ несчастливъ, если онъ среди сомнѣній, грызущихъ его сердце, едва не погибаетъ, то виновать не геній, а характеръ его. Онъ несчастливъ не потому, что онъ поэтъ, а потому—что имъ владѣтъ духъ недовѣрчивости, духъ заблужденія, который сдѣлалъ бы его нестерпимымъ и во всякомъ другомъ состояніи и обществѣ. И такъ, споръ жизни поэтической и придворной не существуетъ въ драмѣ. Если онъ и показывается мгновенно въ ссорѣ Тасса съ Антоніо, то совершенно исчезаетъ въ развязкѣ, когда поэтъ, обращая взоры свои на самаго себя, оправдываетъ окружающій его міръ и рѣшается вступить на путь, указываемый ему природою. Онъ и дворъ пойдутъ отнынѣ разными дорогами, каждый отдѣльно. Борьба различныхъ стремленій духа человѣческаго, хотя и выражается въ драмѣ, но не составляетъ ея сущности.

Послѣ этого, смѣшно было бы требовать отъ этого произведенія условій, которыя Гёте не думалъ, да и по самому существу предмета, не долженъ былъ выполнить. Не ищите здѣсь ни великихъ характеровъ, ни возвышенности чувствъ, ни философскихъ идей, ни драматическихъ положеній. Все это найдете въ «Эдмонтъ» въ «Ифигени», въ «Фаустъ», въ «Гетцль.» Тассъ — не драма и не трагедія, а поэма, въ которой авторъ изображаетъ чувства, волновавшія его въ одну изъ эпохъ его жизни; онъ облакаетъ эти чувства въ живую форму, бросаетъ ихъ въ вихрь существованія, чтобы отдѣлвшись отъ нихъ, не возвращаться къ нимъ болѣе. Въ Тассѣ, Гёте торжественно выразилъ вѣчную истину, что *поэзия есть очищеніе души*. Онъ самъ говоритъ въ своихъ Tag- und Jahreshäfte, что онъ избавился пьесою: *Великій Ковѣтъ* (Der Groß-Cophtha), отъ глубокихъ впечатлѣній; порожденныхъ въ немъ первыми событіями французской революціи; безъ сомнѣнія также поступилъ онъ и съ объективнымъ и поэтическимъ существомъ придворной жизни, о которой послѣднее слово сказалъ онъ въ

Тассѣ. Судьба влечетъ его въ міръ придворный; тамъ же, нѣтъ ему другаго средства избавиться отъ водоворота жизни, кромѣ углубленія въ самого себя, и слѣдовательно, разрыва со всѣмъ окружающимъ его; средство отчаянное, на которое Тассѣ рѣшается въ послѣдней сценѣ.—Эта сцена, не вполне подготовленная дѣйствіемъ, получаетъ изъ личности Гёте, выражаемой ею, болѣе опредѣленный смыслъ. Вертеръ погибаетъ отъ разлада души съ міромъ; Тассѣ освобождается отъ этого разлада энергіею поэтическаго духа. Понятно, что такая развязка не заключаетъ въ себѣ ничего трагическаго; но, сказать по-правдѣ, входитъ ли трагическая стихія въ условіе сюжета Тасса? Придворная жизнь неключаетъ трагическую развязку; ровная, изящная, строгая только въ правилахъ приличія и этикета, она избѣгаетъ огласки и крайностей.

По-этому несправедливо упрекають Гёте за то, что онъ не умертвилъ своего Тасса въ послѣдней сценѣ. Что человѣкъ обрекаетъ себя на смерть, чтобы избѣгнуть бѣдствій, раздрающихъ его существованіе, это вещь черезъ-чуръ обыкновенная; развѣ для великой души нѣтъ развязки болѣе благородной и достойной, чѣмъ самоубійство? Тассѣ, находящій въ своей душѣ силу жить среди столькихъ бѣдъ, не выше ли, не чловѣчвѣ ли Вертера, убивающаго себя въ минуту глубокаго отчаянія? И можно ли жалѣть о трагической развязкѣ, объ обыкновенной катастрофѣ, при этихъ словахъ, произносимыхъ поэтомъ въ послѣдней сценѣ драмы: «Все потеряно!— Одно мнѣ остается! Природа дала человѣку слезы и вопль страданія, вырывающійся изъ груди его, когда оно выше силъ его. Она оставила мнѣ мелодическій голосъ, чтобы выражать боль, даже тогда, когда она проникаетъ до глубины сердца; и когда другіе молчатъ, истомленные несчастіемъ, мнѣ Господь, по милости своей, далъ даръ выражать всю силу страданія.»

Когда вспыхнула французская революція, Гёте съ обыкновенною своею проникательностію, угадалъ ужасныя крайности, до которыхъ она дойдетъ и, вѣрный своей положительной натурѣ, не увлекся энтузіазмомъ, овладѣвшимъ многими болѣзненными умами. Онъ послѣдовалъ за герцогомъ Веймарскимъ, командовавшимъ Прусскою арміею, и участвовалъ въ кампаніяхъ 1792 и 1793 г. на берегахъ Рейна. Но его оружіемъ было перо, и въ противодѣйствіе революціонному духу, начинавшему проникать въ Германію, онъ написалъ небольшую пьесу *Der Bürger-General* (Гражданинъ-Генералъ), тонкую и остроумную насмѣшку надъ якобинизмомъ. Но это живое впечатлѣ-

ніе было не продолжительно; слѣдя за событіями міра политическаго, онъ удался въ спокойный міръ своихъ идей и любимыхъ занятій; посреди общественныхъ переворотовъ, онъ изучалъ природу, и въ то время, когда возникали и падали попытки новаго, гражданскаго быта, онъ создавалъ свои творенія съ совершеннымъ спокойствіемъ, какъ тотъ Майнцскій крестьянинъ, попавшійся ему на глаза, который во время осады, продолжалъ свои земледѣльческія работы подъ непріятельскими выстрѣлами.

Первые годы французской революціи были для него, плодотворны и полны занятій. Въ 1790 г. онъ началъ заниматься естественными науками въ болѣе обширномъ размѣрѣ; въ 1791, онъ принялъ управленіе Веймарскимъ придворнымъ театромъ; отъ 1795 до 1797 г. издавы были имъ *Wilhelm Meisters Lehrjahre* (Годы ученія Вильгельма Мейстера,) *Фаустъ* и *Германъ и Доротея*.—*Римскія Элегии* и *Венеціанскія эпиграммы* были только развлеченіями 1790 года, посвященнаго ботаникѣ, физикѣ и сравнительной анатоміи.

Гёте, вступивъ въ управленіе Веймарскимъ театромъ, принялся за это занятіе съ особенною любовію и дѣйствительно былъ такимъ директоромъ театра, какого не было со временъ Мольера. Эта обязанность, столь важная для успѣховъ искусства и образованности и, къ несчастію, такъ часто унижаемая исполняющими ее, была поручена умнѣйшему писателю Германіи, талантливѣйшему драматургу, человѣку самому многостороннему, который захотѣлъ и сумѣлъ слѣзать изъ маленькаго городка, каковъ Веймаръ, великую метрополию нѣмецкаго драматическаго искусства. Гёте, изучившій оперу на Итальянскихъ театрахъ, употреблялъ ее, какъ легкое средство привлекать и забавлять публику; спокойный съ этой стороны, онъ могъ заботливо и внимательно готовить постановку серьезныхъ пьесъ, и второй театральный годъ былъ ознаменованъ постановкою *Донъ - Жуана* Моцарта и *Донъ - Карлоса* Шиллера. Съ этого времени до 1815 г. Гёте непрерывно, дѣятельно, съ любовію, занимался дирекціею театра, бывшею какъ бы литературнымъ скипетромъ въ рукахъ законнаго властителя. Онъ понималъ, что первая основа театра — драматическіе писатели, ибо безъ твореній не можетъ устоять никакая сцена въ мірѣ, и потому умѣлъ привязать къ себѣ всѣхъ авторовъ и побуждать ихъ къ дѣятельности.

Десятилѣтній литературный періодъ, въ продолженіе котораго Гёте, послѣ *Ифигеніи*, *Эгмонта* и *Тасса*, издалъ *Вильгельма*

ми *Мейстера*, первую часть *Фауста*, *Германа и Доротею*, можетъ быть справедливо названъ апогеею его литературной славы. Въ это время поражаетъ оиъ совершенствомъ и изяществомъ вкуса, возвышенностию и глубиною мысли, универсальностью своего гения; казалось, ни жизнь, ни природа не имѣли тайнъ отъ творца «*Фауста*» и «*Вильгельма Мейстера*». *Вертеръ* и *Геццъ* были созданія страстныя и смѣлыя, въ которыхъ гений его бросилъ первый блескъ, однимъ взмахомъ крыльевъ поднявшись выше всѣхъ. Но, ставъ въ челѣ германской литературы, Гёте создалъ произведенія глубокия, обдуманныя, монументальныя, которыми утвердилъ славу свою на прочномъ основаніи.

Мы не будемъ говорить въ этой статьѣ объ *Фаустѣ*. Это созданіе цѣлой жизни Гёте, это полное выраженіе религиозныхъ и философскихъ идей его; эта *Divina Comedia* нашего времени не можетъ быть очерчена въ нѣсколькихъ словахъ. Мы думаемъ посвятить этой колоссальной драмѣ, этой эпопее XIX-го столѣтія, особенную статью, которая дополнитъ очеркъ его жизни и литературной дѣятельности, представивъ намъ случай показать полное и послѣдовательное развитіе его религиозныхъ и философскихъ убѣжденій.

Романъ *Wilhelm Meisters Lehrjahre* опредѣляетъ характеръ второго періода, какъ «*Вертеръ*»—перваго. Авторъ «*Вертера*»—человѣкъ съ умомъ безпокойнымъ, пламеннымъ, исключительнымъ, многимъ недовольный и рѣзко выражающій свои антипатіи. Авторъ «*Вильгельма Мейстера*»—человѣкъ съ духомъ спокойнымъ, яснымъ и обширнымъ, пронизательный и все повимающій, котораго слабое отвращеніе выражается легкою ироніею.

Этотъ романъ былъ написанъ въ промежутокъ времени отъ 1790 до 1796 года. Это произведеніе, въ высшей степени оригинальное и могучее, было принято сначала холодно и публикою и всѣми друзьями Гёте, кромѣ Шиллера, на котораго произвело сильное и глубокое впечатлѣніе. Но послѣ перваго изумленія, произведеннаго непривычною неправильностию плана, веденнаго зигзагами, оно было оцѣнено по достоинству и заняло принадлежащее ему мѣсто въ ряду другихъ созданій Гёте.

Не вдаваясь въ подробныя разсужденія объ *Вильгельмѣ Мейстерѣ*, которыя завлекли бы насъ за предѣлы журнальной статьи, ограничимся только указаніемъ тождества героя рома-

на съ личностью творца. Стоитъ пробѣжать нѣсколько страницъ приключеній Вильгельма Мейстера, чтобы убѣдиться въ сходствѣ ихъ съ событіями жизни Гёте. Однимъ словомъ, «Вильгельмъ Мейстеръ» есть такое же выраженіе личности поэта, какъ Вертеръ, Тассъ и Фаустъ; но эти четыре лица не представляютъ одного образа, какъ герои Байрона; они только братья, и сходство ихъ ограничивается жаждою знанія и стремленіемъ къ чему-то высшему, недоступному въ земной жизни; *Вертеръ* и *Тассъ*—это краткія, мимолетныя мгновенія жизни Гёте; *Фаустъ*—выраженіе самое полное и самое высокое; *Вильгельмъ Мейстеръ*—самое положительное.

Возвышенность и прелесть произведеній втораго періода творчества Гёте, не могутъ лучше быть выражены, какъ слѣдующими его словами: «Истинная поэзія познается по тому, что, доставляемымъ ею внутреннимъ спокойствіемъ и внѣшнимъ благосостояніемъ, она облегчаетъ насъ отъ земныхъ тяжестей, подавляющихъ душу, и, какъ шаръ, возноситъ насъ высоко надъ землею.»

Этотъ характеръ истинной поэзіи по понятіямъ Гёте находимъ мы болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, въ маленькой его поэмѣ: *Германъ и Доротея*. Читая ее, вы чувствуете невыразимое чувство счастья и тишины, тѣмъ болѣе сладостное, что сцены этой спокойной и простодушной эпопеи составляютъ эпизодъ одного изъ ужаснѣйшихъ переворотовъ, потрясшихъ міръ, эпизодъ французской революціи.

1794-ой годъ замѣчательнъ въ жизни Гёте знакомствомъ его съ Шиллеромъ, которое обратилось въ тѣсную дружбу, связывавшую обоихъ поэтовъ до самой смерти Шиллера. Мы предполагаемъ поговорить объ этой тѣсной связи ихъ въ статьѣ о Фаустѣ, гдѣ она будетъ у мѣста, при разсмотрѣніи эгоистическаго направленія или, если хотите, персональности Гёте. Здѣсь же замѣтимъ только, что дружба ихъ началась постоянными и официальными сношеніями, весьма естественными между директоромъ театра и драматическимъ авторомъ.

Въ началѣ 1805 года, оба поэта были полны надеждъ и прозрѣвъ, но утомлены и больны. Вскорѣ болѣзнь, развившаяся въ нихъ, удержала и того и другаго дома и они переговаривались только коротенькими записками. Въ началѣ мая Гёте вышелъ въ первый разъ изъ дому и засталъ Шиллера пе-

редь выходомъ его въ театр; неожиданная дурнота принудила Гёте возвратиться домой и передь домомъ Шиллера оба друга разстались навсегда. Шиллеръ умеръ 19 мая. Эта смерть, хотя ее скрывали нѣсколько времени отъ Гёте, глубоко печалила его и усилила болѣзнь. Первою мыслию его было, когда онъ оправился отъ этого потрясенія, окончить драму: *Дмитрій Самозванецъ* (*Demetrius*), начатую Шиллеромъ; но разными препятствіями помѣшали ему воздать эту послѣднюю почесть памяти друга. Тогда только Шиллеръ вполне умеръ для него; отказавшись отъ этого предпріятія, онъ снова погрузился въ глубокую дѣятельность.

Между домашними событіями жизни Гёте укажемъ на бракъ его, въ 1806 г., съ госпожею Вульпиусъ, съ которою онъ давно уже жилъ въ тѣсной связи, и на смерть его матери въ 1807 г.

Послѣ изданія «*Германа и Доротеи*», въ литературной дѣятельности Гёте встрѣчается большой промежутокъ, подобный отдѣляющему первый періодъ отъ втораго. Но этотъ промежутокъ, замѣтный въ его жизни какою то пустотою, былъ-бы дѣятельностию для всякаго другаго, потому-что въ это время, кромѣ множества лирическихъ стихотвореній, онъ перевелъ *Иллемлишка Рамо* (*Le peveu de Rameau*) Дидро и *Записки Бенвенуто Челлини*, назначенныя для *Оръ* (*) Шиллера, *Магомета* и *Таукреда* Вольтера; въ это же время онъ перелѣлалъ первую часть Фауста, написалъ *Прописи*, (*Die Propyläen*), превосходное сочиненіе объ изящныхъ искусствахъ, и дѣятельно занимался науками. —

Третій періодъ литературной жизни Гёте начался романомъ *Die Wahlverwandtschaften* (избирательное сродство), изданнымъ въ 1810 году.

Весною 1807 г., Гёте отправился въ Карлсбадъ на воды, которыхъ благотворное дѣйствіе уже испыталъ и которыя опять помогли ему. Тамъ онъ написалъ нѣсколько повѣстей, и, чтобы соединить ихъ въ одной рамѣ, онъ вызвалъ снова одного изъ любимыхъ героевъ своихъ, «*Вильгельма Мейстера*», который, окончивъ годы ученья, въ путешествіяхъ начиналъ

(*) *Die Horen* (Оры, богини часовъ), альманахъ, издававшійся Шиллеромъ. —

новый ряд испытаній. Такъ образовалась мысль книги: *Wilhelm Meisters Wanderjahre* (*Годы странствія Вильгельма Мейстера*), которой начало было издано въ 1821 г. Сюжетъ *Избирательнаго сродства*, обработанный въ небольшомъ размѣрѣ, составилъ бы интереснѣйшій эпизодъ романа, который весь состоитъ изъ эпизодовъ; но воображеніе автора развило этотъ сюжетъ и изъ небольшой повѣсти образовало цѣлый романъ. Что изъ внутренней жизни поэта выражено въ немъ, мы незнаемъ; Гёте, котораго исповѣдь съ 26 года ограничивается краткими замѣтками, говоритъ въ своихъ *Tag-und-Jahresfeste*, что это произведеніе имѣло глубокіе корни въ его сердцѣ и что нельзя невидѣть въ немъ глубокой язвы больной души, не желающей исцѣленія. — Это прекраснѣйшее произведеніе старости Гёте многократно подвергалось лицемѣрнымъ нападкамъ Тартюфовъ нашего времени, а иногда и осужденію людей добросовѣстныхъ. Негодованіе первыхъ понятно и не нуждается въ объясненіяхъ; другіе же полагали, и, можетъ быть, не безъ основанія, что истины, самыя неоспоримыя, если онѣ опасны для нравственности, для священнаго учрежденія семейства, не должны быть выводимы. Какъ бы то ни было, Гёте, завятыый въ это время новѣйшими открытіями химіи, хотѣлъ показать въ немъ таинственную аналогію между химическимъ сродствомъ и симпатическими привязанностями. Одила есть типъ борьбы долга противъ страсти; она погибаетъ, не падая. Пусть разобьется сердце, лишь бы нравственная свобода осталась неприкосновенною; таково высокое нравоученіе, истекающее изъ этого отраднаго произведенія, уже оцѣненнаго въ наше время по достоинству. Искусное развитіе характеровъ, интересъ положеній, мастерство, съ какимъ авторъ, говоря его словами, *замѣчаетъ общее въ частномъ*, все доказываетъ, что Гёте и въ 60 лѣтъ не утратилъ всей силы своего генія.

Въ 1819 г. появилось въ свѣтъ собраніе его стихотвореній, подъ названіемъ *West-östlicher Divan* (*Западно-восточный Диванъ*). Вотъ происхожденіе этого Дивана. Гёте сдѣлалъ привычку, въ критическіе переломы политической жизни, уноситься мыслію въ какую нибудь отдаленную страну. Такъ, въ послѣдніе годы Имперіи, когда Германія страдала подъ французскимъ владычествомъ, онъ мысленно перенесся въ Китай. Въ то же время онъ съ жадностью прочелъ стихотворенія Гафиза, переведенныя Гаммеромъ. Увлеченный ими, Гёте, въ минуту, когда *Сверзь, Западъ и Югъ потрясаются, троны падаютъ, царства трепещутъ*, стремится на мирный Востокъ, подышать воздухомъ

Патріарховъ и между любовію, вѣномъ и пѣснью, помолодѣть у источника вѣчной жизни (*).

Гёте приготовился къ этому сочиненію продолжительнымъ и добросовѣстнымъ изученіемъ Востока; по этому—то восточныя стихотворенія его оживлены мѣстнымъ колоритомъ и столь же вѣрны своему характеру, какъ античныя произведенія его вѣрны вѣчно-ювому духу Греціи. Въ 1815 г. онъ посѣтилъ Баденъ и родную землю; движеніе, видъ мѣсть, полныхъ воспоминаній дѣтства, всеобщее чувство участія, встрѣтившее его, все дѣйствовало возбуждительно на силы шестидесятилѣтняго поэта и произвело большую часть мелкихъ пьесъ, разсыпанныхъ въ Диванѣ. Чувство счастья и спокойствія, осѣнявшее его душу въ это путешествіе, отражается въ этомъ сборникѣ, полномъ житейской мудрости старца и тихаго свѣта закатывающагося солнца. Черезъ два года послѣ изданія Дивана, вышло въ свѣтъ продолженіе (вторая часть) «Вильгельма Мейстера», начатое еще въ 1807 году. Романъ *Годы странствія* гораздо неправильнѣе и прихотливѣе *Годовъ ученія*; повѣсти, вставленныя въ него, хотя искусно слиты съ главнымъ содержаніемъ, но все-таки развлекаютъ вниманіе и ослабляютъ интересъ цѣлаго. Въ первой части изображены испытанія молодаго человѣка, испытанія личныя; во второй испытанія отца въ сынѣ. Не представляютъ ли эти двѣ части—двѣ половины жизни человѣческой? . . . . .

Романы: *Избирательное сродство* и *Годы странствія* совершенно различны по своему существу; первый—цѣль, правиленъ, ограниченъ; второй—почти безъ единства, безъ плана, безъ предѣловъ. Но они имѣютъ нѣкоторыя общія стороны и прекрасно характеризуютъ третій и послѣдній литературный періодъ Гёте. Наука господствуетъ въ этихъ двухъ произведеніяхъ, какъ и въ жизни его; одно—заимствуетъ и названіе и основную идею изъ химіи; другое наполнено минералогическими подробностями и изысканіями. Но все-таки главнымъ, великимъ предметомъ нашего вниманія остается самъ человѣкъ и моральная

(*) Nord und West und Süd zerpfliettern,
Throne bersten, Reiche zittern;
Flüchte du, am reinen Osten
Patriarchenluft zu kosten,
Unter Lieben, Trinken, Stegen,
Soll dich Chifers Quell verjüngen.

природа его, въ которой все оканчивается, все заключается. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, Гёте говоритъ наставническимъ, догматическимъ тономъ, съ полнымъ сознаниемъ своего авторитета; и въ архивахъ тетки Макарин, какъ въ дневникѣ Одилин, его всезнаніе, всеиспытаніе выражаются въ дидактической формѣ сентенцій и афоризмовъ.

Въ то время, какъ созрѣвали эти два произведенія, Гёте собиралъ драгоценныя воспоминанія своей жизни и составлялъ біографическіе очерки, драгоценный матеріалъ для его біографовъ. Если правда, что «Вильгельмъ Мейстеръ» изображаетъ самого Гёте, въ чемъ трудно сомнѣваться, то можно сравнить его *Wahrheit und Dichtung aus meinem Leben* (*Правда и вымыселъ изъ моей жизни*) съ *Lehrjahre*, а описанія его путешествій съ — *Wanderjahre*. Изъ этихъ описаній особенно замѣчательны *Reise in Italien und Sicilien* (Путешествіе по Италіи и Сициліи) и *Ueber Kunstschätze am Rhein, Main und Neckar* (О художественныхъ кладахъ на Рейнѣ, на Майнѣ и Неккарѣ).

Старость Гёте была спокойна и счастлива, только два раза сердце его болезненно страдало отъ незамѣнимыхъ потерь: глубоко уважаемаго и любимаго покровителя, герцога Карла-Августа, и единственнаго сына. Но уваженіе всей Германіи и Европы, полная сила ума и трудъ не оставляли его до могилы. Онъ кончилъ вторую часть Фауста наканунѣ послѣдняго своего рожденія и, 22 марта 1832 года, почилъ, безъ боли и страданій, въ Веймарѣ, гдѣ протекли дѣятельнѣйшіе годы его жизни. Смерть, не рѣшавшаяся прекратить дни великаго чело-вѣка, явилась наконецъ по зову природы,

Предстала — и старецъ великій смѣжилъ
 Орлиныя очи въ покоѣ;
 Почилъ безмятежно, зане совершилъ
 Въ предѣлѣхъ земномъ все земное!
 Погасъ! но ничто не оставлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
 На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
 Что просить у сердца отвѣта:
 Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Г. Тютчевъ.

ЮМОРИСТИКА.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАРТАМЪ.

А. И. ПИСАРЁВА. (*)

Il n'est point dans le monde un état plus aimable
Que celui d'un joueur!

REGNARD. (LE JOUEUR.)

Нѣтъ на свѣтѣ ни одной вещи, которая бы въ свою очередь не была предметомъ похвалы. — Благодарность, лесть, необходимость — часто заставляли людей хвалить предметы, недостойные даже и брани. — Сильный, угнѣтающій слабого, покровитель дѣлающій добро изъ тщеславія, счастливый разбойникъ, славившійся завоевателемъ, строгая красавица, мѣлочной писатель въ кругу друзей своихъ, умъ и глупость, просвѣщеніе и невѣжество, добродѣтель и порокъ, порядокъ и неустройство всегда имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть поклонниковъ и панегиристовъ. — Однѣ только карты до сихъ поръ въ тишинѣ наслаждались заслуженнымъ уваженіемъ;

(*) Покойнаго водевиллиста и драматурга.

ни одинъ изъ безчисленнаго множества игроковъ не возвысилъ за нихъ своего голоса. Я хочу поправить эту несправедливость людей и судьбы; моя похвала не будетъ пристрастна: потому-что въ теченіи пятидесяти-двухъ-лѣтней жизни я проигралъ почти все свое имѣніе и никакія неудачи не могли поколебать моей привязанности къ картамъ. Въ похвальномъ словѣ моемъ будетъ не лесть, но истина; я покажу благотворное вліяніе картъ на всѣ возрасты, на всѣ состоянія, въ моральномъ, общественномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Не говоря объ изобрѣтеніи картъ, которое сумасшедшему возвратило разсудокъ; не входя подробно въ причины, заставляющія столько людей жертвовать имѣніемъ, здоровьемъ, временемъ, не рѣдко самою жизнью, картамъ, я замѣчу только мимоходомъ, что страсть къ игрѣ основана на желаніи сильныхъ потрясеній души и приступлю къ своему предмету.

Сколько разъ изобрѣтательные умы старались обратить въ пользу забавы младенчества, этого счастливѣйшаго, но глупѣйшаго возраста жизни! Всѣ эти изобрѣтенія игръ Географическихъ, Историческихъ, и пр. на время поддерживались стараніями книгопродавцевъ и потомъ исчезали вмѣстѣ съ своими изобрѣтателями. Одно занятіе, одна игра остается всегда при дѣтяхъ: во всѣхъ просвѣщенныхъ земляхъ они продолжаютъ съ равнымъ удовольствіемъ строить карточные домики; забава всегда новая, потому что ежеминутно надобно возобновлять эти непрочныя зданія. — Ребенокъ радуется ихъ возвышенію, хохочетъ при ихъ разрушеніи и нечувствительно получаетъ привычку строить воздушные замки. — Время летитъ; старшій младенецъ болѣе и болѣе предается своей страсти; онъ дѣлаетъ планы и надъ могилою... Они рѣдко исполняются, но за то онъ счастливъ, онъ прожилъ безъ пользы себѣ и другимъ, какъ *лѣнивый и безпечный мечтатель*.

Если, переставая быть ребенкомъ, человѣкъ все таки сохраняетъ страсть къ карточнымъ домикамъ, то по-крайней-мѣрѣ онъ уже созидаетъ ихъ въ своемъ воображеніи. — Въ картахъ же начинается для него другая эпоха, эпоха *игръ невинныхъ*, названныхъ такъ не для отличія отъ *виновныхъ* игръ, которыхъ... положимъ... вовсе нѣтъ, но для означенія невиннаго возраста, къ которому принадлежать. *Дураки, мельники, фобаны* и другія игры, выдуманныя праздною для забавы праздныхъ, приносятъ большую пользу молодымъ людямъ. — Какъ пріятно

украсить дурацкою шапкою голову соперника! — Какъ весело остаться дуракомъ, чтобы избавить ту, которую любишь! Или, имѣя всѣ средства оставить ее дурой, сдѣлать розыгрышь! Иногда, невинныя игры даютъ самому робкому вздыхателю и случай, и смѣлость открыться въ любви; иногда первая записочка передается во время сдачи картъ... О молодость, время золотое, но быстро пролетающее! Я помню твои наслажденія; я помню тотъ вечеръ, въ которой я игралъ съ нею въ дураки; моя шапка была наказаніемъ; съ какимъ наслажденіемъ я надѣвалъ ее на прелестную голову моей «она!» Какъ она сама красѣла отъ удовольствія! Какъ была хороша въ этомъ нарядѣ!... Я помню еще... какъ самъ остался въ дуракахъ... Но возвратимся къ нашему предмету.

Карты слѣдуютъ за человѣкомъ и въ томъ нечувствительномъ переходѣ отъ молодости къ зрѣлымъ лѣтамъ, которому нѣтъ названія. Съ расширеніемъ круга дѣйствій и карты приобрѣтаютъ полную свою дѣятельность. — До сихъ поръ и человѣкъ и онѣ жили однѣми мечтаніями; теперь деньги, этотъ вымыселъ, который лучше и полезнѣе всякой существенности, придаютъ имъ новое достоинство. — Игра появляется въ полномъ блескѣ. Разсмотримъ ее въ различныхъ измѣненіяхъ и постараемся показать многообразную ея пользу.

Смѣшеніе свѣта и тѣни, старинныхъ предразсудковъ съ новомодными обычаями, умныхъ людей съ глупцами, которое называютъ *большимъ свѣтомъ*, имѣетъ свои законы. Хозяинъ обязанъ стараться объ весельи гостей; гости объ удовольствіи хозяина. — Но чѣмъ развеселите вы человѣка, или лучше сказать *нѣчто*, состоящее изъ лорнета, галстука съ Гордиевымъ узломъ, бархатнаго жилета и моднаго фрака? *Нѣчто*, не имѣющее ничего ни въ сердцѣ, ни въ головѣ? Чѣмъ займетъ васъ хозяинъ, котораго разговоръ ограничивается сужденіями о погодѣ, о собакахъ, о скачкахъ, и о ихъ превосходствахъ. — Карты замѣняютъ привѣтливость хозяина и любезность гостей. — Глухость становится не такъ неслышна, умъ не такъ обиденъ; зеленое сукно уравниваетъ нравственную шароховатость общества и въ большомъ свѣтѣ веселѣе всѣхъ проводить время тотъ, кто приглашенъ *на пулю преферанса*, или на нѣсколько *роберовъ виста*.

Одна изъ самыхъ жестокихъ болѣзней общества, болѣе опасная здоровымъ, нежели больнымъ, злословіе, безъ сомнѣ-

ня отравила бы своею желчью все умное, все достойное, если бы карты не были противудіемъ. Вообще замѣчено, что до обѣда и за обѣдомъ дѣлаются почти всѣ сплетни; но по окончаніи стола, когда тузъ сядетъ противъ тройки и пятикопѣечные бойцы заговорятъ: *куплю! семь! въ красныхъ!* злословіе утихаетъ. Старушки предаются внонѣ игрѣ своей и, браня товарища, перестаютъ бранить ближняго. — Отъ того послѣ обѣда безъ страха можно быть умнымъ; для того большая часть гостей уѣзжаетъ послѣ обѣда *отъ нечего дѣлать*.

Одна пожилая дѣвушка, которая съ любезностію женщины соединяла умъ муцины, часто говорила мнѣ во время моей молодости: «Женихи, сажайте невѣсть за карты, чтобы лучше узнать ихъ характеръ.» — Частые опыты увѣрили меня въ истинѣ этихъ словъ. Карты можно точно назвать моральнымъ термометромъ. Никакое притворство не устоитъ противъ продолжительнаго выигрыша или проигрыша. — Радость въ первомъ случаѣ, гнѣвъ во второмъ, равнодушіе въ обоихъ, обнаруживаютъ корыстолюбіе и вспыльчивость, пылкость и холодность. Похвальная привычка женщинъ скрывать лѣта свои, также исчезаетъ въ картахъ. Если вы постоянно видите женщину за ломбернымъ столомъ, то говорите смѣло, что ей за тридцать лѣтъ. Если она чаще начинаетъ заниматься гранпасьясомъ, то вѣрно перешагнула за сорокъ.

Различныя игры показываютъ народный характеръ вѣрнѣе самой исторіи. — Умный, расчетливый, хладнокровный англичанинъ изобрѣлъ *вистъ* и *бостонъ*, которые отражаютъ какъ въ зеркалѣ коммерческой духъ его. Вѣтренный, живой французъ смѣло отбрасываетъ карты въ *пикетъ* и *екартэ*; и прикупаетъ ихъ въ *преферансъ*, онъ ожидаетъ всего отъ случая, все приноситъ въ жертву минутному капризу. Постоянные нѣмцы сидятъ по цѣлымъ часамъ за *гальбъ-цельфомъ* и рѣдко, очень рѣдко *фигура* заставляетъ ихъ усилить игру. Наконецъ смѣлая, неустрашимая *горка* должна была родиться въ Россіи; русской ни-съ-чѣмъ устрашаетъ своего противника, или дорого продаетъ побѣду, или однимъ своимъ мужествомъ побѣждаетъ самую сильную игру. Этого мало. Игра еще показываетъ происхожденіе челоѣка и не рѣдко изобличаетъ ложныя родословныя. — Благодаря просвѣщенію, всѣ сословія такъ перемѣшались, что часто видишь въ каретѣ челоѣка, рожденнаго на запяткахъ, и обритой купецъ идетъ по

дорогѣ дворянина. Но предложите первому поиграть въ свои козыри, второму въ три листика и вы тотчасъ узнаете истину.

— Какъ часто люди жалуются на время! Различны ихъ жалобы: мудрецъ жамаль бы удвоить его, чтобы умножить свои познанія; человекъ свѣтскій не знаетъ, куда его истратить. — Кто поможетъ ему въ этомъ, кромѣ картъ? — Куда денется старый холостякъ, не занятый семействомъ по случаю, службою по неспособности и лѣни, танцами по лѣтамъ, злословіемъ по глупости, ибо умъ необходимъ и въ сметняхъ? Что будетъ дѣлать такой человекъ въ длинные зимніе вечера? — По милости картъ оиъ перестаетъ быть въ тягость себѣ и другимъ. За зеленымъ сукномъ онъ примѣтно убиваетъ время, которое непримѣтно убиваетъ его; и философъ-наблюдатель, смотря на это, невольно восклицаетъ: *кто кого убьетъ!*

Если игра избавляетъ холостаго человека отъ скучной бесѣды съ самимъ собою, то она же не рѣдко служитъ убѣжищемъ отъ домашняго тирана, котораго согласились называть *женою*. — Примѣръ докажетъ это. — Въ одномъ мѣстѣ, исключительно посвященномъ игрѣ, два пріятеля играли всякой вечеръ въ пикетъ, часто просиживали за полночь и платили положенный штрафъ. Подлѣ нихъ всегда садился какой то незнакомецъ, смотрѣлъ молча на игру и охотно платилъ штрафъ вмѣстѣ съ ними. — Однажды игроки заспорили; молчаливый ихъ товарищъ былъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. — Кого же лучше избрать судьей, какъ не того, кто слѣдовалъ за игрой ихъ нѣсколько мѣсяцевъ? — «Разсудите нашъ споръ!» сказали ему игроки. — Извините меня, я понятія не имѣю объ пикетѣ. — Такой отвѣтъ возбудилъ любопытство спорящихъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ: для чего же, не зная игры, вы просиживаете вечера подлѣ насъ и напрасно платите штрафъ? — «Для того, чтобы не быть дома.» — Но что заставляетъ васъ бѣгать изъ дому? — Тутъ незнакомецъ вздохнулъ, слезы навернулись на глазахъ его и языкъ едва могъ выговорить невнятные слова: *«Я женитъ!»*

Часто однакожь нельзя удалиться отъ непріятнаго предмета, потому что съ нимъ неразлученъ другой, любезный сердцу. Я испыталъ это въ моей молодости, бывъ влюбленъ въ дѣвушку, которой тетка мнѣ вѣчно мѣшала. Что дѣлать? Разговаривать при Аргусѣ—опасно; не разговаривать—тяжело. — Однажды тетка просидѣла цѣлый вечеръ за *ломберомъ*

и не примѣчала за нами. — Тутъ-то я почувствовалъ всю цѣну картамъ; съ тѣхъ поръ я всякой вечеръ набиралъ партію игроковъ для тетки и тѣмъ избавлялся отъ тягостнаго ея надзора.

Всѣ наши привязанности подвергають насъ горестнымъ потерямъ. Кто не испыталъ прелестей дружбы и не плакалъ о друзьяхъ? — Кто въ объятіяхъ красоты не страшился ея невѣрности? Сколько отцовъ вздыхали о потерѣ дѣтей? — Сколько матерей семейства оплакивали преждевременную смерть любимой собачки, или попугая! Одна только привязанность къ игрѣ не подвергаетъ никакимъ лишениямъ. — Мы скажемъ о проигрышѣ; но въ этомъ случаѣ человекъ выигрываетъ нравственно, что теряетъ физически; проигрышъ заставляетъ его углубиться въ самого себя; я знавалъ многихъ людей, которые никогда бы не сознались и не раскаялись въ своихъ слабостяхъ, но я видалъ этихъ закоренѣлыхъ грѣшниковъ послѣ жестокаго проигрыша: они чуть не плакали о своихъ проступкахъ и клялись исправиться.

Если принять воспитаніе за основу благосостоянія семейственнаго и гражданскаго, а дѣтей, избалованныхъ излишнею нѣжностію родительскою за язву общества; то очевидно, что карты и въ этомъ случаѣ служатъ лекарствомъ. — Отцы и матери, занимаясь безпрестанно игрою, перестаютъ заниматься дѣтьми; сидя за картами имъ нѣкогда уже баловать своихъ малютокъ, которыя возрастають свободно, какъ чада природы. — Воспитаніе чрезъ это выигрываетъ; и послѣ, разговаривая съ родителями, которыхъ рѣдко видѣли, дѣти не такъ жалуютъ объ нихъ.

Игра неоспоримо сильно дѣйствуетъ на промышленность и просвѣщеніе. — Деньги, обращаясь скорѣе, переходя быстро изъ кармана въ карманъ, разливаются по всѣмъ жиламъ государства. Всякой выигрышъ влечетъ за собою лишніе расходы, угощенія, покупки — и торговля выигрываетъ вмѣстѣ съ игрокомъ.

Иногда неприступный баринъ задерживаетъ рѣшеніе вашей тяжбы. Просьбы не достигаютъ чрезъ большія уши до тѣлесной, плотной души его; подарки давно готовы, но вы не смѣете и съ задняго крыльца предложить ихъ человѣку, у котораго безпрестанно въ устахъ: честность и устрицы, портеръ и

безкорыстіе. — Вы отчаяваетесь, соперникъ выигрываетъ время.... Найдите случай поиграть въ карты съ господиномъ судьбы вашей; сдайте ему *на девять въ красныхъ*; проиграйте побольше денегъ и смѣло просите о своемъ дѣлѣ.

Но всѣ пользы, приносимыя игрою въ карты, исчезаютъ предъ самою важнѣйшею. — Сколько есть на свѣтѣ людей, которые ничего не получили въ наслѣдство, кромѣ небольшого ума, крошечной души и вовсе непримѣтной совѣсти! — Не смотря на это, они хотятъ жить наравнѣ со всѣми и держать большой расходъ, не получая никакого дохода. — Не будь картъ, они сдѣлались бы въ тягость обществу, стали бы, можетъ быть, воровать и разбойничать и подверглись бы позорнымъ наказаніямъ, — Но посвятивъ себя игрѣ, съ помощію проворныхъ пальцевъ своихъ, они живутъ спокойно и весело, находятъ глупцовъ, которыхъ обыгрываютъ и послѣ осмѣиваютъ, и поправляютъ ошибку судьбы, которая весьма не рѣдко отдаетъ одному дураку достояніе многихъ умныхъ. Ни одинъ мудрецъ не управляетъ случаемъ, но болѣе или менѣе отъ него зависитъ; *шрокъ*, напротивъ того, не знаетъ случая, не подверженъ капризамъ прихотливой фортуны, но самъ для себя создаетъ и счастье и несчастье. *Шрокъ* разрѣшаетъ задачу, которая остается нерѣшенной для философовъ, несмотря на всѣ ихъ усилія.

Кромѣ игры, карты доставляютъ еще другія удовольствія и новую пользу *пасьянсомъ* и *гаданіемъ*. — Все проходитъ съ лѣтами; сильныя потрясенія игры отяготили бы чувства старика, ослабленныя временемъ; пасьянсъ и гаданіе доставляютъ ему забаву пріятную и не вредную. — Хотя старость во многомъ сходна съ ребячествомъ, но старикъ не можетъ уже строить карточныхъ домиковъ; за то онъ раскладываетъ *комету*. Въ ребячествѣ онъ созидалъ настоящіе воздушные замки; состарѣвшись, онъ ищетъ въ картахъ исполненія несбыточныхъ плановъ для будущаго и, наконецъ, умираетъ, увѣренный гран-пасьянсомъ, что проживетъ еще долго.

А гаданіе! Къ вамъ обращаюсь я, красавицы, оживляющія жизнь нашу! Сколько разъ сердца ваши трепетали пріятнымъ біеніемъ, когда *четыре туза* предвѣщали исполненіе тайныхъ желаній, когда *шестерка*, предзнаменованіе дороги, ружчалась за пріѣздъ милаго! — «Онъ розно со мною, но думаетъ обо мнѣ,» — говорили вы, раскладывая вѣщія карты и разлука

терпела свою горечь и живой румянец предвѣщалъ сладкое свиданіе, какъ заря утренняя предвѣщаетъ солнце. Если мой голосъ безсиленъ почтить карты должною похвалою, то вы вступитесь за меня и отложите справедливость хотя моему доброму намѣренію.

ПРЕФЕРАНСУ.

I.

Игра, игра! пріятіе
 Что въ мірѣ этихъ словъ?
 Милѣй и благодатиѣ
 Для жадныхъ игроковъ?
 Заслудъ съ наслаженіемъ
 За столы въ четверомъ,
 Ихъ души полны — рвеніемъ,
 А мысли — серебромъ.
 Табачный дымъ туманами
 Гнѣздится къ потолку;
 Разносятъ чай стаканами;
 Крикъ слышенъ: «что-жь мелку?—
 Messieurs! безъ прекословія —
Семь за-семь — по мастямъ;
 Чтобы исполнѣ условія
 Извѣсны были намъ:
Мучъ — въ первой — приглашеніе,
 На восемь вистъ *форсе*.
 Начнемъ-те же сраженіе,
 Условилися всѣ?» —

И вотъ идетъ баталія!
 «Эхъ вамъ бы козырнуть;
 Потому-бы въ руку даѣе
 Трефовку мнѣ вернуть;
 Сходили-бъ поучительно
 Подъ козыря потомъ;
 Держали-бъ, что пользително,
 Вѣдь, можетъ быть, съ грѣхомъ
 Его-бъ мы обремизили...
 Да такъ, что просто-ухъ!
 Женили-бъ и унизили...
 Пляши себѣ безъ двухъ!
 Эхъ-эхъ! самонадѣянна
 Ужасно молодежь!
 Играетъ такъ разсѣянно,
 Что просто не въ терпежъ.
 Игра вѣдь есть занятіе,
 А не забава — да-съ,

Въ ней нѣтъ лицепріятія —
 Что скажете вы? — «Пашъ!» —
 Я такъ-же;.. вы? — «Червоная
 Игра, лозовичекъ,
 Для висія безбардонная?»
 Рѣшительно завлекъ —
 Пойду; авось двѣ сбѣлаю. —
 «Вашъ ходъ.» — «Есть эти?» — «Есть.» —

За преферансомъ цѣлую
 Я ночь готовъ провести.
 Его происхожденіе
 Отъ слова *préférer*,
 По руски-предпочтеніе,
 Дескать, другой игрѣ.

Однакожь до свиданія.
 Свѣтаетъ, Боже-мой!
 Теперь мое желаніе
 Уснуть часокъ, другой;
 А послѣ, по возможности,
 Проснувшись по утру,
 Отправиться и къ должности,
 Напившись чайку;
 Супругу въ губки алыя
 Разокъ поцѣловать,
 И въ должности не малую
 Толику пострадать.

II.

Игра, игра! пріятіе
 Что въ мірѣ этихъ словъ?
 Милѣй и благодатиѣ
 Для алчныхъ игроковъ?
 Изъ рода въ поколѣніе
 Идетъ она. Въ нашъ вѣкъ
 Нашелъ для изученія
 Въ ней много человекъ. —
 Играя, онъ старается
 Начальству угодить:

Проигрывать рѣшается,
 Чтобъ въ люди выходить.
 Въ игрѣ есть проявленіе
 И жизни и азартъ,
 Блаженство и мученіе
 Зависитъ все отъ картъ:
 Когда игра огромная
 Вдругъ сразу привалигъ,
 Лицо до-вельзи томное
 Она развеселитъ.
 У всѣхъ натура падкая
 До полныхъ кошелековъ;
 Утѣха просто сладкая
 Обчистить простачковъ!
 Играя наступательно
 Записывать мѣлкомъ.
 За то кому-жъ желательно
 Ремизиться; потомъ
 Давать на расхищеніе
 Ремизы игрокамъ,
 Такое бы мученіе,
 Сократъ не вынесъ самъ.
 Когда непостоянная
 Фортуна броситъ васъ,
 Неидетъ игра желанная,
 Твердя сквозь зубы: насъ!
 Судьбу вы проклинаете,
 Не вѣрите добру,
 Чувствъ сладкихъ не питаетъ
 Къ чужому серебру.
 И ваши всѣ способности
 Убиты на повалъ,

И пѣту вамъ возможности
 Сказать: «я отыгралъ
 Свой проигрышъ предательскій!»
 И вставъ изъ за-стола,
 Войти въ кружокъ пріятельскій:
 «Что?» — Карта не везла
 Одно мое умѣніе
 Отъ гибели спасло.
 А то-бъ мое почтеніе!
 Порядкомъ растрясло.

Въ нашъ вѣкъ все человѣчество,
 Трудится за игрою,
 Чиновникъ и купечество,
 Мужикъ, мастеровой, —
 Всѣ заняты мышленіемъ
 О златѣ и сребрѣ,
 Въ душѣ поползновеніе
 Всѣ чувствуютъ къ игрѣ.

Бостопъ и вистъ солидные
 Свой потеряли шансъ,
 Ужъ дамы милостивыя
 Играютъ въ преферансъ;
 И дѣти, даже малыя,
 Ужъютъ прикупать,
 Въ ученіи хотъ преваялыя,
 А мастера играть. —
 Что значить просвѣщеніе!
 Нашъ вѣкъ идетъ впередъ,
 Младое поколѣніе
 Надежды подаетъ!

АППОЛОНЪ ЧЕЧЕВИЦА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Шутка. Исторія, въ родѣ комедіи. Санктпетербургъ. Въ типографіи Эдуарда Праца. 1847.

Содержаніе этой «шутки» самое простое: русская маменька, г-жа Мордовская, сбѣлавъ изъ дочерей своихъ куколь, торопится пристроить ихъ къ мужу и тѣмъ поправить свое полупромотанное состояніе. Дочки, шутя надъ почтеннымъ старикомъ и своей компаньонкой, заставляютъ его на ней жениться; а сами теряютъ жениховъ. Исторія,—какія случаются часто. Скромный авторъ, скрывшій свое имя, но котораго легко узнать, если кто помнитъ его же сцены «Благородные люди» и «Награжденная добродѣтель», помѣщенные въ Пантеонѣ 1840 года, назвалъ эти сцены, полныя жизни и наблюдательности, *исторіей въ-родѣ комедіи*, а, по нашему мнѣнію, это настоящая комедія, по отчетливой отдѣлкѣ характеровъ, по игривому, непринужденному разговору, по естественности лицъ, выхваченныхъ изъ дѣйствительности. Читая «Шутку», вы коротко знакомитесь съ ними... что я говорю! вы давно уже знали ихъ, вы встрѣчались съ ними тамъ, здѣсь, въ оперѣ, на парадѣ, на гуляньяхъ, на всѣхъ балахъ средняго класса. Какъ вѣрна природѣ эта Мордовская, промотавшаяся барыня, которая ловитъ жениховъ для своихъ дочекъ, чтобы вырвать изъ подъ молотка свое заложенное и просроченное имѣніе, которая держитъ четверку лошадей и едва кормитъ ихъ, которая нанмаетъ дачу, принимаетъ поминутно гостей, пронасть должна въ англійскомъ магазинѣ, а заставляетъ форейтора носить рваные сапоги, а дочерей спать на дырлявыхъ подушкахъ. А развѣ вы не знаете этихъ дочекъ, Sophie и Julie?—Будто не помните? еще всегда такъ хорошо одѣты, такъ разборчивы въ выборѣ кавалеровъ, такъ мило болтаютъ по французски и такъ наивно думаютъ, что въ Александринскомъ театрѣ всѣ грызутъ орѣхи... Вѣрно знаете! А этотъ Кувастъ, не то, чтобы глупый, не то, чтобы умный, а такъ, безъ царя въ головѣ, какъ говоритъ

Гоголь о своемъ Хлестаковѣ? Вѣдь вы выдали его и на Невскомъ, и у Излера, и въ Циркѣ, и въ Павловскѣ; еще онъ закуривалъ свою сигару объ вашу на дачѣ Королева... помните? Развѣ не отъ Березкиной вы узнаете всѣ петербургскіе новости, всѣ слухи, вѣрные или ложные, распускаемые такъ быстро стоустою молвою по легковѣрному Петербургу? А Иванъ Ильичъ Захаровъ, робкій съ женщинами, но солидной и основательный чиновникъ! развѣ вы не выдали его у начальника отдѣленія? развѣ вы не играли съ нимъ въ вистъ-преферансъ? развѣ вы не были на свадьбѣ его съ Дашей, милой и доброй дѣвушкой? еще шаферомъ былъ племянникъ его, ну, Николай Петровичъ Поповъ, малый разсудительный, но нерѣшительный по безхарактерности. Теперь вспомнили, вспомнили всѣхъ старыхъ знакомыхъ, которые говорятъ, дѣйствуютъ передъ вами въ этой комедіи, какъ у себя дома.

Все это такъ естественно, такъ просто, такъ обыкновенно, такъ умно, и (къ счастью) такъ не остроумно! нѣтъ ни остроты, ни двусмысленностей, ни каламбуровъ! Если же вы охотники до *всего этого*, то передъ вами:

НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА Шутка — водевилъ въ одномъ дѣйствіи;—и
ОТЕЛЛО на ПЕСКАХЪ или ПЕТЕРБУРГСКИЙ АРАБЪ. Водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Каратыгина. Музыка изъ оперы Отелло — Россини; Санктпетербургъ 1847.

Странное дѣло! два водевила въ одномъ форматѣ, напечатанные въ одной типографіи, однимъ шрифтомъ, на одинакой бумагѣ, тотчасъ видно, что они одного автора... Отчего же на одномъ, худшемъ, имя сочинителя выставлено, а на другомъ нѣтъ? Мы могли только догадываться, что они оба изъ одного источника,—но фельетонъ Сѣверной Пчелы объявилъ положительно, что вся публика Александринскаго театра (хорошо знающая своихъ сочинителей) приписала «Натуральную Школу» господину П. Каратыгину. Да кромѣ того, остроты и каламбуры обоихъ водевилей такъ сходны, что видимо вылились изъ подъ одного пера, того самаго, изъ подъ котораго они уже выливались столько разъ. Сличимъ для пробы.

Отъловъ. Ну (,) а перчатки тоже бѣлыя?

Поджогинъ. Ну, извѣстное дѣло, надобно, чтобъ женихъ былъ *чистъ на руку.* (Отелло на Пескахъ, стр. 27.)

Медведевъ. Будетъ вамъ *развязка*, какъ городничій везитъ насъ *перевязать.*

Виллевъ. И прекрасно, (!) а до-тѣхъ — поръ будьте *поразвязные.*

(Натур. Школа, стр. 29.)

Поджогинъ. Да, какъ подумаешь, сколько *зла — то отъ злата!* Кто те-

бѣ слишкомъ *жметъ* руку, отъ того и ожидай *прижимки*. Дѣйствуй, мой ядъ... вотъ какъ онъ *расходился*, вотъ какъ мы его *утодили*.

(Отелло, стр. 36.)

Медеведъ. Помилуйте, заставляютъ меня плясать какую-то польку!.. Не хочу я больше плясать по вашей дудкѣ!

(Натур. Школа, стр. 53.)

Отъловъ. О, моего бѣшенства не залить пѣлой Невой.

Поджогинъ. Не-вой! Полно дружще.. я тебя пушемъ поподчую.

Отъловъ. Я не пью ничего горячаго.

Поджогинъ. Ну (.) я велю сдѣлать *холоднаго* (т. е. холодный.)

Отъловъ. А что говорить этотъ платокъ? Развѣ онъ не мой? развѣ онъ *пѣмой*?
(Отелло, стр. 57.)

Сходство поразительное!

Почему же г. Каратыгинъ не выставилъ своего имени на «Натуральной школѣ»? Если онъ боялся оскорбить кого ии-будь своимъ водевилемъ, то совершенно напрасно: этотъ водевилъ такая невинная и дѣтская шутка, что на него смѣшно и глупо было-бы сердиться. Мы даже не распространились-бы объ немъ, если-бы одна газета не назвала его выраженіемъ общественнаго мнѣнія объ Натуральной школѣ. Вотъ чего мы никогда бы не подумали; тѣмъ болѣе, что этотъ водевилъ не только общественнаго мнѣнія, но даже ровно ничего не выражаетъ. Авторъ «Натуральной школы» не могъ даже написать сатиры на такъ называемую Натуральную школу, потому-что онъ не понимаетъ, какъ видно изъ его водевиля, ни дѣли, ни направленія литературной партіи, окрещенной кѣмъ-то въ *натуральную*. Люди, составляющіе ее, почитаютъ необходимымъ условіемъ всякаго литературнаго произведенія вѣрность природѣ—въ созданіи, и простоту—въ изложеніи, и не гонятся за реторикою; въ водевилѣ же подъ именемъ *Натуральной школы* разумѣютъ нигдѣ и никогда не существовавшую партію, отрицающую необходимость ученія и отыскивающую въ низкомъ дивно-высокомъ, въ грязи—золото. Явно, что водевилисть ошибается! Въ знаменитомъ куплетѣ своемъ, онъ говоритъ отъ лица Натуральной школы:

Новую школу ума (?) и словесности
Мы на Руси завели;
Въ этой-то школѣ, дойти до извѣстности
Многихъ ужъ мы помогли.
Тутъ не ученость нужна, а призваніе,
Сила и воля души;
Если призналъ кто въ себѣ дарованіе,
Просто садись и пиши.
Въ плоскостяхъ нашихъ значенье глубокое:
Жизнь, какъ размотришь вблизи,

Библиографія.

Въ низкомъ отыщется дивно-высокое,
Золото видно въ грязи.
Надо раскапывать тайны семейныя,
Чашу гдѣ горькую пьютъ;
Сколько трактиры, харчевни, питейные
Ищи поэту далутъ;
Тамъ то отыщешь Руси молодечество,
Тамъ-то всѣ думаютъ вслухъ,
Тамъ первообразъ всего человѣчества,
Тамъ-то народный нашъ духъ.
*Мы, мы природы прямыя поборники,
Геніи заднихъ дворовъ!*
*Наши герои: бродяги да дворники,
Чернь Петербургскихъ угловъ!*

Это еще яснѣе доказываетъ, какъ мало знакомъ водевилъ съ русскою литературою вообще, и съ натуральною школою въ особенности; первымъ поборникомъ природы на Руси былъ писатель замѣчательный, человѣкъ достойный общаго уваженія, не принадлежавшій ни къ какой партіи, А. П. Башуцкій. Извѣстному роману своему: *Мъщанинъ*, онъ даже далъ другое названіе: *Очерки изъ портфеля ученика натурального класса*. Поэтому г. водевисту слѣдовало бы быть поосторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ и подумать, что между поборниками природы есть люди достойные, къ которымъ нейдетъ его черезъ-чуръ остроумной эпитетъ *геніевъ заднихъ двора*. Онъ могъ бы также припомнить, что даже самъ почтенный О. В. Булгаринъ писалъ очерки *русскаго трактира, салонницу, извожика*, а онъ его вѣроятно не причисляетъ къ своей категоріи. Наконецъ, самые герои водевилей г. Каратыгина взяты тоже не изъ аристократическаго круга. Кого воснѣваетъ г. Каратыгинъ, не принадлежащій къ натуральной школѣ, въ своихъ водевиляхъ?—Истопниковъ, лакеевъ, араповъ, конфетчиковъ, булочниковъ, писарей, которые, впрочемъ, не слишкомъ поразительно вѣрны природѣ. Что-же касается до остроумно высказаннаго упрека въ простонародности, то онъ относится не къ одной натуральной школѣ, а почти ко всѣмъ замѣчательнымъ людямъ нашего времени, обратившимъ вниманіе на простой народъ, такъ аристократически названный г. водевистомъ чернью. Жоржъ Зандъ, Евгеній Сю и Бальзакъ во Франціи, Диккенсъ въ Англіи, Гоголь, Вельтманъ, Даль, Башуцкій и многіе другіе въ Россіи не пренебрегаютъ чернью и не стылятся почерпать изъ этого грязнаго источника. И можно ли упрекать ихъ за это? Развѣ человѣкъ не вездѣ человѣкъ? Можетъ быть, г. водевилецъ,

воспитанный вфройтно въ старинныхъ правахъ французской аристократіи, почитаетъ мужика не разумнымъ существомъ, а вещью? Но такой образъ мыслей не найдетъ отголоска въ наше время. За что ему такъ не нравятся *бродяги да дворники*, эта—часто жалкая—*чернь петербургскихъ уловъ*? Но вспомните *Дворника*, — *Даля*, *Водовоза* — *Башуцкаго*! Вспомните эти прекрасныя произведенія и, ради Бога, не повторяйте въ другой разъ подобныхъ шутокъ, потому что и шутка тогда только забавна, когда она истинна и не касается предметовъ, въ основаніи своемъ почтенныхъ и слишкомъ обширныхъ для того, чтобъ ихъ разсматривать сквозь микроскопическое водевильное остроуміе.

Еслибъ не эти претензіи на сатиру, «Натуральная школа» была-бы прехорошенькимъ водевилемъ; въ немъ есть даже содержаніе, завязка и развязка, которыя довольно ловко перенесены на русскую почву, и ни въ чемъ не уступятъ своему французскому образцу: — «*On cherche des professeurs*,»—играно му за три или за четыре года въ Парижѣ.

Вотъ что значитъ не знать русской литературы и быть коротко знакомымъ съ французскою-водевильною!

Отелло на пескахъ, водевиль г. П. Каратыгина, — ни больше ни меньше, какъ пародія на трагедію *Шекспира* и на оперу *Россини*. Excusez du peu!

Странно какъ-то встрѣтись теперь съ пародіей, въ особенности на произведеніе гениальное, съ которымъ тѣсно связаны имена двухъ великихъ людей. Грустно подумать, что въ наше время, когда искусство сдѣлалось чѣмъ-то священнымъ, когда люди образованные посвящаютъ годы изученію великихъ созданій, когда понятія объ изящномъ распространяются во всѣхъ классахъ общества, грустно подумать, что въ наше время человекъ даровитый, каковъ безъ сомнѣнія г. П. Каратыгинъ, могъ написать пародію, и еще на *Отелло*! Насъ не удивило, не огорчило бы, еслибъ какой нибудь Сиговъ или Кузмичевъ издалъ что нибудь подобное; но стыдно г. П. Каратыгину посвящать свои досуги такому занятію! Стыдно ему употреблять во зло свое дарованіе и остроуміе!.. И что тутъ замысловатаго? что *Отелло* названъ *Отъловымъ*, *Брабанціо* — *Брабанцыной*, *Кассіо* — *Квасинымъ*, *Дездемона* — *Матреной*? Жалкій юморъ.

И чтожъ? Едва проложилъ онъ новый путь въ *вертоградъ нашей словесности*, какъ явились подражатели, тучею слѣдую-

щѣ за нимъ, какъ мореходцы за Колумбомъ. Вотъ что значить открыть Америку! —

Мы не шутимъ! На дняхъ мы получили подражаніе пародіи г. П. Каратыгина и кстати помѣщаемъ его здѣсь, какъ замѣчательное произведеніе неизвѣстнаго автора, но готовящагося, по остроумію, въ соперники первому водевилисту Александринскаго театра.

ЛУЧІЯ ВЪ ГАВАНИ.

или

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НЕВЕСТА.

Водевильныя сцены изъ водевильныхъ нравовъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛУКЕРЬЯ, невѣста въ Галерной гавани.

АНТОНЪ, братъ ея, дровяникъ.

ЕГОРЪ РАВЕНТУХОВЪ, торговецъ холстомъ, влюбленный въ Лукерью.

АВДУЛЬ АВДУЛОВИЧЪ АВДУЛОВЪ, богатый купецъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Театръ представляетъ Смоленское кладбище.

ЕГОРЪ и ЛУКЕРЬЯ.

ЕГОРЪ. То-то же, лапушка, не надуй меня. Я все боюсь, что я въ Ростовъ на ярманку, а ты въ церковь на свадьбку—съ этимъ океаннымъ Авдуловымъ. Ужъ этотъ мнѣ *Авдуль!* — Туда-же сватается! *А вдуль* въ него страсть самъ дьяволъ. *Обдуль* бы его въ три листика — такъ не сталъ-бы соваться съ своими деньгами.

ЛУКЕРЬЯ. Что ты, Егорушка! Чтобъ я вышла за этого стараго сыча? Не приведи Богъ! . . . Да и ты хорошо выдумаль, нечего сказать, во-время ѣдешь отсюда.

ЕГОРЪ. Чего выдумаль?... Ярмонки вѣдь для меня *не отложатъ*; а останься здѣсь, такъ и *положишь* зубы на полку. Робята съ товаромъ наѣдутъ, да у меня всѣхъ покупателей и *отобьютъ*... Тогда не *собьюсь* и тебѣ гостинца поднести въ Лукерьиный день.

ЛУКЕРЬЯ. Ну, ладно; съ тобой не стоворишь! Поѣзжай, коли подмываетъ!

ЕГОРЪ. Какое подмываетъ!... Я сижусь, какъ ракъ на мели,

безъ денегъ. Вездѣ берутъ въ долгъ, а этого дома надо ждать долго... Вотъ, кабы ты мнѣ денежокъ дала, такъ сказала бы спасибо!

ЛУКЕРЬЯ. То-то ты такъ на пѣжностяхъ *разътхался!* Вишь съ чѣмъ *подбѣзжаетъ!*

ЕГОРЬ. Да вѣдь не пропадутъ твои деньги... всѣ отдамъ до копѣчки... чего жалѣешь?... Вѣдь тебѣ осталось послѣ отца съ десятокъ *тысченокъ*...

ЛУКЕРЬЯ. Ахъ, ты *щенокъ*, пролазь этакой! Не бось, все пронохалъ! Ну, такъ и быть, дамъ тебѣ сотъ пять, шесть...

ЕГОРЬ. (*цѣлуя ее*). Спасибо, спасибо, родная, красавица моя!... Ты ужь приши мнѣ ихъ въ Ростовъ съ братомъ Степаномъ; онъ на той недѣли поѣдетъ. — А мнѣ пора и на возъ.

ЛУКЕРЬЯ. (*передразнивая его*). На возъ!... Не бось, какъ денегъ выпросилъ, такъ и на возъ пора, *навозъ* ты этакой!

ЕГОРЬ. Что-жъ дѣлать, коли пора.

ЛУКЕРЬЯ. Эхъ, такъ и не расталась бы съ тобой!

(*ah verranno là sull'aure.*)

ЛУКЕРЬЯ.

Когда съ тобою я прошусь,

Мой молодецъ смышленной,

За возомъ галкой понесусь,

Сорокой пль вороной.

А коль случится что со мной,

(Вѣдь долголь до кончины?)

Такъ помяни меня кутьей

И справь сороковины.

Вернись скорѣе, жизнь моя!

Мнѣ жизнь постыла безъ тебя!

ЕГОРЬ.

Когда въ Ростовъ поѣду я,

Куда мнѣ тошно будетъ!

Все буду думать, безъ меня

Вода у васъ прибuletъ.

Когда-жъ случится что съ тобой,

Не вынесу улару,

И выпью вдругъ за упокой—

Два штофа полугару!

Меня на съѣзжую возмутъ,

И тамъ ужь спуску не дадутъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната въ домъ Антоиа.

АНТОНЪ и ЛУКЕРЬЯ.

АНТОНЪ. Полно, Лукерьюшка, ломаться... Чѣмъ не женихъ тебѣ Авдуловъ? И домъ свой, и капиталецъ порядочный, и купецъ вѣдь—не ктонибудь!... Соглашайся-ко, такъ мы сегодня же и по рукамъ ударимъ...

ЛУКЕРЬЯ. А онъ и заберетъ меня въ руки... и сиди съ его четьрьмя пострѣлами отъ первой жены на рукахъ.

АНТОНЪ. Эхъ, не заставь на тебя руку наложить... Ты все толкуешь свое, и ничего не возьмешь въ толкъ... что за безтолочь!

ЛУКЕРЬЯ. Говорятъ тебѣ въ сотый разъ, не пойду я за твоего продувнаго Авдулова... не надувать же мнѣ Егора.. Я ему ужъ и слово дала.

АНТОНЪ. Да знаешь ли ты, что Егоръ твой въ Ростовѣ надѣлалъ? — Откуда-то ему деньги попали, такъ онъ и забражничалъ; просто спился съ кругу, да хуже—въ картишки пустился.

ЛУКЕРЬЯ. Врешь, Антонъ, не обманешь!

АНТОНЪ. На, читай письмо Степана, коли не вѣришь! Кутить себѣ въ три листа, въ носки, въ фюфаны... полюбилась шорка...

ЛУКЕРЬЯ. И шорки! Да гдѣ онъ ей выучился? (*читаетъ письмо*),

ДУЭТЬ.

(Se tradiami tu potrai.)

ЛУКЕРЬЯ.

Каковъ же жиленокъ!
Подѣхалъ, бѣспокъ,
А взялъ какъ денжочокъ
Въ Ростовъ уватилъ.

А тамъ раскутился,
И съ кругу, слышь, спился,
Въ картишки пустился
И деньги спустилъ.

АНТОНЪ.

Теперь ужъ безъ спору
Откажешь ты вору?
Ахъ, еслибъ въ ту пору
Послушать меня...

Все было бы цѣло,
И наше бы дѣло.
Теперь ужъ кипѣло!...
Не правъ ли былъ я?

Теперь и сама кашься, да поздно! Выходи за Авдулова, а то мнѣ просто бѣда.

ЛУКЕРЬЯ. Какъ такъ?

АНТОНЪ. Да также... Лѣто-сь онъ предложилъ мнѣ поставятъ на его домъ березовыя дрова по десяти съ полтиной. Я согласился.

Вотъ мы дѣло порѣшили
И контрактъ заключили;
Неустойку положили
Въ немъ за каждую вину.

А дрова вдругъ взлорезали.
По четырнадцати сали;
Онъ же требуетъ, чтобъ дали
Ему дровъ или жену

ЛУКЕРЬЯ.

Ахъ, проклятый онъ кручина!
Эка, вздумаешь, причина...
Сокрушитъ меня кручина,
Если выйду за него.

Вотъ пришлось терпѣть мученье!
Ложить чорьво терпѣнье:
Всякой день сноси гоненье—
И отъ брата своего!

АНТОНЪ. Да я развѣ гоню тебя? Я только прошу, чтобъ ты пошла за Авдулова... Да и сама разсуди: за Егорку ужъ не выдешь, такъ не сидѣть же вѣкъ въ дѣвкахъ.

ЛУКЕРЬЯ. Ну, нечего дѣлать! Поиду за Авдулова.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ домъ Авдулова.

АВДУЛОВЪ, потомъ ЛУКЕРЬЯ.

АВДУЛОВЪ. Ай да женушку Богъ послалъ! Взяла помѣло, да такъ изъ рукъ и не выпускала, покаместъ мнѣ лобъ не раскро-

пла... говорить, не мѣшай платье кроить... Этакое зелье, подумаешь; никогда не дасть спуску!... Пойду-ка, хоть спуску приложу... авось заживетъ.

ЛУКЕРЬЯ (*оббегаетъ, растрепанная, съ бѣшенствомъ, съ помеломъ въ рукахъ*). Что ты тутъ про меня говоришь, а?

АВДУЛОВЪ. Ничего, матушка, право слово ничего... успокойся.

ЛУКЕРЬЯ. Я тебя успокою! тутъ и черти не будутъ въ покои, такой содомъ подыму, такъ отдѣлаю твои покои, что всѣ жильцы изъ дому выбѣгутъ.

(*Арія сумасшеетвія.*)

Я вышла противъ воли!
Въ моей несчастной долѣ,
Скажи, что дѣлать болѣ
Какъ плакать и стонать?

Зачѣмъ на мнѣ женился
Теперь ты измѣнился,
Отъ дровъ бы отступился
Чтобы меня не знать!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

*Ночь. Вблизи питейный домъ, освѣщенный
огнями. Воали кладбище.*

ЕГОРЪ (*одиноч.*).

(*Fra poco*)

Ахъ, тяжкое страданіе
Пришлось терпѣть во младости!
Не вышло по желанію,
Погибли мои радости!
Лукерья за стараніа
Надѣлала мнѣ гадости.

Вчера Антона я прибилъ,
Онъ будочника кликнулъ;
Меня тотъ въ будку посадилъ,
Чтобъ слова я не пикнулъ.

А х ъ !

Ахъ, Лукерьюшка! Тоскою
 Приучился я къ запою!
 Еслибъ жилъ всегда съ тобою,
 Миѣ бы было до вина-ль?

А теперь пошло другое:
 Цѣлой день тяну хмѣльное.
 О, вино мое родное,
 Унеси мою печаль!

Ө. У. ЖГУТИКОВЪ.

Исторія лютни, китайская драма, сочиненія Као-Товгъ-Кіа, буквально перевелъ В. М. Санктпетербургъ. 1847.

Обыкновенно всѣ плохія произведенія нашихъ драматическихъ авторовъ называютъ, Богъ знаетъ почему, китайскими: ученый синологъ, г. В. М. какъ-бы въ опроверженіе мнѣнія, столь обиднаго для китайской литературы, перевелъ одну изъ драмъ, составляющихъ наслажденіе поднебснаго царства. Можетъ быть, не разъ прелестные, узенькіе глазки молодой китаянки проливали слезы надъ этой пьесой! Можетъ быть, не разъ пылкое сердце юноши—китайца, съ выдавшимися скулами и обритой головой, билось любовью и состраданіемъ при ея чтеніи! И чтожъ? теперь хладнокровные читатели равнодушно перелистываютъ буквальный переводъ ея, и произносятъ строгій приговоръ, не видя, сквозь непривычныя и чуждыя намъ формы, основной идеи, связывающей всѣ части этого, по видимому, нестройнаго цѣлаго. Даже основная идея (борьба сыновняго долга съ препятствіями, встрѣчающимися въ жизни), даже эта идея кажется намъ странною и дикою, въ томъ тѣсномъ значеніи, какое даетъ ей китайская мораль. Не имѣя счастья быть китайцами по духу или по образу мыслей, мы не можемъ вполне оцѣнить достоинства «Исторіи лютни», скажемъ только, что, несмотря на китайскіе нравы, совершенно намъ чуждые, нѣкоторыя сцены очень трогательны. Переводъ вообще очень хорошъ.

Планиъ Семеновичъ Хватайкинь. Комедія - водевилъ въ одномъ дѣйстви. Соч. Н. М. л. с. а. С.-Петербургъ. 1847.

Водевилъ этотъ пустой, даже немножко балаганный, фарсъ—но содержанію; но въ немъ встрѣчаются сцены истинно комическія и много мѣткихъ намѣковъ. Жаль, что авторъ потратилъ свое остроуміе на такой вздоръ. Хватайкинь, главное лицо пьесы, секретарь какого-то судебного мѣста, человѣкъ довольно грязный, но ловкій на увертки всякаго рода. Онъ составилъ себѣ состояннице въ силу слѣдующей логики:

Суда безъ денегъ не найдешь;
Брать взятки должно непременно;
Черезъ взятки нехота поймешь,
Что правосудье драгоцѣнно.

Онъ затѣялъ жениться на купеческой дочери, съ хорошимъ приданымъ, и былъ почти увѣренъ, что ее за него выдадутъ, потому—что

Купцамъ смѣкать-бы барыши.
Такъ вѣтъ, — ихъ одрѣбло чванство,
И покрупнѣе торгаша
Всѣ лѣзуть въ мелкое дворянство,
Въ чины выводятъ сыновей,
Притомъ, держася правилъ модныхъ,
Ужь выдають и дочерей
Въ замужество все за благородныхъ.
Свое имъ званье трѣшь-трава,
Все кверху тлѣнется, ей Богу!
И вотъ градской зѣсь Голова
Живеть на барскую ужъ ногу.
По мѣ-жь, коль барится купецъ,
Пустьмъ надувшись благородствомъ,
Какъ-разъ продуется въ конецъ
И копчикъ навѣрникъ банкротствомъ!

Истина неоспоримая! Но, къ несчастію Хватайкина, къ его невѣстѣ подвернулся другой любезникъ, съ золотыми крылушками, и смѣтливый секретарь, зная женское сердце вообще, и купеческихъ дочерей въ особенности, весьма основательно боится соперничества шитаго мундира съ его истертымъ виць-мундиромъ. По этому онъ поднимается на уловку, пишетъ безыменное письмо къ родителямъ невѣсты и выс-

тавляетъ въ немъ соперника самыми черными красками. Но пьяный лакей пропиваетъ пятакъ серебромъ, а письмо доставляетъ самъ по назначенію, сказавъ, что оно отъ его барина. Заваривается каша. Офицеръ грозитъ дуэлью. Хватайки самъ не свой; но ему-ли не найтись въ подобномъ случаѣ?

«Удивительно, разсуждаетъ онъ самъ съ собою—какое алчное, глупое, ненасытное созданіе человѣкъ! Ну, вотъ, хоть бы и я: сынъ деревенскаго дьячка, плохой ученикъ семинаріи, исключенный отсюда за шалости, — гдѣ трудомъ и службою, а паче покровительствомъ и поклонами, добился до титулярнаго, досталъ пражку и зашибъ порядочную копѣйку про черный день; ну, чего бы было еще? Оставить бы службу и по-добру по-здорову выбратся на покой изъ этого омота и вѣчнаго страха—попасть подъ уголовный судъ; — такъ нѣтъ вотъ! замучило глупое честолюбіе: захотѣлось быть ассессоромъ и достать жену изъ богатаго купческаго дома. .. Конечно, чтобъ человѣку низкому возвыситься, надобно класть низкіе поклоны или имѣть высокихъ покровителей, или длинныя руки; пусть такъ, но чѣмъ же теперь вотъ могутъ кончиться всѣ эти затѣи? Одинъ мѣткій выстрѣлъ забіяки—и поминай какъ звали! Чтожъ такое наша жизнь и что мы такое?....

Здѣсь дружба—смѣтливый расчетъ;

Любовь—отсутствіе разлука,

Добро—злословію доходъ,

А умъ—работникъ для желудка.

Здѣсь все идетъ наперекоръ,

Не помогаютъ намъ науки,

Все наше умничанье—вздоръ,

А философія—плодъ скуки.

Бѣды, несчастья здѣсь всегда,

А на блаженство вѣчно скупость,

Живешь, умрешь—и нѣтъ слѣда!

Такъ стало жизнь—мечта и глупость!

«Впрочемъ, горю пособить еще можно. Завтра, чѣмъ свѣтъ, прогону отъ себя лакея и дамъ объ немъ въ кварталъ фальшивый адресъ, чтобъ не было мнѣ улики, а между тѣмъ представлю при прошеніи въ оригиналѣ ругательное письмо Смѣльскаго, въ которомъ онъ грозитъ убить меня, и втяну его, голубчика, подъ уголовный судъ. Прекрасно, надо только какъ нибудь промаяться нынѣшній день.—Ушелъ бы изъ дому, нельзя: я сказался больнымъ, а новый нашъ судья кор-

читъ изъ себя такого строгаго, усерднаго, честнаго, бескорыстнаго.... Ну, разумѣется, это не надолго, пока ознакомится съ дѣломъ; однакожь, пожалуй, вздумаетъ прислать освидѣтельствовать мою болѣзнь....

«Вздумали назначить меня въ уѣздъ на слѣдствіе, отъ котораго не только гроша не достанешь, а еще проживешь свое!.. Видишь, некого послать, а стряпчій болѣвичъ. Ну, такъ и я болѣвичъ!.... Ей Богу, наказаніе быть и хорошимъ — то чиновникомъ, — просто разоренье!»

Тутъ происходятъ разныя комическія сцены. Къ нему являюся два купца, изъ которыхъ одинъ поручилъ другому сберечь фарфоръ и хрусталь въ его кладовой, а тотъ просвоилъ себѣ товаръ и подалъ такую бумагу въ судъ:

«Отъ долгаго храненія товара Трофимова въ моемъ амбарѣ, амыши, имѣя большую удобность воспользоваться хищностію, не точію ящики деревянные проплы, но даже хрустальную посуду, съ помощью кошекъ, перебили, о чемъ доводя до свѣданія онаго суда, прошу о учиненіи, чрезъ кого надлежитъ, освидѣтельствованія вышепрописываемаго мышелдія и перебора товара означеннаго Трофимова, и о избавленіи меня отъ отвѣтственности, понеже за мышей никто ручаться не можетъ.»

Хватайкинь беретъ взятку и общаетъ Трофимому покровительство и успѣхъ:

Привыкъ холить я по судамъ,
И не найдешь суда со мною,
И холъ любой я дѣлу дамъ,
Коль щедро полѣюсь съ судьейю.
Свои смѣкая барыши,
Судья всѣ дѣлаетъ рѣшенья;
И, не имѣя самъ души,
Онъ нажилъ въ 300 душъ имѣнье.
Лишь попадись, ужъ обдереть,
Онъ мастеръ ни-къ-чему придраться,
И такъ, при случаѣ, возьметъ,
Что послѣ не-за-что и вляться.
Да, сверхъ того, увѣренъ я,
Что, наплутуй хоть миліоны,
Но задари секретаря —
Такъ съ дѣломъ помирить законы.

Приходитъ и виновный, Надуваевъ, такъ-же даетъ деньги, и ему обещанъ выигрышъ процесса. Хватайкинь говоритъ ему, что вслѣдствіе *доказательствъ*, имъ представленныхъ,

онъ получилъ ясное понятіе объ дѣлѣ и потому судъ положить такую резолюцію:

Послику фарфоръ и всякую иную посуду испортили мыши, а кошки, гоняясь за ними, и достальную перебили, а были пущены для пособія сего зла, изъ чего и явствуетъ, что сберечь ее было невозможно, а посему выводу, искъ купца Трофимова считать вздорнымъ, нелѣпымъ и отказать, сдѣлавъ ему строное замѣчаніе, чтобъ впредь не осмѣливался утруждать присутственныя мѣста пустыми, незаконными жалобами.

Я не въ укоръ вамъ говорю,
Мы не такихъ плутовъ видали,
Но по суду ихъ оправдали.

НАДУВАЕВЪ.

Покорно васъ благодарю.
Вѣстимо, въ томъ признаться должно,
Что по законамъ невозможно, —
Возможно то секретарю.

Между тѣмъ, Хватайкинь, боясь прихода офицера, прячется при первомъ звонкѣ въ шкафъ; лакей слыша шумъ въ шкафѣ, запираетъ его, думая, что туда забрался воръ, и посылаетъ за квартальнымъ. Наконецъ, Хватайкинь успѣлъ высвободиться изъ шкафа, но раздается опять звонокъ; онъ прячется подъ столъ. На этотъ разъ дѣйствительно является офицеръ съ пистолетами; Хватайкинь кричитъ и лѣзетъ подъ диванъ. Въ эту минуту входятъ квартальный, призванный дворникомъ, и лекаръ Вассеркопфъ, посланный начальствомъ для освидѣтельствованія секретаря, отпрапортовавшагося больнымъ. Лекаръ увѣряетъ, что у него бѣлая горячка, надзиратель хочетъ его взять — Хватайкинь выпрыгиваетъ въ окно и попадаетъ прямо въ корзину съ углемъ. Его вносятъ въ корзину, изъ которой онъ не можетъ высвободиться, и завязавъ ее простынею, отправляютъ его такимъ-образомъ въ домъ ума лишенныхъ.

Все это натянуто и пошловато. Кромѣ того, у автора есть другой недостатокъ, не природный, но заимствованный у г. Каратыгина, онъ натягиваетъ каламбуры зубами, что вовсе не остроумно, Вотъ примѣры:

Слуга. Возишь, возишь....

Хват. А ты ужь лыка не везешь! Успѣлъ изволитьсяся.

Слуга. Какъ изволите видѣть!

Надув. Увѣряю васъ, картина сама да меня свалилась; за что-же на меня-то *сваливать*.

Хват. Посуда у васъ цѣла, а *разбита* какая нибудь бездѣлица.

Надув. Да изъ чего-жъ бы я сталъ *биться*? просто остался одинъ *бой*.

Муравьевъ. Помилуйте, какой я *сыщикъ*, я самъ *потерянный* человекъ.— Гдѣ ему *собаку сгнать*; онъ только самъ *собачливъ* и кого захочетъ, такъ ужъ *догнѣть*.

Лекаръ. Ваша *рука* испачкана чернилами, какъ вы нечисты на *руку*. Вы въ бѣлой *горлячкѣ*!

Хват. Въѣзъ какую несетъ *горлячку*.

При этихъ недостаткахъ, у автора есть и достоинство, котораго онъ не могъ заимствовать у образца своихъ каламбуровъ: куплеты его желчны, остроумны и мѣтки.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Русскій Театръ.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ. Сочиненіе Александра Пушкина.

ОТЕЛЛО НА ПЕСКАХЪ или ПЕТЕРБУРГСКІЙ АРАБЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. П. Каратыгина, музыка изъ оперы «Отелло» — Россини!

ДОНЪ — КИХОТЪ ЛАМАНХСКІЙ, РЫЦАРЬ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА И САНХО ПАНСО. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ, взятая изъ романа Сервантеса (полно такъ-ли?) П. Каратыгинымъ съ танцами. (!)

НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Тоже съ танцами.

(Бенефисъ г. Каратыгина 2.)

Изъ числа весьма немногихъ хорошихъ писателей, оставшихся вѣрными русскому театру, г. П. Каратыгинъ, безспорно, одинъ изъ даровитѣйшихъ. Если онъ не слишкомъ богатъ вымыслами, если во всѣхъ его пьесахъ замѣтны, болѣе или менѣе, тождественность лицъ, завязки и развязки, за то водевили его граматны, всегда отличаются смысломъ, и не рѣдко ловкимъ примѣненіемъ къ интересамъ минуты. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ, качествѣ, впрочемъ, не составляющемъ существеннаго достоинства въ драматическомъ писателѣ, заключается тайна успѣховъ г. Каратыгина на сценѣ. Слово к стати, Гаргоровъ, вездѣ, въ обществѣ и на театрѣ, всегда обращаетъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ глубокая мысль, мудрое слово, брошенное, какъ плодотворное зерно въ общество, и требующее проникновенія и сознанія отъ слушателей. Животрепещущая современность у всѣхъ на языкѣ и передъ глазами, и всякій радъ встрѣтить повтореніе ея на сценѣ, потому-что черезъ два — три дни она будетъ забыта и замѣнится

другими интересами. Разумѣется, такіе предметы не могутъ быть долговѣчны въ произведеніяхъ искусства и не должны-бы даже составлять основанія истиннаго творчества, когда они такъ кратковременны и ничтожны въ дѣйствительной жизни, и авторъ, черпающій въ нихъ свое вдохновеніе, не можетъ имѣть другихъ претензій, кромѣ обращенія минутнаго вниманія публики на свою ловко высказанную шутку.

Г. Каратыгинъ, со свойственною ему проницательностію, вполне это постигаетъ, и дѣйствуетъ весьма расчетливо и смѣливо, употребляя интересы современности и замѣтныя лица общества въ свою пользу; онъ пишетъ только для своихъ бенефисовъ, слѣдовательно ему прежде всего нуженъ полный сборъ, а что-же можетъ лучше привлечь толпу, какъ не — интересъ минуты?

Онъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи совѣту весельчака, котораго вывелъ Гёте, въ предисловіи къ своему *Фаусту*, и который на вопросъ антрепренера театра :

Мнѣ-бъ желалось

Толпу народа приманить,
И чтобъ впередъ ко мнѣ сбѣгалась
Ее путемъ повеселить...

отвѣчаетъ :

Такъ съ Богомъ! Начинайте смѣло!
На сцену выведите намъ
Міръ, какъ онъ есть, со свитой цѣлой,
Со здравымъ смысломъ пополамъ,
Лишь бы дурачество и блажь
Вы приютить могли тудажъ!
. . . . .
Берите все, что ни попало.
На сцену выставьте потомъ;
Иной живетъ и очень мало,
А годенъ быть комическимъ лицомъ.

Г. Каратыгинъ не написалъ еще глубокопродуманной комедіи, не облекъ ни одной важной идеи въ драму; (прошлогодняя его попытка въ этомъ родѣ съ восковой куклою была болѣе, чѣмъ неудачна,) — онъ прямо пишетъ *шутки*, или какъ называютъ ихъ французы — фарсы, а итальянцы — лацци; для такого творчества, не требующаго глубокихъ проникновеній, все хорошо, что ни попало подъ руку. Но шутки достаются ему не легко; по году, иногда и по два думаетъ

онѣ и трудится надъ каждою; за то онѣ и выходятъ у него чисты, ровны, выработаны, однимъ словомъ —

Онѣ, какъ пель лошешый глазки... и проч.

Упрекъ, которому неоднократно подвергался г. Каратыгинъ и, который, какъ кажется, на вѣкъ останется за нимъ и много вредить ему, состоитъ въ употребленіи непрерывныхъ остротъ и каламбуровъ. Языкъ нашъ на нихъ бѣденъ и потому при такомъ обилии, какое нужно нашему водевилисту, отпускающему ихъ оптомъ, они естественно бываютъ, или не замысловаты, или натянуты, или истерты отъ частаго употребленія. Притомъ, можно-ли допустить, чтобы въ пьесѣ, представляющей современное общество, всѣ лица острились и каламбурили и говорили однимъ и тѣмъ-же языкомъ? Это явное противорѣчіе натурѣ и истинѣ, двумъ главнымъ основамъ каждаго сценическаго явленія. Въ обществѣ чиновникъ выражается по своему, низшій классъ говоритъ иначе, у купца и солдата свое нарѣчіе (жаргонъ). Понятія, степень образованности, положеніе въ свѣтѣ, наконецъ, различіе характеровъ, производятъ эту разницу языка въ обществѣ. Тоже должно соблюдаться и на сценѣ, но это задача трудная, доступная только людямъ съ истиннымъ, высокимъ дарованіемъ, глубоко изучавшимъ языкъ, нравы и страсти народа.

Въ нынѣшнемъ году г. Каратыгинъ представилъ двѣ шутки, одну заимствованную, подъ названіемъ: *Натуральная школа*, другую оригинальную: *Отелло на пескахъ*. Обѣ напечатаны и, стало быть, принадлежать къ библиографическому отдѣлу нашего журнала, а потому мы ихъ здѣсь разбирать и не станемъ. Не говоря о достоинствѣ и приличіи шутки-пародіи на *Отелло* Шекспира и Россини, скажемъ только, что мы замѣтили въ ней одинъ недостатокъ: пародированіе цѣлой музыки *Отелло*. Можно допустить одинъ нумеръ изъ знаменитой оперы, пропѣтый комическимъ образомъ, и это въ нѣкоторой степени будетъ забавно, но десять нумеровъ плохого пѣнія нагоняютъ тоску и скуку и убиваютъ первое, удачное впечатлѣніе. Шутка какъ платье: ему нужна мѣра, иначе оно будетъ — мѣшокъ.

Что касается до *Донъ-Кихота*, такъ это довольно слабая и безсвязная передѣлка плоховатой пьесы, передѣланной изъ романа знаменитаго испанскаго сатирика. Ни глубокой мысли, ни ѣдкой сатиры, ни простодушнаго юмора Сервантеса въ ней не осталось и тѣни. Это также шутка, или фарсъ, но весьма блѣдный и несвоевременный, и потому безъ эффектныи. Лучшая

сцена въ немъ та, гдѣ Санчо (прозванный въ пьесѣ *Санхою*) сдѣланъ губернаторомъ и чинить судъ и расправу; но и въ ней ощущается отсутствіе главнаго элемента: ѣдкости и юмора. Старикъ Донъ-Кихоть на современной сценѣ не можетъ ожидать успѣха: нынче нуженъ герой доблести иного рода, такой-же рыцарь печальнаго образа, столь же смѣшный среди настоящаго общества, нравственно-искаженнаго, эгоистическаго и сребролюбиваго, но потрясающій по глубокой своей внутренней идеи; вѣрующій въ доблесть, въ любовь, въ дружбу, въ честь, въ заслугу, и встрѣчающій повсюду низость, продажничество, корысть, подличанье, подслуживаніе и выслугу; однимъ словомъ, нуженъ новыи Чацкій изъ «*Горе отъ Ума.*» Вотъ настоящій Донъ-Кихоть нашего времени! Лицо это стоитъ пера достойнаго и даровитаго.

«*Каменный гость*» — Пушкина никогда не назначался для сцены, хотя поэтъ и выбралъ для него драматическую форму. Въ этихъ сценахъ больше философскихъ и лирическихъ началъ, чѣмъ драмы, а потому онѣ, даже при условіи полного постиженія мысли автора со стороны актеровъ и самаго отчетливаго представленія, никогда не могутъ произвести эффекта на театрѣ. Всякій человекъ, съ малѣйшимъ сценическимъ тактомъ, пойметъ это съ перваго взгляда. Поклонники таланта незабвеннаго и никѣмъ незамѣнимаго Пушкина, съ прискорбіемъ смотрѣли на эту пьесу, которая, послѣ перваго представленія, болѣе не повторялась.

Объ игрѣ артистовъ въ этотъ бенефисъ мы можемъ сказать только нѣсколько словъ: г. Мартыновъ очень забавенъ въ роли *арана Отъглова* (Отелло); г-жа Розанова очень наивна въ роли одной изъ пансіонерокъ въ *Натуральной школѣ*, въ той-же пьесѣ очень хорошъ г. Максимовъ 1.

Самъ бенефициантъ типически былъ вѣренъ картинкамъ, изображающимъ Донъ-Кихота. Костюмъ и подрисовка — не оставляли ничего болѣе желать. Г-жа Сосницкая, въ роли жены Санчо-Панса была превосходна, по естественности и непринужденности игры; вотъ это настоящая сценическая живопись: истина и знаніе человѣческаго сердца!

МУШКЕТЕРЫ КОРОЛЕВЫ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, переделанная съ французскаго.

ГЕРОЙСТВО СЕМНАДЦАТИЛѢТНЯГО МОЛЯКА. Оперетка въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго.

ТЕТУШКА ВОЛГУШКА. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго.

(*Бенефисъ г-жи Самойловой 1-й*).

Года два тому, знаменитый композиторъ «Жидовки»—Галеви, написалъ новую оперу на либретто Сен-Жоржа, подъ названіемъ *Мушкетеры Королевы*. Сюжетъ этой оперы въ высшей степени драматиченъ, хотя въ основаніи его лежитъ дѣйствіе не-совсѣмъ пристойное. Мушкетеръ Оливье д'Антрагъ страстно влюбленъ въ Фрейлейну де Соланжъ; онъ любимъ ею съ неменьшею страстью: но взаимныя ихъ чувства остаются для нихъ тайною, потому-что молодой человѣкъ слишкомъ робокъ, чтобы открыться въ своей страсти. Но передъ другомъ своимъ Гекторомъ, также мушкетеромъ, онъ не такъ застѣнчивъ; онъ повѣряетъ ему свою тайну, не открывая однакожъ имени обожаемой особы. Гекторъ страшный повѣса и головорѣзъ, настоящій бѣсенокъ; онъ подсмотрѣлъ, что хорошенькая де Соланжъ кѣмъ-то изъ мушкетеровъ очень интересуется, заводитъ съ нею страстную переписку, при посредствѣ куста розановъ, растущемъ въ одной изъ дворцовыхъ вазъ. Онъ подмѣняетъ записки неизвѣстнаго вздыхателя своими и, наконецъ, проситъ у нея свиданія. Въ знакъ согласія она должна уронить свой вѣеръ, передъ отправленіемъ на выходъ королевы. Вѣеръ падаетъ и ночью Гекторъ пробирается къ Фрейлейнѣ въ спальню. Между-тѣмъ, настоящій любовникъ страдаетъ, какъ неузнанный поэтъ, и даже за оскорбленіе ея имени вызываетъ на поединокъ значительнаго придворнаго. Но еще прежде дуэли, господин придворнаго кто-то поподчивалъ стилетомъ изъ-за угла. Въ убійствѣ обвиняютъ Оливье, его ведутъ въ Бастилію, хотятъ приговорить къ смерти: ему нѣтъ оправданія, нѣтъ спасенія. Но тутъ страсть дѣвицы де Соланжъ пробуждается во всей ея силѣ; она забыла все: свое достоинство, положеніе въ свѣтѣ, дѣвичій стыдъ—она помнитъ только опасность любимаго человѣка.... «Стойте!» — кричитъ она, бросаясь къ стражѣ и удерживая главнаго судью: «онъ невиненъ!

онъ не могъ быть убійцею!» — Но почему-же? — «Потому.... потому-что онъ былъ.... въ моей комнатѣ!» — Высокая черта самоотверженія. Оливье оправданъ и прощенъ; но онъ бракомъ долженъ загладить пятно, нанесенное Фрейлейнъ. Лучшаго онъ и не желаетъ: Атенаиса де Соланжъ, принявъ на себя это пятно, дѣйствовала по внушенію одной истинной страсти, стало-быть онъ счастливѣйшій смертный: изъ оковъ прямо попадаетъ въ узы любви. И вотъ у нихъ свиданіе. Оливье благодаритъ ее на колѣняхъ за ея благородное самопожертвованіе. Атенаиса не понимаетъ его благодарности: она исполнила только свой долгъ, сказала правду.... «Какъ правду?» — восклицаетъ встревоженный женихъ. — Ну да, вѣдь мы дѣйствительно были вмѣстѣ; развѣ вы забыли? — Завѣса спадаетъ съ глазъ любовника; онъ обманутъ, но кѣмъ? какъ узнать виновнаго? какъ отметить ему? Кому открыться въ горѣ, какъ не другу? При этомъ открытіи, Гекторъ познаетъ всю важность своего легкомысленнаго поступка. Онъ долженъ дать удовлетвореніе Оливье, но за что-же подвергать опасности жизнь этого благороднаго юноши, передъ которымъ онъ такъ виноватъ! Гектору остается одно средство—умереть. Онъ рѣшается и пишетъ къ своему другу письмо, въ которомъ открываетъ всю истину и невинность Атенаисы, и говоритъ, что онъ отстѣлъ за него самъ, потому-что въ минуту, когда онъ прочтетъ это письмо, виновный будетъ уже на двѣ Сены. Письмо передаетъ Атенаиса. Оливье — тронутъ. Но въ минуту, когда онъ готовъ простить умершаго друга, тотъ, задержанный какими-то обстоятельствами, является въ комнату. Первое движеніе враждебное.... но счастливые не злопамятны: мушкетеры снова въ объятіяхъ другъ-друга и молодые супруги — счастливы!

На эту тему, игривую, полную страстей и драмы, Галеви написалъ мастерскую музыку. Вы можете вообразить, какъ этотъ, по преимуществу драматическій, композиторъ воспользовался сильными сценами и яркими мѣстами своего сюжета. Финалъ втораго акта, обвиненіе и спасеніе Оливье, есть мастерское произведеніе. Третій актъ весь — музыкальная драма. Цѣлое величественно, полно, ярко, цвѣтисто!

Незнаемъ, кому запала несчастная мысль передѣлывать для нашей сцены оперныя либретты въ драмы! Вотъ уже второе либретто является въ бенефисъ г-жи Самойловой, послѣ *Дочери полка*. Первый грѣхъ выкупался еще сохраненіемъ части музыки Донизетти, и потому оперетка имѣла успѣхъ

Но *Мушкетеры королевы* совершенно обнажены отъ музыки—и потому вялы, несвязны, слабы. Чтобы возвысить оперный текстъ до драмы, надо имѣть громадный талантъ. Либретистъ всю силу драмы предоставляетъ мелодіи; онъ даетъ только матерьяль—факты, композиторъ—даетъ имъ душу и жизнь, и созидастъ цѣлое. Бомарше говорилъ: *«что не стоитъ разговора, то поютъ!»* Это относилось къ водевильнымъ куплетамъ; выкиньте ихъ, и смыслъ не пропадетъ, останется чистая комедія. Въ оперѣ изреченіе Бомарше надо рѣшительно вывернуть наизнанку и сказать: *«что не стоитъ пльня, то говорятъ!»* Все что относится къ чувству, къ страсти, принадлежитъ лиризму—и должно быть выражено музыкаю. Остается одинъ голый каркасъ, его музыкантъ прикрываетъ речитативами и хорами. Стало-быть, вся драма оперы въ музыкѣ, чтобы переложить ее въ живое слово, надо быть, по крайнѣй мѣрѣ, на высотѣ композитора. Неизвѣстный передѣльватель *Мушкетеровъ* для нашей сцены этого не понялъ и перевелъ либретто, какъ оно есть, и въ его драмѣ погибли все эффектныя сцены, которыя потрясаютъ и увлекаютъ зрителя, подъ перомъ Галевы. Характеры блѣдны и все одинаковы, потому-что характеры рисуются музыкаю; дѣйствія драмы слабы—потому-что главное ихъ выраженіе опять-таки музыка. Что-же осталось?—Тоже, что у насъ въ рассказѣ—одинъ остовъ: этаго мало для сцены и—драма успѣха не имѣла!

Геройство 17-ти-лѣтняго моряка—состоитъ въ томъ, что онъ пустился въ море, во время бури, и не утонулъ. Оно похоже на геройство каждаго солдата, который воротился съ войны съ цѣлымъ носомъ и безъ пули въ боку. Въ одной изъ французской колоній, жила-была Женни Ларошъ. Мирно жила она, долговъ надѣлала, а платить не-чѣмъ. Въ колоніи, повидимому, почва была черноземъ, потому что тамъ разводили плантаціи разные промышленники, разбойники большихъ дорогъ, морскіе корсары и обыкновенные смертные—простые грабители челоуѣчества. Изъ нихъ-то одинъ, по прозвищу Венсакъ—придумалъ такъ: Женни хороша собою, но дурно ведетъ дѣлишки; у ней прекрасная душа, да ничего нѣтъ за душею; она мнѣ должна, а платить не можетъ, дай-ка я ее возьму за долгъ, женюсь на ней и разорву вексель. Задумано, сказано. Но сказано еще не сдѣлано. Женни больно не по сердцу отвислые ушицы Венсака, ей гораздо больше нравятся закрученные усики Генриха, молодого морскаго лейтенанта. Вспынилъ Венсакъ, какъ змѣи —

Горынычъ, говорить: «не хочешь выдти за-мужъ, добро-же, мы и такъ обойдемся!»—И подалъ онъ вексель ко взысканію, и предписано учинить опись имущества, продать оное съ публичнаго торга, и, завычетомъ аукціонныхъ денегъ, удовлетворить означеннаго истца, кредитора помянутой несостоятельной должника, Венсака. Пришли на аукціонъ Венсакъ лейтенантъ съ закрученными усами, и пошли торговаться. Набили цѣну въ 20 тысячъ. Осталось за Венсакомъ. — Да тутъ не все добро, говорить онъ, надо и Женни-то прикинуть, туда-же. — «Какъ такъ?» — Да такъ! говорить; отецъ ея былъ женатъ на ея матери, но матушка ея была сего крѣпостная; онъ умеръ, а отпускной ни ей, ни дочкѣ не далъ; а по законамъ колоніи дѣти невольницъ причисляются къ сословію матери; выходитъ—она принадлежитъ къ имѣнію. — «Справедливо! Такъ берите ужъ къ стати и Женни. Видно въ колоніи ужъ такъ водится. Но есть тамъ мальчишка, корабельный юнга, Юлій, презадорный забіяка, повѣса, который то и дѣло дерется, буянить, поеть предурно пѣсни и суется не въ свое дѣло. Онъ все улаживаетъ и слаживаетъ. Онъ-же и 17-ти-лѣтній морякъ. Этотъ мальчишка сперва хочетъ устроить бѣгство Женни съ лейтенантомъ, и при сей вѣрной оказіи пускается въ море, въ бурю. Потомъ, онъ узнаетъ въ Венсакѣ морскаго разбойника и грозитъ объявить о томъ. Разбойникъ до того струсилъ, что не убиваетъ его щелчкомъ, а отдаетъ ему отпускную Женни, изъ чего и выходитъ *геройство* 17-ти-лѣтняго моряка: дескать мальчишка, такъ себѣ—клопъ, а не побоялся разбойника, да какого, заморскаго, дюжана, плечистаго, съ усами... вотъ какими—въ полъ-аршина. *Маль-да-удаль!* За-тѣмъ Женни сочеталась законнымъ бракомъ съ Генрихомъ.

Плохо заведенная, плохо веденная, плохо переведенная пьеса. По французски она называется *Le Mousse*. Роль юнга играла г-жа Самойлова 1. и была не въ своей тарелкѣ, какъ и во всѣхъ роляхъ, не принадлежащихъ ея полу и ампуа. Этотъ характеръ ей не по силамъ. Вообще, мы совѣтовали бы ей, если мужское платье имѣть уже въ глазахъ ея такую прелесть, выбирать только тѣ роли, въ которыхъ оно служить временнымъ и случайнымъ костюмомъ — женщины. Молодая актриса тогда только и мила, когда сквозь костюмъ мужчины, просвѣчиваетъ въ ней стыдливость ея пола, неловкость женственности, не привыкшей къ размашистымъ и крупнымъ приемамъ мужчины. Въ ампуа-же молодыхъ повѣсъ, каждый муж-

чина всегда будетъ имѣть противъ нея важное преимущество: онъ будетъ на своемъ мѣстѣ.

Тетушка-болтушка — премилая вострушка! Это олицетвореніе всѣхъ слабостей женскаго пола въ одномъ лицѣ: любопытство, болтливость, желаніе властвовать, страстишка вмѣшиваться въ чужія дѣла, сплетничать, уговаривать, приговаривать, заговаривать — все это живо выражено характеромъ мельничихи Маргариты. Маргарита сбиваетъ съ толку всѣхъ, завязываетъ интриги, ссорить, мирить, все знаетъ, обо всѣмъ толкуетъ, вездѣ распоряжается и оканчиваетъ тѣмъ, что напосядокъ, сама попадаетъ въ просакъ, но, со свойственной женщинѣ стойкостію, все-таки не сознаетъ своихъ промаховъ. Содержанія въ пьесѣ нѣтъ, это одна безпрерывная болтовня, но болтовня умная, забавная, живая, переданная г-жею Самойловой 1-й съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ этой роли она—само совершенство. Всѣ отбѣики разныхъ женскихъ страстей, всѣ ухватки и приемы ихъ въ разныхъ обстоятельствахъ—выражены ею съ неподражаемою ловкостью. Это чистая натура! Видно, что она съ пользою смотрѣла въ этой трудной роли г-жу Вольннсъ, умѣла усвоить себѣ все хорошее и дополнить своимъ. Честь и слава ей за это: учиться никогда не мѣшаетъ артисту, особливо когда у него есть высокіе образцы передъ глазами!

КУПЛЕННОЕ ДИТЯ или **МАТЬ ПРЕСТУПНИКА**. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ; переводъ съ французскаго *С. Соловьева*.

ХОРОШЪ ПЕТЕРБУРГЪ, ДА ДРУЗЬЯ ОДОЛѢЛИ! Оригинальный водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

НЕ ЪСТЪ, А ТОЛСТЪЕТЪ: СТРАННОЕ ДѢЛО! Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи; передѣлка съ французскаго.

СЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ, или **ГОЛЕНЬКІЙ ОХЪ! А ЗА ГОЛЕНЬКИМЪ БОГЪ!** Русская, народная, оригинальная оперетка, въ одномъ дѣйствіи, съ хорами, пѣснями, плясками и дивертисментомъ (т. е. дивертисманомъ, или простѣе, съ тѣмъ, чего никогда не бываетъ на сценѣ.) Соч. *М. С. Владимірова*, новая музыка соч. *Ш. К. Маренча*.

(*Бенефисъ г-жи Дюръ*.)

М. Д. Дюръ, весьма совѣстлива въ составленіи своихъ бенефисовъ, и не жалѣетъ даже на это издержекъ, стараясь

дать что-нибудь дѣльное и выгодное для ея таланта, но какъ-то несчастлива въ выборѣ. Нынѣшній ея бенефисъ, подобно прошлогоднему, вышелъ довольно неудаченъ, хотя въ немъ собраны были всѣ роды драматическихъ представленій, на всѣ вкусы и требованія: и драма, и опера, и водевиль, и шутка, и дивертисманъ, словомъ — чего хочешь, того просишь!

Драма «*Купленное дитя или Мать преступника*» — совсѣмъ не такъ раздражительна и неистова, какъ говорить объ ней ея бенефисное заглавіе. Это пьеса довольно умная и во французскомъ подлинникѣ должна быть даже очень эффектная. Авторъ выбралъ эпохою дѣйствія время передъ самую французскую революцію.

Г-жа *де Линвера*, богатая вдова, въ связяхъ, съ именемъ уважительнымъ, съ сердцемъ добрымъ, но не менѣе того зараженнымъ предразсудками и заблужденіями вѣка. Она благородно употребляетъ свое богатство, нещади ничего на воспитаніе двухъ пріемъшей: Ефразіи де-Курбонъ и Леона. Леонъ любитъ страстно Ефразію, спротиву, какъ и онъ; любовь его раздѣлена, но она пока остается тайною для ихъ воспитательницы. Но Ефразіи 18 лѣтъ; Ефразія будетъ наследницею богатыхъ помѣстій г-жи де-Линвера; она красавица и благороднаго происхожденія: это завидная партія для любого придворнаго. И вотъ является графъ Дармильи, царедворецъ сильный и знатный, — сватомъ своего племянника, ничтожнаго фата маркиза де-Сануа. Условіемъ этого союза будетъ прекращеніе процесса, угрожающаго г-жѣ Линвера разореніемъ. Дѣло ладится. Но вотъ узнаетъ объ этомъ Леонъ. Пламень благороднаго негодованія обхватываетъ все его существо. Какъ! уступить этотъ дивный цвѣтокъ развращенному негодю, преждевременно одряхлѣвшему въ распутствѣ и оргіяхъ! Обречь эту чистую душу — на жертву губительнымъ вихрямъ такъ называемаго большаго свѣта! Оторвать ее отъ своего сердца, тогда какъ она сдѣлалась потребностію его существованія, цѣлью каждаго его біенія! — Да это значило бы — отдать вмѣстѣ съ нею жизнь, всѣ надежды, вѣру въ добродѣтель! О, Леонъ такъ дешево съ ними не разстанется. Онъ предлагаетъ маркизу купить ихъ цѣною крови. Тотъ отвергаетъ дуэль, говоря, что не можетъ мѣряться оружіемъ съ человѣкомъ безъ рода и племени. Теперь только Леонъ вполнѣ постигаетъ, какъ важно знать имя своихъ родителей, потому-что родовитое чванство и надменность попираютъ ногами благородство, честь, доблесть, всѣ законы человѣчества, и не дадутъ удовлетворенія оскорб-

ленному чувству человѣка безыменнаго, ибо знаютъ, что эта безыменность выкупается въ немъ другими достоинствами и что они встрѣтятъ опасную энергію тамъ, гдѣ привыкли встрѣчать одну игрушку утонченнаго общества. Леонъ закликаетъ свою воспитательницу открыть ему тайну его происхожденія, но она отвѣчаетъ, что это невозможно, что отецъ и мать его живы, что они знатнаго рода, но не хотятъ, чтобы имя ихъ было ему извѣстно. Здѣсь — сынъ оскорбленъ также, какъ и гражданинъ! Пылкая душа юноши не выноситъ столько удрученія: ей нужно мщеніе, ей нужна кровь! Онъ летитъ въ Версаль, вслѣдъ за раздуженымъ маркизомъ; онъ выжидаетъ выхода его изъ залъ, онъ слѣдитъ за нимъ въ темныя аллеи сада — и здѣсь, безъ свидѣтелей, настоятельно требуетъ поединка. Маркизь, вмѣсто отвѣта, наноситъ ему новое тяжкое оскорбленіе, онъ называетъ его незаконнорожденнымъ..... Темное облако набѣгаетъ на разсудокъ Леона, шпага его сверкнула и низкій трусъ лежитъ уже у ногъ его — мертвый. Слѣдъ убійства открыть; графъ Дормильи хлопочетъ объ отмщеніи единственнаго своего наследника. Этотъ старшій развратникъ провелъ всю жизнь въ интригахъ и предосудительныхъ связяхъ, онъ домогался высшихъ почестей, онъ достигъ своей цѣли и вотъ, теперь, когда могила уже привѣтствуетъ его издали, онъ началъ хлопотать о томъ, какъ продлить для потомства свою возмутительную славу, кому передать это пышное имя, запечатленное блистательнымъ позоромъ, этихъ крестьянъ, которыхъ всѣ слезы изсыкли въ пышности его оргій. Можно судить, какъ онъ дорожилъ своимъ племянникомъ, этимъ достойнымъ представителемъ пышнаго имени, на которомъ должна была отразиться слава его придворныхъ успѣховъ. Король, по просьбѣ графа, даетъ повелѣніе открыть, судить и немедленно казнить преступника. Леонъ готовъ признаться: онъ неумѣетъ лгать. Но въ минуту, когда онъ довѣрилъ уже тайну своему наставнику и адвокату Патрю, г-жа Линвере, подслушавшая его изъ боковой комнаты, вбѣгаетъ въ отчаяніи и умоляетъ его запереться. Онъ непоколебимъ. Ни просьбы благодѣтельницы, ни слезы Ефразіи не могутъ смягчить его.... преступленіе имъ совершенное, онъ почитаетъ подвигомъ во имя человѣчества, въ очищеніе оскорбленной памяти своихъ родителей. Тутъ сердце г-жи Линвере разрывается на части, и роковая тайна, такъ искусно дотолѣ скрываемая, вылетаетъ изъ него невольно: «но несчастный! восклицаетъ она, развѣ ты не видишь, что

твоя погибель убьетъ твою мать?» — Я ее незнаю.... «Какъ ты не узналъ ее по нѣжнымъ ласкамъ съ самаго твоего дѣтства, по безсоннымъ ночамъ у твоего изголовья, по тревожнымъ заботамъ о твоёмъ здоровьи и спокойствіи, развѣ ты не узнаешь ее, наконецъ, и въ эту минуту, по этимъ кровавымъ слезамъ».... Но все поздно! Леонъ находитъ мать — у порога эшафота: судъ надъ нимъ наряженъ, судъ неумолимый, ибо въ немъ предсѣдательствуетъ графъ Дормильи, его главный врагъ и обвинитель, а казнь обвиненнаго подписана заранѣе: ему нѣтъ спасенія! Наконецъ, приговоръ произнесень. Графъ, довольный своимъ мщеніемъ, прѣзжаетъ домой. Но тутъ врывается къ нему — женщина, отчаянная, обезсиленная горемъ и слезами, полу-помѣшанная отъ жгучихъ страданій: это г-жа Линвере. Мать хочетъ испытать послѣднее средство; она умоляетъ графа, на колѣнахъ, измѣнить приговоръ, простить ребенка, увлеченнаго порывомъ оскорбленной чести.... она готова на все жертвы — ей нужна только жизнь Леона, потому что съ этой жизнью связано ея собственное существованіе.... Графъ холоденъ и глухъ, какъ камень; душа его не понимаетъ ни этихъ слезъ, ни этого вопля.... «Притомъ, говоритъ онъ, теперь уже поздно: его ведутъ на эшафотъ!» — На эшафотъ! — восклицаетъ отчаянная мать и дико хохочетъ и аплодируетъ. «Хорошо! браво, браво! Знаменитый графъ Дормильи, этотъ Адонисъ, обольщавшій и бросавшій молодыхъ дѣвушекъ въ юности, подъ старость сталъ самъ палачемъ своего сына!... Вглядись въ меня попристальней, вельможный графъ! если рука твоя недрогнула, подписывая приговоръ сына, можетъ быть, совѣсть зашевелится въ тебѣ при видѣ убитой тобою матери!»

Графъ пораженъ, какъ Донъ-Жуанъ, при входѣ каменнаго гостя. Онъ узнаетъ свою жертву. Вся прошедшая жизнь развилась передъ нимъ страшною картиною; въ зачерствѣломъ сердцѣ впервые проснулось человѣческое чувство, заглушенное сначала воспитаніемъ, поцрпанное потомъ развратомъ и, наконецъ, убитое совершенно честолюбіемъ. Онъ летитъ во дворецъ. Леонъ прощенъ: онъ нашель отца и мать, родители находятъ счастье въ раскаяніи и къ надеждѣ на лучшее, которое видимо развивается въ идеяхъ молодаго поколѣнія.

Вотъ главное содержаніе драмы, которая, прикрывая глубокую мысль, въ тоже время ярко рисуетъ картину вѣка и нравовъ. Она ведена искусно, положенія ея довольно новы и эффектны; характеры очерчены мѣтко и выпукло. Лучшіе изъ

нихъ—Леона, адвоката Патрю и Ефразіи. — На русской сценѣ драма эта подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ, не менѣе того, она имѣла успѣхъ, благодаря отчетливой игрѣ г. Брянскаго, теплотѣ г-жи Самойловой 2, увлеченію (даже нѣсколько излишнему) г-жи Дюръ, и прекрасному, художественному выполненію характера Леона г. Самойловымъ. Онъ постигъ, чего требовалъ отъ него авторъ и удовлетворилъ его требованіямъ, какъ нельзя лучше. Но за то другой характеръ, долженствующій составлять контрастъ съ Леономъ, именно характеръ маркиза де-Сануа, исчезъ совершенно въ особѣ г. Толченова 4; пьеса отъ того много пострадала. Г. Славинъ также слабъ для роли пышнаго вельможи двора Людовика XVI.

Хорошъ Петербургъ—говорить афиша—*да друзья одолбли!* Вотъ открытіе, которое, въ простотѣ души, мы никакъ не подозрѣвали! Въ Петербургѣ есть друзья! Въ этомъ пышномъ, расточительномъ, въ этомъ лакомкѣ — Петербургѣ есть.... да нѣтъ! Такъ ли мы прочли?... Точно.... *есть друзья!* А мы полагали, что въ немъ кромѣ эгоизма, честолюбія, мелкихъ интрижекъ, мелкихъ страстишекъ, мелкой игры, разгульныхъ танцъ-классовъ, вестфальскихъ окороковъ и малагскаго винограда, ничего нельзя найти усладительнаго для души; а выходитъ, что въ немъ, кромѣ этихъ пріятностей жизни, есть еще и друзья! Но кто же новый Ловерье, открывшій эту невиданную планету на небосклонѣ Петербургской жизни?... Укажите намъ его, назовите его, мы почтимъ его одою, мы прославимъ его поэмою, мы будемъ подносить ему каждую пятницу по мадригалу. Друзья! Ахъ, Господи Ты Боже мой! Эта вещь, столь полезная, столь необходимая для петербургскаго человѣка, падкаго — по натурѣ, слабого — по климату, печальнаго — по обстоятельствамъ, есть у насъ на лицо, и ее можно достать.... вѣроятно на Биржѣ или въ Милютиныхъ лавкахъ, гдѣ достается все дорогое и рѣдкое! А мы было зарылись въ археологическія изысканія, чтобы открыть, куда Діогенъ дѣвалъ свой фонарь, съ которымъ, среди бѣлаго дня, отыскивалъ *друга!* Теперь дѣло обойдется и безъ фонаря, посмотримъ водевиль: онъ намъ все откроетъ, все покажетъ, какъ на ладонкѣ.

Мы въ домѣ у Василья Артемьевича. Честь имѣю рекомендовать! Василій Артемьевичъ членъ *поштеннаго* сословія, членъ этакой, знаете, солидный, на котораго остальная торгующая братія смотритъ *«съ моимъ-съ вамъ наиблюбочайшимъ»*, т. е. съ нѣкотораго рода гордостію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ зави-

стью: Василій Артемьевичъ давно бросилъ мелкую промышленность, онъ, какъ говорится, вышелъ въ люди, — плугуетъ оптомъ; у него миллионы, хотя его помнятъ еще безъ сапогъ, за то теперь ѣздитъ въ фаэтонахъ, на лежачихъ рессорахъ. Сперва, можетъ быть, за нимъ и водились грѣшки—нельзя-же, ужъ такое дѣло—гдѣ недовѣсить, гдѣ обмѣрить, гдѣ гольшекъ къ кофейку прикнуетъ, гдѣ *иваницу* — за маюконь спустить, а инде обочтеть или гнильцо лицомъ продать, или инымъ манеромъ *уважить*, — какъ быть—дѣло торговое:

Безъ зазыву—но заманишь,
Безъ божбы—не обдерешь;
Не облуешь, не обманешь,—
Такъ гроша не наживешь.

А миллионцы себѣ копились, да копились, при посредствѣ еще кой-какихъ побочныхъ оборотцевъ на счетъ ближняго и при домашней экономіи, состоявшей изъ прѣлой капусты, да тюри съ ламповымъ масломъ; и выросли они, и выросъ съ ними Василій Артемьевичъ: пошелъ въ подряды, въ откупа, и строить и ломаетъ, и свозитъ и подвозитъ, и ставитъ и снимаетъ, даритъ десятками тысячъ, пьетъ шампанское, выводитъ себѣ дома, дворцы, цѣлыя улицы... И созналъ Василій Артемьевичъ свои высокія достоинства: его чтитъ генеральство и чиновничество; и взалакала душа его почестей, и почувствовалъ онъ призваніе и къ человѣколюбію и къ благотворительности.... Почтенный человѣкъ Василій Артемьевичъ! — Очень вамъ благодарны, любезный водевиль, за пріятное знакомство.

Теперь Василій Артемьевичъ достигъ уже вершины своихъ стремленій: достоинство признано и вознаграждено: видите — онъ обрилъ наследственную бороду, на немъ парижскій фракъ, галстухъ съ пружиною, на галстухѣ лоснится цвѣтисто то, что составляетъ предметъ зависти сословія.... онъ засѣдаетъ тутъ, онъ членъ тамъ, къ нему ѣздитъ его превосходительство, ему кланяются ихъ сіятельства, жмутъ руку ихъ высокоромія. Онъ женатъ на дворянкѣ, — воспитанной на французскомъ діалектѣ, въ модномъ пансіонѣ. Конечно, по части образованности, Василій Артемьевичъ не слишкомъ подвинулся, онъ такъ же грубъ, такъ же неотесанъ, такъ же невѣжественъ.... за то, что за бронзы, фарфоры, ковры, пружины въ мебелихъ, что за прислуга и поварь—галантерейное, чортъ возьми, обращеніе! Пожалуйте руку, другъ человѣчества, другъ просвѣщенія, вѣрный сынъ отечества—я васъ уважаю!—Вотъ онъ, вотъ тотъ

почтенный человекъ, тотъ новый Колумбъ, который открылъ островъ, что я говорю — островъ, цѣлый *новый свѣтъ дружества*, на болотистомъ океанѣ петербургской жизни, подъ 60 градусомъ сѣверной широты, между рѣками Невой, Невкою, Лиговкою и Обводнымъ каналомъ; и открылъ ихъ безъ помощи фонаря, а просто — при одномъ сѣверномъ сіяніи своего золота! Великій мужъ—мы должны тебѣ оду: Θεоктисть Онуфричъ Бобъ тебѣ ее поставитъ! Но что это! Изъ широкаго круга друзей, изъ-за трапезы, на которой

Прекрасная Нева, принявъ отъ Бельта съ рукъ,
 Въ фарфорѣ, въ хрусталѣ, чужія питья, съѣлъ,
 Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдась,
 Что подчивать должна такъ прихоть поневолю...

изъ-за своего разливаннаго моря, Василіи Артемьевичъ встаетъ угрюмый, недовольный, бѣжитъ въ свою комнату, съ салфеткою въ петлицѣ и проклинаетъ судьбу, Петербургъ, жизнь, все, кромѣ своихъ денегъ, и за что же? За то, что *друзья одолѣли!* Его, крѣпкоголоваго, твердодушнаго, плечистаго, дюжаго, котораго не могли одолѣть ни добровольные посты, ни совѣсть, ни бѣдность, его одолѣли *друзья*, эти высокорольные, высокоблагородные, эти благородные друзья! Они, живя у него почти безвыходно—просятъ еще денегъ въ займы, поѣдая его трюфли, позволяютъ себѣ невинныя шуточки надъ его пріятно-округленной брюшной полостью, вкушая острыя блюда его мастерской кухни, отпускаютъ остроты надъ его умственными способностями, испивая его шампанское—въ упоеніи отъ ручекъ и шейки, и талии его жены! О, дикіе остроумцы! Вы заходите слишкомъ далеко. Крѣпкая натура и туго-набитый кошелекъ вашего Колумба этаго вынести не могутъ. А тутъ еще жена, болѣе довольная остроумными замѣчаніями этихъ господъ, находитъ, что рѣчи и поступки Василья Артемьевича ни на-что не похожи и въ высшей степени неприличны!

И ты, противъ меня, Брутъ!

Василіи Артемьевичъ закутываетъ голову салфеткою. О! онъ злополучнѣйшій изъ смертныхъ, отчаяннѣйшій изъ шукинодворцевъ, выстроившихся въ великіе люди!

Но есть отрада и въ печали!

Онъ возвращается къ невиннымъ днямъ дѣтства, когда еще обкрадывалъ хозяина, когда надувалъ покупателей; къ первой

своей лавочкѣ подъ Апраксинымъ дворомъ, гдѣ кушалъ подо-
вые пирожки, запивая ихъ сбитнемъ со стручкомъ;

— «Гдѣ поѣдалъ съ услудою
И рѣпу и морковь,

— «Гдѣ онъ позналъ съ страдою
И дружбу и любовь!

гдѣ въ воскресный день съ Гришкой Безмѣриномъ, они быва-
ло махнуть въ русскій трактиръ на Крестовскій и кутнуть отча-
янно—гуляй наша! Все ни по-чемъ! Вотъ былъ другъ-то, истин-
ный, нелицемѣрный, не на фуфу, не на бонтонахъ, даромъ,
что въ сибиркѣ, съ бородой и съ платкомъ изъ бумажной пе-
стряди!

О! гдѣ ты выѣлъ, Григорій Безмѣринъ!
Неизмѣнное дружбы копьё!
Ты и теперь чай—я въ этомъ увѣренъ,
Обдѣлываешь дѣльцо свое!

Безмѣринъ легокъ на поминѣ: онъ тутъ-какъ-тутъ, для
утѣшенія стараго друга. Онъ ворвался сквозь толпу лакеевъ,
не уважающихъ своего барина, при посредствѣ своего рода
доклада — жилистаго кулака. Русскій человекъ на кулакѣ
стоитъ, охулки на руку не положить. И вотъ онъ передъ на-
ми, истый представитель *поштеннаго* сословія, съ острой, ры-
жей бородкою, съ апраксинскимъ жаргономъ, въ долгополомъ
сюртукѣ, съ смѣющейся — цвѣтущей физиогноміей, съ выдав-
шимся брюшкомъ, съ руками, упертыми въ бока, воплощен-
ный самоваръ, кипучій и дѣятельный, какъ и онъ. — «Что съ
тобою попритчилось, дружище, Вася, или какая ералашъ при-
ключилась?» — Чего, братецъ, друзья одолѣли! — «Вотъ оно
что! Видно, братъ, женѣ строятъ политику и выказываютъ
разные блезиры? Чтожь! евто, кажись, дѣло поправное, по
становой ихъ, да и за порогъ, съ Богомъ по морозну!»

Но эманципированный сынъ Апраксинской аркады чувст-
вуетъ несбыточность и неприличіе дружняго совѣта: на это
онъ не рѣшится — безъ вопіющаго повода. Поводъ скоро от-
крывается: одинъ изъ искреннихъ друзей новаго Тимона, обо-
бравъ кошелекъ мужа, посылаетъ женѣ любовную записку и
проситъ предательскаго свиданія. Бомба брошена: Гришка
Безмѣринъ разжигаетъ войну: друзья поражены и изгнаны,

деньги на нихъ пропали, но честь спасена! Увы! Петербургъ опять безъ друзей!

По вѣрности купеческихъ характеровъ, по ловко подмеченнымъ приѣмамъ, по типическимъ краскамъ картины этаго быта, мы почти угадываемъ автора водевиля: онъ тотъ самый, кто такъ мастерски, такъ вѣрно истинѣ передаетъ на сценѣ то, что пишеть съ природы перомъ, однимъ словомъ: г. Григорьевъ меньшій. Самъ онъ играетъ въ немъ Безмѣрина и ненужно прибавлять, что неподражаемо. Друзья Василья Артемьевича подгуляли. А самъ Василій Артемьевичъ — въ лицѣ г. Григорьева 1-го — очень хорошъ. Не будемъ судить въ этой пьесѣ искусство, но цѣль ея: въ этомъ отношеніи она прекрасна и въ высшей степени полезна.

Deridendo castigantur mores!

НЕ ЪСТЬ, А ТОЛСТЪЕТЬ! Афиша этому крайне изумляетъ ся и восклицаетъ: *Странное дѣло!* Чтожъ тутъ страннаго, когда человѣкъ не ѣсть днемъ, но за то объѣдается ночью, когда онъ днемъ хочетъ умереть, а ночью живетъ и кутить за четверыхъ! — Что за дичь! скажете вы. — Нѣтъ, не дичь, а истертый театральнѣй эффектъ, въ сотый разъ перекроенный и вывороченный, и въ этомъ новомъ видѣ чрезвычайно нелѣпый. Помѣщикъ Развѣзжалкинъ воспиталъ свою единородную дочь, какъ подобаеть нѣждому родителю и помѣщику ку-псарю. Она мѣшаетъ французскій языкъ съ нижегородскимъ, брэнчитъ польки г. Кажинскаго и бракуеть статскихъ жениховъ, твердя:

Увижу лишь фрачникъ, ставеть мнѣ скучно,
И руку подать имъ весьма тяжело,
Лицо ихъ такъ плоско, а чрево такъ тучно,
И времени бремя на нихъ наделгло!
Ихъ поступь безъ жизни, а фраки ужасны,
Фамиліи странны. — Повѣришь-ли, я
Была бы за статскимъ ужасно несчастья,
Хоть онъ и любилъ бы безмѣрно меня.
То-ль дѣло воевнѣй! — усы, эполеты,
Блестящій мундиръ, перетянутый станъ,
Для женскаго сердца такіе предметы,
Что это вѣдь просто — *делись в шарманъ.*
Какъ слово гвардѣецъ и мило и звучно,
Гвардѣйца-гусара любить не грѣшно....
А *статскій*... фи! гадость, какъ глупо и скучно!
И слышать-то, право, невольно смѣшно,

Туть тотчасъ представишь Управу, Палаты,
Чернила, бумагу, перо,
И черствую душу; а если богатый
Нажитое взяткой добро! (*)

По такой-то причинѣ она находитъ, что молодой Путьгинъ слишкомъ толстъ, чтобы быть ей мужемъ. Путьгинъ съ отчаянія рѣшается похудѣть или умереть, если не похудѣетъ. Онъ не ѣстъ, не пьетъ — а все больше лезетъ вонъ изъ кожи! Странное дѣло! Оказывается, что онъ лунатикъ и ночью наверстываетъ втрое то, въ чемъ отказываетъ себѣ днемъ. Между тѣмъ, за покражу съѣстнаго, которая совершается каждую ночь, дворню ежедневно дерутъ безъ пощады. Наконецъ, Развѣзжалкинъ съ дочкой ловятъ этаго водевильнаго Уголино на дѣлѣ. Отецъ раздѣляетъ съ лунатикомъ ужинъ, а дочь, находя много эксцентрической поэзіи въ этой голодной смерти отъ любви, и еще больше утѣшительной прозы въ лунатизмѣ, заставляющемъ мужа, по ночамъ, странствовать далече — рѣшается выдти за него замужъ, несмотря на то, что онъ толстъ и статскій.

Чтобы постичь всю нелѣпость и пошлость этой пьесы, довольно сказать, что самъ Мартыновъ, на могучія плеча котораго ее взвалили, не въ силахъ былъ поддержать ее — и она шлепнулась съ гуломъ. Странное дѣло!

Если афишка говоритъ вамъ, что **СЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ** русская, народная и притомъ оригинальная опера, то не вѣрте ей: она шутитъ. Опера эта не русская, потому-что выведенные въ ней мужики, солдаты, земскій засѣдатель, столько же похожи на русскихъ, какъ курица на единорога; не народная — потому-что въ ней нѣтъ ни одного элемента русской народности, и не оригинальная, потому-что слѣплена кое-какъ, по образцу всѣхъ русскихъ дивертисмановъ, «Благодѣтельныхъ помѣщиковъ», «Татьянъ на Воробьевыхъ горахъ», «Праздниковъ въ селѣ Сверчковъ», «Ямщиковъ» и пр. и пр. Это просто-напросто что называется *разнохарактерный дивертиссементъ*, безъ всякаго содержанія и съ огромными музыкальными претензіями; тѣмъ онъ только и забавенъ. Музыка дѣтская, написана перомъ неопытнымъ, наполнена воспоминаніями, давно знакомыми, но при всемъ томъ обличаетъ въ молодомъ композиторѣ дарованіе, которое, при постоянномъ трудѣ, при изученіи хорошихъ образцовъ, законовъ композиціи

(*) Стихи Г. А.

и звукосочетанія, можетъ развиться и подарить намъ чѣмъ нибудь хорошимъ. Тогда мы позабудемъ *Сельскій праздникъ* совершенно: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Въ заключеніе спектакля г. Моръ, подъ видомъ колониста, пропѣлъ пѣсню, переложенную имъ на русскіе нравы съ нѣмецкаго, точно такъ, какъ перекладываются у насъ французскіе водевили. Пѣсня эта о томъ, какъ

Билъ мужикъ, онъ поѣхалъ на дровъ!

Жена его билъ прекрасна маламъ!

Въ этой пѣснѣ цѣлый водевиль, самый простой, натуральный и забавный, представленный однимъ лицомъ, и представленный съ удивительнымъ юморомъ и рѣдкимъ мастерствомъ. Пѣсня была повторена три раза; авторъ и пѣвецъ осыпанъ рукоплесканіями. О танцахъ и говорить нечего: когда г-жи Селезнева, Колосова, Григорьева—*танцуютъ*, онѣ всегда прекрасны.

—

ДАМЫ И ГУСАРЫ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ польскаго, изъ комедіи *Федра*, г. *Акселемъ* и *Комп.*

ЦИКУТА. Греческая комедія въ одномъ дѣйствіи, вольными стихами, передѣланная съ французскаго *В. Р. Зотовымъ*.

ПОСЛѢДНІЙ ВЪ РОДѢ ИЛИ БѢХАЛЪ ДА НЕ ДОБѢХАЛЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго *К. А. Тарювскимъ*.

БОЙ-ЖИНКА. Малороссійская опера-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, взятая изъ разсказа *Грицки-Основьяненко*.

(*Бенефисъ г. Сосницкаго.*)

Бенефисъ нашего даровитаго и заслуженнаго артиста *И. И. Сосницкаго* представилъ публикѣ на этотъ разъ самый пріятный винегретъ изъ драматической смѣси — польской, греческой, малороссійской и французской! Чего хочешь, того просишь: и польскаго сочнаго пирога, и греческой шенталы, и малороссійскаго сала и жидкаго французскаго бульона. Но сколько этотъ составъ блюдъ разнообразень, столько-же онъ и хорошъ.

Первое мѣсто **ЦИКУТЪ**, этому ядовитому напитку, отъ котораго умеръ Сократъ, мечтая о безсмертіи и нисколько не жалѣя о своей сожительницѣ. Небойтесь, читатели, мы васъ не отравимъ! Подобный ядъ рѣдко подносятъ намъ на русской сценѣ, а онъ былъ бы очень цѣлителенъ въ умѣренномъ употребленіи.

Клиній въ двадцать пять лѣтъ старикъ; онъ пережилъ всѣ наслажденія жизни, узналъ

Что онъ — игралище страстей,
Какъ автоматъ между людей;
Что ихъ коварства лютой ядъ
Въ его груди умножилъ ядъ;
Что все на свѣтъ — суета,
Что добродѣтель есть — мечта,
Любовь и дружба — пара словъ,
А жалость — мщеніе враговъ!

Среди своихъ богатствъ, своихъ рабовъ и друзей, въ пышныхъ палатахъ — онъ хочетъ прервать нить тягостной жизни. Цикута готова: онъ выпьетъ смертоносную чашу и умретъ, какъ Сократъ, съ тою разницею, что тотъ умеръ отъ ума, этотъ умретъ отъ хандры.

Передъ смертью онъ сзываетъ друзей и послѣ веселой оргіи, говоритъ имъ, что хочетъ умереть. Друзья изумлены:

Возможно-ль! умереть! тебѣ? въ такіа лѣта?
Съ твоими средствами пріятно жизнь вести?
Но какъ! За чѣмъ?

Клиній отвѣчаетъ имъ:

Затѣмъ, что ничего я въ жизни не любилъ,
Что я ничѣмъ не дорожилъ,
Тяжелой скукою томился.

Парисъ.

Но, помнится, и ты бывало веселъ былъ,
Пилъ, ѣлъ, игралъ, шутилъ, любилъ.

Клиній.

И оттого-то я извѣдалъ пресыщенье,
Что слишкомъ много пилъ и ѣлъ.
Въ игрѣ я болѣе не чувствую волненья,
И самому себѣ я страшно надоѣлъ...

Парисъ.

Но женщины!...

Клиній.

И къ нимъ я также охладѣлъ.
Два рода женщинъ я встрѣчалъ у всѣхъ народовъ:
Хорошенькихъ — но дурь, или умныхъ, — но уродовъ.

Парисъ.

Позволь тебѣ сказать: разборчивъ слишкомъ ты
А что умъ въ женщинѣ? довольно красоты!

Клиній.

Но если ты не лицефрешь,
И страстью къ женщинамъ ужъ больше не горишь, —
Надѣюсь, все таки, что ты хоть дружбѣ вѣришь,
И хоть друзьями дорожишь?

Клиній.

Друзьями? гдѣ они? вы—развѣ? извините!
Я правдой васъ не оскорблю:
Не любите меня вы вовсе! Нѣтъ, скажите—
Спокойно это. Я васъ также не люблю.

Парисъ.

Прекрасное признанье!...

Клеонъ.

Но, другъ милый!...

Къ чему мнѣ лгать передъ могилой,
А вамъ обманывать меня?
И что мы за друзья! Не разъ сходились вмѣстѣ
Мы ужинать, и до другаго дня
Мы оставались на мѣстѣ
За кубками вина, не потому,
Чтобъ мы другъ другомъ дорожили,
Но потому, что насъ ужъ ноги не носили.

Клиній.

Нѣтъ! въ этой грязи я боюсь огрубѣть
И поглупѣть.... какъ вы вотъ глупы стали.
Я въ этой жизни все на свѣтѣ испыталъ,
Но счастья ни въ чемъ не видѣлъ, не встрѣчалъ.
И хоть не вѣрю въ добродѣтель,
Но пусть мнѣ будетъ Зевсъ свидѣтель!
Порокъ мнѣ очень гадокъ сталъ!...

Парисъ.

Мнѣ вѣкъ мой такъ же былъ не милъ, не свѣжъ, не розовъ. —
Но я сталъ пить, — и сдѣлался философъ.

Клеонъ.

Я видя мѣръ продажнымъ — сталъ копить
Богатство, чтобъ быть спокойнымъ, беззаботнымъ!...

Клиній.

Нѣтъ! лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться животнымъ.

Я васъ не думаю винить!

Въ винѣ и въ золотѣ вы ищете забвенья,

А въ ядѣ я найду успокоенье.

Скупымъ и пьяницей — я не умѣю быть!

Вотъ разнища межъ нами!

Но онъ утѣшаетъ друзей, обѣщая оставить все свое богатство тому изъ нихъ, кто женится на купленной имъ критской невольницѣ, Гипполитѣ. Начинается подличанье друзей передъ невольницею; они клеветуютъ другъ на друга подъ формою сладкой лести; они обвиняютъ одинъ другаго въ недостаткахъ физическихъ, въ порокахъ нравственныхъ; они обнажаютъ всю низость своихъ характеровъ, всю черноту души; ссорятся за выгодную добычу, мирятся изъ корысти. Клиній смотритъ на нихъ съ горькой усмѣшкой. И вотъ люди, съ которыми онъ жилъ! Жизнь становится для него еще отвратительнѣе. Но Гипполита — прекрасное созданье! Она глубоко презираетъ алчныхъ искателей ея руки, которые готовы унизиться въ глазахъ своей націи позорнымъ союзомъ съ рабою; она отказывается также отъ наслѣдства, предлагаемаго ей Клиніемъ и принимаетъ только дарованную ей свободу. Клиній пораженъ. Вотъ сцена между ними, которая служить Клинію перерожденіемъ.

Гипполита.

Ты звалъ меня, мой господинъ?...

Клиній.

Ужели

Забыва ты, что я тебѣ свободу далъ?

Я твой не господинъ!... На дѣлѣ

Тебѣ я это доказалъ,

Твою невинность уважая,

Тебѣ супруга выбрать позволяя —

Скажи же, на кого изъ нихъ твой выборъ палъ?

Гипполита.

О! Клиній! для чего ты такъ шутилъ жестоко?

Меня спасти ты хочешь отъ порока —

И хочешь, чтобъ порокъ здѣсь мною обладалъ!

Клиній.

Но я тебя не понимаю?..

Ужель мои друзья не правятся тебѣ?

Гипполита.

Ты могъ ихъ предложить въ мужа твоей рабѣ,
Но я на рабство ихъ свое не промѣняю.

Клиній.

Такъ ты наша дурными ихъ?
Ужель обоихъ? Ктожь изъ нихъ,
Покрайней мѣрѣ, лучше?

Гипполита.

Оба хуже!

Они смѣшны, и злы — къ тому же...
Но ты ихъ другъ, и я молчу!

Клиній.

Я отъ тебя всю правду знать хочу!
Свободно ты во всемъ признайся,
И говоря объ нихъ, нисколько не стѣсняйся —
Какъ будто бы я ихъ терпѣть не могъ.

Гипполита.

Когда.

Ты хочешь этого, то слушай. Въ нихъ слѣда
Нѣтъ здраваго ума; слова ихъ такъ ничтожны,
Такъ пусты, приторны и ложны;
Въ поступкахъ ихъ видна вся мелкая душа,
По лицамъ ихъ безжизненнымъ, усталымъ,
Болѣзненнымъ и исхудалымъ.
Такъ видно, что они жизнь прожили, спѣша
Учиться грязными страстями,
И невоздержными забавами, пирами,
Убили, не доживъ еще до позднихъ дней,
Рядъ благородныхъ чувствъ, возвышенныхъ страстей.

Клиній.

(Какой огонь и умъ!) Ты судишь слишкомъ строго!
Хотя въ твоихъ словахъ ума и правды много!...
Я вѣрю, что тебѣ не нравятся они;
Но позабудь объ нихъ и на меня взгляни:
Скажи: какъ ты меня находишь?

Гипполита.

Но Клиній, ты меня въ смущеніе приводишь...
Я не могу понять!...

Клиній.

Немножко лучше ихъ;

Я вдесятеро ихъ богаче и моложе.

Хоть на пирахъ, на праздникахъ моихъ,
 Я невоздержностью ослабленъ тоже,
 Но много есть во мнѣ и нѣги и огня....
 Скажи: ты хочешь ли всегда, вблизи меня,
 Живя въ богатствѣ, роскоши и счастья,
 Узнать восторгъ любви.....
 Я не могу тебя назвать своей женой,
 Но вѣчно пламенный, любовникъ страстный твой
 Всю жизнь тебя ласкать, желѣять будеть,
 И если жизнь его судьба прерветъ
 Въ послѣдній часъ тебя онъ не забудеть,
 И духъ его, въ Айдесъ направа свой полеть,
 Все золото тебѣ, богатство все оставитъ....

Гипполита.

Вы, боги! слышите, какъ онъ меня безславить?
 Онъ знаетъ, что меня никто не защититъ
 Въ его дому отъ оскорбленій;
 Но пусть на одного его падеть весь стыдъ
 Такихъ позорныхъ предложеній.

Клиній.

Что значить?... Развѣ ты меня не поняла?...

Гипполита.

О! я вполнѣ понять тебя стыжуся!...
 Теперь — ты для меня стала низко!... Признаюсь,
 Я такъ въ тебѣ увѣрена была,
 Что еслибъ кто нанесъ мнѣ оскорбленье,
 Довѣрчиво души послѣдовавъ влеченью,
 Къ тебѣ бы я тогда пришла
 И скрылась подъ твою защиту!...
 И чтожъ, ты самъ теперь позоришь Гипполиту ...

Клиній.

Что вижу, плачешь ты?... Тебя я оскорбилъ?...

Гипполита.

Когда бъ еще моимъ ты господиномъ былъ,
 И сдѣлалъ мнѣ такое предложенье,
 Я избрала бы смерть, пославъ тебѣ презрѣнье:
 Но ты меня освободилъ,
 Со мною связанъ ты благодѣяньемъ...
 И подвигъ благородный твой
 Позорнымъ унижаешь ты желаньемъ.
 Я за тебя стыжусь!...

Клиниі.

Довольно!.. голосъ твой

На сердцѣ пробудилъ взволнованную совѣсть!..
 Какъ мнѣ ясна теперь постыдной жизни повѣсть!..
 О, я теперь постигъ и разгадалъ,
 Какъ чисто было все, что такъ я осмѣялъ,
 Чего въ душѣ не признавалъ,
 Надъ чѣмъ постыдно издѣвался,
 Что отвергалъ, чего гнушался.
 Молю тебя: прости меня, прости!
 Я безъ того наказанъ рокомъ:
 Въ безвѣрїи ужасномъ и глубокомъ
 Я осужденъ былъ жизнь вести;
 Своими чувствами другихъ поступки мѣрить,
 Святой невинности не вѣрить,
 Не знать возвышенныхъ страстей,
 И, встрѣтясь съ чистою, прекрасною душою,
 Страдать и понимать, что я ее не стою,
 Что я безумецъ и злодѣй!..
 Скажи ты можешь ли забыть о предложенъи?

Гипполита.

Раскаянье твое смываетъ оскорбленье,
 И Клинія въ тебѣ я снова узнаю...

Жизнь и вѣра возродились снова въ душѣ Клиніи вмѣстѣ съ любовью. Но онъ не можетъ оторваться отъ предрасудка; философъ, рѣшившійся умереть отъ скуки и пресыщенья, теперь, когда ему открылся новый міръ, не можетъ разорвать ниточки, связывающей его съ общественнымъ мнѣніемъ — и готовъ умереть отъ того, что преступная страсть его не удовлетворяется, а сдѣлать ее законною—онъ не въ силахъ. Наконецъ, чаша съ цикутой принесена. Гипполита пришла съ нимъ проститься: она плачетъ, она хочетъ раздѣлить съ нимъ ядъ... Но отчего-же? Оттого, что она его любитъ, и жизнь безъ него ей не нужна. Клиніи бросаетъ чашу и бѣжитъ изъ пышныхъ Аоннъ, чтобы насладиться тихою, семейною жизнью въ объятіяхъ милой подруги, жизнью, которая одна даритъ прочное счастье человѣку.

Эта небольшая пьеса, прекрасная по содержанію, умная по изложенію, написана звчными, легкими стихами. Изъ французскаго подлинника заимствована только идея и нѣкоторыя сцены; остальное все принадлежитъ В. Р. Зотову.

Г-жа Самойлова 2 передала роль Гипполиты тепло и съ достоинствомъ. Г. Каратыгинъ 1 прекрасно продекламировалъ роль Кливнїя. Но болѣе простая игра, согрѣтая только внутреннимъ чувствомъ, и сцены, веденныя болѣе разговорнымъ, свѣтскимъ языкомъ, придали бы этому характеру несравненно больше блеску. Онъ выдался бы выпуклѣе и не мѣшалъ бы общей гармонїи пьесы, имѣющей колоритъ чисто-комическїй. Хотя Кливнїй и рѣшается на трагическїй поступокъ, но онъ дѣлаетъ это хладнокровно, какъ мизантропъ, который растаетъ съ жизнью все равно, какъ съ изношеннымъ платьемъ. Принять его за *трагическаго героя*, значитъ погубить смыслъ всей пьесы.

Сѣверная Пчела подслушала въ театральной залѣ, слѣдующїй экспромтъ на *Цикуту*:

Нѣтъ! переводчикъ васъ не перенесъ въ Афины;
Не Греки это говорить, а Финны!

Признавая вполнѣ остроумїе этого каламбура, мы однакожь, должны сказать, что самая ѣдкая его сторона, относится во все не къ автору или передѣльвателю *Цикуты*.

Графъ Фредро одинъ изъ лучшихъ комическихъ писателей Польши. Главное достоинство его пьесъ состоитъ въ томъ, что у него всегда прекрасно развиты и обрисованы характеры. Но онъ до такой степени народенъ, такъ глубоко вникаетъ въ физиологію польскихъ нравовъ, что его комедїи не переводимы, ихъ надо непременно передѣлывать. Такъ и поступили у насъ гг. *Аксель и Копп*. Пьеса ихъ, *Дамы и Гусары*, состоитъ въ томъ, что отрядъ дамъ налетаетъ врасплохъ на эскадронъ старыхъ гусаровъ, окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, сыплетъ въ нихъ картечью словъ, овладѣваетъ ими и, какъ военно-плѣнныхъ, лишенныхъ всякаго оружія къ защитѣ, хочетъ переженить насильно. Подъ конецъ, къ нимъ на выручку является молодой гусарчикъ, который вмѣсто ихъ остается въ брачномъ плѣну, а имъ дарятъ свободу, за что они и донинѣ благодарятъ Бога.

Сюжетъ этотъ очень забавенъ, смахиваетъ немножко на волевиный фарсъ, но по характерамъ лицъ и по искусству, съ которымъ ведены нѣкоторыя сцены, онъ представляетъ игривую комедію, полную наблюдательности и ума. Три женскіе характера сестеръ маіора Сабурова, характеръ самаго маіора

и ротмистра Бурцева, обрисованы мастерски. Жаль только, что сюжетъ нѣсколько скомканъ къ концу: этотъ грѣхъ прямо лежитъ на домѣ *Аксель и Ком.*, который, какъ видно, немножко поторопился постановкою пьесы на сцену.

Глядя на Сосницкаго въ роли Сабурова, мы живо вспомнили блестящіе годы его славы: это тотъ же самый неподражаемый артистъ, живой, вѣрный натурѣ, естественный въ разговоръ, развязный въ пріемахъ, ловкій и непринужденный въ веденіи трудныхъ сценъ, мастерски выражающій самыя мелкіе оттѣнки характера, истинный — до-нельзя. Невозможно глядѣть на него въ этой роли безъ живѣйшаго наслажденія! Г. Григорьевъ 1 — прекрасенъ въ другомъ родѣ. Дамы, г-жи Сосницкая, Ливская и Куликова, поддерживаютъ цѣлое, съ свойственнымъ имъ талантомъ. Мы давно не видѣли на нашей сценѣ пьесы, такъ хорошо слаженной и такъ ловко сыгранной. Ее можно смотрѣть съ удовольствіемъ нѣсколько разъ.

Мы не можемъ себѣ объяснить, почему водевиль **ВХАЛЪ, ДА НЕ ДОВХАЛЪ**. названъ *последнемъ въ родѣ*. Въ этомъ родѣ есть много водевилей гораздо хуже, и онъ далеко не послѣдній. Содержаніе его стереотипная форма, которая послужила для составленія многого-множества подобныхъ пьесъ. Старикъ маркизь-волохита; у него дальняя родственница, хорошенькая Люси; у нея женихъ Поль, наивный мальчикъ, прямо изъ духовной школы; у него глупый и уроливый наставникъ *Жоли*; и въ домѣ старая, продувная управительница, *Роза*. (Что за дьявольская иронія!) Вотъ вамъ всѣ дѣйствующія лица; а какъ они дѣйствуютъ, вы вѣрно догадываетесь сами. Старикъ, разумѣется, волочится за молоденькою; старуха даетъ наставленія молодому; тотъ отбиваетъ Люси и оба старика, воспитатель и наставникъ, остаются въ дуракахъ.

Г-жи *Жулева* — мальчикомъ Подемъ; *Сосницкая* — управительницею и г. *Мартыновъ* — старымъ учителемъ, поддержали пьесу своею игрою.

ВОЙ ЖИНКО. — передѣлана изъ малороссійскаго разсказа Основьяненко, въ которомъ удамая жена лечитъ дурия-мужа отъ ревности, переряжаясь солдатомъ, цыганкой и старой-бабой колдуньей. Въ малороссійскихъ правахъ оно, можетъ быть, остроумно и забавно, въ нашихъ просто длинно, пошло

и скучно, особливо, когда еще артисты играютъ пьесу Богъ вѣдаетъ на какомъ нарѣчїи, на средне - пропорціональномъ между олонецкимъ, полтавскимъ и чухонскимъ, а претензію имѣють походить на кровныхъ хохловъ. Но пьеса эта была дана единственно для ознакомленія публики съ г. Домбровскимъ, комикомъ Харьковскаго театра, удивительно вѣрнымъ и забавнымъ въ типическихъ характерахъ Малороссїи. Въ роли Потана Левурды онъ былъ поразительно хорошъ. При счастливой, въ высшей степени комической и подвижной физиогномїи, онъ обладаетъ неподдѣльною веселостью и тѣмъ хладнокровнымъ юморомъ, который составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ въ комикѣ. Кромѣ *Бой-женики*, Домбровскій игралъ еще въ *Москаль Чарошникъ* и пѣлъ отдѣльную комическую жидовскую сцену. Въ роляхъ *Чупруна* и *Жида* онъ неподражаемъ: эта натура, самая вѣрная, самая поразительная, безъ фарса, безъ натяжки, безъ всѣхъ постановочныхъ средствъ къ произведенію эффекта. Публика оцѣнила заѣзжаго артиста по достоинству и награждала его обильными рукоплесканїями и вызовами, вполне заслуженными. Примѣръ г. Домбровскаго ясно показываетъ, что у насъ въ столицахъ имѣють довольно превратное понятіе о провинціальныхъ театрахъ. На нихъ встрѣчаются таланты, которые могли бы служить украшеніемъ любой столичной сцены, и доказательствомъ тому служитъ, что г. Домбровскій отнюдь не первый комикъ Харьковской сцены, а занимаетъ на ней только второе комическое амбуа: первое мѣсто принадлежитъ знаменитому во всей Россїи артисту Соленику, провинціальному сопернику Мартынова и Щепкина. Впрочемъ, за исключеніемъ столичныхъ театровъ, Харьковскій, Нижегородскій и Одесскій лучшіе въ Россїи.

Вотъ полный обзоръ послѣднихъ новостей, которыми насъ подарилъ на прощаньи 1847 годъ. Наступившій новый не принесъ намъ пока еще ничего новаго, но много обѣщаетъ въ будущемъ: его устами медь пить!

Э. КОНИ.

ПАНОРАМА

СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

ПАРИЖЪ.—Гриппъ! гриппъ! гриппъ! кричатъ весь Парижъ, гриппъ на театрахъ, гриппъ въ концертахъ, гриппъ въ салонахъ! У Дюпре гриппъ (безсмѣнный, прибавляютъ нѣкоторые шутники), у Рашели гриппъ (въ тѣ дни, когда великой артисткѣ не хочется играть), у Альсида Тюсе, у Гіасента—гриппъ; Комическая Опера была принуждена отмѣнить два спектакля, потому что почти всѣ ея артисты страдаютъ грипомъ, Национальную Оперу гриппъ принудилъ отложить нѣсколько дебютовъ.

Не смотря однакоже на посѣщеніе этой незваной гостьи, театры кипятъ дѣятельностью, на перерывъ ставятъ новыя пьесы или возобновляютъ старыя, а всего болѣе шумятъ; сами трубить или заставляютъ журналистовъ трубить о *перерожденіи всего французскаго театра*. Это теперь любимая тема журналовъ и публики; одинъ молодецъ даже пресерьозно упрекаетъ Историческій театръ за постановку перевода *Гамлета*, потому дескать, что вамъ, парижанамъ слѣдуетъ всегда идти впередъ, быть руководителями Европы въ проложеніи новыхъ путей, а не возвращаться къ старинѣ и еще къ чужой! Бѣдный старикъ Шекспиръ! На роду ему написано быть безпрестанно предметомъ пренебреженія и брани невѣждъ, или еще болѣе оскорбительныхъ продѣлокъ литературныхъ торгашей. Но объ этомъ послѣ.

Здѣсь возобновляются споры и перебранки, наполнявшія мѣсяца два тому столбцы всѣхъ французскихъ журналовъ. До вась, вѣроятно, дошло, что г-жа Альбони, нѣсколько недѣль назадъ была въ Парижѣ, давала концерты и была ангажирована на Большую оперу; обѣщаніе, данное ею прежде Пестскому театру, не позволило ей тотчасъ дебютировать, она поѣха-

ла въ Пестъ, дала тамъ два представленія и концертъ, на возвратномъ пути спѣла въ концертъ въ Вѣнѣ, и вотъ опять явилась въ Вавилонѣ девятнадцатаго вѣка; вѣдь вы знаете, что парижане пресерьозно считаютъ свою столицу какимъ-то новымъ Вавилономъ, центромъ всего міра; отъ того-то такое магическое дѣйствіе производятъ на нихъ слова аріи (пѣть *Семирамиды*), которою г-жа Альбони начала и концертъ свой и первое представленіе: *Esso mi alfine in Babilonia*. Въ дебютъ ея, эти слова, а вмѣстѣ и чудный голосъ артистки, разстроили даже заговоръ публики, рѣшившейся встрѣтить пѣвицу съ видомъ строгаго судьи (парижская публика любитъ подчасъ скорчить строгаго судью). Едва раздались эти волшебные звуки, зала огласилась единодушными рукоплесканіями. Торжествомъ артистки, была, впрочемъ, не эта арія, и даже не дуэтъ съ Ассуромъ, а два дуэта съ Семирамидою и арія втораго дѣйствія; всѣ эти пумера были повторены. Это представленіе *Семирамиды* было замѣчательно и тѣмъ, что Гризи (надо вамъ сказать, что Альбони хотя и была первоначально ангажирована въ Большую оперу, дебютировала однакожъ въ Итальянской, которой уступлена дирекцію Б. О.), Гризи была въ роли Семирамиды такъ хороша, какъ рѣдко бываетъ; очевидно, что состязаніе съ новымъ талантомъ, а можетъ быть, и дошедшія до нея предсказанія, будто звѣзда ея потускнеть предъ восходящею звѣздою соперницы, возвратили ея голосу и дарованію все могущество молодости.

Другой предметъ споровъ и перебранокъ журналовъ, новая опера Верди *Иерусалимъ*. Опера эта ничто иное, какъ извѣстные вамъ *Ломбардцы*. Французы, по какой-то премудрой своей теоріи, не допускаютъ перевода оперныхъ либреттъ; а допускаютъ поддѣлку новыхъ текстовъ къ старымъ партитурамъ; такъ они поступили и въ настоящемъ случаѣ. Гг. Альфонсъ Ройе и Ваэсъ, обычные подрядчики на таковыя дѣла, приладили къ музыкѣ Верди новую поэму; перенесли дѣйствіе изъ Ломбардіи въ Лангедокъ, турокъ Оронтъ обратился въ Гастона, жениха Елены, дочери тулузскаго герцога; но дядя ея, Рожеръ, подсылаетъ убійцу, который, ошибкою, вмѣсто Гастона, убиваетъ самого герцога, и по внушенію Рожера, обвиняетъ въ этомъ преступленіи Гастона. Далѣе, авторы приравляютъ къ этой новой данной всѣ сцены прежняго либретто; для большаго эффекта введена во второмъ дѣйствіи сцена разжалованія Гастона изъ рыцарскаго достоинства; святой пустынноикъ, призванный приготовить преступника къ смерти,

доставляетъ Гастону случай бѣжать отъ казни, чтобы участвовать въ штурмѣ города. Послѣ сраженія, Гастонъ возвращается отдать голову палачу; но въ тоже время является раненый пустынный, и открываетъ, что онъ преступникъ Рожеръ и что Гастонъ невиненъ. Партитура почти осталась въ прежнемъ видѣ; композиторъ прибавилъ только четыре нумера, два балета, большую сцену разжалованія, и прелестный восходъ солнца, перевесенный имъ изъ другой оперы, *Аттилы*. Мы будемъ еще имѣть случай поговорить подробнѣе объ этой партитурѣ; нынче скажемъ только, что опера имѣла большой успѣхъ, какъ сама по себѣ, такъ и благодаря исполненію. Дюпре, игравшій Гастона, правда, болѣе декламировалъ, чѣмъ пѣлъ, но мы въ Парижѣ давно уже привыкли, по старой памяти, называть его деклямацію, а подчасъ и крики пѣниемъ; впрочемъ, въ драматическихъ мѣстахъ онъ былъ прекрасенъ, сколько позволялъ ему безсмѣнный гримъ. Роль Рожера, едва ли не лучшую въ оперѣ, исполнялъ Алзаръ. Роль Елены вновь ангажированная пѣвица, е-жа Жюлианъ-ванъ-Гельдеръ. Эта артистка обладаетъ чрезвычайно сильнымъ, гибкимъ голосомъ, и нечужда драматическаго смысла; впрочемъ, чтобы судить ее окончательно, надо ее послушать сначала въ другой роли, въ которой музыка не была бы совершенно принесена въ жертву бравурности. Покаместъ она кружитъ голову Парижанамъ; въ журналахъ безпрестанно являются въ честь ея стихи, въ которыхъ ее поочередно сравниваютъ со всѣми поющими и непоющими предметами въ природѣ.

Кстати о новыхъ артисткахъ, ангажированныхъ дирекцією Большой Оперы: въ числѣ ихъ была премиленькая англичанка, миссъ Бѣргъ, о которой Джонъ-буль рассказывалъ чудеса; Парижъ съ нетерпѣніемъ ждалъ ея дебюта, въ роли *Матильды* въ *Вильгельмъ Телль*, какъ вдругъ узнаеть, что она тайкомъ уѣхала въ Англію и слышать не хочетъ о своемъ контрактѣ. Причиною этого страннаго поступка было то, что ея англійская гортань никакъ не уживалась съ французскимъ языкомъ, отъ чего происходили подчасъ презабавныя двусмысленности; на-примѣръ, на общей репетиціи *Вильгельма Телля*, она размѣшила всѣхъ слушателей фразою: *Mon coeur n'a pas trompé messieurs (mes yeux)*; вслѣдствіе этого случая, она рѣшилась лучше подвергнуться взысканію неустойки, чѣмъ дебютировать.

Большая Опера, не смотря на значительныя издержки, которыя она дѣлаетъ на постановку старыхъ и новыхъ т. е.

обновленныхъ пьесъ, все-таки видить ясно, что безъ отличныхъ пѣвцовъ и первокласныхъ пѣвицъ далеко не уйдетъ. Сильный Дюпре и всѣ иноземныя пѣвицы не спасутъ ее отъ гибели. Несторъ Рокланъ и содиректоръ его взяли, наконецъ, за умъ, и ангажировали на первыя партіи г-жу *Віардо-Гарсію*, нашу незабвенную петербургскую любимицу, и *Роже*, прекраснаго тенора Комической Оперы, этаго миниатюрнаго Рубини, со всѣми его классическими достоинствами. Но Роже имѣетъ передъ великимъ итальянскимъ пѣвцомъ еще огромныя преимущества: онъ молодъ, красивъ, какъ Адонисъ, и прекраснѣйшій, теплый, развязный актеръ. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что Опера двинется впередъ и завоюетъ снова свою старинную славу. За то съ балетомъ дирекціи совершенная бѣда! Балетъ въ наше время искажился и изуродовался до-нельзя: онъ въ рѣшительной войнѣ со здравымъ смысломъ!—Фейерверками, фантанамъ, бенгальскими огнями, адомъ и чертями—нынче публику уже не заманишь: она совсѣмъ развратилась, невѣритъ болѣе въ черта — даже театральнаго! Лошади тоже ужъ не вывозятъ... бѣда да и только! А откуда взять умъ и воображеніе, чтобы вложить ихъ въ головы хореографамъ и балетмейстерамъ и въ ноги танцовщиковъ и танцовщицъ?

Послѣдніе балеты «*Пахита*» и «*Мармориалъ Статуя*» имѣли временный успѣхъ, онъ продолжался только, пока все парижское населеніе ихъ пересмотрѣло, а какъ это кончилось, они не даютъ болѣе сборовъ. И въ самомъ дѣлѣ, кому изъ образованныхъ людей придетъ въ голову смотрѣть во второй разъ подобныя нелѣпости, не говорящія ничего ни чувству, ни воображенію? Половина *Пахиты* выкрадена изъ *Хитаны*, изъ *Преціозы*, изъ *Ночлега въ Гренадѣ* — Крейцера, изъ *Ночи въ лѣсу*, словомъ изъ всѣхъ пьесъ, въ которыхъ дѣйствуютъ цыганы и разбойники. Эта плясавица-цыганка, которая подъ-конецъ оказывается похищенной дочерью какого нибудь вельможи и которую всегда узнаютъ по одному и тому-же медальону, служившему уже двадцати героинямъ пьесъ, такая избитая тема, что она всѣмъ намозолила глаза. Неужели Фюшеръ такъ бѣденъ творчествомъ и немогъ воображеніемъ, что не могъ придумать чего-нибудь новѣе? И какъ смѣшно видѣть Наполеоновскихъ героевъ, замѣшанныхъ въ такую цыганскую исторію и въ покоренной землѣ занимающихся выплясками. Не даромъ-же нѣмцы проносятъ фамилію автора по своему, они называютъ его—*Фетт Зиффет!* Теперь, послѣ всѣхъ этихъ неудачъ, новая дирекція

Большой Оперы, объявила рѣшительную опалу на всѣхъ танцовщиковъ. Многіе журналы съ восторгомъ приняли это нововведеніе, и довольно легкомысленно высказали свое одобреніе. Они того мнѣнія, что только и можно глядѣть съ удовольствіемъ на танцюющую *женщину*, эту бабочку, воплощенную въ человѣческой образъ, которой назначеніе беззаботно пѣть и плясать; что только существо, рожденное для того, чтобы плѣнять взоры и душу, можетъ вполне развить *грацію*, главное условіе танца, и увлечь насъ своими роскошными формами, своими обаятельными тѣлодвиженіями, своей обольстительной мимикой—до того самозабвенія, которое оправдываетъ въ глазахъ мыслящаго человѣка неестественность балета, и заставляетъ его восхищаться осуществленнымъ бредомъ игриваго воображенія. Съ одной стороны эти господа правы, съ другой кругомъ виноваты, и потому, мы не раздѣляемъ ихъ мнѣнія, или, по крайней мѣрѣ не раздѣляемъ его безусловно. Правы они потому, что дѣйствительно нынѣшніе танцы мужчинъ утратили все свое прежнее значеніе, въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни граціи, но это болѣе трудные скачки, неестественныя изгибанія, сопряженныя съ страшными усиліями, болѣе удивительныя, чѣмъ пріятныя для глаза. Но теперь возьмемъ оборотъ медали, и увидимъ, что исключая мужчинъ изъ области танца, поражая ихъ балетнымъ *острокизмомъ*, и Большая Опера и г. г. журналисты одинаково несправедливы и неосмотрительны.

Мы уже давно сказали, что нынѣшній балетъ не имѣетъ болѣе значенія мнѣологической или фантастической драмы, не есть также драматическое творчество, выражаемое пантомимой, подобное *пьесамъ безъ словъ* (*Lieder ohne Worte*) покойнаго Мендельсона - Бартольди, которыя вы слушаете и безъ текста понимаете. Нынѣшній балетъ есть прямо — область *танца*; онъ представляетъ картины всѣхъ возможныхъ проявленій танца: танца *патетическаго*, гдѣ первое условіе античная красота и грація, танца *пастушескаго*, гдѣ первое достоинство—игривость и ловкость; танца *комическаго*, въ которомъ основную стихію, составляетъ забавное — въ позахъ, движеніяхъ, неожиданныхъ переходахъ, наконецъ, танца *общаго* т. е. идеальнаго, и танца *характернаго*, т. е. выражающаго какую нибудь особенную національность, какъ напр. русская пляска; испанскій танецъ, краковьякъ или отдѣльный типъ характера какой нибудь національности, какъ напр. присядка, цыганская, качуча, полька и проч.

Всѣ эти проявленія танца, вставленныя въ какія-бы то ни было рамы вымысла, еднoственно для видимой связи между собою, составляютъ современную идею о балетѣ. Стало быть не мимическое искусство, перенесенное аббатомъ де-Лене въ училища глухо-нѣмыхъ, а собственно танцы играютъ въ немъ первенствующую роль. Это избавляетъ театры отъ *хореграфовъ*, т. е. поэтовъ, создающихъ вымыслы балетовъ, но обязываетъ ихъ имѣть хорошихъ *балетмейстеровъ*, т. е. мастеровъ сочинять, слаживать и постановлять танцы.]

Не станемъ отвергать балета и въ этой его формѣ, и въ ней можетъ онъ принадлежать области искусства, хотя не въ такомъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ принадлежалъ ей прежде, какъ полное цѣлое, а не какъ частность.

Понятно, что если такимъ родомъ представленій театръ хочетъ передавать намъ правы, увеселенія, преданія, сохранившіяся у разныхъ народовъ въ танцахъ, то онъ непременно долженъ допустить и мужчинъ къ соучастию въ этихъ представленіяхъ, ибо у всѣхъ націй міра, даже у дикихъ, танецъ всегда служилъ эмблемою любви и средствомъ сближенія половъ (?).

Нѣтъ страны, гдѣ бы женщины однѣ участвовали въ танцахъ, кромѣ мусульманскихъ земель, гдѣ прекрасный полъ составляетъ исключительную секту паріевъ, затворницъ, не принимающихъ участія ни въ одномъ изъ духовныхъ наслажденій мужчинъ. Заставить ихъ однѣхъ плясать въ балетахъ, значило-бы: обратить всѣ балеты въ турецкіе харемы, всѣхъ танцовщицъ въ одалискъ, отказаться отъ правдоподобія на сценѣ, и похитить у подражанія жизни главный и самый живой его интересъ.

Хорошо обдуманнѣй танецъ долженъ имѣть свое намѣреніе, развитіе, цѣль. Отдать его въ исключительный удѣлъ женщинъ будетъ тоже, что лишить его этихъ основныхъ началъ. И въ чемъ состоитъ красага танца? Въ рисунокѣ, въ группировкѣ, въ живыхъ, разнообразныхъ движеніяхъ и перемѣнахъ картинъ. Все это въ рукахъ однѣхъ танцовщицъ должно, наконецъ, сдѣлаться однообразнымъ и утомительнымъ для глаза; это будетъ хореграфическое олицетвореніе лучшаго мотива Веретовскаго:

Ахъ, подруженьки, какъ скучно!

(?) Смори статью Коки: *Исторія баловъ и маскерадовъ*. Пантеонъ, 1840 года.

Почему-же и мужчинѣ не пѣвнать зрителя, если онъ великъ въ своемъ искусствѣ, которое, разумѣется, должно заимствоваться болѣе отъ древней, классической пластики, чѣмъ отъ успѣховъ современной акробатіи, потому-что скульптурная, анатомическая красота, а не гимнастическая ловкость составляютъ идеаль танца! (Если мы не видимъ въ танцовщицкѣ смѣшныхъ подготовленій, трудной механической работы, афектаціи, старинныхъ манеръ, почему же ему не занять своего мѣста въ балетѣ? Напротивъ, при выпѣшнемъ направленіи женскаго танца, основаннаго на трудныхъ позахъ, онъ даже необходимая принадлежность и поддержка. Мы знаемъ въ настоящее время артистовъ, которые исполнѣ заслуживаютъ, приобрѣтенную ими хореографическую славу и дѣйствительно люди съ необычайнымъ талантомъ и вкусомъ. Таковы два брата Карей, Эдуардъ и Густавъ, изъ которыхъ одинъ въ Неаполѣ, на сцѣнѣ Сан-Карло, другой въ Миланѣ, на сценѣ Скалы, и знаменитый Петипа, (*) занимающій первое мѣсто въ Парижскомъ балетѣ. Легкость, вкусъ, изящество, неприужденность и безусиліе движеній, вотъ отличительный характеръ этихъ трехъ артистическихъ личностей на сценѣ.) Давай Богъ побольше такихъ художниковъ и они всегда найдутъ себѣ мѣсто на сценѣ, если не въ Парижѣ, такъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, и вездѣ, гдѣ еще не вывелись люди съ дравымъ смысломъ и эстетическимъ вкусомъ.

Уничтожая историческія преданія и правдоподобіе исключеніемъ танцовщиковъ изъ балета, Парижская сцена, можетъ быть, хочетъ оправдать слова Виктора Гюго, такъ рѣзко характеризующія вѣкъ:

A bas l'histoire! à bas la gloire et la valeur!

Vivent les pieds dansants! L'esprit à la lanterne.

Долой исторію! долой славу и мужество!

Да здравствуютъ пляшущія ножки! а умъ на фонарь!

Но этого мало! Теперь *Большая Опера* ставитъ съ большой заботливостью новый балетъ «*Пять чувствъ*» (*Les Cinq-Sens*) и придумала для его успѣха вещь, еще никогда небывалую. Извѣстно вамъ, что первая танцовщица Парижа *Карлотта Гризи*, сестра знаменитой пѣвицы *Джулии Гризи*; но

(*) Братъ того, который ангажированъ у насъ.

едва-ли вы знаете, что эта балетная Пери владѣетъ еще дивнымъ и выработаннымъ голосомъ, и можетъ имъ дѣлать такіе-же быстрые, блестящіе и отчетливые пассажи, какіе выдѣлываетъ ногами. Вотъ и придумали для нея такую роль, въ которой она будетъ *пѣть и танцовать*. Такая новизна дѣйствительно произведетъ эффектъ, но выполняли-ли она, вотъ вопросъ. Пѣніе и танцы физически несовмѣстны другъ съ другомъ; одно требуетъ спокойствіе тѣла и въ особенности дыхательныхъ органовъ, а другіе, напротивъ, волнуютъ кровь и производятъ одышку. То или другое должно пострадать, а вѣроятно-же, что пострадаютъ оба: пѣвица—будетъ удерживать танцовщицу, танцовщица—сбережется для пѣвицы. Увлеченія, во всякомъ случаѣ, быть не можетъ. Впрочемъ, посмотримъ и потомъ поговоримъ объ этомъ больше. Если изъ пяти чувствъ выбирать роль для Гризи, то по моему—всего приличнѣе дать ей *клубъ*, тутъ она будетъ сама натура!

Александръ Дюма, основатель историческаго театра, продолжаетъ такъ торжественно объявленное имъ дѣло: знакомить Французовъ съ иностранною драмою. Лѣтомъ онъ подарилъ ихъ *этиюдою* съ Шиллеровой драмы *Коварство и Любовь*, а нынче даритъ *вольнымъ* переводомъ Шекспирова *Гамлета*. Переводъ гг. Дюма и Мёриса, хотя и названъ вольнымъ, однакоже, въ подробностяхъ довольно вѣренъ; множество сценъ выпущено и сокращено; нѣкоторые лица совершенно исключены; конецъ совсѣмъ передѣланъ; послѣ извѣстной сцены дуэли на шпагахъ, когда королева выпиваетъ отравленное вино, Лаэртъ раненъ собственною отравленною шпагою, а Гамлетъ закалываетъ короля, является тѣнь отца, общаетъ прощеніе Лаэрту и преступной королевѣ, проклинаетъ предателя брата, Гамлету же велитъ жить и царствовать, и Гамлетъ живетъ и царствуетъ. Съ какою цѣлью переводчикъ позволялъ себѣ это отступленіе, про то знаетъ онъ самъ, да и то еще вопросъ, знаетъ ли самъ переводчикъ? По моему, если переводчикъ имѣлъ въ виду цѣль, о которой объявлялъ при основаніи театра, познакомить Францію съ драматическою литературою другихъ народовъ, чтобы расширить понятія ея и дать новую жизнь собственной ея драмѣ, то слѣдовало передавать Шекспира вполнѣ, предоставляя читателямъ или зрителямъ самимъ судить, въ чемъ онъ хорошъ, и въ чемъ грѣшитъ. Въ окончаніи Шекспира, по моему, гораздо болѣе логики, чѣмъ въ *усовершенствованномъ* концѣ г. Дюма. Еще одно замѣчаніе; из-

вѣстно, что всѣ драматическія произведенія Шекспира писаны стихами и прозою попеременно; во время владычества во Франціи классической школы, трагедія не могла бы назваться трагедіею, еслибъ не была написана александрійскими стихами. Даже знаменитый *Донъ-Жуанъ* Мольера, игрался венначе, какъ въ водяномъ стихотворномъ переложеніи Оомы Корнея; романтическая школа сбросила этотъ предразсудокъ со многими другими; не смотря на то, гг. Дюма и Мёрисъ, перевели всего Гамлета въ стихахъ, довольно гладкихъ, но вялыхъ и безцвѣтныхъ. Вотъ вамъ для образца, на выдержку нѣкоторыхъ мѣста изъ ихъ перевода: найдете ли вы въ нихъ хоть слѣдъ Шекспировскаго духа и языка, какъ бы слѣдовало ожидать отъ переводчика, пользующагося такимъ громкимъ именемъ, какъ Александръ Дюма?

J'ai depuis quelque temps, pourquoi je n'en sais rien —
 Perdu toute gaieté, je ne fais rien de bien,
 L'ennui, brouillard glacé, trouble mon cœur avide.
 La terre, ce jardin, me semble morne et vide,
 Le ciel, ce dais d'azur, ce divin firmament,
 Qui sur tout notre bruit règne tranquillement,
 Cette voûte infinie, où scintille l'étoile,
 Rayon du jour celeste entrevu sous le voile,
 N'a plus pour mon esprit, accablé par le sort,
 Que nuages de deuil et que vapeurs de mort.
 L'homme est beau, l'homme est roi des choses éternelles,
 Son front a des rayons, et son ame des ailes,
 Quand l'idée ou l'amour l'éclairent de leur feu.
 Ses actes sont d'un ange et ses pensées d'un Dieu.
 Mais son cœur fut-il grand comme la terre entière
 Poussière voila tout... redeviendra poussière!

• • • • •
 Reste maître de toi. Jamais d'effet criard,
 Garde aux troubles du cœur la dignité de l'art.
 Et quand la passion entraîne, — gronde et tonne;
 Tache que l'on admire avant que l'on s'étonne.
 Quel supplice de voir des lourdauds impudents,
 Qui grincent leurs douleurs et font grincer nos dents,
 Ecorcher à la fois la pièce et nos oreilles,
 Tandis que le parterre à ces grosses merveilles,
 Stupéfait, applaudit les grands cris, les grands bras,
 Et siffle un noble acteur qui ne l'assourdit pas!

Le fouet à ces braillards drapés en matadores ;
 Qui sur l'affreux tyran encherissent encore !
 Pourtant pas de froideur et d'airs manierés,
 Accorde simplement ton geste et ta parole,
 Et sais que la nature éclate dans ton rôle,
 La nature d'abord. La scène est un miroir,
 Où l'homme tel qu'il est, bien ou mal, se doit voir ;
 Où siècles qu'on oublie et pays qu'on ignore,
 Reprennent leur allure et viennent vivre encore.
 Si l'image est outrée ou le reflêt pâli,
 Que le vulgaire y trouve un chef d'œuvre accompli,
 Un esprit éclairé, qui vous fera la guerre,
 Pour vous doit l'emporter sur tout le vulgaire.
 Ah ! j'ai vu maint acteur dont on disait grand bien,
 Et dont l'aspect pourtant n'avait rien de chrétien,
 Ni même de païen, ni d'humain à vrai dire,
 Et qui, gesticulant, hurlant comme en délire,
 Semblait un pauvre essai qu'un grossier apprenti,
 Pour singer la nature, avait un jour bâti,
 Mais qui, tranqué, manqué, gauche, sans harmonie,
 Pour notre humanité n'était qu'une ironie.
 . . . . .
 N'est ce pas monstrueux ? Un acteur insensible
 Peut dans un rôle appris, plein de passion,
 Dresser son cœur d'avance — à telle émotion,
 Contraindre aux pleurs ses yeux, à la pâleur sa joue.
 Fremir, briser sa voix, — puis il dira qu'il joue,
 Et le tout s'il vous plaît pour Hécube, pour rien.
 Que peut lui faire Hécube à ce comédien
 Qui sanglotte à ce nom ? — Ah ! Dieu ! mais à ma place,
 S'il ressentait ma haine et l'horreur qui me glace,
 Il inonderait donc la scène de ses pleurs,
 Il ferait tout trembler en criant ses douleurs,
 Il rendrait les bons tristes dans leur clemence,
 Les ignorants rêveurs, les méchants en demence,
 Et tous croiraient avoir, dans leur songe oublieux,
 La foudre à leur oreille et la nuit dans leurs yeux
 . . . . .
 Il prie, et je vais tout accomplir. — Mais j'y pense,
 Il ira droit au ciel et je le récompense
 Au lieu de le punir. — Voyons : Un scélerat
 Assassine mon père et moi, moi, fils ingrat,

J'envoie au sein de Dieu le maudit ! Ma vengeance
 Est alors amitié, ma colère — indulgence !
 Quoi ! mon père a passé d'un sommeil lourd et vil
 A la mort. — Ses péchés comme les fleurs d'Avril
 S'épanouissent tous, nul ne peut nous apprendre,
 Excepté Dieu, quel compte éffrayant il doit rendre,
 Mais il faut bien penser qu'un grave jugement
 Pèse à présent sur lui. — Serait ce un chatiment
 Pour son lache assassin que d'immoler l'infame,
 Quand près pour le voyage il épure son ame ?
 Non, non, rentre au faurreau mon épée et tous deux
 Attendons, pour frapper un coup moins hasardeux.
 Et quand nous le verrons, dans un accès de rage
 Ivre, au jeu, repandant le blasphème et l'outrage,
 Plongé dans les plaisirs d'un lit incestueux,
 Alors qu'il comettra quelque fait monsrueux
 Qui lui ferme à jamais le salut et la grace
 Frappons, frappons afin que son talon menace
 Les cieux, quand le damné, que son ange aura fui,
 Tombera dans l'enfer, moïn noir encore que lui !

Объ исполненіи *Гамлета* на Историческомъ театрѣ можно сказать вообще, что актеры слишкомъ привыкли къ ежедневнымъ драмамъ ; все что выходитъ изъ ихъ круга, играютъ вяло и манерно. Не смотря на то, однакожь, пьеса имѣетъ довольно блестящій успѣхъ.

Между тѣмъ, какъ на Историческомъ театрѣ аплодируютъ Шекспирову *Гамлету*, въ нарядѣ г. Дюма, на театрѣ Одеона торжественно пали *Атриды*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, скроенная по рецептамъ классической драматургіи. Предметъ ея одинъ изъ любимѣйшихъ классическихъ трагиковъ: преступленія дома Атридовъ; авторъ, Артуръ Понруа, выбралъ себѣ, по видимому, въ образцы Кребильона; таже запутанная интрига, таже любовь къ ужасному и отвратительному, тотъ-же грубый, шереховатый стихъ, но безъ его энергіи. Классическая трагедія освистана самымъ романтическимъ образомъ.

Впрочемъ, театръ Одеона загладилъ эту неудачу нѣсколькими пьесами, выходящими изъ ряду обыкновенныхъ, если не по формѣ, то по-крайней мѣрѣ стремленіемъ своимъ выразить какую нибудь идею. Къ нимъ принадлежатъ: комедія «*Граци*»

(les Geais), соч. *Ватрена*, и драма: «*Все отъ непростенія*» (*Faute d'un pardon*) соч. *Поля Фуше* и *Жарри*.

Въ *Грачахъ* авторъ представляетъ бездарную актрису, которая, отказавшись отъ сцены для мужа, и вскорѣ овдовѣвъ, отъ нечего-дѣлать пускается въ литературу; но какъ силы ея не соразмѣрны честолюбію, то она пользуется бѣдностью одного молодого человѣка, служащаго ей секретаремъ, и его трудами стяжаетъ славу и деньги. По счастью, за *Людовика* заступается добрый старикъ, актеръ, слишкомъ хорошо знающій свою прежнюю товарку, чтобы не подозревать источника ея успѣховъ; онъ выводитъ старую лису на свѣжую воду, и женить *Людовика* на его возлюбленной. Жаль, что эта пьеса, въ которой есть удачныя намеки на нѣкоторыя язвы современнаго общества, слишкомъ слаба по вымыслу, и писана довольно плохими стихами.

Все отъ непростенія — драма безъ театральныхъ эффектовъ, безъ путанной интриги; это горестная повѣсть семейной жизни. Старикъ, графъ *Лимероль*, женится на молоденькой дѣвушкѣ, которой пылкая душа не можетъ сойтись съ холоднымъ старикомъ, тѣмъ болѣе, что она еще прежде была неравнодушна къ *Норбургу*. Она счастлива пока *Норбургъ* не рѣшается разорвать связи съ нею, вспомнивъ подругу своего дѣтства, дѣвицу *Люссакъ*. Онъ пишетъ къ графинѣ, и письмо его, по неосторожности слуги, попадаетъ въ руки графа, изъ которыхъ однакоже, докторъ *Стефанъ*, знающій тайну *Норбурга*, вырываетъ его, говоря что письмо отъ него. Графъ хочетъ женить *Норбурга* на дѣвицѣ *Люссакъ*; но *Норбургъ*, боясь огорчить графиню, уговариваетъ свою возлюбленную отвергнуть его. Этотъ отказъ внушаетъ графу подозрѣніе, которое еще подкрѣпляется словами, которыя опекунъ дѣвицы *Люссакъ* подслушалъ изъ разговора *Норбурга* съ *Стефаномъ*, и которыя онъ передаетъ графу. Онъ требуетъ отъ доктора письма, но безъ успѣха. Видя подозрѣнія графа, *Стефанъ* спѣшитъ предупредить графиню, она его не принимаетъ; между тѣмъ *Норбургъ* является на свиданіе, за нимъ приходитъ дѣвица де *Люссакъ* и открываетъ любовь къ нему графини; наконецъ является и самъ *Лимероль*; *Стефанъ* не находитъ другаго средства спасти преступную супругу, какъ сказавъ, что *Норбургъ* имѣлъ свиданіе съ дѣвицею де *Люссакъ*, которая согласна принять на себя позоръ, но еще рѣшительнѣе прежняго отвергаетъ руку *Норбурга*; она согла-

шается не прежде, какъ узнавъ, что опекунъ ея вызвалъ его на дуэль, и что онъ намѣренъ незащищаться. Между тѣмъ, точный подозрѣнiемъ, графъ взломалъ бюро доктора, отыскалъ роковое письмо и узналъ всю истину. Онъ рѣшился на казнь преступницу; останавливаетъ приготовленiя къ свадьбѣ дѣвицы Люссака, и принуждаетъ жену ѣхать въ Италию съ разлюбившимъ ее любовникомъ. Пятое дѣйствiе переноситъ насъ въ Италию; бѣдная Генриетта, истощена горестью, раскаянiемъ, болѣзнию; ей едва остается прожить нѣсколько часовъ; Норбургъ печется о ней, какъ о родной сестрѣ, и въ награду за его самоотверженiе графиня рѣшилась передъ смертию благословить бракъ его съ дѣвицею де-Люссака, которую нарочно за тѣмъ призвала. Между тѣмъ и въ графѣ произошла перемѣна; ему грустно безъ жены; онъ рассказываетъ въ своей строгости, и, наконецъ, отправляется за несчастною съ докторомъ Стефаномъ. Но уже поздно; онъ прiѣзжаетъ только чтобы закрыть глаза бѣдной страдальцѣ. — Дѣйствiе просто, естественно, характеры очерчены твердою рукою; и вся драма полна теплаго неподдѣльнаго чувства. Она вполне заслужила свой успѣхъ.

Театръ *Драматической Гимназiи* даетъ произведенiе одного юнаго писателя, вступающаго на драматическое поприще подъ псевдонимомъ Филиппа де-Марвиля. Его комедiя-водевиль *Сюзанна де Круасси*, не отличается ни новостью вымысла, ни ловкостью интриги; это сто-первое изображенiе вельможи вѣка Людовика XV, уступающаго прiятелю жену за танцовщицу. Г-жа Круасси, наивная, невинная, но въ то же время умная провинциалка, узнавъ о безстыдномъ условii мужа, чтобы отомстить ему, старается возбудить его ревность, ласкаетъ его прiятеля, и наконецъ, наведя мужа на путь истинный, увозитъ его въ помѣстья. Въ подробностяхъ этой комедiи много ума и веселости, — и при игрѣ г-жи Монтинья (бывшей Розы Шери) которая будто рождена на такія роли, пьеса имѣетъ большой успѣхъ.

Другой молодой писатель, *Шарль Наррей*, котораго имя стало извѣстно только съ открытiя *Одеона*, также поставилъ на этомъ театрѣ хорошенькую пьеску, привлекающую многочисленную публику; въ его комедiи, *Любовная шашка* (*Une bonne fortune*) только два дѣйствующія лица, лакей Маскариль и горничная Флора; Маскариль, наслышавшись о прелестяхъ Флоры, которой онъ никогда не видалъ, просилъ ея руки, и получилъ

ея согласіе. Но онъ намѣренъ проститься съ холостою жизнью, достойнымъ его подвигомъ; онъ надѣваетъ шитый маркизскій кафтанъ своего барина, и собирается идти покорять сердца. Та же мысль приходитъ на умъ его невѣстѣ; она одѣвается въ платье своей барыни, и помышляетъ о послѣднихъ побѣдахъ своихъ плутовскихъ глазокъ. Дождь удерживаетъ обоихъ дома; они убиваютъ время пѣньемъ, потомъ, услышавъ голоса другъ друга, ибо ихъ раздѣляетъ одна только дверь, они вступаютъ въ разговоръ, который оканчивается самою тѣсною дружбою. Флора, въ восторгѣ отъ своегозавоеванія, она посылаетъ отказъ жениху, а Маскариль невѣстѣ. Но вдругъ Маскариля зоветъ его господинъ; онъ спѣшитъ надѣть ливрею. Флора принимавшая его за настоящаго маркиза, очень грубо ему откланивается. Возвратившись въ свою комнату, и тотъ, и другая находятъ свои взаимные отказы, каются, мирятся, и клянутся въ вѣчной любви и вѣрности. Пьеса, какъ видите, пустая, но чрезвычайно остроумная въ подробностяхъ и забавная.

Театръ *Пале-Рояль* обыкновенно отличается остроуміемъ и веселостью своихъ пьесъ; теперь онъ играетъ водевиль *Лефрана*, отъ котораго публика помираетъ со смѣху. Онъ называется «*Чей нибудь сынъ*». Дѣло вотъ въ чемъ. Почтенный дядюшка г. *Дюталя* выдаетъ своихъ двухъ племянницъ, одну за Анжаль, приѣхавшаго съ добрымъ милліономъ изъ Индіи, а другую за его пріятеля Леонара. Дѣло уже совсѣмъ слажено, и ждутъ только... метрическаго свидѣтельства о рожденіи Леонара; наконецъ и свидѣтельство на лицо, и что же? Изъ него оказывается, что Леонаръ человекъ безродный, что отецъ и мать его неизвѣстны. Дюталя даетъ ему два часа сроку на отысканіе родителей; въ противномъ - же случаѣ не бывать ни той, ни другой свадьбѣ. Леонаръ въ отчаяніи; но Анжаль знаетъ, что за деньги въ Парижѣ все можно достать, даже отца и мать. И дѣйствительно, нѣкто Барильонъ прельщается 5000 франковъ и соглашается быть отцомъ Леонара, и даже уговариваетъ г-жу Барильонъ быть его матерью; г-жа Барильонъ при этомъ удобномъ случаѣ открываетъ супругу, что она, дѣйствительно, до замужества еще была матерью, и подаетъ метрическое свидѣтельство своего дитяти; Но увы! это была дочь! Являются другіе родители, но они моложе сына. Наконецъ Дюталя вспоминаетъ, что, хотя онъ и предпочтенный человекъ, въ молодости и за нимъ водились грѣшки, и что у него гдѣ-то на бѣломъ свѣтѣ есть сыниш-

ка... а Леонаръ такъ похожъ на этого сынишку, что, не желая признать его сыномъ, онъ спѣшитъ признать его племянникомъ.

Еще другая пьеса на театрѣ Пале-Рояля моритъ со смѣху весь Парижъ; это такъ называемая *Révue* (смотри) которую этотъ театръ ставитъ ежегодно. Нынѣшняя *Révue* называется *Устричною косою*, (*le Banc d'huîtres*); авторы ея *Клервиль* и *Дюмануаръ*. Разказать содержаніе этой пьесы невозможно; это чепуха, которая не имѣетъ никакого смысла и никакого интереса для того, кто не знаетъ всѣхъ личностей и событій, которыя въ ней осмѣиваются. Между прочимъ, мастерски въ ней осмѣяна, подъ именемъ графини Дюбарри, одна изъ героинь нашего времени, знаменитая Лола Монтесъ.

Бонавертура.

Г Е Р М А Н І Я.

Лейпцигъ. — Здѣсь на дняхъ дана съ большимъ успѣхомъ новая комедія, подъ названіемъ «*Семь муновъ*.» Авторъ ея извѣстный во всей Германіи импровизаторъ *Лангеншварцъ*. Пьеса ея явилась на сценѣ безъ всякихъ предъувѣдомленій и похвалъ, и произвела тѣмъ большій эффектъ своею неожиданностью. Многія положенія и обороты дѣйствія совершенно новы, а языкъ остроуменъ и живъ. Въ пьесѣ его есть то, чего недостаетъ почти во всѣхъ пѣмецкихъ комедіяхъ, именно — *интрига*; и добродушные пѣмцы, которые все любятъ дѣлать съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкою, даже очень негодуютъ на запутанность дѣйствія въ *Семь мунахъ*; они не въ состояніи съ настоящимъ комфортомъ и приличною аккуратностію слѣдить за нитью событій пьесы. Главное лицо комедіи пройдоха, который втирается въ домъ и овладѣваетъ всѣмъ семействомъ, чтобы обобрать его; это роль новаго *Тартюфа* — или говоря современнымъ языкомъ — *мошгеръ*. Другой плутъ, баронъ *Грифъ*, отъявленный лжець, разстроиваетъ всѣ его планы своимъ безпрестаннымъ вравьемъ; этотъ мошенничаетъ изъ фавфаронства, — по нашему его можно бы назвать *онагромъ*. Столкновение этихъ лицъ составляетъ то, что мы называемъ: *нашла коса на камень*.

Вѣна. — 16-го декабря представлена въ первый разъ новая комедія въ стихахъ *Раунаха*. Она называется: «*Разочаро-*

вашиге (*Die Lebensmüden*). Отъ такого дарованія, каково Раупахово, отъ автора «*Сидора и Ольги*,» «*Хованскихъ*,» «*Стрѣльцовъ*» можно было-бы ожидать чего нибудь замѣчательнаго или, по крайней-мѣрѣ, значительнаго. Но таковъ законъ судьбы: когда человекъ доходитъ до опытности, усваиваетъ себѣ механизмъ, у него гаснетъ воображеніе, изсякаетъ творческое начало, тухнетъ чувство. Въ первой полсотнѣ пьесъ этого ветерана германской драматургіи его упрекали за промахи противъ законовъ сцены, пьесы его казались вялыми отъ недостатка движенія; во второй полсотнѣ—его упрекаютъ за избытокъ сценическаго эффекта и за отсутствіе внутренняго содержанія. Новая его комедія заслуживаетъ этотъ упрекъ больше всѣхъ другихъ. Блѣдныя лица, безцвѣтные характеры, натянутае дѣйствіе, избитыя формы, тяжелое остроуміе, немощный разговоръ, отсутствіе идеи—вотъ недостатки этаго творенія, свидѣтельствующіе о дряхлости таланта и усталости ума.

Баронъ Верденбергъ пресыщенъ, онъ скучаетъ жизнью, городъ ему противенъ, французскій столъ пріѣлся, женщины надоѣли, увеселенія опостылили, общество порядочныхъ людей—отвратительно. Онъ ѣдетъ въ деревню, хочетъ освѣжиться воздухомъ и обновиться нѣсколько около молоденькихъ крестьянокъ. Графиня Лаутербахъ, молодая эксцентрическая вдова, находится въ такомъ-же положеніи: и ее не тѣшатъ шляпки, и она устала отъ польки, и ея нервы разстроены пачулей и пошлыми комплиментами гусариковъ. Что дѣлать отъ скуки? Лѣзть въ свое помѣстье, сосѣднее съ бароновымъ; но и въ помѣстьи скука безъ занятія, безъ модныхъ лавокъ, безъ поклонниковъ, безъ сплетенъ, безъ головокруженій. Что-же начать, чтобъ немножко растолкать апатическую жизнь и пощекотать нервы? А вотъ что; вдовы хитры на выдумки! Въ помѣстьи ее еще не знаютъ, она является туда подъ видомъ крестьянки изъ другой деревни—и пошла писать! Кутерьма страшная! Волостный судья, школьный учитель, богатый мызнякъ, глупый сынъ управляющаго—всѣ влюблены въ нее, какъ перепелки... готовы вцѣпиться другъ другу въ волосы изъ ревности, или хватить камнемъ изъ-за угла съ отчаянія. Но вострушкѣ больше всѣхъ нравится бѣлоручка, раззавитой егеръ сосѣда—барона, и онъ не прочь приволокнуться за нею по-пристальнѣе. Оказывается, подъ конецъ, послѣ длинныхъ сценъ, что егеръ—самъ баронъ. Пять свадьбъ вѣнчаютъ пьесу. Ужъ на-долго ли обновились эти разочарованные — покажетъ

нынѣшняя зима! — Стоила-ли вся эта галиматья пера одного изъ лучшихъ поэтовъ Германіи?

Но перейдемъ лучше къ явленіямъ болѣе утѣшительнымъ. Въ послѣднія двѣ недѣли и оперный и драматическій театры Вѣны, каждый въ свою очередь торжествовали по блистательному триумфу. *Кертнерторскій* (оперный) театръ оперою въ четыре акта *Флотова*, подъ названіемъ: «*Марта или Ричмондскій рынокъ*;» *Бургскій* (драматическій) театръ — «*Адриэнною*» — трагедію въ стихахъ *Отто Прехтлера*. И та и другая — произведенія людей молодыхъ, полныхъ силъ и надеждъ, богатыхъ воображеніемъ и щедрыхъ на вдохновеніе; обѣ пьесы стоятъ внимательнаго разбора.

Флотовъ нынѣ принадлежитъ къ небольшому числу композиторовъ Германіи съ истиннымъ призваніемъ, съ душою поэтической, съ тѣмъ вдохновеннымъ благоговѣніемъ передъ искусствомъ, которое насъ такъ поражаетъ въ великихъ геніяхъ нѣмецкой музыки прошлыхъ вѣковъ, и которое такъ рѣдко встрѣчается въ современныхъ намъ композиторахъ, гонящихся только за минутнымъ успѣхомъ. Артистическая добросовѣстность первое титло, съ котораго должна начинаться похвала истиннаго художника, и потому мы съ нея и начинаемъ нашу рѣчь о Флотовѣ. До-сихъ-поръ Флотовъ написалъ только двѣ оперы: «*Страделлу*» и «*Душа въ мукахъ*» (*L'ame en peine*), и обѣ имѣли успѣхъ блистательный, первая въ Германіи, вторая въ Парижѣ. Въ обѣихъ видѣнъ былъ талантъ могучій, своеобытный, ищущій новыхъ путей, еще не-вполнѣ сознавшій свое стремленіе, но уже видимо крѣпнувшій и усвоивающійся съ своими силами.

Всѣ три оперы его — три явныя ступени, по которымъ онъ восходитъ къ оконченности и совершенства. Въ «*Страделлу*» было замѣтно преобладаніе лиризма, перевѣсъ мелодіи; душа теплая и мечтательная юноши искала излиться въ пѣніи усладительномъ, полномъ меланхоліи и чувства; и потому стиль ея ограниченъ, формы необширны и самыя контуры характеровъ сжаты въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ. «*Душа въ мукахъ*» — свидѣтельствуемъ уже о большемъ развитіи формы. Средства, употребляемая тутъ композиторомъ — сильнѣе, страсти выразительнѣе, гармонія вступаетъ въ равновѣсіе съ мелодією и оркестровка получаетъ блескъ и силу. Новая опера его «*Марта*» — есть уже твореніе вполнѣ сознательное, полное той энергіи,

которая свойственна только высокимъ творческимъ дарованиямъ, увѣреннымъ въ своемъ гений, не стѣняемымъ сомнѣніемъ и робостію.

Здѣсь видны зрѣлая обдуманность, положительное намѣреніе, расчитанное распредѣленіе частей. Кисть его рисуетъ широкимъ и смѣлымъ размахомъ, опытность указываетъ цѣль и средства; вкусъ очищенъ, мысль свѣтла, колоритъ опредѣлительнѣе. Гений вышелъ изъ пеленъ и дѣйствуетъ самобытно. По этому «*Марта*» больше всѣхъ его твореній отличается оригинальностію штиля.

Но эта оригинальность штиля и рисовки, не свидѣтельствуетъ еще о новыхъ элементахъ творчества въ композиторѣ, а показываетъ въ немъ только новое направленіе. Флотовъ нѣмецъ въ душѣ и въ своихъ твореніяхъ; онъ вѣренъ своей германской школѣ во всемъ, кромѣ ея стоической строгости къ формѣ, ея слѣпной вѣры въ букву, ея вѣрноподданническаго рабства передъ великими образцами, со стези которыхъ она не сходитъ, несмотря на новыя понятія вѣка, на новыя требованія искусства. Это раболѣпное чувство—сдѣлало изъ нѣмцевъ монотонныхъ педантовъ, повторяющихся вездѣ, всегда и во всемъ, потому-что они не могутъ вырваться изъ установленной однажды формы: умъ всегда преобладаетъ у нихъ надъ чувствомъ и дѣлаетъ ихъ холодными. Муза Флотова прежде всего жертвуетъ *чувству*, а не *мысленію*. Его легкая, обаятельная фантазія невольно сообщается слушателю; теплота, которая дышетъ въ каждой его мысли, придаетъ цѣлому поэтическій колоритъ, а частямъ увлекательную прелесть. По всему видно, что композиторъ, кромѣ генераль-басса и контрапункта, изучалъ еще и *публику*, а это вещь очень важная, потому-что художникъ долженъ дѣйствовать на массу. Первая статья устава, издавнаго царицею-публикою для своихъ поклонниковъ, гласитъ: «*Не смѣй мнѣ докучать!*» и Флотовъ, по-видимому ее затвердилъ крѣпко-на-крѣпко. Поэтому въ его композиціи есть разнообразіе, мысль смѣняется мыслью, прежде, чѣмъ она успѣетъ надоесть, и ласкаетъ слушателя и привязываетъ его вниманіе къ главной нити творенія. Вообще, въ партитурѣ «*Марты*» видно ловкое сочетаніе нѣмецкой *задушевности*, или того, что они называютъ непереводаемымъ словомъ *Gemüthlichkeit*, съ французскимъ лоскомъ и щегольствомъ, итальянской бравуры съ благородствомъ и возвышенностію выраженія. Ощутительнѣйшую стихію этой оперы составляетъ

тонкій комизмъ съ примѣсю сентиментальности. Инструментовка всей оперы выдержана въ строгихъ границахъ; рисовка ея жива, цвѣтиста и нигдѣ не перелита чрезъ край, ошеломительныхъ эффектовъ ради. Кромѣ многого множества красотъ, разбросанныхъ щедрою рукою, во второмъ актѣ есть квартетъ, который можетъ назваться мастерскимъ произведеніемъ и смѣло быть причисленъ къ самымъ эффектіившимъ явленіямъ сценической музыки. Композиторъ былъ вызванъ безчисленное множество разъ.

Сюжетъ оперы заимствованъ изъ французской драмы Сен-Жоржа г. Фридрихомъ и довольно ловко передѣланъ въ либретто. Въ особенности стихи звучны и невянуты, какъ это обыкновенно бываетъ въ нѣмецкихъ оперныхъ поэмахъ.

Драма Отто Прехтлера имѣетъ высоко - поэтическое достоинство и на Вѣнской сценѣ она рѣшительная рѣдкость, потому-что въ Австріи драматургія почти-что въ такомъ-же упадкѣ, какъ у насъ, хотя совершенно отъ другихъ причинъ. Здѣсь вкусъ публики испорченъ до нельзя мѣстными фарсами (*Loftal-Stücke*) и пореводами французскихъ драмъ неистовой школы, основанныхъ на однихъ трескучихъ эффектахъ. Поэтому пьеса, проникнутая глубокою идеею, съ историческимъ значеніемъ, написанная въ политическомъ духѣ современности—здѣсь явленіе по истинѣ отрадное, особливо, если она возбуждаетъ сочувствіе въ зрителяхъ.

Главная идея автора «*Адріанны*» состоитъ въ олицетвореніи двухъ принциповъ монархизма: силы, основанной на разумной терпимости, на милосердіи и безграничной власти творить добро, и силы, покоящейся на всеокрушающемъ произволѣ, на непреклонномъ деспотизмѣ, дѣйствующемъ страхомъ и съкирою, словомъ, на власти, подобной Филиппу II Испанскому. Историческою рамою служатъ ему послѣднія минуты жизни бездѣтнаго португальскаго короля Генриха, который колебался, кому передать престолъ: племяннику ли старшаго брата своего, принцу Антоніо Эворскому, который готовился жениться на инфантинѣ Катариинѣ, или сыну сестры своей, Филиппу II, королю испанскому. Генрихъ слабъ; борется со смертію, ему жаль жизни и власти, его преслѣдуютъ видѣнія, въ немъ пробуждаются всѣ предразсудки и суевѣрія, онъ страдаетъ неимоვნно, ему нужно-бы облегчить сердце,

нужно утѣшеніе духовное, онъ хотѣлъ бы устроить счастье народа, о страданіяхъ котораго такъ мало думалъ, когда самъ не зналъ страданій и утопалъ въ нѣгѣ, разливался въ пирахъ... и пѣтъ никого около его одинокаго ложа, нѣтъ голоса утѣшающаго, нѣтъ руки благословляющей. Его окружаютъ одни интриганы двора, одни дипломатическіе агенты алчныхъ наслѣдниковъ его престола, которые считаютъ минуты его жизни, и въ нетерпѣннн уже теперь готовы броситься на свою добычу. Главныя лица, возлѣ этого бѣднаго короля, мальтійскій кавалеръ, графъ Ричардъ фонъ-Левенъ, посолъ принца Антоніо, и тайный агентъ Филиппа II, Фуэгось-де-Моура, который проживаетъ при Лиссабонскомъ дворѣ подъ вымышленнымъ именемъ графа Портреала. Онъ душа испанской партіи и орудуетъ всѣми дѣйствіями своего посольства. Это эгоистъ и злодѣй по убѣжденію, который не выбираетъ средствъ и готовъ принести все человѣчество въ жертву, для достиженія цѣли. Графъ Левенъ, напротивъ, идеаль благородства, возвышенныхъ мыслей, человѣчныхъ стремленій, словомъ, маркизъ Поза въ новомъ изданіи. Но первый дѣйствуетъ съ холоднымъ расчетомъ, второй увлекается душою; и Фуэгось почти одерживаетъ надъ нимъ верхъ хитростію и ловкимъ употребленіемъ въ свою пользу слабостей противника. Узломъ интриги служитъ любовь графа Левена къ мнимой сестрѣ Фуэгоса, Адриэннѣ, которая приняла было на себя роль прелестницы — предательницы, но незамѣтно сама увлеклась благородствомъ своей жертвы и запылала къ ней страстію. Пьеса ведена искусно и живо, характеры нарисованы вѣрно и ярко, дѣйствіе кипитъ и интересъ возрастаетъ до самой развязки. Любовь заставляетъ Адриэнну возвратиться къ добродѣтели, сознать всю гнусность роли, которую она на себя приняла, и, наконецъ, признаться во всемъ своему возлюбленному. Но это признаніе, открывающее тайныя замыслы испанскаго двора, стоитъ ей жизни: Фуэгось ее подслушалъ и закалываетъ кинжаломъ, но въ самую минуту, когда онъ совершаетъ злодѣяніе, прибѣжавшій на помощь Левенъ застрѣливаетъ его изъ пистолета.

Всѣ сцены этой драмы ведены мастерски: страсти сильны, но невыходятъ изъ предѣловъ обыкновеннаго своего проявленія въ жизни; какъ Флотовъ въ своей оперѣ вышелъ изъ стереотипной формы нѣмецкой композиціи, такъ Прехтлеръ отбросилъ германскій идеализмъ въ драмѣ и заставляетъ своихъ героевъ—быть прежде всего обыкновенными людьми. Достоин-

ство неоцѣнимое въ нѣмецкомъ драматургѣ. Драма написана звучнымъ стихомъ, полнымъ мысли безъ натянутой выпренности и пошлой болтовни, какъ это бываетъ, по большей части, у другихъ драматическихъ писателей Германіи. Успѣхъ, былъ блистательный.

А Н Г Л И Я.

Лондонъ.—Недавно открылась на Дрюриленскомъ театрѣ *Національная Опера*, основанная Жюльеномъ. Жюльенъ страшный фанфаронъ, это всѣмъ извѣстно; но онъ все таки человѣкъ необыкновенно смѣтливый и ловкій; нелегкое было дѣло устроить въ такое короткое время театръ, набрать труппу, оркестръ, хоры, въ особенности же поднять въ общемъ мнѣніи театръ, совершенно упавшій въ управленіе г. Бѣнна, который сказать мимоходомъ, все еще возится съ своимъ процессомъ съ Жени Линдъ.

Жюльенъ торжественно объявилъ, что намѣренъ создать *національный* лирической театръ въ Англіи; до сихъ поръ, надо сознаться, его нельзя упрекнуть въ пристрастіи, въ близорукой привязанности къ одному національному. Открываетъ онъ свой театръ итальянскою оперою, впрочемъ съ англійскимъ текстомъ; первая пѣвица у него французженка, капельмейстеръ французъ (Берлюзъ), баритонъ будетъ нѣмецъ, Пяшекъ; въ программѣ обѣщана между прочимъ *Ифигенія въ Авлидѣ*—Глука; хористы, музыканты, танцовщики и танцовщицы, набраны, по большей части, съ иностранныхъ театровъ. Если можно въ чемъ нибудь упрекнуть театръ Жюльена, то ужъ никакъ не въ излишней національной исключительности. Впрочемъ ему не того нужно! Онъ хотѣлъ быть только директоромъ театра и сталъ директоромъ; и открылъ свой театръ самымъ блестящимъ образомъ; ради народности же онъ поставилъ на праздникахъ, по древнему англійскому обычаю, *большую комическую пантомиму*, съ арлекинами, паяцами, фокусами и прочими принадлежностями. Еще бы послѣ того ему не называть своего театра національнымъ!

Театръ открылся *Лучією ди Ламермуръ*. Роль Лучіи играла г-жа Дорюсъ—Гра. Она въ первый разъ являлась въ Лондонѣ на театрѣ и притомъ пѣла по англійски; до сихъ поръ Лондонъ слышалъ ее только въ концертахъ, и всегда очень

уважалъ и любилъ. Она посчастливиле миссъ Бёртъ, выучилась англійскому языку и выговариваетъ его довольно чисто. Роль *Луци* она спѣла превосходно; публика съ неистовствомъ аплодировала ей, и вызвала ее разъ послѣ перваго дѣйствія, и два раза послѣ втораго.

Ривзъ, теноръ, исполнявшій роль Эдгара, являлся въ Лондонѣ года два или три назадъ въ концертахъ: онъ не обманулъ надеждъ, которыя подавалъ въ то время. Съ тѣхъ поръ онъ объѣхалъ Италию, занимаясь серьезнымъ изученіемъ своего искусства, и съ успѣхомъ являлся на разныхъ театрахъ. Его грудной голосъ не слишкомъ силенъ, но чрезвычайно свѣжъ и пріятенъ. Стиль у него чистый, интонація вѣрная; и вообще, при настоящемъ недостаткѣ въ тенорахъ, онъ можетъ надѣется на хорошій приемъ не отъ одной англійской публики. Большой финалъ втораго дѣйствія исполнилъ онъ съ достаточною энергіею; но онъ вѣроятно произвелъ бы еще большій эффектъ, еслибъ дѣлалъ меньше усилій.

Роли Аштона и Раймунда исполняли Уитуортъ и Вейсъ. Первый шелъ точно такъ же, какъ Ривзъ; онъ хорошо поетъ, но къ сожалѣнію картавитъ, второй обладаетъ рѣдкимъ голосомъ, но безъ всякаго образованія; это кладъ, которымъ не успѣли воспользоваться.

Оркестръ превосходенъ; онъ составленъ изъ лучшихъ музыкантовъ обѣихъ итальянскихъ оперъ; игра его отличается рѣдкою отчетливостью и точностью. Что Берліозъ достоинъ быть вождемъ такого оркестра, извѣстно всѣмъ и каждому.

Хоры лучше всего, что бывало до сихъ поръ въ Лондонѣ. Дирекція очень заботилась также о декораціяхъ и костюмахъ.

Послѣ исполненія хоромъ гимна *God save the queen*, былъ представленъ дивертисманъ, подъ названіемъ «*Геній земнаго шара*». Это рядъ аллегорическихъ картинъ, въ которыхъ олицетворяются всѣ народы земли, война, раздоръ, опустошеніе, миръ, радость, обиліе. Украшеніемъ этого хореографическаго очерка были г-жи Меланія Дюваль, Джубилей и Лунза; музыка сочиненія учителя пѣнія при Дрюрименскомъ театрѣ, Маречека.

И С П А Н І Я.

Мадридъ.—Говорятъ, что всѣ лучшіе здѣшніе драматическіе писатели готовятъ драмы и комедіи, и ждутъ только обнародованія закона, долженствующаго обезпечить ихъ выгоды.

По этому закону число театровъ въ Мадридѣ ограничится тремя; онъ предложенъ министромъ Бенавидесомъ, и несмотря на свои недостатки, будетъ весьма благодѣтеленъ, послѣ безпорядка, бывшаго доселѣ въ театральныхъ отношеніяхъ Мадридскіе журналы утверждаютъ, что онъ будетъ обнародованъ съ измѣненіями, предложенными молодымъ министромъ Сарториусомъ, который, не довольствуясь собственнымъ своимъ знаніемъ этого предмета, пользовался еще совѣтами одного изъ извѣстнѣйшихъ испанскихъ литераторовъ, Вентуры-де-ла-Веги. Увѣряютъ также, что, вслѣдъ за обнародованіемъ этого закона, будетъ учрежденъ въ Мадридѣ французскій театръ.

А Л Ж Ц Р Ъ.

СПЕКТАКЛЬ У АРАБОВЪ.

Спусти два часа по захожденіи солнца мы выѣхали изъ Блуды и отправились на праздникъ, который давалъ въ эту ночь на своей дачѣ Каидъ Ахмедъ-бенъ-Каддуръ, одинъ изъ самыхъ старшихъ и вѣрныхъ союзниковъ Франціи. Не смотря на зной августовскаго вечера, мы ѣхали со всею поспѣшностью, какую только допускала неопытность нѣкоторыхъ изъ нашихъ спутниковъ въ верховой ѣздѣ. Разказы нашего чичероне, капитала Бурбаки, о роскошномъ образѣ жизни и рыцарскомъ характерѣ Бенъ-Каддура обѣщали много пищи нашей наблюдательности. Утромъ того же дня мы уже видѣли какъ этотъ арабскій вождь проѣзжалъ черезъ Блуду съ толпою служителей и музыкантовъ, что еще болѣе подстрѣкало наше любопытство.

Хаушъ или дача Бенъ-Каддура, находится на восточной оконечности Митиджи. — Скоро нѣсколько огней, мелькавшихъ сквозь деревья, и звуки болѣе шумной, нежели мелодической музыки, показали, что мы приближаемся къ цѣли путешествія. Вступивъ въ фиговую рощу, окружающую хаушъ, мы сошли съ лошадей. Самъ хозяинъ вышелъ къ намъ навстрѣчу со многими гостями и съ факелами, которые несли передъ нимъ Негры. Онъ человекъ лѣтъ сорока пяти, большаго роста съ огненными глазами, мужественнымъ и величавымъ лицомъ, котораго блѣднооливковый цвѣтъ еще болѣе

отъняется окладистою черною бородою. На немъ было простое, но тѣмъ не менѣе богатое платье: кашемировая чалма, свѣтло-зеленый суконный камзолъ, съ-серебрянымъ шитьемъ, алый шелковый поясъ съ золотомъ, широкіе, бѣлые шаровары и красные сафьянные сапоги. Сверхъ того на немъ былъ бурнусъ, тканый пополамъ изъ шолку и козьеи шерсти, а на шеѣ, подвязана была шаль, подобная той, изъ которой была свернута его чалма. Окружавшіе его ни въ чемъ ему не уступали, и ихъ воинская осанка и изящная одежда пристыжили въ нашемъ лицѣ мелкій европейскій родъ.

Когда мы раздѣлялись селами съ обычными обрядами, т. е. коснулись взаимно правыми руками, и потомъ приложили ихъ къ губамъ, Бенъ-Кадуръ повелъ насъ въ рошу, гдѣ давался праздникъ. Мы усѣлись на огромномъ коврѣ, разостланномъ между двухъ фиговыхъ деревьевъ, стараясь поджать ноги по восточному, и пока капитанъ рекомендовалъ насъ канду, осмотрѣли окружавшую насъ картину. На равнинѣ собралось сотни три арабовъ, и разумѣется, ни одной женщины. Всѣ сидѣли, поджавъ ноги, на коврахъ и на циновкахъ, кружками, по десяти и по двѣнадцати человекъ. Среди каждаго кружка горѣла свѣча въ тростниковомъ подсвѣчникѣ, и всѣ эти блаженные смертные, устремивъ взоры въ одинъ пунктъ, наблюдали, повидимому, колебаніе пламени и шипѣніе воска. Молча и неподвижно погружались они въ это созерцаніе. Немногіе только отъ времени до времени поднимали взоры, слѣдя за дымомъ, выходящимъ изъ ихъ трубокъ, и спиралью взвивавшимся на воздухъ. Я думалъ про себя, какое можно находить удовольствіе въ созерцаніи горячей свѣчи, или клубовъ дыма изъ трубки, и дивился этому безмолвію и неподвижности трехъ сотъ человекъ, собравшихся на праздникъ, какъ вдругъ внезапный, рѣзкій крикъ прервалъ нить моихъ размышленій.

Человѣкъ двадцать музыкантовъ построились передъ нами и стали играть. Дикій оркестръ ихъ состоялъ изъ двухъ или трехъ грубыхъ инструментовъ, тростниковыхъ дудокъ, *ребеба* или первоначальнаго контрбаса, *тарабука*, т. е. тамбурина, состоящаго изъ кожи, натянутой на глиняномъ обручѣ. Сначала трудно было разобрать ритмъ симфоніи. Потомъ мнѣ показалось, будто я гдѣ-то слыхалъ то, что играли музыканты; наконецъ, узналъ я пляску Альмей, которую Фелисьенъ Давидъ вставилъ въ свою *Пустыню*; нелегко было узнать ее, и даже было бы вовсе невозможно, еслибъ музыканты не повторяли разъ ее двадцать, ибо она одна составляла всю программу кон-

црта. Любители этого напѣва позавидовали бы нашей участи; чтобы не измѣнить своей европейской вѣжливости, мы увѣряли, что чрезвычайно довольны. Между тѣмъ, какъ неутомимый оркестръ продолжалъ свою трескотню, слуги поставили передъ нами нѣсколько огромныхъ блюдъ. Это былъ ужинъ, состоявшій изъ туземныхъ кушаній: кускусу, молока, мансовыхъ аладий, жареной баранины и арбузовъ. — Такъ-какъ мы въ предосторожности хорошо пообедали въ Блвдъ, то намъ вовсе не хотѣлось отвѣдать этого ужина; но капитанъ, и одинъ колонистъ, сопровождавшій насъ, зная нравы арабовъ, увѣрили насъ, что отказъ обидитъ хозяина; почему мы и стали ѣсть со всевозможнымъ усердіемъ, и скоро убедились, что это дѣло не слишкомъ трудное. — Арабы, какъ и всѣ полудикіе народы, мастера жарить мясо; и послѣ ихъ жареной баранины тѣмъ болѣе облизываешь пальчики, что утонченная рокошь вилокъ до нихъ еще не дошла; каждый беретъ кусокъ мяса пальцами и рветъ его зубами.

Послѣ ужина, намъ подали кофе и трубки, потому-что безъ нихъ нѣтъ ни обѣда, ни ужина. Мы съ изумленіемъ замѣтили, что гости Бень-Кадура только въ это мгновеніе приступали къ ужину. По знаку хозяина негры разнесли по кружкамъ блюда, которыя были поданы сперва намъ, какъ чужеземцамъ. Эта пирушка происходила такъ спокойно, такъ тихо, что среди трехъ сотъ гостей мы могли продолжать свою бесѣду съ хозяиномъ, черезъ посредство капитана, нисколько не возвышая голоса. — Ужинъ продолжался съ часъ и уже было далеко за полночь, когда Каидъ всталъ и пригласилъ насъ съ собою домой, гдѣ праздникъ долженъ былъ заключиться представленіемъ религиозныхъ обрядовъ *Аиссауевъ*.

Если Аиссауи не иллюминаты, которымъ энтузіазмъ сообщаетъ сверхъестественную силу, то они непостижимо искусные фокусники, потому-что обманываютъ всѣхъ зрителей, даже самыхъ недоувѣрчивыхъ.

Вотъ что рассказываютъ о происхожденіи этой секты. Около 750 года эджиръ жилъ въ Оранской области знаменитый марабутъ Мохамедъ бень-Аисса. Своимъ благочестіемъ, вдохновеніемъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ приобрѣлъ онъ множество учениковъ, и ходилъ съ ними пророчествовать и проповѣдовать по Сахарѣ. Однажды, отдалившись отъ дороги, по которой ходятъ караваны, онъ заблудился въ Ангадской степи. Запасы путниковъ скоро истощились, и учителю съ учениками грозила голодная смерть среди моря песку, какъ вдругъ

Бенъ-Аисса, по внушенію свыше, возвелъ руки къ небу, и взмолился о помощи Богу Мохамедову; «Господи, ты одинъ можешь спасти насъ! взмилуйся надъ своими рабами! повели: да обратится все, что мы поднесемъ къ устамъ въ сладкую нищу!» При этихъ словахъ, говоритъ преданіе, спутники его, убѣжденные въ дѣйствительности его молитвы, съ жадностью бросились на камни, на скорпионовъ, змѣй, и ѣли ихъ безъ вреда. Отсюда произошли послѣдователи Бенъ-Аиссы, которые весьма многочисленны въ Африкѣ и въ особенности въ Алжирской области. Ихъ собранія имѣютъ цѣлью увѣковѣчить чудо, совершенное ходатайствомъ святаго марабута; они утверждаютъ, будто наслѣдовали власть, данную ихъ учителю, обращать все, что ѣдятъ, въ безвредную и вкусную пищу; сверхъ того, они своими молитвами призываютъ милосердіе Божіе на дряхлыхъ старцевъ и на новорожденныхъ младенцевъ. Не разбирая подробнѣе ихъ ученія, я расскажу только то, что самъ видѣлъ.

Бенъ-Каддуръ повелъ насъ со всеми гостями на дворъ дачи, обширный параллелограмъ, окруженный четырьмя општукатуренными стѣнами съ рѣдкими и узкими окнами, и еще болѣе рѣдкими и почти такими же узкими дверями. Вошедши на дворъ, мы увидѣли на плоскихъ крыщахъ цѣлыя толпы безмолвныхъ и неподвижныхъ тѣней. Это были женщины подъ покрывалами, черезъ отверстія которыхъ видны были только темные глаза и насурмленные брови. — Въ концѣ двора, подъ красными и зелеными знаменами, сидѣлъ мokkaдамъ, начальникъ Аиссауевъ. Пониже сидѣли полукругомъ на корточкахъ музыканты. Между ими мы узнали и тѣхъ, которые тѣшили насъ концертомъ во время ужина. Рядъ свѣчъ, соединявшій концы полукруга, отдѣлялъ этотъ оркестръ отъ партера, т. е. отъ толпы Аиссауевъ, состоявшей изъ арабовъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ цвѣтовъ.

Такъ-какъ представленіе должно было продолжаться довольно долго, то Бенъ-Каддуръ, не желая насъ утомить долгимъ сидѣніемъ на поджатыхъ ногахъ, велѣлъ постлатъ для насъ тюфяки, на которыхъ мы растянулись съ трубками.

Когда всѣ гости разсѣлись, мokkaдамъ протяжно запѣлъ первую молитву магометанъ: «ишь Бога кромѣ Бога и Мохамедъ его пророкъ!» Разъ десять всѣ послѣдователи повторили эти слова; потомъ каждый изъ нихъ сталъ поочередно читать коротенькую молитву, которую всѣ повторяли хоромъ; въ этихъ молитвахъ испрашивали они выздоровленія больному родствен-

вику, другу, или другой какой-либо милости. Затѣмъ все замолкло; только трещалъ ладанъ, который негры горстями сыпали на огромную жаровню, надъ которою возносился густой столбъ бѣловатаго дыма.

Вдругъ, по сигналу оркестра, раздалось общее пѣніе, сначала довольно ясно и опредѣлено ритмованное. Мы не понимали словъ, но Бенъ-Кадуръ сказалъ намъ, что это стихи изъ Корана. Не зная по арабски, нельзя было однакоже не заучить словъ на память, потому что они повторялись до безконечности. Пѣніе съ каждымъ мгновениемъ дѣлалось быстрѣе и рѣзче, и наконецъ обратилось просто въ ревъ. Музыканты, соревнуя съ поющими, били въ барабаны изо всей мочи; наконецъ, женщины, стоявшія на терассахъ, испускали въ опредѣленные промежутки рѣзкіе гортанные звуки, которые прорѣзали всю эту нестройную массу звуковъ, какъ свистъ вѣтра прорѣзаетъ бурю.

Это гнусное пѣніе, долженствовавшее возбудить энтузіазмъ Аиссауевъ, продолжалось не менѣе часу. За то даже мы, бывшіе просто зрителями, чувствовали его дѣйствіе. Эта музыка, эти рычанія такъ раздражили наши нервы, что кулаки сжимались, и мы готовы были бить все, что ни попаало.

Аиссауи, увлекаясь ритмомъ этой адской симфоніи, которой наши оглушенные уши уже не могли разслушать, слѣдовали за ея ускорениемъ все болѣе и болѣе быстрыми скачками и качаніями тѣла. Головы ихъ колыхались точно морская волна. Достигши наконецъ высшей степени энтузіазма, они всѣ разомъ и будто по общему судорожному движенію вскочили на ноги, и стали плясать, сопровождая свою пляску, если можно назвать ее этимъ именемъ, дикими, непріятными криками, подобными верблюжьимъ. Страшно было смотрѣть и слушать. Не трогаясь съ мѣста, они мотали головою или туловищемъ, такъ, что у другаго кровь бросилась бы къ мозгу. Они сняли капишоны своихъ бураусовъ, и свои красныя шерстяныя ермолки, и чубъ волосъ, которой они оставляютъ на маковкѣ, распустившись отъ быстрого движенія, сѣкъ имъ, какъ жгутъ, лицо и плеча.

Это еще было однимъ приготовленіемъ къ ихъ ужаснымъ фокусамъ. Мы приблизилась, чтобы ничего не упустить.

Два негра подняли жаровню, на которой еще дымился ладанъ, и бросили горящее уголье между ногъ плясуновъ. Они испустили восторженные крики и продолжали свой *зикръ*, т. е. описанную нами пляску съ пѣніемъ, по угольямъ. Мысльшали

запахъ опаленнаго мяса, слышали трескъ горячей кожи, а между тѣмъ, ноги этихъ изувѣровъ были невредимы, и даже свѣжи; мы бы не повѣрили, если бы сами не трогали ихъ ногъ!—Нѣкоторые брали уголья пригоршнями и тушили въ рукахъ; другіе наполняли ими ротъ, и сильно вдыхали воздухъ, чтобы раздуть огонь, или пускали изо рта тысячи искръ.

Когда все уголья выгорѣли, одинъ изъ слугъ Бенъ-Каддуръ принесъ раскаленную до бѣла садовую лопату. Аиссаи съ жадностью бросились, чтобы схватить ее, и между ними завязалась самая жестокая драка за эту странную добычу. Въ полусвѣтѣ, дававшемъ какой-то фантастическій колоритъ предметамъ, они казались дерущимися демонами. Пѣна била изъ всѣхъ ртовъ; глаза ихъ, устремленные на раскаленное желѣзо, горѣли дикимъ сладострастіемъ.—Наконецъ, одинъ изъ нихъ силою или хитростью овладѣлъ лопаткою, и побѣждалъ въ уголь, чтобы насладиться завоеваннымъ счастіемъ. Взявъ лопатку въ обѣ руки, онъ поднесъ раскаленное желѣзо ко рту, и принялся его лизать съ спокойствіемъ и довольствомъ кошки, облизывающей лапу. Каждое прикосновеніе языка оставляло на лопатѣ шипящій чернѣйшій слѣдъ, который почти немедленно пропадалъ. Но этотъ изувѣръ съ такимъ наслажденіемъ продолжалъ свое дѣло, что глядя на него, становилось завидно. — Нализавшись лопаты досыта, онъ схватилъ ее въ зубы, и съ полминуты держалъ ее въ зубахъ горизонтально, нисколько не поддерживая руками.

Между тѣмъ, чтобы успокоить нетерпѣніе прочихъ послѣдователей Бенъ-Аиссы, съ звѣрскою завистью смотрѣвшихъ на счастливаго товарища, въ ожиданіи своей очереди погрызть раскаленное желѣзо, имъ бросили корзину кактусовыхъ листьевъ съ шипами, въ вершокъ длины и твердыхъ, какъ сталь. Они съ жадностью стали пожирать ихъ, и молочный сокъ растенія, пѣнившійся на губахъ ихъ среди кривлявій придавалъ имъ видъ страждущихъ падучею болѣзнью. Одинъ изъ нихъ, презирая кактусовыя листья, зажегъ связку самыхъ тонкихъ восковыхъ свѣчъ, держалъ ее нѣкоторое время въ рукѣ, потомъ водилъ зажженными фитилями по рукамъ, груди и лицу, и наконецъ проглотилъ ихъ однимъ глоткомъ. За тѣмъ онъ поднялъ валявшійся на дворѣ стеклянный черепокъ, сталъ жевать его будто сахаръ, и совсѣмъ искрошилъ въ зубахъ. Ротъ его долженъ бы быть въ крови; но онъ мнѣ его показывалъ, въ немъ не было и царапки! Предоставляю объясненіе этихъ

фактовъ тому, кто ихъ лучше меня пойметъ; я же могу только увѣрить, что въ моемъ разсказѣ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія, что я все это видѣлъ собственными глазами, и что мои слова подтвердятъ свидѣтели. Удивительно, что изъ множества путешественниковъ, посѣщавшихъ Алжирію, ни одинъ не говоритъ о сектѣ Аиссауевъ, хотя обряды ихъ совершались публично и довольно часто.

Иногда нѣкоторые изъ этихъ изуверовъ падали отъ изнеможенія, и хрипѣли будто передъ смертію; тогда негръ, представленный нарочно для того, подбѣгалъ къ страдальцу, правилъ ему члены, поднималъ его, и онъ снова пускался въ свой неистовый зикръ.

Каждый изъ Аиссауевъ въ свою очередь имѣлъ счастье лизать лопату, которую снова клали въ огонь, какъ скоро она казалась недовольно раскаленною. Когда послѣдній схватилъ ее, и для забавы прочихъ не оставалось уже кактусовъ, то привнесли мѣшокъ, на который все бросились съ звѣрскою жадностью. Тутъ возобновилась драка, и можетъ быть еще жесточе прежняго; они били, кусали, раздирали другъ друга; двое или трое вынесены безъ чувствъ. Никто объ этомъ не беспокоился, это казалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Случается, что въ такихъ дракахъ нѣкоторые несчастные остаются на мѣстѣ — Кто то изъ зрителей разсказалъ намъ при этомъ случаѣ, что послѣдній Алжирскій дей, Гуссейнъ, вскорѣ послѣ вступленія своего въ управленіе, запретилъ обряды Аиссауевъ; не столько изъ человеколюбія, сколько изъ скептицизма. Эта мѣра возбудила сильный ропотъ, и Гуссейнъ обѣщалъ отмѣнить ее, если послѣдователи Аиссы съ честью выйдутъ изъ испытанія, которое онъ самъ наложитъ на нихъ. Секта послала трехъ депутатовъ, разумѣется изъ самыхъ свирѣпыхъ. Дей велѣлъ подать имъ похлѣбку, составленную изъ разныхъ ядовитыхъ растеній, разваренныхъ въ чемъ-то похожемъ на купоросную кислоту. Они съѣли этотъ адскій отваръ не только безъ признаковъ страданія, но даже съ наслажденіемъ, споря за каждую ложку; когда все было съѣдено, одинъ изъ нихъ бросился на товарищевъ съ кивжаломъ и закололъ ихъ, чтобы одному съѣсть то, что пригорѣло къ посудѣ!

Эта черта можетъ дать понятіе объ алчности, съ которою Аиссауи оспаривали другъ у друга новую, брошенную имъ, добычу. Мѣшокъ, тащимый со всѣхъ сторонъ, наконецъ прорвался, онъ былъ полонъ гадовъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ! Каждый изъ побѣдителей опустилъ въ него руку и схватилъ

часть добычи..... Мы съ омерзениемъ смотрѣли на эту картину, и едва повѣрили бы своимъ глазамъ, если бы не второй уже разъ присутствовали при подобномъ праздникѣ. Одинъ представлялъ обнаженную руку жалу огромнаго скорпиона, и потомъ бралъ его въ ротъ; другой, чтобы болѣе остервенить насѣкомое, обжигалъ ему на свѣчѣ лапки; скорпионъ свертывался отъ боли и съ яростью вонзалъ жало въ державшую его руку; третьи мучили всѣми средствами змѣй; повязывали ихъ вокругъ шеи, рукъ, ногъ; сѣкли себѣ ими грудь и бока, кусали имъ хвосты; давали имъ жалить свои языки, и плясали, съ повисшими на языкахъ ихъ змѣями! Можно бы подумать, что у этихъ скорпионовъ и змѣй вырвано жало, и что они безвредны; но невѣрующіе могутъ сами приносить ихъ, в Аиссауи точно также будутъ играть ими. Еще обстоятельство, не позволяющее намъ усомниться въ томъ, что эти люди выходятъ цѣлы и невредимы изъ этихъ испытаній, то, что въ большей части собравшихся у Бенъ-Каддура, мы узнали тѣхъ же самыхъ, которыхъ видѣли наканунѣ въ Блидѣ. Въ опьяненіи, которое производятъ ихъ пѣніе и пляска, они становятся нечувствительны къ боли и такъ сказать, неуязвимы.

Когда ученики Бенъ-Аиссы пожрали скорпионовъ и змѣй, этимъ еще не кончилось зрѣлище. Бенъ-Каддуръ, какъ щедрый хозяинъ, приготовилъ своимъ гостямъ еще другое увеселеніе. Онъ приказалъ привести огромнаго барана съ черными рогами, вѣроятно царя его стада. И говорить нечего, что Аиссауи снова заревѣли отъ восторга. Бѣдное животное мигомъ разтерзано на кусочки, и чрезъ четверть часа оставались одиѣ кости и рога; даже шкура была съѣдена.

Съ насъ довольно было видѣнныхъ нами опытовъ; у насъ не хватило духу дожидаться послѣдняго зикра, которымъ обыкновенно кончаются подобные праздники, и послѣ котораго всѣ Аиссауи падаютъ въ изнеможеніи на землю и лежатъ безъ движенія. Не чувствуя себя къ силамъ преодолѣть омерзение, которое возбуждали въ насъ эти изувѣры своими отвратительными подвигами, мы успѣшили поблагодарить Бенъ-Каддура за угощеніе и за спектакль, простились съ нимъ и отправились назадъ въ Блиду.

ФИЛИППИНСКІЕ ОСТРОВА.

МУЗЫКА И ТЕАТРЫ.

Г. Малла, членъ Парижскаго Географическаго Общества, пробывъ нѣсколько лѣтъ на Филиппинскихъ островахъ, издалъ недавно описаніе ихъ, въ которомъ находится множество любопытныхъ свѣдѣній и остроумныхъ наблюдений. Не наше дѣло останавливаться на любопытныхъ подробностяхъ, сообщаемыхъ имъ объ открытіи этихъ острововъ, о ихъ климатѣ, произведеніяхъ, промышленности, торговлѣ, и правахъ жителей. Все это выходитъ изъ предѣловъ нашей сферы. Посмотримъ только, что онъ говоритъ о состояніи музыки въ этой странѣ, въ которой никто не подозрѣваетъ и существованія какихъ либо искусствъ.

По мнѣнію Малла, индійцы одарены необыкновенными врожденными способностями къ музыкѣ. Китайскій тамтамъ, яванскій барабанъ и что-то въ родѣ свирѣли Пана, сдѣланной изъ кусковъ бамбука, были, прежде единственными извѣстными имъ инструментами. Нынче уже совсѣмъ не то. Какъ скоро испанцы покорили Филиппинскій архипелагъ, индійцы принялись подражать европейскимъ музыкальнымъ инструментамъ, и успѣли въ томъ сверхъ всякаго ожиданія. Имъ очень полюбилась гитара; они выдѣлываютъ ее очень удачно, и навязываютъ на нее болѣе или менѣе струвъ, какъ вздумается. Европейская гитара называется у нихъ *виуэла*. Кромѣ ея у нихъ есть другая гитара, поменьше, *бандалонъ*, о двадцати четырехъ металлическихъ струнахъ, распределенныхъ по четыре вмѣстѣ. Малла говоритъ, что они очень искусно играютъ на ней погтями, которые отрачиваютъ до вѣроятной длины, или маленькою деревяшкою.

Между тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ нашей образованной Европы не слыхано иной музыки, кромѣ органа, волярки или скрипки странствующаго музыканта, на Филиппин-

ских островах нѣтъ почти ни одной деревни, въ которой бы не было постоянного музыкальнаго хора. Этотъ хоръ состоитъ обыкновенно изъ скрипокъ, бамбуковыхъ флейтъ, и *бачо-де-виуэла*, большой гитары, величиною съ виолончель, на которой играютъ нарочно для того выточеннымъ рогомъ. Путешественникъ, отъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, сознается, что не всѣ исполнители равно искусны, и что случается подчасъ слышать самыя несогласныя концерты; но по большей части, говоритъ онъ, согласіе этихъ сельскихъ оркестровъ удивительно; трудно постичь, какъ люди, лишенные почти всякаго образованія, могли дойти до такой степени совершенства безъ уроковъ, и не слыхавъ никогда музыканта, достойнаго имени художника.

Полковая музыка на Филиппинскихъ островахъ доведена также до высокой степени совершенства. Малла утверждаетъ, что ни въ одномъ испанскомъ городѣ, даже въ Мадридѣ не слышалъ онъ такихъ военныхъ хоровъ, каковы хоры полковъ, стоящихъ въ Манилѣ и въ другихъ большихъ городахъ. Въ Манилѣ, по четвергамъ и воскресеньямъ, всѣ жители, туземцы и иностранцы, сходятся вечеромъ на дворцовую площадь слушать *серенату*, вечернюю зорю. Въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ, индійцы играютъ на память увертюры Мейербера и Россини, вальсы и кадрили. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Манилѣ поселилось нѣсколько французскихъ артистовъ; имъ-то Манильскіе жители обязаны успѣхами своей полковой музыки.

Вокальная музыка Филиппинскихъ индійцевъ далеко не соответствуетъ успѣхамъ ихъ инструментальной музыки. Голоса у нихъ, по большей части, рѣзки, жидки и непріятны. Почти всѣ ихъ пѣсни, поющіяся на грустные и однообразныя напѣвы, выражаютъ вообще скорбь любви. Замѣчательно, что это содержаніе первоначальной поэзіи почти всѣхъ народовъ. Содержаніе Филиппинскихъ народныхъ пѣсней составляютъ скорбь оставленнаго любовника, жалобы его на измѣну возлюбленной, на суровую красавицу, которую не трогаетъ постоянство безвѣрной любви. Иногда, хотя и рѣдко, заимствуютъ онѣ свое содержаніе изъ пречаній о древнихъ царяхъ, или изъ Священнаго Писанія.

У индійцевъ бываютъ частныя концерты. Они собираются у общаго пріятели, и поютъ что-то въ родѣ ораторій, съ ак-

компаниментомъ полнаго оркестра. Когда у богатаго Манильскаго жителя сойдутся гости, въ какое бы то ни было время, онъ призываетъ одну изъ многочисленныхъ труппъ музыкантовъ, скитающихся по городу, и заставляетъ ихъ играть концертъ, состоящій по большой части изъ старыхъ и новыхъ танцевъ, кадриллей, вальсовъ, и проч. Звуки оркестра немедленно вызываютъ охотниковъ до танцованія, и заводится балъ.

Серенады на Филиппинскихъ островахъ еще употребительнѣе, чѣмъ въ Испаніи. Въ тихую ночь, почти безпрестанно встрѣчаются индійцы, собравные въ кружокъ у входа избы, и воспѣвающіе прелести возлюбленной своего пріятели. Эти серенады протолжаются нерѣдко по нѣскольку часовъ.

Музыка у индійцевъ непремѣнная гостя на всѣхъ семейныхъ обрядахъ, при крещеніи, при вѣнчаніи, при похоронахъ. У нихъ есть особенный напѣвъ при погребеніи дѣтей, отличающійся глубокою, по кроткою грустью.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о врожденной способности Филиппинцевъ къ музыкѣ, преимущественно къ музыкѣ инструментальной, Малла приводитъ фактъ, котораго былъ самъ свидѣтелемъ. Путешествуя съ французскимъ консуломъ, Г. Барро, Малла остановился однажды на ночь у одного приходскаго священника, и слышалъ у него музыканта, игравшаго съ довольно замѣчательнымъ талантомъ на семи разныхъ инструментахъ. Вслѣдъ за этимъ разнообразнымъ концертномъ, священникъ сталъ забавлять своихъ гостей разными фокусами, и наконецъ показалъ имъ кукольную комедію, устроенную весьма удачно имъ самимъ.

Нельзя сказать, чтобы у Филиппинцевъ были композиторы; вся ихъ инструментальная музыка завозится изъ Европы. Что касается собственныхъ ихъ народныхъ пѣсенъ, имъ, такъ сказать, нѣтъ сочинителей; онѣ принадлежатъ, въ этомъ отношеніи, къ одному разряду со всѣми народными пѣснями, которыхъ происхожденіе очень рѣдко бываетъ извѣстно. Однакожь, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, сохраняемыхъ преданіемъ, возбудили бы въ Европѣ всеобщее вниманіе своею замысловатою и оригинальною мелодіею.

Почти все народонаселеніе Филиппинскихъ острововъ принадлежитъ къ католической церкви. Во время служенія въ церкви наполнены благоестивыми прихожанами; вездѣ музыка возвышаетъ величіе богослуженія. Едва ли найдется деревуш-

ка, въ которой бы въ воскресенье обѣдня совершалась безъ музыки. Нѣсколько разъ въ году, въ опредѣленное время, индѣйцы собираются у своего приходскаго священника для общей молитвы; великимъ постомъ они поютъ *Страсть Господню*; стихи переложены на ихъ нарѣчіе въ видѣ разговора; напѣвъ сочиненъ нарочно для этого случая. Это упражненіе имѣетъ для нихъ непостижимую прелесть. По наступленіи страстной недѣли, они часто собираются огромными толпами и поютъ хоромъ большую часть ночи, нисколько не заботясь о снѣ сосѣдей.

Театръ составляетъ любимое развлеченіе всѣхъ классовъ народонаселенія, какъ въ Манилѣ, такъ и на всѣхъ другихъ сестровахъ. Намъ, европейцамъ, привыкшимъ къ роскошнымъ ломамъ, филиппинскіе театры показались бы слишкомъ простыми, и крайне неудобными. Они построены изъ бамбуковъ и пальмъ, скрѣпленныхъ деревянными гвоздями, и камышевыми веревками; въ постройкѣ ихъ не употребляется ни камня, ни желѣза. Ихъ архитектура, если можно употребить это выраженіе, отличается оригинальностью. Лучшій Манильскій театръ построенъ изъ цѣльныхъ деревянныхъ столбовъ необыкновенной вышины; формы онъ почти эллиптической. Часть предоставленная публикѣ состоитъ изъ партера, посѣщаемого равно мужчинами и женщинами, и галереи въ два или три ряда ступель. Крайняя простота этихъ залъ и отсутствіе обоевъ необходимы при тамошнемъ климатѣ; строитель долженъ всегда имѣть въ виду, по возможности, способствовать теченію воздуха.

Такъ-какъ бури случаются очень часто, и потоки дождя съ ужасною быстротою наполняютъ неплотно защищенное зданіе, то на афишахъ всегда пишутъ, что въ случаѣ сильнаго дождя въ назначенный день, представленіе отлагается на первый вечеръ, въ который погода будетъ благоприятѣе.

Не смотря на страсть ихъ къ музыкѣ, у Филиппинцевъ нѣтъ оперы; они еще не поднялись выше волевильныхъ куплетовъ. Французскіе водевили завезены въ Манилу вмѣстѣ съ прочими произведеніями европейской промышленности; знатный классъ имъ аплодируетъ, не понимая ихъ по всѣмъ вѣроятіямъ; народъ же остался вѣренъ своему національному театру.

Въ Парижѣ въ последнее время стали поговаривать, какъ о чемъ-то новомъ, о пьесахъ, которыя будутъ исполняться на какомъ-то будущемъ театрѣ, и будутъ продолжаться по два и по три вечера. Всѣ лучшія произведенія Филиппинскихъ драма-

турговъ въ такомъ родѣ. Это изобрѣтеніе принадлежитъ не имъ самимъ, они его заимствовали у испанцевъ, но значительно его усовершенствовали. Длина ихъ драмъ переходитъ всякую мѣру; онѣ тянутся обыкновенно по нѣскольку дней. Содержаніе ихъ составляютъ приключенія влюбленныхъ царей и царицъ; страданія несчастныхъ царевенъ, заключенныхъ въ дикія пещеры, которыхъ входъ стерегутъ хищные звѣри; битвы христіанъ съ маврами; словомъ, преданія, принесенныя цѣлкомъ изъ Испаніи.

Но всѣмъ трагедіямъ и драмамъ въ мірѣ индійцы предпочитаютъ свое родное зрѣлище, бой пѣтуховъ. По словамъ Малла, индеецъ смотритъ на пѣтуха, какъ на лучшаго своего товарища; онъ къ нему болѣе привязанъ, чѣмъ къ женѣ; куда бы ни сбирался, на праздникъ ли, въ церковь ли, беретъ его съ собою, и только у самаго входа въ храмъ разлучается съ нимъ, и ввѣряетъ его самому надежному своему другу. Малла сообщаетъ весьма любопытныя подробности о бояхъ пѣтуховъ на Филиппинскихъ островахъ; но онѣ выходятъ изъ предѣловъ нашей статьи.

Пляска также одна изъ любимыхъ удовольствій Филиппинцевъ, и въ палатахъ богача, и въ хижинѣ бѣдняка, въ семейныхъ праздникахъ, равно какъ при общественныхъ торжествахъ; но не на театрѣ. Кажется на Филиппинской сценѣ никогда еще небывало дѣйствія, сопровождаемаго пляскою; наши балеты показались бы индійцамъ крайне скучными и пошлыми; ибо въ сравненіи съ ихъ народными плясками, наши самыя вольные танцы покажутся черезъ-чуръ скромными и чинными.

Плясовые напѣвы индійцевъ отличаются оригинальною и замысловатою мелодією; они иногда поются, иногда же играютъ хоромъ инструментовъ.

Изъ описанія Малла видно, что музыка въ большой чести на Филиппинскихъ островахъ. Такъ-какъ европейскіе артисты, обѣгавъ всѣ образованныя страны, и истощивъ ихъ на время своими чрезмѣрными жатвами, вѣроятно скоро будутъ принуждены искать новыхъ земель, не подвергавшихся еще разорительнымъ налогамъ ихъ цеха, то книга Малла будетъ имъ очень полезна. Ихъ ждуть золотыя горы; они будутъ давать тамъ концерты, учить индійцевъ музыкѣ и пѣнію, и будутъ возвращаться оттуда съ милліонами, какъ во вре-

мена оны купцы и мануфактуристы ѣздили за милліонами въ Индію. Теперь уже не то; народы, которыхъ невѣжествомъ они такъ удачно умѣли пользоваться, сами привялись за торговлю и промышленность; теперь очередь артистовъ попытать тамъ счастья; вѣдь талантъ пѣвца или музыканта тотъ же товаръ, съ тѣмъ различіемъ, что занимаетъ менѣе мѣста, и не столько подверженъ опасностямъ морскаго пути.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

I.

ТЕАТРЪ ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВЛѢ.

До сихъ поръ театръ былъ въ нашемъ городѣ явленіемъ случайнымъ и мимолетнымъ: обыкновенно разъ въ годъ, въ Петро-Павловскую ярмарку, прїѣзжала какая нибудь труппа на нѣсколько недель; но вотъ уже два года были мы лишены и этого удовольствія, по той причинѣ, что зданіе, въ которомъ находили убогій, временный пріютъ Талія и Мельпомена, странствующія по свѣту и отыскивающіе, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ, пришло въ такую вѣтхость, что въ немъ невозможно было играть, безъ опасенія, чтобы веселая потѣха не кончилась трагической развязкой.

И вотъ, въ то время, когда мы совершенно отчаявались наслаждаться сценическимъ искусствомъ, прїѣзжаетъ въ нашъ городъ г. Пилони, съ своею труппой, четвертой годъ уже сформированной, которая прежде была въ Керчи и въ Симферополь; къ намъ же перекочевала изъ Елисаветграда, гдѣ находилась во время бывшаго тамъ въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ сбора войскъ. Г-ну Пилони пришла счастливая мысль — основать въ нашемъ городѣ постоянный театръ. Вздумано — слѣдано. Г. Пилони законтрактовалъ на три года каменный домъ, принадлежащій наслѣдникамъ купца Луцкаго и въ немъ устроилъ приличное и удобное помѣщеніе для театра: все это исполнилъ онъ такъ быстро, что мы не успѣли даже поразсудить о возможности этого предпріятія, какъ оно уже осуществилось на самомъ дѣлѣ.

И вотъ, не далѣе какъ вчера, 26-го октября, данъ былъ, для открытія новаго театра, первый спектакль. Публики собралось достаточно, и сборъ могъ доказать г-ну Пилони, что предпріятіе его пришлось ей по сердцу, и что она готова поддерживать его. Да и несправедливо было-бы не вознаградить г-на Пилони за его смѣлую рѣшимость употребить довольно значи-

тельные издержки на доставленіе нашему городу удовольствія, которое есть существенное мѣрило прогресса цивилизаціи.

О самой труппѣ г-на Пилови теперь ни слова: по одному разу судить вельзя, тѣмъ болѣе, что въ первый спектакль мы не успѣли еще познакомиться со всею труппою; таланты же г-на Пилови и г-жи Пилови извѣстны намъ издавна, съ весьма пріятной стороны. А потому, пожелавъ г-ну Пилови счастливыхъ успѣховъ, положимъ продолженія спектаклей, чтобы вполне ознакомиться съ составомъ и характеромъ его труппы, и тогда, если редакция, воздвигнутаго вновь изъ праха, «Пантеона» угодно будетъ, мы готовы порой давать отчетъ въ нашихъ впечатлѣніяхъ.

Н. Мизко.

II.

ТЕАТРЪ ВЪ ВОРОНЕЖЪ.

Вотъ ужъ мѣсяцъ я въ Воронежѣ. Здѣсь вѣтъ рѣшительно общегитія: до сихъ поръ я не видѣлъ ни увеселеній, ни общественныхъ гуляній и сходбищъ, ни клубовъ, которые такъ часто встрѣчаешь въ прочихъ губернскихъ городахъ. — Какая убійственная скука для пріѣзжаго, немнѣющаго знакомыхъ, — сидѣть цѣлый день дома и вздыхать подъ тяжестію какой-то машинальной жизни! — Куда идти? что дѣлать? Эти два вопроса западаютъ въ душу и, право, трудно отвѣчать на нихъ, не имѣя въ виду никакой надежды, куда нибудь отправиться и чѣмъ нибудь развлечь себя.

Спустя немного времени послѣ моего пріѣзда, я однажды гулялъ по Дворянской улицѣ, которая считается, и очень справедливо, лучшею улицею Воронежѣ. Здѣсь нашелъ я кандидерскую г. Тени, которую онъ содержитъ уже нѣсколько лѣтъ въ нижнемъ этажѣ театральнаго зданія.

Я спросилъ себя кофе и газеты. Подали бурду, а газетъ не оказалось. Вмѣсто газеты, мальчикъ принесъ мнѣ какую-то афишку. Съ жадностію я пробѣжалъ начало: — *труппою актеровъ, подъ управленіемъ г. Каратъева, представлено будетъ и прочее.* Я былъ очень радъ ошибкѣ мальчика. Въ 7 часовъ, какъ назначено было въ афишкѣ, я пришелъ въ театръ. Внутренность этого зданія довольно опрятна: ложи устроены уютно, креслы расположены просторно. Право, я думалъ, что это Малый театръ Москвы, какъ-будто нѣсколько сжатый, или убавленный въ объемъ. Надѣюсь такимъ сравненіемъ не обидѣть прекрас-

наго театра столицы; здѣсь все тоже, только въ миниатюрѣ, за исключеніемъ роскоши. Жаль только, что наружность его какой-то тупой, безвкусной архитектуры. Незнающему, легко принять это строеніе за казарму или за манежъ. Публики было очень мало. Время шло, а представленіе что-то не начиналось. Вотъ, наконецъ, зазвенѣлъ колокольчикъ, скоро поднялся и занавѣсъ. Спектакль начался пьесю «*Симонъ — Сиротинка.*» *Г-жа Борисова* роль старой рыбаки исполнила замѣтно слабо. Впервыхъ, много словъ она пропускала, а нѣкоторыхъ недоговаривала; во 2-хъ, она каждую минуку съ жалобнымъ видомъ устремляла глаза на суфлера, какъ бы прося у него помощи и защиты. Не позволю себя назвать это бездарностію. Нѣтъ. Это ничто другое, какъ незнаніе роли, а незнаніе ролей есть первый признакъ пренебреженія къ своему искусству и къ публикѣ, и первый поводъ быть дурнымъ актеромъ, потому что человекъ, незнающій, что ему надо говорить, не можетъ знать, и какъ онъ скажетъ. А въ умѣннн высказывать чувства и мысли и состоитъ талантъ сценическій. *Г. Боридовъ* въ роли *Морица* былъ вѣренъ и отчетливо выдержалъ ее; его солидная фигура вполне отвѣчала роли, которую онъ занималъ. Къ несчастію онъ слѣдуетъ провинціальной манерѣ говорить неестественнымъ голосомъ и геройствовать въ минуты патетическія. *Г. Соколовъ*, молодой актеръ, съ удивительною увѣренностію въ своемъ талантѣ, выбралъ себѣ роль *Леру*, но это чистая бездарность. Особенно занимательна была сцена, когда матрость — *Симонъ* спасаетъ *Леру* жизнь и приводитъ его на сцену. Въ самомъ дѣлѣ, *Соколовъ* въ это время былъ ни живъ, ни мертвъ; но лицо его, вмѣсто благодарности спасителю, выражало гнѣвъ. Глаза его были яростно устремлены на суфлера, который привелъ его въ отчаяніе своимъ неумолимымъ хладнокровіемъ, заставляя его по нѣскольку минутъ молчать. Такъ же точно и *г. Орловъ*, нисколько не отставая отъ *Соколова* и не превышая его талантомъ, исполнилъ роль свою. Какъ бы хорошо было, еслибы *Соколовъ* и *Орловъ*, и вообще люди безъ призванія, простились съ театральными помостами и избрали себѣ другой роль жизни, болѣе механическій, который могъ бы обезпечить ихъ существованіе. Здѣсь-же они сами мученики и мучители другихъ. *Г-жа Соколова* выдержала роль свою отчетливо. Каждое ея слово и взглядъ полны были наивности и чувства. Это была непринужденная натура. Желая *г-жѣ Соколовой* не оставлять никогда сценическаго искусства, для котораго, смѣло скажу, она родилась. *Г. Щелковъ*, новый актеръ, пріѣхавшій изъ Курска, въ 1-й разъ дебютировалъ въ роли «*Симона — Сиротинки.*» Это актеръ съ замѣчательнымъ дарованіемъ. Сколько натуры, жизни, страсти, силы чувства

отражалось на его нѣсколько огрубѣломъ, но благородномъ лицѣ. Особенно хороша была сцена, когда онъ бросается изъ живины спасать утопающаго своего соперника: въ эту минуту лицо его выражало благородство и чувство самопожертвованія въ высшей степени. Въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ замѣтенъ былъ небольшой недостатокъ: — онъ слишкомъ рѣзко переходилъ отъ растроганнаго состоянія къ равнодушію. Г. Васильевъ, занимающій амбула комиковъ, исполнилъ роль свою, какъ знатокъ своего дѣла т. е. какъ актеръ опытный. Одна погрѣшность, которая мѣшала ему исполнить роль, какъ бы онъ могъ ее исполнить... это незнаніе роли, или лучше сказать, болѣзнь, которою страдаютъ почти все провинціальныя актеры. Г. Деклеръ, новый актеръ изъ Таганрогскаго театра, въ 1-й разъ явился на Воронежской сценѣ и произвелъ неожиданный фуроръ. Надобно видѣть этого артиста въ роли «дебютанта, или страсть къ театру» и потомъ произнести приговоръ его таланту. Особенно хороша у него сцена—двухъ купцовъ: онъ такъ постигъ манеры, сгибъ ума и складъ рѣчи купческаго сословія, что нельзя не восхищаться мастерствомъ, съ которымъ онъ его олицетворяетъ. Онъ отъ природы сангвиникъ, и потому каждое его слово, движеніе, взглядъ, пропитаны какою-то живостию и быстротою. Въ антрактѣ, г-жа Прягина танцевала *качуку*. Хорошая сторона этой провинціальной танцовщицы—легкость движеній и твердость *въ тактъ*; чего за другими не водится. Г-жа Прягина заслужила бы извѣстность въ провинціяхъ, еслибы имѣла случай видѣть и перенять методу столичныхъ или европейскихъ танцовщицъ. — Воронежскій театръ могъ бы быть образцомъ для прочихъ провинціальныхъ театровъ, если-бы содержатель его, г. Каратевъ, имѣлъ собственное свое состояніе, чтобы улучшить частную жизнь здѣшнихъ актеровъ и дать ей болѣе нравственное направленіе. Въ этомъ я увѣренъ, потому, что цель г. Каратьева—быть хозяиномъ труппы, ничего больше не выражаетъ, какъ только одну страсть къ театральному искусству. Иначе, при здѣшнихъ ничтожныхъ сборахъ, что могло-бы заставить г. Каратьева содержать такое огромное число людей, платить каждому порядочное жалованье, съ бенефисами въ самое выгодное время года? Вотъ все, что я въ короткое время могъ видѣть и замѣтить на здѣшней сценѣ. Какъ свѣжій наблюдатель, я не имѣю никакихъ матеріаловъ закулевныхъ подъ рукою, и руководствуюсь однимъ чистымъ безпристрастіемъ.

Самъ-же Воронежъ, показывающій такое быстрое движеніе по торговлѣ, рано или поздно смѣло можетъ стать на ряду съ лучшими городами Русской Имперіи—и въ отношеніи своего

вкуса, чему немало способствуетъ его частое сближеніе съ столицами, по дѣламъ коммерческимъ и по обильному посѣщенію его святили.

II. Константиновъ.

III.

ВЫШНЕВОЛОЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Нынѣшняго года, въ качествѣ путешественника, я долженъ былъ провести нѣсколько дней въ Вышнемъ Волочкѣ, и потому по неволѣ познакомился съ тамошнюю труппою, находящеюся подъ управленіемъ антрепренера *Оберскаго*. Труппа эта, бѣднѣйшая, какъ кажется, изъ всѣхъ кочующихъ труппъ Россіи, незамѣчательна въ отношеніи сценическаго искусства, но отличается въ нѣкоторыхъ родахъ карикатуръ. Роль, которая вообще ни на что не похожа, выполняется здѣсь лучше другихъ. *Женитба* и *Ревизоръ* Гоголя — разыгрываются здѣсь еще довольно посредственно. Впрочемъ номадные актеры берутся за все, что угодно: драмы, комедіи, водевили, а особенно напечатанные въ «*Репертуаръ*» 1842 года (единственный годъ, который получалъ здѣшній антрепренеръ) составляютъ ихъ всеневный обиходъ. Можно судить уже по этому, что это за бѣдственный театръ.

Вся труппа состоитъ изъ 14 человекъ, а оркестръ изъ 3-хъ музыкантовъ: скрипки, флейты и контръ-баса. Говорятъ, когда-то они нанимали нѣсколько человекъ изъ оркестра Гунгя, которыхъ пригласило къ себѣ на зиму Вышневолоцкое дворянство, но ужъ это—дѣла давно минувшихъ лѣтъ.

Не входя въ подробный разборъ этой труппы, скажу только, что сначала мнѣ на нее было жалко и неприятно смотрѣть, какъ на народію и искаженіе прекраснѣйшаго изъ искусствъ; но потомъ она принесла мнѣ ту пользу, что внушила громадное уваженіе и безпредѣльное изумленіе таланту нашихъ Петербургскихъ артистовъ. Видя на нашей сценѣ многія роли, выполняемыя порядочно, *по человечески*, я еще не поставлялъ въ этомъ большой заслуги со стороны артистовъ, и всегда искалъ чего-нибудь необыкновеннаго, особеннаго, почему частенько выходилъ изъ театра съ досадою. Но когда я увидалъ на здѣшней сценѣ до какой степени можно унижить и смыслъ и искусство, какъ можно быть и жалкимъ и смѣшнымъ въ одно и тоже время, мнѣ стало за человека страшно и теперь даже самое незатѣйливое выполненіе на Петербургскомъ театрѣ, кажется мнѣ вершиною сценической гениальности.

Я присутствовалъ тамъ только на двухъ представленіяхъ, больше у меня не хватило ни духу, ни мужества. Первый разъ я попалъ на спектакль въ пользу *г-на Епифанова*, состоящей изъ: *Еще суматоха или на свѣтъ все превратно* и изъ *Жениха-Чудака*, комедіи Ленскаго. Самъ *г. Епифановъ*, крѣпостной человекъ какого-то барина, поступилъ на сцену, надѣясь на ней найти легчайшее средство платить свой оброкъ. Онъ играетъ роли *резонеровъ*. На вопросъ мой, какое же это амплуа, онъ отвѣчалъ: «Такъ-съ! Это вогъ видите-ли, все, что мнѣ дадутъ, то я и сыиграю-съ!» Жалованья онъ получаетъ 30 руб. асс. въ мѣсяцъ, и больше ничего. Наибольшій окладъ въ труппѣ 10 руб. серебромъ. — Антрисы же получаютъ иногда и по 5 руб. сер. Этого на хлѣбъ мало. На вопросъ мой, чѣмъ же они живутъ, мнѣ отвѣчали, что они *экономны*; значить они живутъ *экономію*.

Изъ актеровъ замѣчательнѣе прочихъ *Бойковъ*, онъ играетъ всѣ амплуа комическія, драматическія и первыхъ любовниковъ, словомъ все, что угодно. Органъ его довольно непріятный — онъ шепеляеть; но все таки видно, что онъ, по-крайней-мѣрѣ, бывалъ въ какой нибудь столицѣ и видалъ хорошихъ артистовъ; притомъ у него есть желаніе что-то сдѣлать, а главное—стараніе. Онъ лучшій сюжетъ труппы.

Ръшимовъ. Комикъ. — Здѣсь вообще страсть на комическія роли, всѣ за нихъ берутся, какъ за самыя легкія — отъ этого происходитъ натянутасть, утрировка, невыносимые фарсы и самая жалкая жестикуляція. Впрочемъ, какъ карриатура, онъ недурень.

Изъ прочихъ замѣчательны только: *Мухинъ*, если не талантомъ, то хоть какой-то благонамѣренностію. Объ остальныхъ сюжетахъ нечего и говорить. Хуже всѣхъ *г. Романовъ*, потому что думаетъ больше всѣхъ о *громадности* своего таланта, и беретъ играть роли въ родѣ *Бидермана*, *Июлкина* и *Неизвѣстнаго* (въ «Парашѣ Сибирячкѣ»). Игра его хуже всего, что только можно вообразить.

Изъ женщинъ первое мѣсто занимаетъ *г-жа Алексѣева*. Амплуа первой любовницы въ ея рукахъ уже около 30 лѣтъ, изъ этаго можно видѣть, что она сама уже не въ первой молодости. Впрочемъ она довольно недурна въ роляхъ *Ксантиппъ*, *Простаковыхъ* и проч. въ родѣ *Варвары Алексѣевны* (въ «Приключеніи на искусственныхъ водахъ.»)

Лискаля—лучше другихъ собою; но отличается совершенною бездарностію и рѣзкимъ басовымъ органомъ, непріятнымъ даже у мужчинъ. Это рѣшительно *Лаблашъ* въ юбкѣ. Можно себѣ представить, что это за прелесть въ наивныхъ, невинныхъ дѣвушкахъ.

Налетова по-крайней-мѣрѣ старается. Остальныя же женщины *Шилкина* и *Молоткова* занимаютъ разныя амплуа, и вездѣ одинаковы; если спросить: которая лучше? Отвѣтимъ: *объ хуже*.

Второй разъ, когда я былъ въ театрѣ, давали *Купеческую дочку*

или Чиновникъ 14-го класса, и Женатые повѣсы, или Дядюшка ищетъ, а племянничекъ рыщетъ.

Роль Галубе во 2-й пьесѣ игралъ Бойковъ, Тюпинара — Мужикъ, а Зои — г-жа Алексѣева; но несмотря на то, что, какъ видно, пьеса была обставлена лучшими актерами, еслибъ кто захотѣлъ написать на нее пародію, то не могъ бы придумать ничего лучше этого представленія. Дѣйствующія лица не знали, гдѣ стоять, какъ говорить и что дѣлать. Г-жа Молоткова, игравшая роль Флоретты, вышла на сцену, забывъ взять съ собою письмо, на которомъ основана вся завязка пьесы. Но она не потерялась: преспокойно кликнула со сцены вечероваго и велѣла спросить письмо у Кузьмы Климоча. Алексѣева начавъ пѣть куплетъ, и забывъ его продолженіе, сказала громко суфлеру: «Какъ?... Неслышу!... Хорошо! Хорошо!.. да подсказывайте погромче: не начинать-же съизнова.»

Вотъ образецъ, по которому жители провинцій должны судить о театральномъ искусствѣ!.. А еще антрепренеры жалятся на дурные сборы, да не сами ли они виноваты? Заботятся ли они, хоть сколько-нибудь объ улучшеніи состава своихъ труппъ?—Лучше пойти въ работники, рубить дрова, чѣмъ быть представителемъ такого жалкаго сословія цыганскихъ труппъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, труппа эта перекочевала нынче въ Тверь.

А. Андрѣевъ.

IV.

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

31-го августа, афиши извѣстили насъ о второмъ бенефисѣ нашего гостя, г. Самойлова. Составъ самаго спектакля обѣщаль намъ много удовольствія, и, собираясь въ театръ, мы совершенно были увѣрены, что встрѣтимъ тамъ многочисленную публику, или, какъ обыкновенно выражаются театралы — *давку*, необходимую принадлежность всякаго порядочнаго бенефиса.... Но, увы! войдя въ залу, мы тотчасъ же увѣрились въ противномъ: театръ, къ несчастію, былъ почти пустъ. Только въ креслахъ, но и то не во всѣхъ, засѣдали записные, истые любители всѣхъ возможныхъ бенефисовъ; да кой-гдѣ, оазисами, были заняты ложи. Это намъ показалось довольно страннымъ. Холодность нашей публики къ талантливому артисту Петербургскаго театра, была въ глазахъ нашихъ непростительна, особенно въ то время, когда таже пу-

блика постоянно посѣщаетъ бенефисы своихъ любимцевъ: Гг. Соленика, Дранше, и г-жъ Млатковской, Кравченковой, Федоровой и др.

Но, несмотря на все это, спектакль шелъ хорошо, даже очень хорошо. До поднятія занавѣса, по общепринятому обыкновению, оркестръ, для большаго удовольствія публики, прохрипѣлъ что-то въ родѣ польки, но какой? это ужъ его тайна... кажется, должна быть *арабская*. Но вотъ занавѣсъ взвился: начался водевиль, поставленный на нашу сцену въ первый разъ: «Комната съ двумя кроватями, или жена въ банкѣ.» Не смотря на сухое содержаніе этой коротенькой пьески, г. Соленикъ, (въ роли Флоридора Пишо) и Дранше, (въ роли Изидора Мишо), — были оба прекрасны, особенно Соленикъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. По окончаніи пьесы, оба артиста были вызваны. Въслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ водевиль «Мыльные пузыри.» Авторъ очень удачно далъ заглавіе своему произведенію; ужъ дѣйствительно *мыльный пузырь* этотъ водевиль; но только трудно будетъ надуть такъ, чтобы въ другой разъ онъ появился на сценѣ!... Мы люди провинціальные, платя деньги за свое удовольствіе, сберегаемъ себѣ право не покупать на нихъ пошлостей. Г. Соленикъ (*Литераторъ*), былъ столько хорошъ, сколько позволила ему эта пустѣйшая роль. Соленикъ очень справедливо пользуется любовью здѣшней публики и заслуженною имъ славою. Онъ, нѣкоторымъ образомъ, въ Харьковѣ то, — что Мартыновъ — въ Петербургѣ, Щепкинъ — въ Москвѣ, т. е. истинный корифей сцены. Г-жа Млатковская (*Марья Петровна*) и г. Домбровский (*Нѣмецкій Учитель*) довольно хорошо разыграли свои незначительныя роли; но г. Максиму (*Боже мой, гдѣ ихъ пьтъ!*) мы не совѣтовали бы въ другой разъ братья за *Ивана Ив. Шрифта*, — это роль совершенно не для него; да вообще, ампла же не premier ему не по плечу. Мы совѣтовали-бы ему обратиться къ чему нибудь полегче; тогда была-бы двоякая польза: и г. Максиму посвободишь, да и публикѣ поноснѣе. Прочтѣтый, г. Домбровскимъ, куплетъ:

«Филозофѣи учился
И прилежно и умно;
Что-жь?—изъ этого случился —
Пшкѣ — и больше ничего!» —

публика заставила повторить въ другой разъ. Не понимаемъ за что и для чего?... *де*

Третій водевиль: «*Пьтъ денегъ, дайте сдачи, мнѣ не съ чѣмъ ѣхать съ дачи,*» — заслужилъ, благодаря превосходной игрѣ бенефицианта, общее, единодушное одобреніе. Въ самомъ дѣлѣ, г. Самойловъ (*Гусаковъ*) былъ истинно прекрасенъ. Что можетъ быть живѣе, натуральнѣе, художественнѣе его игры въ этой, откоро-

венно сказать, не эстетической, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудной ролью. Намъ кажется, что это одна изъ лучшихъ ролей г. Самойлова. Г-жа Млатковская (*Зарельская*), очень хорошо исполнила свою довольно сбивчивую роль. Прочіе артисты, участвовавшіе въ этой пьесѣ, также не мало способствовали своею игрою успѣху водевиля, по окончаніи котораго, г. Самойловъ, не смотря на малочисленность публики, былъ вызванъ три раза.

Вмѣсто назначеннаго водевиля: «*Шутка на полъ-часа*,» — по внезапной болѣзни Толченова, который долженъ былъ играть Якова Павловича, (увы! и господа Толченковы могутъ останавливать пьесы!) — былъ данъ оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи: «*Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ*.» Этотъ водевиль, уже три раза былъ игранъ въ бытность г. Самойлова на нашей сценѣ. Но не смотря на то, публика прослушала его съ прежнимъ удовольствіемъ. Г. Самойловъ (*Василій Горюновъ*) былъ натураленъ въ высшей степени; но три пѣсни, пропѣтыя имъ, показались еще лучше; такъ что: «*Аль опять не видать*» онъ былъ принужденъ повторить два раза. Громкія рукоплесканія сопровождали каждый куплетъ. Г. Дранше (*Семенъ Ивановичъ*) былъ очень недуренъ, но мы лучше желали бы его видѣть въ роли *смотрителя*, въ которой онъ такъ хорошъ, тѣмъ болѣе, что г. Максимовъ рѣшительно испортилъ эту комическую роль. Г. Дранше артистъ съ дарованіемъ; всѣ роли, въ какихъ онъ до сихъ поръ появлялся, всегда были имъ разыгрываемы, если не съ необыкновеннымъ искусствомъ, такъ, по-крайней-мѣрѣ, довольно умно и добросовѣстно. Г-жа Кравченкова (*), въ роль ямщика *Степки*, была интересна. Да вообще, она какъ-то лучше исполняетъ мужскія роли, чѣмъ женскія, что впрочемъ не служитъ рекомендаціею для актрисы... Мы ничуть не хотимъ сказать этимъ, что она рѣшительно дурна въ женскихъ, — о, нѣтъ, но мы это говоримъ единственно изъ того, что желали бы поставить г-жу Кравченкову на настоящій путь, съ котораго, слушая женское кокетство, сбиться очень легко, но на который, сбившись, снова попасть трудно.

Теперь намъ остается только поблагодарить г. Самойлова, за тѣ удовольствія, которыми онъ подарилъ нашу публику въ продолженіе пятнадцати представленій, и надѣяться, что когда нибудь, онъ снова пріѣдетъ освѣжить нашу сцену своей одушевленной игрою.

Николай М—овъ.

(*) Игравшая прошедшее лѣто на Одесской сценѣ.

АСТРАХАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Не правда-ли, пріятно встрѣтится съ старымъ знакомцемъ послѣ многихъ лѣтъ разлуки; пріятно, вглядываясь въ его черты, говорить себѣ: его не узнаешь, какъ измѣнился онъ къ лучшему! Такъ думалъ я, входя въ первый разъ, послѣ долгаго отсутствія, въ партеръ Астраханскаго театра. Старый знакомецъ мой, о которомъ уже не разъ я говорилъ на страницахъ «Репертуара», теперь смотритъ уже не тѣмъ, чемъ въ старые годы, невидно копченыхъ лампъ съ разбитыми стеклами, они замѣнены красивыми подвѣсниками, въ которыхъ горитъ стеаринъ; наружность ложъ преузорочно расписана, вездѣ чисто, свѣтло, удобно; какъ-же не сказать послѣ этаго директору, содержателю и режиссеру Астраханской труппы, г. Воробьеву, полное русское *спасибо!* Сколько лѣтъ онъ, какъ рыба объ ледъ бьется, чтобы угодить публикѣ и повеселить ее, неунывая при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда сборы малы, актеры просятъ жалованье, музыканты плату, актрисы новыхъ костюмовъ, публика новыхъ пьесъ и декораций, а тутъ еще пріѣдетъ какой нибудь ловкій фигляръ, выстроитъ балаганъ, отвлечетъ зрителей и собираетъ деньги, а Воробьевъ ждетъ да ждетъ, когда-то минуетъ эта невзгода и публика вспомнитъ про театръ.—Фигляръ сытъ, уѣзжаетъ и публика опять идетъ въ театръ, да чуть увидитъ, что въ труппѣ недостаетъ многихъ актеровъ, такъ и давай бранить содержателя, зачѣмъ отпустилъ ихъ, а никто не спроситъ: чѣмъ, дескать, г. Воробьевъ ты расплачивался, когда твоихъ сборовъ не доставало на свѣчи, да на музыкантовъ? Тяжело служить публикѣ. Иной господинъ, какъ послушаешь, что есть мочи кричитъ: «съ насъ даромъ берутъ деньги! что насъ угощаютъ все старьемъ!» — а не вспомнить, что отъ такихъ крикуновъ въ театральной кассѣ — часто бываетъ нуль, и что *нуль*—есть пустота, ничѣмъ не наполняемая. Въ настоящее время труппа Астраханскаго театра не совѣтъ въ полномъ составѣ; это нужно приписать тому, что публика въ продолженіе всего лѣта забывала о существованіи театра, сначала ее отвлекалъ волтижеръ Ламбербергъ, а потомъ напугала холера. Содержателю было трудно управлять театромъ безъ денегъ и только теперь онъ начинаетъ оживать и заботится заманивать артистовъ въ свою труппу. Что будетъ дальше—увидимъ, а теперь поговоримъ о томъ, что есть, и, нежелая быть несправедливыми, начнемъ съ актера Залѣскаго.

Залѣскій—неизменное копые Астраханскаго театра, сколько лѣтъ онъ служитъ на сценѣ его, сколько перемѣнилось у него товарищѣй, одинъ онъ неизмѣнилъ публикѣ, которую заставилъ полюбить себя, уважать и признать въ немъ талантъ; правда, что

не всегда его выходъ на сцену бываетъ удаченъ, да онъ ли виновать въ томъ? — Онъ неотказывается ни отъ какой роли, не желая нарушать тѣмъ добраго согласія, которое необходимо въ дѣлѣ искусства, и часто представляетъ лицо, котораго роль, еслибъ была его воля, онъ навѣрное на себя не взялъ. За то ужъ посмотрите на Залѣскаго, когда онъ явится прикащикомъ, которой подъ видомъ простоты, скрываетъ самаго отличнаго плуга, посмотрите на него въ роли провинціала-дядюшки, который хочетъ проучить своего племянника и, подъ конецъ, самъ одураченъ; вы удивитесь, гдѣ Залѣскій изучилъ подобные типы, такъ вѣрно, такъ естественно онъ изображаетъ ихъ. Въ игрѣ Залѣскаго сейчасъ видно, что онъ играетъ не для ремесла, театръ—это его любовь, цѣль его жизни и, признаться, всегда бываетъ досадно, когда онъ играетъ роли, несоотвѣтствующія его настоящему ампуа, но, повторяемъ, онъ не виновать въ этомъ.

Второй комикъ *Ивановъ 1-й* имѣетъ большую способность представлять старыхъ скрягъ, подъячихъ и *имцевъ*; выборъ его костюма всегда бываетъ очень удаченъ и вполне соотвѣтствуетъ взятой имъ роли, только одинъ у него недостатокъ: страсть къ фарсамъ! Не изучивъ хорошенько характеръ представляемаго имъ лица, онъ часто думаетъ замѣнить комическую его сторону гримасами и кривляньями. Конечно, онъ смѣшитъ этимъ раекъ, да больше ужъ и ничего...

Померанцевъ,—очень хорошъ въ роляхъ малороссіянъ, во всѣхъ другихъ—онъ болѣе, чѣмъ посредственъ.

Муравьевъ—отличный музыкантъ и только по любви къ театру являлся иногда на сцену, его ампуа: молодые любовники.

Бобровъ, Семеновъ, Сергеевъ, Егоровъ и прочая братья — только необходимое дополненіе въ пьесахъ; всѣ они не выше червонной посредственности. Кромѣ описанныхъ артистовъ, недавно дебютировалъ *Ивановъ 2-й*, но о немъ нельзя еще ничего сказать положительно.

Д-ца Третьякова, послѣ долгаго отсутствія, опять явилась на помостахъ Астраханскаго театра, на нее пріятно смотрѣть въ водевиляхъ, но ужъ никакъ нельзя видѣть ее въ танцахъ, до которыхъ она большая охотница.

Д-ца Семенова—съ годъ назадъ появилась на сценѣ и про нее нельзя было ничего сказать, кромѣ того, что она еще очень молода и робка. Нынѣ совсѣмъ не то, она начинаетъ входить въ дѣло и хозяйничать на сценѣ; недавно она явилась въ роли *Вирочки*, въ водевилѣ «*Дочь русскаго-актера*» и очаровала всѣхъ своею игрою, можно надѣяться, что у нея выработается прекрасный сценическій талантъ.

Г-жа Крылова не дурна собою, стройна и *нѣкоторыя* роли разыгрываетъ удачно, впрочемъ только *нѣкоторыя*....

Г-жа Боброва голосъ имѣетъ порядочный, но въ голосѣ и всё ея достоинство.

Г-жа Третьякова довольно удачно разыгрываетъ роли старыхъ барынь.

Г-жа Лисицина въ роляхъ крестьянокъ, за немнѣишемъ лучшимъ, не дурна.

Д-ца Стрѣлкова недавно стала играть; она очень еще молода, но подаетъ большія надежды быть хорошею, если не актрисою, такъ женою актера.

Немного, очень немного талантовъ въ Астраханской труппѣ, до того немного, что ихъ почти нельзя и пересчитывать, но надеются, что содержатель постарается увеличить число ихъ; публики становится внимательною къ театру, теперь ее не мучать раздражительными драмами и трагедіями, какъ въ старые годы, а смѣшать водевилями, такъ, что часто съ большимъ удовольствіемъ можно провести вечеръ въ театрѣ—разумѣется тому, кому *современный водевиль* можетъ доставлять удовольствіе.

К. Б.

VI.

ТЕАТРЪ ВЪ НИКОЛАЕВѢ.

Теперь у насъ труппа г. Алексѣева.

Вы думаете того комика Алексѣева, о которомъ уже было писано нѣсколько разъ въ вашемъ журналѣ?.. *охъ, увы и охъ* — Федотъ, да не тотъ. Были у насъ труппы подъ разными названіями и безъ названій; но такой еще не было.

Прежніе антрепренеры претендовали на холодность Николаевской публики — рыло бывало, чтобы театръ былъ полонъ. Антрепренеры были отчасти правы — ихъ слѣдовало поощрять: они имѣли нѣсколько прекрасныхъ сюжетовъ, которые, вѣрно, были бы украшеніемъ любой провинціальной сцены. Мы и теперь еще помнимъ — гг. Рыбаковыхъ, Алексѣева, (двойникъ котораго теперь антрепренеромъ у насъ), Микульскаго, Генделевича, Зелинскаго, Рекановскаго, г-жу Колумбъ и прочихъ и проч.... Мы помнимъ всю эти новороссійскія знаменитости, если можно такъ выразиться, потому, что слава этихъ артистовъ, кажется, родилась въ нашемъ краю, да, вѣроятно, и не перелетала за рубежъ Новороссіи.

Но что было, то прошло; обратимся лучше къ настоящему.

Труппу г. Алексѣева, если бы она давала одни водевили да комедіи, можно бы еще смотреть. Такъ нѣтъ! — ей угодно разыгрывать драмы, оперы и — о, ужасъ! — слышно, что хотятъ дать въ скоромъ времени тра—ге—дію!...

Аллахъ упаси насъ отъ такой слезной радости!

Представленія начались въ прошломъ мѣсяцѣ.

16-го ноября давали *Жизнь игрока*. Вотъ видите, наши артисты не шутятъ. Посмотримъ, какъ они исполнили эту образцовую трилогію; мы не будемъ слишкомъ взыскательны и станемъ говорить безъ всякихъ сравненій.

Начнемъ по порядку, какъ на афишѣ: де-Жермани, старикъ — г. Пряженковскій; онъ сыгралъ порядочно; но только совсѣмъ не полумертваго старика, какъ было сказано на афишѣ, а скорѣе бодрого старца, могущаго читать письма безъ очковъ и даже очень быгло. Можетъ быть, такъ и нужно; только когда онъ проклинаетъ своего сына, вмѣсто ужасу — вась разбираетъ смѣхъ, — можетъ и это такъ нужно.

Жоржъ де-Жермани, игрокъ, сынъ его 25-ти лѣтъ (подлинныя слова афиши) — г. Лебелевъ, въ первомъ дѣйствіи очень хорошъ; у него довольно развязная игра; манеры не дурны; — во второмъ дѣйствіи ему должно быть 40 лѣтъ, а онъ явился въ томъ-же видѣ, едва-едва годкомъ-другимъ постарше, но это еще ничего, а вотъ Дермовъ, негоціантъ — г. Алексѣевъ, какъ въ первомъ дѣйствіи, такъ и во второмъ одинаковъ, т. е. ничуть не постарѣлъ, не смотря, что ему въ этомъ дѣйствіи должно быть 60 лѣтъ. Жаль, что не слѣдовало ему явится въ третьемъ дѣйствіи, спустя еще 15 лѣтъ — вѣрно, онъ былъ-бы такъ-же молодъ. Есть ужъ такіа натуры, хоть ты ихъ выжми — вмѣ ни по-чемъ.

Руольфъ де-Эрекуръ — г. Ивановъ. Онъ ни одного слова не скажетъ просто — все декламація; на прим., если онъ произнесетъ: «да,» это да сопровождается грознымъ поднятіемъ глазъ къ потолку, потомъ съ проводомъ на раѣкъ, на партеръ, на ложи, на кресла и, сдѣлавъ крутой поворотъ, глянетъ съ ужасно-трагической миной на дѣйствующія съ нимъ лица и станетъ въ позицію, угрожающаго смертью, — все равно, хоть бы онъ игралъ и невиннаго пастушка. Нѣтъ и помину натуры — все натянуто, все на ходуляхъ:

Словца не скажетъ просто—все съ ужимкой.

Вотъ, кажется, и всѣ главные актеры — тамъ ужъ пошли слуги и проч.... Ахъ, виноватъ! — пропустилъ еще г. Челлищева. Онъ игралъ Варнера и сыгралъ.... Я думалъ, что его затылокъ привязанъ былъ къ шеи — голова вѣчно на отлетѣ, а

шел неподвижная, руки въ ужасномъ движеніи; въ первомъ дѣйствіи ему 26 лѣтъ, во второмъ 41 годъ.

Счастливые годовъ не замѣчаютъ!

Онъ такой же румяный и пухлощекій подъ старость, какъ и въ первой молодости.

Вообще видно, что господа актеры мало обращали вниманія на лѣта — это лишнее: 15 или 30, для нихъ все равно. Лишь бы на афишѣ было сказано, а на дѣлѣ — сойдетъ какъ *нибудь*: кто будетъ обращать вниманіе на такіе пустяки. За то послѣднее дѣйствіе гг. Лебелевъ, Челищевъ, Пряженковскій (молодой офицеръ), Алексѣевъ (трактирщикъ), сыиграли весьма удовлетворительно, такъ, что имъ можно простить все ихъ грѣхи въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ.

Тверь сказать ли что *нибудь* объ актрисахъ? Нѣтъ, увольте, прекрасный полъ нашъ — не паркетный! — Вотъ вамъ одна ихъ фамилія: г-жи Алексѣева, Пряженковская и Карницкая, — только тръ и есть.

На афишѣ было сказано послѣ каждого дѣйствія: *шроки, полицейскіе, слуги, служанки, крестьяне и проч.* — но таковыхъ на сценѣ не оказалось, вѣроятно нашли излишнимъ.

Да, вотъ еще. Въ третьемъ дѣйствіи играла роль Жоржеты, (дочь Жоржа и Амаліи) какая-то д-ца NN.... При появленіи ея, раздался всеобщій хохотъ. Ей, на-прим, говорятъ: Жоржета дай воды, — она ни съ мѣста и только хлопаетъ глазами. Этой Жоржетой такъ угодили, что въ третьемъ дѣйствіи, которое потрясаетъ душу при хорошемъ исполненіи, публика не переставала смѣяться глупостямъ Жоржеты. Можетъ быть, такъ и нужно — я не судья, а только пишу, какъ было.

Декораціи довольно подержанныя, и одна и та же является въ вѣсколькихъ — или даже — въ каждой пьесѣ; изъ этого должно заключить, что, вѣрно, таковыхъ мало обрѣтается.

Вотъ какова у насъ въ этомъ году труппа. Театръ всегда почти пустъ. Теперь ужъ, кажется, виновата — не публика. Впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ, кто правъ, кто виноватъ, публика или дирекція? — кажется, оба правы.

Посмотримъ, что дальше будетъ — вотъ подходятъ праздники, полождемъ, авось грянетъ трагедія (вы увидите ниже, что намъ пятнактвыя драмы ни-почемъ!) и въ ней явится опять знаменитая д-ца NN.... то-то полюбуемся.... Въль важенъ первый шагъ — а тамъ ужъ и пошло!.... Неупывайте! будете покорять сердца, будете чудесной артисткой, лѣтъ чрезъ 10, только нужно *немножко* поучится ходить, говорить, смотреть и звать, куда руки дѣвать, когда въ нихъ надобности не предстоитъ....

Впрочемъ, это, *вѣрно*, еще не была, — когда и вышеописанные артисты иногда совсѣмъ не знаютъ, куда дѣвать свои мощныя лани, то поднимуть, то опустятъ, и....

Но я заговорился. — Въ заключеніе этого спектакля, давали водевиль *Маскерадъ въ льтнемъ клубъ* — и гг. Алексѣевъ, Челищевъ, Праженковскій, и г-жи Алексѣева, Каркацкая, и.... и все исполнили хорошо, нечего грѣха — ви повать! — и хотѣлъ сказать — восторга таить....

Отъ 16 до 22 числа, дали нѣсколько водевильчиковъ, за которые мы очень благодарны.

23 числа — о горе намъ! — давали опять драму и еще въ пяти отдѣленіяхъ, со множествомъ подраздѣленій, подъ заглавіемъ: *Заколдованный домъ, или Людовикъ XI*. Боже мой — труппа г. Алексѣева сама лезетъ въ петлю: чего публика не любить смотреть и при порядочномъ исполненіи, — тощая труппа изволить угощать тѣмъ, выходя изъ себя. Да еще лають, видите, не какія нибудь драмочки, въ которыхъ тоже, я думаю, можно было бы покричать (какъ дѣлаютъ наши актеры), но огромную драму. Драмы теперь рѣдко являются и на первостепенныхъ театрахъ, а тутъ... тутъ нечего больше сказать, какъ что г. Алексѣевъ игралъ въ *Заколдованномъ домѣ* — короля Людовика и кричалъ немилосердно.

Въ заключеніе этого спектакля, давали водевильчикъ — *Отецъ какихъ мало*, и онъ шелъ не то, чтобы хорошо, а все таки порядочно. Что мало-мальски по силамъ человеку, то онъ вѣрно не совсѣмъ сгладить. Но вотъ — чудо! г. Челищевъ въ драмѣ *Людовикъ* игралъ старика банкира Корнелія — и сыгралъ — выше чаянія — хорошо. Но только онъ одинъ, а остальные... грустно и подумать...

У насъ играютъ нѣсколько разъ въ недѣлю. Теперь пошли бенефисы. Вскорости дадутъ «Русалку,» въ пользу актрисы.... забылъ какой. То-то предстоить наслажденіе для людей XIX-го вѣка!

Но довольно рассказывать! — Разбирать каждое представленіе право нѣтъ охоты, да и терпѣнія не хватитъ мнѣ писать, а вамъ читать, если вы ужъ давно его не потеряли. Довольно и двухъ представленій, которые мы прослѣдили со вниманіемъ, собственно для того, чтобы дать понятіе о теперешней Николаевской труппѣ. Говорятъ, ждуть сюда г-жу Иванову и еще нѣсколько сюжетовъ; милости просимъ — мы очень рады будемъ старымъ знакомцамъ — они вѣрно поддержать вниманіе здѣшной публики, только не давая 5-ти-актныхъ драмъ; при словѣ: драма — все пожимаютъ плечами и предпочитаютъ ей тихій уголъ дома.

Еще два слова.

При покупкѣ мною въ этотъ спектакль билета, я былъ свидѣтелемъ одной странности.

Вбѣгаетъ въ кассу одинъ изъ корифеевъ труппы и говоритъ кассиру :

«Ивановъ (актеръ) сказалъ, чтобъ изъ ложъ (забылъ какого №) попросили господъ выдти.»

— Да они имѣютъ абонированную ложу, отвѣчаетъ кассиръ.

«Знаемъ, но вѣдь сегодня воскресенье — представленіе не въ счетъ абонимента ; — если они не хотятъ выдти, такъ Ивановъ сказалъ, чтобъ ихъ вывели.....»

Я, сдѣлавъ при послѣднемъ словѣ кислую гримасу, впрочемъ изъ разговора этого съ радостью заключилъ, что вѣроятно, театръ полонъ, а *требованія* на ложѣ еще *есть*, такъ и немудрено замѣчаніе г. Иванова, хоть это, кажется, и не его дѣло.

Вообразите же мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что театръ, по обыкновенію, почти пустъ, и только три или четыре занятыя ложы, и что г. Ивановъ дѣйствующее лицо на сценѣ.

Странно, подумалъ я, актеръ на сценѣ, вмѣсто того, чтобъ быть занятымъ исключительно своею ролью, и не дѣлать два дѣла разомъ, изъ которыхъ одно совсѣмъ до него не касается, обращаетъ болѣе вниманія на ложы, тутъ же припоминаетъ, кто изъ зрителей пришелъ *не въ счетъ абонимента* и тутъ же, на сценѣ, дѣлаетъ распоряженія о выводѣ изъ ложы..... Актерамъ, вѣроятно, пріятнѣе, когда театръ бываетъ *совсѣмъ* пустъ : иначе нельзя понять заботливости г. Иванова, неприносящей ему большой чести.

И. Б—въ.

VII.

САРАТОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Въ нынѣшнюю зиму, на Саратовской сценѣ, въ первый разъ появились двѣ большія пьесы: *Гамлетъ* — Шекспира и *Князь Невидимка*, или *Лиарда волшебникъ*, большая волшебная опера, музыка соч. Кавоса. Пьесы эти были даны 19-го ноября и 7-го декабря, въ пользу театра. Стало-быть, содержатель здѣшняго театра, г. *Зальскій*, намѣренъ улучшить свой театръ. Прекрасная мысль, если только исполнится, ибо театръ его имѣетъ крайнюю нужду въ улучшеніи. Много было подобныхъ сборовъ въ пользу театра, но послѣдствій ихъ не-

замѣтны, въ театрѣ нашемъ нѣтъ ничего особенно-новаго, включая новаго режиссера, г. *Соколовскаго*, который вмѣстѣ съ тѣмъ и актеръ, не выполняющій, какъ слѣдуетъ, своего дѣла.

Такія пьесы, какъ *Гамлетъ* и *Князь Невидимка*, могутъ имѣть успѣхъ только на столичныхъ театрахъ, одна по трудности исполненія, другая по трудности обстановки; но на Саратовскомъ, онѣ явились неудовлетворительными, кромѣ нѣкоторыхъ сценъ. Г. *Соколовскій*, какъ режиссеръ, взявшій главную роль — Гамлета, плохую игрою своею, далеко несотвѣтствующею назначенію, уронилъ пьесу до того, что публика немогла смотрѣть на нея безъ смѣха. — Въ лучшемъ созданіи Шекспира смѣются! Надо имѣть особенное искусство, чтобы произвести подобный эффектъ! Во всѣхъ сценахъ Гамлета, г. *Соколовскій* не только былъ неудовлетворителенъ, но еще фарсиль до-нельзя, кричалъ невостово, такъ, что голосъ его перерываясь отъ натуги, производилъ неестественные звуки; притомъ *Соколовскій*, кажется, еще отъ природы заикается; многихъ словъ небыло слышно, а другія выходили съ варіаціями, въ продолжительныя паузы. Почти постоянно въ бѣлыхъ перчаткахъ, нашъ Гамлетъ сильно размахиваетъ руками и качаетъ головою; въ этомъ состоитъ вся его мимика; позы г. *Соколовскаго* такъ неловки, что трудно придумать что — нибудь болѣе образцовое для каррикатуръ Степанова. Прямое назначеніе г. *Соколовскаго*, есть амплуа въ водевиляхъ, въ которыхъ иногда онъ бываетъ порядоченъ. Для чего бы не оставить режиссеромъ г. *Ершова*, одного изъ опытныхъ въ сценировкѣ актеровъ, который прежде занималъ эту должность и по справедливости можетъ назваться украшеніемъ Саратовской сцены. Г. *Ершовъ*, имѣя природное дарованіе, соединяетъ его съ навыкомъ, и естественно и отчетливо исполняетъ роли, особенно въ комедіяхъ и водевиляхъ, и публика всегда съ удовольствіемъ смотритъ на игру его.

А первыя трагическія роли должны остаться за *Карауловымъ*, который при всегдашней отчетливой игрѣ своею, къ удовольствію публики, бываетъ постоянно хорошъ. Однако, справедливость требуетъ сказать, что въ Гамлетѣ публика совершенно осталась довольною сценою безумной Офеліи, въ четвертомъ дѣйствіи. Дѣвица *Иванова*, постигнувъ вполне эту роль, исполнила ее съ глубокимъ чувствомъ; пѣсни слыты ею такъ отчетливо, что музыка, выраженная голосомъ и чувствомъ *Ивановой*, долго останется у зрителей въ памяти и особенно дикій, раздирающій душу хохотъ при словѣ: *я пошутилъ!*

Дѣвица *Иванова*, имѣя видный ростъ, прекрасное лицо, выразительные глаза, много чувства и владѣя просто и естественно переходами отъ сильной горести къ смѣху, отъ безпечнаго веселія къ убійственной меланхоліи, поразительно дѣйствовала на зрителей. Правда: *Офелія* прекрасный цвѣтокъ, только-что распустившійся для благоуханія, и уже пораженный холодомъ жизни, прежде, чѣмъ могъ узнать всю прелесть существованія. *Офелія* самое чистое, самое прекрасное созданіе изъ всѣхъ женскихъ характеровъ, нарисованныхъ гениемъ Шекспира. Дѣвица *Иванова* была единогласно вызвана: ибо впечатлѣніе, ею произведенное, было всеобщее. Послѣ *Гамлета*, данъ былъ дивертисманъ, въ которомъ доставила особенное удовольствіе отчетливо спѣвая г. *Лидинымъ*: «*Ахъ ты молодость*» и проч. *Лидинъ* единственный знатокъ музыки на Саратовской сценѣ; онъ оказалъ важныя услуги здѣшней публикѣ прекраснымъ исполненіемъ трудныхъ ролей — *Торопки*, въ «*Аскольдовой могилѣ*,» *Макса*, въ «*Волшебномъ стрѣлкѣ*,» и *Альфонса*, «*въ Цампѣ*,» и публика вполне оцѣнившая достоинства г. *Лидина*, остается признательною къ нему. *Лидинъ*, кромѣ пѣнія, отличается довольно хорошею игрою, не только въ операхъ, но и въ комедіяхъ и водевиляхъ, даже въ драмахъ. На провинціальныхъ сценахъ еще неслыхивали пѣвца, лучше *Лидина*, и онъ чистая находка для *Зальскаго*. Въ дивертисманѣ удовлетворительны были танцы, особенно дѣвица *Михайлова* прекрасно исполнила качучу.

Обращаясь къ оперѣ: *Князь Несвидимка*, должно замѣтить, что *Зальскій* не пожалѣлъ издержекъ для ея постановки, что, впрочемъ, очень жаль, потому-что вмѣсто этой старинки можно бы дать что-нибудь поновѣе. Конечно, слушать хорошую оперу, одно изъ величайшихъ наслажденій, какія можетъ намъ доставить театръ. Но сколько условій нужно для того, чтобы этотъ родъ сценическихъ представленій удовлетворялъ вкусу и требованіямъ каждаго зрителя? Унасъ въ провинціяхъ нельзя еще достигнуть этаго такъ скоро. Опера *Несвидимка* съ большими превращеніями, хорами и танцами, и потому Саратовская публика раздѣлилась на двѣ партіи—одни пришли послушать, а другіе посмотреть оперу и надобно признаться, что число послѣднихъ очень превышало первыхъ, но ни тѣхъ, ни другихъ она вполне не удовлетворила. Слушатели, требуя отчетливаго исполненія музыки, не были удовлетворены ни хорами, несогласованными какъ слѣдуетъ, ни нѣкоторыми пѣвцами, не имѣющими ни голоса, ни музыкальныхъ познаній. *За-*

льскій 2-й, человекъ, безъ гласа и послушанія, въ роль Личарда, слуги Всеслава, пѣлъ съ большимъ усиліемъ, безголосно, безъ соблюденія правилъ музыки и пѣлъ лишь бы только съ рукъ долой; но главное, онъ вредилъ пѣнію *Лидина* и дѣвицы *Ивановой*, исполнявшимъ роли: Всеслава и Милолики. Другое дѣло въ водевиляхъ, тутъ Залѣскій даже восхищается иногда воскресную публику своими фарсами, которые вредятъ его игрѣ и искажаютъ пьесы. Г. Лидинъ прекрасно исполнилъ свою партію, къ истинному удовольствію публики; нельзя обойтись безъ недостатковъ, которые Лидинъ имѣетъ; но они выкупаются красотами, которыя оцѣняются только истинными знатоками дѣла и никогда не лишаютъ его занимаемаго имъ мѣста въ оперѣ. Дѣвица *Иванова*, какъ и всегда, пѣла вѣрно и тепло; она владѣетъ приятнымъ голосомъ и умѣетъ имъ пользоваться. Дѣвица *Михайлова*, сверхъ ожиданія, спѣла довольно хорошо роль Пріяты, и если бы не Залѣскій 2-й, а вмѣсто его *Максимовъ* игралъ Личарда, то дуэтъ съ Михайловою прошелъ — бы недурно. Но тѣ, которые пришли посмотреть оперу, болѣе были довольны; они рукоплескали танцамъ, превращеніямъ и сраженіямъ. Правда, нѣкоторые танцующіе выполнили граціозно и съ отчетливостію свое назначеніе. Такъ дѣвицы: *Михайлова*, *Иванова*, *Карауловы*, *Залѣская*, *Ершова*, *Лидина*, *Караулова* и *Николаева*, заслуживаютъ похвалы, особенно интересны были въ III дѣйствіи нимфы и амурь. Машины довольно изрядно были сдѣланы, впрочемъ не во всѣхъ случаяхъ удовлетворительно дѣйствовали; сраженіе, поставленное, какъ видно изъ афиши, *Александровымъ*, просто—вздоръ. Много замѣтно было пропусковъ, недостатковъ, но объ нихъ не будемъ и говорить, повторимъ только, что въ исполненіи оперы замѣтно было общее стараніе, но опера не по силамъ Саратовскаго театра; два, три оперныя лица недостаточны для исполненія большой оперы.

Оканчивая эту статью о Саратовскомъ театрѣ, должно замѣтить г. Залѣскому, что его сцена устроена совсѣмъ не акустически; голоса актеровъ, при всемъ напряженіи, рѣдко достигаютъ до зрителей, занимающихъ отдаленныя отъ сцены мѣста; напротивъ, слова суфлера слишкомъ ясно передаются зрителямъ, такъ, что зритель слушаетъ пьесу всегда двойнѣ и напередъ знаетъ по суфлеру, что скажетъ актеръ. Г. Залѣскому не мѣшало — бы обратиться къ хорошему архитектору за совѣтами о переправкѣ сцены, къ знатоку дѣла, а не къ простому плотнику. Къ числу актеровъ, Залѣскому надо не-

обходимо пригласить два, три лица порядочныхъ пѣвцовъ, въ подмогу актеру — музыканту Лидину и пѣвцамъ Максиму, Полякову, и тогда онъ смѣло можетъ ставить нѣкоторыя комическія оперы, чѣмъ доставить публикѣ одно изъ самыхъ лучшихъ наслажденій. За-тѣмъ просимъ г. Залѣскаго устроить во время антрактовъ, особенно въ то время, когда дается опера, игру *полекъ* и *мазурокъ*, которыя приличны только въ своемъ мѣстѣ, въ бальной залѣ или въ балаганѣ. Развѣ мало у насъ хорошей музыки, кромѣ этихъ несчастныхъ полекъ и галлоповъ, назначенныхъ болѣе для комедіантовъ и лошадей? Дирижеръ Саратовскаго театра, г. *Перовскій*, достаточно знающій свое дѣло, можетъ выбрать и исполнить болѣе серьезные произведенія и доставить тѣмъ публикѣ живѣйшее удовольствіе.

А. Никитинъ.

20. Декабря, 1847 года.

ЗАПИСКИ ФЛОРЫ, (*)

КОМЕДИЧЕСКОЙ АКТРЕСЫ.

«Pourquoi n'écrirais—je pas mes mémoires?
Ma blanchisseuse écrit bien les siens!

*«Для чего мнѣ не писать своихъ записокъ?
Моя прачка пишетъ—же свои.»*

ВВЕДЕНІЕ.

Я могла бы заимствовать свой эпитафій изъ какого-нибудь писателя, древняго, греческаго, латинскаго, испанскаго, нѣмецкаго, англійскаго, китайскаго или малабарскаго; ибо я равно свѣдуща во всѣхъ этихъ языкахъ, и немогу сказать, чтобы который нибудь изъ нихъ мнѣ былъ знакомѣе другихъ: но я французенка, и всегда отдаю преимущество родному. Я сама придумала себѣ эпитафій. Писатель высказывается въ одномъ словѣ; одной фразы достаточно, чтобы узнать его; изъ моей фразы каждый убѣдится, что у меня есть прачка, а это не совсѣмъ ничтожное обстоятельство для моего самолюбія.

Многихъ можетъ быть удивить то, что я иду въ писательницы и печатаюсь еще при жизни. Но одна ли я? Нашъ вѣкъ родилъ множество писателей женскаго пола. Нѣтъ нужды ихъ исчислять; они довольно извѣстны, и даже знамениты, имена ихъ встрѣчаются и на заглавныхъ листкахъ романовъ, и подъ столбцами фельетоновъ. Я надѣюсь, что не нанесу безчестья ихъ почтенному цѣху. Во первыхъ, вѣрьте или не вѣрьте, а я гораздо образованнѣе, чѣмъ можетъ быть полагають. Кромѣ своихъ ролей, я многое читала, многое запомнила, и много видѣла. Я родилась съ тѣмъ на-

---

(*) Знаменитая артистка, на амплуа комическихъ старухъ, въ Парижѣ, на сценѣ театра *Разнообразія* (des Variétés).

блюдательнымъ умомъ, который необходимъ актерамъ обоюго пола для того, чтобы изображать на сценѣ слабости, которыя они встрѣчаютъ въ свѣтѣ. Изучая людей, а я много изучала ихъ, я немогла не собрать множества философскихъ наблюденій, которыя обогатили мнѣ умъ и возвысили душу. Нельзя быть хорошимъ актеромъ, не будучи болѣе или менѣе философомъ, точно такъ же, какъ каждый философъ есть, въ большей или меньшей степени, актеръ. По-этому въ моихъ запискахъ найдется много размышленій, все собственныхъ моихъ. Я не буду подражать тому писателю, о которомъ рассказываетъ Шатобрианъ, и который, на вопросъ: что онъ сочиняетъ?—отвѣчалъ: Я сочиняю мысли Ларошфуко.

Я не намѣрена, въ оправданіе своей мысли издать свои записки, исчислять всѣхъ, кто печаталъ записки, это составило бы цѣлую книгу, едва ли не потолще моей. Но немогу не упомянуть о знаменитыхъ запискахъ кардинала Ретца, потому-что у меня есть запасъ примѣчаній къ нимъ, которыми я собираюсь подѣлиться съ публикою въ одной изъ моихъ литературныхъ статей. Вольтеръ гдѣ-то говоритъ, (прошу покорно не сомнѣваться въ томъ, что я читала Вольтера), что въ запискахъ можно узнать челоуѣка, т. е. мужчину. Въ моихъ, я надѣюсь, можно будетъ узнать и мужчину и женщину. Многія женщины также издавали свои записки, въ томъ числѣ и актрисы; кто не знаетъ записокъ г-жи Дюмениль, или г-жи Клеронъ, знаменитыхъ актрисъ Французскаго Театра; онѣ наполнены превосходными размышленіями о драматическомъ искусствѣ. Хотя я развивала свой талантъ не на такомъ знаменитомъ театрѣ, я тѣмъ не менѣе сообщу свои мысли объ искусствѣ, которому я всегда служила съ любовью.

На многолѣтнемъ своемъ артистическомъ поприщѣ, я водилась съ знаменитостями искусства. Я имѣла счастье встрѣчаться съ Тальмою, Лафономъ, Эллевіу, Мартеномъ, Вестрисомъ, Бопре, Гарделемъ, Брюне, Потье, Перле, Мишло, Картиныи, Монрозомъ, Тьерсленомъ, Верне, Одри, Жоли, Арналемъ, Фредерикомъ-Леметромъ, и даже съ Дебюро. Я знавала г-жъ Дюшенуа, Сент-Обенъ, Жоржъ, Гаводинъ, Эмилию Леверъ, Барэле, Браншио, Монтансье, Бельмонъ, Биготтини и неподражаемую Марсъ. Знавала я и многихъ другихъ, которыхъ имена явятся въ моей книгѣ съ любопытными анекдотами изъ ихъ жизни. Читатели вѣдь любятъ анекдоты; по этому я не упущу случая рассказать, собранные мною анекдоты, а ихъ у меня огромный запасъ.

Сношенія мои не ограничивались моими собратями по званію: я имѣла не разъ честь играть въ присутствіи государей и высокыхъ особъ, не только на театрѣ, но и на частныхъ ихъ праздникахъ, и по этому случаю разговаривала съ вѣщными главами и съ другими, хотя не вѣщными, но не менѣе замѣчательными головами. Я игрывала передъ Наполеономъ, передъ

Людвикомъ XVIII, передъ Карломъ X, и передъ союзными государями, посѣтившими Парижъ во время нашествія. Я много бесѣдовала съ знаменитымъ Ростовчинимъ, который ездѣлъ Москву, и пыталъ у насъ къ.... Но я вамъ расскажу это послѣ. Бесѣдовала я также очень любезно съ Талейраномъ, который былъ хромъ (не потому ли и говорятъ, что онъ никогда не шель прямо?) и который дѣлалъ хорошенькимъ женщинамъ панильотки изъ билетовъ въ тысячу франковъ для такой завивки я бы отпустила локоны.

А литераторовъ и музыкантовъ... сколько я ихъ видала! Во первыхъ Барре, Раде и Дефонтея творцовъ водевилей, у которыхъ ума было у каждаго за четверыхъ. Графа Сегюра, остроумнаго вельможу, отвѣчавшаго пѣвцу Мартену, разсердившемуся на него на репетиціи: «Вы забываете, г. Мартенъ, что всѣ люди равны!» — Знала я также Пена и Бульи; Мартиньяка, столь веселаго за кулисами, столь угрюмаго въ министерскомъ кабинетѣ; Пиксеркура, знаменитаго мелодраматурга; Мартенвила, автора *Бараньей ноги*; Дорвизы, творца *Жокриса*; Ода, автора *Каде-Русселя*; Севрена, Дезожье, Шарля Нодье, Дюмерсана, Бразье, Франсиса, Шазе, Ламене, и прочая, и прочая. Изъ музыкантовъ: Гретри, Далейрака, Николо, Гаво, Солье, Керубини и Жильбера, бывшаго нашимъ капельмейстеромъ, и имѣвшаго честь управлять оркестромъ Вольтера въ Фернеѣ.

Всѣ господа писатели пройдутъ подъ моимъ перомъ! какъ писатели съ умомъ, съ талантомъ и слогомъ, такъ и тѣ, о которыхъ говорили, что они грамматикки не проглотили. Впрочемъ грамматикку не больно нужно глотать, для того, чтобы шнать театральныя пьесы; зрители ея не видятъ.

И такъ—вотъ я *сигнй чулокъ!*

Кстати, многіе читатели, можетъ быть, и не знаютъ, откуда взялось это выраженіе. Для образчика моеи учености, я имъ объясню его происхожденіе, какъ мнѣ его перевели изъ одного англійскаго журнала. Около 1814 или 1815 года жила въ Англии молодая женщина, любезная, умная и страстная; нельзя же быть умною и любезною, и не приправлять этихъ качествъ страстью. Она говорила на всѣхъ языкахъ, играла на всѣхъ инструментахъ, писала стихами и прозою, обожала искусства и литературу. Въ то же время процвѣтала Байронъ. Прекрасная леди, встрѣтившись съ великимъ поэтомъ и прочитавъ его творенія, воспыала къ нему энтузіазмомъ, который скоро обратился въ любовь. Лорду Байрону мало было этого счастья; онъ захотѣлъ еще, чтобы весь свѣтъ зналъ его тайну. Мужчины вездѣ одинаковы, въ вѣроломномъ Альбюнѣ, какъ и въ прелестной Франціи! Женщины же, даже если и не желаютъ чужаго счастья себѣ, всегда завидуютъ ему. И скромницы и кокетки подняли страшный шумъ, который еще болѣе

усилился, когда побѣдитель бросилъ побѣжденную. Брошенная леди вздумала отомстить невѣрному перомъ; итальянка или испанка отомстила бы кинжаломъ; а французенка смѣхомъ; англичанка судить иначе. Моя леди напечатала свою мечь въ десяти тысячахъ экземплярахъ, въ романѣ, котораго лица были списаны такъ вѣрно, что невозможно было ихъ не узнать. Лордъ Байронъ былъ въ немъ отдѣланъ очень мило; но всего болѣе взбѣсило его то, что леди назвала его хромоножкой! Благородный лордъ рѣшился въ свою очередь отомстить за оскорбленіе, и вспомнилъ, что во время дружбы его съ его Ариадною, всѣ щеголихи, а слѣдовательно и его прекрасная непріятельница носили небесно-голубые шелковые чулки. По этому онъ и далъ ей прозвище *Blue-socking*, т. е. *синяго чулка*. Отсюда и взялось названіе, которымъ съ того времени чествать всѣхъ женщинъ, занимающихся пачканьемъ бумаги, потому же и я *синій чулокъ*, хотя не ношу другихъ чулковъ, кромѣ бѣлыхъ.

И чтожъ удивительнаго, что мнѣ вздумалось писать? Много было, и теперь еще есть, актрисъ синихъ-чулковъ. Въ моемъ собраніи автографовъ много писемъ актрисъ, какъ умершихъ, такъ и живыхъ, и я намѣрена обогатить свои записки этими драгоценными памятниками. Въ одномъ ящикѣ моей шифоньерки хранится вся моя переписка; это дивныя перлы, которые я въ свое время представлю читателямъ. А если потребуются доказательства, что актрисы писали, и писали хорошо, за примѣрами дѣло не станетъ. Софія Арну, столь извѣстная своими островами въ разговорѣ, оставила ихъ еще болѣе на бумагѣ. Г-жа Конта писала такъ же умно, какъ играла. Г-жа Бургуенъ посылала прелестныя записки Тальмъ, прося его играть Ахиллеса, когда сама играла Ифигенію. Увѣряютъ, будто она вкружила голову Гамлету и Манлю. Впослѣдствіи, когда она съ нимъ поссорилась, по случаю связи своей съ министромъ Шапталею, кто-то пустилъ слѣдующую эпиграмму:

On trouve, à ce qu'on dit, du talent à Talma,
 J'en ai bien plus que lui depuis que Chaptal m'a...
 Donne ces diamans, parure sans pareille,
 Qui me fait plus briller que les vers de Corneille.

Одна превосходная актриса театра Водевилья, занимавшая роли старухъ, г-жа Бра, отвѣчала на всѣ письма вольными стихами, съ приложеніемъ или безъ приложенія каламбура. Она была женщиною необыкновенно острога ума.

Говоря объ актрисахъ водевиля, немогу я къ слову не вспомнить о мадуазель Минеттѣ, которая была до того забавна и смѣшна, что ее называли женскимъ — Потье. Она писала прехоро-

шенскія пьески, которыя директоръ Барре слушалъ въ то время, какъ брлся, и по окончаніи которыхъ онъ говорилъ ей: «Твоя пьеса принята, я обрѣтъ!»

Товарка моя Кюизо пьесъ не писала, но премило писала письма; и меня увѣрили, что у архиканцлера Камбасереса хранилось прелюбопытное собраніе ея посланій. Другія мои товарки Женни Верпре, г-жа Дорваль, мадмуазель Дозъ, г-жа Дошь, такъ-же бойко пишутъ стихи, какъ и прозу. Въ наше время, многія актрисы пишутъ въ журналахъ. Да, любезные мои читатели, есть актрисы-журналистки, и могу васъ увѣрить, что въ ихъ статьяхъ нѣтъ ни сучка ни задоринки, когда онѣ говорятъ о своихъ успѣхахъ. Если онѣ употребляютъ свои когти, то развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, если рѣчь зайдетъ о ихъ товаркахъ.

Но я черезъ — чуръ разболталась; что дѣлать? я женщина. Пора однако же объяснить вамъ, о чемъ я намѣрена писать, пока вы сами не пристали за объясненіемъ. И такъ, я намѣрена рассказать вамъ, такъ умно, какъ только съумѣю, все, что я видѣла и слышала въ продолженіе своей артистической жизни, познакомить васъ съ людьми и вещами, толпившимися вокругъ меня, посвятить васъ въ таинства закулисной жизни, подѣлиться съ вами моими наблюденіями литературными, философскими, подчасъ и политическими, надъ событіями, въ которыхъ я участвовала то актрисою, то зрительницею. Я покажу вамъ любопытный волшебный фонарь, великую комедію міра.

Слыхали вы, какъ комедьянты, съ балконовъ своихъ балагановъ, зазываютъ къ себѣ гостей? «Милости просимъ, милости просимъ!.. Берите билеты! Берите билеты! Сейчасъ начинается. Касса открыта. Мѣста ни-по-чемъ; всѣмъ карманамъ по силамъ; при входѣ ни гроша, — ровно ни гроша. Но если останетесь довольны, то при выходѣ пожертвуете пятьдесятъ сантимовъ, только пятьдесятъ сантимовъ. Если же будете недовольны, дадите десять су только десять су. — *Дезъ, дюизъ! бумъ, бомъ!* Эй музыка, начинать! барабанъ, не дремать!» Этотъ *заманъ*, — говорятъ будто этого слова не найти ни въ какомъ словарѣ, да какое дѣло, когда вещь существуетъ вездѣ; — и такъ этотъ заманъ то же, что объявленіе, афиша, *пуфъ*; кстати *пуфъ* выраженіе, вывезенное изъ Англіи и значитъ надувательство. Пуфъ утвердился и въ нашей дорогой Франціи: онъ царствуетъ во всемъ, въ политикѣ, въ литературѣ, въ финансахъ, въ торговлѣ, въ обществѣ! Пуфъ Божество нашего вѣка; невѣрующіе ни въ кого, ни во что, вѣрують въ пуфъ, въ надувательство. Кстати, слово надувательство напоминаетъ мнѣ анекдотъ, который рассказывалъ намъ однажды Казо, пришедъ на репетицію прямо изъ кофейни нашего театра. Онъ жаловался содержателю ея, что у него даютъ удивительно маленькіе куски сахара, между тѣмъ, какъ въ другихъ кофейняхъ даютъ чрезвычайно большіе. «Любезный г,

Како, отвѣчалъ почтенный хозяинъ, и я бы могъ дѣлать то же; да я не пускаюсь на подобныя надувательства. Каждый понимаетъ надувательство по своему.

Я затѣваю не пухъ; я намѣрена говорить правду, ничего, кромѣ правды. Истина, такъ рѣдко встрѣчающаяся въ печати, будетъ главнымъ украшеніемъ моей книги.

Но если вы ждете остроты, шутокъ, смѣшныхъ и забавныхъ случаевъ, не думайте, однакожъ, что кромѣ ихъ ничего не будетъ, въ моихъ запискахъ. Я комическая актриса, но я же и женщина; если я весела на театрѣ, то я не всегда бываю весела дома. Ошибаетесь, если воображаете, что тотъ, кто смѣшить другихъ, самъ долженъ вѣчно смѣяться. Во первыхъ, чтобы съ успѣхомъ заниматься какимъ бы то ни было искусствомъ, чтобы достигнуть известной степени таланта, надо быть чувствительнымъ, и я чувствительна. Это мой главный недостатокъ, отъ котораго я немогла исправиться и никогда не исправлюсь. Многіе насмѣшливые читатели подхватываютъ, что они никогда не сомнѣвались въ моей чувствительности, но я чувствительна не такъ, какъ они думаютъ. Та самая Флора, которая является на театрѣ веселою, безопасною, шутливою, никогда не могла встрѣтить несчастнаго—и не сострадать къ нему; мало того, чтобы не помочь ему; а какъ говорить о добрѣ, которое мы дѣлаемъ, не запрещается, то я еще буду имѣть случаи доказать, что я оказывала добро многимъ благодарнымъ. Я это расскажу въ главѣ *о неблагодарности людей*. — Да, бѣдная комедіантка бывала великодушна. И почему жъ бы не такъ? Она красится, бѣлится, румянится, сурмить брови, всячески переряжается, но вѣдь подъ всѣмъ этимъ все-таки бьется сердце!

Я говорила шута, что изучала людей; повторю тоже самое нешута, и это изученіе часто наводило на меня тоску, и тоску до слезъ! Вы всѣ, приходящіе смотрѣть наши гримасы, вы не знаете, чего подчасъ онѣ намъ стоятъ. Какое вамъ до этого дѣло, лишь бы мы васъ забавляли за ваши деньги? Я знала много комиковъ, бывшихъ вовсе не веселаго нрава; а они играли самыя веселыя роли. Изъ товарищей своихъ назову, во первыхъ, Потье. Этотъ превосходный комикъ, котораго одна физіономія возбуждала неистовый хохотъ, котораго всѣ движенія, выраженіе голоса были такъ смѣшны и оригинальны, не только былъ суроваго нрава, но былъ еще человѣкъ больной. Страдая ревматизмами и нервами, онъ часто корчился за кулиссами, ломалъ руки и стоналъ отъ боли. Но подходилъ его выходъ, онъ выпрямлялся, принималъ веселый видъ, выходилъ на сцену, забывалъ боль, возбуждалъ всеобщій смѣхъ, и потомъ возвращался въ свою уборную, укутаться въ фланель, или домой—чтобы опять хворать и страдать.

Тьерслень, актеръ каррикатуры и фарса, былъ угрюмый чудакъ, Разсмѣшивъ вѣсь театръ на повалъ, въ пьесѣ *На углу*, или въ родѣ сапожника въ *Превиль и Таконе*, едва опускался занавѣсъ, онъ опять принималъ угрюмый видъ, возвращался домой и ложился спать, частенько даже не сказавъ слова женѣ. Тьерслена ужасно бѣсило, когда его узнавали на гуляньи или гдѣ нибудь въ публичномъ мѣстѣ. Однажды заходить онъ въ трактиръ, садится въ углу за столъ, и велитъ подать себѣ обѣдъ. Въ свѣтѣ много есть людей, которые любятъ видѣть вблизи актеровъ, и встрѣчаться съ ними внѣ театра. Одинъ господинъ, узнавъ Тьерслена, подходитъ къ его столу, и проситъ позволенія сѣсть противъ него. — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Тьерслень; встаетъ, идетъ къ конторкѣ, платитъ за обѣдъ и уходитъ. Если хотите, это уже и не грусть, это нелюдиность; во всякомъ случаѣ, она не похожа на веселость.

А новый мой товарищъ, Буффе, столь забавный на сценѣ? не думаете-ли вы, что онъ шутникъ внѣ театра? Нѣтъ, это челоѣкъ наблюдующій, мыслящій, изучающій. Стоитъ только взглянуть на его задумчивое лицо, чтобы понять,, сколько ему надо искусства для того, чтобы передѣлать свои черты и оживить эту маску такою заразительною веселостью. Правда, Буффе не ограничивается одними комическими родами, онъ часто восходитъ до высоты самой патетической драмы. Онъ заставляетъ трепетать въ *Дочери скупца*, заставляетъ плакать въ *Бѣдномъ Жакѣ*, заставляетъ и плакать и смѣяться въ одно время въ очаровательномъ его *Парискомъ мальчишкѣ*.

Я могла бы привести въ примѣръ еще многихъ комическихъ актеровъ и писателей, которые были веселы только за перомъ или на сценѣ. Неприкидываясь ученою, я могу напомнить о Мольерѣ, писателѣ-актерѣ, который былъ очень задумчивъ и грустенъ, какъ всѣ вообще наблюдатели людскихъ предрасудковъ, слабостей и пороковъ. Могу также рассказать адекдоть, извѣстный вѣроятно многимъ, въ особенности любителямъ театра, но все-таки не всѣмъ: это случай Карлена, превосходнаго арлекина итальянской комедии, челоѣка столь же образованнаго и остроумнаго, сколько забавнаго. Карлень страдалъ хандрою; онъ отправляется къ врачу, который, не зная его, говоритъ: вамъ нужно разсѣяніе, ходите въ театръ, смотрите почаще Карлена. — Если нѣтъ другаго средства, отвѣчаетъ больной, то мнѣ нѣтъ надежды на излѣченіе. — Почему? — Потому-что мнѣ не возможно идти смотрѣть Карлена — Вы его развѣ не любите? — Напротивъ, я люблю его, какъ самаго себя. — Почему же вамъ не смотрѣть его? — Потому-что Карлень я самъ.

То же бывало и со мною. Мнѣ говорили: Боже-мой Флора, какъ вы насъ вчера смѣшили! — А я отвѣчала: желала бы я быть въ числѣ зрителей.

Но я наговорила серьезнаго гораздо болѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Не думайте, любезные читатели, что я намѣрена наскучить вамъ своими горестями; нѣкоторые изъ нихъ придется вамъ однакожъ выслушать. Нѣтъ розы безъ шиповъ, говоритъ пословица, а умники прибавляютъ, что тѣмъ-то она и хороша.

Что касается до слога моихъ записокъ, предупреждаю читателей чтобы они не ждали того высокаго слога, которому всѣ дивятся, и котораго никто не понимаетъ. Въ языкѣ моемъ найдется много небрежностей; я вѣдь не изъ господъ академіи. Не то, чтобы гг. Академія никогда не позволяли себѣ небрежностей; многіе изъ нихъ пишутъ довольно безтолково, но какъ они законодатели языка, составляютъ словарь, то и распоряжаются такимъ образомъ, чтобы ихъ промахи стали правилами, отъ чего правила нрѣдко промахами, какъ говорилъ Шарль Нодье, часто ходившій къ намъ за кулисы. Впрочемъ небрежность слога есть иногда своего рода кокетство. Слогъ женщины носить печать ея пола, а какая женщина ни дорожить правомъ являться въ утреннемъ нарядѣ? Если я сверхъ чаянія, отпущу слишкомъ непростительную ошибку, на что же въ типографіи корректоръ, какъ не на то, чтобы исправить ее? Но Боже, Боже мой! какъ я заболталась, мнѣ такъ пріятно бѣсѣдовать съ публикою.

Нѣкоторые скажутъ, можетъ быть, что мое предисловіе ужасно длинно. но я могла бы сдѣлать его еще длиннѣе; это тайна писателей, марающихъ десятки томовъ, между тѣмъ какъ ихъ не стало бы на одну страничку, если бы въ ней потребовалась мысль. Но я здѣсь кончаю; съ слѣдующей главы, начинается повѣсть моей жизни. Я расскажу свою жизнь, начерчу свой портретъ...

— Вашъ портретъ подхватить съ улыбкою какой нибудь лукавещъ; а какъ же вы сдѣлаете, когда дойдете до нѣкоторыхъ обстоятельствъ, до нѣкоторыхъ подробностей?... Потше господинъ-нескромный; я вамъ отвѣчу то же самое, что отвѣчала на тотъ вопросъ одна умная женщина, которой имени я не припомню, но которая также печатала свои записки: *Я нарисую только одинъ бюстъ.*

Г Л А В А I.

Люди рождаются, не какъ хотятъ, а какъ случится. Знатность рожденіе, одна игра случая. Одинъ родится въ чертогахъ, другой въ хижинѣ; одинъ на королевской улицѣ, другой въ какомъ нибудь закоулкѣ. Если бы было угодно небу, а родилась бы принцессою; но я родилась комедіанткою; родилась, такъ сказать, на театрѣ. Отецъ и мать моя принадлежали къ труппѣ театра Монтансье,

въ Пале-Рояль, или по тогдашнему Пале-Эгальте (дворцѣ равенства). Онѣ только что были открыты новою дирекціею, подъ названіемъ театра Монтансье, или *Разнообразія*. Это было во время Директоріи; и по примѣру французской республики, нашъ театрѣ имѣлъ также пять директороу; то были граждане Сезарь, Амьель, Кретю, бывшіе актеры, и Симонъ и Фуанье, бывшіе музыканты. Тѣ и другіе удержали за собою прежнія свои должности; т. е. эти господа, или, по тогдашнему, граждане, забирали все должности къ рукамъ; это вѣдь всегда было въ ходу.

Мать моя была за кулисами, когда почувствовала необходимую потребность произвести меня на свѣтъ: ее только что успѣли отправить домой. Еще минуто, и я родилась бы на театрѣ, во время представленія пьесы гражданина Дорво, подъ названіемъ: *Ищу отца*. Мнѣ, къ счастью, не зачѣмъ было искать отца. Этотъ примѣрный супругъ никогда не покидалъ моей матери; онѣ принялъ меня на руки, и оросилъ тѣми отеческими слезами, которыя проливаются отъ одной радости. Меня увѣрили, что я родилась бѣлая, какъ молоко, свѣжая, какъ персикъ, бѣлокурая, какъ херувимчикъ; я, пожалуй, не прочь принять это за правду. По этой-то причинѣ меня и назвали Флорою, тѣмъ болѣе, что я родилась весною. Въ пятнадцать лѣтъ я часто смотрѣлась въ зеркало, и мнѣ казалось, что я сдержала все, что обѣщала при рожденіи.

Я не буду долго останавливаться на тѣхъ безсмысленныхъ годахъ, которыя почти все дѣвочки проводятъ одинаково: играютъ въ куклы, учатся читать, писать и шить; но матушка водила меня каждый день въ театрѣ; я проводила все вечера за кулисами, или въ уборныхъ актрисъ, которыя меня очень ласкали и кормили конфетами; я уже тогда была охотница до сладостей. Мужчины также часто засматривались на меня и осыпали ласками... Они находили, что я очень хорошенькая, а это льстило моему самолюбию; говорить же, что кокетство первое чувство, пробуждающееся въ женщинѣ... Но матушка внушала мнѣ весьма хорошія правила, между прочимъ: не вѣрить мужчинамъ. Обучая меня читать по волшебнымъ сказкамъ Перо, она очень старательно толковала мнѣ правоученіе *Красной шапочки* и *Рауля, сивей бороды*. Спасибо, родная! когда нибудь воспользуюсь. Между тѣмъ, невозможно мнѣ было, видя каждый день актрисъ, разряженныхъ, осыпанныхъ рукоплесканіями, не желать также блеснуть, подобно имъ. Я слушала, какъ онѣ повторяли роли, пѣли куплеты; запомнила все, что они пѣли, и возвращаясь домой, повторяла, перенимая все ихъ движенія.

Въ это время на театрѣ Монтансье были три актрисы, справедливо пользовавшіяся любовью публики. Первая называлась Каролиною: не зная музыки, она пѣла, какъ соловей; невозможно пред-

ставить себѣ болѣе гибкій голосъ. Когда Каролина играла съ Брюне, зала всегда бывала полна. Если не ошибаюсь, Виконтъ Сегюръ написалъ для этихъ двухъ любимцевъ публики пьесу: *Брюне и Каролина*. Это была преміальная, преостроумная комическая оперетка, какъ и всѣ сочиненія этого писателя; музыку написалъ Менгоцци. Слова, музыка, актеры, все содѣйствовало успѣху. Каролина была обворожительна во всѣхъ своихъ роляхъ, но въ особенности въ оперѣ *Розовый чертенокъ*, къ которой музыку сочинилъ Гаво. Рядомъ съ прелестною актрисою, одѣтою чертенкомъ, Боскье-Гаводень, племянникъ композитора, превосходно игралъ роль Нормана. Каролина блистала не долго; она умерла въ 1807 году, оставивъ сына, посвятившаго себя тому же званію; это Поль, бывший сначала моимъ товарищемъ на театрѣ Разнообразія, а потомъ составившій себѣ громкое имя на театрѣ Драматической Гимназіи, въ роляхъ любовниковъ.

Другая любимица публики была г-жа Менгоцци, жена композитора; она лучше Каролины знала музыку, но не такъ хорошо пѣла. Г-жа Менгоцци была очень мила въ опереткѣ *Пльиница*, въ которой она играла мужчину, и въ роли пѣмки въ *Не осуждай, не выслушавъ*. Когда театръ Монтансье былъ еще только малолѣтнимъ театромъ графа Божоле, и всѣ роли исполнялись дѣтьми, г-жа Менгоцци, называвшаяся просто хорошенькою Сарою, играла съ необыкновеннымъ успѣхомъ роль *Прекрасной невольницы*. Она всегда вспоминала объ этой роли, и о фурорѣ, который она производила въ ней въ двѣнадцать лѣтъ. Слушая ее, я горѣла нетерпѣніемъ достигнуть двѣнадцати лѣтъ, и играть *Прекрасную невольницу*. Г-жа Менгоцци, которой я потомъ была товаркою, еще жива, и не знаетъ тягостей старости; она часто ходитъ въ театръ Водевиля, смотрѣть на дочь, г-жу Гильемень, первую Парижскую артистку на роли старухъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы утратили мадмуазель Жюльень, бывшую въ театрѣ Гимназіи.

Третья любимица публики была г-жа Бароие; она была не хороша собою, но обворожительна талантомъ; г-жа Бароие играла сильныя, характерныя роли, какъ женщина, знакомая со всѣми таинствами драматическаго искусства. Она дала мнѣ первые уроки. Мы еще увидимъ ее далѣе, ибо она была опорой нашего театра въ продолженіе сорока лѣтъ, и умерла за восемьдесятъ.

Я должна еще поговорить съ вами объ одномъ изъ моихъ товарищей, который составилъ счастье и славу театра Разнообразія, о томъ героѣ фарса и нелѣпости, который былъ глупѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему простаковъ, Воланжа, Болье, Майера, Баптиста младшаго. Имя Брюне приобрѣло европейскую извѣстность. Въ то время не говорили: иду въ театръ Разнообразія, а говорили: иду къ Брюне. Въ 1815 году, когда наши пріатели—

неприятели вступили въ Парижъ, они не спрашивали: гдѣ Лувръ? гдѣ Пантеонъ? а спрашивали: гдѣ театръ Брюне?

Я дебютировала подъ покровительствомъ Брюне; я немогла встрѣтить лучшаго руководителя. Всѣ знаютъ, съ какимъ огромнымъ успѣхомъ Брюне игралъ въ фарсъ Дорвиньи *Отчужденіе Жокрисса*, выдержавшемъ болѣе пяти сотъ представленій, что доказываетъ изысканный вкусъ вѣка. Но смѣхъ такое сокровище, что его можно купить цѣною вкуса. Роль Жокрисса была создана Баптистомъ младшимъ, и пьеса имѣла съ нимъ неизмѣримый успѣхъ. Однакоже, когда Брюне явился въ этой роли, онъ былъ такъ простъ, такъ глупъ, такъ смѣшонъ, что Баптистъ отдалъ ему роль, и уже не посмѣлъ играть ее. Въ этой пьесѣ есть роль маленькаго брата Жокрисса, которую играла съ Баптистомъ младшимъ мадмуазель Марсъ: ей тогда было лѣтъ одиннадцать или двѣнадцать. Но, ставъ взрослою дѣвицею, она оставила театръ Монтансье, и поступила въ труппу Французскаго Театра, по ходатайству г-жи Конта, предугадывавшей ея талантъ. Брюне, полюбивъ мою наружность и рѣзвый нравъ, вздумалъ взять меня на роль маленькаго брата; такимъ образомъ, я дебютировала въ роли г-жи Марсъ и наслѣдовала ей очень удачно.

Брюне репетировалъ со мною роль, выучилъ меня непринужденно смѣяться и плакать. Онъ щекоталъ меня, чтобы заставить смѣяться, и щипалъ, чтобы заставить плакать, и говорилъ: «Вотъ видишь, моя душа, вся тайна нашего искусства—естественность. Отчего я такъ глупъ на сценѣ? оттого, что стараюсь сродниться съ глупостями, которыя долженъ говорить и не ищу въ нихъ ума. Со мною, милая Флорочка, ты успѣешь болѣе, чѣмъ если бы тебя отдали въ Консерваторію. Оттуда выходятъ славные попугаи; чему ихъ выучать, то они и говорятъ очень хорошо, но какъ только придется говорить отъ себя, они ничего и не сдумаютъ. Я не говорю, чтобы уроки ни къ чему не вели; они научаютъ правильно произносить, держаться на сценѣ, даютъ человѣку навыкъ, смѣлость, но не талантъ. Я самъ не былъ въ консерваторіи; она въ мое время еще не была придумана; научился же я играть по склонности, по страсти; когда нибудь я тебѣ раскажу, какъ началось мое драматическое поприще.»

Я слушала со вниманіемъ всѣ слова Брюне, запечатлѣвала въ памяти всѣ его совѣты, и слѣдовала имъ, какъ умѣла. Миѣ очень хотѣлось узнать его исторію; любопытство мое было удовлетворено, но только гораздо позднее. Однажды, когда не было представленія, онъ позвалъ меня обѣдать, съ нѣкоторыми другими молодыми артистами нашей труппы; послѣ обѣда мы отправились въ садъ, усѣлись вокругъ него подъ сиреню, и онъ разсказалъ намъ

то, что я намѣрена пересказать вамъ такъ вѣрно, какъ мнѣ только позволить собственная память.

«Родился я въ 1766 году; мое фамильное прозваніе Мира. Отецъ мой держалъ лотерейную контору въ Моконсельской улицѣ, гдѣ находился Итальянскій Театръ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ коженый рядъ. Когда мнѣ было небогѣ девяти или десяти лѣтъ, я могъ всегда даромъ ходить въ театръ, потому что конторщица хаживала къ намъ мѣнять деньги. Тутъ я пристрастился къ комедіи, видя знаменитаго, неподражаемаго Карлена, о комизмѣ и естественности котораго я не могу вамъ дать и понятія. Подъ его арлекинскую маскою было болѣе игры физиогноміи, чѣмъ у многихъ актеровъ, играющихъ съ открытымъ лицомъ. Знаменитый Гаррикъ говорилъ: «У Карлена играетъ даже синна!» Роль Панталона занималъ Коальто, а Скапина Калерани. Эти три актера играли итальянскій фарсъ, который чрезвычайно забавенъ, и чередовались съ артистами Комической-Оперы, между которыми были замѣчательны Клерваль, Ларю, Триаль, Мишю, г-жи Ларю, Триаль, и прелестная Коломба. Изъ всѣхъ этихъ актеровъ, я предпочиталъ Карлена; имъ я не могъ налюбоваться. Я, можетъ быть, ему обязанъ многими качествами, доставившими мнѣ успѣхъ на театрѣ.

Въ театрѣ я часто встрѣчался съ сыномъ одного сосѣдняго зубнаго врача, и скоро подружился съ нимъ; онъ также имѣлъ даровой входъ въ театръ, потому что дядя его чистилъ и дергалъ зубы всей итальянской группѣ; это былъ столь знаменитый съ тѣхъ поръ Тальма. Отецъ его былъ въ Англіи, а дядя, занимавшійся тѣмъ же ремесломъ, принялъ на себя воспитаніе молодаго Тальмы, котораго прочли также въ зубодерги. Мы познакомились еще въ школѣ г. Вапро. Этотъ Вапро былъ брюзгливый чудакъ, настоящій педантъ мелкаго разбора; фигура его была такъ смѣшна, что я списалъ съ него роль *Киде Русселя, школьнаго учителя*. У него всегда была въ рукахъ линейка, а въ карманѣ розга, которою онъ по субботамъ угощалъ половину своего класса. Такія вещи въ то время были еще въ ходу. Я до сихъ поръ будто вижу его парикъ, завитой колбасами, его носъ крючкомъ и грозный видъ; мы дрожали передъ нимъ, какъ собаченки. Тальма и я были нисколько не худшіе изъ его учениковъ, но онъ ненавидѣлъ насъ обоихъ: меня за то, что я, въ рекреационное время, вставалъ на столъ и повторялъ фарсы Николе и Майера, а Тальму за то, что онъ повязывалъ себѣ голову платкомъ, въ видѣ чалмы, драпировался, какъ могъ, сорванию съ окна ситцевою занавѣскою, и декламировалъ сцены изъ трагедій. Г. Вапро ненавидѣлъ театръ. «Или я очень ошибаюсь, сказалъ онъ однажды, или эти два негодяя будутъ когда нибудь плохими актерами». Кажись, что ошибся.

«Соскучивъ декламировать одинъ, и видя во мнѣ способность

бить его помощникомъ, Тальма далъ мнѣ выучить роли наперениковъ. Однажды, когда Вапро, незнаю по какому случаю, не было дома, хотя уже пробилъ роковой часъ вечернихъ классовъ, вмѣсто того, чтобы садиться по мѣстамъ, Тальма беретъ меня торжественно подъ руку, рисуетъ мнѣ чернилами усы, ведетъ на средину залы, и преважно говорить мнѣ.

Oui, puisque je retrouve un ami si fidèle,

Ma fortune va prendre une face nouvelle,

и т. д. всю тираду Ореста изъ *Андромахи*. Я едва успѣлъ вытнуться, и начать.

J'en rends grâce au ciel qui, m'arrêtant sans cesse...

«Постой! вотъ я тебя!» вскричалъ громовый голосъ, и полновѣсный ударъ поразилъ мою руку, поднявшуюся величественнымъ жестомъ. Это былъ нашъ грозный учитель. — «На колѣна, оба на колѣна! закричалъ онъ. Проучу я васъ скорочичать, фигляръ! Вмѣсто того, чтобы зубрить грамматику, вздумали учить комедіи! — На колѣна, въ ослиныхъ колпакахъ!» — Надо было повиноваться. Насъ поставили на колѣна среди класса, и надѣли на головы сѣрые бумажные колпаки. Я плакалъ, Тальма же, у котораго кипѣла уже кровь Сиды въ жилахъ, гордо взглянулъ на г. Вапро, говоря:

Souffrez au nom des dieux, que la Grèce s'explique.

— «Безъ объясненій,» вскричалъ учитель въ бѣшенствѣ, вынимая изъ кармана розгу: «Вотъ, готовьтесь!» Тальма, на колѣнахъ, продолжалъ роль Ореста, отчаяннымъ голосомъ:

Eh bien! fils de l'enfer, ta main est elle prête?

Pourquoi sont ces serpens qui sifflent surta tête?

«Въ это мгновеніе дверь отворилась, и вошла моя мать, съ г. Тальмою, дядею моего товарища. Они пришли за нами, чтобы везти насъ во Французскій Театръ, въ который имъ подарили ложу, и застали насъ въ этомъ унижительномъ положеніи, на колѣнахъ передъ учителемъ, который грозно махалъ розгою. Моя мать обняла меня, говоря, что не позволить меня бить; г. Тальма поднялъ племянника и спросилъ, въ чемъ онъ провинился? Вапро рассказалъ происшествіе, разумѣется, въ преувеличенномъ видѣ, по своему. Тальма сказалъ ему, что онъ лжетъ, и поклялся, что уже нога его не будетъ въ его школѣ. Насъ повезли во Французскій Театръ; въ тотъ день играли Превиль и Лекенъ

«Мы уже не возвращались къ Вапро. Тальму дядя отдалъ въ коллегію Людовика Великаго, гдѣ онъ былъ счастливъ, потому-что воспитанниковъ заставляли играть трагедіи. Меня же отдали въ другой пансіонъ, и я ходилъ чаще прежняго въ итальянскій театръ. Но этого мнѣ еще было мало. Какъ скоро я успѣвалъ

набрать нѣсколько денегъ изъ того, что мнѣ давали на лакомства, я отпраплялся въ мелкіе бульварные театры Николе и Одно, на которыхъ было также нѣсколько хорошихъ актеровъ. Тутъ я видалъ Николе съ женою, Рибье, Майера, Талона, прозваннаго бульварнымъ Моле. Я ходилъ также въ театръ Разнообразія, на которомъ играли Болье и Бордые, и въ театръ Леклюза, гдѣ Воланжъ производилъ фуроръ въ *Жано*. Словомъ, я бредилъ однимъ театромъ, самъ хотѣлъ идти въ актеры и игралъ въ восемнадцать лѣтъ у Дуайека, державшаго театръ любителей въ улицѣ Божьей Матери—Назаретской. У Дуайека я опять встрѣтился съ Тальмою, который оказывалъ удивительныя способности къ трагедіи; мнѣ насилуи дали только пустую роль влюбленнаго; я принялъ ее; это была роль Валера въ пьесѣ *Кристиль соперникъ своего господина*; признать, я былъ въ ней довольно плохъ.

«Неодолимая страсть влекла меня къ театру. Нѣсколько молодыхъ людей предложили мнѣ объѣхать съ ними провинціи. Я объявилъ о своемъ намѣреніи родителямъ, которые тщетно старались удержать меня; я поставилъ на своемъ. Отецъ далъ мнѣ жалованья тысячу двѣсти франковъ въ годъ, и потребовалъ только, чтобы я принялъ другую фамилію; не знаю, по чему мнѣ вздумалось назваться Брюне, ибо я былъ бѣлокуръ. Я отправился. Это было въ 1789 году, передъ самымъ началомъ революціи. Мы поселились въ Мантѣ, въ двѣнадцати миляхъ отъ Парижа. Товарищи мои завладѣли самыми лучшими ролями; я былъ робокъ и не смѣлъ жаловаться. Мнѣ давали вѣстниковъ и другія ничтожныя роли; но я ихъ исполнялъ со всевозможною тщательностію. Когда мнѣ приходилось играть нотаріуса, являющагося къ развязкѣ съ брачнымъ контрактомъ, я не надѣвалъ чернаго кафтана и стараго парика изъ театрального гардероба, а одѣвался, будто на первую роль: въ щегольской черный кафтанъ, съ манишкой, манжетами, надѣвалъ башмаки съ пряжками, и хорошо напудренный парикъ. Надо сказать, что мы жалованья не получали, и не смотря на то, я исполнялъ свои обязанности съ удивительною точностію и ревностію. Я всѣми силами старался быть полезенъ; переписывалъ роли, писалъ афишки, которыя въ то время еще не печатались, и самъ ходилъ ихъ приколачивать у подъѣзда театра, по перекресткамъ и на рынкахъ.

Первая моя говорящая роль была монаха въ драмѣ *графъ де Комменюжъ*; она заключалась въ четырехъ словахъ: *Братъ, ты долженъ умереть*. Я имѣлъ счастье сказать эти слова ко всеобщему удовольствію, въ нихъ уже проглядывалъ, можетъ быть, будущій комикъ... Мало по малу, мнѣ стали давать роли по важнѣе; но все-таки такія, которыхъ никто не бралъ: влюбленныхъ малокососовъ, глупыхъ отцовъ,

а иногда и комическихъ старухъ, когда наша старуха должна была играть благородную мать, ибо въ нашей труппѣ эти два амблуга соединялись въ одномъ лицѣ.

«Надо вамъ сказать, что я пѣзъ экономіи не хотѣлъ жить въ гостинницѣ; а поселился на хлѣбахъ у добрыхъ Мантскихъ мѣщанъ, которые скоро полюбили меня, какъ роднаго. У хозяевъ моихъ была молоденькая, хорошенькая дочь; я влюбился въ нее, и женился.

«У меня былъ въ то время покровитель, старый актеръ, по имени Ларотьеръ. Это былъ чудакъ, сварливый, капризный; но онъ полюбилъ меня за то, что я часто водилъ его обѣдать къ своимъ хозяевамъ. Онъ рассказывалъ мнѣ анекдоты объ актерахъ и актрисахъ, передавалъ мнѣ преданія театра, вообще я почерпнулъ много полезнаго изъ его бесѣды. Такъ какъ сборы нашего театра были чрезвычайно скудны, Ларотьеръ въ одинъ прекрасный день, соскучась играть безъ вознагражденія, бросилъ насъ и уѣхалъ въ Гавръ, гдѣ ему предлагали мѣсто. Тамъ онъ заговорилъ обо мнѣ, о моихъ способностяхъ для комедіи, и въ особенности объ огромной пользѣ, какую я приносилъ театру. И вотъ, въ одно прекрасное утро, съ удивленіемъ получаю я письмо изъ Гавра, въ которомъ извѣщаютъ меня, что я ангажированъ въ труппу г. Бурдона, съ жалованьемъ въ 800 франковъ. Я былъ въ восторгѣ; простился съ товарищами, и немедленно отправился въ Гавръ съ женою, и съ молодою дѣвицею, которая во всю дорогу смѣшила насъ своими наивными каламбурами.»

Тутъ рассказъ Брюне былъ прерванъ приходомъ какого-то господина, присланнаго отъ префекта полиціи, Дюбуа, пригласить его немедленно въ его канцелярію. Это приглашеніе всѣхъ насъ обезпокоило. Брюне спросилъ посланнаго, зачѣмъ г. префектъ желаетъ его видѣть? Узнаете отъ самаго г. префекта, отвѣчалъ посланный; поспѣшите, насъ ждетъ извозчикъ у подъѣзда.

— Вы можете его отпустить, сказалъ Брюне; у меня своя карета, въ которой позвольте васъ довести. Я сейчасъ исполню приказаніе г. префекта.

На слѣдующій день Брюне нѣсколько опоздалъ на репетицію. Такъ какъ этого за нимъ не водилось, мы были въ ужасномъ безпокойствѣ; мы уже думали, что онъ подъ арестомъ. «Успокойтесь, сказалъ онъ, г. Дюбуа добрый, малый. Когда я пришелъ въ его кабинетъ, онъ встрѣтилъ меня сначала суровымъ взглядомъ, который меня нѣсколько напугалъ. А, г. Брюне, сказалъ онъ, строго взглянувъ на меня, вы позволяете себѣ шутить и острить надъ правительствомъ.

— Помилуйте, г. Префектъ, отъ кого вы это слышали?

— Мнѣ доложили, что въ Глухомъ, въ роли Даньера, вы говорили: Я хотѣлъ было едѣлаться *Трибуномъ*, да раздумалъ, разсудивъ, что жена моя была бы *Трибуною*, а дѣти *Трибунальцами*.

— Г. Префектъ, я никогда не позволяю себѣ того, чего нѣтъ въ роли; если же я это сказалъ, то видно цензоръ, г. Феликсъ Ногаре, это пропустилъ, увѣряю васъ...

— Мнѣ не нравятся ваши каламбуры.

— Не всё одинакаго съ вами мнѣнія, г. Префектъ.

— Вы еще шутите?

— Это мое ремесло, г. Префектъ.

— Вы ловко выпутываетесь, г. Брюне.

За тѣмъ префектъ позвонилъ и велѣлъ позвать жандарма. Меня обдало холодомъ. Жандармъ явился; префектъ далъ ему запечатанный пакетъ, велѣвъ отнести его королевскому прокурору. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ. Не бойтесь, г. Брюне, я знаю, что вы не отпускаете всѣхъ штукъ, которыя о васъ рассказываютъ, но такъ-какъ мнѣ некогда ходить въ театръ, и я зналъ васъ только по наслышкѣ, то мнѣ и хотѣлось видѣть васъ вблизи; теперь я васъ видѣлъ.

— Славную же штуку отпустили и вы, г. префектъ, напугавъ меня до полусмерти!

— Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ г. Дюбуа; но, чтобы поправить дѣло, приходите ко мнѣ послѣ завтра; я даю вечеръ, вы съиграете у меня пословицу. Можете, пожалуй, выбрать: У страха глаза велики.

Видя, что префектъ не прочь посмѣяться, я совершенно успокоился, и чтобы не терять времени, пустился на каждое слово отпускать каламбуры, не слушая просьбъ его, дать ему вздохнуть. Наконецъ, загонявъ его до того, что онъ отъ смѣху едва могъ стоять на ногахъ, я сжалился надъ нимъ и расклянялся. Онъ этого посѣщенія не забудеть.

ГЛАВА II.

Теперь я постараюсь дать читателямъ понятіе о томъ, что такое былъ Пале-Рояль около 1805 года, и какія зрѣлища находились въ немъ и окружали театръ Монтансье.

Во первыхъ, въ Галереи Валуа былъ театръ Серафена, его

кукольныя комедіи и китайскія тѣни уже двадцать лѣтъ: по преимуществу, тѣшили большихъ и малыхъ дѣтей. Тутъ и меня въ дѣтствѣ очень забавлялъ *чародѣй Ротомано*, и другія классическія пьесы Гильемена, автора *Минимаго завербованія*, въ которомъ Брюно былъ такъ хорошъ, въ роли Гильома, а Тьерслень въ роли старика инвалида; я же въ немъ часто играла Фаншону. Гильемень по утрамъ писалъ для Серафенова театра пьески, въ которыхъ всегда была комическая мысль; онъ получалъ за нихъ по двѣнадцати франковъ, и онѣ игрались до пяти сотъ разъ, нѣкоторые удержались до сихъ поръ. Вечеромъ, онъ писалъ для театра малолѣтнихъ артистовъ, для Водевиля и для театра Разнообразія, помѣщавшагося въ нынѣшней залѣ французскаго театра. Эти пьесы имѣли болѣе литературнаго достоинства, но не обезсмертили его подобно его *Охотѣ за утками*.

Рядомъ съ Серафеномъ былъ *Моро*, это былъ карликъ, съ небольшимъ трехъ футовъ росту, который очень остроумно игралъ арлекина, разговаривалъ, пѣлъ и танцовалъ. Ему было лѣтъ подъ сорокъ. Онъ скоро выѣхалъ изъ Пале-Рояля, и сталъ играть на театрѣ малолѣтнихъ артистовъ, съ дѣтми десяти и двѣнадцати лѣтъ; какъ онъ былъ одного съ ними роста, и игралъ всегда подъ маскою, то казался совершенно на своемъ мѣстѣ.

Въ концѣ нашей галлерей, подлѣ деревянныхъ галлерей, извѣстныхъ подъ названіемъ *чернаго льса*, давали ежедневныя представленія еще три другія зрѣлища. Въ какомъ то подвалѣ пѣли ниво и играли комедію; главнымъ актеромъ былъ старый бульварный актеръ Севтъ — Обень, авторъ нѣсколькихъ недурныхъ пьесокъ, въ которыхъ онъ самъ былъ очень хорошъ, несмотря на хромоту. Надъ этимъ подваломъ былъ театръ Фицъ-Джемса, знаменитаго чревоушителя, который былъ очень ловокъ и смѣшонъ въ пародіи; съ нимъ играла и его собака, большой бѣлый пудель, котораго онъ румянилъ, и который очень явственно произносилъ слова: «Добрая матушка». Фицъ-Джемсъ былъ убитъ у одной изъ парижскихъ заставъ, во время вступленія союзныхъ войскъ въ 1814 году. Дочь его объявила, что она будетъ каждый вечеръ пѣть въ кофейнѣ, которую содержалъ ея покойный отецъ; и пѣніе бѣдной сироты привлекало множество народу. — Противъ чревоушителя находился другой театръ малолѣтнихъ актеровъ, подъ управленіемъ Гюрни. Тутъ начали свое поприще нѣкоторые изъ моихъ товарищей, Верне, Виргинія Дежазе, которая уже въ то время, не смотря на свою молодость, очень умно и мило играла *Фаншону*. Гюрни скоро оставилъ этотъ домъ, и перенесъ свой театръ въ капуцинскій садъ.

Въ томъ же салу находился циркъ Франкони; это былъ просто балаганъ, обтянутый холстомъ; а не то, что нынѣшній великолѣпный Олимпійскій Циркъ на Тампльскомъ бульварѣ, или циркъ на Елисейскихъ поляхъ. По сосѣдству же нашему, въ Пале-Роялѣ была кофейня слѣпыхъ, существующая до нынѣ.

нѣ; въ ней игралъ оркестръ, о которомъ Керубини говаривалъ: это музыку слѣбныхъ должно слушать глухимъ.

Другое, менѣ нравственное зрѣлище составляли нимфы, которымъ въ галереяхъ Пале-Рояля было еще вольнѣе, чѣмъ въ фойе театра Монтансье, и которыя въ нихъ прохаживались или стояли, разряженные, какъ оперныя богини, всѣ въ блестяхъ и въ прозрачныхъ газѣ. Нашъ цѣломудренный вѣкъ уничтожилъ эти безстыдныя выставки, на томъ основаніи, что если и нельзя искоренить порока, то должно его, по крайней мѣрѣ, скрывать.

Мнѣ было лѣтъ четырнадцать, когда мнѣ стали давать небольшія роли. Я уже считалась актрисою; писатели стали удостоивать меня разговора, а въ это время къ намъ прибыло много новыхъ писателей, вовсе не похожихъ на тѣхъ, которыхъ я видѣла до того. Бесѣда ихъ была умна и весела. Нашъ фойе посѣщали каждый вечеръ Арманъ Гуффе, Жоржъ Дюваль, Этьенъ, Госсъ, Мартенвиль, Сервьерь, Бонель, Севренъ, Шазе, Гаврионъ, Дезожье, Франсисъ. Хаживали къ намъ также Сегюръ, Жуи, Лоншанъ, Сентъ-Сиръ, но только изрѣдка. Къ молодежи присоединялись иногда и старые наши писатели, Одь, Дорвиньи, Манерь, Дюманіанъ, Дорво, Кузенъ, Жакъ (Бефруа-де-Реньи) и Бонуаръ.

Дорвиньи одѣвался очень неопратно; платье его нерѣдко бывало испещрено грязью; онъ величаво прохаживался среди молодыхъ писателей, разодѣтыхъ щеголями. Онъ бралъ у Брюне пять—шесть франковъ, въ счетъ будущей пьесы, и отправлялся въ винный погребокъ, гдѣ и работалъ; тамъ онъ обыкновенно встрѣчался съ Одомъ, который былъ очень схожъ съ нимъ склонностями и привычками. Удивительно, что они никогда не писали вмѣстѣ; правда, въ то время, писатели рѣдко трудились общими силами; почти всѣ сочиняли свои пьесы сами и одни.

Однажды, дождавшись, пока оба старика ушли, Мартенвиль сказалъ намъ: Знаете, что у этого стараго шута Ода прехорошенькая женка?

— Давно-ли? спросилъ Брюне.

— Съ недѣлю; и не дорого ему стоила.

— Какъ, недорого стоила?

— Да также; она ему досталась за тридцать франковъ.

— Мартенвилева штука; подхватилъ Сервьерь, поправляя галстухъ

— Ему не посидится, пока чего нибудь не совретъ, сказалъ Арманъ-Гуффе, вытирая очки.

— И не думалъ врать, возразилъ Мартенвиль; я даже началъ на этотъ случай комедію, или скорѣе фарсъ, который вамъ прочитаю.

— Если кончишь, подхватилъ Арманъ Гуффе. Въ твоихъ пьесахъ никогда нѣтъ развязки.

— А кто знаетъ, есть ли развязка въ твоихъ? возразилъ Мартенвиль; вѣдь ихъ никогда не даютъ доиграть.

Когда Мартенвиль былъ въ духѣ, у него всегда было наготовѣ острое и колкое словцо.

— Хотите, продолжалъ Мартенвиль, теперь же выслушать мою пьесу?

— Охотно, отвѣчалъ Брюне.

— Такъ слушайте-же!— Сначала, что скажете о названіи:

Куртильская султанша, комедія-фарсъ въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ.

— Названіе общаетъ много, сказалъ Брюне.

— А пьеса не выдастъ, отвѣчалъ Мартенвиль.

Мартенвиль вынулъ изъ кармана нѣсколько лоскутковъ бумаги, и прочелъ три сцены, которыя насмѣшили насъ до слезъ. Когда онъ кончилъ, Брюне сказалъ ему:— «твоя пьеса принята; давай ее сюда, я дамъ выписать роли.» Мартенвиль подалъ ему лоскутки бумаги, на нихъ не было написано ни слова. Известно, что онъ импровизировалъ съ необыкновенною легкостью. Пьеса никогда не была написана; но вотъ исторія жены, стоявшей тридцать франковъ.

Когда Олъ доставлялъ пьесу театру Разнообразія, онъ бралъ деньги тотчасъ же по прочтеніи, и какъ скоро у него было нѣсколько денегъ въ карманѣ, онъ отправлялся за городъ, чтобы отобѣдать по своему вкусу у Денойе, знаменитаго ресторатора въ Куртильѣ, у Везура низшихъ классовъ. Однажды, Олъ усѣлся въ концѣ длиннаго стола, за которымъ уже сидѣли двое мужчинъ и одна женщина. У мужчинъ немножко шумѣло въ головѣ; они много болтали, а еще болѣе ввали. Женщина, хотя изъ низкаго званія, имѣла довольно порядочную наружность; она молчала, и потупляла глаза; смущеніе ея еще болѣе увеличилось, когда она увидѣла сосѣда, который наружностью и обхожденіемъ казался гораздо выше сидѣвшихъ съ нею мужчинъ. Олъ любилъ разговаривать съ простымъ народомъ: онъ нерѣдко почерпалъ въ этихъ бесѣдахъ образцы для своихъ пьесъ; онъ приблизился къ сосѣдямъ, вступилъ съ ними въ разговоръ, поподчивалъ ихъ своимъ виномъ, поставилъ другую бутылку. Собесѣдники стукнулись стаканами; разговоръ мало-по-малу оживился, и одинъ изъ гостей, повидимому мужъ сосѣдки, сталъ обращаться съ нею довольно грубо. Олъ, какъ вѣжливый кавалеръ, вступился за нее, и напомнилъ объ уваженіи должномъ прекрасному полу. Мужъ, или выдававшій себя за мужа, отвѣчалъ, что онъ ничего знать не хочетъ, и что, еслибъ у насъ водилось, какъ въ Англіи, продавать женъ, онъ охотно продалъ бы за тридцать франковъ свою. Олъ возразилъ, что онъ вѣроятно шутитъ; мужъ отвѣчалъ, что онъ и не думаетъ шутить, и подтвердилъ, что если ему кто нибудь предложитъ тридцать фран-

ковъ, онъ отдастъ жену съ руками и ногами. Нѣсколько лиш-
нихъ бутылокъ еще болѣе разгорячили голову продавца, и онъ
спросилъ Ода, состоится ли торгъ. Одъ вынулъ изъ кармана
тридцать франковъ и положилъ ихъ на столъ; торгъ записли ви-
номъ. Продавецъ и его товарищъ взяли деньги, встали изъ-за
стола, и, едва держась на ногахъ, отправились выпить хмѣль,
вѣроятно въ какомъ нибудь Бельвильскомъ рвѣ. Одъ обратился
къ купленной супругѣ, прося позволенія вести ее къ себѣ. Она
дѣйствительно пошла за нимъ; стала его подругою, его домопра-
вительницею; и, на его счастье случилось, что онъ купилъ
себѣ сущій кладъ. Она устроила ему хозяйство, и стала вни-
мательною, преданною хозяйкою; когда же лѣта сдѣлали ему
еще болѣе необходимыми пооченія близкаго существа, она
удвоила старанія, и ухаживала за нимъ тридцать лѣтъ. Слѣ-
довательно, Одъ купилъ себѣ счастье за тридцать франковъ, по
франку въ годъ: въ самомъ дѣлѣ, счастье стоило ему очень
недорого.

Перейдемъ къ другому приключенію, случившемуся нѣ-
сколько дней спустя, и котораго я была свидѣтельницею.

Монрозъ, прекрасный актеръ, начавшій свое поприще на
театрѣ юныхъ - артистовъ, и впоследствии такъ умно и талант-
ливо занимавшій на французскомъ театрѣ ампуа перваго ком-
мка, былъ нѣкоторое время моимъ товарищемъ на театрѣ
Монтансье. Ему очень хотѣлось играть арлекина; но какъ Боскье-
Гаводанъ самъ любилъ эту роль, то чтобы ихъ помирить, Де-
зожье написалъ пьесу, въ которой явились два арлекина ра-
зомъ, она называлась: *Одинъ за другимъ* или *два люка*. Арле-
кины по очереди выходили изъ люка, и сходились вмѣстѣ
только въ послѣдней сценѣ. Передъ самымъ началомъ пьесы,
Монрозъ заболѣлъ. Хотя занавѣсъ уже былъ поднятъ, пред-
ставленіе хотѣли уже отмѣнить; но Дезожье, не желая что-
бы его новая пьеса была отложена, вызвался заступить мѣсто
Монроза. Ему скоро пріяскали нарядъ по росту; и пока Боскье-
Гаводанъ, ничего не зная, игралъ свою сцену, Дезожье одѣл-
ся, надѣлъ маску, и сыгралъ всю роль; публика и не замѣ-
тила переменъ. Но въ сценѣ, гдѣ оба арлекина сходятся,
Боскье - Гаводанъ очень удивился, видя передъ собою, вмѣсто
тоненькаго, худенькаго Монроза, арлекина толстаго, жирнаго,
откормленнаго; отъ изумленія онъ едва не сбился съ роли; но
оркестръ подалъ голосъ слѣдовавшаго тутъ дуэта; Дезожье из-
мѣнялъ голосъ, поддѣлываясь подъ бергамское нарѣчіе, что
еще болѣе сбilo съ толку Боскье, къ великому удовольствію
проказника. Когда занавѣсъ опустился, Дезожье вздумалось
еще помучить Гаводана; онъ сталъ приставать къ нему
съ своею хлопущкою, и сбросилъ маску только тогда, когда вы-
велъ его почти изъ терѣвня. Дезожье былъ не новичекъ ни
въ комедіи, ни въ музыкѣ. Онъ не разъ рассказывалъ намъ
первыя свои испытанія такъ забавно, и съ такимъ чувствомъ,
что заставлялъ всѣхъ слушателей вмѣстѣ и плакать и смѣять-

ся. Онъ самъ написалъ ихъ въ первомъ изданіи своего пьсенника.

Въ тотъ же вечеръ, когда Дезожье сыгралъ эту шутку съ Боскье, я стояла за первую кулисою, пока играли *Машу Штопальщицу*, привлекавшую множество народа. Это была прелезавная пародія на *Фаншоу*, производившую фуроръ на театрѣ Водевиля, въ лицѣ прелестной Софіи Бельмонъ. Въ *Машѣ штопальщицѣ*, авторы: Дезожье, Гавріонъ и Серверъ, самымъ забавнымъ образомъ передѣляли сладенкіе кулетцы подлинника. Всего же забавнѣе было, какъ Тьерслепъ, въ костюмѣ тамбуръ-мажора, а Прюне, зефиромъ, танцовали гавотъ Вестриса, который былъ тогда въ большей модѣ, чѣмъ нынче полька. Его танцовали во всѣхъ домахъ; на вечерахъ, всѣ толпились вокругъ знаменитаго бальнаго танцора Шатильона, вставали даже на стулья, чтобы посмотреть, какъ онъ танцовалъ гавотъ. Даже лошади Франкони танцовали гавотъ, въ пантомимѣ *Дьвушка гусаръ*. Это однако-же скоро запретили, потому-что одинъ четвероногій танцоръ прыгнувъ однажды со всего размаху, попалъ въ оркестръ, раздавилъ контрабасъ, разорвалъ себѣ поздри кларнетомъ, и переломалъ бока пяти или шести музыкантамъ. Брюне премило пародировалъ Вестриса, и въ особенности смѣшилъ зрителей, когда, протанцовавъ свои па, опирался на кулисы, и съ успіемъ переводилъ дыханіе, будто выбившись изъ силъ; эта привычка Вестриса была удивительно смѣшна.

Хотя Вестрисъ былъ уже не молодой, но былъ ужасный волокита. Онъ безпрестанно порхалъ у насъ за кулисами, и строилъ куры актрисамъ. На этотъ разъ, онъ обратилъ свое вниманіе на меня, увидѣвъ, какъ я старалась перенимать гавотъ Брюне, онъ сталъ увѣрять меня, что у меня удивительныя способности къ танцованію, и вызвался давать мнѣ уроки и доставить мнѣ дебютъ въ Оперѣ. Прельстившись предложеніемъ, я обѣщала придти къ нему въ назначенное время, чтобы начать уроки.

Вестрису въ это время явился опасный соперникъ въ лицѣ Дюпора, который отбивалъ у него восторги публики своею легкостью и необыкновеннымъ искусствомъ въ пируэтахъ; въ этомъ ему не было равнаго; до сихъ поръ Вестрисъ былъ царемъ пируэта; но Дюпоръ кружилъ скорѣе его, и сильно помрачалъ его славу.

Вестрисъ былъ старый селадонъ; не смѣя уже играть любовниковъ на сценѣ, онъ хотѣлъ раздѣгрывать ихъ въ свѣтѣ. Въ балетѣ *Телемакъ*, роль амура играла очень молоденькая женщина; эту то роль онъ обѣщалъ дать мнѣ, и вызвался выучить меня всѣмъ приемамъ любви. Я въ простодушіи своемъ отправилась на слѣдующій день къ нему; звоню, дверь отворяется; вообразите мое изумленіе и смущеніе, когда вмѣсто моего учителя, увидѣла я нѣсколько молодыхъ людей навеселѣ, вокругъ накрытаго стола, уставленнаго устрицами, паштетами,

и бутылками. Я хотѣла бѣжать, но маленькій человѣчекъ, съ живой и умной физиогноміею, подбѣжалъ, или лучше, подско- чилъ ко мнѣ въ два прыжка, загородилъ дверь, взялъ меня за руку, будто готовясь танцовать менуэтъ, повелъ меня гласса- дами, и поклонился мнѣ съ комическою важностью: это былъ Бопре.

— Кого вамъ угодно, моя милая? спросилъ онъ.

— Г. Вестриса, отвѣчала я, покраснѣвъ.

— А, вамъ угодно Вестриса? онъ сейчасъ выйдетъ; потру- дитесь присѣсть, а если вы еще не завтракали, то позвольте вамъ предложить дожину устрицъ, кусочикъ паштета съ гуси- ною печенкою, и стаканъ Шаблі.

— Да я не затѣмъ пришла, чтобы завтракать.

— А зачѣмъ же?

— Я пришла взять у г. Вестриса урокъ танцованія.

— Вотъ какъ! воскликнулъ одинъ изъ гостей, съ предлин- нымъ лицомъ. Вестрисъ у насъ хлѣбъ отбиваетъ; вздумалъ давать уроки! Ужъ не вздумаетъ ли онъ скоро сочинять ба- леты?

Это восклицаніе еще болѣе смутило меня; я хотѣла бѣжать.

— Полно, Милонъ, сказалъ Бопре; ты перепугалъ нашу милую гостью своимъ Донъ-Кихотскимъ лицомъ. Потомъ, об- ращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ: что-же, моя милая, вы сколько нибудь уже приготовлены, знаете первыя правила?

— Я никакихъ правилъ не знаю, отвѣчала я, кромѣ тѣхъ, которымъ меня учила матушка: быть всегда честною и скром- ною дѣвушкою.

— Эти правила не годятся для танцовщицы. Я спрашивалъ васъ, учились ли вы дѣлать *plie, шапел...*

— Я ничего не знаю; г. Вестрисъ обѣщалъ мнѣ все по- казать.

— Вестрисъ старій плутъ, не вѣрьте ему.

— Да онъ обѣщалъ научить меня играть Амура въ *Теле- макъ*.

Тутъ Милонъ громко захохоталъ.

— Какъ васъ зовутъ, моя милая!.. спросилъ Бопре.

— Флорою.

— Вы на нее и похожи. Сдѣлайте намъ честь и позавтра- кайте съ нами.

— Такъ здѣсь живетъ не г. Вестрисъ?

— Вестрисъ живетъ рядомъ; вы ошиблись дверью, вотъ и все. Здѣсь живетъ вашъ покорный слуга, Бопре, первый комическій танцовщикъ, въ чемъ вы сами убѣдитесь, когда я вамъ поднесу билетъ на *Санчо-Пансу* или на *Танцоманію*.

Ободренная вѣжливостью Бопре, я согласилась позавтра- кать, и была очень весела, благодаря бесѣдѣ хозяина, шабля и шипучему шампанскому. Во время десерта, Бо- пре исчезъ и скоро возвратился, таща за руку господина въ гладкихъ панталонахъ, пестромъ халатѣ и съ фуларомъ на го- ловѣ.

— Тащу вамъ больного, сказалъ Бопре, представляя его намъ; не хотѣлъ идти, потому-что ждалъ доктора: но я при-
тащилъ насильно.

Гости громко расхохотались. Господинъ въ халатѣ былъ
Вестрисъ; признаться, щегольской его неглиже нисколько не
красилъ его невзрачнаго лица.

— Вотъ, сказалъ ему Бопре, указывая на меня, вотъ твой
докторъ. — Вестрисъ не вѣритъ собственнымъ глазамъ; прож-
давъ меня у себя и встрѣчая у сосѣда. — Любезный докторъ
продолжалъ Бопре, прописываетъ тебѣ, два, три приема...
шампанскаго...

Вестрисъ принужденъ былъ сѣсть за столъ, и вмѣстѣ съ
другими, посмѣяться надъ своею неудачею. Это былъ един-
ственный мой танцевальный урокъ въ жизни.

Г Л А В А Ш.

Я должна сказать вамъ нѣсколько словъ о знаменитомъ
фойе театра Монтансье, который былъ мѣстомъ сходбища
всѣхъ модныхъ людей, до переселенія нашего изъ Пале-Рояля.
Представьте себѣ родъ базара, на которомъ молодья женщины
имѣли право выказывать свою красоту и свои прелести, не стѣс-
няясь ни какими предразсудками. Вокругъ этого щегольского
базара, ярко освѣщеннаго люстрами и украшеннаго зеркалами,
разставлены были для публики мягкія кресла и софы, во вку-
сѣ Людовика XV и г-жи Помпадуръ, остатки пышныхъ поко-
евъ, которые мадмуазель Монтансье занимала въ Версали. Во
всю длину фойе, на высотѣ ложъ перваго яруса, тянулась
галерея, или лучше, рѣзной балконъ. Тутъ каждый
вечеръ мѣстныхъ султанши прохаживались, или соблазнительно
облокачивались, дѣлая глазки нашимъ обычнымъ посѣтите-
лямъ. Тутъ же, кажый вечеръ, въ покойныхъ креслахъ про-
тивъ камина, сиживалъ полицейскій комиссаръ Робильяръ,
которому былъ порученъ присмотръ за этимъ рѣзвымъ сера-
лемъ.

Робильяръ былъ карикатурный остатокъ прошлаго вѣка.
Ему было лѣтъ шестьдесятъ; онъ былъ, ни дать ни взять,
благородный отецъ французскаго театра, носилъ обильно на-
пудренный парикъ 1787 года, съ крылушками, хохломъ, и
косичкою, съ которыхъ пудра бѣлила плеча и воротникъ его
объемистаго чернаго кафтана. Прекрасныя серебрянныя пряж-
ки на башмакахъ и пара очковъ, величиною съ два колеса, слу-
жили неизмѣннымъ дополненіемъ его наряда. Карманы его ши-
рокихъ шелковыхъ штановъ, всегда были набиты конфетами,
которыми онъ угощалъ своихъ любезныхъ подчиненныхъ, ког-
да онъ хорошо себя вели; когда же кто изъ нихъ нарушалъ
порядокъ, затѣвалъ ссоры, или преступалъ предѣлы терпимой

свободы, онъ безпощадно отправлялъ виновную въ полицію, на одинъ или на два антракта, а иногда и на цѣлый вечеръ. Робильяръ былъ тутъ настоящимъ падишахомъ, деспотомъ; его власти не имѣла границъ.

Фойе всегда былъ набитъ народомъ. Тутъ сходились провинціалы, иностранцы, военные, банкиры, щеголи, полицейскіе агенты, и почти всѣ литераторы, начавшіе свое драматическое поприще на театрѣ Монтансье; вся юная литература Директоріи и Имперіи, молодежь полная ума, веселости, таланта и надеждъ, изъ которой вышло съ тѣхъ поръ множество академиковъ, депутатовъ, судей, префектовъ, и даже нѣсколько перовъ Франціи. Евгенийъ Богарне, еще не бывшій въ то время принцемъ, также часто хаживалъ въ фойе Монтансье; гремѣлъ саблею, и прохаживался съ Изабе, забавлялся, смотря какъ Карлъ Верне подносилъ букеты цвѣтовъ самымъ хорошенькимъ одадикамъ. Во всѣхъ концахъ смѣялись, разговаривали, шутили, не слушая грознаго возгласа Робильяра: «Тише, тише!

Въ концѣ фойе, противъ буфета, возсѣдала г-жа Кавана, модная книгопродавица, торговавшая не только пьесами нашего театра, но и всѣми *анами* и *адами* Армана Рагено; у нея продавались и *Брюнетіана*, и *Жокриссиада*, и *Каде-Русселлана*, и проч. и проч., эти книжонки расходились тысячами между провинціалами, которые развозили повсюду эти образчики парижской литературы.

Кромѣ *Горя Жокриса*, Брюне, совершенно сроднившійся съ этимъ лицомъ, игралъ его во многихъ другихъ пьесахъ; Жокриса приправляли на всѣ лады; не проходило дня, чтобы онъ не являлся на сценѣ въ томъ или другомъ видѣ: *Жокрисъ въ маскарадѣ Оперы*, *Жокрисъ въ аду*, *Жокрисъ въ новомъ званіи*, *Жокрисъ безъ мьста*, *Ревнивый Жокрисъ*; позднѣе являлись: *Жокрисъ баринъ и слуга*, *Жокрисъ дядюшка*, *Исправленный Жокрисъ*; наконецъ *Жокрисъ сдѣлался атаманомъ разбойниковъ*. Далѣе похождения Жокриса не заходили. Надѣвъ рыжій парикъ, красные штаны, сѣрый камзолъ, и вышелъ на сцену съ щеткой въ рукѣ. Брюне часто забывалъ, который изъ Жокрисовъ былъ объявленъ.

Однажды занавѣсъ поднимается, онъ выходитъ, отираетъ пыль съ мебели; потомъ забывъ, какая дается пьеса, и не зная, что говорить, подходитъ къ суфлеру, наклоняется, какъ бы поднимая булаву, и спрашиваетъ: Который-бишь я сегодня Жокрисъ?—*Жокрисъ самоубійца*, отвѣчаетъ суфлеръ.—А, хорошо.—И онъ начинаетъ свой монологъ.

Въ другой разъ, онъ выходитъ и говоритъ всю первую тираду изъ *Жокриса въ новомъ званіи* За нимъ вхожу я, въ роли дѣвицы Дюваль; онъ продолжаетъ свою роль. «Не то», шепнула я; но онъ не слушалъ и продолжалъ свое. Я принуждена была переимѣнить роль, и продолжать начатую имъ пьесу. Объявленъ былъ *Жокрисъ безъ мьста*; но какъ почти во всѣхъ этихъ пьесахъ являлись одни и тѣ же лица, отецъ Дюваль,

вышелъ на сцену, продолжалъ начатое, и такъ шло до самого конца, а публика и не замѣтила перемѣны. Водоре къ счастью былъ за кулисами; замѣтивъ перемѣну, онъ поспѣшилъ въ свою уборную переодѣться; иначе, начавъ одною пьесою, пришлось бы кончить другою.

Въ театрѣ Монтансье было всегда множество народу, и онъ дѣлалъ огромные сборы; не смотря на журналы, твердившіе безпрестанно, что наши представленія балаганныя, и пьесы плохи, мы гордо переходили отъ успѣха къ успѣху. Всѣ отъ души хохотали, видя Брюне въ роли Жюкриса или Каде-Руселя, и карикатуры Тьерселена въ *Лягушьемъ болотѣ*, въ *Самоубійствѣ Фалега* или въ *Пьеса не пьеса*. Брюне, впрочемъ, игралъ не одни фарсы; онъ былъ превосходный комикъ въ Мольеровомъ *Пурсоньякѣ*. Надо замѣтить еще, что онъ былъ кумиромъ всѣхъ красавицъ, посѣщавшихъ нашъ театръ. Когда онъ бѣгалъ по всему театру, преслѣдуемый аптекарями и цирюльниками, множество хорошенькихъ ручекъ совали ему къ карманы любовныя записки; которыя онъ непременно перечитывалъ по окончаніи пьесы; прекурьозныя бывали въ нихъ приглашенія, и, по слогу и по правописанію.

Успѣхъ нашего театра возбуждалъ противъ насъ много завистниковъ; вотъ случай, показывающій до чего доходила злоба нашихъ соперниковъ. Въ бѣгствѣ Пурсоньяка, Брюне, взойдя въ амфитеатръ втораго яруса, опускался обыкновенно въ партеръ по толстой веревкѣ, привязанной къ желѣзному крюку. Однажды утромъ, въ день представленія, обходя театръ, нашъ машинистъ, Дожонъ, замѣтилъ къ счастью, что веревка перерѣзана до трехъ четвертей; такъ что отъ тяжести тѣла Брюне, она непременно бы оборвалась, и онъ разшибся бы до смерти. Съ этого дня, Брюне отказался отъ опасной шутки.

Между тѣмъ, годы шли за годами, а театръ нашъ все держался въ прежней славѣ. Большіе театры стали жаловаться начальству, что театръ Монтансье всегда полонъ, а они три раза въ недѣлю пусты; что наше сосѣдство имъ вредитъ; за нихъ вступилось нѣсколько журналовъ; поднялся такой шумъ, такой гвалтъ, что Императоръ приказалъ директорамъ театра Монтансье очистить залу Пале-Рояля. Театръ не былъ однако же закрытъ; его позволили перевести въ другое мѣсто; тогда то построили хорошенькій театръ въ пассажѣ Панорамъ, съ фасадомъ на бульваръ; а пока онъ строился, мы играли на театрѣ Сите (*théâtre de la Cité*).

Это изгнаніе не причинило намъ такого ущерба, какъ мы боялись. Нежданнй успѣхъ небольшой сельской картины, *Семейство Ниокентевъ* поддержалъ насъ. Самыя забавныя сцены были тѣ, въ которыхъ играли въ лапту и другія сельскія игры; но Каролина была такъ мила и такъ хорошо пѣла, Брюне былъ такъ наивенъ, Жоли и Водоре такъ глуны, что наши гости не устрашились отправляться за рѣку, чтобы посмѣяться и похлопать намъ.

Мы не долго пробыли на этомъ театрѣ; зала Разнообразіи

открылась 24 июня, 1807 года. Тутъ возвратилась къ намъ вся наша прежняя публика; и можно было надѣяться, что нашъ театръ пойдетъ въ ходъ еще болѣе прежняго, потому-что къ намъ поступалъ великій комикъ Потье.

Театръ Разнообразія долженъ былъ стать гораздо выше прежняго театра Монтансье; предо мною открывалось новое поприще. Я была уже не ребенокъ; пришла мнѣ пора успѣховъ, славы—а съ ними и горестей!.. Но зачѣмъ забѣгать впередъ? Я стала разсудительна, расскажу вамъ и то и другое съ равною откровенностью.

Въ это время я уже отличалась въ нѣсколькихъ роляхъ: г-жа Друвилъ передала мнѣ свою роль въ *Семействѣ Инокентевъ*, а Кюизо въ *Продѣлкѣ подъ кровлею*. Я создала роль Бабеты въ *Набатѣ*, и въ *Пантенской ярмаркѣ* роль Яши, въ которой я была очень недурна савояромъ. Это не одна моя роль въ мужскомъ платьи: вскорѣ за тѣмъ я создала роль Софїи въ *Гусарской продѣлкѣ*, и являлась въ гусарскомъ мундирѣ. Да, любезные мои читатели, Флора была довольно миловидна, чтобы надѣвать панталоны въ обтяжку; говорятъ, что гусарская шапка была мнѣ очень къ лицу, и что я была гусарчикъ хоть куда.

У меня были обожатели: безпрестанно я получала любовныя записочки, то чрезъ нашу швейцаршу, то чрезъ портниху. Въ одной запискѣ мнѣ писали: «Смотрите въ кресла, съ лѣвой стороны, за контрбасомъ.» Въ другой: «Смотрите въ кресла, съ правой стороны, за гобоемъ, съ букетомъ въ рукѣ.» Я не смотрѣла ни налѣво, ни направо. Въ третьей запискѣ: «Если вы чувствительны къ самой страстной любви, уроните носовой платокъ, я буду знать, что это значить.» Однажды я нечаянно уронила платокъ... и тотъ, кому я имѣла несчастье внушить любовь, принялъ это за знакъ взаимности.

Представленіе кончилось довольно поздно; я взяла извозничью карету; сядя въ нее, я не замѣтила, что-кто то подошелъ къ извозчику, и о чемъ-то съ нимъ поговорилъ. Карета останавливается, я выхожу, и не узнаю своего подъязда; но въ это самое мгновеніе, сильныя руки схватываютъ меня и уносятъ: я хочу кричать, мнѣ зажимаютъ ротъ; я падаю въ обморокъ.

Когда нѣсколько стклянокъ одеколона привели меня въ чувство и я открыла глаза, я лежала на диванѣ, въ довольно богато меблированной спальнѣ. Пожилой человекъ стоялъ передо мною на колѣнахъ и держалъ мою руку. «Прелестная Флора, сказалъ онъ, простите мой дерзкій поступокъ; онъ оправдывается моею страстною любовью. Я не могъ видѣть васъ и не полюбить. Ваше невниманіе еще болѣе воспламенило мое сердце. Но теперь у ногъ вашихъ робкій любовникъ, вымаливающий себѣ прощеніе. Дайте мнѣ свое сердце, и я всю жизнь буду стараться только удостоиться его! — Не побужусь, чтобы онъ говорилъ именно этими словами; но, во всякомъ случаѣ; таковъ былъ смыслъ его рѣчей. Я отвѣчала ему

почти такимъ образомъ: «Милостивый государь, надо быть крайне мелкимъ и низкимъ существомъ, чтобы прибѣгать къ такимъ средствамъ. Насильство и похищеніе не только запрещаются законами, но не оправдываются даже мнѣніемъ порядочнаго общества. Если вы надѣялись умиловить меня такимъ нецеремоннымъ обращеніемъ, вы очень ошиблись; отпустите меня; поступайте, какъ благородный человекъ, а не какъ *грубый тиранъ*. Такія продѣлки годны только въ Амбигю или на театрѣ Веселости.»

Не стану пересказывать всего нашего разговора; я его и не помню. Скажу только, что похититель предупреждалъ меня, что я находилась въ довольно уединенныхъ покояхъ, чтобы не имѣть возможности укрыться отъ его воли; что криковъ моихъ никто не услышитъ, и что онъ меня оставитъ наединѣ, и даетъ мнѣ время подумать о своемъ положеніи. За тѣмъ онъ дѣйствительно вышелъ, замкнувъ за собою дверь на два оборота ключа.

Я была въ отчаяніи; не понимала, что со мною дѣлается; подумала, что если на другой день будетъ репетиція, или мнѣ придется играть, съ меня возьмутъ штрафъ. Между тѣмъ, я проголодалась, сѣла за столъ; надо вамъ сказать, что въ моей роскошной тюрьмѣ былъ приготовленъ прекусный ужинъ. Потомъ, я, не раздѣваясь, бросилась на постель, положивъ однакоже, изъ предосторожности, подъ подушку столовый ножъ, чтобы защищаться въ случаѣ нападенія. Я почти немогла уснуть: страшные сны не давали мнѣ покоя; мнѣ все спилось, будто я Дездемона, и будто ко мнѣ входитъ Отелло, и убиваетъ меня.

Подумавъ о своемъ положеніи, я рѣшилась не уступать подлему похитителю. Повѣрите ли? три дня держалъ онъ меня въ заперти! Каждое утро онъ приходилъ ко мнѣ, говорилъ мнѣ самыя нѣжныя, самыя страстныя рѣчи. Видя, что я на нихъ не обращаю вниманія, онъ прибѣгнулъ къ другому средству, прикинулся бѣшеннымъ; показывалъ мнѣ пистолетъ, и сталъ грозиться, что застрѣлится, если я не склонюсь на его желанія. «Стрѣляйтесь, только поскорѣе, отвѣчала я. А онъ и не думалъ стрѣляться, трусъ!

Онъ почти не отходилъ отъ меня; только развѣ когда дѣла его необходимо того требовали. На третій день онъ сказалъ мнѣ, что воротится вечеромъ, и что если я не соглашусь на его требованіе, онъ рѣшился кончить по Вертеровски. Я отвѣчала ему въ свою очередь, что если онъ не отпуститъ меня, я рѣшилась броситься въ окно.

Онъ вышелъ, и, какъ мнѣ вовсе не было охоты убиваться за него, точно такъ же, какъ и ему не было охоты стрѣляться за меня, то я придумала средство, котораго усилъхъ мнѣ казался несомнѣннымъ. Гдѣ нельзя взять силою, подумала я, тамъ надо подниматься на хитрости.

Я взяла подушку, укутала ее въ свою шаль, надѣла на нее шляпу, спряталась съ нею за занавѣсы, и открыла окно. Какъ скоро мой мучитель отворилъ дверь, я вскричала: «Смотри,

варваръ, до чего ты довелъ несчастную, безнадежную женщину! и выбросила подушку за окно. Перепуганный похититель пустился безъ оглядки съ лѣстницы, оставивъ дверь открытою, и полетѣлъ на помощь несчастной, которая, какъ онъ полагалъ, должна была разбиться въ прахъ. Окно было въ третьемъ этажѣ, и выходило на уединенный дворъ; онъ прибѣгаетъ, видитъ наряженную подушку; ни стоана, ни взлѣха. Полагая, что я убила до смерти, онъ хочетъ поднять меня, взять на руки — и находить.... Далѣе вы знаете. Онъ влетѣлъ на лѣстницу еще послѣдшій, чѣмъ сбѣжалъ съ нея, но уже было поздно, я дала тягу; и чрезъ нѣсколько минутъ, запыхавшись, прибѣжала домой, гдѣ очень безпокоились о моемъ отсутствіи, и гдѣ меня ждали три повѣстки о репетиціяхъ.

На слѣдующій день шаль моя и шляпа были доставлены швейцару нашего театра, при запискѣ, слѣдующаго содержанія: «Милостивая государыня, отказавшись составить мое счастье, вы можете быть упустили и свое собственное. Я иностранный князь, и хотѣлъ предложить вамъ болѣе, нежели престолъ; вы меня не поняли и сами будете себя кусать губы съ досады. Когда нибудь вы узнаете надъ какою странною вамъ предстоитъ царствовать, какъ вы царствуете надъ моимъ сердцемъ. Молю Бога, да не оставитъ васъ безъ своего святаго покрова.»

Спустя нѣсколько времени, я встрѣтила означеннаго князя на улицѣ, съ парюю новыхъ сапогъ—подъ мышкою. Онъ очень вѣжливо мнѣ поклонился. Ужъ не заколдованный ли это принцъ?.. Я тогда шла подъ руку съ Блонденомъ, который вызвался проводить меня съ репетицій домой.

Кстати, два слова о Блонденѣ. Онъ былъ славный мальи; былъ прежде актеромъ на театрѣ Николе, и составилъ себѣ извѣстность въ роли слуги *г-жи Ано*. Блонденъ былъ довольно развязенъ, и непринужденъ; однако же никакъ немогъ сравниться съ Тьерсеномъ, котораго ролей онъ добивался; но у него было удивительное самолюбіе, и онъ считалъ себя, подобно многимъ другимъ, челоѣкомъ съ огромнымъ талантомъ. Онъ дебютировалъ очень смѣло, но нисколько не былъ похожъ на того, чье мѣсто хотѣлъ заступить, и былъ принятъ публикою очень холодно. Товарищи стали подшучивать надъ нимъ «Чудаки вы! отвѣчалъ имъ однажды Блонденъ; Тьерсенъ получаетъ шесть тысячъ жалованья, а я получаю только двѣ; ну что жъ я за дуракъ, чтобы давать публикѣ, за двѣ тысячи, на шесть тысячъ таланту. Пускай мнѣ дадутъ шесть тысячъ, тогда увидятъ!» Вѣротъ же вечеръ онъ игралъ *Шартрскаго сапожника*, въ которомъ Тьерсенъ былъ неподражаемъ; Блонденъ сыгралъ его по всегдашнему, т. е. былъ еле-еле сносенъ. Но послѣ представленія, Боскье-Гаводавъ, который былъ охотникъ потрунить, подошелъ къ нему и сказалъ; «Будь осторожнѣе, любезный Блонденъ; ты сегодня далъ маха?» — Въ чемъ?—«Ты

забывшись, сыгралъ безподобно! показаль таланту, по-крайней-мѣрѣ, на шесть тысячъ франковъ. Будешь продолжать такимъ образомъ, не дождешься прибавки.» Блондень продолжалъ, и дѣйствительно не дождался прибавки.

Г Л А В А IV.

Театръ Разнообразія только-что открылся въ новой своей залѣ, какъ онъ едва не былъ принужденъ снова закрыть-ся. Императорскимъ указомъ опредѣлено было уменьшить число театровъ въ Парижѣ. Мы очень боялись, чтобы нашъ театръ не попалъ въ число двѣнадцати театровъ, которые велѣно было закрыть; говорили, что онъ Императору не нравил-ся, что Императоръ не любилъ фарсовъ. Однакоже, мы нашли двухъ сильныхъ заступниковъ, Реньо-ле-сент-Анжели и архикапцлера Камбасереса; послѣдній въ особенности сильно покровительствовалъ намъ, по слѣдующему случаю.

Архикапцлеръ любилъ хорошій столъ, и приглашалъ на свои обѣды не одни политическія лица, но и многихъ литераторовъ. Его домашній секретарь, Мовель, сынъ знаменитаго актера, вздумалъ, въ день его рожденія, устроить спектакль и лать, нарочно для этого случаю написанную пьесу. Въ домѣ архикапцлера, тайно отъ него, устроили театръ; послѣ обѣда, входя въ бильярдную, онъ съ удивленіемъ ушлялъ въ ней музыку. Двери отворились, и онъ увидѣлъ премиленькій театръ, построенный угромъ вашимъ машинистомъ, г. Пеже.

Пьесу сочинилъ Моро, если не ошибаюсь, съ помощью двухъ или трехъ своихъ обычныхъ сотрудниковъ; но подписался, по обыкновенію, одинъ. Исполняли ее: нашъ директоръ Кретю, вспомнившій на этотъ случай, свое старое ремесло актера, Брюне и Дюваль; изъ женщинъ г-жа Кретю; артистка Комической-Оперы, г-жа Гервѣ, съ театра Водевилья, и наша товарка Кюизо. Для хора вмѣсто хористокъ пригласили самыхъ хорошенькихъ женщинъ нашего театра, Полину, Эломиру, Менгоцци, Альдегонду и меня. Надо сказать правду, царицею этого вечера была Кюизо; она играла молодого студента, а потомъ являлась Аполлономъ. Легкая газовая тюника обрисовывала ее стройный станъ; черные ея волосы падали въ пышныхъ локонахъ по плечамъ; большіе живые глаза подъ правильно округленными бровями, блистали, какъ двѣ звѣзды; ротъ ея былъ, правда, немного великъ, но за то, когда она улыбалась, онъ являлъ два прелестные ряда жемчугу. Послѣ такого портрета товарки, увѣряйте еще, что женщины не отдають другъ другу справедливости! Играла она довольно жеманно, голосъ имѣла пискливый, пѣла перѣдко фальшиво. Но можетъ ли кто быть совершеннымъ?

Другіе актрисы, участвовавшіе въ этомъ праздникѣ, имѣли также свои достоинства. Полина была премилое созданье.

Ее кроткое лицо не было такъ выразительно, какъ лицо Кюизо; но черты его были нѣжны; и ея нѣсколько холодная физиономія оживлялась отъ времени до времени лукавою улыбкою, которая тотчасъ же пропадала. Не помню, кто сравнивалъ ее съ хорошенькимъ попугаемъ, клюющимъ вишню. Альдегонда была такъ же миниатюрна, какъ Полина. Черты лица ея были неправильны; но за то улыбка весела и непринужденна; особенную же прелесть ея физиономіи придавало то, что у нея одинъ глазъ былъ меньше другаго, и будто насмѣшливо шурился. Менгоци была совершенно въ другомъ родѣ; она была уже не въ первой молодости, но очень хороша собою, и имѣла очень благородныя манеры; ея величественная осанка была истинно обворожительна. Эломира была не такъ хороша, какъ Менгоци; но очень стройна, и физиономія ея, не совсѣмъ благородная, была довольно жива и остроумна. Въ Крестьянскомъ корсетѣ съ чепцомъ она казалась гораздо лучше, чѣмъ въ нарядномъ платьѣ. Чтоже касается до вашей покровной слуги, я уже говорила, что я была бѣлая, свѣжая блондиночка.

Представленіе наше у архиканцлера имѣло огромный успѣхъ. Послѣ спектакля начался балъ, на которомъ его сіятельство пригласилъ насъ остаться въ своихъ костюмахъ. Мы провели вечеръ чрезвычайно весело; всѣ гости осыпали насъ вѣжливостями, по примѣру хозяина, который въ особенности ухаживалъ за милымъ студентомъ, наряженнымъ Аполлономъ. Кюизо была царицею праздника.

Съ этого дня, Камбасересъ нѣмалъ ложу въ театрѣ Разнообразія и посѣщалъ его каждый вечеръ, въ сопровожденіи двухъ неразлучныхъ своихъ собесѣдниковъ, д'Эгрфѣйля и стараго маркиза Вильвилья. Когда Императоръ заговорилъ о закрытіи нашего театра, архиканцлеръ сказалъ ему, шутя: «Ваше величество вѣрно не захотите, чтобы мои деньги пропали даромъ; я заплатилъ впередъ за ложу! и — Правда, отвѣчалъ Наполеонъ; когда занавѣсъ подняли, денегъ не возвращаютъ.» Такимъ образомъ, театръ нашъ былъ спасенъ, благодаря нашей товаркѣ Кюизо.

Вы видите, любезные читатели, что я говорю о всѣхъ по немногу; я нехочу угощать васъ только своею особою; я обѣщала вамъ исторію своего вѣка, своихъ современниковъ, своей родины. Родина моя, театръ Разнообразія на которомъ я родилась и выросла; мои современники, — всѣ артисты, являвшіеся и исчезнувшіе при мнѣ, пережившей ихъ. Грустно становится, когда я обращаюсь къ прошедшему и вспоминаю, сколькихъ уже нѣтъ!

Едва мы избѣжали одной опасности, намъ стала угрожать другая: нашествіе актеровъ другаго театра. Жюльенъ и г-жа Бельмонъ, измѣнивъ колыбели своихъ успѣховъ, вздумали оставить театръ Водевиля. Видя, что нашъ театръ привлекаетъ все лучшее парижское общество, они вступили въ переговоры съ нашими директорами. Предложеніе ихъ принято; но возникло небольшое препятствіе. Пришельцы требовали измѣненія

нашего репертуара, который казался имъ слишкомъ пошлымъ. Они, артисты Водевиля, не хотѣли увижаться Каде — Русселемъ, торговками, лодочниками и прочими комическими ролями нашего театра.

Мы какъ — то узнали объ этомъ заговорѣ противъ нашихъ пьесъ. Всѣхъ болѣе былъ этимъ оскорбленъ Тьерслентъ, игравшій шутниковъ, сапожниковъ и всѣ карикатуры низшаго разряда; онъ пригласилъ насъ къ себѣ на завтракъ. Въ собраніи участвовали всѣ главные члены труппы: Брюне, Дюбуа, Боскье — Гаводанъ, Жоли, Дюваль, Обертенъ, Казо и Водоре; и семь актрисъ: Бароие, Монгоцци, Кюизо, Друвиль, Полина, Эломира и я.

Тьерслентъ никому не говорилъ заранѣе о поводѣ приглашенія. Завтракъ прошелъ чрезвычайно весело; Брюне отпускалъ каламбуры, Тьерслентъ пропѣлъ смѣшную, каррикатурную пѣсню, отъ которой мы всѣ валялись со смѣху.

— Вотъ славная шутка, сказалъ старикъ Дюваль; ты бы долженъ заказать пьесу и роль, въ которую можно бы вставить эту пѣсню.

При этихъ словахъ Тьерслентъ нахмурилъ свою комическую физиогномію. У него было чрезвычайно подвижное лицо; онъ могъ ему давать всякое выраженіе, какое хотѣлъ. «Увы, сказалъ онъ трагическимъ тономъ, ты смѣешься надо мною; говоришь о новой каррикатурной роли, когда мнѣ скоро придѣтся забывать старья! проститься съ *Слѣпыми нищими*, дать отставку *Сень-Флурскому мѣднику*, взорвать *Пьесу не пьесу*, похоронить *мосье Гобмуша съ Фалезскимъ самоубійствомъ*.

— Это отъ чего? спросилъ Брюне, удивленный этою выходкою.

— А тебѣ, продолжалъ Тьерслентъ, тебѣ, несчастный Жокрисъ, не бить тебѣ уже тарелокъ! Мегонцци не бить уже *Нашею штопальщицею*; (*) разобьютъ ея бочку. Друвили и Эломиръ уже не подбочениваться, а Флоръ не выдать уже образцовъ, которые учатъ ее тону толчучаго рынка,

Мы всѣ переглянулись въ недоумѣнны. Никогда Тьерслентъ не бывалъ такъ краснорѣчивъ. «Вздоръ, сказалъ Брюне, я не откажусь отъ того рода пьесъ, которыя составили нашу славу.

— Да ты развѣ одинъ директоръ? возразилъ Тьерслентъ, твои высокородные сочлены не посмотрятъ на тебя. Противъ насъ составляется заговоръ. Хорошій тонъ убьетъ насъ; развѣ ты не видишь, что отступники водевиля, съ своими раздушенными литераторами, хотятъ поселить у насъ свои пьесы вмѣсто добраго фарса?

— Этому не бывать! воскликнулъ Брюне, одушевляясь и

(*) Парижскія штопальщицы составляютъ особый цѣхъ; нѣсколько лѣтъ назадъ онѣ имѣли обыкновеніе сидѣть на перекресткахъ, въ переплеченной позе, поламъ бочкѣ.

принимая трагическій тонъ Каде-Русселя, профессора декламации.

— Небывать! повторило за нимъ все собраніе; да здравствуетъ фарсъ.

— Клянитесь! сказалъ Тьерсенъ, клянитесь на остаткахъ паштета, если они есть, на бутылкахъ шампанскаго, которыхъ пробки сейчасъ полетятъ въ честь истинныхъ Фарсовъ.

Послѣ этой клятвы, нисколько не уступавшей клятвѣ Горациевъ, намъ подали кофе и ликёръ, а за тѣмъ мы отправились на представленіе. Никогда не бывало болѣе забавнаго представленія; никогда актеры не играли съ такимъ одушевленіемъ. Вся зала помирала со смѣху, глядя на *Банкротство сапожника*, на *Горе Жокриса* и на *ненависть къ людямъ Каде Русселя*. Жульенъ и г-жа Бельмонъ были въ театрѣ; эта необыкновенная веселость, должно быть, напугала ихъ, ибо чрезъ нѣсколько дней они отказались отъ желанія поступить на нашъ театръ и были ангажированы въ Комическую Оперу.

Въ августѣ 1807 года нашъ театръ поставилъ пьесу, написанную по случаю свиданія Наполеона съ Русскимъ Императоромъ. Эта пьеса, *Немецкіе лодочники*, сочиненія Дезожье, Франсиса и Моро, имѣла огромный успѣхъ, она была наполнена намеками на побѣды императора и на славные подвиги французской арміи. 26 ноября мы дали безденежное представленіе этой пьесы, во время праздниковъ, данныхъ въ Парижѣ по случаю возвращенія императорской гвардіи. Это было истинно народное празднество; невозможно себѣ вообразить всеобщей радости народа и солдатъ. Но прежде, чѣмъ рассказать вамъ наше представленіе, я расскажу вамъ зрѣлище, бывшее наканунѣ, на которое я бѣгала звать, вмѣстѣ со всѣмъ городомъ.

Близъ заставы была сооружена триумфальная арка, подъ которою должно было пройти десять тысячъ человекъ гвардіи. Надъ аркою была поставлена золоченная колесница, а на каждомъ фасѣ были надписи, напоминавшія главные событія кампаніи. Съ девяти часовъ утра, несмѣтная толпа ждала прибытія войскъ. Гвардія пришла въ двѣнадцать часовъ и встрѣчена городскими властями. Тутъ было произнесено нѣсколько рѣчей, которыхъ я не слыхала, но которыя сопровождались неистовыми криками и рукоплесканіями. Оры гвардіи были украшены золотыми вѣнками, между тѣмъ, какъ хоры Большой Оперы пѣли *пѣснь возвращенія*—Мегюля. Вся гвардія прошла среди поздравлявшихъ ее Парижанъ; женщины бросали ей цвѣты; я тоже бросила свой букетъ, и попала имъ въ носъ одному гренадеру. Она вошла чрезъ Карусельскую триумфальную арку въ Тюильри, сложила оружіе въ саду, и отправилась въ Елисейскія поля, гдѣ были приготовлены столы на десять тысячъ приборовъ. Я отъ роду не видала такого прекраснаго зрѣлища. Толпы народа ходили вокругъ столовъ. Вечеромъ была иллюминація, и большой балъ.

И такъ, на слѣдующій день, когда и прочіе театры дали безденежныя представленія, мы объявили: *Набатъ*, *Ньменскихъ лодочниковъ*, и *Семейство Инокентьевозъ*; я играла въ двухъ изъ этихъ пьесъ. Чтобы имѣть понятіе о томъ, что такое было въ то время безденежное представленіе, надо было его видѣть. Народъ не имѣлъ такого множества театровъ, какъ нынѣ, и ходилъ въ театръ очень рѣдко, въ особенности въ нашъ. Должно притомъ замѣтить, что его влекло не одно желаніе повеселиться, а почти столько же энтузіазмъ, возбужденный въ немъ торжествомъ. Въ каждомъ театрѣ были оставлены мѣста для гвардіи; одинъ ея видъ былъ уже зрѣлищемъ для народа.

Многочисленная толпа тѣснилась у входа нашего театра, который былъ въ большой славѣ и привлекалъ зрителей именемъ Брюне. Двери театра отворялись только передъ самымъ началомъ представленія; любопытно и страшно было смотрѣть, какъ вся волна народа хлынула между колонъ, взбиралась по лѣстницамъ, толкалась въ корридорахъ, и тѣснилась въ ложахъ. Въ ложахъ на шесть человѣкъ было набито по двѣнадцати. Въ то время, какъ наполнялась средняя галлерія, вошла одна женщина; толпа прижала ее къ краю, бѣдняжка потеряла равновѣсіе, перекувырнулась и, по непонятному счастью, попала прямо на лавку партера, между двухъ человѣкъ, которыхъ раздѣлила будто топоромъ. Было отъ чего разшибиться въ прахъ, а она будто ни въ чемъ не бывала. «Славнаго же я дала прыжка, сказала она, но здѣсь сидѣть хорошо, не хочу другаго мѣста.»—Шумъ, крикъ былъ такой, что ничего нельзя было слышать. Но раздались три удара капельмейстера, оркестръ началъ, и мигомъ шумъ смѣнился самою глубокою тишиною.

И съ какимъ восторгомъ эта толпа слушала актеровъ и аплодировала имъ! Въ *Ньменскихъ лодочникахъ* былъ куплетъ въ честь арміи; Лефевръ спѣлъ его съ большимъ огнемъ, и слушатели потребовали его повторенія. Одинъ ремесленникъ, въ жилетѣ, съ обнаженными руками, сидѣвшій въ первомъ ярусѣ, кричалъ *бистъ* громче другихъ, потомъ, обращаясь громовымъ голосомъ къ Лефевру, сказалъ: «извольте, сударь, повторить, сдѣлайте одолженіе!» Лефевръ повторялъ, по окончаніи ремесленникъ прокричалъ ему съ невыразимымъ восторгомъ: «покорнѣйше васъ благодарю....» Вотъ вѣжливость, такъ ужъ вѣжливость!

Г Л А В А V.

Зала г-жи Монтансье, изъ которой мы выѣхали, оставалась пуста; директриса выпросила себѣ позволеніе воспользоваться ею, только не отдавая трущбъ актеровъ. Она завела въ Па-

ле-Рояль труппу канатныхъ танцовщиковъ; весь Парижъ бѣгалъ смотрѣть на дивнаго Равеля.

Канатныхъ танцовщиковъ смѣнили *puppi parolitani*, неаполитанская кукольная комедія, которую и я ходила смотрѣть съ товарищемъ своимъ Жоли. Директоръ позволилъ намъ даже войти на сцену, и мы могли вблизи рассмотреть своихъ деревянныхъ преемниковъ. Директоръ былъ чудакъ-итальянецъ, довольно чисто говорившій по французски. Его очень удивляло, что зала была всегда наполнена почти одними дѣтьми; тогда, какъ въ Италіи эти представленія посѣщаютъ люди всѣхъ состояній и всѣхъ возрастовъ. «Въ Италіи, говорилъ онъ, родилось обыкновеніе заставлять эти куклы (*puppi* или *burattini*) играть настоящія пьесы. Онѣ играютъ трагедіи, комедіи, оперы, и даже пантомимные балеты. Почти непримѣтныя ниточки проведены и расположены такъ, что ихъ можно заставлять совершать всевозможныя движенія, съ удивительною точностью. И дѣйствительно, мы не могли не удивиться на *Пульчинеллу*, котораго приводилъ въ движеніе самъ директоръ; онъ былъ точно живой; совсѣмъ не то, что полишинель Серафенова театра!

За канатными танцовщиками и кукольною комедіею послѣдовали *несравненные собаки*. Эти четвероногіе актеры очень забавно разыгрывали пантомиму. Представленіе оканчивалось штурмомъ крѣпости, который походилъ скорѣе не на пантомиму, а на оглушительный шабашъ. Храбрость осаждающихъ возбуждалъ ужинъ, ожидавшій побѣдителей за стѣною, лучшая доля его принадлежала тому герою, кто врывался первый.

Успѣхъ этой собачьей комедіи продолжался недолго; послѣ нея г-жа Мостансье выхлопотала себѣ съ помощью сильныхъ покровителей, позволеніе замѣнить четвероногихъ артистовъ двуногими, и играть пантомимы, мелодрамы и водевили. Стоило-же насъ выгонять! Впрочемъ, мы отъ этого переселенія нисколько не потеряли.

Для открытія этого новаго театра, назвавшагося *армарочными играми* (*jeux logains*), данъ былъ прологъ Мартевиля, *Воскресеніе Бріюше*. Этотъ прологъ разыгрывали старые деревянные комедіанты графа Божоле, двадцать лѣтъ уже покоившіеся подъ пылью, на чердакѣ театра. Ничего нельзя себѣ представить нелѣпѣе этихъ куколъ, ростомъ съ восьмилѣтнихъ дѣтей, разряженныхъ во вкусѣ г-жи Помпадуръ, и дѣлавшихъ самые неуклюжіе жесты, между тѣмъ, какъ грубые голоса говорили за нихъ изъ-за кулисъ. У каждаго вѣка свой вкусъ; Бріюше, любимецъ вѣка Людовика XIV, слишкомъ отзывался стариною, и деревянные комедіанты скоро были отправлены назадъ въ кладовую.

Тогда стали играть пантомимы съ разговорами. Запрещено было ставить полныя пьесы; позволено играть одиѣ сцены. Это бы все равно, если-бы сцены были хороши; но писатели были такъ честны, что не употребляли во зло разрѣшенія. Не смотря на то, театръ далъ ходъ нѣсколькимъ но-

вымъ литераторамъ, ожидавшимъ только залы, чтобы создавать хорошія произведенія. Въ свое существованіе, т. е. въ продолженіе года, онъ поставилъ тридцать шесть, и создалъ десять литераторовъ, о которыхъ нынче уже и не упоминаютъ; въ томъ числѣ и моего пріятеля Бернаръ-Леона, котораго ни кто не считалъ способнымъ родить *Сестру милосердія* или *Живаго мертвеца*. Какъ представить себѣ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы этотъ добрый Бернаръ-Леонъ, веселый, забавный, бывшій моимъ товарищемъ въ Водевилѣ, и потомъ такъ смѣшившій посѣтителей Гимназіи, директоръ театровъ Водевила и Веселости, вздумалъ вдругъ вывести на сцену живаго-мертвеца! Онъ далъ мнѣ билетъ на свою плачевную пьесу, которая меня очень насмѣшила.

Этотъ театръ, открывшійся въ ноябрь, 1870 г., не держался и году. Г-жа Монтансье, женщина предпримчивая и настойчивая, не хотѣла отказатся отъ своего драматическаго царства; она учредила въ своей залѣ *кафе-спектакль*, въ которомъ кулеты тѣшили публику между глотками пива, пунша и блиновъ. Кафе-спектакль держался довольно долго; но актеры играли въ немъ жалкую роль. Нерѣдко, среди любовнаго объясненія раздавались голоса между зрителями: «Мальчикъ, бутылку пива! крафинъ оржату!» Когда актриса пѣла свой куплетъ, акомпаньеманъ оркестра былъ покрываемъ хлопаніемъ пробокъ и звономъ стакановъ. Часто, зававѣсь опускался, а зрители даже не знали, что было играно. Можно себѣ представить, какую пользу эти спектакли приносили драматическому искусству, и сколько общественная нравственность и литература выиграли отъ нашего изгнанія изъ Пале-Рояля.

Такъ продолжалось до 1815 года; въ это время въ залѣ Монтансье завели представленія болѣе достойныя названія искусства; но объ этомъ послѣ.

Въ началѣ главы я упомянула о Жоли; онъ заслуживаетъ мѣста въ моихъ запискахъ.

Жоли со вкусомъ и съ талантомъ игралъ комедію, хотя никогда не изучалъ сценическаго искусства; но онъ отъ природы получилъ необыкновенный даръ подражанія; онъ былъ поцугай и обезьяна, притомъ довольно смѣтливъ, чтобы перенимать и переразвивать только то, что было умно и дѣйствительно смѣшно. У него были рѣдкія способности; онъ очень не дурно рисовалъ самоучкою. Видѣвъ много разъ Воланжа, Баптиста младшаго, карикатуриста Тьеме, онъ перенялъ у нихъ многія преданія, и приправлялъ ими свою игру. Притомъ онъ былъ знакомъ со всѣми современными живописцами, и зналъ всѣ карикатуры, ходившія въ ихъ кругу.

Жоли былъ сынъ придворнаго служителя герцога Орлеанскаго, и воспитанъ въ Пале-Роялѣ; революція разрушила его состояніе и выдѣла на будущее. Онъ поступилъ въ армію при первомъ наборѣ, и служилъ въ кавалеріи; по возвращеніи изъ похода, лучшимъ его удовольствіемъ было тереться за кулисами; онъ велъ дружбу со всѣми артистами, рисовалъ

съ нихъ портреты, премило разыгрывалъ сцены въ пріятельскомъ кругу. Но все это не давало ему средства жить, надо было подумать и о существованіи. Онъ познакомился съ однимъ молодымъ литераторомъ, писавшимъ для Масьерова театра, на которомъ играли въ то время г-жа Бра, и Маэссаръ. Этотъ литераторъ посоветовалъ ему извлечь пользу изъ своего мимическаго таланта; Жоли послѣдовалъ совѣту и дебютировалъ ролью дурака въ *Маломъ смотрѣ* и каррикурою судейскаго служителя завки въ *Мосье-Боттѣ*, попытка эта была очень удачна, и онъ рѣшился посвятить себя драматическому искусству. Потомъ, онъ дебютировалъ у насъ.

Жоли налагалъ особую печать на каждую свою роль; въ особенности же въ роли лодочника Лавирона онъ былъ такъ хорошъ, что самъ Тьерсленъ сталъ завидовать ему. Чтобы помириться съ нимъ, Жоли, уважавшій чрезвычайно талантъ Тьерслена, срисовалъ съ него карикатуры въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его ролей. Этимъ началось богатое собраніе карикатуръ, которое долго привлекало толпу къ окнамъ картинныхъ лавокъ; оно потомъ значительно увеличилось; я сама удостоилась чести помѣщенія въ это собраніе. Жоли потомъ перешелъ на театръ Водевиля.

Въ то же время, какъ онъ насъ оставилъ, лишились мы и другаго товарища, прекраснаго комика Водоре, умершаго двадцати восьми лѣтъ; наружностью, голосомъ, рѣдкими способностями, могъ онъ поспорить съ Потье.

Въ замѣну Жоли и Водоре, Брюне, игравшій каждый вечеръ въ двухъ или трехъ пьесахъ, пожелалъ, чтобы былъ ангажированъ второй актеръ на его амплуа, и представилъ актера по имени Армана, который былъ довольно развязанъ и уменъ, но холоденъ. Арманъ пробылъ у насъ одинъ годъ; онъ былъ изъ дворянскаго дома, и назывался графомъ или маркизомъ де-Бонгаръ; дочь его также впоследствии отличалась на нашемъ театрѣ; это Эстеръ, которая покинула насъ, чтобы прельщать своимъ талантомъ и качучею Петербургъ.

Въ 1808 году, на Французскомъ Театрѣ выступила неожиданно актриса, которую я знала еще очень молоденькою дѣвочкою: Эмилиа Леверъ. Уже было болѣе году, какъ она скрылась съ театра Лувуа; никто, кромѣ нѣсколькихъ очень близкихъ друзей, не зналъ тайнаго ея убѣжища. Она нашла скромный домикъ на новыхъ бульварахъ, близъ Гобеленовской заставы, и вела самую уединенную жизнь. Я поѣхала однажды, съ одною провинціальною пріятельницею, осмотрѣть Ботаническій садъ, Обсерваторію и Гобеленовскую мануфактуру; извѣстно, когда приѣзжаетъ знакомый изъ провинціи, надо его таскать по всему Парижу и показывать всѣ достопримѣчательности, многіе парижане пользуются этимъ случаемъ, чтобы самимъ познакомиться съ ними; ибо никто не знаетъ такъ мало Парижа, какъ сами парижане. Ѣхали мы въ извозничьей каретѣ, по новому бульвару, какъ вдругъ нашему

извозчику вздумалось опрокинуть насъ въ ровъ; къ счастью мы больше перепугались, чѣмъ ушиблись. На крики наши, отворилась садовая калитка, вышла молодая женщина, позвала людей, и пришла намъ на помощь съ садовникомъ и горничною. Насъ вытащили изъ ковчега, въ которомъ мы были заключены, и молодая женщина пригласила насъ къ себѣ отдохнуть и оправиться. Можете себѣ представить и ея и мое изумленіе, когда мы узнали другъ друга! это была Эмилиа Леверъ.

— Боже милостивый! ты здѣсь? какими судьбами?

— Не ушиблась ли?

— Не думаю.

— Во всякомъ случаѣ, вы обѣ въ грязи; зайдемъ къ мнѣ.

Мы отпустили извозчика, который, не довольствуясь тѣмъ, что опрокинулъ насъ, самъ же сталъ шумѣть и требовать съ насъ денегъ за поѣздку; и мы принуждены были заплатить ему, чтобы только отвязаться.

Мы вошли къ Эмилиа Леверъ, которая приняла насъ чрезвычайно радушно; я закидала ее вопросами: «Ты, какъ видно, сдѣлалась совершенною отшельницею? Что ты дѣлаешь въ этомъ уединеніи?»

— Занимаюсь.

— Чѣмъ?

— Драматическимъ искусствомъ.

— Да ты и такъ хорошо играла!

— У меня есть другой замыселъ.

— Что такое?

— Я хочу дебютировать на сценѣ Французскаго театра. Вотъ уже другой годъ, я беру уроки декламации, музыки и танцованія. Сама г-жа Конта согласилась учить меня драматическому искусству; я уже прежде многому научилась, смотря на ея игру. Какая развязность, какой умъ, какая непринужденность, какое благородство! Только женщина, видѣвшая свѣтъ и дворъ, бывшая въ высшемъ обществѣ, можетъ такъ хорошо играть роли знатныхъ кокетокъ, въ которыхъ большая часть актрисъ похожи на женщинъ двусмысленнаго содержанія. Я откреклась отъ свѣта и отъ театра, чтобы возвратиться къ нимъ съ большимъ успѣхомъ. Видя меня каждый день, публика не замѣтила бы моихъ постепенныхъ успѣховъ. Старый товарищъ мой, Клозель, проходитъ со мною роли; онъ прекрасный актеръ, и знаетъ всѣ тонкости сцены. Г-жа Конта доставитъ мнѣ скоро дебютъ, и введетъ меня на Французскій Театръ.

Нѣсколько времени спустя, Эмилиа Леверъ дѣйствительно дебютировала въ роли Селимены въ *Мизантропъ* и въ *Трехъ Султаншахъ*, съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ, которому я радовалась отъ души.

Мнѣ стало жаль тогда, зачѣмъ я не послѣдовала ея примѣру; я могла бы быть хорошею субреткою. Но кто же от-

мѣнить опредѣленіе судьбы? Я осталась Флорою, на театрѣ Разнообразія; впрочемъ, я не послѣдняя въ избранномъ мною родѣ; честолюбіе, можетъ быть, погубило бы меня.

У Эмилиа Леверъ былъ довольно сильный недостатокъ въ произношеніи, что не помѣшало ей однакоже быть превосходною актрисою. Она картавила; всѣ слышавшія ее, помнятъ, какъ она говорила Фигаго вмѣсто Фигаро, или въ роли Селимены:

Faut il puangue un bâton, poug les mette dehors.

Замѣчая ея недостатокъ, я обратила вниманіе на свой собственный и рѣшилась исправиться отъ своего пришепетыванія. Одинъ литераторъ рассказывалъ мнѣ средство, употребленное нѣкимъ Димосееномъ, чтобы исправиться отъ косноязычія; я послѣдовала совѣту, взяла въ ротъ мелкихъ камушковъ, и такимъ образомъ успѣла исправить свое произношеніе, которое стало довольно чисто.

Я приближаюсь къ эпохѣ, когда сердце у женщины заго вариваетъ не хуже языка; мое сердце до сихъ поръ молчало, но оно уже собиралось заговорить, и это время было очень недалеко. Я избѣгла обольщенія Вестриса, и болѣе хитрой западни *Заколдованнаго принца*. Это были еще о двѣ розы; но скоро я почувствовала и шипы: я полюбила!

Одинъ молодой человѣкъ, постоянно посѣщавшій нашъ театръ, вездѣ слѣдовалъ за мною, вздыхалъ и не спускалъ съ меня глазъ. Я не могла сдѣлать шагу, чтобы не встрѣтить его. Когда я ходила утромъ на репетицію, онъ шелъ рядомъ со мною по бульвару; выходя изъ театра, я встрѣчала его у подъѣзда. Постоянство и страстные взгляды молодого человѣка, который былъ очень пріятной и благородной наружности, тронули мое сердце; оно стало биться при встрѣчѣ съ нимъ. Я начала скромно отвѣчать на его взгляды, выразительными глазками. Однажды, онъ хотѣлъ заговорить со мною, подошелъ ко мнѣ и тяжело вздохнулъ; я отвѣчала такимъ же вздохомъ; но разговоръ на этомъ и остановился. Въ другой разъ, онъ проводилъ меня до дома, и осмѣлился мнѣ поклониться; я то же поклонилась, тѣмъ и кончилось, но возвратившись домой, я весь день, даже, признаюсь всю ночь, думала о немъ. На слѣдующій день я опять встрѣтила его, онъ взглянулъ на меня задумчиво и печально; я ласково улыбнулась; моя улыбка, повидимому, очень обрадовала его, онъ поднялъ глаза къ небу, и остановился неподвижный, какъ статуя. Я продолжала свой путь, была на репетиціи, и перепутала всю свою роль.

Выходя изъ театра, я опять встрѣтила его, и прибѣгла къ хитрости, заимствованной отъ Розины въ *Севильскомъ цирюльничкѣ*; я уже была знакома съ большимъ репертуаромъ. Я нарочно оступилась, вскрикнула; онъ подбѣжалъ ко мнѣ, подержалъ меня, сжалъ въ объятіяхъ, сирашивая, не ушиблась ли я? Я отвѣчала подобно Розинѣ: «Ничего, я только немного

ушибла ногу.» Онъ предложилъ мнѣ извощика; — «нѣтъ, отвѣчала я, не нужно; позвольте только опереться на вашу руку. Онъ былъ вѣ себя отъ радости. Доведя меня до дому, онъ спросилъ, буду ли я въ состояніи одна взойти на лѣстницу. Моему самолюбію лестно было показать, что я живу не въ четвертомъ этажѣ; я отвѣчала, что если ему угодно слѣдовать мнѣ удовольствіе, и взойти до второго этажа, я буду очень благодарна за эту вѣжливость.

Я сѣла на бержерку и предложила ему стулъ; онъ съ участіемъ спросилъ, не распухла ли моя нога? Я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы показать, что у меня нога маленькая и хорошенькая, и сказала, протягивая ногу: Кажется, немного распухла.—Какая же она должна быть, вскричалъ онъ, когда не распухла?

Разговоръ ограничился только общими вѣжливостями; но онъ просилъ позволенія приходить навѣдываться о моей ногѣ. — Сначала, я желала бы знать, кого буду имѣть удовольствіе принимать?

— Не беспокойтесь, сударыня, отвѣчалъ онъ, я могу открыть, кто я и охотно исполню ваше требованіе. Я называюсь Шарль С....; я свободенъ, ни отъ кого не завишу, имѣю хорошее состояніе, и живу въ такой-то улицѣ, №...

Не хочу надоедать читателямъ подробностями связи, похожей на всѣ связи въ свѣтѣ. Мужчины знаютъ, какими средствами они обольщаютъ насъ, а женщины знаютъ, какъ онѣ отдаютъ сердце; нѣкоторыя отдаютъ его только взаймы; я—любила первую любовью, нѣжною, довѣрчивою и—уступила невольному влеченію. Шарль обожалъ меня; говорилъ о своемъ намѣреніи жениться на мнѣ; говорилъ также о вѣроятномъ сопротивленіи своихъ родныхъ. Однако же, чтобы обезпечить мою будущность, онъ принесъ мнѣ формальную, явленную у нотариуса, дарственную запись въ тридцать тысячъ франковъ, обезпеченные его имѣніемъ. Я хотѣла отказаться. «Шарль, говорила я, я люблю тебя не изъ корыстныхъ видовъ, а за тебя самого... Но онъ принудилъ меня принять подарокъ, говоря, что онъ ботать, и что въ любви тотъ изъ любовниковъ счастливѣе, который можетъ дарить другому. Чтобы не огорчить его, я взяла записъ и спрятала ее въ бюро.

Наша любовь продолжалась болѣе году. Съ моей стороны она не слабѣла... Но... Шарль мало-по-малу охладѣлъ. Однажды... я узнала, что онъ женится! Надо почувствовать, что я чувствовала чтобы понять мое положеніе! Наконецъ, онъ пересталъ ходить ко мнѣ. Не стану описывать моего горя и отчаянія; оно покажется вамъ слишкомъ романическимъ. Гордость не позволяла мнѣ принимать благодѣанія отъ человѣка, разлюбившаго меня. Я отослала ему назадъ его дарственную запись, въ запечатанномъ конвертѣ. Да, я слѣдала эту страшную глупость, сколько разъ я потомъ сожалѣла о ней! Шарль понялъ мой деликатный поступокъ, и вполне оцѣнилъ его, онъ принялъ обратно свою запись. Этого требовала вѣжливость!

Много я пролила слезъ! Я уже не похожа была на прежнюю веселую, безпечную Флору! Каждый день ходила я въ его улицу, плакала подъ его окнами: окна не отворялись. Не разъ видѣла я, какъ онъ выѣзжалъ въ кабріолетъ съ своею молодою, счастливою женою; онъ и не смотрѣлъ на меня; жокей его кричалъ мнѣ: прочь съ дороги! а онъ хлопалъ бичемъ. Сколько разъ мнѣ хотѣлось броситься подъ ноги его лошадей, подъ колеса его кабріолета.

Товарищи смѣялись надо мною, надъ моею чувствительностью! Это напомнило мнѣ анекдотъ о дебютанткѣ, которая учила роль покинутой Ариадны, и которой одна великая актриса, если не ошибаюсь г-жа Дюмениль, выведенная изъ терпѣнія ея холодною, говорила:

— Поставьте себя на мѣсто героини, что бы вы сдѣлали, еслибъ васъ покинулъ любовникъ?

— Что бы я сдѣлала? отвѣчала дебютанта; отыскала бы другаго.

— Ну, моя милая, возразила г-жа Дюмениль, никогда не играть вамъ трагедіи!

О, я сдумала бы въ то время играть трагедіи, въ особенности роль покинутой Ариадны.

(Продолженіе впрѣдъ).

ПЕТЕРБУРГСКИИ

ТЕАТРАЛЬНІЙ.

СИГНАЛЫ МУЗЫКАЛЬНЫЕ.

Странная вещь! Кажется нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ, ничего сокровеннаго, чтобы не обнаружилось, а между тѣмъ вопросъ о *музыкальности* Петербурга до сихъ поръ остается загадкою. — Многіе утверждали, и теперь даже утверждаютъ, что Петербургъ очень музыкаленъ, и въ доказательство приводятъ существованіе у насъ Итальянской Оперы, частые концерты артистовъ и любителей, множество шарманокъ и ходячихъ оркестровъ, обиліе музыкальныхъ магазиновъ, преизобиліе новыхъ нотъ, особенно полькъ, всѣхъ націй, видовъ и разрядовъ. Другіе же говорятъ, что опера у насъ дѣло моды, что отъ концертовъ публика бѣгаетъ, какъ отъ чумы, что въ магазинахъ покупаютъ только польки, да галопы, и что эти польки да галопы, также относятся къ музыкѣ, какъ шарады и загадки къ изящной словесности.

Но вотъ является новѣйшій обвинительный фактъ: это равнодушіе *музыкальной* публики къ превосходной нашей Итальянской Оперѣ, равнодушіе, которое по истинѣ непонятно. Всѣ требованія, всѣ прихоти этой взыскательной публики исполнены: наша опера, благодаря дѣятельности и попеченіямъ Дирекціи, становится съ каждымъ годомъ все лучше и лучше, и въ нынѣшнемъ составѣ своемъ, далеко оставляетъ за собою всѣ Европейскія, за исключеніемъ Лондонской, которая составляется,

на три лѣтніе мѣсяца, изъ всѣхъ великихъ талантовъ цѣлаго свѣта, взятыхъ со всѣхъ сценъ; но за то и наслажденіе ею покупается чуть-чуть не на вѣсь золота.

Даже Парижская опера, съ гордостію считающая себя первою, не можетъ сравниться съ нашею во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о превосходствѣ нашего оркестра, нашихъ хоровъ, превосходствѣ, всѣмъ признанномъ, не говоря о разнообразіи репертуара, не говоря, наконецъ, о томъ, что въ Парижѣ ни одна опера не бываетъ обставлена такъ великолѣпно и одними первоклассными артистами, какъ у насъ на-пр. *Отелло*, скажемъ только, что и первые сюжеты Парижской Итальянской Оперы нисколько не выше нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Такъ *Колетти*, котораго парижане прославляютъ взапуски, не выдержитъ даже приблизительнаго сравненія съ нашимъ *Тамбурини*, баритономъ, которому подобнаго нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, ни по игрѣ, ни по чудной обработкѣ голоса, то нѣжнаго и страстнаго, то грознаго и энергическаго. — Самая *Гризи* врядъ ли понравилась бы нашимъ петербургскимъ дилетантамъ, какъ потому, что она уже нѣсколько устарѣла, такъ и потому, что она — пѣвица не *драматическая*, а болѣе концертная. Знаменитая-же *Брамбилла*, съ своимъ сильнымъ голосомъ, отстоитъ отъ нашей контральтетки на столько же, какъ Пекинъ отъ Москвы. Одинъ только *Лаблашъ* — не имѣетъ двойника нигдѣ.

Наша Опера приобрѣла въ этомъ году двухъ замѣчательныхъ артистокъ: *Фрецолини* и *Ангри*. Первая, — чистый, высокій сопрано (*soprano acuto*) безъ примѣси контральтовыхъ нотъ, превосходная пѣвица, какъ въ комическихъ, такъ и въ драматическихъ партіяхъ. Появленіе ея на нашей сценѣ тотчасъ возбудило споры и породило даже партіи Фрецолинистовъ и Борсиновъ, и мы нечитаемъ обязанностію своею показать разницу между Борси и Фрецолини, разницу, состоящую не въ томъ, чтобы одна была лучше или хуже другой, а въ качествѣ голоса и въ различіи ихъ амплуа. Старая знакомка наша, г-жа Джули-Борси, имѣетъ голосъ сильный, звучный, металлическій, особенно поражающій въ мѣстахъ, требующихъ энергіи и увлеченія; г-жа Фрецолини обладаетъ голосомъ удивительно гибкимъ, нѣжнымъ, задушевнымъ, голосомъ увлекательнымъ въ выраженіи нѣжной страсти и грусти. Первая превосходно выполняетъ партіи, такъ сказать, *активные*; въ нихъ она исторгаетъ удивленіе мощнымъ своимъ пѣ-

нѣмъ и высокою трагическою игрою; умѣренность въ жестахъ придаетъ необыкновенную силу каждому ея движенію; въ этихъ роляхъ она заставляетъ васъ трепетать, надѣяться, ужасаться, отчаяваться, и не одно чувство пробѣжить по вашей душѣ отъ ея чуднаго, энергическаго пѣнія, на-пр. въ финалѣ перваго акта (тріо) въ *Нормѣ*, въ дуэтѣ съ Тамбурины и въ чудной аріи третьяго акта въ *Лидь*, въ аріи: *Non fu sogno*, въ Ломбардахъ, и во многихъ другихъ. Торжествомъ ея были оперы: *Линда-да-Шамуни* и *Лукреція Борджиа*, Доницетти, *Ломбарды въ первомъ крестовомъ походѣ* (*Lombardi alla prima crociata*)—Верди, *Норма*—Беллини и, наконецъ, *Семирамида*—Россини. Фрецолини въ особенности хороша въ роляхъ страдательныхъ, *пассивныхъ*, въ которыхъ ея мелодическое, задушевное пѣніе трогаетъ васъ до глубины сердца и заставляетъ плакать сладкими слезами. Такова она: въ *Беатриче ди Тенда*—Беллини, въ *Эрнани*—Верди, и въ *Отелло*—Россини. Въ комическихъ операхъ она увлекаетъ васъ своимъ пѣжнымъ, игривымъ и все-таки сердечнымъ пѣніемъ, неподдѣльною веселостію и истиннымъ комизмомъ. Трудно сказать, въ какихъ роляхъ этого рода она особенно хороша; и *Любовный напитокъ* (*Elizir d'amore*) и *Донъ Паскале*—Доницетти, такъ оживлены ею, игра ея въ нихъ такъ натуральна и разнообразна, что трудно отдать чему-нибудь предпочтеніе. Слушая ее десять разъ сряду, вы каждый разъ думаете: сегодня она лучше! и это сегодня повторяется каждый вечеръ, когда она поетъ.

Г-жа Ангри, пѣвица съ голосомъ чрезвычайно обширнымъ, нисходящимъ отъ высокаго сопрано до самаго густаго контральто. Она занимаетъ почетное мѣсто въ нашей оперной труппѣ; она прекрасна въ *Севильскомъ цирюльникѣ*, несмотря на воспоминаніе о Вярдо. Но торжествомъ ея была партія Арзаса въ *Семирамидѣ*. Мы послѣ подробнѣе поговоримъ объ этой оперѣ, а теперь должны сказать нѣсколько словъ объ *Итальянкѣ въ Алжирѣ*, оперѣ Россини, принадлежащей къ юношескимъ его произведеніямъ.

Прошлаго года, когда Борси пѣла почти каждый вечеръ, комическія оперы давались очень рѣдко. Тогда часть нашей музыкальной публики, искавшая только случая ретироваться отъ Итальянской Оперы, безъ урона для своей музыкальности, начала повторять на всѣ тоны знаменитое *toujours des perdrix!* «Давайте намъ комическія оперы! Давайте намъ живыхъ, веселыхъ мелодій доброй старинки!». И наша Дирекція, желая уго-

дять не только большинству, но и всей массѣ публики, поставила въ нынѣшнемъ году нѣсколько комическихъ оперъ и, наконецъ, неограниченную еще у насъ *Итальянку въ Алжирь*. — Что же вы, господа любители *живыхъ, веселыхъ* мотивовъ, не приходите въ восторгъ? Что же вы не торопитесь, не бѣжите толпами въ театръ, какъ въ блаженные времена Рубини и Вирардо? Чтожъ не восклицаете вы: о gioja! о gioja! о qual gioja. Или вы поняли, что подобныя оперы не удовлетворяютъ уже требованіямъ нашего вкуса? Что послѣ *Отелло*, *Семирамиды*, *Вильгельма Телля*—Россини, послѣ *Нормы* и *Сонамбулы* Беллини, послѣ *Ломбардовъ* и *Двухъ Фоскари*—Верди, послѣ всѣхъ этихъ оперъ, возвысившихъ и очистившихъ нашъ вкусъ, мы неохотно будемъ слушать *живой и веселый* фарсъ, богатый *живыми и веселыми* мотивами, но не говорящей ничего ни душѣ, ни сердцу? Да, теперь *Итальянка въ Алжирь* врядъ ли можетъ имѣть успѣхъ даже въ Италіи, потому-что теперь требуютъ отъ оперы драматическихъ положеній, драматическаго характера въ музыкѣ, а не однѣхъ мелодій, связанныхъ разорванными речитативами. Мы ищемъ въ музыкѣ выраженія страстей человѣческихъ; насъ увлекаютъ не однѣ кавативы, да дуэты, мы требуемъ энергическихъ, страстныхъ речитативовъ, полныхъ силы и огня, какъ на-пр. въ финальномъ дуэтѣ *Отелло* и *Дездемоны*, въ дуэтѣ *Ассура* и *Арзаса*, въ первомъ актѣ, или въ аріи *Ассура* во второмъ. Намъ мало жалобнаго воркованья сопрано и тенора, мало неистовыхъ порывовъ баритона! Мы требуемъ отъ оперы развитія характеровъ, трагическаго элемента, единства въ духъ каждой партіи и разнообразія мотивовъ, не нарушающаго этого единства. И отъ комическихъ оперъ современный вкусъ требуетъ того-же. И въ нихъ мы не удовольствуемся шутовскими *lazzi* буффа, звукоподражательными финалами и тому подобнымъ. Мы ищемъ въ нихъ чего нибудь общечеловѣческаго, чего нибудь родственнаго *Севильскому цирюльнику*, *Сонамбуль*, *Линдл*, а не безцвѣтныхъ паскинадъ, не писка, не лая, не мурлыканья, какими вздумалъ позабавить свою итальянскую публику Россини — въ 1812 году.

По всему этому, *Итальянка въ Алжирь* не имѣла у насъ успѣха; а все-таки большое спасибо нашей Дирекціи за постановку этой оперы; она зажала ротъ *комическимъ* крикунамъ и, отрицательнымъ образомъ, доказала публикѣ, чѣмъ должна быть опера и въ чемъ состоитъ *комизмъ*, въ наше время.

Еще дана была у насъ въ первый разъ *Джемма ди Вер-*

жи (*Gemma di Vergi*) Донизетти, тоже не имѣвшая успѣха, несмотря на прекрасную обстановку и участіе въ этой оперѣ такихъ артистовъ, какъ Борси, Коллини и Гуаско.

Но самыми пріятными, самыми драгоценными новостями нынѣшняго сезона были три старыя оперы: *Беатриче ди Теида*, *Отелло* и *Семирамида*.

Беатриче ди Теида есть одно изъ слабѣйшихъ произведеній Беллини; опера монотонная и потому скучная, но она имѣла успѣхъ, благодаря необыкновенному, въ высшей степени художественному выполнению партіи Беатриче г-жею Фреццоллини. Кто слышалъ ее только въ этой роли, тотъ навсегда сохранитъ сладкое воспоминаніе объ ней и безъ колебанія поставитъ ее въ число первостепенныхъ пѣвицъ. Въ особенности хорошо была выполнена ею финальная арія третьяго акта. Гуаско былъ тоже очень хорошъ въ энергической аріи втораго акта.

Отелло, при нынѣшней обстановкѣ, безспорно составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ оперъ нашего репертуара. Соединеніе въ одной оперѣ такихъ теноровъ, какъ Гуаско и Сальви, такихъ баритоновъ, какъ Коллини и Тамбурини, при участіи г-жи Фреццоллини, есть явленіе, возможное только въ Петербургѣ, гдѣ внимательное правительство нещадитъ ничего для наслажденія публики. Опера, превосходная сама по себѣ, была превосходно исполнена первоклассными артистами, передавшими даже малѣйшіе оттѣнки своихъ ролей. Ограничась однимъ лучшимъ, мы укажемъ только на дуэтъ (Сальви и Коллини) и тріо (Сальви, Тамбурини и Фреццоллини) перваго акта, дуэтъ (Гуаско и Коллини) и тріо (Гуаско, Сальви и Фреццоллини) втораго, на романсъ и молитву Дездемоны (Фреццоллини) и финальный дуэтъ (Гуаско, Фреццоллини) третьяго акта.

Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ читателей отзывы наши покажутся слишкомъ краткими; мы сами сознаемся въ этомъ, но невольно торопимся, увлекаемые созданіемъ высокохудожественнымъ и граціознымъ, ожидающимъ насъ, созданіемъ, говорящимъ огненными, бессмертными звуками о гениальности Россини, котораго со временемъ будутъ называть, по лучшему его произведенію, не иначе, какъ *творцомъ Семирамиды*.

Честь и слава нашей публикѣ! Честь и слава за то, что въ представленія *Семирамиды* театръ былъ почти полонъ, даже 10-го декабря, несмотря на всеокрушающій бенефисъ Лежа-

ра, съ его быстроокими амазонками и глубокомысленными лошадыми. Можетъ быть, превосходная обстановка оперы (*Семирамида*—Борси, *Арзасъ*—Ангри, *Ассуръ*—Тамбурины) привлекла публику, но все-таки честь и слава ей за сочувствіе къ великому произведенію гениальнаго маэстро!

Мы въ Вавилонѣ, во храмѣ Бела. Передъ статуей грознаго Бога, Ороэ, глава маговъ, совершаетъ молитву. Кругомъ его жрецы: храмъ наполненъ народомъ, собравшимся съ приношеніями. Торжественный хоръ прославляетъ могущество Бела, въ звукахъ, полныхъ величія и религіознаго чувства. Среди этой толпы являются Идрено, царь Индійскій, сладостно ласкающій слухъ вашъ словами любви, и Ассуръ, князь крови Беловой, принесшій во храмъ свою гордость и честолюбіе. По окончаніи торжества, народъ начинаетъ пѣть радости и веселія, и вотъ является она, Семирамида, *dei nostri cor bella regina* (*). Хоръ вмѣстѣ съ Ороэ, Ассуромъ и Идрено привѣтствуетъ ее; но гордая и величавая царица смущается, не видя во храмѣ Арзаса, и, терзаемая предчувствіемъ, вопрошаетъ сердце свое:

E perché tremi e palpiti,
Misero cor, così? (**).

Честолюбивый Ассуръ напоминаетъ ей о цѣли празднества: о назначеніи преемника Ницу; но ударъ грома прерываетъ Семирамиду, вѣчный огонь гаснетъ на алтаряхъ, и всѣ, испуганные помраченіемъ лика Бела, поютъ хоръ, полный ужаса и движенія, и оканчивающійся всеобщимъ воплемъ. Храмъ опустѣлъ. Является Арзасъ, призванный изъ войска тайнымъ приказомъ Семирамиды и влекомый собственнымъ сердцемъ. Чудная арія его, (*Ahi quel giorno ognor rammento*), пропѣтая г-жею Ангри съ необыкновеннымъ чувствомъ, полна пѣжной и глубокой страсти. Нѣсколько таинственныхъ словъ, брошенныхъ ему вошедшимъ Ороэ, удивляютъ его; но появленіе Ассура превращаетъ удивленіе въ гнѣвъ и возбуждаетъ въ Арзасѣ благородное чувство гордости. Ассуръ угадываетъ тайную любовь его къ Аземѣ, прежде пламеннаго, страстнаго *L'adogo* (обожаю ее), вылившагося изъ устъ Ангри, въ звукахъ, плущихъ прямо къ сердцу. На пѣжныя слова страсти Ассуръ

(*) Прекрасная царица нашихъ сердецъ.

(**) За чѣмъ такъ трепещешь и бѣднешя, бѣдное сердце?

отвѣчаетъ холоднымъ, почти презрительнымъ «и я люблю Азему.»

«Ты, ты любишь ее? О нѣтъ! Твое сердце незнаетъ любви истинной, любви пламенной и постоянной! Ты любишь только власть! Вотъ цѣль твоей жизни!» восклицаетъ пылкій Арзасъ, окончивая первую половину дуэта нѣжнымъ, задушевнымъ:

Il core d'Azema

E tutto per me.» (*)

Оба грозятъ другъ другу и дуэтъ оканчивается превосходною строфою (*Va, superbo*), пропѣтою г-мъ Тамбурини съ гордою самоувѣренностію знатнаго вельможи, а г-жею Ангри со всѣмъ пыломъ юности.

Мы во дворцѣ Семирамиды. Хоръ женщинъ, веселый и радостный, возвѣщаетъ царицѣ о возвращеніи Арзаса. Страстная нѣснь любви и счастья льется изъ устъ ея, глубоко проникая въ сердце. Этотъ восторженный гимнь (*Bel raggio*), полный очаровательныхъ мотивовъ, былъ пропѣтъ г-жею Борси съ неподдѣльною энергіею.

Но драма идетъ, развивается; судьба не внемлетъ ни нѣснни гордости, ни звукамъ счастья; холодная, равнодушная, она ведетъ все къ своимъ тайнымъ, закрытымъ для насъ цѣлямъ. Вотъ мы въ сердцѣ Вавилона, на площади, наполовненной народомъ, ожидающимъ царицу. Но посреди этого движенія, этой жизни, возвышается памятникъ Нина, какъ вѣчное *mento mori*. Торжественная музыка возвѣщаетъ приближеніе Царицы, предшествуемой сатрапами, магами, Идрено, Ассуромъ и Арзасомъ. При входѣ ея, народъ начинаетъ хоръ, полный гордости и нетерпѣнія. Онъ ждетъ новаго царя и впередъ клянется въ вѣрности. Туже клятву повторяютъ Орозъ, Идрено, Ассуръ и Арзасъ. Этотъ кватуоръ (*Giugoi Numi*), написанный въ строгомъ стилѣ, былъ пропѣтъ превосходно. Семирамида, успокоенная этою клятвою, назначаетъ супругомъ своимъ и царемъ — Арзаса. Громъ и молнія слѣдуютъ за ея словами. Всѣ въ ужасѣ, всѣ въ страхѣ. Духовые инструменты, прерываемые пиччатомъ контрбасовъ, прекрасно выражаютъ всеобщее смятеніе. Общій хоръ, начатый Семирамидою (*Qual mesto gemito*), сопровождаемый ударами грома и сильнымъ *tutti* оркестра, потрясаетъ душу и приготавливаетъ ее къ

(*) Сердце Аземы—все для меня.

чему-то страшному, сверхъ-естественному. Вы боптесь, вы трепещете, вы ждете чуда — и оно совершается. Тѣнь отравленнаго Нина выступаетъ изъ гробницы. Всеобщіе крики изумленія, испуга, ужаса, отчаянія прерываются словами сомнѣнія, вырывающимися изъ устъ взволнованной царицы:

Parla... a punir venisti?..
Venisti a perdonar?... (*)

Грозная тѣнь утверждаетъ выборъ Семирамиды, но требуетъ отъ Арзаса отмщенія и очистительной жертвы своему праху. Общій хоръ: ужасъ, отчаяніе и страшная безнадежность.

Боги! стройность вѣчная природы
Возмутилась въ этотъ грозный день...
Сбросивъ съ смерти мрачные покровы,
Белъ изъ ада въ міръ выводитъ тѣнь.
Души полны страха и смятенья...
Угрожая, адъ открылъ свой зѣвъ...
Мрачный призракъ, страшныя видѣнья,
Возвѣщаютъ бога грозный гнѣвъ.

Второй актъ начинается дуэтомъ Ассура съ Семирамидой, дуэтомъ, составляющимъ цѣлую драму. Какъ прекрасна эта царица, сперва гордая и укоряющая, потомъ приведенная въ ужасъ страшными воспоминаніями, возбуждаемыми неотступнымъ Ассуромъ, трепещущая, кающаяся! Она страдаетъ, она боится за Арзаса, не за себя, и скорбь ея утихаетъ только передъ мыслию, что

Implacabile di Nino
No nè l'ombra, ne il destino! (**)

Надежда возрождаетъ въ ней мужество и снова гордая, снова царица, Семирамида грозитъ казню непреклонному и дерзкому полубогу Ассуру. Величественна она въ это мгновеніе! Съ какою смѣлостію, съ какою увѣренностію въ своемъ могуществѣ, начинаетъ она послѣднюю строфу:

La forza primiera
Ripiglia il mio core. (***)

(*) Скажи, за чѣмъ пришелъ ты: карать или простить?

(**) Не безжалостны—ни тѣнь Нина, ни судьба!

(***) Моё сердце полно прежней силы.

Такъ-же сильно, также мощно развита и партія Ассура, суроваго честолюбца, рѣшающагося на все для достиженія трона. На вопль растерзанной души отвѣчаетъ онъ насмѣшкой, на угрозу—угрозой, пугаетъ разстроенное воображеніе женщины, безстрашно выступаетъ на бой съ людьми и судьбою, и, уходя, бросаетъ дерзкій отвѣтъ на могучія слова царицы. Мощное пѣніе Тамбурины превосходно выражаетъ всѣ оттѣнки этого атлетическаго характера и вполнѣ передаетъ всю энергію его отвѣта:

La sorte piu fiera
 Già sfida il mio core:
 Regina e guerriera,
 Temerti non so. (*)

Дѣйствіе переносится въ святилище храма Белова. Хоръ маговъ, торжественный и грозный, начинается сцену. Орозъ вводитъ Арзаса и, возложивъ на главу его корону, объявляетъ, что онъ Ниній, сынъ Нина. Онъ вручаетъ ему хартію, изъ которой изумленный Арзасъ узнаетъ, что отецъ его отравленъ Ассуромъ и Семирамидою. Ужасный вопль вырывается изъ груди Арзаса; онъ бросается въ объятія старца, и въ тихихъ, нѣжныхъ звукахъ изливаетъ свою печаль. Эта трогательная жалоба юнаго сердца, растерзаннаго зрѣлищемъ незнакомыхъ ему преступленій, эта небольшая, но превосходная арія исполнена была г-жею Ангри съ рѣдкимъ совершенствомъ. — Тихая, но глубокая грусть души была передана ею просто и естественно.

Орозъ, олицетворяющій въ этой раздирающей сценѣ судьбу, вызываетъ юношу изъ самозабвенія и громко вопіетъ о мщеніи. Арзасъ, какъ-бы пробуждаясь, быстро схватываетъ мечъ и даетъ клятву отмстить Ассуру. Но имя Семирамиды, произнесенное непреклоннымъ Магомъ, вырываетъ изъ его сердца жалобный вопль:

Ah! è mia madre....
 Al pianto mio forse il padre
 Perdonarle ancor vorrà. (**)

Почти со слезами, чуть дыша, со страхомъ ожидая отвѣта

(*) Мое сердце уже вызываетъ на бой грозную судьбу: я не знаю болѣе, виновственная царица!

(**) Ахъ! она мать моя! — Ради слезъ моихъ, отецъ мой, можетъ быть, простить ее.

произносить Арзась эту чудную музыкальную фразу. Хоръ маговъ вторично требуетъ отъ него мщенія Ассуру, одному Ассуру, и восторженный юноша жаждетъ мести, призываетъ ее; но въ концѣ, быстрый мотивъ, полный негодованія, переходитъ въ сладкую мелодію, и нѣжно, отраднo выражаетъ Арзась надежду на счастье.

Ai dolci palpiti
Di gioja e amore
Felice il core
Ritornerà. (*)

Арзась бѣжитъ во дворець. Страстная Семирамида призываетъ его въ объятія, но онъ убѣгаетъ ея ласкъ, и наконецъ развертываетъ передъ нею грозную обличительницу — хартію. Бѣдная женщина! Въ человѣкѣ любимомъ — она узнаетъ сына; въ сынѣ — видитъ мстителя! Отчаянная, но полная энергіи, она подходитъ къ Арзасу и твердо, но прерывисто говоритъ:

Ebbene.... a te: ferisci? (**)

Этотъ переходъ отъ речитатива, почти спокойнаго, къ дуэту, начинающемуся страшнымъ, потрясающимъ сердце мотивомъ, приводитъ слушателя въ ужасъ. Вы боитесь за преступницу и, не переводя дыханія, ждете, какъ приговора суди, отвѣта Арзаса. Наконецъ, голосомъ, полнымъ внутренняго волненія, восклицаетъ онъ:

Tutto su me gli Dei
Sfoghino in pria lo sdegno;
Mai barbaro a tal segno
Sarà d'un figlio il cor.

И послѣ грознаго, ужаснаго

In odio al ciel tu sei....

прибавляетъ нѣжно, съ пылкою любовью сына, въ первый разъ вкусившаго сладость этого чувства:

Ma sei mia madre ognor. (***)

(*) Счастливое сердце возвратится къ сладкимъ впечатлѣніямъ радости и любви.

(**) Вотъ... я здѣсь: рази!

(***) Пусть весь гнѣвъ разразится нао мною, по сыновнее сердце не можетъ быть такъ безчеловѣчно: ты ненавидишь богамъ... но мнѣ — ты мнѣ мать!...

Состраданіе сына возбуждаетъ материнскую любовь въ с ердцѣ Семирамиды. Они падаютъ другъ другу въ объятія и радость, минутная гостя на землѣ, чудно отзывается въ ихъ пѣсни:

Giorno d'orrore

E di contento! (*)

Но страшно звучить въ ней *fatalita*, какъ бы угрожая бѣдствіемъ! — Арзасъ вырывается изъ объятій матери, чтобы отомстить предателю и вымолить ей прошеніе у тѣни отца. Чудно прощаніе ихъ! Сынъ полонъ увѣренности, но смутное предчувствіе печалитъ женщину...

Ассуръ жаждетъ смерти Арзаеа, жаждетъ трона. Онъ составилъ обширный заговоръ, но вдругъ узнаетъ, что все измѣняетъ ему: судьба и люди вооружаются противъ него. Заговорщики, испуганные угрозами Ороэ, возбуждающаго народъ противъ Ассура, увѣдомляютъ его о разрушеніи всѣхъ плановъ. Но, непреклонный, онъ одинъ рѣшается умертвить Арзаса и смѣло, съ самоувѣренностію, идетъ въ гробницу Нина. Испуганный призракомъ, невидимымъ для другихъ, онъ смущается: мечъ выпадаетъ изъ рукъ его, онъ бросается впередъ, невидимая рука его удерживаетъ. Въ трепегѣ, произноситъ онъ несвязныя слова... призракъ слѣдитъ за нимъ... онъ стонетъ, дрожитъ, падаетъ на колѣна, и — убійца молить жертву о пощадѣ!

Alla pace dell'ombra ritorna...

Ah! pieta dell'oppresso mio cor! (**)

Чудное *staccato* речитатива и арія, выражающая ужасъ и безуміе, были превосходно переданы г. Тамбурини. —

Тѣнь удаляется, хоръ успокоиваетъ Ассура, и, снова яростный, снова ненетовый, онъ стыдится своего минутнаго страха, съ бѣшенствомъ укоряетъ себя, и надмѣнно хочетъ побороть судьбу. Въ финальной строфѣ (*Que, Nume furenti*) онъ грозитъ богамъ и аду.

Подземелье въ гробницѣ Нина. Мракъ, непроницаемый для глазъ, скрываетъ даже урну съ прахомъ убитаго царя. Здѣсь, у подножія ея совершится очистительная жертва, здѣсь судьба

(*) День ужаса и счастья.

(**) Возвратися въ снѣгъ мертвыхъ... О, сжался надъ моимъ стѣсненнымъ сердцемъ!

выскажетъ послѣднее слово свое. Вотъ сходятся, не видя другъ друга, Семипрамида, Арзасъ и Ассуръ. Страхъ невольный, страхъ, возбуждаемый жилищемъ смерти, овладѣваетъ имъ. Небольшое, но энергическое трио (*L'usato ardir*) отчетливо передаетъ это чувство.—Арзасъ, съ мечемъ въ рукахъ, ищетъ Ассура, но въ темнотѣ поражаетъ виновную мать. Ороэ и Маги вбѣгаютъ съ факелами, схватываютъ Ассурэ, и несчастный сынъ поздно узнаетъ свою ошибку. Онъ бросается на мечъ свой, но Ороэ удерживаетъ его, и хоръ, во имя боговъ, во имя народа, умоляетъ его жить.

Эта превосходная драма, въ которой такъ много Шекспировскаго начала, не вполне еще и не всею оцѣненная въ музыкальномъ отношеніи, но проникнутая глубокимъ лирическимъ вдохновеніемъ, выраженнымъ съ геніальностію, не только спѣта, но и разыграна на нашей сценѣ съ мастерствомъ неподражаемымъ. Г-жа Джули-Борси, съ свойственнымъ ей драматическимъ тактомъ, передала малѣйшіе оттѣнки труднаго и высоко трагическаго характера Семипрамиды, пѣніе ея полно и сильно, движенія выразительны и царственны, мѣста увлеченія въ высшей степени эффектны. У г-жи Ангри—вся партія *chef-d'oeuvre!* Сколько души, силы, вѣги и страсти въ ея игрѣ и пѣніи! Здѣсь только, въ роли Ассура, мы имѣли возможность вполне оцѣнить прекраснѣйшій талантъ этой пѣвицы, талантъ тѣмъ болѣе уважительный, что онъ явно добытъ съ бою, трудами неимоверными, усиліями, дѣлающими честь артисту, который изъ небольшихъ даровъ природы, умѣлъ создать дивное совершенство! Но истинно великъ, неподражаемъ и никѣмъ незамѣнимъ въ Ассурѣ — г. Тамбурини! Высокій трагикъ и великій пѣвецъ вмѣстѣ, онъ владѣетъ вашей душою по своему произволу и умѣетъ запечатлѣть въ ней именно то чувство, которое требуетъ положеніе и ходъ драмы. Мы слышали въ прошломъ годѣ на Парижской сценѣ, въ той-же роли г. Коллетти. Богъ мой! какая разница, какое разстояніе! Парижане плакали едва не кровавыми слезами, вспоминая Тамбурини, и въ отмщеніе Россіи, похитившей у нихъ этотъ огромный перлъ изъ музыкальнаго вѣнца ихъ Оперы, съ досады — пустились выхвалять своего новаго дебютанта.

Намъ становится страшно при одной мысли, что эта превосходная оперная труппа, собранная и составленная съ такимъ трудомъ, съ такими стараніями и издержками, можетъ быть,

на будущіе годы прекратитъ свои представленія. Чѣмъ вознаградить себя тогда нашъ неблагодарный, музыкальный Петербургъ за потерю этого прекраснаго, эстетическаго наслажденія, которымъ теперь не умѣетъ дорожить? И на кого тогда онъ обрушитъ свои упреки, этотъ роскошный, расточительный Петербургъ, который и на нравственныя свои наслажденія смотритъ такъ-же, какъ на физическія принадлежности жизни, какъ на модное платье, модную мебель, модныя экипажи, такъ усердно мѣняемые имъ съ каждымъ годомъ. Но онъ забываетъ, что великимъ талантамъ нѣтъ замѣны, они единичны, и утративъ ихъ разъ — возврата быть не можетъ, потому-что духовныя наслажденія вѣчны и моды не знаютъ.

Смотря на это равнодушіе публики, невольно вспоминаешь слова Ла-Брюйера: «Je ne sais comment, avec une musique si parfaite, et une dépense toute royale, l'Opera a pu réussir à m'ennuyer.

СИГНАЛЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

Привѣтствую тебя, новый тысяча восемьсотъ сорокъ восьмій годъ, трижды привѣтствую тебя!

Въ первый разъ привѣтствую, потому-что ты *Новый*; а мы, смертные, со всѣмъ новымъ почему-то связываемъ понятіе о *лучшемъ*, и всякой, даже счастливѣйшій изъ насъ, — человекъ, который ничего не пишетъ и не читаетъ — ждетъ отъ Новаго года чего-то лучшаго, чего-то отраднѣйшаго, чѣмъ отрадное, достойное зависти настоящее.

Вторично привѣтствую тебя, потому-что ты *высокосный* и даешь намъ лишній день для труда и отдыха, для заботы о будущемъ и сожалѣнія о прошедшемъ, для печали и радости, для несчастій и наслажденія. Лишній день! Знаешь ли ты новорожденный младенецъ, что значитъ лишній день въ цѣлой жизни, не только въ одномъ году? Это еще двадцать четыре часа для лѣни или для дѣятельности; это — мгновеніе для празднаго, вѣчность — для человекъ, обращающаго минуты въ столѣтія. Еслибы Александръ Македонскій прожилъ не день лишній, не часъ, а только минуту; еслибы онъ успѣлъ выго-

ворить имя своего наследника, кто знаетъ, какой видъ имѣлъ бы сынъ весь міръ? — Какъ же человѣку не дорожить лишнимъ днемъ въ году, когда одно мгновеніе такъ важно въ исторіи человѣчества!

Въ третій разъ привѣтствую тебя, Новый годъ, сынъ грустнаго прошедшаго и отецъ очаровательнаго будущаго! Въ третій разъ привѣтствую тебя, потому—что, каковъ бы ты ни былъ, что бы ты ни готовилъ намъ, что бы ни высыпалъ изъ огромнаго рога изобилія, который держишь подъ мышкою, что бы ни принесъ ты намъ, великое или смѣшное, сладостное или горькое, умное или глупое, все таки мы сдѣлаемся лучше, все таки мы ступимъ шагъ впередъ, повинувась общему закону совершенствованія. Изъ худаго и изъ хорошаго, изъ гениальнаго и изъ нелѣпаго, изъ всего — человѣчество извлекаетъ урокъ и пользу, и, ничѣмъ не удержимое, медленно, но вѣрно подвигается къ своей цѣли. Старое поколѣніе вытѣсняется новымъ, но старое не рошци, ты же, новое, не кичись! Не рошци старое, потому что ты отжило свой вѣкъ, ты совершило свой трудъ, — и теперь идешь на покой, оставляя тяжкую работу новымъ труженикамъ! Не кичись юное, потому что лишнею истинною, лишнею лептою знанія, предоставленными тебѣ, ты обязано своимъ предшественникамъ, приготовившимъ твой путь! — И отчего эта вѣчная вражда стараго поколѣнія съ новымъ? Отчего не сказать старикамъ благодарственное *спасибо*? Отчего не подать руку молодежи съ дружескимъ *Богъ помощь*? Отчего старость неохотно покоряется общему закону природы и, какъ бы завидуя юности, говоритъ съ худо скрытой пронию :

Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ — прошлогдній цѣтъ:
Живыхъ намъ чудны впечатлѣнья,
А нашимъ — въ нихъ отзыва нѣтъ.

Они, что любимъ — разлюбили,
Страстямъ ихъ — насъ не волновать!
Ихъ не было — тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ — намъ ужъ не бывать!

Нашъ міръ — имъ храмъ опустошеный,
Имъ баснословье — наша быль,
И то, что пепелъ намъ священнй —
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Не благороднѣ ли, не человѣчнѣ ли встрѣтить своихъ пресмниковъ въ трудахъ — не завистью, а дружелюбнымъ яривѣтомъ, и въ надеждѣ на вѣчное совершенствованіе чело-вѣчества, сказать имъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ:

Здравствуй, племя!

Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую голову ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго!

Но не дошли еще люди до такого возвышеннаго самоотрѣченія и многіе, встрѣчая Новый годъ, таятъ въ душѣ горькую мысль: «не въ одинъ ли изъ твоихъ дней займетъ мое мѣсто на нивѣ жизни дерзкій юноша, мечтающій совершить болѣе, чѣмъ мнѣ удалось?» И грустно тогда разставаніе съ старымъ годомъ, годомъ силы и дѣятельности, можетъ быть, послѣднимъ!

Но взглянемъ на послѣдніе плоды, которыми подарила насъ литературная дѣятельность истекшаго года!

Отецъ Іакинѣ издалъ новое, весьма интересное произведе-ніе о «*Китай, въ его гражданскомъ и нравственномъ состояніи.*» Неподлежащая сомнѣнію ученость автора, его короткое знакомство съ жизнью и литературою китайцевъ, дѣлаютъ эту книгу драгоценною для каждаго образованнаго чело-вѣка. Несмотря на сосѣдство съ Китаемъ, мы такъ мало знаемъ эту любопытную страну, что должны дорого цѣнить всякій добросовѣстный трудъ, знакомящій насъ съ поднебеснымъ царствомъ. Почтенный отецъ Іакинѣ давно извѣстенъ публикѣ, какъ единственный вѣрный источникъ свѣдѣній нашихъ о Китаѣ, обратившемъ на себя, вслѣдствіе недавнихъ политическихъ событій, ученое вниманіе всей Европы, и достойнымъ изученія по самостоятельности своего духовнаго и гражданственнаго развитія, во многомъ несходнаго съ европейскими понятіями.

Въ Москвѣ вышли занимательныя «*Записки А. М. Грибовскаго о Екатеринѣ Великой.*» Пріятный подарокъ людямъ, занимающимся отечественною исторіею, и даже всѣмъ любителямъ мемуаровъ. Тутъ много новаго и любопытнаго.

Г. Морницъ Эманъ издалъ «*Главные черты Калевалы*», извѣстной финской народной поэмы. Книга интересная въ высшей степени! Остатки древней поэзіи финновъ обратили на себя съ нѣкотораго времени вниманіе многихъ Скандинавскихъ литерату-

ровъ, какъ оригинальностью формы, такъ и содержаніемъ своимъ. *Калевала* есть рапсодическое твореніе, составленное изъ народныхъ пѣсень, разныхъ эпохъ, заключающихъ въ себѣ всю мнѳологію и исторію финскаго народа. Это изустная дѣтопись, сохранявшаяся въ народѣ и къ-то связанная вмѣстѣ хронологически. Жаль, что преувеличенныя похвалы г. Эмана, ставящаго неизвѣстныхъ составителей *Калевалы* чуть ли не выше Гомера, много вредятъ его книгѣ въ мнѣніи образованныхъ читателей, и это тѣмъ болѣе прискорбно, что она сама-по-себѣ очень любопытна.

Въ Одессѣ вышли «*Путевыя записки Т. Ч.*» Это описаніе впечатлѣній и событій самаго любопытнаго изъ всѣхъ путешествій, путешествія *по жизни*. Оно читается легко и съ удовольствіемъ. Смѣло рекомендуемъ эту книжку всѣмъ любителямъ пріятнаго и легкаго чтенія.

А. Ф. Смирдинъ напечаталъ второе изданіе «*Сочиненій фонъ Визина.*»—Желаемъ ему успѣха!—У насъ не было еще ни одного столь дѣятельнаго и полезнаго литературѣ книгопродавца—издателя, какъ Смирдинъ. Одно изданіе *Русскихъ классиковъ*, предпринятое имъ, навсегда сохранить его имя въ исторіи литературной дѣятельности нашего времени. Мы не шутимъ! Мы ожидаемъ важныхъ и полезныхъ результатовъ отъ дешеваго и изящнаго собранія русскихъ писателей стараго времени; ознакомившись короче съ ними, наша публика, изучивъ прошедшее, лучше пойметъ современное состояніе литературы, лучше оцѣнитъ труды современныхъ дѣятелей, и увидитъ, можетъ быть, перемену въ направленіи и идеяхъ довольно утѣшительную.

Гг. Юнгмейстеръ и Веймаръ выпустили въ свѣтъ новое изданіе «*Басенъ Крылова*»; съ біографіею, написанною г. Плетневымъ. Это красивое изданіе, съ 25-ю недурными картинками, отпечатанными въ два тона и порядочно раскрашенными, въ хорошенькомъ переплетѣ, продается по 2. р. сер. Дешево и мило!

Наконецъ, мы будемъ имѣть собраніе «*Повѣстей Е. П. Гребенки*» разбросанныхъ до сихъ поръ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ. Этотъ даровитый писатель, заслужившій своими занимательными произведеніями, полными простодушія и юмора, любовь публики, явится, наконецъ, въ полномъ свѣтѣ. Наблюдательность и вѣрность природѣ составляютъ главное достоинство его рассказовъ, проникнутыхъ неподдѣльнымъ комизмомъ и сердечною теплотою. — Въ двухъ вышедшихъ вышѣ

то микахъ напечатаны: *Искатель мѣста*;—*Вѣрное лѣкарство*;—*Какъ иногда люди женятся*; — *Иванъ Ивановичъ*; — *Горевъ, Николай Федоровичъ*.

Мы не исполнили-бы своей обязанности передъ читателями, если бъ не упомянули о «*Справочномъ Энциклопедическомъ Словарь*,» издаваемомъ г. Краемъ. Это полезное предпріятіе, требующее большаго капитала и непомѣрныхъ успій, разумѣется, не могло избѣжать ошибокъ и недосмотровъ; но гдѣ же ихъ нѣтъ? — Тѣмъ легче могли они вкратчѣ въ столь обширное и многосложное изданіе, впрочемъ, не теряющее отъ нихъ своего достоинства. Теперь вышло шесть томовъ и мы отъ души желаемъ окончанія этого труда, потому что, какъ бы онъ ни былъ недостаточенъ, онъ все таки принесетъ большую пользу, какъ единственное оконченное сочиненіе въ этомъ родѣ, необходимое для каждаго свѣтскаго человѣка. Мы въ послѣдствіи поговоримъ объ этой книгѣ подробнѣе.

Въ Кіевѣ, просвѣщеннымъ стараніемъ г. гражданскаго губернатора И. И. Фундуклея, издана книга, въ высшей степени любопытная, и замѣчательная, сверхъ того, какъ явленіе истинно-художественное: это «*Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ*.» Она заключаетъ въ себѣ археологическія розысканія о древнихъ храмахъ знаменитой столицы Ольги и Владиміра Святаго, много новыхъ указаній, и украшена 62 — прекрасными литографіями, въ четвертую долю листа. Для всѣхъ любителей отечественной исторіи, родной святыни, это такой дорогой подарокъ, за который нельзя достаточно возблагодарить почтеннаго и ученаго издателя, который употребляетъ средства, доставляемыя ему служебнымъ положеніемъ и свое состояніе на такія благородныя цѣли. (*)

Вотъ все, что далъ намъ истекшій годъ, на разставаньи, новый пока высыпалъ изъ своего рога изобилія одиѣ первыя книжки журналовъ, и если судить по ихъ тучности, онъ обѣщаетъ быть очень плодороднымъ въ литературномъ отношеніи.

(*) Всѣ исчисленныя нами книги можно получать въ книжномъ магазинѣ Раткова и Коми. На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Голландской церкви.

СИГНАЛЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Жизнь въ Петербургъ!—Какія магическія, употельныя слова для провинціала! — Какія тяжкія, потрясающія слова для Петербуржца! — Для одного они звучатъ пѣснями рая, блестятъ заманчивостью свѣтлаго дня, окружены волшебствомъ тысячи одной ночи; для другаго это зловещее *манн-факель-фарестъ*, разрушающее мечту, и вѣгу, и наслажденіе — своєю жгучею дѣйствительностію! — Вотъ какъ страненъ человекъ, какъ непостижимы его желанія и непостоянство. Тогда, какъ для завязкаго этотъ роскошный Петербургъ какое-то волшебное Эльдорало, новый Вавилонъ съ его чудесами и великолѣпіемъ, зрѣлищами и увеселеніями, кичливымъ богатствомъ и шумными торжищами, съ его азіатской пышностью и европейскимъ утонченіемъ, въ которомъ, какъ въ колодѣ картъ, *тузы* и *козыри* перемѣшаны съ покорными *холопами* и бѣжавыми *дамами*; тогда какъ онъ для него [какая-то пестрая ярмарка, гдѣ можно купить все наслажденія жизни — на вѣсъ золота; онъ для присяжнаго Петербуржца ничто иное, какъ обширный домъ трудолюбія, золотая клетка, изъ которой ему хочется вырваться, во къ которой бѣдный труженикъ прикованъ золотою цѣпью корысти, привязавъ мишурной ниткой честолюбія, къ которой приросъ душою и тѣломъ, какъ улитка къ раковинѣ, таскающая ее на себѣ, не смотря на тяжесть. Въ Петербургъ провинціалъ находитъ замѣну своей свѣжей, безыскусственной, душистой природѣ, въ вымыслахъ и усовершенствованіяхъ просвѣщенія, въ ухищреніяхъ промышленности, въ комфортѣ жизни, въ безсмынной вереницѣ увеселеній, обладающихъ все существо его какимъ-то сладкимъ опьяненіемъ. Пробыть день въ Петербургъ, для него то же, что вдохнуть порцію хлороформа, — сладкій сонъ, съ живыми и потрясающими видѣніями, отъ котораго просыпаешься безъ боли и — безъ денегъ! Петербургскій житель ни въ чемъ не находитъ вознагражденія за недостатокъ природы въ Петербургъ. Этотъ раскаленный слой пыли, съ примѣсью болотистыхъ испареній, который мы условились называть *лытомъ*, этотъ комъ вѣтра, перемѣшаннаго съ мелкимъ дождемъ, и туманомъ, имеваемый въ нашихъ календаряхъ *осенью*; наконецъ, пережевка морозовъ съ оттепелю, съ на

возомъ, вмѣсто снѣгу, и горячками, вмѣсто воздуха — извѣстная подъ именемъ *зимы*, отнюдь не имѣютъ свойства быть утѣшительными спутниками жизни. Весна — же — мечта, которую онъ себѣ создаетъ по разсказамъ людей бывалыхъ, перевъзжавшихъ за предѣлы Новгородской губерніи, мечта въ родъ той, которая создала очаровательные сады Армины, или прелестныя стихійныя божества у дѣвственныхъ народовъ. Согласитесь, что за все это — бѣднаго петербургскаго трутня не утѣшатъ ни крутыя лѣстницы, ведущія въ верхнія его этажи (потому-что — жить низко у насъ могутъ только люди, которые забрались высоко), ни мутная и пахучая вода, которую онъ пьетъ изъ каналовъ; ни шарманки и савояры, которые разбиваютъ ему голову съ утра до ночи; ни холодный вѣтеръ, который свищетъ на него ревматизмомъ и флюсами, сквозь каждое окно; ни дрожки, на которыхъ ему выколачиваютъ душу для удобства; ни поклонны, которые онъ долженъ отвѣшивать, съ полнымъ самоотверженіемъ спины; ни, наконецъ, образцовая чистоплотность Петербурга, которая каждый воскресный день мажетъ столбикъ дегтемъ, замки кирпичемъ, и каждое лѣто красить двери, для истребленія платья и церемонныхъ перчатокъ несчастнаго смертнаго! Ему Петербургъ — громада камня и больше ничего! Онъ не видитъ, слышитъ, всего новаго и прекраснаго, развивающагося около него каждый день; онъ не цѣнитъ, холодный эгоистъ, успѣховъ нашего просвѣщенія, газоваго освѣщенія, прогресса промышленности, такъ ярко и выпукло выступающаго на вывѣскахъ и въ фельетонахъ газетъ; усовершенствованій общественной жизни, которая освоилась даже съ общественными каретами, которая, кромѣ слоеныхъ пирожковъ, истребляетъ каждый день въ кондитерскихъ и порцію журнальныхъ статей; которая завела клубы для обѣдовъ и танцевъ, омнибусы — для дачъ, и заводитъ пароходы для каналовъ и рѣкъ! Онъ ко всему этому равнодушенъ, заткнулъ носъ въ свой мѣховой халатъ и высиживаетъ свои планы, повышенія, капиталы, почести и геморой!

А почтенный провинціалъ, котораго, въ тарантасѣ или почтовой каретѣ, судьба закинула въ нашу Пальмиру... То-ли дѣло! Онъ чувствуетъ вашу дѣятельность, преклоняется передъ нашими успѣхами, глотаетъ жизнь обильными приѣмами, то подъ видомъ жаркой сцены на Александринскомъ театрѣ, то подъ вилломъ мороженаго у Вольфа, то въ давкъ патавутаго маскарада, то въ мертвомъ уединеніи музеевъ, галлерей и би-

бліотекъ ; то въ праздничной толпѣ Невскаго проспекта , то въ дымящихъ облакахъ преферансовой бесѣды ! Онъ знаетъ всю цѣну затѣйливаго Петербурга, выписывающаго лакомства со всѣхъ странъ свѣта и рассылающаго свою литературу во всѣ закоулки Россіи ! Онъ знаетъ, что родясь на свѣтъ въ зрѣломъ возрастѣ, онъ можетъ совершить свое преобразование въ приличнаго члена общества, пройдя только по Невскому, отъ Адмиралтейской площади до Анничкина моста : его снаряжать молодцомъ съ головы до пятокъ, хоть сейчасъ выходи на картинку парижскихъ модъ ! отъ тонкой батистовой сорочки, до пушистой собольей шубы, отъ того.... какъ это.... Ассисалова, до шляпы Циммермана, отъ французскихъ перчатокъ, до нѣмецкихъ сабоговъ. Онъ знаетъ, что разстроивъ желудокъ разстегавши Излера, онъ поправитъ его въ пятидесяти шагахъ отличнымъ венгерскимъ Англійскаго магазина; что испортивъ зубы въ любой кондитерской, онъ найдетъ возлѣ нея, справа — одного Вагенгейма, который ихъ выдернетъ; слева — другаго Вагенгейма, который ихъ снова вставитъ; что съѣвъ на извозчика, онъ не только не промочитъ шубы, прикрываемой полостью, но не повредитъ и полости, въ свой чередъ, прикрытой простынею; что, купивъ себѣ резиновые галоши, онъ смѣло можетъ скидывать ихъ бѣлыми перчатками, потому что — послѣ тѣми же галошами ихъ вычиститъ ! О, Петербургъ аккуратенъ, какъ нѣмецъ ! Онъ знаетъ, наконецъ, цѣну веселаго, общественнаго, клубнаго обѣда, гдѣ разговоръ заглушается громомъ военной музыки и гдѣ за право поѣсть и попить на свой счетъ, надо платить еще за входъ; знаетъ прелесть лѣтнихъ концертовъ, полъ открытымъ небомъ, гдѣ люди плотно усажены на узкихъ и жесткихъ скамейкахъ, въ тѣсномъ полусадикѣ, съ срубленными на половину деревьями, и наслаждаясь пріятною сыростью, съ восторгомъ слушаютъ скрипичную музыку, которой вовсе не слышать !

Почтенные люди, эти заветные жильцы нашей столицы, эти отдаленные наблюдатели, которые на все смотрятъ сквозь радужную призму услужливыхъ газетъ живоображенія, которые не ловятъ нашего солнца за тоненькіе лучи, просовываемые имъ изърядка сквозь вату нашего сизаго неба, не зѣваютъ среди крупнаго смѣха въ нашихъ театрахъ, не задыхаются глухой атмосферой нашихъ баловъ и не прокапчиваются Жуковымъ за длинными столами лото ! Мы ихъ уважаемъ за ихъ любознательность, за ихъ частіе ко всему новому, за ихъ теплую вѣру въ совершенство и

успѣхъ! Имъ-то, этимъ избранныкамъ сульбы, и намърены мы подавать сигналы нашей общественной жизни!

На первый случай скажемъ, что новый годъ не принесъ намъ ничего чрезвычайнаго, небывалаго, кромъ, однакожъ, «Литературнаго и музыкальнаго книсека» (альманаха) — графа Сюзора. Книсекъ этотъ, красивая святочная игрушка, мленькая бонбоньерка съ сладкими мадригалами, съ изящными романами, сантиментальными балладами, съ столь же игривою и приятною музыкою и съ очень затѣйливыми, ловко придуманными, виньетками, заглавными листами и проч. Сусальное золото, пестрые краски, смѣсь музыки, смѣсь стиховъ и прозы — все играетъ здѣсь роль: всему отведено свое мѣстечко! — Подарокъ хоть куда, какому угодно прекрасному полу! Кажется, самый ловкій петиметръ въка Людовика XV не придумалъ бы ничего лучшаго — *roug plaige aux dames!* Г. Сюзоръ, извѣстный тѣмъ, что читалъ здѣсь публичныя лекціи о разныхъ предметахъ французской литературы, которыя усердно слушали всѣхъ, кто не читалъ этихъ лекцій въ новѣйшихъ журналахъ и книгахъ Франціи, является теперь какъ стихотворецъ въ своемъ Альманахѣ, какъ истинный трубадуръ, который поетъ не иначе, какъ съ акомпаньманомъ форте-пьяно! Всѣ, кто только слышалъ лекціи г. Сюзора, хвалятъ его умѣнье говорить, всѣ, кто не видалъ его Альманаха, хвалятъ его мастерство пѣть. Лучшая пѣса въ этомъ красивомъ изданіи: *Un seul regard* — романсъ, положенный на музыку Вьетаномъ. *Une jeune fille* — плодъ его свѣрной наблюдательности, *Douchinka* — плодъ его южной страсти, среди свѣрныхъ морозовъ! Владчиками въ этотъ Альманахъ были музыканты: Гунгль, Дерфельдъ, Перо-Алексисъ, Кюзанъ, Кажвинскій, Дядовъ; поэтъ только одинъ — самъ издатель. И все это вмѣстѣ, и проза и стихи, и поэзія и картинки, и музыка и польки, перемѣшанное и переплетенное въ папку — стоитъ только 5 р. сер. Просто ни-по-чѣмъ! запасайтесь, запасайтесь, почтенный читатель, это одинъ изъ поларковъ истинно Петербургскихъ! Вы найдете его въ конторѣ *Музыкальной Россіи*. — Какъ? что? Россія музыкальна? — А какъ бы вы думали! Что Петербургъ *музыкальный* городъ, это уже дѣло рѣшеное, и притомъ рѣшеное не нами; онъ лѣтомъ, несчадыя реберъ протѣсывался слушать Гиль-мана, онъ безъ ума отъ г-жи Фрецолини, онъ обѣдаетъ не иначе, какъ подъ литавры и тромбоны, онъ восхищается пѣвіемъ г-жи Самойловой, этой *Viardo - Гарціи* Александровскаго театра, онъ насвистываетъ всѣ галлопы и кадрили Кюзана, написанныя

для лошадей въ польки Кажинскаго, арабскую включительно.... Нѣтъ сомнѣнiя: Петербургъ музыкаленъ до чрезвычайности! Но и Россiя музыкальна тоже.... Повѣрьте! — Да и какъ ей не быть музыкальной, когда Петербургъ вздаетъ для нея шесть музыкальныхъ журналовъ, съ текстами и безъ оныхъ, и при нихъ разсылаетъ цѣлыя пачки нотъ, что я — цѣлыя груды, цѣлые возы, цѣлые магазины нотъ! Мы нешутимъ — не смѣйтесь! Мы говоримъ со всей важностiю, которой достоинъ такой серьезной предметъ. Но изъ всѣхъ этихъ музыкальныхъ просвѣтителей Россiи мы укажемъ только на два: на «*Нувеллиста*» г. Бернара, изданiе умное, солидное, добросовѣстное, составляемое съ толкомъ и знанiемъ дѣла, приносящее *Русское Литературное прибавленiе*, и стоящее въ годъ 10 р. сер. и на «*Музыкальную Россiю*» — съ французскимъ литературнымъ текстомъ! Не удивляйтесь! Вы вѣрно знаете, что Россiя по преимуществу любитъ выражаться по французски... дѣло въ томъ, какъ она выражается. *Музыкальная Россiя* въ годъ даетъ вамъ (и вѣроятно пересылаетъ съ десятидвевымъ транспортомъ) 816 столбцовъ тексту, 88 музыкальныхъ пьесъ, 14 романсовъ, 6 портретовъ, 5 альбомовъ: *Сокровище пѣлистовъ*, *Золотой вѣкъ*, *Петербургскiя вечеринки*, *Московскiе праздники*, *Сѣверныя бабочки*.... и представьте, что все это вмѣстѣ, и сокровища и золотой вѣкъ съ бабочками, праздниками и вечеринками — *ничего не стоитъ!* — Да! *Музыкальная Россiя* даетъ вамъ все это даромъ; что я говорю, она вамъ еще приплачиваетъ, чтобы вы только взяли! За то, что вы подписались и внесли 12 руб. сереб., что рѣшились перечитать все эти столбцы, разыграть все пьесы, пропѣть все ея романсы, перелистать все альбомы, пуститься и въ Петербургскiя вечеринки и въ Московскiе праздники, — она посылаетъ вамъ каталогъ 1200 пьесъ и предоставляетъ право выбрать себѣ изъ нихъ *безвозмездно* музыки на 30 руб. сер. Ну какъ, скажите, послѣ этого не слѣзаться музыкантомъ, заклятымъ меломаномъ, не сойти съ ума отъ музыки, не попасть въ *квартетъ* г. Акселя? Это Данавдинъ дождь музыки, это цѣлый музыкальный потопъ! Издатель этого журнала, г. Перо-Алексисъ, самъ композиторъ, и поэтъ, и художникъ, и все что вамъ угодно. Честь ему и слава!

Но пойдемте лучше въ маскарадъ! Вы любите маскарады? Вотъ вамъ прекрасный былъ случай отличиться, и слѣзаться добро и повеселиться, выиграть цѣнную вещь и потанцовать — въ пользу человечества. *Общество посѣщенiя бѣдныхъ* вѣжливо давало блистательный Маскарадъ-Аллегри въ залѣ Дворянскаго Собранiя.

Стеченіе благотворителей было такъ велико, что болѣе 500 человекъ принуждены были возвратиться назадъ, за недостаткомъ билетовъ. Шестъ колесъ аллегрѣ высыпали судьбу нѣсколькихъ сотенъ выигрышей, изъ которыхъ многіе превышали цѣнность 1000 руб. сер. Между выигрышами были билеты почти на все періодическія Петербургскія изданія, а такъ-же и нѣсколько ужिनновъ на 5 персонъ. У колесъ Аллегрѣ публика съ удовольствіемъ видѣла лучшихъ нашихъ литераторовъ, которые, какъ ревноватѣйшіе члены Общества приняли на себя и труднѣйшую должность. Маскерадъ былъ блистательный, онъ принесъ удовольствіе нѣсколькимъ тысячамъ счастливыхъ людей и принесетъ утѣшеніе нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ несчастныхъ! Благородная, возвышенная цѣль Общества вполне достигается.

Если въ Петербургскомъ сердцѣ есть еще уголокъ для доброго чувства, то въ озабоченныхъ Петербургскихъ головахъ есть также складочка и для ученой любознательности, это доказывается *Восковымъ Анатолическимъ Кабинетомъ* и *Микроскопическою Камерою*—г. Кулиша, которые, кажется, осѣлымъ образомъ основались въ Петербургъ и постоянно имѣютъ посѣтителей. Объ аноміи поговоримъ другой разъ: неприлично напоминать человѣку, что онъ ничто иное, какъ брѣнная, ничтожная механика, движущаяся только по несповѣдимымъ законамъ Промысла, когда онъ самъ почитаетъ себя центромъ вселенной и царемъ видимаго міра; неприлично, особенно, напоминать ему объ этомъ въ началѣ новаго года, когда въ душѣ и головѣ его кипятъ великіе замыслы, широкія предначертанія — которыя, увы! лопаются мыльными пузырями, какъ лопаются и все земное. Уберемъ-же отъ него это *memento mori!* Вотъ Кулишъ — это дѣло другое! Этотъ показываетъ жизнь въ самыхъ мельчайшихъ, самыхъ неоскорбительныхъ, въ самыхъ недосягаемыхъ ея проявленіяхъ; онъ открываетъ міры незримые, обнаруживаетъ неподозрѣваемыя существованія, со всей ихъ суетой, радостями и бѣдствіями! Вотъ *капля воды* — цѣлая отдѣльная планета, населенная тысячами маленькихъ животныхъ, которые рождаются, заботятся о жизни, имѣютъ свои страсти, и умираютъ какъ и мы грѣшныя! Все ихъ существованіе длится нѣсколько секундъ, а посмотрите сколько наслаждаются, натерпятся они въ этотъ краткій срокъ жизни! Вся біографія ихъ передъ вашими глазами: — урокъ поучительный для того, кто захочетъ поглубже вникнуть въ свое сердце. Опыты Кулиша въ высшей степени любопытны и назидательны. Советуемъ всемъ

ими воспользоваться. Но для довольныхъ собою, не желающихъ ничего сознать въ природѣ, кромѣ своего Я, которые свою личность ставятъ выше всѣхъ интересовъ постороннихъ, мы укажемъ на другое учрежденіе, вполне удовлетворительное для ихъ самолюбія. Это *Дагеротипный кабинетъ* г. Даугендея, въ Большой Конюшенной, въ домѣ Кошанскаго. Этотъ артистъ усовершенствовалъ новооткрытій способъ дагеротипіи *на бумагу* и снимаетъ портреты, дѣйствительно похожіе болѣе на отличную литографію, чѣмъ на дагеротипъ. Выгоды этого способа рисовки солнцемъ на бумагѣ чрезвычайно велики; во-первыхъ, портретъ не отсвѣчиваетъ, какъ посеребренные и выполированные металлическія дощечки; во-вторыхъ, все выходитъ въ правильныхъ размѣрахъ и съ опредѣлительною ясностію, тогда — какъ при обыкновенномъ способѣ все блѣлое и блестящее пропадало; въ третьихъ — такой портретъ можно имѣть хоть въ сотни экземпляровъ, потому-что съ перваго снимка можно ихъ снимать сколько угодно; въ четвертыхъ, краска не исчезаетъ съ бумаги, даже при усиліяхъ стереть ее ризинкою, и по ней портретъ можно раскрашивать колерами, и тогда онъ дѣлается прекрасною акварелью; въ пятыхъ, такой портретъ можно запечатать въ письмо и вы вправѣ отослать его роднымъ или милой сердцу, или дальнему другу, или, наконецъ.... но какое мнѣ дѣло допытываться кому вы его отошлете! главное, вы передаете свой ликъ позднѣйшему потомству — что и требовалось доказать!

Но вотъ гремитъ музыка, блещутъ великолѣпныя залы, играютъ тысячи огней въ венеціанскихъ зеркалахъ пышныхъ гостиныхъ, порхаютъ легкія пары въ полькъ-мазуркѣ, снуютъ рѣзвыя маски, говоръ и радость раздаются повсюду — гдѣ мы? Мы опять *благодворимъ*: мы въ маскарадъ *Благороднаго Собранія*, этаго полезнаго общества, которое даетъ пріятный отдыхъ озабоченнымъ лицамъ Петербургской бюрократіи, отвлекаетъ юность отъ пылкихъ порывовъ одинокой жизни, доставляя имъ возможность быть въ обществѣ, танцовать, читать журналы; сближаетъ и нерѣдко связываетъ узами родства семейства, даетъ возможность веселиться безъ излишнихъ издержекъ, безъ претензій на разорительную роскошь! Въ великолѣпномъ дворцѣ этого Собранія всегда тѣснота, всегда искренняя веселость и умѣренность во всемъ! Вотъ за что мы его любимъ. У самаго входа встрѣчаетъ васъ уже добродушно-полное, улыбающееся лицо швейцара, которое невольно располагаетъ къ удовольствію. Порядокъ и непринужденность внутри довершаютъ остальное.

Но этотъ швейцаръ, Мартынъ Ивановъ сынъ Марковский, кроме того, имѣеть другое достоинство: онъ поэтъ и философъ. Въ каждый новый годъ онъ поздравляетъ васъ стихотвореніемъ, полнымъ тонкой наблюдательности; вногла юмора, полъ-часъ и глубокомыслія. Въ прошломъ году онъ такъ выражалъ свои наблюденія:

Двадцать лѣтъ уже я маюся
 Въ клубахъ разныхъ у дверей,
 Но по совѣсти признаюся:
 Нашъ всѣхъ лучше и важнѣй.
 Помню я *Американскаго*
 Разночинный обиходъ,
 Тамъ не вѣдали шампанскаго
 Пилъ лишь горькую народъ.
 Дамы—такъ себѣ—являлися
 Въ ситцахъ—въ рубль или въ полтора,
 И сплѣбцы отличалися
 Изъ подъ Шуккина двора.

Помню клуба я *Нѣмецкаго*
 Маскерады, вечера:
 Тамъ обычья полны свѣтскаго
 Всѣ портные мастера.
 Если выкинуть фигурочку
 Стой, любуйся, да дивись;
 А застукають мазурочку—
 Такъ ужъ только что держись.

Общества *Соединеннаго*
 Такъ-же помню я балы:
 Много было въ немъ почтеннаго
 И достойнаго хвалы.
 Были также и хулители:
 Что-жъ безгрѣшно на земли?

Но устава учредители
 Все въ порядокъ привели.

Затѣмъ онъ хвалить пьнѣшнее *Благородное Собраніе*:

Въ залахъ — роскошь, изваянія
 Съ позолотой на стѣнахъ...

Поль такой для танцванія—
 Хоть катайся на конькахъ.

Членство самое отборное
 Изъ чиновныхъ все господъ,

Обхожденіе придворное, —
 Дамы-жъ — грацій хоровадь.

Все на тонкой деликатности
 Здѣсь у насъ заведено,

Въ надлежащей аккуратности
 Столъ, прислуга и вино!

«Дай-то Господи продленіе...
 (Такъ я думаю въ снѣгахъ)

Пусть все будетъ преуспѣніе
 Въ членахъ, дамахъ и гостяхъ.
 Все устроено важнительно.
 Все кипитъ какъ на огнѣ,
 Все такъ вкусно, упоительно
 Такъ, что просто ахти-миѣ!
 Пусть — молю судьбу надменную
 Бережетъ отъ васъ ударъ,
 Какъ одежду драгоценную
 Сберегаетъ вашъ швейцаръ!»

Нынѣшній годъ онъ полнесъ своимъ членамъ мысль философскую, передаю ее вамъ цѣликомъ.

Здравствуйте снова, отцы благодѣтели!
 Нашихъ забавъ и веселыхъ баловъ
 Члены, участники или свидѣтели,
 Всѣхъ состояній, и лѣтъ, и чиновъ!
 Принять благосклонно прошу поздравленіе,
 На вновь наступившій торжественно годъ.
 Пусть принесетъ онъ во всемъ преуспѣніе,
 Убавитъ заботы, умножитъ доходъ!
 Для всѣхъ онъ какъ будто-бы пристань желанная:
 На немъ основалось такъ много надеждъ!
 И радугой блещетъ безвѣстность туманная,
 Равно — мудрецамъ и для бѣдныхъ невѣждъ.
 Что человекъ? — Онъ игрушка непрочная,
 Капризной и хитрой кокетки — судьбы!
 Дана ему доля и воля урочная,
 И все предъ судьбой мы слѣпые рабы!
 За ниточку только мы къ жизни привязаны,
 И какъ-бы насъ случай подъ-часъ ни стегалъ,
 А все-же, какъ куклы, плясать мы обязаны,
 И только со смертью кончается балъ!
 Но смертный — слѣпецъ! все хлопочетъ, старается...
 Онъ пляшетъ, мечтаетъ и пѣнитъ бокаль...
 Надъ карточнымъ домикомъ вѣкъ угѣшается,
 Но вѣтромъ пахнуло — и домикъ упалъ!
 Принесъ ли годъ старшій ему огорченіе
 Онъ радость надѣется въ новомъ пайдти:
 Насталъ онъ и — что-же? — Мое вамъ почтеніе! —
 Не больше какъ въ старомъ и въ новомъ пути!
 Но все-жъ, по обычю, давно заведенному,
 Намъ слѣдуетъ весело гостя встрѣчать,
 И міру слабѣйшему, низкопоклонному,
 Міръ свѣлый съ прибытьемъ его поздравлять.

Когда вы будете въ Благородномъ Собраніи, не забудьте поблагодарить поэта—философа за его добрыя желанія.

Е. К.

С М Ъ С Ъ.

НАПОЛЕОНЪ И КАТАЛАНИ.

Извѣстно, что Наполеонъ къ завтраку обыкновенно призывалъ кого-нибудь изъ любимыхъ своихъ художниковъ, литераторовъ, актеровъ, пѣвцовъ, и разговаривалъ съ ними о новостяхъ артистическаго міра. Точно такъ же было въ первыхъ числахъ мая 1806 года. Наполеонъ въ этотъ день былъ особенно хорошо расположенъ; выборъ его палъ на Кресцентини; долго разсуждалъ онъ съ нимъ о представленіи предвѣщающаго дня, въ которое ни обворожительный голосъ г-жи Браншю, ни граціозное танцованіе г-жи Гардель, не могли привлечь вниманія публики, обрадованной присутствіемъ въ театрѣ императора, недавно воротившагося изъ славнаго похода. Наконецъ онъ сталъ распрашивать пѣвца о первомъ появленіи его на сцену, о сношеніяхъ его съ кардиналомъ Капраню, его покровителемъ и благодѣтелемъ.

— Ваше величество, сказалъ наконецъ Кресцентини, стараясь увернуться отъ распросовъ; къ намъ въ Парижъ ѣдетъ величайшая изъ пѣвицъ, женщина одаренная отъ природы самымъ дивнымъ голосомъ, г-жа Каталани. Я пѣлъ съ нею въ Лиссабонѣ; португальцы отпустили ее со слезами. Она ѣдетъ сюда изъ Мадрита, и вашему величеству трудно будетъ приготовить ей встрѣчу, лучше

той, которую ей сдѣлала королева Испанская

Наполеонъ не отвѣчалъ, но велѣлъ позвать директора своей придворной капеллы.

Когда тотъ явился, Наполеонъ спросилъ его:

— Когда Каталани должна быть въ Парижъ?

— Ваше величество, меня сейчасъ извѣстили, что она уже съ часъ какъ пріѣхала.

— Долго ли пробудеть?

— Недолго, ваше величество. Она ѣдетъ въ Лондонъ, гдѣ ангажирована на нынѣшній сезонъ.

— Хорошо, я хочу слышать ее сегодня-же вечеромъ.

И онъ вышелъ въ сопровожденіи адъютантовъ и камергеровъ. Кресцентини и директоръ капеллы остались одни; если бы громъ упалъ къ ногамъ бѣднаго директора, онъ не такъ-бы испугался. Уломать г-жу Каталани пѣть передъ императоромъ въ самый день ея прибытія, не давъ ей времени приготовиться! Да это почти тоже, что вымыть негра до бѣла.

— Ей невозможно пѣть сегодня, сказалъ Кресцентини печально.

— Невозможно! возразилъ директоръ, едва опомнясь отъ пораженія; но императоръ хочетъ, чтобъ она пѣла. Незнаю, какъ мнѣ уговорить ее....

Съ этими словами онъ вышелъ,

таца за собою Кресчентини. Спустя нѣсколько минутъ они всходили по лѣстницѣ, въ квартиру Каталани. Между ними завязался жаркій споръ. Директоръ капеллы утверждалъ, что Кресчентини, въ качествѣ артиста, земляка и товарища пѣвицы, долженъ взять на себя трудъ объявить ей волю государя; Кресчентини возражалъ, что исполненіе этого порученія возложено на него, какъ на директора императорской капеллы.

Дѣло было дѣйствительно щекотливое; едва Каталани узнала, чего отъ нея требуютъ, она стала жаловаться и поговаривать о нездоровьи. Но императоръ такихъ отговорокъ не принималъ, и ей дали понять, что она усѣдетъ нахвратиться сколько душѣ угодно на слѣдующій день. Она стала увѣрять, что она не въ голосѣ; ей отвѣчали что голосъ найдется; и что, впрочемъ, весьма обыкновенное дѣло, что у людей въ присутствіи императора отнимается голосъ. Напрасно пѣвица доказывала, что такой случай, весьма неважный для другаго, для пѣвицы величайшее изъ несчастій; ей возражали, что императоръ хочетъ непременно ее слышать, будь она въ голосѣ или не въ голосѣ. Наконецъ, она объявила, что у нея нѣтъ порядочнаго платья, въ которомъ бы можно явиться въ Тюильри; этотъ доводъ она почитала неопровержимымъ. Не едва она успѣла выговорить, какъ директоръ сѣлъ въ карету, поскакалъ къ придворной швеѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ воротился съ нею.

Каталани еще отговаривалась, какъ швея уже сняла съ нея мѣрку платья со шейфомъ, какого требовалъ придворный этикетъ. Это было въ половинѣ пераго, а

платье обѣщано къ восьми часамъ вечера.

Такимъ образомъ небыло возможности отказаться. Директоръ капеллы отправился хлопотать; въ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ собрать артистовъ и устроить концертъ.

Ни одной пѣвицѣ нельзя было предложить явиться въ концертъ, въ которомъ участвовала Каталани. Директоръ рѣшился возложить вокальную часть на Кресчентини и Гара; но инструментальной части прибѣгнувъ онъ къ скрипкѣ Крейпера и валторнѣ Дювернуа. Долго рыскалъ онъ за ними, такъ, что только въ пять часовъ можно ему было ѣхать къ Гара. Онъ его, правда, уже предупредилъ; но оставалось еще условиться на счетъ пьесъ, чтобы внести ихъ въ программу, въ которой оставлены были для нихъ пробѣлы.

Но прежде свиданія директора съ Гара мы должны рассказать, что происходило передъ тѣмъ у послѣдняго.

Въ числѣ ученицъ Гара была дочь генерала Г.; она приходила брать уроки къ Гара въ сопровожденіи своей тетки. Отецъ ея по службѣ принужденъ былъ жить въ Германіи; по этому дѣвица Г. рѣдко являлась въ обществѣ; ея врожденная застѣнчивость еще усилилась отъ уединенной жизни. У нея былъ превосходный голосъ; но пѣніе ея еще болѣе отличалось выраженіемъ, нежели силою голоса. Гара считалъ ее лучшею своею ученицею, и говорилъ, что голосъ ея стоило бы послушать самому императору.

Едва Гара успѣлъ отпустить посланнаго, объявившаго ему о вечернемъ концертѣ, какъ дверь снова отворилась и вошла дѣвица Г. съ теткою. На лицѣ тетки видны

были слѣды глубокой горести, а красные глаза молодой дѣвушки показывали, что она много плакала. Онѣ слѣди, и тетка съ смущеніемъ и вздохомъ сказала изумленному пѣвцу:

— Г. Гара, мы пришли поблагодарить васъ за ваши старанія о музыкальномъ образованіи моей племянницы. Обстоятельства принуждаютъ ее отказаться отъ вашихъ полезныхъ уроковъ.

— Возможно ли! воскликнулъ Гара. Надѣюсь, что не денежные обстоятельства... Будьте увѣрены, что...

Онѣ не смѣлъ продолжать, не зная до какой степени имѣлъ право предлагать безвозмездные уроки.

— Еслибы только это! возразила тетка; потеря богатства ничего бы не значила въ сравненіи съ постигшимъ насъ несчастіемъ.

— Какъ, воскликнулъ Гара, генералъ Г.... ужь не умеръ ли онѣ?

— Лучше было-бъ ему умереть, отвѣчала тетка; по-крайней-мѣрѣ, честь его осталась бы неприкосновенною.

Гара молчалъ; посѣтительницы рыдали. Наконецъ, тетка продолжала:

— Я вамъ все объясню. Брата моего обвиняютъ въ стратегической ошибкѣ; этимъ онѣ впасть въ немплость государя; но увѣряю васъ, онѣ ни въ чемъ не виноватъ; и еслибы мы могли достигнуть до императора, еслибъ моя племянница могла броситься къ ногамъ его!... Но императору донесли, будто братъ мой нарушилъ военную дисциплину, и потому онѣ немолимъ. Генералъ Дюрокъ не могъ ничего добиться. Императоръ требуетъ, чтобъ онѣ немедленно подалъ въ отставку. Вѣднѣй братъ

мой не переживетъ такого безчестья.

— Какъ же это случилось? спросилъ Гара, съ выраженіемъ живѣйшаго участія.

— Вы знаете, что генералъ Г. назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ новоприсоединенныхъ провинціальныхъ областей. Его обвиняютъ въ томъ, что онѣ будто бы не подалъ помощи корпусу, отступавшему передъ гораздо многочисленнѣйшимъ неприятельскимъ войскомъ. Но братъ мой въ то время былъ болѣнъ, не вставалъ съ постели; притомъ его не извѣстили обо всемъ въ точности; словомъ, тутъ множество обстоятельствъ, которыя побудили бы императора къ снисхожденію, еслибъ мы могли только съ нимъ объясниться. Братъ мой храбрѣйшій воинъ, это всѣ знаютъ. Онѣ умретъ съ горести, если его принудятъ оставить службу.

— Такъ вы думаете, сказалъ Гара, что еслибы ваша племянница могла говорить съ императоромъ?...

— Мы были бы спасены; императоръ правосуденъ. Но кто же можетъ вымолить милость, которой генералъ Дюрокъ просилъ безъ успѣха?

— Я попробую, отвѣчалъ Гара. Въ эту минуту слуга доложилъ о директорѣ капеллы.

— Не угодно ли вамъ будетъ немного подождать меня здѣсь? сказалъ Гара, вводя посѣтительницъ въ другую комнату; успокойтесь и положитесь на меня.

Потомъ онѣ поспѣшно надѣлъ халатъ, обвязалъ шею двумя платками, и велѣлъ просить директора.

Директоръ поблѣднѣлъ, увидѣвъ нарядъ Гара.

— Боже милостивѣй! вскричалъ онѣ; ужь не больны ли вы?

— Болѣзнь, отвѣчала пѣвецъ; не могу спѣть ни одной нотки.

— Боже, Боже мой! а мой концертъ!

— Будто въ концертѣ нельзя обойтись безъ меня?

— А что скажетъ императоръ?

— Императору извѣстна моя покорность и преданность; онъ скажетъ, что я болѣзнь.

— Но какъ же мнѣ быть съ концертомъ!

— Послушайте, любезнѣйшій; у меня есть одинъ только дуэтъ, который я могъ бы спѣть въ настоящемъ положеніи; обо всемъ другомъ и думать нечего!

— Постарайтесь, ради Бога!

Гара сдѣлалъ нѣсколько ружадъ, силясь пѣть какъ можно хрипѣе.

— Видите, не могу.

— А дуэтъ?

— Я пою его съ одною ученицею, у которой такой голосъ, какихъ немного. Но она не артистка, она знатная дама; не знаю, согласится ли она пѣть... Можетъ быть и рѣшится, если ее попросить....

— Постарайтесь, любезнѣйшій Гара, ради Бога.

— Я, пожалуй, напишу къ ней, отвѣчала Гара... Право, голосъ мой, кажется, поправляется.

Онъ началъ выдѣлывать триллеръ, но директоръ остановилъ его, и просилъ побережь силы къ вечеру. Онъ самъ взялся отвезти письмо. Наконецъ, онъ вышелъ, увѣрившись сначала, что драгоценный пѣвецъ достаточно укутанъ, что до него не доходитъ ни малѣйшій сквозной вѣтеръ, и повторивъ еще разъ сорокъ совѣтъ, чтобы онъ берегся, и не усилилъ болѣзни какою нибудь безразсудностью.

Гара подшутилъ надъ директо-

ромъ, онъ отправилъ его къ черту или почти, что такъ, къ Адской Заставѣ—отыскивать небывалаго адреса.

Блестящее общество, приглашенное къ концерту, уже съ полчаса какъ собралось въ концертной залѣ.

Мѣсто императора было еще пусто; но по правую сторону уже сидѣла императрица, окруженная родственниками Наполеона и придворными дамами. Ровно въ девять часовъ, по залѣ прошла вѣсть, что императоръ идетъ, и въ то же время послышались быстрые его шаги въ сосѣдней галлерей. Подходя къ дверямъ залы, Наполеонъ остановился передъ часовымъ, отдававшимъ ему честь. Онъ былъ человекъ шести футовъ росту, въ гвардейскомъ мундирѣ, со множествомъ шрамовъ на лицѣ и съ крестомъ на груди.

Наполеонъ взглянулъ на него, безстрашный воинъ опустилъ глаза и наклонилъ голову. Императоръ не могъ остаться нечувствительнымъ къ этому искреннему знаку преданности: лицо его прояснилось; онъ сдѣлалъ часовому дружескій знакъ, и вошелъ въ залу съ улыбкой, пролившею счастье и удовольствіе во все сердца. Онъ сѣлъ, и концертъ начался.

Пока Крейцеръ игралъ симфонію, а за нимъ Дювернуа игралъ вариации на валторнѣ, императоръ казался чрезвычайно занятъ. Онъ вертѣлся вправо и влѣво, шептался съ Дюрокомъ, сидѣвшимъ за нимъ. Въ программѣ, поданной ему однимъ изъ камергеровъ, не было выставлено названіе пьесы, которую долженъ пѣть Гара. Это очень беспокоило императора, приписывавшаго этотъ пропускъ небрежности. Онъ велѣлъ позвать

директора, но никто, кромѣ Гара, не зналъ, куда онъ дѣвался.

Между тѣмъ пришла очередь Гара. Но каково было общее удивленіе, когда онъ явился, ведя за руку молодую дѣвушку, которой красота и робость очаровали всѣхъ зрителей. Всѣ желали знать, кто она, и не имѣя программъ, спрашивали у сосѣдей. Она не могла быть артисткой, ибо никто ее не видалъ. Кто же она и откуда? Самъ императоръ раздѣлялъ общее любопытство. Сначала подумалъ онъ, что это должна быть Каталани, но молодая дѣвица была блондинка.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія загадки; одинъ Дюрокъ съ безпокойствомъ, но съ притворнымъ равнодушіемъ на лицѣ, казалось, углубился въ арію изъ Глукова *Орфеля*, которую пѣлъ Гара. Осмотрѣвшись вокругъ себя, императоръ замѣтилъ внезапную страсть Дюрока къ музыкѣ; ибо до тѣхъ поръ храбрый генералъ любилъ одинъ свистъ пуль и ядеръ.

Прослушавъ арію Гара, котораго онъ не совсѣмъ жаловалъ за его изукрашенность, Наполеонъ быстро обратился къ Дюроку, и сказалъ ему отрывисто:

— Ты знаешь эту молодую пѣвицу?

— Ваше величество, отвѣчалъ Дюрокъ; въ смущеніи....

— Кто она?

— Я можетъ быть и ошибаюсь, возразилъ Дюрокъ, еще съ большимъ смущеніемъ....

— Кто она? повторилъ Наполеонъ.

— Если вашему величеству угодно непременно знать, отвѣчалъ Дюрокъ, довольно громко, чтобы сосѣди могли слышать, и съ нѣкоторою грубостью, показывав-

шею, что императоръ поступилъ слишкомъ строго; — эта молодая пѣвица — дочь генерала Г.

— Императоръ поблѣднѣлъ; глаза его сверкнули гнѣвомъ. Имя дѣвицы Г. мигомъ пронеслось по всей залѣ, и еще усилило участіе, внушенное уже прежде ея наружностью. Она подошла къ фортепьяно. Она едва стояла на ногахъ; но всѣ сочувствовали ея волненію, и когда она начала, не смотря на этикетъ, со всѣхъ сторонъ поднялся ободрительный шопотъ; всѣ чувствовали необходимость поддержать ея мужество. Можетъ быть, и самъ императоръ невольно радовался, когда она одолѣла первый страхъ.

Дѣвица Г. выбрала романсъ Гара: «*O vous, qui savez mes tourments!*» Голосъ ея сначала дрожалъ, но потомъ обратился въ трогательную молитву; при послѣдней строфѣ, она невольно сложила руки, и слеза покатила по блѣдной ея щекѣ, отражая тысячи огней, освѣщавшія залу. Многія дамы старались скрыть свое волненіе подъ вѣерами; Дюрокъ загнушалъ носовымъ платкомъ непреодолимый кашель. Самъ императоръ тщетно старался скрыть волненіе; онъ хотѣлъ сердиться, а въ душѣ его было одно милосердіе.

Когда дѣвица Г. кончила послѣднюю строфу, онъ подозвалъ одного изъ своихъ камергеровъ, и приказалъ ему проводить ее къ каретѣ.

Въ эту минуту явился Кресчентини; Наполеонъ сталъ слушать его со всеможнымъ вниманіемъ, чтобы этимъ избавиться отъ просьбъ. Можетъ быть, онъ надѣялся, что пѣніе любимца разсѣетъ его волненіе. Но Кресчентини будто былъ въ заговорѣ и

также хотѣлъ уничижить императора.

Еще не бывало голоса нѣжной, выразительнѣе, трогательнѣе голоса Кресцентини. Среди самой громкой славы, среди богатства, его будто преслѣдовала мысль о несчастіи; онъ жилъ уединенно, былъ всегда задумчивъ и грустенъ; а пѣніе его вполнѣ выражало состояніе его души. — Въ этотъ концертъ избралъ онъ арію Ромео «*Ombra adogata!*» Нѣжный, прекраснѣйшій голосъ растрогалъ всѣ сердца. Никто не старался противиться вліянію этого волшебнаго пѣнія. Голосъ Кресцентини плакалъ, какъ Ромео, а сердца слушателей прильнули къ его устамъ. Такое моленіе не могло остаться безъ вліянія и на императора.

Послѣ Кресцентини вышла г-жа Каталани, которая должна была явиться царицею концерта, но была поставлена совершенно въ тѣнь, вслѣдствіе эпизода дѣвицы Г. Выбранная ею бравурная арія *Son Regina*, изъ Семирамиды, была несогласна съ настроеніемъ, даннымъ сердцамъ слушателей предшествовавшими пѣвцами. Всѣ дивились величію ея пѣнія, мягкости и гибкости голоса и необыкновенному искусству; но слушали ее не съ участіемъ, а только съ любопытствомъ; вниманіе всѣхъ было обращено на драму, разыгранную передъ ними; всѣ старались разгадать на лицѣ государя развязку этого заговора его капеллы.

По окончаніи концерта, Наполеонъ подошелъ къ пріѣзжей нѣвицѣ, хвалилъ ея голосъ и пѣніе, и поговоря съ нею, обратился къ своей капеллѣ и спросилъ строгимъ голосомъ, кто ввелъ дѣвицу Г.? Во всей имперіи одинъ грена-

деръ смѣлъ отвѣчать императору, когда онъ бывалъ недоволенъ. Гара, и безъ того плохо полагаясь на свое значеніе при дворѣ, не постѣлъ сознаться въ своемъ дерзкомъ поступкѣ. Кресцентини хотѣлъ помочь своему сослуживцу, но поступилъ весьма неловко; пробормotalъ нѣсколько невнятныхъ словъ, докраснѣлъ, смутился, и тѣмъ убѣдилъ всѣхъ, что виноватый онъ. Императоръ жалился надъ его смущеніемъ.

— Кресцентини, сказалъ онъ, ты кажется простудился у меня во дворцѣ, совсѣмъ охрипъ. Я хочу еще разъ послушать твою сегодняшнюю арію завтра въ театрѣ ея величества; постарайся быть такъ же въ голосѣ, какъ былъ давеча.

Въ эту минуту Дюрокъ обратился къ императору, но тотъ прервалъ его.

— Ни слова, Дюрокъ! сказалъ онъ рѣшительно; я знаю, о чемъ ты хочешь просить, все будетъ напрасно.

И обратился къ нему спиною, будто не желая долѣе останавливаться на этомъ предметѣ, и отказывать въ милости, на которую согласиться считалъ неприличнымъ; но видно было, что это упорство было ему тяжело. Никто не смѣлъ болѣе произнести слова въ пользу молодой дѣвушки. Учасъ ея, казалось была рѣшена.

Но поравнявшись съ дверью, Наполеонъ отступилъ отъ изумленія, при видѣ сцены, происходившей въ галлерей. У ногъ гренандера, которому онъ кивнулъ при входѣ въ концертную залу, молодая женщина стояла на колѣнахъ передъ императоромъ; и старшій усачъ держалъ ружье почти надъ головою ея, будто защищая ее.

Наполеонъ тотчасъ узнать дѣвицу Г.

— И ты также! сказалъ онъ, взглянувъ на гренадера; Г. Монтъ, зачѣмъ не отвели вы дѣвицу Г. къ ея каретѣ?

— Ваше величество, отвѣчалъ камергеръ, нѣсколько обезпокоенный на счетъ послѣдствій своего снисхожденія, дѣвица Г. хотѣла непременно имѣть честь представиться вашему величеству; я хотѣлъ было исполнить ваше приказаніе, но этотъ храбрый солдатъ вступился за нее, увѣряя, что императоръ готовъ принять каждаго, и что если ваше величество недовольны будете его смѣлостью, вы его великодушно простите, а онъ заглядитъ свой проступокъ въ первомъ сраженіи. Ваше величество изволили войти среди этого спора.

— Какъ, старый усачъ, сказалъ императоръ, ты не можешь устоять противъ просьбы молодой дѣвушки!... За тѣмъ онъ обратился къ дѣвицѣ Г. и сказалъ ей: Встаньте, сударыня, я удивляюсь вашей смѣлости, но цѣль извиняетъ средство. Скажите своему отцу, что я приглашаю его на первое сраженіе.

Дѣвица Г. со слезами поцѣловала руку императора. Онъ самъ поднималъ ее, и сдалъ на руки г. Монту, который, какъ камергеръ императрицы, болѣе всякаго другаго годился на возложенное на него порученіе — быть провожатымъ молодой дамы.

Старый гренадеръ во все продолженіе этой сцены стоялъ неподвижно, какъ статуя, будто не принимая въ ней ни малѣйшаго участія. Глаза его были прикрыты козырькомъ его медвѣжьей шапки, а остальная часть лица богатырскими усами.

— Чтобъ мнѣ тебя здѣсь болѣе не видать! сказалъ ему Наполеонъ. Прси себѣ отъ моего имени у полковника капральской нашивки. Да не забудь заслужить ее при первомъ случаѣ. Потомъ, обратясь къ свитѣ, онъ прибавилъ: «Этимъ шутамъ можно безъ опасенія давать задатокъ; какъ ни хитри, а у нихъ всегда останешься въ долгу.»

Директоръ капеллы, не смѣвшій показаться до тѣхъ поръ, счелъ эту минуту самую благоприятною для своего появленія. Наполеонъ не далъ ему сказать слова.

— А, вотъ и ваша милость, сказалъ онъ ему. Вашъ концертъ былъ прекрасенъ. Только въ другой разъ, пожалуйста, не острите въ программѣ. Директоръ смутился; онъ думалъ, что эти слова знакъ немилости, и что ему придется поплатиться за чужіе грѣхи. Однакоже вышло не такъ; Наполеонъ остался такъ же къ нему милостивъ, какъ былъ прежде. Что разумѣлъ императоръ подъ словомъ острить, пропускъ ли въ программѣ, или что другое, этого директоръ никогда не могъ разрѣшить.

Возвращаясь въ свои покои, императоръ сказалъ окружающимъ:

— Ну, господа, какъ правится вамъ г-жа Каталани? По моему она великая пѣвица, но одно пѣніе дѣвицы Г. проникаетъ въ сердце.

Эти слова въ устахъ Наполеона очень замѣчательны. Обстоятельства, въ которыхъ они сказаны, даютъ имъ новую цѣну. Извѣстно, что Кресцентини получилъ изъ собственныхъ рукъ Наполеона, въ театрѣ, орденъ Желѣзнаго Креста.

Генералъ Г. убитъ въ сраженіи при Іенѣ.

ГАМЛЕТЪ ШЕКСПИРА ПО ПОНЯТІЯМЪ ГЕТЕ.

(Изъ Вильгельма Мейстера).

Статья въ высшей степени своевременная. (*)

Первымъ условіемъ поступленія своего на сцену директора Серло Вильгельмъ-Мейстеръ выговорилъ постановку *Гамлета*-Шекспира и безъ измѣненій; но Серло успѣлъ прибавить въ контрактъ слова: *по мѣрѣ возможности*, что и подало поводъ къ спору. Нашъ герой былъ еще въ той счастливой эпохѣ жизни, когда не предполагаютъ, что можно что-нибудь осудить въ любимой женщинѣ, или въ любимомъ поэтѣ. Серло же, съ своей стороны, не питалъ большаго уваженія къ театральнымъ пьесамъ, (онъ смотрѣлъ на театръ, какъ на спекуляцію) и уничтожалъ и перемѣнялъ въ нихъ все, что ему не нравилось или несоотвѣтствовало его выгодамъ. Онъ хотѣлъ также смѣло поступить и съ «*Гамлетомъ*» и, какъ онъ выражался, отдѣлить плевелы отъ пшеницы. Нашъ герой сильно воспротивился этому.

— Эта драма, говорилъ онъ, не смѣсь добраго сѣмени съ плевелами; это дерево съ вѣтвями, листьями, распуколками, цвѣтами и плодами. А они живутъ общою жизнью, поддерживая другъ друга.

Серло отвѣчалъ ему, что за столomъ не подаютъ цѣлыхъ деревь-

евъ съ золотыми яблоками, но что истинный поэтъ, выбираетъ только лучшія яблоки и подаетъ ихъ въ серебряныхъ вазахъ. Тщетно истощали они всевозможныя сравненія, взгляды ихъ рѣшительно не сходились.

Сильное негодованіе овладѣло Вильгельмомъ, когда, послѣ долгаго спора, Серло вложилъ ему перо въ руку и сказалъ:

— Пора прибѣгнуть къ самому вѣрному и скорому средству. *Гамлетъ*, какъ онъ есть, не можетъ быть представленъ моею труппою и не понравится моей публикѣ. Вырѣзывайте, перемѣняйте, уничтожайте дѣйствующія лица, соединяйте и выбрасывайте цѣлыя сцены; если вы не довольно искусны или смѣлы для этой работы, я беру съ за нее и скоро окончу.

— Вы забываете наши условія! вскричалъ Вильгельмъ, и я немогу понять, какъ человекъ съ умомъ и вкусомъ можетъ такъ легко разсуждать о такомъ важномъ вопросѣ.

— Успокойтесь, любезный другъ; я увѣренъ, что вы согласитесь со мною. Правда, измѣненіе или если хотите, искаженіе пьесъ прескверная привычка, которая

(*) Мы находимъ, что эта статья очень наставительна въ наше время, когда величайшія злоупотребленія закралась въ дѣло искусства и когда спекуляторы разнаго рода позволяютъ себѣ искажать не только произведенія даровитыхъ писателей, но даже вѣковыя творенія, подобныя *Гамлету*-Шекспира, какъ это недавно сдѣлалъ Александръ Дюма, отъ избытка ума, и какъ другіе это дѣлаютъ отъ унычанья. Редакт.

существуетъ только на нашей сценѣ, потому-что у насъ драматическое искусство въ самомъ жалкомъ состояніи. Упрекайте авторовъ, которые заставляютъ дѣлать этѣ перемѣны и въ особенности публику, которая ихъ требуетъ. Въ большей части драмъ, число дѣйствующихъ лицъ превосходитъ число актеровъ, даже въ самыхъ полныхъ труппахъ; декорации и машины расположены очень неловко; длина репликъ выше силъ самыхъ опытныхъ и сильныхъ актеровъ; а, не смотря на то, должно играть каждый вечеръ, давать побольше пьесъ, для завлеченія толпы, и въ особенности давать какъ можно чаще новыя пьесы. Отчего-же не измѣнять ихъ, если въ такомъ видѣ ихъ легче ставить на сцену и онѣ болѣе нравятся? Очень немногіе изъ зрителей, очень немногіе изъ людей вообще, оцѣниваютъ достоинства стройнаго цѣлаго; всѣ осуждаютъ или хвалятъ созданіе по подробностямъ; только нѣкоторыя мѣста и фразы приводятъ публику въ восторгъ, и для актера, который самъ въ драматическомъ представленіи видитъ только простую коммунікацію и спекуляцію, такой наборъ сценъ и эффектныхъ мѣстъ—очень по сердцу.

— Если это дѣйствительно правда, то тѣмъ болѣе надобно стараться вывести нашъ театръ изъ этого положенія. Не говорите мнѣ о правѣ судить и передѣлывать авторовъ, которое вы хотите себѣ присвоить; оно уничтожитъ наши условія. Да, ничто въ мірѣ не принудитъ меня признать актъ, который я подписалъ по ошибкѣ.

Серло тотчасъ далъ этому разговору другой, болѣе веселой оборотъ и просилъ Вильгельма снова обдумать замѣчанія, которыя онъ

сдѣлалъ ему на счетъ *Гамлета*, и прислать средства устранить препятствія, которыя онъ самъ призналъ дѣйствительными.

Черезъ нѣсколько дней, герой нашъ пришелъ къ Серло съ торжествующимъ видомъ.

— Или я очень ошибаюсь, сказалъ онъ, или нашелъ то, чего мы ищемъ. Да, смѣю сказать, самъ Шекспиръ сдѣлалъ бы тоже, что я думаю, если бы гармонія цѣлаго не прельстила его гений и если бы онъ не былъ увлеченъ романами и новеллами, къ которымъ самое существо его таланта заставляло его прибѣгать.

— Говорите, сказалъ Серло, располагаясь спокойнѣе на канапе; я слушаю васъ со вниманіемъ, чтобы судить потомъ съ большею строгостію.

— Я не боюсь строгости, отвѣчалъ Вильгельмъ. Новое, тщательное разсмотрѣніе показало мнѣ въ *Гамлетѣ* двѣ главные части. Первая содержитъ важныя, внутреннія отношенія лицъ и событій. Могучее проявленіе характеровъ и дѣйствія героевъ, взятые отдѣльно, удивительны, а соединеніе ихъ и послѣдовательность—верхъ совершенства; никакое частное измѣненіе не должно разъединять ихъ, никто не осмѣлится исключить изъ нихъ юты и поэтому они всегда были вѣрно передаваемы. Но непростительную ошибку дѣлаютъ тѣ, которые отбрасываютъ все, что составляетъ вторую часть, т. е. внѣшнія отношенія лицъ, или, говоря другими словами, случайныя происшествія. Согласенъ, что эти различныя нити почти незамѣтны, но онѣ пересѣкаютъ, связываютъ и опутываютъ все дѣйствіе и если разрѣзать ихъ, то цѣлое само-

собою развалится. Къ этимъ вѣшнымъ отношеніямъ я причисляю безпокойства въ Норвегіи, войну съ молодымъ Фортинбрасомъ, посылство, которое принимаетъ старшій дядя, походъ Фортинбраса въ Польшу и его возвращеніе къ развязкѣ, пріѣздъ Гораціо изъ Виттенберга, желаніе Гамлета отправиться туда, путешествіе Лаэрта во Францію, отъѣздъ Гамлета въ Англію, плѣнъ его у пиратовъ и смерть двухъ придворныхъ. Эти случаи придають полноту и интересъ роману, но вредятъ драматическому единству; особливо въ пьесѣ, гдѣ герой дѣйствуетъ безъ опредѣленнаго плана, ихъ можно даже считать важною ошибкою.

— Вотъ этотъ образъ мыслей мнѣ нравится! вскричалъ Серло.

— Не прерывайте меня, можетъ быть, вы многое и не одобрите. Я смотрю на эти недостатки, какъ на дѣла, которые поддерживаютъ зданіе и которые опасно снять, не укрѣпивъ напередъ стѣнъ. Поэтому я полагаю нужнымъ сохранить всю первую часть пьесы. Что касается до второй, то я думаю отбросить все эти различные случаи, за исключеніемъ одного, который можетъ замѣнить ихъ все.

— Какой же? спросилъ Серло, оставивъ вдругъ свое спокойное положеніе.

— Смуты въ Норвегіи, и вотъ какимъ образомъ: по смерти стараго Гамлета, норвежцы, недавно покоренные, возмущаются; губернаторъ посылаетъ своего сына Гораціо въ Данію, чтобы ускорить вооруженіе флота и подстрекнуть рвеніе въ новомъ королѣ, болѣе занятомъ увеселеніями, чѣмъ государственными дѣлами. Гораціо, бывший товарищъ Гамлета, извѣстный своимъ умомъ и мужествомъ, зналъ покойнаго короля; онъ сра-

жался при немъ и пользовался его расположеніемъ; это увеличитъ интересъ перваго появленія привидѣній. Новый король даетъ аудиенцію Гораціо и посылаетъ Лаэрта въ Норвегію съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи флота; Гораціо получаетъ повелѣніе ускорить его снаряженіе. Гамлетъ хочетъ сопровождать его, но мать противится этому.

— Слава Богу! вскричалъ Серло; наконецъ я избавился отъ Виттенберга и его университета, которые мнѣ всегда были такъ противны. Вашъ планъ превосходенъ; потому-что, кромѣ двухъ постороннихъ предметовъ, Норвегіи и флота, зрителю не объ чемъ думать, нечего запоминать; онъ все видитъ, и событія развиваются передъ нимъ, не заставляя его воображеніе прогуливаться по всемъ частямъ свѣта.

— Вы догадываетесь безъ сомнѣнія, продолжалъ Вильгельмъ, какъ я свяжу остальную часть дѣйствія. Узнавъ отъ Гамлета о преступленіи его отчима, Гораціо совѣтуетъ ему отправиться съ нимъ въ Норвегію и возвратиться оттуда съ оружіемъ въ рукахъ. Король и Королева, не довѣряя Гамлету, удаляютъ его, поручивъ ему начальство надъ флотомъ; но даютъ ему въ спутники Розенкранца и Гильденштерна, которымъ приказано наблюдать за нимъ. Между тѣмъ, Лаэртъ возвращается и въ немъ возбуждають ненависть къ Гамлету. Противные вѣтры задерживаютъ флотъ, принцъ пріѣзжаетъ назадъ и тогда легко можно объяснить причину его прихода на кладбище. Невозможно пропустить важную и торжественную минуту встрѣчи его съ Лаэртомъ на могилѣ Офеліи. Вскорѣ Король замѣчаетъ, что

ему надобно поскорѣе отдѣлаться отъ Гамлета. Прощальный праздникъ, наружное примиреніе принца съ Лаэртомъ, упражненія въ фехтованіи, и въ особенности чѣтыре труппа, все это необходимо для развязки пьесы. Датская нація снова получаетъ право избирать своихъ государей, и умирающій Гамлетъ подаетъ голосъ въ пользу Горацио.

—Скорѣе, скорѣе принимайтесь за работу, сказалъ Серло; я одобряю все ваши измѣненія. Оканчивайте, покаместъ не потеряли еще охоты и смѣлости. —

—

Руководствуясь замѣчательнымъ трудомъ Виланда о Шекспирѣ, Вильгельмъ давно уже занимался переводомъ *Гамлета*, въ которомъ тщательно возстановилъ все мѣста, уничтоженныя Виландомъ. Этимъ трудомъ воспользовался онъ для исполненія перемѣнъ, условленныхъ съ Серло. Но работа представила ему гораздо болѣе трудностей, чѣмъ онъ ожидалъ, и онъ нѣсколько разъ останавливался, убѣждаясь, что портить оригиналъ, прививая къ нему свои идеи. Однако-же онъ кончилъ свою работу, къ полному удовольствію Серло и актеровъ. Въ особенности Серло не ограничился одними похвалами, но привелъ и причины отзывовъ своихъ объ этой передѣлкѣ.

—Вы поступили очень разсудительно, упростивши ходъ событій, происходящихъ за сценою. Все, что не дѣлается передъ глазами зрителя и что онъ можетъ видѣть только глазами воображенія, составляетъ одинъ фонъ картины. Такъ необходимо было поставить на видъ простую и величественную идею флота и Даніи, потому-

что безъ этого пьеса была-бы простою домашнею сценою. Чтобы достигнуть возвышенности и торженственности картины, начертанной великимъ поэтомъ, надобно безпрестанно напоминать зрителямъ, что здѣсь преступленіе причиняетъ гибель не частнаго семейства, но царскаго рода. Но безпрерывное сцѣпленіе разныхъ случаевъ, которыми Шекспиръ поддерживаетъ эту идею, вредитъ дѣйствию главныхъ лицъ.

— Не забудьте, отвѣчалъ Вильгельмъ, что онъ писалъ для остроумцевъ, для англичанъ, которые всегда и вездѣ видятъ корабли, эскадры и берега Франціи. Эти предметы, которые насъ развлекаютъ, для нихъ вещи самыя обыкновенныя.

Серло согласился съ нимъ и оба остались при томъ мнѣніи, что простой и грандіозный фонъ, выбранный Вильгельмомъ, одинъ только и можетъ соответствовать вкусу нѣмецкой публики.

Роли были распредѣлены еще прежде. Серло взялъ на себя роль Полонія, Офелія по справедливости назначена была Аврелии, а Лаэртъ остался при своемъ имени. Роль Горацио была поручена одному молодому дебютанту пріятной наружности; оставалось только отыскать Короля или привидѣніе, потому-что Брюзга не могъ занять обѣ роли, а Вильгельмъ не хотѣлъ поручить ни той, ни другой Педанту, не смотря на настоянія Серло. Другое затрудненіе возбудило новые споры. Нашъ герой сохранилъ Розенкранца и Гильденштерна, а директоръ просилъ его соединить ихъ въ одно лицо.

— Сохрани меня Богъ отъ этого! вскричалъ Вильгельмъ; подобныя перемѣны повредили — бы

смыслу и эффекту. Шекспиръ виденъ во всемъ своемъ величїи преимущественно въ мелочахъ. Какъ могло — бы одно лицо выразить косвенныя уловки, уклончивыя манеры, низкопоклонство, льстивыя приемы, плоскія ласкательства, предательскую ловкость, полное мошенничество этихъ двухъ существъ? Нужно бы дюжину актеровъ, если-бы можно было ихъ набрать, чтобы олицетворить столько пороковъ, низости и ничтожества; и я нахожу, что Шекспиръ поступилъ ючень умѣренно, ограничившись только двумя лицами.

— Хорошо, отвѣчалъ Серло; если вы хотите непременно сохранить обоимъ, такъ мы сдѣлаемъ по вашему. Я отдамъ роли этихъ двухъ негодяевъ — дочерямъ Брюзги; нужды нѣтъ, что они будутъ хороши собою; за то я буду имѣть удовольствіе учить и одѣвать эти двѣ миленькія куколки. — Директоры вездѣ одинаковы!

Вильгельмъ уничтожилъ много персонажей въ своей передѣлкѣ *Гамлета*; но все таки ихъ оставалось слишкомъ много для труппы Серло.

— Миѣ кажется, сказалъ онъ, что придется выгнать нашего суфлера изъ его норы и обратиться въ существо дѣйствительное и дѣйствующее.

— Можеть ли онъ быть порядочнымъ актеромъ? возразилъ Вильгельмъ.

— Его рѣзкій органъ, натянутыя манеры и брюзгливый характеръ исключаютъ его изъ театра и почти изъ общества, отвѣчалъ Серло. Сколько ни старался я приучить его къ обществу, но все напрасно. Однакожь, иногда онъ рѣшался читать предо мною, и

право не слыхалъ актера, который — бы лучше умѣлъ держаться середины между декламациею и простымъ разказомъ.

— Какое счастливое открытіе! вскричалъ Вильгельмъ; такой — то актеръ и нуженъ намъ для тирады неистоваго Пирра. Я боюсь, что придется ее уничтожить и нанести этимъ ударъ цѣлой пьесѣ.

— Миѣ кажется, сказала Аврелія, — что вы преувеличиваете значеніе этого мѣста.

— Нисколько. Шекспиръ имѣлъ двойную цѣль, вводя въ свою пьесу актеровъ. Разказывающій съ такимъ чувствомъ смерть Приама, пробуждаетъ дремлющую совѣсть Гамлета, и эта сцена дѣлается вступленіемъ и дополненіемъ той, которая производитъ такое ужасное дѣйствіе на короля. Примѣръ актера, принимающаго такое живое участіе въ мнимыхъ несчастіяхъ, унижаетъ принца и внушаетъ ему въ тоже время мысль испытать подобнымъ средствомъ сердце короля. Если вы сомнѣваетесь, то вспомните монологъ, оканчивающій второй актъ:

«Я жалкій, ничтожный рабъ! Какъ! вымыселъ имѣеть такую силу надъ простымъ миміантомъ? Его душа подчиняется всемъ требованіямъ подлѣной страсти. Черты лица его измѣняются, онъ плачетъ, безуміе въ его жестахъ, въ голосѣ; все существо его полно однимъ чувствомъ, и для кого? Для какой-то Гекубы! И что ему Гекуба? Что онъ для Гекубы? Что заставляетъ его стовать и плакать объ ней?»

Однажды Серло, постоянно занятый своею ролью Полонія, съ увлеченіемъ выражалъ взглядъ свой на этотъ характеръ.

— Я беру съ, вскричалъ онъ, натурально представлять то, что у насъ принято называть *честнымъ чело-*

опломъ. Я передамъ его спокойствіе и увѣренность; я буду ничтоженъ въ самомъ дѣлѣ и важенъ по наружности; ласковъ безъ любезности и откровененъ съ осторожностію; я стану притворяться правдивымъ и буду лгать на каждомъ шагу. Однимъ словомъ, я дамъ самую честную и благородную наружность этому полу-мошеннику, который, уже сѣдѣя, смѣется еще надъ временемъ и людьми. Я искусно воспользуюсь рѣзкими и грубыми чертами, которыми постъ обрисовалъ этотъ характеръ. Я буду говорить, какъ книга, когда того потребуютъ обстоятельства, и какъ сумасшедшій, когда буду въ духѣ; скорѣе соглашусь быть нелѣпымъ, чѣмъ противорѣчить кому нибудь; и когда надо мною стануть насмѣхаться, я буду имѣть довольно здраваго смысла, чтобы не замѣчать этого. Нѣтъ, никогда еще не принимался я за роль съ такимъ удовольствіемъ и съ такою злостію.

— А я такъ недовольна своею, сказала Аврелія. Я не такъ молода, не довольно нѣжна и слаба, чтобы совершенно олицетворить характеръ Офеліи; я понимаю только чувство, которое свело ее съ ума.

— Не будемъ такъ строги, возразилъ Вильгельмъ. Чѣмъ болѣе я самъ изучаю роль Гамлета, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что моя наружность не имѣетъ ни одной характерической черты этого героя. Когда я вспомню объ этомъ, то теряю всякую надежду произвести какой нибудь эффектъ.

— Вы вступате на наше поприще съ излишнею щекотливостію, сказалъ Серло. Актеръ принаравливается къ своей роли, сколько возможно; основное не отъ него зависитъ. Но опишите намъ портретъ настоящаго Гамлета, а мы

посмотримъ, точно ли вы такъ мало на него похожи.

— Я долженъ сказать вамъ прежде всего, что Гамлетъ блондинъ.

— Чѣмъ же вы докажете это? возразила Аврелія.

— Онъ датчанинъ, сынъ Сѣвера, у него должны быть голубые глаза.

— Вы полагаете, что Шекспиръ думалъ объ этомъ?

— Онъ не говорилъ прямо ничего; но можно угадать его мысль безъ труда. Во время фехтованія, лицо Гамлета покрывается потомъ, и королева говоритъ: «Онъ усталъ, дайте ему перевести духъ.» Это доказываетъ, что онъ полонъ и бѣлокуръ; потому-что брюнеты проворны, стройны и сильны. Его неопредѣленная меланхолія, его томная задумчивость, его нерѣшительность—не показываютъ чловѣка худощаваго, черноволосаго, съ быстрыми черными глазами.

— Вы уничтожаете все мои мечты, сказала Аврелія; я не хочу вашего толстаго Гамлета. Въмѣсто принца, такъ хорошо откормленнаго, покажемъ героя, который нравится и трогаетъ. Публика менѣе дорожитъ точнымъ осуществленіемъ идеи автора, чѣмъ своимъ удовольствіемъ; а удовольствіе она находитъ въ томъ, что льститъ ея вкусу и наклонностямъ.

— Однажды, когда вся труппа собралась у директора, возникъ споръ о томъ, въ чѣмъ болѣе достоинства, въ сочиненіи романа или драмы. Серло утверждалъ, что это напрасный споръ, потому-что можно создавать образцовыя произведенія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ родѣ; и что не должно только выступать изъ предѣловъ.

— Признаюсь сказал Вильгельмъ, я еще не могъ ихъ точно опредѣлить.

— И ктожъ осмѣлится взяться за это? возразилъ Серло; однакожъ, дѣло стоило-бы труда.

Всякой подалъ свое мнѣніе и наконецъ дошли до слѣдующаго заключенія: какъ *романъ*, какъ и *драма*, заимствуетъ свое дѣйствіе и характеры изъ природы; они различаются только формою, потому-что въ первомъ родѣ преобладаетъ разсказъ, а во второмъ разговоръ. Къ несчастію, есть драмы, которыя ничто иное, какъ романы въ разговорахъ; однако-же не возможно написать и драму въ письмахъ. Романъ долженъ воспроизводить образъ мыслей и чувствованій и ходъ событій; драма требуетъ характеровъ и дѣйствій. Романъ долженъ двигаться медленно и главное лицо должно всячески задерживать общій ходъ развязки; тогда-какъ драма должна идти быстро и главное лицо ея стремиться къ развязкѣ, такъ, чтобы ни одна задержка не происходила отъ его воли. Самое существо романа страдательное, эффекты его медленны и расчитанные; дѣйствіе быстрое, неожиданные эффекты принадлежатъ одной драмѣ. Грандисонъ, Кларисса, Памела, Векфильдскій священникъ, и самый Томъ Джонсъ, все лица, если не страдательныя, то, по крайній мѣрѣ, движимыя обстоятельствами, которыя совпадаютъ съ ихъ образомъ мыслей и чувствованій. Въ драмѣ герой не образуетъ обстоятельствъ по своимъ желаніямъ; напротивъ, все ему противится; и при развязкѣ онъ торжествуетъ надъ всѣми препятствіями или падаетъ подъ ихъ бременемъ.

Всѣ согласились также, что если случай можетъ входить въ об-

ласть романа, то онъ долженъ быть, по крайній мѣрѣ, направляемъ и движимъ характерами и чувствованіями дѣйствующихъ лицъ; и что судьба, ведущая людей, безъ ихъ участія и безъ сцѣпленія внѣшнихъ обстоятельствъ, къ непредвидимымъ катастрофамъ, принадлежитъ исключительно драмѣ. Прибавьте такъ-же, что случай производитъ происшествія трогательныя, тогда какъ судьба порождаетъ положенія ужасныя, которыя возвышаютъ челоуѣка до крайней точки трагизма, когда охватываютъ своими гибельными сѣтями дѣйствія самыя преступныя и самыя доблестныя, даже совершенно не зависяція одни отъ другихъ.

Этѣ разсужденія естественно наведи разговоръ на «Гамлета». Всѣ нашли, что этотъ герой испытываетъ только ощущенія и одни приключенія, что и придаетъ пьесѣ медленный ходъ романа; но какъ, съ другой стороны, судьба, направляющая дѣйствіе, которому исходной точкой служитъ преступленіе, безпрерывно ведетъ героя къ другому преступленію, то и пьеса принимаетъ характеръ въ высшей степени трагической и требуетъ трагической развязки.

Между тѣмъ, какъ беззостановочно приготовляли декорации и костюмы для драмы Шекспира, Вильгельмъ каждый день предавался новымъ размышленіямъ, то объ той, то объ другой сценѣ и Серло во всемъ уступалъ ему, надысь этою угодливостью совершенно овладѣть имъ въ послѣдствіи. Такъ согласился онъ, чтобы во время первой аудіенціи король и королева сядли на тронѣ, а Гамлетъ былъ смѣшанъ съ толпою придворныхъ, тѣмъ боже, что его траурное платье достаточно отли-

часть его и что онъ долженъ стараться скорѣе скрываться, чѣмъ выказываться. Вслѣдствіе этого распоряженія, сцена начинается собственно тогда только, когда король обращается, какъ отецъ, къ принцу. Нашъ герой былъ также требователемъ въ отношеніи къ двумъ портретамъ, о которыхъ Гамлетъ говоритъ въ сценѣ съ матерью.

— Они должны быть во весь ростъ, говорилъ онъ, и мы помѣстимъ ихъ на задней стѣнѣ комнаты, одинъ направо, другой направо отъ двери. Портретъ короля, вооруженный съ головы до ногъ, и во всемъ похожій на привидѣніе, долженъ находиться на той сторонѣ, съ которой оно появляется и имѣть тотъ-же повелительный видъ, съ какимъ оно удаляется. Чтобы увеличить эффектъ этого трагическаго положенія, королева устремитъ свои взоры на портретъ, а принцъ на признакъ стараго короля. Для портрета же дяди не нужно ничего, кромѣ великолѣпнаго королевскаго костюма.

Часто также спорили они о развязкѣ, потому-что Серло хотѣлъ, чтобы Гамлетъ остался живъ.

— Какъ можно это сдѣлать, возражалъ Вильгельмъ, тогда какъ ходъ всей пьесы дѣлаетъ смерть его неизбежною?

— Но публика хочетъ, чтобы онъ жилъ.

— Я постараюсь быть ей пріятнымъ во всякомъ другомъ случаѣ, но въ этомъ — не могу. Когда частный человѣкъ умираетъ отъ хронической болѣзни, то родные и друзья умоляютъ доктора спасти его; но какъ медикъ не въ силахъ восторжествовать надъ неизбежнымъ закономъ природы, такъ и мы не можемъ освободиться отъ неизбежной необходимости арти-

стической. Мы не служимъ публикѣ, а только вводимъ ее въ заблужденіе, возбуждая въ ней тѣ ощущенія, какихъ она *требуетъ*, а не тѣ, какія она *должна-бы* испытывать.

Многое еще переговорили они о Гамлетѣ вообще и объ отдѣльных сценахъ этой драмы. Мы не приведемъ здѣсь ихъ разсужденій, потому-что, можетъ быть, представимъ новыя размышленія о высокомъ созданіи Шекспира, той части публики, которая расположена и въ состояніи принять ихъ благосклонно.

ДРАМА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ПОЧТОВОМЪ ДИЛИЖАНСѢ.

(Разсказъ Бюшера.)

— Да, сударь, мнѣ бы слѣдовало нынче быть миллионеромъ, имѣть богатый домъ, экипажи съ гербами, толпу слугъ: жить на одной изъ лучшихъ Парижскихъ улицъ, а вмѣсто того, я суфлеръ на провинціальномъ театрѣ.

— Вы! воскликнулъ я, взглянувъ на истертое платье, огрубѣлыя руки и впалые глаза собесѣдника, — такъ васъ видно очень обидѣла Фортуна?

— Судя по моему примѣру, она обращается съ своими поклонниками, какъ суровый завоеватель.

— Ужъ вы не спустили-ли своего состоянія на карту? — спросилъ я.

— Нѣтъ, мои несчастія произошли совсѣмъ отъ другихъ причинъ.

— А, понимаю; вѣрно актриса... вѣроломная красавица...

— Къ несчастью, я и по этой части не виноватъ ни тѣломъ, ни душою.

— Слѣдовательно ваши родные..

— Именно... у родителя моего было все благопріобрѣтенное—и по смерти оказалось все благо—спущеннымъ, кромѣ долговъ.

— Такъ, вѣрно, какой нибудь богатый старикъ дядя вздумалъ проѣсть все свое имѣніе, чтобы не оставить вамъ наслѣдства. Не такъ ли?

— Единственный изъ моихъ родственниковъ, имѣвшій хорошее состояние, былъ дѣйствительно старый дядя; онъ былъ откупщикъ и, не въ примѣръ другимъ, не разорился. Дѣтей и любовницъ у него не было и я оставался единственнымъ его наслѣдникомъ; но онъ не могъ простить мнѣ какихъ грѣшковъ молодости, и объявилъ рѣшительно, что отъ меня отказывается, то есть, иными словами, что не отказываетъ мнѣ ни полушки.

— Такъ откуда же слѣдовало вамъ получить тѣ милліоны, о которыхъ вы говорите?

— Къ крайнему моему изумленію, получилъ я въ 1825 году письмо отъ нотаріуса моего дяди, которымъ онъ приглашалъ меня явиться немедленно въ Парижъ, къ банкирамъ Дювало и Ко., которые должны сообщить мнѣ весьма важное для меня извѣстіе. Я жилъ въ Мелюнѣ, небольшимъ капиталцемъ, кое—какъ сколоченнымъ, ничего не дѣлалъ и скучалъ до смерти; сообразивъ жалкое положеніе своихъ финансовъ, и несогласіе свое съ дядею, я разсудилъ, что мнѣ нечего было терять, и что, напротивъ, я много могъ выиграть, возобновивъ знакомство съ нимъ и съ его сундукомъ. Я рѣшился ѣхать съ первымъ diligansomъ. Я выѣхалъ изъ Мелюна подъ вечеръ, въ какомъ—то коробѣ, запряженномъ двумя клячами, и похожемъ нѣсколько на нынѣш-

ніе обнибусы. Въ немъ было восемь мѣстъ, внутри, и три мѣста на лавкѣ, за кондукторомъ; я какъ можно удобнѣе расположился въ углу, и укутался въ плащъ; вытащилъ изъ карману пару пистолетовъ, осмотрѣлъ затравку и положилъ ихъ назадъ въ карманъ. Я, вотъ видите, былъ человѣкъ осторожный, дороги же въ то время были не то, что нынѣ. За тѣмъ я принялся разсматривать своихъ спутниковъ, или, точнѣе, спутника, ибо онъ былъ одинъ; это былъ небольшой человѣчекъ, въ фуражкѣ, сѣдой, блѣдный, съ глазами, горѣвшими въ темнотѣ, будто два угля: онъ былъ съ головы до пятокъ укупоренъ въ бекешъ изъ грубаго сукна, съ поднятымъ воротникомъ; онъ жался въ самый отдаленный отъ меня уголокъ нашей колымаги, но не сводилъ съ меня своихъ сверкающихъ глазъ.

Человѣкъ, полный пріятной надежды, становится разговорчивъ и сообщителенъ; я захотѣлъ завязать разговоръ съ сосѣдомъ. Начинаю съ того, что сажусь въ уголокъ противъ него; но спутникъ мой, какъ угорѣлый, бросается на другой конецъ колымаги, бормоча сквозь зубы:

— Кажется довольно мѣста въ каретѣ, чтобы не садиться другъ другу на колѣна.

— Разумѣется, отвѣчалъ я, не мало изумленный этою выходкою, но сегодня ночь довольно холодная...

— Мнѣ ничуть не холодно, грубо возразилъ спутникъ. И мы оба замолчали. Рѣшившись не зачинать болѣе разговора съ такимъ медвѣдемъ, я машинально вытащилъ опять пистолетъ; и услышалъ какое—то глухое рычаніе, вырывавшееся изъ бекеша.

— Что вамъ угодно? спросилъ я сухо.

— Ничего, ровно ничего.— Пистолеты, Боже мой: и хватъ въ одной каретѣ съ человѣкомъ, вооруженнымъ пистолетами.

— Эта рѣчь началась довольно громко и смѣло, но потомъ стала быстро понижаться, такъ, что послѣднія слова были уже едва внятнымъ ворчаніемъ.

— Миѣ кажется, возразилъ я, что каждый воленъ вооружиться, чѣмъ ему заблагоразсудится.

— Бекешъ снова зарычалъ, но уже такъ глухо, что невозможно было разслушать ни одного слова.

— Это весьма понятно, продолжалъ я, въ такой глухой сторонѣ, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ миль не встрѣтишь жилаго дома.

— Здѣсь стало быть, очень пусто? спросилъ меня спутникъ съ живостью.

— Настоящая степь; и не забудьте притомъ, что мы съ вами одни; ящичекъ почти ребенокъ.

— Ахъ! простоналъ бекешъ робкимъ голосомъ.

— Вы видите, сказалъ я, опять придвигаясь къ нему, что пистолеты могутъ быть и не бесполезны. Разомтрите ихъ: пистолеты хорошіе. Замѣтивъ, что онъ вмѣсто отвѣта, только все болѣе и болѣе пятился въ уголь, я продолжалъ улыбаясь: да не бойтесь; пистолеты разряжены. Вѣдь, по большей части, стоитъ только показать ихъ, чтобы достигъ своей цѣли.

— О! простоналъ бекешъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Трусинка, подумалъ я, и чтобы развлечь его отъ страха, спросилъ:

— Вы ѣдете вѣроятно въ Парижъ?

— Въ Парижъ.

— Я такъ и думалъ. По дѣламъ?

— По дѣламъ... нельзя сказать, отвѣчалъ незнакомецъ, стараясь не дать положительнаго отвѣта на вопросъ. Вскорѣ за тѣмъ онъ сказалъ миѣ умоляющимъ голосомъ:

— Сдѣлайте милость, сударь, спрячьте пистолеты.

— Пожалуй, если вамъ неприятно ихъ видѣть; впрочемъ они будутъ у меня всегда подъ рукою, въ карманѣ. Я никогда безъ нихъ не ѣзжу, это добрые мои пріатели и спутники; да вотъ, не дальше, какъ вчера, не имѣй я ихъ при себѣ, меня бы непременно укусила бѣшеная собака.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Кромѣ шутокъ: но я въ двадцати шагахъ не промахнулся.— Этимъ я только избѣжалъ опасности; не будь при миѣ пистолетовъ, сами посудите о моемъ положеніи.. взбѣсился... самая ужасная изъ болѣзней! Морозъ по кожѣ подираетъ, когда только подумаю!

— Такъ вы очень бонтесь бѣшенства?

— Еще бы не бояться; забавный вопросъ.

— Странная встрѣча! сказала мой спутникъ.

— Какая встрѣча?

— Ей Богу, престранная! презабавная встрѣча, продолжалъ незнакомецъ, съ дикою усмѣшкою.

— Позвольте и миѣ узнать объ этой забавной встрѣчѣ? спросилъ я.

— Сказать вамъ? О нѣтъ, сударь, она васъ не заинтересуетъ, притомъ же...

— Напротивъ...

— Нѣтъ, къ чему! это, можетъ быть, одно воображеніе.

— Да что бы ни было, какъ скоро оно забавно, то должно быть любопытно.

— Но выговорите, что боитесь...

— Боюсь! прошу покорно знать, сударь, что я ничего не боюсь, возразилъ я, принимая грозную осанку античной статуи.

— Если такъ, то извольте слушать. Надо вамъ сказать, что недѣли двѣ тому назадъ, шелъ я черезъ нашу сельскую площадку, какъ другъ набѣжала на меня собака, огромный водолазъ, повѣсивъ голову, съ пѣною вокругъ рыла, и укусила меня.

— Бѣшеная? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Признаюсь, я боюсь не была ли она дѣйствительно бѣшеная. Мошеникъ пирюльничъ, осматривая рану, увѣрялъ, что собака была бѣшеная, и въ угѣшеніе, совѣтовалъ мнѣ отрубить ногу.

— Напрасно же вы не послушались его совѣта, сказала я, со страхомъ поглядывая на спутника: и тому уже двѣ недѣли, говорите вы?

— Двѣ недѣли; сегодня пошла третья.

— И вы съ того дня, спросилъ я, заикаясь, чувствовали себя постоянно здоровымъ?

— Въ томъ-то и дѣло, сударь, отвѣчалъ мнѣ спутникъ, подвигаясь ко мнѣ. Черезъ недѣлю я сталъ чувствовать себя по утрамъ какъ-то нездоровымъ; сталъ примѣтно худѣть и сохнуть, безъ всякой явной причины. Деревенскій врачъ, сговорившись вѣроятно съ пирюльникомъ, божился, что это водобоязнь, бѣшенство; я знаю, они оба старые мошеники, но тѣмъ не менѣе, признаюсь, я сталъ побаиваться, не правы ли они?

Пришла моя очередь пятитысяч и

жаться. Мнѣ стало страшно хладнокровія этого человѣка. Я спросилъ его, какимъ образомъ онъ въ такихъ обстоятельствахъ ѣдетъ въ дилижансѣ.

— Вотъ увидите, дайте мнѣ только досказать, отвѣчалъ онъ. Третьяго дни я былъ очень нездоровъ. Мои эскулапы сказали мнѣ, что это начало кризиса и прехладнокровно предложили привязать меня къ кровати. Можете себѣ представить подобную наглость.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ бѣшены? спросилъ я, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Немудрено, что и въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ незнакомецъ съ удивительнымъ спокойствіемъ. Я не хотѣлъ, чтобы меня привязали къ кровати, нынче утромъ тихонько скрылся изъ дому, и ѣду лечиться въ Парижъ.

— А если кризисъ случится до рогаго?

— Чтожъ, тогда меня поминай, какъ звали! Оно не больно весело, да что тутъ прикажете дѣлать?

— Какъ же вы себя чувствуете въ настоящую минуту? спросилъ я, съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Плохо, очень плохо, Пульсъ чрезвычайно скоръ, голова будто хочетъ разлетѣться, жажда смертельная.

И дѣйствительно, я видѣлъ, какъ била его лихорадка, слышалъ, какъ стучали его зубы. Можете себѣ представить мое положеніе; между четырьхъ досокъ, одинъ на одинъ съ укушеннымъ бѣшеною собою, который того и смотри взбѣсится и увлечетъ меня въ ту же страшную судьбу. Уйти отъ него небыло никакой надежды. На дворѣ холодный дождь лилъ, какъ изъ вѣдра; изъ

бѣднаго ямщика можно было выжидать воду. Я забился въ самый отдаленный уголок дилижанса, зарядилъ пистолетъ, и рѣшившись дорогою цѣною отдать жизнь, не упустилъ ни одного движенія страшнаго спутника. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ обратился ко мнѣ, и сказалъ съ глубокимъ стономъ.

— Я чувствую себя совершенно больнымъ; только странное дѣло, силы мои поправляются. Давеча, сядя въ карету, я едва держался на ногахъ; теперь же пойду хоть на десятерыхъ.

Это мнѣ показалась новымъ признакомъ бѣшенства; я уже помышлялъ о крайнемъ средствѣ, какъ вдругъ мой спутникъ закричалъ въ страшныхъ судорогахъ:

— Воды! воды!

Я зналъ, что видъ воды приводитъ страждущихъ къ водобоязни, бѣшенство; и въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ предомною разсталась бѣлая пелена Иванны. Больной сидѣлъ спиною къ рѣкѣ, но какъ скоро онъ былъ обернулся, онъ долженъ былъ увидѣть ее. Тутъ я болѣе не колебался; съ быстротою молнии отворилъ дверцу, бросился на козлы къ ямщику, несмотря на дождь и изморось. Я былъ въ безопасности, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока больному не вздумалось бы также выйти изъ дилижанса, чтобы найти жертву своему бѣшенству.

На первой станціи я сошелъ съ козелъ, побѣжалъ къ меру, исполнилъ весь муниципальный совѣтъ, разбудилъ подъ-профектшу; я ударилъ бы даже, еслибъ могъ, въ набатъ: всѣ собираются, я рассказываю съ одушевленіемъ, встрѣчу свою съ гидрофобомъ представляю, какой опасности подвер-

гался, и еще подвергаются многіе мои соотечественники; въ яркихъ краскахъ описываю страшную отвѣтственность, которая должна пасть на жителей деревни, если они не обратятъ валежащаго вниманія на мое извѣщеніе.

— Эй, жандармовъ!... крикнулъ меръ небольшой человѣчекъ, по-видимому, очень хорошо знавшій свою должность.

— Совѣтую вамъ, господа, сказалъ я въ заключеніе, отправить означеннаго человѣка осторожно въ Парижъ; накажите людямъ своимъ строго наблюдать за нимъ; онъ опасенъ, одинъ разъ уже бѣжалъ.

— А, вторичное покушеніе! знаемъ! отвѣчалъ меръ.

За тѣмъ онъ отпустилъ муниципальный совѣтъ спать; я собирався выйти, но онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Вы изволили говорить, что онъ *гидрофобъ*.

— Да, гидрофобъ, и преопасный. Но теряйте времени.

— Нѣтъ, не безпокойтесь; но извините меня, если я вамъ сдѣлаю еще вопросъ: я очень хорошо знаю все, что составляетъ кругъ моего вѣдомства, и даже довольно много смыслу въ политикѣ; но видите-ли, вы стащили меня съ постели; не мудрено, если съ просонья мысли у меня немножко и перепутались. Къ какой партіи принадлежать гидрофобы? что они бонапартисты, или республиканцы? или можетъ быть...

Я съ трудомъ удержалъ свое терпѣніе, и отвѣчалъ: они во сто разъ опаснѣе всѣхъ.

— Вотъ что! сказалъ меръ съ самодовольствомъ; такъ не упустимъ-же этого случая отличить-

Я продолжалъ свой путь одинъ; передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, два здоровые жандарма схватили моего бѣшеннаго, изъ предосторожности завязали ему ротъ. Приѣзжаю я въ Парижъ, отправляюсь къ назначеннымъ банкирамъ; они мнѣ очень вѣжливо отвѣчаютъ, что не имѣютъ чести меня знать, что имѣли въ продолженіе многихъ лѣтъ частыя сношенія съ моимъ почтеннѣйшимъ дядюшкою, но не получали отъ него никакихъ приказаній, касательно меня. Тутъ я понялъ, что надо мною посмѣялись, что письмо нотариуса одна подлая шутка. Съ другой стороны, я былъ въ Парижѣ, не зная ни одной души въ городѣ, и имѣлъ въ карманѣ два франка съ половиною. Я сталъ размышлять, на что мнѣ лучше рѣшиться: броситься ли въ Сену, или идти пообѣдать въ дешевой трактиръ, какъ вдругъ встрѣтилъ одного провинціального актера, съ которымъ когда-то былъ знакомъ. Онъ собирался съ нѣсколькими товарищами, подобно ему, жертвами интригъ и несправедливыхъ говеній, ѣхать въ Новый-Орлеанъ, искать болѣе просвѣщенной публики и болѣе щедрыхъ директоровъ. Онъ безъ труда согласился представить меня своимъ товарищамъ, которые приняли меня въ свое общество, на мелкія роли. Такимъ образомъ, я отираюсь въ Новый-Орлеанъ.

Не стану вамъ описывать всѣхъ пройденныхъ мною ступеней актерской жизни, не стану рассказывать, какъ я былъ-то первымъ иеноромъ въ Нью-Йоркѣ, то ярочнымъ паяццо въ Норманди, и наконецъ поступилъ въ должность суфлера въ Позенасѣ. Лѣтъ пять уже занималъ я эту должность, когда получилъ вдругъ

письмо, въ которомъ заключалась разгадка моей исторіи. Вотъ она.

Милостивѣйшій Государь!

Благодарю Бога за то, что онъ позволилъ мнѣ передъ смертью покаяться въ прегрѣшеніи моемъ передъ вами. Когда умеръ вашъ дядюшка, я былъ однимъ изъ самыхъ старинныхъ слугъ въ его домѣ, зная мою честность, покойникъ передъ смертью вручилъ мнѣ все свое имущество и велѣлъ сдать банкирамъ Дювалю и Коми., въ Парижѣ, для передачи вамъ. Я отправился, трепеща отъ страха при одной мысли, что долженъ везти такое богатство. Вездѣ мнѣ мерещились воры, я отъ нихъ не могъ уснуть на минуту. Случилось, что кромѣ меня, въ дилижансѣ не было пассажировъ; въ Мелонѣ сѣлъ молодой человекъ очень неблаговидной наружности; у него на лбу крупными буквами было написано: *воръ, разбойникъ*; прибавьте еще къ тому, что онъ былъ въ плащѣ каштановаго цвѣта, и имѣлъ при себѣ пару пистолетовъ, которые безпрестанно вынималъ изъ кармана, чтобы запугать меня. Я придумалъ хитрость, рассказалъ ему, будто меня укусила бѣшеная собака, и что я самъ начинаю чувствовать бѣшенство; воръ испугался и бѣжалъ. Но негодяй отомстилъ мнѣ на раставаньи; насказалъ невѣсть что обо мнѣ меру; меня схватили, завязали мнѣ ротъ, и отправили съ жандармами въ Парижъ. Когда я успѣлъ объявить, кто я и какъ сюда попалъ, меня освободили, но васъ уже не было въ Парижѣ, и никто не зналъ, куда вы уѣхали.

Нѣскольто мѣсяцевъ спустя, явился ко мнѣ человекъ, и увѣрилъ подъ присягою, что вы сѣдены акулою въ Америкѣ. Такимъ

образомъ, наслѣдство, состоявшее около 1,200,000 франковъ, перешло къ двумъ дальнимъ родственникамъ; одинъ изъ нихъ, промотавъ все свое богатство съ актрисами и наконецъ застрѣлился, что было единственнымъ разумнымъ дѣломъ въ его жизни; другой, лѣтъ дванцать тому назадъ, уѣхалъ въ Индію, и съ тѣхъ поръ нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу.

Вотъ, сударь, моя исповѣдь. Я много виноватъ передъ вами; но надѣюсь, что вы скалитесь надъ моимъ раскаяніемъ, и простите умирающаго.

Жакъ Руссо.»

Вотъ исторія моей жизни, судите сами, сказалъ суфлеръ въ заключеніе. Прощайте! мнѣ пора идти подсказывать роль Оресту, чтобы поддержать достоинства добродѣтели—хоть на сценѣ.

СТРАННОСТИ И ПРИЧУДЫ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Кто не слышалъ и не читалъ много разъ о странныхъ условіяхъ, необходимыхъ нѣкоторымъ поэтамъ, для поддержанія ихъ дѣятельности и творческой силы? Однимъ нужно многолюдное, пестрое общество; другимъ необходимо уединеніе; одни пишутъ въ темнотѣ, другіе окружаютъ себя яркимъ свѣтомъ; одни черпаютъ свое вдохновеніе въ чернилицѣ, а у другихъ—видъ рабочаго стола и пера оковываетъ фантазію, такъ, что они не въ состояніи написать двухъ стиховъ. Нѣкоторымъ нужно глубокое, ненарушимое молчаніе, другіе ищутъ вдохновеніе въ свистѣ вѣтра, въ шумѣ лѣса, въ борьбѣ стихій, въ дракѣ кошекъ на кровлѣ, въ бѣготѣ крысъ подъ по-

ломъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, сообщенныхъ извѣстнымъ французскимъ драматургомъ, Казимиромъ Бонжуромъ, авторомъ многихъ хорошенькихъ комедій.

Баснописца *Лафонтена* кто-то видѣлъ разъ подъ деревомъ, въ проливной дождь, въ шесть часовъ утра; въ восемь часовъ вечера онъ былъ еще подъ тѣмъ же деревомъ, въ такой же дождь, онъ не ѣлъ и не пилъ весь день. Что-же онъ тамъ дѣлалъ? Сочинялъ!

Жанъ-Жакъ Руссо любилъ, когда сочинялъ, смотрѣть на природу; ему нуженъ былъ свѣжій воздухъ лѣсовъ, свобода широкаго поля. «Движеніе,—говоритъ онъ въ своей *Исповѣди*,—оживляетъ мои мысли, голова моя не можетъ работать, когда ноги въ бездѣйствіи.»

Трудясь, въ Фернеѣ, надъ своею трагедіею «Магомедъ», *Вольтеръ*, чтобы поддать пару своему вдохновенію, навертывалъ себѣ на голову скатерть и декламировалъ свои стихи, размахивая руками, и страшно шагая по саду. Садовникъ, увидѣвъ этотъ странный нарядъ, расхохотался и былъ за то прогнанъ. На слѣдующій день, г-жа Дени и всѣ домашніе стали просить за бѣднягу; но философъ былъ неумолимъ. Тщетно ему представляли, что у несчастнаго садовника огромная семья, которую ему нечѣмъ будетъ кормить; Вольтеръ далъ ему пенсію, но ни-за-что не хотѣлъ оставить при себѣ человека, дерзнувшаго, какъ онъ говорилъ, «смѣяться надъ самимъ Пророкомъ.»

Андро за работою походилъ на жреца, на вдохновенную Пююю. Онъ кидался, потѣлъ, ломался, шагалъ, какъ сумасшедшій, по комнатамъ; особенно важную роль игралъ его парикъ; онъ его вскидывалъ на воздухъ, бросалъ на полъ,

подбиралъ, надѣвалъ на голову, опять вскидывалъ; глухіе крики вырывались изъ его груди; его било будто въ нервическомъ припадкѣ. Одинъ пріятель засталъ его разъ въ слезахъ: «Что съ тобою? на тебя страшно взглянуть, что случилось? — Ничего, отвѣчалъ Дидро, я плачу надъ новою повѣстью, которую дописываю.

У нѣкоторыхъ писателей, творческая дѣятельность связана съ какою нибудь особенною одеждою; другіе опять не могутъ писать иначе, какъ раздѣвшись; такъ, напри- мѣръ, Пикаръ сочинялъ всѣ свои комедіи въ постели. Пріятель мой Этьенъ заходилъ въ этой причудѣ еще дальше. Какъ скоро онъ чувствовалъ себя расположеннымъ сочинять, онъ свѣшилъ лампу, прогонялъ жену, дѣтей, прислугу, затворялъ наглухо всѣ двери и ставни; ложился въ постель, и сочинялъ стихи среди глубокой тишины и совершенной темноты. Если одно изъ этихъ условій было нарушено, вдохновеніе его улетало, и онъ уже не могъ продолжать... Но всего страннѣе то, что это было ему нужно только для стиховъ; прозу онъ, напротивъ, любилъ писать, окруженный родными и друзьями; самыя остроумныя страницы *Минервы* были имъ написаны среди шумной пріятельской бесѣды.

Изъ всѣхъ артистическихъ организацій, едва-ли не самую любопытную представлялъ Лесаажъ, авторъ *Жильблэза*. Способности его управлялись ходомъ солнца. Темнота уничтожала или скорѣе усыпляла ихъ; онъ пробуждался и развивался вмѣстѣ съ возвышеніемъ солнца, и вмѣстѣ съ нимъ опускались и исчезали. Если бы это обстоятельство не подтвержда-

лось множествомъ свидѣтельствъ, его, пожалуй, можно бы причислить къ замысловатымъ эмблемамъ греческой мифологіи.

Жуи, отецъ *Шоссе-д'Антенскаго*, и прародитель полудюжины другихъ *Пустышниковъ*, отличался другаго рода странностью, у него была удивительная память на чужія сочиненія; свои же онъ забывалъ, какъ скоро они были написаны. Онъ зналъ на память всѣхъ французскихъ писателей, въ особенности же Волтера, своихъ же стиховъ даже не узнавалъ. Почти всѣ его трагедіи родились въ одной аллеѣ принадлежавшаго ему замка королевы Бланки. Въ каждомъ концѣ аллеи стояли лавки, а на лавкахъ приготовлена была бумага и карандашъ. На одной лавкѣ писалъ онъ первую риему, на другой вторую; ибо онъ не запомнилъ бы двухъ стиховъ, не записавъ ихъ!... Разъ на вечерѣ у знаменитой актрисы Конта, водевиллистъ Шазе пропѣлъ въ присутствіи Жуи пѣсню его-же сочиненія и жестокосердый отецъ не призналъ собственного своего дѣтища! Онъ переважно хвалилъ и одобрялъ каждую строфу, пока г-жа Конта не сказала ему среди всеобщаго хохота: «Безмозглая башка! развѣ вы не знаете, что эта прелестная пѣсня вашего же сочиненія?»

Пѣвецъ Филиппа-Августа, академикъ Парсеваль-Грамезонъ, подобно многимъ другимъ, писалъ свои стихи во время прогулки; но прогулка его для другаго была бы каторгою; только въ ту минуту, когда тѣло его ослабѣвало отъ изнеможенія, мысли его становились свѣжи, и полны жизни. Однажды, онъ пошелъ обѣдать къ одному пріятелю; дорогою пришла ему въ голову поэтическая мысль. Онъ про-

шелъ, ничего не видя, мимо дома пріятеля, отправился машинально въ Тюльрійскій садъ, и тамъ сочинялъ стихи, вплоть до ночи, т. е. до девяти часовъ вечера. Потомъ онъ возвратился совершенно измученный домой и легъ спать. Но едва онъ уснулъ, какъ почувствовалъ сильные спазмы въ желудкѣ. «Вотъ опять мои проклятые спазмы! проворачалъ онъ съ досадою, просыаясь отъ боли. «Юлія, чаю, поскорѣ чаю!» Ключница подала ему чаю; но чѣмъ болѣе онъ пилъ чаю, тѣмъ сильнѣе терзали его спазмы. Послѣ нѣсколькихъ часовъ этой пытки, ключница сказала: Вы видно слишкомъ плотно пообѣдали! — Ей Богу, не знаю... да гдѣ же я обѣдалъ? — У г. Лакретеля. — Нѣтъ, я не обѣдалъ у Лакретеля. — Однакоже онъ васъ звалъ! — Нѣтъ, я у Лакретеля не былъ... да я не помню, обѣдалъ ли я сегодня...

Дѣйствительно, какъ скоро онъ поужиналъ, въ пятомъ часу утра, спазмы какъ рукой сняло.

Что касается до покорнѣйшаго слуги вашего, продолжаетъ литераторъ, у котораго мы заимствовали эти подробности, я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которыхъ одинъ видъ черниллицы и пера лишаетъ всѣхъ способностей; я работаю вездѣ, кромѣ своего кабинета. Когда я еще былъ чиновникомъ государственнаго казначейства, я не рѣдко тайкомъ уходилъ изъ должности, иногда безъ шляпы, и отправлялся сочинять стихи подъ тѣнью Палероальскихъ деревьевъ. Бѣда тогда тому изъ моихъ пріятелей, кто попадался мнѣ на встрѣчу. Я подхватывалъ его, и волею — неволею заставляя выслушивать мои новорожденные стихи, дополняя и исправляя ихъ, пока говорилъ. Точно также и нынче, я не хожу въ

Палероаль, но сочиняю вездѣ, на улицѣ, на гуляньи, среди шума и движенія народнаго праздника. Эта вишняя пестрота не только не беспокоитъ меня; напротивъ, она мнѣ пріятна; шумъ толпы оживляетъ меня, нисколько не развлекая.

Эта метода для меня тѣмъ удобнѣе, что я никогда не пишу своихъ сочиненій, а отдѣлываю ихъ въ памяти; и память моя такъ хороша, что если я въ сочиненіи что передѣлываю, я могу показать всѣ измѣненія и исправленія въ томъ порядкѣ, какъ они были сдѣланы.

Этого мало!

Когда я сочиняю пьесу въ пяти дѣйствіяхъ, я отдѣлываю всѣ пять дѣйствій за-разъ, и даже всѣ отдѣльныя части этихъ пяти дѣйствій. Вотъ что побуждаетъ меня работать такимъ образомъ. Расположеніе ума чрезвычайнаго непостоянно и нисколько не зависитъ отъ нашей воли. Если писатель начнетъ съ первой сцены, и будетъ писать по порядку до послѣдней, онъ долженъ нерѣдко работать, неприготовившись. Можетъ случиться, что онъ въ веселомъ расположеніи, когда ему нужно отдѣлывать серіозную, драматическую сцену; или въ мрачномъ расположеніи, для веселой сцены. Моя метода предотвращаетъ это неудобство. У меня всегда готовъ въ головѣ весь общій планъ, и даже всѣ частныя планы; гуляя, я думаю о нихъ, припоминаю поочередно каждое дѣйствіе, каждую сцену, и занимаюсь отдѣлкою той части, которая согласнѣе съ расположеніемъ моего ума въ эту минуту.

Мнѣ не разъ случалось начинать съ пятаго дѣйствія, и кончать первымъ. Эта метода очень удобна, но утомительна. Представьте себѣ довольно большое сочиненіе, нача-

тое со всѣхъ концовъ, и нигдѣ не доконченное; здѣсь останавливается на полустихѣ, тамъ недостаетъ рѣшимаго, далѣе разсказъ доведенъ до половины. Однакоже, я выходилъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій, и доканчивалъ такіе обрывки, не прибѣгая къ бумагѣ. Однажды являюсь я въ комитетъ чтенія Французскаго Театра; собравшіеся судьи-актеры спрашиваютъ меня, гдѣ же рукопись?

— Рукописи у меня нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы насъ создали?

— Не безпокойтесь, дѣло обойдется и безъ рукописей... И за тѣмъ я прочелъ имъ на память свои пять дѣйствій. Можете себѣ представить ихъ изумленіе. Они увѣрили, что подобнаго примѣра еще не бывало; но секретарь, старикъ Лемазюрье, отыскалъ въ протоколахъ комитета, что такую же штуку отпустилъ однажды Кребильонъ.

ПИСЬМО БЕРЛЮЗА О ВЕНГРИИ.

Пестъ.

Пріѣхавъ въ Пестъ, я поспѣшилъ насладиться удовольствіемъ, которое общалъ себѣ еще накануне, въ случаѣ, если уйду невредимъ отъ Дуная и грязи: я взялъ ванну, выпилъ два стагана товайскаго вина, и проспалъ цѣлыя сутки, не смотря на то, что во снѣ безпрестанно тонулъ и вилѣлъ одни грязныя болота. Отдохнувъ отъ дороги, я долженъ былъ заняться приготовленіями къ своему концерту, сговориться съ директорами, отыскивать скрипачей, видѣться съ капельмейстеромъ, съ пѣвцами, и пр., и пр. Благодаря участію и услужливости графа Рагдая, главнаго ди-

ректора національнаго театра, который онъ мнѣ совѣтовалъ предпочесть для концерта нѣмецкому театру, эти затрудненія были скоро устранены. Меня только безпокойло нѣкоторое время составленіе оркестра; ибо оркестръ національнаго театра такъ малочисленъ, что съ нимъ однимъ нельзя и думать ставить мои симфоніи; пригласить же артистовъ нѣмецкаго театра невозможно, вслѣдствіе распоряженія, которое дастъ вамъ понятіе о нѣжной привязанности венгровъ ко всему нѣмецкому. Этимъ распоряженіемъ запрещается допускать въ національный театръ артистовъ нѣмецкаго театра, пѣвцовъ, хористовъ или инструментовъ, какъ бы ни было нужно ихъ содѣйствіе. Мало того: на венгерскомъ театрѣ дозволяется пѣть на всякомъ языкѣ, древнемъ или новомъ, за исключеніемъ языка нѣмецкаго; онъ на-строга запрещенъ. Это странное и дерзкое исключеніе, въ странѣ подвластной Австріи, есть слѣдствіе чего-то въ родѣ Наполеоновой континентальной системы, соблюдаемаго Венграми, въ отношеніи всей Германіи и въ особенности Австріи. Такъ на-пр., всѣ произведенія нѣмецкой промышленности вообще въ опалѣ, и всѣ классы народонаселенія долгомъ считаютъ употреблять только предметы, изготовляемые въ Венгріи и самими венграми. По этому, на большей части пестскихъ магазиновъ, даже на мелочныхъ лавкахъ, встрѣтите надпись *гоши*, т. е. свое, національное; это слово въ первый день очень безпокойло меня.

Къ счастью, одинъ вѣнскій издатель, Генрихъ Мюллеръ, осы-

павшій меня вѣжливостями и услугами во все время пребыванія моего въ Австріи, снабдилъ меня письмомъ къ своему пестскому собрату Трейхлиндеру, одному изъ лучшихъ скрипачей старой вѣмецкой школы. Трейхлиндеръ свезъ меня съ главнѣйшими членами пестскаго Филармоническаго Общества и скоро доставилъ мнѣ подкрѣпленіе, состоявшее въ дюжину хорошихъ скрипачей, въ главѣ которыхъ обѣщаль стать самъ. Всѣ эти господа превосходно исполнили дѣло, за которое такъ охотно взились, и концертъ мой, въ отношеніи исполненія, былъ изъ самыхъ лучшихъ, какіе, я думаю, слыхалъ Пестъ съ лавныхъ поръ. Въ числѣ концертныхъ нумеровъ былъ маршъ, составляющій нынѣ финалъ первой части моей легенды *Фаустъ*. Я написалъ его въ ночь передъ выѣздомъ своимъ изъ Вѣны. Одинъ вѣнскій дилетантъ, хорошо знакомый съ нравами страны, въ которую я отправлялся, пришелъ ко мнѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, съ цѣлою книгою старинныхъ венгерскихъ напѣвовъ. «Если вы желаете поцариться венграмъ, сказалъ онъ; напишите пьесу на какую нибудь ихъ народную тему; они будутъ въ восторгѣ, и вы на возвратномъ пути не нахвалитесь ихъ *эльеноме* (вивать) и ихъ аншодисманами. Вотъ вамъ собраніе венгерскихъ напѣвовъ, выбирайте любой.» Я послушался его, и выбралъ напѣвъ *Ракоци*, изъ котораго и сдѣлалъ извѣстный вамъ маршъ. Едва разнесся по Песту слухъ объ этой родной музыкѣ, какъ всѣ воображенія разыгрались въ патриотическомъ духѣ. Всѣ пускались въ догадки, какъ я могъ обработать эту знаменитую, почти священ-

ную тему, которая столько лѣтъ заставляла биться венгерскія сердца, воспламеняла ихъ энтузіазмомъ и любовью къ отечеству. Нѣкоторые даже были въ безпокойствѣ, близки оскорбленія святыни... Признаюсь, я не только не обижался этимъ безпокойствомъ, а напротивъ радовался ему. Оно слишкомъ оправдывалось безною жалкихъ попури и аранжировокъ, въ которыхъ, оскверняются мелодіи, достойныя такого-же благоговѣнія. Можетъ быть, нѣкоторые венгерскіе дилетанты и бывали въ Парижѣ, и видали на нашихъ народныхъ торжествахъ, какъ мы таскаемъ въ грази свою безсмертную *Марсельезу*! Одинъ изъ нихъ, Хорватъ, редакторъ одного венгерскаго журнала, наконецъ, не выдержавъ, отправился къ издателю, который содѣйствовалъ мнѣ въ устройствѣ концерта, взялъ адресъ переписчика, выписывавшаго голоса изъ моей партитуры; взялъ у него партитуру, и внимательно просмотрѣлъ ее. На слѣдующій день, Хорватъ, недовольный результатомъ этого просмотра, не могъ скрыть отъ меня своего безпокойства. «Я смотрѣлъ вашу партитуру марша *Ракоци*.» — Что-же? — «Боюсь...» — Ба! — «Вы изложили нашъ напѣвъ *пiano*, а мы, напротивъ, привыкли слышать его *фортиссимо*.» — Да, когда играютъ ваши цыганы. Впрочемъ, если только того вы боитесь, то будьте спокойны, будетъ вамъ и *форте*, какого вы въ жизнь не слыхали. Вы не досмотрѣли. Во всякомъ дѣлѣ надо имѣть въ виду *конецъ*.

Однако-же, въ день концерта и меня стало цемить безпокойство, когда дошла очередь до этой чертовской пьесы. Вы вѣроятно помните, что за звономъ трубъ,

является самая тема въ флейтахъ и кларнетахъ съ акомпанементомъ струнныхъ инструментовъ *пиццикато*. Публика спокойно и безмолвно прослушала это неожиданное изложение; но когда, въ продолжительномъ *кресциендо* послышались фугированные обрывки темы, пересѣкаемые глухими ударами турецкаго барабана, будто отдаленною пушечною пальбою; зала закинула невыразимымъ волненіемъ; когда же оркестръ грянулъ въ бурной суматохѣ, такъ долго сдерживаемое фортиссимо, крики, топотъ, стукъ, потрясли залу; дикій огонь этихъ горячихъ душъ разразился въ звукахъ, отъ которыхъ меня обдало морозомъ; волосы стали дыбомъ у меня на головѣ, и съ этой роковой такты, я принужденъ былъ отказаться отъ заключенія своей пьесы; вся масса оркестра не въ состояніи была состязаться съ громомъ этого волкана. Само собою разумѣется, что надо было начать снова; но и во второй разъ публика едва удержала свой энтузіазмъ двѣ или три лишнія секунды.

Хорватъ кидался въ своей ложѣ, какъ бѣшеный; я невольно улыбнулся, взглянувъ на него, будто съ вопросомъ: «Что-же? Еще бонтесь? Будетъ съ васъ *форте*?» Хорошо, что *Ракоци-индуло* (такъ называется этотъ маршъ по-мадьярски) былъ назначенъ послѣднимъ номеромъ концерта, ибо послѣ него, всякая пьеса была бы потеряна; никто бы не сталъ слушать.

Вы можете себѣ представить, что меня такой ураганъ долженъ былъ порядкомъ взволновать; я отиралъ потъ съ лица, въ небольшой залѣ за театромъ, когда мнѣ

предсталъ странный образчикъ всеобщаго волненія публики. Вотъ какъ это было; вдругъ является ко-мнѣ человекъ, бѣдно одѣтый, съ разстроеннымъ отъ волненія лицомъ. Увидѣвъ меня, онъ кидается ко-мнѣ, душитъ меня въ объятіяхъ, плачетъ, дрожитъ, и съ трудомъ выговариваетъ слѣдующія слова: «Ахъ, сударь, я... венгерецъ; бѣдный человекъ... но говорю по французски... немножко по итальянски... извините... мой восторгъ... Ахъ!.. я понимаю вашу пушку. — Да, да... вы умѣете писать музыку!» Не стану вамъ описывать страшнаго одушевленія этого человека; прекрасенъ, дикъ былъ его энтузіазмъ, я самъ, хотя сначала готовъ былъ посягать надъ его эксцентрической наружностью, его движеніями и выраженіями, я самъ, видя его слезы, отъ души заплакалъ съ нимъ.

Вы понимаете, любезный Гемберъ, что съ того дня *Ракоци-индуло* долженъ былъ являться въ каждомъ моемъ концертѣ, и всегда съ тѣмъ же успѣхомъ. Уѣзжая, я принужденъ былъ даже подарить городу Песту свою рукопись, которую онъ пожелалъ сохранить, и съ которой мнѣ была выслана копія мѣсяцъ спустя въ Бреслау. Маршъ этотъ исполняется теперь въ Венгріи въ торжественныхъ случаяхъ. Но я долженъ замѣтить капельмейстеру Эрклу, что я съ тѣхъ поръ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ инструментовкѣ, и прибавилъ къ кодѣ десятка три тактовъ, которые, какъ мнѣ кажется, усиливаютъ дѣйствіе. Я сочту за долгъ послать ему эту исправленную и пополненную партитуру, какъ скоро мнѣ позволитъ издатель.

Эрклъ прекрасный человекъ, и

съ замѣчательнымъ талантомъ; во время пребыванія своего въ Пестѣ, я слышалъ подъ собственнымъ его управленіемъ, оперу его сочиненія, *Гуиади*, заимствованную изъ лѣтописей Венгріи. Въ этой оперѣ много замѣчательныхъ мѣстъ по оригинальности и по глубокому чувству; притомъ она написана и инструментована умно и со вкусомъ, и не чужда энергія. Главную роль превосходно спѣла и сыграла г-жа Шодель, истинная трагическая пѣвица школы г-жи Браншо, утраченной школы, которой я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ Венгріи. Не долженъ я также оставить безъ вниманія въ венгерской труппѣ талантливаго тенора Фереды. Онъ въ особенности прекрасно и оригинально поетъ любимыя венгерскія народныя пѣсни и романсы, которые, при такомъ исполненіи, понравятся всякому народу.

Концертмейстеръ здѣшняго театра талантливый скрипачъ Коце, долго жившій въ Парижѣ, и даже, если не ошибаюсь, ученикъ нашей Консерваторіи. Хоръ національнаго театра чрезвычайно слабъ, какъ по числу, такъ и по качествамъ и степени образованія голосовъ. Языкъ мадыарскій довольно удобенъ для музыки; по моему онъ даже далеко не такъ грубъ, какъ языкъ нѣмецкій. Вотъ такъ подлинно языкъ! его не поймешь, не учившись ему! Въ немъ не найдешь сходства ни съ какимъ знакомымъ вамъ языкомъ; даже музыкальныя выраженія, взятая съ итальянскаго, и цѣликомъ сохранившіяся почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ, на мадыарскомъ замѣнены собственными, простыми или сложными выраженіями;

напримѣръ, концертъ называется концертомъ по итальянски, по испански, по французски, по англійски, по нѣмецки, по русски. На мадыарской афишѣ вмѣсто этого слова стоитъ *ханверсенъ*, что значить, въ буквальномъ переводѣ, *стеченіе звуковъ*.

Мои музыкальныя заботы не помѣщали мнѣ, въ короткое пребываніе мое въ Пестѣ, быть на двухъ балахъ и на большомъ политическомъ обѣдѣ, данномъ венгерскимъ дворянствомъ. Я ничего не видалъ великолѣпіе и оригинальнѣе этихъ баловъ, какъ по чрезвычайной роскоши, такъ и по живописности костюмовъ и оригинальной красотѣ этого народа. Танцы также нисколько не похожи на танцы остальной Европы; чопорная французская кадрили занимаетъ на ихъ балахъ послѣднее мѣсто; на нихъ царствуютъ мазурка, тарсальго, керниго, и чардашъ. Чардашъ, въ особенности, заимствованный съ сельскихъ праздниковъ, на которыхъ крестьяне пляшутъ его съ невыразимымъ одушевленіемъ, въ большой чести у аристократическихъ танцоровъ, не смотря на рѣзкія замѣчанія одного критика, написавшаго въ какой-то газетѣ, будто фигуры чардаша слишкомъ вольны и похожи, не понимаю, въ чемъ онъ видѣлъ это сходство, на выходки и причуды невыразимаго танца, запрещаемаго парижскою полиціею. Богу одному извѣстно, сколько посыпалось на него упрековъ, и сколько встрѣтило его гнѣвныхъ глазомъ, въ первый разъ, какъ онъ, послѣ того, явился на балъ.

На политическомъ обѣдѣ я имѣлъ случай видѣть и слышать знаменитаго оратора Деака, венгерска-

го О'Коннела, котораго имя у всѣхъ на устахъ, и портретъ на почетномъ мѣстѣ въ каждомъ домѣ. Подобно покойному защитнику Ирландіи, Деакъ идетъ къ необходимымъ отечеству его преобразованіямъ путемъ закона; онъ съ трудомъ удерживаетъ запальчивое нетерпѣніе своей партіи. Онъ говорилъ за обѣдомъ мало и спокойно, и я догадался о содержаніи его рѣчи по восклицанію, вырвавшемуся у одного изъ моихъ сосѣдей, мрачнаго и недовольнаго: «Fabius cunctator?» (Фабій медлитель!)

За обѣдомъ, нѣсколько цыганъ играли по-своему разныя національныя мелодіи, которыя, перемежаясь съ рѣчами и гостями, и подкрѣпляемыя дѣйствіемъ венгерскихъ винъ, воспалили въ собѣдникахъ революціонную лихорадку.

На слѣдующій день я простился съ своими гостепріимными хозяевами, и отправился, еще полный волненія и симпатіи къ этому мужественному, великодушному, рыцарскому народу. Во время пребыванія моего въ Пестѣ, Дунай утихъ, выраженіе гнѣва исчезло съ лица его, и онъ позволилъ мнѣ безпрепятственно плыть по волнамъ своимъ въ Вѣну. Едва я приѣхалъ, ко-мнѣ прибѣжалъ услужливый дипломатъ, посоветовавшій написать маршъ Ракоци.

Онъ былъ въ презабавномъ безпокойствѣ. «Услыхъ вашего венгерскаго марша, сказалъ онъ, отозвался и здѣсь, и я пришелъ просить васъ, не говорить ни слова обо-мнѣ. Я буду очень компроментированъ, если узнаютъ, что я такъ или иначе содѣйствовалъ къ написанію его.» Я обѣщаль сохранить его тайну. И я теперь рѣшаюсь открыть вамъ его имя, только потому, что

это важное дѣло вѣрно давно уже забыто. Онъ называется..... Но нѣтъ, сказать его имя будетъ нескромностью; я хотѣлъ только пострадать его. Прощайте, любезный Гемберъ; извините великодушно, если я вамъ падоѣдаю своими письмами, или бросьте ихъ и ступайте съ Богомъ мечтать въ тѣни своихъ апельсинныхъ и лимонныхъ рощъ. Вашъ

Г. БЕРНОЗЪ.

ДУЭЛЬ НА ПОРОСЕНКѢ.

Знаменитый графъ Калиостро былъ знакомъ въ 1775 году, въ Лондонѣ, съ какимъ-то Морандомъ, выгнаннымъ изъ Франціи, и издававшимъ въ Лондонѣ газету подъ названіемъ *Вѣстникъ Европы*. Французскій посланникъ, Бретель, поручилъ ему написать статьи на г-жу Ламоть и на Калиостро, и въ то-же время наблюдать за ними, и передавать ему каждый день всѣ ихъ дѣйствія и затѣи. Калиостро зналъ это, и рѣшился, не дожидаясь, чтобы нападенія Моранда стали язвительнѣе, снять съ него личину, и заранее склонить насмѣшниковъ на свою сторону. Для этого онъ воспользовался нѣкоторыми шутками Моранда на рѣшительный опытъ Калиостро приучать животныхъ къ отравленной пищѣ, и, такимъ образомъ, обращать мясо ихъ въ самый тонкій и сильный ядъ. Онъ написалъ Моранду слѣдующее письмо:

Графъ Калиостро, къ господину Моранду; 5-го сентября 1786.

«Милостивый государь! Я не довольно знакомъ со всѣми тонкос-

тими французскаго языка, чтобы достойно поздравить васъ съ удачными шутками вашими, напечатанными въ № 16, 17 и 18 *Вѣстника Европы*; однакоже, какъ всѣ, говорившіе мнѣ о нихъ, угадали, что въ нихъ соединяется тонкость намѣка съ прелестью выраженія, благородство тона съ изяществомъ языка, то я и заключилъ, что вы должны быть весьма порядочнымъ человѣкомъ, и возмѣнилъ сильное желаніе съ вами познакомиться. Но злые люди позволяютъ себѣ распускать на вашъ счетъ много прескверныхъ сказокъ, я счелъ необходимымъ разъяснить ихъ прежде, чѣмъ предамся влѣкущему меня къ вамъ чувству. Я съ удовольствіемъ убѣдился, что все распущенное на вашъ счетъ одна клевета, что вы не принадлежите къ журнальнымъ торгашамъ, продающимъ свое перо за деньги, продающимъ самое свое молчаніе, и что я напрасно такъ встревожился сдѣланнымъ мнѣ отъ вашего имени пріятелемъ вашимъ, г. Свинтономъ, предложеніемъ; ибо требовать денегъ отъ нѣкоторыхъ людей, такое же простое и позволительное дѣло, какъ и почерпнуть воды въ Темзѣ.

«Изъ всѣхъ сказокъ, рассказанныхъ вами на мой счетъ, лучшая безъ сомнѣнія, есть сказка объ откормленномъ мышьякомъ поросенкѣ, которымъ я будто-бы отравилъ всѣхъ львовъ, тигровъ и леопардовъ Медвскихъ лѣсовъ. Я намѣренъ, г. насмѣшникъ, дать вамъ возможность пошутить надъ этимъ, съ знаніемъ дѣла. Въ физикѣ и химіи разсужденіе ничего не доказываетъ, а насмѣшка еще менѣе; мы вѣримъ одному опыту. Позвольте же мнѣ предложить вамъ опытъ, который вѣ-

роятно позабавитъ публику, на вашъ или на мой счетъ; именно, приглашаю васъ позавтракать со мною 9 ноября, въ девять часовъ утра. Вы позаботитесь о винѣ и прочихъ побочных статьяхъ; я же доставлю одно блюдо своего издѣлія; поросенка, откормленнаго по моему методу. За два часа до завтрака, обязуюсь представить его на лицо живаго, жирнаго и въ совершенномъ здоровьи. Вы сами позаботитесь о приготовленіи его, а я обязуюсь не подходить къ нему до того времени, какъ онъ будетъ поданъ на столъ. Вы сами разрѣжете его на четверо; возьмете ту часть, которая вамъ больше будетъ по вкусу, и мнѣ дадите тотъ кусокъ, какой заблагоразсудите.

«На слѣдующій день послѣ завтрака, должно случиться одно изъ четырехъ: или мы умремъ оба, или останемся живы, или я умру, а вы останетесь живы, или, наконецъ, вы умрете, а я останусь живъ. Изъ этихъ четырехъ случаевъ, три отдаю въ вашу пользу, и предлагаю пари о 3000 гиней (около 22,000 руб. сер.), въ томъ, что на слѣдующій день послѣ завтрака вы умрете, а я буду живъ и здоровъ. Вы видите сами, что болѣе великодушныхъ условій предлагать нельзя, и должны или принять пари, или сознаться, что вы невѣжда, и преглупо трунили надъ тѣмъ, чего не понимаете.

«Если вы принимаете мое предложеніе, я немедленно отдамъ 3000 гиней тому банкиру, котораго вамъ угодно будетъ мнѣ назначить. И васъ прошу сдѣлать тоже до истеченія двухъ недѣль.

«На что бы вы ни рѣшились, я надѣюсь, что вы удостоите письмо мое помѣщеніемъ въ будущемъ № вашего журнала, въ видѣ при-

писки къ замысловатой, хотя нѣсколько запоздалой критики, которою вы удостоили мою статью.

«Съ почтеніемъ, какое питаютъ къ вамъ всѣ, имѣющіе счастье быть съ вами въ сношеніяхъ, имѣю честь, и проч.»

Если кого либо озадачило это письмо, то именно бѣднаго Моранда. Не прошло недѣли, какъ пари за того или другаго изъ участниковъ этой оригинальной дуэли, составляли уже болѣе милліона. Что дѣлать Моранду? Онъ принялъ пари не лично, а черезъ повѣреннаго. Калиостро не согласился на распоряженіе Моранда, и объявилъ его побѣжденнымъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1791 г. Калиостро былъ схваченъ въ Римѣ, какъ сообщникъ тайныхъ обществъ, приговоренъ къ вѣчному тюремному заключенію, и умеръ, говорятъ, въ 1795 г.; въ замкѣ Св. Леона, гдѣ содержался подъ именемъ Юсіфа Бальзамо. Несчастный же соперникъ его Морандъ возвратился во Францію и убитъ въ тюрьмѣ Аббатства, во время Сентябрской рѣзни.

ГЕНРИЕТТА ФОНЪ-ПАЛЬЦОВЪ

(некрологъ.)

Эта замѣчательная писательница, скончавшаяся въ ночь съ 30-го на 31-е октября 1847 года, занимала почетное мѣсто въ современной германской литературѣ. Безъ происковъ, безъ покровительства, только талантомъ и внутреннимъ достоинствомъ своихъ произведеній, она достигла извѣстности и славы. Первое сочиненіе ея *Godwic-Castle*, не чуждое утомительныхъ длиннотъ и обличающее жен-

ское перо, долго не находило издателей. Она разослала отрывки изъ него, безъ означенія своего имени, многимъ значительнымъ книгопродавцамъ, но они оставляли ихъ безъ вниманія; наконецъ книгопродавецъ Максъ, въ Бреславлѣ, замѣтивъ въ нихъ талантъ, напечаталъ романъ, не справляясь объ имени автора. Романъ имѣлъ успѣхъ и первое изданіе быстро разошлось; но какъ изумился издатель, полагавшій, вмѣстѣ съ публикою, что это произведеніе какого нибудь важнаго лица, боявшагося неблагоприятныхъ отзывовъ критики, какъ изумился онъ, когда узналъ, что оно написано женщиною!

За *Годвикъ-Кестлемъ* послѣдовалъ въ 1839 году «*Св. Рокъ*» (*St. Roke*) романъ превосходный, въ которомъ нѣкоторыя мѣста (напр. вступленіе законнаго владѣльца въ имѣнія его праотцовъ) исполнены высокой поэзіи. Искусное распределеніе плана, изящество языка, благородство и возвышенность чувствованій произвели сильное впечатлѣніе и увеличили славу писательницы. Третьимъ произведеніемъ ея былъ *Томасъ Турнау* (*Thomas Thurnau*), который всегда будетъ высоко стоять въ нѣмецкой литературѣ, потому что съ достоинствами прежнихъ сочиненій госпожи Пальцовъ соединяетъ свѣтлую и нѣжную прозу. Это произведеніе ставитъ ее гораздо выше многихъ нашихъ нувелистовъ и романистовъ: она тоже вмѣшивается въ политику, но какъ благородно и возвышенно! И мудро ли, что политическій водоворотъ, захватившій всю изящную литературу Германіи, увлекъ и женщину, вмѣстѣ съ другими замѣчательными умами? —

Послѣднимъ произведеніемъ г-жи Пальцовъ былъ *Яковъ фанъ-дербъ-Нессъ* (Jakob van der Nees,) окончаніе котораго должно было составить особенный романъ; оно произвело менѣе сильное впечатленіе, чѣмъ предыдущія, хотя отличается первоклассными красотами и поэтическою полнотою. Критика едва коснулась его, занятая восхваленіемъ всевозможныхъ радикальныхъ поэзій и повѣстей.

Вотъ краткій очеркъ литературной дѣятельности г-жи Пальцовъ; писательницы съ большимъ талантомъ, едва знакомой русской публикѣ по журнальнымъ переводамъ «Томаса Тирнау» и «Якова фанъ-дербъ-Неса.» Жаль, что смерть слишкомъ рано лишила нѣмецкую литературу одного изъ лучшихъ украшеній ея!

БРЮХО ДЕЗЕССАРА,

ИЛИ НАСЛѢДСТВО КОРОЛЕВСКАГО
СЛОНА.

Обжорство было въ большой чести у древнихъ; не говоря даже о нашихъ русскихъ сказочныхъ богатыряхъ и витязяхъ, или богатыряхъ германскихъ и гальскихъ, возьмите гербовъ самаго просвѣщеннаго, самаго изящнаго народа древности, грековъ; герои Гомера такіе же богатыри въ прожорствѣ, какъ и на полѣ битвы. Они съѣли бы живьемъ ученаго повара, который вздумалъ бы ихъ поподчивать розлымъ англійскимъ ростбифомъ, не говоря уже о миниатюрныхъ созданіяхъ французской кухни; имъ подавай на столъ цѣлаго бы-

ка, да нѣсколько барановъ, да прикинь еще чего-нибудь! Физическая сила была у древнихъ первымъ достоинствомъ человѣка, по этому не мудрено, что они уважали прожорство, какъ слѣдствіе и знакъ физической силы. Надо же было людямъ, которыхъ невольно представляешь себѣ ростомъ съ Голиафа, и ѣсть соразмѣрно росту. Императоръ Максиминъ, на-пр., простой еракійскій воинъ, который такъ очаровалъ своихъ товарищей огромнымъ ростомъ, что они по смерти Септимія Севера провозгласили его императоромъ, былъ семи футовъ съ половиною, т. е. слишкомъ сажени; удивительно ли; что онъ выпивалъ въ день цѣлую амфору вина и съѣдалъ болѣе пуда мяса, не считая рыбы и мелкой дичи. И такихъ примѣровъ, въ одной исторіи Греціи и Рима, не перечесть.

Однимъ изъ послѣднихъ представителей этой породы обжоръ, нынѣ, говорятъ, совершенно вымершей, былъ Дешане, по прозванію Дезессаръ, актеръ парижскаго Французскаго Театра. Онъ ѣлъ за четверыхъ; индѣйка съ трюфелями, пара куропатокъ и цыпленокъ, были ему ни почемъ. За то и объемъ его тѣла соответствовалъ вмѣстимости его желудка. Столъ доброе дѣло; но это удовольствіе, какъ и всякое другое, имѣетъ свою неприяную сторону. Представьте себѣ, что человѣкъ, расположенный отъ природы расти въ ширину; станетъ удовлетворять своей склонности къ хорошему столу; онъ станетъ толстѣть, толстѣть; и мало того, что дородство можетъ быть во многихъ отношеніяхъ въ тягость, оно, пожалуй, дойдетъ даже до уродливости.

Разсуждать о выгодахъ и ве-

выгодахъ дородства и о худобѣ можно только въ шутку: это значитъ пересыпать изъ пустаго въ порожнее, тоже, что разсуждать о преимуществѣ черныхъ или голубыхъ глазъ; съ поковъ вѣку разбирается этотъ вопросъ, и никогда не будетъ рѣшевъ. Со всѣмъ другое дѣло на театрѣ: излишняя дородность можетъ имѣть много непріятныхъ послѣдствій. Дородность самое жестокое наказаніе для актера; дайте ему вѣсколько лишнихъ вершковъ окружности, и онъ принужденъ перейти отъ ролей первыхъ любовниковъ къ ролямъ благородныхъ отцовъ, что также непріятно на сценѣ, какъ и въ свѣтѣ.

Но возвратимся къ Дезессару. Онъ испыталъ послѣдствіе своего прожорства; растолстѣлъ до уродливости. Къ несчастію, тогда еще не существовало никакихъ *трактатовъ о дородности*, въ которыхъ бы можно было отыскать средства противъ этого неудобства. Изъ счетовъ театра видно, что когда Дезессаръ игралъ роль Оргона въ Тартюфѣ, для него должнo было сдѣлать особый столъ, повыше и поширѣ, потому что онъ не могъ подлѣзть подъ обыкновенный столъ. Презабавенъ онъ былъ въ нѣкоторыхъ роляхъ, требовавшихъ худощавости. Когда въ роли Пети-Жано, въ комедіи *Тяжущіеся*, онъ говорилъ: «Съ тѣхъ поръ я не знаю сна, худѣю съ каждымъ днемъ,» весь театръ помиралъ со смѣху. Еще поразительнѣе было противорѣчіе его наружности съ положеніемъ представляемаго лица, въ драмѣ Дефонтеа *Покореніе Париза*. Дезессаръ игралъ въ ней роль еупческаго головы, приходящаго къ королю съ повинною отъ истощеннаго голодомъ народа; и

представляя страданія согражданъ, самъ онъ казался такъ здоровъ, такъ откормленъ, что не вѣрилось его словамъ. И сколько забавныхъ анекдотовъ породила эта роль. Одинъ разъ, на-пр., какой-то провинціалъ, пораженный его почтеннымъ брюхомъ, закричалъ во весь театръ: «Врутъ они канальи! Этотъ вѣрно ужъ не постился.» Можно себѣ вообразить олимпійскій хохотъ, поднявшійся въ залѣ, и перешедшій даже на сцену, гдѣ и самъ голова едва удерживался отъ смѣху.

Брюхо Дезессара было вѣчнымъ предметомъ насмѣшекъ и шутокъ его товарищей; онъ все это выносилъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ. Въ особенности доставалось ему отъ Дюгазона, который былъ грѣшенъ противоположнымъ недостаткомъ, и не упускалъ ни одного случая поднять своего пріятеля на смѣхъ.

Разъ, вечеромъ, Дюгазонъ былъ болѣе обыкновеннаго расположенъ шутить; это было послѣ представленія драмы Дефонтеа. Дезессаръ былъ въ фойе.

— А вѣдь правъ былъ тотъ молодецъ, сказалъ Дюгазонъ, отступая на шагъ, какъ бы желая хорошенько осмотрѣть эту массу жира; ты растолстѣлъ — хоть куда.

— Ты думаешь? спросилъ Дезессаръ, потряхивая отъ хохоту свое почтенное брюхо.

— Кромѣ шутокъ!... Я готовъ держать пари, что слонъ Ботаническаго сада не толще тебя.

— А знаете, кстати; подхватилъ кто-то; что слонъ окодѣлъ.

— Неужели? воскликнулъ Дюгазонъ.

— Сегодня объявлено въ газетахъ. Большая потеря для звѣринца; одинъ только и былъ... Не скоро достанутъ другаго.

— Кромѣ шутокъ? спросилъ Дюгазонъ.

— А славный былъ слонъ, сказалъ Дезессаръ съ сожалѣніемъ; право жаль его; чудное животное.

— Прекрасное животное!

— И какой смиренный..... продолжалъ Дезессаръ; я нѣсколько разъ ходилъ смотрѣть его съ Бризаромъ; онъ встрѣчалъ меня, какъ пріятеля.

— Не удивительно; чуялъ, что сродни.

— Спасибо, отвѣчалъ Дезессаръ; надѣюсь, что между мною и слономъ сходства немного.

— И да, и нѣтъ, возразилъ Дюгазонъ, смѣясь. А кетати, Дезессаръ, продолжалъ онъ, будто вспоминая, сослужи мнѣ службу.

— Какую? спросилъ Дезессаръ, всегда готовый услужить пріятелю.

— Я завтра долженъ играть по словицу у министра; мнѣ нуженъ смысленный помощникъ.

— Изволь, отвѣчалъ Дезессаръ.

— Такъ я за тобою заѣду; жди меня.

— А какъ же мнѣ надо одѣться?

— Въ простое платье, отвѣчалъ Дюгазонъ; впрочемъ, я пріѣду къ тебѣ пораньше; мы успѣемъ все уладить.

— Какъ знаешь; я буду тебя ждать.

Было уже поздно, товарищи разошлись.

На слѣдующій день, въ девять часовъ, Дюгазонъ явился къ Дезессару.

— Скорѣе, скорѣе, вскричалъ онъ, входя, пора намъ ѣхать.

— Да въ какомъ мнѣ быть костюмѣ? спросилъ опять Дезессаръ.

— Надѣнь трауръ. Ты долженъ представлять наследника.

— Хорошо, но....

— Объ остальномъ не беспокойся, я все беру на себя. У меня все приготовлено.

— Такъ ѣдемъ сейчасъ.

Дезессаръ перерылъ всѣ шкафы, и одѣлся на скорую руку; а Дюгазонъ, между тѣмъ, вытащилъ изъ кармана дымку и птерезы, и навязалъ ихъ на своего друга.

— Превосходно, сказалъ онъ, осматривая Дезессара, снаряженнаго въ полный церемоніальный трауръ; мы будемъ имѣть неистовый успѣхъ.

— Ты думаешь?

— Непремѣнно!.... Самъ увидишь.

Друзья отправляются; пріѣзжаютъ къ министру. На колокольнѣ било десять часовъ. Балъ во всемъ разгарѣ.

Друзья останавливаются въ первой залѣ.

— Условимся же въ содержаніи, сказалъ Дезессаръ.

— Сейчасъ, дай мнѣ только представить тебя министру, отвѣчалъ Дюгазонъ.

Лакей отворилъ обѣ половинки двери пріемной. Разсуждать уже было не время.

Дюгазонъ первый подошелъ къ министру, и сказалъ, представляя товарища:

— Ваше превосходительство, артисты Французскаго Театра весьма огорчены смертью прекраснаго слона, бывшаго лучшимъ украшеніемъ королевскаго звѣринца, и утѣшаются только тѣмъ, что могутъ представить его величеству случай наградить многолѣтнія заслуги нашего товарища Дезессара. Словомъ, ваше превосходительство, я пришелъ отъ имени Французскаго Театра, просить для Дезессара наследства послѣ слона.

Эта шутка превосходила мѣру

позволительной шутки. Всѣ присутствующіе померли со смѣху, выслушавъ забавную рѣчь: всѣ глаза устремились на несчастнаго наследника, который одинъ стоялъ, какъ вкопанный, ничего не видя и не слыша. Оправившись, наконецъ, отъ пораженія, онъ бросился, какъ бѣшеный домой, и тотчасъ же послалъ Дюгазону вызовъ, написанный въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя было и надѣяться укротить гнѣвъ обиженнаго.

Однако же, когда противники съѣхались въ назначенное мѣсто, секунданты пытались еще примирить ихъ; но Дезессаръ, въ первый разъ въ жизни, былъ неумолимъ. «Одному изъ насъ оставаться на мѣстѣ!» кричалъ онъ. Шуткѣ угрожала трагическая развязка.

Секунданты отмѣрили пространство; противники взяли шпаги, и готовы уже были сразиться, какъ вдругъ Дюгазонъ, будто по небесному вдохновенію, пресерьозно закричалъ:

— Постой, Дезессаръ, одно мгновѣніе.

— Что такое? спросилъ Дезессаръ съ досадою, какъ человѣкъ,

желающій поскорѣе кончить дѣло.

— Мнѣ, право, совѣстно драться съ тобою. Ты представляешь мнѣ такую огромную поверхность, что я по чести не могу пользоваться всѣми своими выгодами. Дай мнѣ немножко уравнять обѣ стороны.

Съ этими словами, онъ вынимаетъ изъ кармана кусокъ мѣла, чертитъ на брюхѣ Дезессара кругъ, и говоритъ съ тою же торжественностью: «Все, что упадетъ внѣ круга, не въ счетъ.»

Даже самъ Дезессаръ не устоялъ противъ этой новой шутки; онъ расхохотался, и дѣло было выиграно; смѣшная дуэль превесело кончилась въ сосѣднемъ трактирѣ. Дезессаръ, не смотря на всѣ тревоги дня, ѣлъ и пилъ съ обычнымъ богатырскимъ апетитомъ.

Пирушка была самая шумная; гости много пили, и къ десерту всѣ головы до того развеселились отъ шампанскаго, что Дезессаръ, первый, при громкихъ кликахъ товарищей, провозгласилъ тостъ:

— За наследство королевскаго слона!

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Bald ist es dieß, bald ist es das,
Bald ist es nicht's, bald ist es was!

ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ И СЛУХИ.

Въ Москвѣ недавно давали новую русскую оперу, извѣстнаго нашего композитора г. Даргомыжскаго. Либретто составлено очень граматно изъ драмы «Эсмеральда.» Музыка отличается многими красотами и свидѣтельствуесть объ вкусѣ и совѣстливомъ изученіи законовъ музыки вообще и теоріи современной оперы въ особенности. Опера *Эсмеральда* имѣла огромный успѣхъ и композиторъ былъ много разъ вызываемъ. Парти были розданы весьма удачно и выполнены нашими петербургскими оперными артистами съ усердіемъ и похвальною добросовѣстностію. Главныя роли занимали: Эсмеральду — г-жа Семенова; Флеръ де-Ли г-жа Лилева; Феба — г. Леоновъ; Кюда Фроло — г. Артемовскій, Казимодо; — г. Куровъ (басъ). Успѣхъ этотъ былъ заранѣе предсказанъ г. Даргомыжскому въ Парижѣ, послѣ исполненія въ концертѣ нѣкоторыхъ нумеровъ, извѣст-

нымъ знатокомъ дѣла, Берлиозомъ. Мы радуемся, что предсказанія знаменитаго критика такъ скоро сбылись. У насъ такъ мало творческихъ талантовъ по части музыки, что мы должны встрѣчать каждаго новаго художника съ истиннымъ призваніемъ — съ распростертыми объятіями. Милости просимъ, почтенный композиторъ! Мѣсто ваше, возлѣ Глинки, было не занято!

Въ *Эсмеральдѣ* производила всеобщій восторгъ новая танцовщица, недавно прибывшая изъ Парижа, г-жа *Ирка Матьясъ*. Говорятъ, что она обворожительно танцуетъ испанскій танецъ *El Zapateado*, что это просто огонь, вылитый въ женскія формы. *Ирка Матьясъ* въ Большой Парижской оперѣ дебютировала съ успѣхомъ, даже рядомъ съ Карлоттою Гризи и Фанни-Леонъ. Въ ней много граціи, гибкости, душевнаго участія. Танцы ея отличаются вкусомъ и скромностію. Отдѣлка па чиста и невычурна-

Притомъ она прекрасная мимистка. Она дебютировала въ *Сильфидъ*, этомъ пробномъ камнѣ всѣхъ хореографическихъ талантовъ, и имѣла успѣхъ блистательный, не смотря на соперничество съ любимицей Москвы, г-жею Санковской. Парижане не мало жалуютъ объ ея утратѣ. Поздравляемъ московскій театръ съ этимъ прекраснымъ приобрѣтеніемъ, для его балета оно было необходимо.

—

Намъ предстоятъ скоро два послѣдніе зимніе бенефиса, двухъ первыхъ и лучшихъ артистовъ русской сцены — г. Мартынова и г-жи Самойловой 2-й. Если судить по изготовляемымъ для нихъ пьесамъ, бенефисы эти обѣщаютъ быть лучшими въ нынѣшнемъ театральномъ году (оканчивающемся 22-го февраля; извините! театръ не слѣдуетъ ни юліанскому, ни грегорианскому календарю: у него свое лѣтосчисленіе.) Въ бенефисъ г. Мартынова, въ которомъ будетъ участвовать и жена его (урожденная Шелихова), даны будутъ: комедія П. С. Оеодорова «*Гони любовь въ дверь, она войдетъ въ окно*»; оперетта П. И. Григорьева и Кажинскаго «*хорошъ мужъ, да недурна и жена*»; картинка - фарсъ молодого, еще неизвѣстнаго, но талантливаго писателя «*Ай, да французскій языкъ!*» и еще водевилъ г. Акселя и Ком.

Изъ бенефиса В. В. Самойловой намъ пока извѣстна только одна пьеса; но она стоитъ всѣхъ остальныхъ: это оригинальная комедія покойнаго Н. И. Хмѣльницкаго. Прекрасное дарованіе бенефициантки замѣнить все остальное.

На Итальянской оперной сценѣ, готовить «*Роберта*» — Майербера. Это будетъ явленіе любовытное и замѣчательное и вырветъ, наконецъ, публику изъ однообразія итальянской композиціи. Интересно послушать, какъ наши итальянскія знаменитости совладѣютъ съ этимъ колоссальнымъ произведеніемъ новѣйшей музыкальной школы. Партія *Роберта* назначается Сальви, *Бертрана* — Тамбурины, *Изабеллы Джули* — Борсѣ *Алисы* — Фрецолини; обстановка блистательная, надо ожидать огромнаго успѣха.

—

Какъ слышно, нашъ Французскій театръ въ нынѣшнемъ году слѣдуетъ важное приобрѣтеніе. Труппа, и безъ того превосходная, умножится еще г. *Кларансомъ*, отличнымъ артистомъ театра Сенмартенскихъ воротъ, на роли молодыхъ любовниковъ (*jeune premier*). Мы имѣли случай не разъ любоваться игрою *Кларанса*, на сценѣ Одеона и на Сенмартенской, рядомъ съ Бокажемъ и Фредерикомъ Леметромъ; а это много, потому-что возлѣ художниковъ такой величины, все остальное исчезаетъ.

—

Великое открытіе. Изъ Брауншвейга пишутъ отъ 16-го декабря, что при перестройкѣ герцогскаго Бланкенбургскаго дворца, на дняхъ нашли въ потайной нишѣ весьма важныя и любовытныя бумаги XVII и XVIII столѣтій. Между нами находится обширная переписка Брауншвейг-

скаго двора къ Русскимъ кабинетомъ, множество собственно-ручныхъ писемъ Петра Великаго, Екатерины II и Шарлотты-Софiи, супруги царевича Алексѣя Петровича. Кроме того, тутъ же отыскана знаменитая рукопись нѣмецкаго поэта Банера, подъ названiемъ: *самоцвѣтный камень или сто басенъ*. Пока, всѣ эти бумаги сложены въ государственнiй архивъ, въ Вольфенбюттелъ, но увѣряютъ, что важнiйшiя изъ нихъ будутъ обнаружены. Важное приобрѣтенiе и для исторiи и для литературы!

Мелкая промышленность въ крупномъ размѣрѣ. Въ Парижѣ на дняхъ захвачена цѣлая шайка кавалеровъ индустрии, т. е. мелкихъ промышленниковъ, которые очищали челоуѣчеству карманы въ самыя сладостныя для него минуты. Сценою ихъ дѣятельности были балы, концерты, маскарады, театры, — словомъ, всѣ мѣста, гдѣ челоуѣкъ меньше всего думаетъ о своемъ карманѣ. Они отирали свое дѣло съ величайшей ловкостью и щегольствомъ: принимали великолѣпную квартиру, давали вечера, одѣвались франтами, и по ночамъ, послѣ трудовъ, съѣзжались въ богатыхъ экипажахъ вмѣстѣ поужинать, поболтать, покурить за пуншевою чашею и потомъ раздѣлить между собою добычу. Въ кладовой ихъ, отдѣланной роскошнымъ кабинетомъ, нашли: 978 кошелевъ и бумажниковъ; разумѣется пустыхъ; 183 зонтика, 1016 носовыхъ платковъ; 219 часовъ; 154 часовыхъ цѣпочекъ,

76 театральныхъ трубочекъ, 54 лорнета, и многое-множество дамскихъ браслетовъ, серегъ, портбукетовъ и проч. Эта компанiя на акцихъ состояла изъ 96 челоуѣковъ.

Челоуѣкъ, по опредѣленiю одной Американской газеты — есть разумное, двуногое животное, безъ перьевъ, — рисующее солнечными лучами, развѣзжающее на парахъ, и говорящее молнiями (электрическимъ телеграфомъ).

Статуя, изображающая Баварiю — которая теперь изготавляется по приказанiю Баварскаго Короля, для украшенiя Храма Славы, который онъ воздвигаетъ близъ Мюнхена, въ честь прославившихся баварцевъ, могла бы, по всемъ правамъ, назваться восьмымъ чудомъ свѣта, если бы въ наше время еще вѣрили въ какiя нибудь чудеса. Она выльплена знаменитымъ Шванталеромъ, отливается и отчеканивается по мелкимъ частямъ, и въ цѣломъ мiрѣ не будетъ имѣть себѣ подобной. Чтобы дать понятiе о ея колоссальности, скажемъ только, что въ головѣ и въ туловище ея помѣстилось 25 челоуѣкъ, а во внутренности нижней ея части, обидали сорокъ челоуѣкъ. Отъ самаго пьедестала до головы, внутри проведены легкiя лѣстницы. Вышина всей статуи семьдесятъ футовъ. Въ лѣвой рукѣ она держитъ поднятiй вверхъ лавровый вѣнокъ, правою прижимаетъ къ груди мечъ. Дикiй германскiй костюмъ напоминаетъ о древнемъ проис-

хожденіи баварцевъ. У ногъ ея огромный левъ. Художники не нахвалятся этимъ мастерскимъ произведеніемъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СЛОВАРЯ ОБЩЕ-
СТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

Красота — Замавка для простачковъ; — цвѣтистое платье, которое скоро приходится отдавать въ краску.

Приданое — остроумная мужеловка. Главное достоинство невѣсты; озорный пунктъ — жены; предметъ усердія — мужа.

Другъ — родъ пѣявки, которая до тѣхъ поръ не отпадаетъ, пока еще можетъ сосать.

Геній — Существо съ длинными волосами и въ усахъ, которое живетъ на чужой счетъ и отлааетъ статьи свои въ журналы — даромъ. Его хватаетъ обыкновенно на одну повѣсть и на два фельетона.

Щеголь — мануфактурное произведение портнаго.

Разумъ — способность наживать враговъ.

Честность — свойство весь вѣкъ прожить нищимъ.

Смѣтливость — матерьялъ для постройки каменнаго дома.

Никто — вѣкто, причиняющій много зла на свѣтъ.

Некрологи — отдѣлъ въ газетахъ, назначенный для обвародованія новыхъ открытій, на пр. добродѣтелей мертвеца, которыхъ въ живомъ никто не замѣчалъ.

Мудрость — свойство, которое каждый признаетъ въ себѣ, кромѣ того, кто его имѣетъ дѣйствительно.

Влюбленные — люди, которые немилосердно лгутъ другъ предъ

другомъ, чтобы обмануть самихъ себя.

Женщина — флюгеръ, который тогда только перестаетъ вертѣться во все стороны, когда заржавѣетъ.

Жена — существо, неопредѣленное еще вполне физиологами. По Саломону — вѣнецъ мужа; по Сисмонди — караблукрушеніе мужа; по другимъ — управитель, сажающій мужа на тягло и собирающій съ него оброки.

Почестъ — Пока ее незнаешь, она ничто; когда узнаешь — она меньше, чѣмъ ничто.

Желудокъ — источникъ всѣхъ возвышенныхъ мыслей; всѣхъ великихъ лъль, и часто, всѣхъ добродѣтелей человѣка.

Сердце — начало всѣхъ нравственныхъ болѣзней.

Мечта — все то, что жизнь отпускаетъ намъ даромъ, и чего не пролаютъ на большихъ торжествахъ и на мелкихъ рынкахъ.

Невѣста — горькая пилюля, которую золотятъ, чтобы ее легче было проглотить.

Кокетка — широкое зеркало, которое принимаетъ все образы и ни одного не удерживаетъ.

о: кони.

Правосудіе судьбы — обнаружилось недавно, самымъ яркимъ образомъ, въ происшествіи, случившемся въ Швейцаріи, близъ Женевскаго озера. По горной дорогѣ прокрадывались двенадцать контрабандистовъ изъ Берна: каждый несъ по мѣшку пороха. Послѣдній началъ замѣчать, что поща его становится все легче, снялъ мѣшокъ съ плеча и, осмотрѣвъ его, увидѣлъ, что въ немъ есть дыра, изъ которой порохъ сыпался по всей дорогѣ тонкой полосой. Мошенники

вспугались, по этому слуху ихъ можно было открыть. Они съли на мышки свои отдохнуть, а одного послали по дорогѣ, чтобы онъ уничтожилъ на ней улику. Тотъ побѣжалъ назадъ, къ самому мѣсту, отъ котораго начиналась полоса пороху. Что бы кончить дѣло разомъ, онъ приумалъ поджечь его тротомъ. Чрезъ минуту раздался оглушительный взрывъ, который двадцать разъ повторился въ горахъ: мышки взлетѣли на воздухъ и все контрабандисты были разорваны по клочкамъ.

ГОЛОДНЫЙ БАРИНЪ И ЕГО
ЛАКЕЙ.

(Куплетъ изъ новаго водевиля).

Баринъ (сидя за чужимъ обѣдомъ.)

Въ нашемъ несчастіи опасно сомнѣніе,

Будемъ-же вѣрять и ждать...

Будемъ испытывать наше терпѣніе,

Будемъ обѣдъ доѣдать!

Въ жалобахъ время напрасно лишь губится,

Жизнь безъ того — коротка...

Полно-же, Левка-братъ! стерпится-слобится...

(Отдавая пустую тарелку).

На; замори червяка.

Счастье не прочное намъ назначается,

Всякой своимъ дорожи:

Пусть такъ иной черезъ-чуръ обѣдается,

Ты-же хоть кость поглоти,

Въ жизни, какъ я посмотрю и полюблю-шаю,

Все намъ дается Творцомъ:

Я вотъ, какъ баринъ, телятину кушаю,

Ты же — будь сытъ огурцомъ!

П. ГРИГОРЬЕВЪ.

Клубъ невѣсть — въ Нью-Йоркѣ и Клубъ холостыхъ — въ Филадельфій. — Въ прошломъ

годѣ основался въ Нью-Йоркѣ, клубъ молодыхъ дѣвушекъ, крѣпко желающихъ выдти замужъ.

Цѣль клуба обращать холостяковъ на путь истинный т. е. къ женитьбѣ. Почитая всѣхъ не женатыхъ естественными своими

врагами, дѣятельный клубъ объявилъ имъ страшную войну. Вловцы такъ-же не ускользнули

изъ подъ его надзора, напротивъ, на нихъ налегаютъ еще болѣе, какъ на людей опытныхъ,

посвященныхъ въ таинства семейнаго счастья, которые своей нескромностію могутъ причинить клубу гораздо больше

вреда, чѣмъ упорные и равнодушные юноши. На вловцовъ смотрятъ, какъ на предателей,

и преслѣдуютъ ихъ жестоко. Клубъ посылаетъ къ холостякамъ

поочередно повѣстки, съ приглашеніемъ избрать себѣ по-другу жизни и съ назначеніемъ на

то срока. Если молодой человекъ не подчиняется требованію, его преслѣдуютъ неутомимо на

всѣхъ путяхъ: ему мѣшаютъ въ дѣлахъ, его векселя скупаютъ и подаютъ ко взыскацію, его портному не позволяютъ вѣрять ему

вдолгъ, его кухарку смываютъ, его любовницъ отыскиваютъ выгоднѣйшаго обожателя; словомъ,

употребляются все средства, чтобы сдѣлать холостую жизнь невыносимою, свести человека съ ума и заставить жениться. Эта

тактика прекраснаго пола вполне удалась и ужъ многіе десятки юношей на немъ поскользнулись или остушились.

Молодежь, видя и чувствуя угрожающую ей опасность, теперь такъ же соединилась въ

клубъ холостяковъ, котораго

цѣль противудѣйствовать клубу невестъ. Въ прошломъ ноябрѣ это учрежденіе открыто въ Филателии торжественною рѣчью, въ которой доказано, какъ дважды-два, что женится — есть добровольная кабала, на которую способенъ одинъ только слабомышлый. Но, чтобы показать прекраснымъ неприятелиницамъ, что онъ вовсе не составляютъ предмета ненависти холостяковъ, клубъ далъ великолѣпный балъ, на которомъ оркестромъ дирижировалъ знаменитый негръ *Жонсонъ*, Сьеро - Американскій Страусъ. Слѣдствія этаго необдуманнаго бала были пагубны для клуба: на слѣдующій день 60 человекъ объявили, что они выступаютъ изъ общества; 40 изъ нихъ уже сознали, что женщины, хоть и коварный полъ, но сердцу милы!

ФРАНЦУЗСКІЙ СТОЛЪ И РУССКАЯ КУХНЯ.

Говорятъ, французскій столъ

Объяденье! — просто враки!

Что ихъ гений произвелъ

Лучше Русской *кумбьяки*?

Это чудо изъ чудесъ;

Это въ лицахъ — небылица;

Это злобный Геркулесъ;

Беспословная жаръ-пгаца!

Это знамя поваровъ,

Это дьяволъ... Мефистофель...

И отъ русскихъ пироговъ

Не потянешь на картофель!

и хмѣльницкій.

Берлинскіе вызовы жениховъ и невестъ черезъ газеты — извѣстны цѣлому міру. Тамъ въ обычаѣ жениться и выходить за-мужъ съ публичнаго торга. Недавно въ газетахъ появи-

лась статья, что двадцати-лѣтняя вдова-красотка, съ 15-ю тысячами талеровъ доходу, ищетъ себѣ сожителя и приглашаетъ желающихъ вступить въ законное супружество на такихъ кондиціяхъ, являться, для личнаго свиданія, въ кондитерскую В. Т. подъ липами. Съ утра до ночи въ кондитерской не было проходу; не успѣвали изготовлять мороженое — для охлажденія нетерпѣливыхъ, и глюентъ-вейнъ — для возбужденія угасшихъ страстей. Такъ продолжалось цѣлую недѣлю, но обѣгованная незнакомка все не являлась. Наконецъ, открыли, что все объявленіе было ничто иное, какъ остроумный пуфъ ловкаго кондитера, который дѣйствительно нажилъ порядочный кушъ! Да здравствуетъ промышленность!

Анекдотъ à propos des bottles!

— Въ кофейной одной изъ Древнихъ столицъ, гдѣ собираются обыкновенно актеры, молодые писатели, загулистые волокиты, потолковать о томъ, о семъ, сидѣлъ и одинъ великій трагикъ, забвѣнній въ городѣ, и съ жаромъ изливалъ свое неудовольствіе на холодность современной публики. «То-ли дѣло было прежде, — говорилъ онъ, — выйдешь на сцену — громъ рукоплесканій тебя встрѣчаетъ; крикнешь фразу — театръ затрещитъ, размахнешь руками врозь — новый громъ аплодисмана! А теперь... хоть надсади грудь, хоть вывихни всѣ суставы, хоть заплаши качучу... только шумокъ по залѣ, и больше ничего!» — Да, — отвѣчалъ простодушно знаменитый комикъ города, — правда твоя; нынче ужъ совсѣмъ не та публика: ее не надуешь!

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

КОЛОМЕНСКІЙ НАХЛѢБНИКЪ

и

МОНШЕРЪ.

ВОДЕВИЛЪ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

П. С. ФЕДОРОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

- ИВАНЪ КУЗМИЧЪ ДУБАСОВЪ**, *отставный теат-*
ральный музыкантъ . . . . . Г. Григорьевъ.
АННА ПРОКОФЬЕВНА, *жена его*. . . . . Г-жа Громова.
СОНИЧКА, *ихъ дочь*. . . . . Г-жа Розанова.
АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВИЧЪ МИГУШКИНЪ . . . . Г. Максимовъ.
АНТОНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ФАРКОВЪ, ... Г. Мартыновъ 1.
СТЕПАНИДА ФЕДОРОВНА ЛАПКИНА, *жилища Дуба-*
сова . . . . . Г-жа Липская.
МАТРЕНА, *кухарка Дубасовыхъ*. . . . . Г-жа Гусева.

Дѣйствіе происходитъ въ Коломнѣ, въ домъ и квартиру Дубасова.

Театръ представляет небольшую комнату, скромно меблированную. Въ глубинѣ сцены и по бокамъ двери; съ правой стороны печка, съ лѣвой окно и фортепьяно. Впереди столъ, покрытый скатертью, и другой съ письменнымъ приборомъ. На стѣнахъ картички. У задней стѣны шкафъ.

Я В Л Е Н І Е I .

ДУБАСОВЪ. (У письменнаго стола, сидитъ за счетной книгой; ДУБАСОВА у другою стола, на которомъ стоитъ кофейникъ, чашки и проч. пьетъ кофе; Соничка, играетъ на фортепьяно).

ДУБАСОВЪ. Анна Прокофьевна! воля твоя, а ужъ это ни на что не похоже! Въ прошломъ сентябрѣ ты издержала еще больше денегъ, чѣмъ въ августѣ!

ДУБАСОВА. А мнѣ-то что же дѣлать?

ДУБАСОВЪ. Какъ что дѣлать?... Да вѣдь если этакъ съ каждымъ мѣсяцемъ наши расходы будутъ прибавляться, такъ мы скоро сдѣлаемся нищими!.... Лгу я, или нѣтъ?... Ну, посмотрите, пожалуйста, сколько на одинъ эти мерзкія тряпки вышло денегъ!

ДУБАСОВА. А чтожъ по вашему? Ужъ не ходить ли намъ въ лохмотьяхъ? Вспомните, вѣдь уже дочь ваша невѣста.... не прежнее время, когда ей шили по два ситцовыя платья въ годъ.... Теперь въ ситцовыхъ-то ходятъ одни солдатки да кухарки, а ужъ Соничкѣ нужно и саржевое и шелковое.... и бурнусъ и мантилья.... а не то, хоть и въ люди не показывайся.

СОНИЧКА. (Играетъ на фортепьяно и поетъ, разучивая ноты).

На зарѣ ты ее не буди!....

ДУБАСОВЪ. Ну, если ужъ такая оказія и необходимость, такъ какъ тамъ хочешь, наверстывай на другомъ!.... Вотъ бы, напримѣръ, хоть поменьше пила кофею, а то раза по-четыре, да по пяти въ день пьешь! Лгу я, или нѣтъ!

ДУБАСОВА. Ахъ, батюшка! вотъ нашелъ чѣмъ упрекнуть!.... да этакъ ты скоро запретишь мнѣ и ѣсть!... Господи, да лучше ужъ не жить и на свѣтѣ!...

ДУБАСОВЪ. Ну, пошла!.... слова нельзя сказать!...

ДУБАСОВА. Такъ чтожь вы меня попрекаете?

СОННИЧКА. Ахъ, маменька, какъ вы кричите! вы мнѣ мѣшаете.... (поетъ).

На зарѣ ты ее не буди!...

ДУБАСОВЪ. Не нашла другаго времени учиться?... Уши всѣ прожужжала съ своей проклятой зарей!.... Развѣ не видишь, что мы занимаемся дѣломъ!

СОННИЧКА. А когда же мнѣ прикажете учиться?... Сегодня вечеромъ придетъ учитель, а я еще незнаю урока!

ДУБАСОВЪ. Скажи-ка лучше, что способностей нѣтъ.... вотъ тоже, только даромъ деньги платимъ!.... Лгу я, или нѣтъ?

ДУБАСОВА. Скажите, пожалуйста! ужъ у Соннички нѣтъ способностей.... Пой, душечка, играй!.... Способностей нѣтъ!.... да не дальше, какъ вчера мы были у Сиѣтковыхъ, и когда она заиграла, да запѣла, такъ, просто, всѣ были въ восхищеньи!... и говорятъ всѣ гости: Ахъ, говорятъ, какъ превосходно!

ДУБАСОВЪ. Хороши, видно, гости были! То-то меломаны! Вотъ тоже! помевъше бы шатались по гостямъ, а то сколько на однихъ извошниковъ выходить.

ДУБАСОВА. Да вы съ ума никакъ сходите, Иванъ Кузмичъ, и не пей, и не ѣшь, и не играй, и въ гости не ѣзди!.... Да чтожь мы каторжные что ли какіе съ Сонничкой?

ДУБАСОВЪ. Вотъ баба! Ей говоришь дѣло, а она несетъ вздоръ!... Вамъ вѣдь что? подавай только деньги, а откуда ихъ взять и горя мало! Что? лгу я, или нѣтъ? какъ вы думаете?

ДУБАСОВА. Откуда взять? слава Богу! Мы, кажется, не нищие! у васъ есть пенсія, свой домъ!.... Богъ знаетъ, куда вы дѣваете деньги!

ДУБАСОВЪ. Пенсію, матушка, получаю я всего тысячу рублей ассигнаціями, да съ стараго домишка иногда тысячу, иногда и меньше... итого, двѣ, а въ мѣсяць съ немногимъ полтора-ста ассигнаціями.... а вѣдь вы въ прошломъ мѣсяцѣ издержали почти двѣсти!... Откуда же мнѣ прикажете взять пятьдесятъ-то рублей?... Если этакъ все пойдетъ, такъ и съ домомъ скоро простимся!.... Лгу я, или нѣтъ?

СОННИЧКА. (поетъ).

На зарѣ ты ее не буди!...

ДУБАСОВЪ. Да замолчишь ли ты! Заладила одно, да одно!.... (*передразниваетъ*). На зарѣ ты ее не буди!....

СОНИЧКА. Какъ это мило! Вѣрно сердитесь!.... я пожалуй уйду въ свою комнату!....

ДУБАСОВА. Пой и играй, Соничка, не слушай его!

СОНИЧКА. А вы думаете мнѣ очень пріятно учиться, когда и вы и папичка здѣсь кричите!.... (*съ стороны*). Пойду читать Монте-Кристо и буду думать о немъ!.... (*Уходитъ въ комнату направо*).

Я В Л Е Н І Е II.

ДУБАСОВЪ, ДУБАСОВА.

ДУБАСОВА. Вотъ вѣдь, прогналъ таки....

ДУБАСОВЪ. И слава Богу!.... Нѣтъ, Анна Прокофьевна, намъ надо серьезно подумать о нашихъ дѣлахъ.... какъ хочешь, а приходится жить потише!

ДУБАСОВА. А я вамъ опять таки скажу тоже, что не разъ ужъ говорила: пока Соничка не выйдетъ замужъ, до тѣхъ поръ намъ нельзя скряжничать.... Если она не будетъ хорошо одѣта, да у насъ въ домѣ ничего не будетъ лишняго, тогда она вѣкъ просидитъ въ дѣвкахъ!.... Вотъ найдеть мужа, дѣлайте, что хотите.... я не прихотлива и малымъ буду довольна!....

ДУБАСОВЪ. Опять таки!... да откуда жъ я возьму денегъ?

ДУБАСОВА. Откуда?.... не оставляли бы службы, такъ лучше было бы!

ДУБАСОВЪ. Да! такъ бы и позволили играть на скрипкѣ съ изломаннымъ пальцами!....

ДУБАСОВА. Ну, такъ давали бы уроки....

ДУБАСОВЪ. Уроки! слуга покорный!.... шляться изъ двухъ съ полтиной по улицамъ.... Да нынче и безъ меня сплещомъ много учителей!

Наука что-ли такъ легка,
 Что въ нихъ теперь такой достатокъ:
 На одного ученика,
 Покрайней мѣрѣ, ихъ десятокъ!

Учителемъ всякъ хочетъ быть
И можетъ, наконецъ, случиться,
Что дѣти станутъ ужъ учить
И будетъ некому учиться!

ДУБАСОВА. Пойдите! Иванъ Кузмичъ! Миѣ пришла превосходная мысль!.... Знаете ли, что мы безъ всякихъ хлопотъ можемъ имѣть каждый мѣсяць, покрайнейей мѣрѣ, лишнихъ рублей пятьдесятъ!

ДУБАСОВЪ. Откуда, матушка, откуда?

ДУБАСОВА. Вотъ, вѣдь тебѣ бы этого никогда въ голову не пришло!.... Ты все на меня.... а кто за тебя думаетъ?....

ДУБАСОВЪ. Ну, ну, хорошо! чтожъ ты тамъ выдумала?....

ДУБАСОВА. А вотъ что.... ты вѣдь знаешь, что наша жилища Лапкина держала двухъ нахлѣбниковъ?

ДУБАСОВЪ. Ну, знаю!

ДУБАСОВА. А знаешь ли, что отъ этихъ двухъ нахлѣбниковъ она кормилась сама, платила намъ за квартиру.... да и одѣвалась, право, не хуже другихъ....

ДУБАСОВЪ. Да, это прежде,... а теперь Лапкина стала побогаче насъ, какъ получила наследство послѣ дяди!

ДУБАСОВА. Не въ томъ дѣло, Иванъ Кузмичъ!.... А почему бы, напримѣръ, и намъ не взять нахлѣбниковъ?

ДУБАСОВЪ. Нѣтъ, матушка, хлопотъ много!

ДУБАСОВА. Какіе же хлопоты!... Вотъ эта комната, (*показываетъ пальво*) почти у насъ лишняя.... Особыхъ припасовъ къ обѣду почти не потребуется.... Вѣдь ты помнишь, какъ кормила своихъ Лапкина.... гдѣ трое сыты, тамъ и четвертому станеть....

ДУБАСОВЪ. Все это очень хорошо.... да чужой человекъ въ домѣ.... все какъ-то неловко.... неудобно.... Ну, агу я, или нѣтъ? какъ вы думаете?

ДУБАСОВА. А я, напротивъ, думаю, что хорошій нахлѣбникъ, особенно молодой, холостой человекъ и если еще образованный.... былъ бы даже очень не лишній въ нашемъ домѣ... Во первыхъ, у насъ Соничка невѣста.... и можетъ очень легко понравиться....

ДУБАСОВЪ. Какъ-же, понравится безъ приданого....

ДУБАСОВА. Ахъ, Боже мой! Да я понравилась же вамъ безъ всего!... а Соничка все-таки наследница наша.... получить со временемъ домъ.... да еслибъ даже ничего она не имѣла, такъ все-таки нашла бы жениха.... Образована, хороша, умна.... читаетъ даже по-французски романы!....

ДУБАСОВЪ. Ну, ну, ладно!...

ДУБАСОВА. Во вторыхъ, у васъ былъ бы прекрасный компаньонъ.... могъ бы иногда поговорить съ вами и въ шашки поиграть.... Да ужъ возьмите одно: вы съ нами никуда не ходите, все наровите въ клубъ.... а однимъ женщинамъ не всегда безопасно ходить по улицамъ.... Мы и то замѣтили съ Соничкой, что какой-то молодой кавалеръ нѣсколько уже дней, какъ хвостъ все толкается за нами.... да этотъ видно робокъ, что ходить только издали, а случалось не разъ, что насъ просто провожали и такія глупости говорили, что, просто, стыдъ!.... Ну, а какъ заведется нахлѣбникъ, такъ у насъ будетъ свой кавалеръ, свой провожатый.... мы его со всѣми нашими познакомимъ и будемъ ходить вмѣстѣ.... согласитесь, неудобно ли все это?

ДУБАСОВЪ. Конечно.... все это очень хорошо.... но воля твоя, я предвижу, что тутъ не будетъ добра.... Какой бы ни былъ нахлѣбникъ, а все надѣлаетъ лишнихъ хлопотъ!.... Лгу я, или нѣтъ?

ДУБАСОВА. Ну, такъ дѣлайте, какъ хотите.... Не слушаетесь моихъ совѣтовъ, такъ и живите въ долгъ.... а ужъ сократить расходовъ мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ, пока Соничка въ дѣвцахъ....

ДУБАСОВЪ. Ну, ну! пожалуй, попробуемъ.... Вѣдь надобно прибить билетъ къ дому....

ДУБАСОВА. Зачѣмъ билетъ?.... Какой порядочный человекъ будетъ читать ваши билеты!.... Напечатай въ Поллицейской Газетѣ, вотъ и все....

ДУБАСОВЪ. Въ самомъ дѣлѣ!.... Такъ мнѣ надо идти....

ДУБАСОВА. Экъ ты измѣнился!.... Долго ли сходить къ Николѣ, вмѣсто прогулки...

ДУБАСОВЪ. Ну, ну, хорошо.... иду.... только, право, не будетъ добра.... Вотъ увидите, лгу я, или нѣтъ....

ДУБАСОВА. Да, ступай!... Я увѣрена, что ты самъ послѣ поблагодаришь меня!...

ДУБАСОВЪ. Такъ прощай!.. *(Плуетъ ея руку, а она его потомъ въ губы. Уходитъ въ среднюю дверь).*

Я В Л Е Н И Е III.

ДУБАСОВА, потомъ МАТРЕНА.

ДУБАСОВА. Слава Богу, ушелъ!.... Правду сказать, трудно намъ поправиться.... Онъ еще не знаетъ, что у насъ есть долги.... Вотъ, въ суровской линіи должна.... въ перинной Ивану Михайлычу.... въ Никольскомъ въ двѣ лавки.... Получишь отъ Ивана Кузмича на расходы, да половину и расплатишь, а тамъ опять дѣлаешь долги и что дальше, то больше.... Авось Богъ пошлетъ хорошаго нахлѣбника, все таки будетъ поприбыльнѣе.... Деликатный человѣкъ подъ часъ и подарокъ сдѣлаетъ и десертномъ поподчуетъ.... Можно такъ иногда приговориться: Ахъ, какой я видѣла въ лавкѣ мусселинъ-де-лень! Прелесть! вотъ бы Соничкѣ на платье.... «Такъ чтожь вы, скажете, не изволили купить?...» Ахъ, да очень дорогъ, а я такъ истратилась въ этотъ мѣсяцъ... а ужъ какъ бы рада была Соничка! Ужъ какой бы ей былъ сюрпризъ!.... Вдругъ этакъ утромъ бы проснулась, а предъ ней двѣнадцать аршинъ мусселинъ-де-лена!... Онъ и наматаетъ на усь, поѣдетъ, да и купитъ!... И можно такъ часто, въ подобномъ родѣ!.... (*Увидя входящую Матрену*). Что тебѣ?...

МАТРЕНА. Да вотъ, Анна Прокофьевна изъ Никольскаго пришла... ходила за припасами, да такого сраму натерпѣлась, что право....

ДУБАСОВА. Какого сраму?...

МАТРЕНА. Просто осрамилъ, Михѣичъ!... пришла въ мясную лавку... говорю: дай говядины хорошиіи кусокъ... фунта четыре... да не такой, говорю, какъ вчера отпустилъ... ужъ мнѣ досталось, говорю, отъ хозяевъ... а еще по 6 серебромъ взялъ... Да какой, говорить, вамъ еще! въ долгъ-то лучше и не отпустишь.... чай, говорить, и теперь то пришла въ долгъ... вотъ, говорить, забрали ужъ у меня на пятнадцать семьдесятъ три серебромъ, да и не думаете платить... а туда же говорить, дай самой лучшей! охъ вы, говорить, мазурки и съ хозяевами-то своими!... я такъ и сгорѣла!

ДУБАСОВА. Да какъ онъ смѣлъ это сказать! мужикъ! дуракъ!... да я жаловаться буду... А ты и молчишь дура?

МАТРЕНА. Какъ молчу... я тоже сказала... да какъ ты смѣешь; а онъ говорить: да смѣю, говорить, и не то еще про васъ скажу, какъ не будете платить... подика, говорить, сунься въ другую лавку, такъ и третьяго сорта безъ денегъ не дадутъ...

ДУБАСОВА. Ужъ и видно, что мужикъ! невѣжа! Ну, а ты такъ и пришла безъ мяса.

МАТРЕНА. Нѣтъ, принесла... хоть обругалъ да отпустилъ... Въ послѣдній разъ, говоритъ; такъ, говоритъ, и скажи хозяйкамъ... да тутъ еще такое сказала, что всѣ въ лавкѣ расхохотались... кухарка Ильиныхъ мѣ, просто, въ глаза прыснула... а поваръ Зарѣзина говоритъ: что говоритъ, Матренушка! отдѣлалъ тебя Михѣичъ... худо на шерамыжку за покупками ходить!... Такой срамъ, что не приведи Господи! изъ чужаго добра да терпи брань отъ всякаго мужлака!... Нѣтъ ужъ, воля ваша, Анна Прокофьевна, я не пойду больше къ Михѣичу...

ДУБАСОВА. И не ходи!... и я тебѣ строго приказываю, чтобъ ты не ходила къ этому грубіяну... много есть лавокъ и безъ него...

МАТРЕНА. Да вѣдь въ другой-то, Анна Прокофьевна, требуютъ деньги...

ДУБАСОВА. Кто-жъ тебѣ и говоритъ, чтобъ ты ходила безъ денегъ... дадутъ денегъ!... Да ужъ за то проучу я этого грубіяна... походитъ онъ у меня, за деньгами... только ты у меня, смотри, какъ придетъ, не допускай до Ивана Кузьмича... Ступай же, пора готовить... да убери чашки... что осталось въ кофейникѣ возьми себѣ, годится на переварки... да! Слушай-ка, на этихъ дняхъ, можетъ у насъ въ домѣ будетъ лишній человекъ, такъ надо будетъ готовить получше... не подавать на столъ, какъ третьяго дни, супъ съ саломъ да жаркое сухое, какъ дерево...

МАТРЕНА. Что дѣлать... грѣхъ такой случился... память дурна стала... занялась стиркою, да совѣмъ и забыла, что говядина въ печи... А какой же это, Анна Прокофьевна, будетъ лишній-то человекъ...

ДУБАСОВА. Это ужъ не твое дѣло... можетъ быть, молодой, хорошенькій, образованный...

МАТРЕНА. *(спохватясь)*. Ахъ, матушки мои! у меня вѣдь възъ ума вонъ! Да сію минуту васъ спрашивалъ какой-то господивъ...

ДУБАСОВА. Какой господинъ?

МАТРЕНА. Такой молодчикъ! Одѣтъ такъ чудесно, въ пальтѣ съ тросточкой... Я разсмотрѣла, еще на тросточкѣ такая пресмѣшная рожа... собачья что ли или аблизанья... такъ глаза-то на меня и уставила...

ДУБАСОВА. Да кто-жъ это такой?

МАТРЕНА. Богъ его вѣдаетъ... фамиліи не сказала... да

правда, я и не спросила... я какъ шла съ рынку, такъ онъ стоялъ супротивъ нашего дома у лавочки... а лавочникъ Сидоръ и кричитъ мнѣ... Матренушка, говоритъ, вотъ баринъ спрашиваетъ твоихъ хозяевъ... я и подошла... а онъ и спрашиваетъ меня, да такъ ласково, ей Богу... а что, говоритъ, Матренушка, дома твой господа?... Я и говорю, дома, молъ, сударь... Такъ спроси, говоритъ, можно ли мнѣ ихъ видѣть... крайняя, говоритъ нужда... Я и говорю, хорошо, хорошо, говорю, спрошу... Такъ я, говоритъ, положу тебя у воротъ...

ДУБАСОВА. Ахъ, Боже мой, а Иванъ Кузьмичъ ушелъ со двора...

МАТРЕНА. Да онъ говоритъ: все равно, баринъ или барыня дома... мнѣ только крайняя нужда...

ДУБАСОВА. И ты говоришь, что онъ молодой... и такъ видно, что образованный?

МАТРЕНА. О, ужъ такой образованный! совсѣмъ незнавши меня, ужъ говоритъ: Матренушка!... право.

ДУБАСОВА. Странно, что за дѣла у него такія... да и какъ-же я его приму въ такомъ неглиже...

МАТРЕНА. Чтѣ-жъ за бѣда, и подождать можетъ...

ДУБАСОВА. Въ самомъ дѣлѣ... такъ подиже попроси его... да извинись,... барыня, молъ, сію минуту выйдетъ... а я пойду одѣнусь по приличію... Да уברי со стола-то!

(уходитъ на право).

Я В Л Е Н І Е IV.

МАТРЕНА. *(одна, подходя къ столу).*

Ужъ не жевихъ ли это какой! Тоже и про барышню спрашивалъ... А что, говоритъ, барышня здорова?... право, такой долженъ быть волокита! *(заглядывая въ окно)*. Вона! да онъ противъ нашихъ оконъ... разговариваетъ съ какимъ-то другимъ... вишь, какъ руками машетъ!... Смотритъ сюда! *(машетъ въ окно рукой и кричитъ)*. Пожалуйста! пожалуйста! барыня дома... зоветь васъ!... Идетъ сюда!... а другой-то куда это тягу далъ?... вишь, какъ идетъ! шляпа-та на бекрень... а самъ палочкой постукиваетъ!... *(убирая чашки и прочее въ шкафъ)*. Куда, подумашь, какой ловкій народъ эти господа!...

Помню, помню я себя
 Дѣвкой молодой,
 Ужъ была куда какъ я
 Хороша собой!
 Какъ куда отправишься,
 Батюшки мои!
 Павою разрядишься
 Въ шелкъ да въ кисеи!
 И идешь, какъ барыня,
 А шмели ужъ тутъ:
 «Далеколь сударыня?»
 Такъ и пристають!
 Иногда обидишься:
 Вишь, головорѣзь!
 Да вотъ такъ и вскинешься:
 Убрайся, бѣсъ!
 А не разъ случалося,
 Выдастся денекъ,
 Съ другомъ позволялося
 Погулять часокъ!
 Было, было времечко,
 Радостень былъ свѣтъ!
 Да загло семячко
 И завялъ мой цвѣтъ!... *(задумывается).*

Я В Л Е Н І Е V.

МАТРЕНА, МИГУШКИНЪ.

МИГУШКИНЪ. Вотъ и я, Матренушка!... Гдѣ же твой господа?

МАТРЕНА. Ахъ, это вы, сударь!... Анна Прокѣфьевна одна дома... сей часъ выйдетъ... только одѣнется...

МИГУШКИНЪ. Такъ она одѣвается!... видно, страшная кокетка твоя барыня.

МАТРЕНА. Вона! ужъ кокетка! Не въ халатъ-же принять ей чужаго человѣка!... Такъ ужъ посидите здѣсь, она просила маленько подождать.

МИГУШКИНЪ. Изволь... почему не подождать... *(развалился на стуль)*. А покуда выйдетъ барыня, мы побѣсѣдуемъ съ тобою... Ты мнѣ, право, нравишься, Матренушка... какъ честный

человѣкъ, нравишься!... Должно быть, съ молоду, была хороша, бой дѣвка! а?..

МАТРЕНА. Ну, нѣшто таки! была такъ себѣ...

МИГУШКИНЪ. Это и видно, что такъ себѣ!.. Вотъ бы мнѣ этакую кухарку, какъ ты! ты сколько тутъ получаешь жаловавья?

МАТРЕНА. Да всего два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ...

МИГУШКИНЪ. Только!... Нѣтъ, я плачу своей кухаркѣ пять цѣлковыхъ.

МАТРЕНА. Пять цѣлковыхъ!

МИГУШКИНЪ. Да! какая-же нынче дура станетъ жить за два цѣлковыхъ!

МАТРЕНА. Ужъ именно я дура, что живу...

МИГУШКИНЪ. По крайнѣй мѣрѣ, хоть бы четыре или три... вонъ у меня всѣ, какъ сыръ въ маслѣ... какъ честный человекъ!... у меня вѣдь цѣлая дворня!... и камердинеръ и кухарь... Ты развѣ не знаешь меня?

МАТРЕНА. Нѣтъ, сударь, не знаю!

МИГУШКИНЪ. Правда, гдѣ-жъ вамъ, коломенскій провинціаламъ знать меня!... Я живу въ Большой Морской... у меня пять комнатъ!... какая мебель! какія драпери!... просто чудо!

МАТРЕНА. Вотъ какъ!

МИГУШКИНЪ. У меня и свои лошади! чудесный экипажъ!... право!... Я живу вѣдь такъ... какъ хочу?...

МАТРЕНА. (всторону) Кто бы это такой былъ?

МИГУШКИНЪ. Ничѣмъ не занятъ... веселюсь, когда вздумается... денегъ всегда много... Ну, а у васъ тутъ: весело живутъ?

МАТРЕНА. Нѣшто, весело... по гостямъ часто ходятъ, а баринъ все въ клубъ...

МИГУШКИНЪ. Я самъ часто бываю въ Дворянскомъ Собраніи и въ Благородномъ тоже... какъ честный человекъ... проиграю этакъ въ лото рублей сто серебромъ, да и домой!...

МАТРЕНА. (въ сторону). Богачъ, долженъ быть!

МИГУШКИНЪ. У меня и поваръ свой, прелестный!...

МАТРЕНА. Ахъ, батюшка! я съ вами тутъ разтабарываю... и изъ ума вонъ, что у меня еще и огонь не разведенъ... вѣдь надо готовить къ обѣду...

МИГУШКИНЪ. Ступай, ступай... я тебя не держу... А скоро выйдетъ Марья Прокофьевна?

МАТРЕНА. Анна Прокофьевна!

МИГУШКИНЪ. Да, бишь! Анна Прокофьевна... я все сбыва-

юсь... у меня есть тоже знакомая Марья Прокофьевна... прехорошенькая дамочка! такая *жюли персонъ*... Я у ней почти всякій день!... какъ честный человѣкъ!...

МАТРЕНА. Ну, а Анну-то Прокофьевну вы хорошо знаете?

МИГУШКИНЪ. Вотъ это мило! какъ же не знать... имѣлъ удовольствіе бывать нѣсколько разъ вмѣстѣ... Я вѣдь всякій день гдѣ нибудь... и куда ни прѣйду, люди такъ и кланяются... и вѣдь всякому, почти черезъ разъ, полтинникъ въ руку... вотъ и тебѣ дамъ... въ другой разъ; цѣлковый даже дамъ, какъ честный человѣкъ, цѣлковой дамъ!

МАТРЕНА. Благодаримъ покорно... а ужъ я вамъ постараюсь услужить!... Чу! кто-то идетъ.

МИГУШКИНЪ. (*вставая и охорашиваясь, про себя*). А! вѣрно хозяйка!

Я В Л Е Н І Е VI.

ТЕЖЪ, И ЛАПКИНА.

МИГУШКИНЪ. (*раскланиваясь съ Лапкиной*). Позвольте мнѣ, Анна Прокофьевна, вамъ представиться... и...

МАТРЕНА. Что вы, что вы, сударь! это не Анна Прокофьевна... это наша жилица Степанида Федоровна... а еще сказали, что знаете хорошо Анну Прокофьевну!

МИГУШКИНЪ. Ну, конечно, хорошо знаю!... у меня только слабы глаза... я близорукъ!... (*лоршируя и кланяясь Лапкиной*). Извините, мадамъ, что я такъ странно ошибся!... такъ вы изволите жить въ здѣшнемъ домѣ?

ЛАПКИНА. (*жеманясь*). Точно такъ-съ!... я занимаю здѣсь во флигелѣ... Квартира бы и недурна да холодна и видъ нехорошъ изъ окошекъ... во дворъ... Правду сказать, Иванъ Кузничъ дорого и беретъ съ меня... хочу перемѣнить... куда нибудь на улицу.

МИГУШКИНЪ. Конечно, на улицу гораздо лучше... Вотъ я самъ живу на улице... очень любопытно и пріятно!... какъ честный человѣкъ! Да вотъ у насъ въ домѣ... нѣтъ, не у насъ... а тутъ, въ Малой Мастерской... въ домѣ моего дровянаго подрядчика... Кулакова... прехорошенькая квартира, на улицу и не дорого... совѣтую вамъ нанять... *regarde, madamъ!*...

ЛАПКИНА. Ахъ, мерси!... (*подходя къ Матрени и спра-*

шмвая ее тихо). Скажи, душечка—Матренушка: кто этотъ молодой человѣкъ?

(въ это время Мигушкинъ подходитъ къ фортепьянамъ, пробуетъ ихъ однимъ пальцемъ и разсматриваетъ ноты; потомъ, то напывая, то насвистывая, обходитъ всю комнату; все разсматриваетъ, до всего дотрогивается; словомъ, ведетъ себя безъ всякаго стысенія).

МАТРЕНА. *(тихо Лапкиной)*. Богъ его вѣдаетъ кто такой! Приѣхалъ по какимъ-то дѣламъ къ хозяевамъ... страшный богачъ, долженъ быть... Вотъ бы вамъ Степанида Ѳедоровна такого жениха!

ЛАПКИНА. *(стыдливо)*. Ахъ, Матренушка! что ты говоришь, какъ тебѣ не стыдно!

МАТРЕНА. *(тихо)*. Да почему-жъ вамъ и не выйти бы за такого молодчика?.. Вѣдь у васъ теперь есть свое состоянiе.. покойный дяюшка оставилъ вамъ порядочный таки капиталъ! вѣдь 50 тысячъ!

ЛАПКИНА. *(такъ же)*. Ахъ, моя голубушка Матренушка! не пятьдесятъ бы тысячъ мнѣ слѣдовало получить, а вдвое больше! дяюшка половину отказалъ племяннику...

МАТРЕНА. *(такъ же)*. Да вѣдь вы говорили, что его еще не нашли?

ЛАПКИНА. *(такъ же)*. Богъ его знаетъ, гдѣ онъ тутъ въ Петербургѣ!... Я никогда его невидывала и сколько не разыскивала, нигдѣ немогла найти!

МАТРЕНА. *(такъ же)*. Вотъ бы, Степанида Ѳедоровна, было бы прекрасно, если бъ его не было ужъ на свѣтѣ... Дай-то Богъ! все бы вамъ досталось!... Вышли бы за мужъ да и поживали бы припѣваючи!..

ЛАПКИНА. Тсъ! ахъ, что ты!?. онъ можетъ насъ услышать!.. *(громко)*. Да гдѣ же ваши?

МАТРЕНА. Иванъ Кузмичъ пошелъ со двора, а Анна Прокофьевна одѣвается... сейчасъ выйдетъ...

ЛАПКИНА. Ахъ, душечка, мнѣ некогда ждать.. я забѣжала только отдать деньги за квартиру.. Надобно сію минуту ѣхать на Пески... важное дѣло есть... хочу съѣздить въ новой каретѣ.. теперь у насъ отъ Покрова ходятъ...

МИГУШКИНЪ, *(вслушавшись въ разговоръ)*. Да-съ, у меня какъ то захворалъ кучеръ, такъ я тоже ѣздилъ въ новыхъ каретахъ!.. Порядочно! очень порядочно!... Конечно, не такъ покойно, какъ въ своемъ экипажѣ... у меня, знаете, всѣ подуш-

ки на пружинахъ... какъ говорится по французски, съ комфортомъ... какъ честный человѣкъ... знаете, лежишь себѣ и ѣдишь!..

ЛАПКИНА Ахъ, это очень пріятно!.. (*Матрени тихо*), Миѣ даже стыдно, какъ онъ глядитъ на меня... (*вслухъ*). Душечка Матренушка... пожалуйста, я оставляю тебѣ деньги; вотъ десяти-цѣлковая бумажка... отдай Ивану Кузмичу...

МАТРЕНА. Да извольте положить на столъ... руки грязны, да и карманы-то у меня худы, боюсь, потеряю... какъ выйдетъ барыня, я и скажу...

ЛАПКИНА, (*положивъ деньги на письменный столъ*). Вотъ деньги, тутъ у чернильницы. Ахъ, пора, пора!.. прощай, душечка Матренушка...

МИГУШКИНЪ. (*раскланиваясь съ ней*). Мадамъ!..

ЛАПКИНА. (*присѣдая стыдливо*). Ахъ, мерси!..

МИГУШКИНЪ. Совѣтую вамъ посмотрѣть квартиру... *regarde, же ву-запъ при!*

ЛАПКИНА. Развѣ ужъ отложить поѣздку до завтра... Такъ въ Малой Мастерской?..

МИГУШКИНЪ. Да-съ, домъ Кулакова...

ЛАПКИНА. Мерси!... (*поспѣшно уходитъ*).

МАТРЕНА. (*идя за ней*). Степанида Федоровна!.. а что жъ не прислали сковородку...

(*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е VII.

МИГУШКИНЪ. (*одинъ*).

Браво, Мигушкинъ! первый шагъ сдѣланъ... ты у Дубасовыхъ! Вотъ что значитъ быть услужливымъ другомъ!.. мой Антоша Фарковъ превлюбивый малый!.. Встрѣтилъ какъ-то на улицѣ невзвѣстное существо женскаго рода... влюбился по уши и давай вздыхать... вотъ ужъ двѣ недѣли ходитъ только по улицѣ, смотритъ на окна, да провожаетъ издали предметъ своей страсти!.. Будь я на его мѣстѣ, ужъ давно бы сдѣлался здѣсь домашнимъ человѣкомъ... а онъ у меня такая овечка, такой скромникъ... всего бонтеся... Плохо бы ему пришлось, если бъ онъ не имѣлъ такого пріятели, какъ я, просто бы завздыхался, пехудалъ и утопился... жаль стало бѣдняка!..

Выручалъ меня всегда изъ бѣды!.. Какъ нѣтъ денегъ — къ нему... дай Антонъ? возьми!.... только бы были, ужъ дасть, какъ честный человѣкъ!... вотъ вчера я и говорю ему: что Антонъ? болитъ сердце?.. болитъ!.. влюбленъ?.. влюбленъ!.. хочешь помогу?.. Другъ! братъ! благодѣтель!.. и обнимать и цѣловать!.. Что хочешь, говорить, всею жертвую!.. Изволь, говорю, помогу, какъ честный человѣкъ, помогу!.. и взялся!.. сегодня пошли мы съ нимъ и разузнали, что можно... и вотъ, наконецъ, я у Дубасова!.. а Антонъ мой, куда! ни за что!.. Подожду, говорить, на улицѣ... и остался!.. Боятся, чтобъ меня не вытолкали!.. чудакъ! трусъ ужасный!.. Но чтожъ я буду здѣсь говорить?.. самъ еще не знаю!.. что буду отвѣчать!.. незнаю!.. какъ честный человѣкъ, ничего еще незнаю!.. Надѣюсь только на свою счастливую звѣзду... она мнѣ всегда помогала, авось и теперь поможетъ сблизить моего Антошу съ предметомъ его страсти. Начало уже сдѣлано... съ кухаркой я подружился... теперь примемся за матушку, тамъ за батюшку, а потомъ и за дочку!.. Идутъ... не хозяйка ли?.. вѣрно она!.. изъ внутреннихъ апартаментовъ и разодѣта!.. смѣлѣй, Мигушкинъ!

Я В Л Е Н І Е VIII

МИГУШКИНЪ, ДУБАСОВА, (разодѣтая).

МИГУШКИНЪ. Позвольте мнѣ имѣть честь, Анна Прокофьевна, вамъ представиться...

ДУБАСОВА. Извините, ради Бога, что я заставила васъ ждать... вы, я думаю, здѣсь соскучились?..

МИГУШКИНЪ. О, напротивъ, нисколько!.. вотъ, если бы теперь пришлось мнѣ ожидать васъ, когда я имѣлъ честь увидѣть и отчасти узнать васъ, признаюсь, какъ честный человѣкъ, я считалъ бы ужъ минуты часами!..

ДУБАСОВА. (въ сторону). Какая образованность! какая деликатность!.. долженъ быть изъ лучшаго круга!.. (вслухъ). Смѣю ли я спросить, съ кѣмъ имѣю честь...

МИГУШКИНЪ. Мигушкинъ, мадамъ! Алексѣй Алексѣевичъ... бонъ виванъ Мигушкинъ!.. больше, кажется, мнѣ нечего прибавлять!..

ДУБАСОВА. Мигушкинъ!.. Ахъ, очень пріятно!..

МИГУШКИНЪ. Я думаю вамъ не безызвѣстна моя фамилія?..

Меня, просто, весь городъ знаетъ... особенно въ хорошемъ кругу... я рѣшительно слышу за такого, знаете... какъ говорится по французски, — монъ-шера!

ДУБАСОВА. Ахъ! точно!.. я во многихъ домахъ хорошаго круга слышала вашу фамилію!.. А позвольте спросить: какому пріятному случаю обязаны мы вашимъ посѣщеніемъ?..

МИГУШКИНЪ. Ахъ, очень екстренное дѣло!.. по-крайней-мѣрѣ для меня... но признаюсь вамъ, незнаю... въ состояніи ли я теперь пересказать его, какъ слѣдуетъ... Во мнѣ есть необыкновенная странность: когда мнѣ придется быть съ прекрасной дамой... особенно, какъ говорится по французски, *тетъ а тетъ*... я никакъ немогу говорить о дѣлахъ... какъ честный человѣкъ, немогу... особенно о дѣлахъ серьезныхъ... это какъ-то дико!.. Ну, представте себѣ сами... чтобы, напримѣръ, сказалъ какой-нибудь *бель-омъ*, или какой-нибудь левъ изъ лучшаго круга, если бѣ, войдя сюда и увидя тетъ а тетъ даму, совершенную *бель-фамъ* и воспитаннаго молодого человѣка, услышалъ разговоръ о дѣловыхъ предметахъ... да онъ, просто бы расхохотался... просто бы сказалъ: Монъ-шеръ, Мигушкинъ! да что съ тобою! не съ ума ли ты сошелъ!.. Развѣ можно говорить такія вещи дамѣ!.. Вы, вѣрно, сами согласны съ этимъ, Анна Прокофьевна?..

ДУБАСОВА. Ахъ, совершенно согласна!.. (*въ сторону*), Какой милый молодой человѣкъ! какая образованность!

МИГУШКИНЪ. И такъ, позвольте мнѣ переговорить о своемъ дѣлѣ съ вашимъ супругомъ.

ДУБАСОВА. Какъ жаль... его нѣтъ дома...

МИГУШКИНЪ. Я могу его дожидаться... мнѣ теперь не куда... и если я не буду вамъ въ тягость...

ДУБАСОВА. Ахъ, помилуйте!..

МИГУШКИНЪ. Мнѣ весьма бы пріятно было побесѣдовать съ вами... Боюсь только не наскучу ли я вамъ...

ДУБАСОВА. Ахъ, какъ можно!.. ваша бесѣда такая изящная...

МИГУШКИНЪ. Много чести, Анна Прокофьевна!.. Странная вещь... съ иной дамой бываешь цѣлый годъ знакомъ и никакъ не можешь сойтись, а съ вами я посидѣлъ пять минутъ, и ужъ какъ будто вѣкъ знакомъ... Вотъ что значить умъ... любезность...

ДУБАСОВА. Ахъ, помилуйте!

МИГУШКИНЪ. Я нисколько не льщу... льстить и лгать не въ моей натурѣ... какъ честный человѣкъ!.. Скажу вамъ болѣе... я знаю, что вы будете смѣяться... повѣрите ли, до этой ми-

пути во мнѣ было страшное предубѣжденіе противъ коломны... вотъ вы улыбаются!.. Каюсь! я жестоко виноватъ! теперь я вижу, какъ несправедливы сужденія вообще насъ жителей нѣвскаго проспекта, морскихъ, милліонныхъ и другихъ аристократическихъ улицъ!.. Теперь я вижу, что наши дамы должны брать здѣсь образцы для вкуса и обхожденія...

ДУБАСОВА. Ахъ, вы придаете мнѣ такъ много...

МИГУШКИНЪ. Ни на волосъ! какъ честный человѣкъ... я вѣдь ужъ насмотрѣлся на этихъ дамъ... всякой день гдѣ-нибудь!

ДУБАСОВА. Ахъ, это очень пріятно!

МИГУШКИНЪ. Я человѣкъ совершенно свободный!.. встану такъ утромъ часу въ двѣнадцатомъ и думаю, куда бы сегодня... а на столъ уже, знаете, все записочки... все приглашенія!.. Махнешь рукой, Богъ съ вами! надоѣли и поѣдешь такъ, куда вздумается... посмотришь какую-нибудь панораму или звѣрей... погуляешь по нѣвскому а тамъ и обѣдать... къ Излеру или Доминику... а иногда въ Палкинъ...

ДУБАСОВА. Такъ вы дома не держите стола?

МИГУШКИНЪ. Нѣтъ, не то что не держу... столъ то свой есть... да, знаете, скучно... одному... какъ честный человѣкъ скучно!.. Ну, а тамъ, знаете, всегда найдешь пріятелей! ужъ и ждуть!.. а! говорятъ мою-шеръ Мигушкинъ!.. шампанскаго, говорятъ!

ДУБАСОВА. Такъ вы этакъ все въ рестораціяхъ... а у кого-нибудь не любите?.. на примѣръ. въ какомъ-нибудь семейномъ домѣ!..

МИГУШКИНЪ. Напротивъ, очень люблю!.. Позвольте!.. нари держу, я угадамъ вашу мысль! какъ честный человѣкъ, угадалъ!.. вы такъ любезны, что хотите пригласить меня обѣдать...

ДУБАСОВА. Ахъ, я ни какъ не смѣю думать!.. у насъ такой обыкновенный столъ...

МИГУШКИНЪ. Это-то мнѣ и пріятно!.. вы не церемоньтесь сомной... я человѣкъ самый неделикатный... мнѣ ужъ такъ надоѣли эти устрицы и растеган... да ужъ за одно удовольствіе быть съ умной, воспитанной и прекрасной дамой... я готовъ отказаться отъ всѣхъ этихъ французскихъ табельдотовъ!.. Будь только ваше желаніе, такъ я не только сегодня готовъ у васъ обѣдать, но завтра, послѣ завтра... великій день готовъ...

ДУБАСОВА. Ахъ, какъ это было бы кстатъ!..

МИГУШКИНЪ. Что это такое, кстатъ?

ДУБАСОВА. Да нѣтъ-съ, я никакъ не смѣю думать, чтобъ вы...

МИГУШКИНЪ. Думайте, пожалуйста, думайте... ну, скажите, въ самомъ дѣлѣ, что жъ это такое, кстаѣ?

ДУБАСОВА. Мнѣ, право, такъ совѣстно... мы, изволите видѣть... то есть, это Иванъ Кузмичъ... онъ все одинъ... разсѣянiя мало... такъ онъ вздумалъ... не то, что мы нуждались, а такъ, для общества, онъ вздумалъ имѣть компаньона?

МИГУШКИНЪ. То есть въ родѣ гувернера?... да я.... если хотите...

ДУБАСОВА. Нѣтъ-съ, не въ родѣ гувернера... такъ, какъ вамъ сказать... у насъ есть свободная комната въ квартирѣ... такъ мы хотимъ отдать въ наймы... и знаете, чтобъ и все и обѣдъ и чай и кофей!.

МИГУШКИНЪ. Понимаю!... Чудесно! безподобно!.. вотъ ужъ именно кстаѣ! а просто, какъ говорятъ французы!.. однимъ словомъ, вы хотите имѣть... какъ говорится по французски... или правильнѣе по русски... нахлѣбника!

ДУБАСОВА. Да-съ!.. Иванъ Кузмичъ даже отправился для того изъ дома... приѣзжать въ полицейской газетѣ.

МИГУШКИНЪ. Зачѣмъ же въ полицейской газетѣ! Божемой да я вотъ ужъ цѣлый годъ ищу, какъ бы пріютиться въ такомъ семействѣ какъ ваше...

ДУБАСОВА. Вы?... неужели? нѣтъ, не можетъ быть, чтобы вы?...

МИГУШКИНЪ. Какъ честный человѣкъ?... Да я безъ всякихъ словъ, вашъ! съ этой же минуты, вашъ!.. Помилуйте, да что можетъ быть пріятнѣе семейной жизни!.. во первыхъ вы... Ужъ я и неговорю о васъ... потомъ вашъ супругъ, во всѣхъ отношенiяхъ, достойный супругъ, и наконецъ ваши милые дѣти...

ДУБАСОВА. У насъ только одна дочь... дѣвица...

МИГУШКИНЪ. Прекрасная, образованная дочь и дѣвица! еще милѣе!... И ужъ не невѣста ли?

ДУБАСОВА. Ахъ нѣтъ еще... Соничька моя такъ молода...

МИГУШКИНЪ. Еще интереснѣе!.., какъ говорить по Французски: шармантъ?.. Да мы заживемъ такъ, что всю коломну съ ума сведемъ!.. У меня тьма пріятелей... я ихъ съ вами познакомлю... и пойдемъ пиръ горой!.. танцы, музыка, обѣды!..

ДУБАСОВА. Конечно, намъ всегда будетъ пріятны знакомства образованныхъ людей!... но я незнаю, понравится ли вамъ комната и наши условiя!..

МИГУШКИНЪ. Комната мнѣ ужъ нравится... хоть я и не видѣлъ ее...

ДУБАСОВА. Однакожъ, взгляните... вотъ она. . *отворяетъ дверь на льво и показываетъ Мигушкину комнату*

МИГУШКИНЪ. *заглядывая въ комнату.* Превосходно! лучшаго не надо... а объ условіяхъ ин еговорите... намъ ли вести переговоры о какомъ нибудь презрѣнномъ металѣ. Эго было-бы по мѣщански... какъ говорится по французски а ла... но вы меня, надѣюсь, вполне понимаете?...

ДУБАСОВА. Да-съ... но это вѣдь не я. . а Иванъ Кузмичъ онъ сказалъ, что двадцать пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ...

МИГУШКИНЪ. Только!.. да это, просто, даромъ!

ДУБАСОВА. Но неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите?

МИГУШКИНЪ. Рѣшительно и положительно!..

ДУБАСОВА, *въ сторону.* Какое счастье! и за двадцать пять цѣлковыхъ!

МИГУШКИНЪ. Нѣтъ, ужъ мнѣ надоли эти расчеты съ поварами да съ камердинерами!.. пора ужъ мнѣ успокоиться!.. я вашъ! вашъ, Анна Григорьевна!..

ДУБАСОВА, *въ сторону.* То-то удивится Иванъ Кузмичъ! онъ и не воображалъ, такого счастья!.. *въ слухъ за услыша сценой голосъ Дубасова.* Ахъ, вотъ и мой мужъ?..

Я В Л Е Н І Е IX.

ТѢЖЕ, ДУБАСОВЪ.

ДУБАСОВЪ. *незамѣчая Мигушкина.* Кончилъ, Анна Прокофьевна! объявленіе будетъ завтра напечатано!..

ДУБАСОВА, *(толкая его и показывая на Мигушкина.)* Тсъ!..

МИГУШКИНЪ, *(раскланиваясь).* Позвольте мнѣ...

ДУБАСОВЪ. Что вамъ угодно?... *женя.* Кто это?

ДУБАСОВА. Вотъ ты тамъ печатаешь объявленіе а Богъ ужъ послалъ намъ жильца.

ДУБАСОВЪ. Чго?

МИГУШКИНЪ. Имѣю честь представиться Алексѣй Алексьичъ Мигушкинъ!..

ДУБАСОВА. *(тихо мужу).* Ахъ! еслибъ ты зналъ... какой милый, образованный!

ДУБАСОВЪ. Такъ вы ходите...

МИГУШКИНЪ. (*перебивая его*). Вотъ ужъ именно, само небо оказываетъ мнѣ покровительство... то, чего я такъ давно искалъ, наконецъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ...

ДУБАСОВА. Такъ вы хотите...

МИГУШКИНЪ, (*также*). Доброе, патриархальное семейство... Почтенный отецъ, мать и дочь... что можетъ быть пріятнѣе для человѣка одинокаго...

ДУБАСОВЪ. Такъ вы хотите...

МИГУШКИНЪ, (*также*). Здѣсь найду я родныхъ, истинныхъ родныхъ... найду совѣты, радости, утѣшеніе... найду, какъ говорится по французски... однимъ словомъ, найду здѣсь пристань отъ бурной жизни!..

ДУБАСОВЪ, (*женъ, особо*). Помилуй, что это? слова не даетъ скатать? лгу я или нѣтъ?..

ДУБАСОВА, (*тихо*). Но знаешь ли, что я выпросила съ него двадцать пять пѣлковыхъ въ мѣсяцъ и онъ хоть бы слово!

ДУБАСОВЪ, (*также*). Да если онъ будетъ также вѣтъ какъ говоритъ, такъ и этихъ денегъ мало...

ДУБАСОВА. Что ты! да такой жилецъ, просто, счастье!.. богатый человѣкъ!..

ДУБАСОВЪ, (*такъ-же*). Богатый!.. да! можетъ на словахъ только!.. далъ ли онъ задатокъ?

ДУБАСОВА, (*такъ-же*). Нѣтъ... да какъ-то совѣстно было спросить...

ДУБАСОВЪ, (*такъ-же*). Совѣстно!.. удивительно совѣстно!.. нѣтъ, какъ заплатитъ впередъ, такъ это будетъ повѣрше!..

ДУБАСОВА, (*такъ-же*). Помилуй, Иванъ Кузмичъ, да это неучтиво... между людьми образованными...

ДУБАСОВЪ, (*такъ-же*). Мы люди простые и спросимъ безъ околичностей... а не то и отваливай!.. лгу я или нѣтъ?

ДУБАСОВА, (*такъ же*) Иванъ Кузмичы... будь, покрайней мѣрѣ хоть по деликатнѣ!..

ДУБАСОВЪ, (*такъ же*). Что я, матушка, неучъ чтоли право... знаю не хуже тебя какъ говорить!

МИГУШКИНЪ, (*въ сторону*). Что они тамъ шенчутся?

ДУБАСОВЪ, (*Мигушкину*, А мы сейчасъ говорили съ женой... право, это просто удивленіе, какъ деньги нынче стали рѣдки!

МИГУШКИНЪ. (*въ сторону*). А! запускаетъ удочку!... *вслухъ*) да! дѣйствительно очень сталъ рѣдки!..

ДУБАСОВЪ. Вотъ хоть-бы я теперь, совершенно безъ денегъ...

ДУБАСОВА. Да, такъ странно, право... кажется и свой домъ и другія тамъ еще доходы... а какъ то скучаешь...

МИГУШКИНЪ. Помилуйте, съ кѣмъ этого не бываетъ да п сомной! иногла! ну, можете представить, со мной!... какъ, честный человѣкъ!

ДУБАСОВА. А ужъ куда-бы теперь не лишними были хоть-бы этакъ, напрымѣръ цѣлковыхъ десять... лгу я или нѣтъ!

МИГУШКИНЪ. Совершенно справедливо! и желаніе ваше сію мануту можетъ быть исполнено... *взявъ съ стола, у котораго стоялъ депозитку вотъ вамъ деньги!*

ДУБАСОВЪ, *(взявъ деньги).* Десять целковыхъ! ну вотъ это называется, какъ слѣдуетъ...

ДУБАСОВА, *(тихо мужу).* Что ваши сомнѣнія, а?... только острамили себя...

ДУБАСОВЪ, *(тихо).* Оно все таки лучше!... но расскажи, пожалуйста, какимъ образомъ ты нашла его?... *(разговариваютъ тихо).*

МИГУШКИНЪ. *(особо).* Счастликая звѣзда меня неоставляетъ!.. Антоша! торжествуи! дѣла подвигаются!... но какъ-бы мнѣ его предупредить?... онъ тамъ, на улицѣ, и чай, чего не переслушалъ!... *(смотря въ окно).* вонъ онъ! у будки!.. видишь какой хитрый! не хочетъ показать и виду, что просто такъ шатается... читаетъ объявленіе на будкѣ!... а! отошелъ... вонъ! торгуетъ калачи!... фу! какъ вѣтъ захотѣлось!... *(машетъ въ окно и въ полголоса)* поди сюда!... поли!...

ДУБАСОВЪ, *(мигушкину).* Если уже вамъ угодно, такъ извольте... съ нынѣшняго дня, вы можете считаться нашимъ нахлѣбникомъ!... деньги платить какъ вы вздумаете... если нельзя за треть, такъ, хоть за мѣсяцъ впередъ!...

МИГУШКИНЪ. Это все равно... пожалуй и за трѣты! завтра я переѣду совсѣмъ, такъ и отдамъ за треть...

ДУБАСОВЪ. Очень хорошо! теперь позвольте васъ спросить. Жена говорила мнѣ, что вы имѣли ко-мнѣ какое-то важное дѣло...

МИГУШКИНЪ. Да, да, точно!... Но мы объ этомъ еще успѣемъ поговорить хоть ужь.. за обѣдомъ! .. за обѣдомъ знаете какъ-то пріятнѣе... особливо за бутылкой вина...

ДУБАСОВЪ, *(про-себя).* Что? за бутылкой вина!... *(вслухъ)* Извините мы никогда не пьемъ за обѣдомъ вина!

МИГУШКИНЪ. Напрасно!... вино за столомъ здорово!... да и въ какомъ же порядочномъ домѣ не пьютъ нынче вина...

ДУБАСОВЪ, *(мужу).* Въ самомъ дѣлѣ... какъ-же теперь можно безъ вина...

ДУБАСОВЪ, *(женѣ).* Молчите, пожалуйста.

МИГУШКИНЪ. Нѣтъ, постоитъ, я васъ приучу пить вино... какъ честный человѣкъ приучу!...

ДУБАСОВЪ. Приучиться не трудно, да дѣло не въ томъ... я долженъ васъ предупредить... что у насъ вѣдь все попросту... за обѣдомъ у насъ обыкновенно бываетъ три блюда: супъ, холодное и жаркое...

МИГУШКИНЪ. Ну, это все равно для меня!... три, четыре блюда... пожалуй, иногда можно и пять когда гости...

ДУБАСОВЪ. Какъ гости?

МИГУШКИНЪ. Ну, когда ко-миѣ кто прїѣдетъ... но вѣдь я за это особо... а позвольте, вы въ которомъ часу обѣдаете?

ДУБАСОВЪ. Обыкновенно, въ два... иногда и въ три, какъ случится...

МИГУШКИНЪ. Можно и въ четыре... какъ въ хорошихъ обществахъ...

ДУБАСОВА. Конечно Иванъ Кузмичъ... можно и въ четыре...

ДУБАСОВЪ, Нѣтъ, ужъ извините... кто никогда не завтракаетъ, такъ тому трудненько...

МИГУШКИНЪ. А развѣ вы никогда не завтракаете!

ДУБАСОВЪ. Нѣтъ!

МИГУШКИНЪ. Это не хорошо! нездорово! какъ честный человѣкъ!... нѣтъ, я такъ всегда завтракаю... и вотъ теперь самый бы адмиральскій часъ...

ДУБАСОВЪ, *(жестъ)*. Это еще что, Анна Прокофьевна? кажется, этого не было въ договорѣ? лгу я или нѣтъ?

ДУБАСОВА, *(тихо)*. Какъ вамъ не стыдно?... ну раззорить ли васъ какая нибудь рюмка водки или стаканъ кофею?

ДУБАСОВЪ. Еще лишній кофеи!

ДУБАСОВА, *(мигушкину)*. Вамъ не угодно-ли кофею?

МИГУШКИНЪ. Пожалуй... если вамъ угодно такъ хоть кофею! я у Излера всегда пью вмѣсто завтрака кофеи!... оно знаете даже... въ тонѣ... какъ говорится по французски, бонъ-тонъ!

ДУБАСОВА, *(мужу)*. Видите! въ тонѣ! а вы все упрекаете что я пью кофеи!

ДУБАСОВЪ, *(жестъ)*. По мнѣ такъ это въ дурномъ тонѣ! лгу я или нѣтъ...

МИГУШКИНЪ. Только ужъ если кофеи, такъ сдѣлайте одолженіе съ булками...

ДУБАСОВЪ. А я такъ никогда не пью кофеи! не здорово, горячить!...

МИГУШКИНЪ. Право?

ДУБАСОВЪ. Ей-Богу!

МИГУШКИНЪ. Жаль.

ДУБАСОВЪ. Но все равно... я слѣлаю вамъ компанію...

МИГУШКИНЪ. Ахъ, это очень пріятно!... *(въ сторону)*. какъ бы мнѣ его сюда затащить?...

(подходитъ къ окну и дѣлаетъ знаки).

ДУБАСОВЪ. *(женъ)* Анна Прокофьевна! ужъ вамъ-то кажется бы не слѣдовало... вѣдь ужъ это въ третій разъ будетъ въ одно утро. .

ДУБАСОВА, *(мужу)*. Да замолчите-ли, ради-Бога!...

МИГУШКИНЪ. *(у окна)*. Что я вижу?... мой искренній другъ!... Антонъ! стой!... сюда!... я здѣсь живу! да не церемонься... чудакъ! этакой застенчивой!... вотъ сюда! въ ворота!.. *про себѣ*. Да онъ никогда не рѣшится *(вслухъ)*. Извинате! я сію минуту!... представте! мой задушевный другъ!... я съ нимъ съ полгода невидался!... *(схватываетъ шляпу и убѣгаетъ въ среднюю дверь)*.

ДУБАСОВЪ. Анна Прокофьевна! да что-жъ это онъ, никакъ, хочетъ сюда притащить еще пріятеля!

ДУБАСОВА. Такъ что-жъ такое?... вѣрно пріятель его такой же образованный, какъ и онъ самъ!

ДУБАСОВЪ. Да мнѣ что въ вашей образованности!... легче что-ли отъ вашей образованности?... вѣдь ужъ тутъ не прибьль... этакъ мы, вмѣсто экономіи, еще больше раззоримся!... лгу я или нѣтъ!

ДУБАСОВА. Вы все о деньгахъ!... Стыдитесь! вы совсѣмъ не знаете ни приличія, ни деликатности и развѣ вы не слышали, что онъ обѣщаль платить особо?...

ДУБАСОВЪ. Вѣдь это только на словахъ... да, нѣтъ, меня трудно надуть!

Я В Л Е Н І Е X.

ДУБАСОВЪ, ДУБАСОВА, МИГУШКИНЪ, ФАРКОВЪ.

МИГУШКИНЪ. *(таща за руку Фаркова)*. Антонъ! Фаркова! душа моя!... ты ли это! я не вѣрю еще глазамъ!... дай обнять, разцѣловать тебя!... да нецеремонься... клади шляпу... *(беретъ у него шляпу и ставитъ на столъ)*. Позвольте мнѣ, мои добрые и почтеннѣйшіе хозяева, представить вамъ моего лучшаго друга... Антонъ Васильевичъ Фарковъ!...

ДУБАСОВА, *(про себя)*. Боже мой! что я вижу!

МИГУШКИНЪ. Умница!... поэтъ!... сочинитель!... краса всей молодежи!... однимъ словомъ какъ говорится по французски, настоящей шеръ ами!...

ДУБАСОВА, *(мужу тихо)*. Представте, это тотъ самый молодой человекъ, который, я вамъ говорила, все за нами ходить по улицамъ!

ДУБАСОВЪ, *(женъ тихо)*. Что такое?... волокита!... да я... просто его...

ДУБАСОВА, *(такъ-же)*. Что вы! что вы! съ ума сошли!... вѣдь, какъ бы нибыло, онъ другъ нашего жильца... и вы слышали: поэтъ! сочинитель!... ахъ, какъ это интересно!

МИГУШКИНЪ. *(шепчась съ Фарковымъ и толкая его тихо)*. Да скажи хоть что нибудъ... что это какъ пень стоишь!

ФАРКОВЪ, *(тихо)*. Ахъ, да я боюсь... ну, какъ онъ... меня... *(показываетъ что выгонитъ)*.

МИГУШКИНЪ. *(тихо)*. Слушай, если ты будешь робѣть, такъ я отступлюсь... какъ честный человекъ отступлюсь!... *(съ слухъ)*. Мой другъ говоритъ, что ему было-бы чрезвычайно лѣстно, еслибъ вы удостоили его своимъ расположениемъ... толкая Харкова). Да ну?

ФАРКОВЪ, *(раскланиваясь)*. Да-съ... чрезвычайно было-бы лѣстно... еслибъ вы удостоили меня... своимъ расположениемъ...

ДУБАСОВА. Ахъ, намъ весьма пріятно.

МИГУШКИНЪ. Ну, видѣшь!... благодари-же, мой другъ.

ФАРКОВЪ. Покорнѣйше благодарю...

МИГУШКИНЪ. Слушай-ка, мой другъ, ты гдѣ сегодня обѣдаешь?... ужъ, вѣрно, званъ въ мѣста три, четыре?... а?... *(толкаетъ его)*.

ФАРКОВЪ. Да, званъ въ мѣста... три четыре...

МИГУШКИНЪ. Ну, полно, не ѣзди,... Ты бы сѣлалъ большое удовольствіе, еслибъ отобѣдалъ съ нами!... не правда-ли, добрѣйшіе мои хозяева, онъ сѣлалъ бы намъ большое удовольствіе?... вѣдь вы позволите...

ФАРКОВЪ. *(женъ)*. Анна Прокофьевна!... вѣдь уже ни на что не похоже!

ДУБАСОВА. *(тихо ему)*. Ахъ, молчите, ради Бога!... *(вслухъ)*. Конечно, намъ было-бы пріятно...

ДУБАСОВЪ. Да у насъ, знаете, готовлено только...

МИГУШКИНЪ. *(перебивая его)*. Полноте перемонитесь!... Бла-

годаря, мой другъ, моихъ милыхъ хозяевъ... видѣшь, какъ они добры... лъбезны... приглашаютъ тебя сами...

ФАРКОВЪ. Покорнѣйше благодарю!...

ДУБАСОВЪ. *(жестъ).* Нѣтъ, Анна Прокофьевна! это просто, нахаль!...

МИГУШКИНЪ. *(машинально взявъ состола газету, мнетъ ее въ рукахъ).* А ты тоже еще не завтракалъ!... добрѣйшая, Анна? Прокофьевна!... вотъ бы и моему Антону кофейку!... *(въ сторону).* ты бывалъ большой охотникъ до кофею!

ФАРКОВЪ. Да, я большой охотникъ до кофею!... *(тихо).* Помилуй Алеша, я терпѣть не могу...

ДУБАСОВЪ, *(жестъ).* Анна Прокофьевна!... вѣдь, ужъ это два, стакана... не считая вашей ашшетитной чашки!...

ДУБАСОВА, *(мужу тихо).* Да замолчите!... важная вещь, два стакана!..

ДУБАСОВЪ, *(громко съ досадой).* Когда такъ... давай и мнѣ кофею!

МИГУШКИНЪ. Да вѣдь вы не пьете?... смотрите, не вредно ли вамъ? вѣдь кофею горячить.

ДУБАСОВЪ. *(также).* Нужды нѣтъ просто... ужъ за одно давай три стакана кофею!..

ДУБАСОВА. Сю минуту!... *(хочетъ идти).*

МИГУШКИНЪ. *(Фаркову тихо).* Поддѣлайся къ Папенькѣ и я ужъ слажу съ маменькой... *(подходя къ Дубасовой, тихо).* Я смотрю на васъ, Анна Прокофьевна, и не могу наглядѣться... вы, просто, какъ говорится, шарманъ... персонь... *(говоритъ съ ней тихо).*

(Фарковъ хочетъ подойти къ Дубасову и не рѣшается).

ДУБАСОВЪ, *(особо).* Ну, ужъ поддѣла меня жена!... да, нѣтъ, если это пойдетъ все такимъ образомъ, такъ у меня вѣдь не долго... помилуйте, какой это образованный человекъ?.. нахаль! чистый нахаль!... Ну, лгу я или нѣтъ! какъ вы думаете?... *(сядая къ столу, и отыскивая газету, вслухъ),* Анна Прокофьевна! да гдѣ сегодняшняя полицейская газета? развѣ не приносили?

МИГУШКИНЪ. Ахъ, кажется, она у меня... странная привычка... я очень люблю, чтобъ у меня было что нибудь въ рукахъ... позвольте, я прочту, нѣтъ ли чего новаго... сей часъ отдамъ... *(Продолжаетъ разговаривать съ Дубасовой! Фарковъ все выискиваетъ случай подойти къ Дубасову.)*

ДУБАСОВЪ, *(особо).* Помилуйте, что-жъ это будетъ!... да этакъ скоро здѣсь будетъ хозяиномъ онъ а не я!... что это

еще, помилуйте, ужъ никакъ ухаживаетъ за моею женою!... шепчется! просто, при моихъ глазахъ шепчется!... не даромъ же она... (*кричитъ*) Анна Прокофьевна! да что-жъ вы... кофей-то!

ДУБАСОВА. Сей часъ! сей часъ!... представте себѣ, Иванъ Кузьмичъ... Они говорятъ, что хотятъ съ своимъ другомъ взять для насъ сегодня ложу въ Александровскомъ театрѣ.

ДУБАСОВЪ. Вздоръ!... ступайте варить кофей!...

ДУБАСОВА, (*тихо мужу*). Какой вы невѣжа! чѣмъ бы благодарить... а вы... (*въ слухъ*). Кофей сію минуту будетъ готовъ и я прикажу взять для васъ, Алексѣй Алексѣевичъ, кандитерскихъ пирожковъ... (*уходитъ въ среднюю дверь*).

ДУБАСОВЪ. Что? что?... Анна Прокофьевна!... да вы никакъ... (*уходитъ за ней*).

Я В Л Е Н І Е XI.

МИГУШКИНЪ, ФАРКОВЪ.

МИГУШКИНЪ. Ну, что, Антонъ! доволенъ ли ты мной!...

ФАРКОВЪ. Доволенъ Алеша... какъ нельзя больше... но я все думаю и не могу никакъ придумать: какъ ты это такъ скоро здѣсь познакомился?

МИГУШКИНЪ. А ты ужъ замѣтилъ, какъ я коротокъ въ здѣшнемъ домѣ?...

ФАРКОВЪ. Замѣтилъ...

МИГУШКИНЪ. Дай-ка папироску твоего издѣлія и спичку... (*Фарковъ даетъ ему то и другое*).

ФАРКОВЪ. Только батюшка глядитъ что-то такъ страшно...

МИГУШКИНЪ. Правда, съ батюшкою я еще не успѣлъ сойтись... это еще впереди.. но за то ужъ Матрена просто безъ ума отъ меня!

ФАРКОВЪ. Геніальный ты человекъ, Алеша!... думаю и никакъ не могу придумать, какъ ты все это дѣлаешь?

МИГУШКИНЪ. Какъ дѣлаю?... очень просто: слѣдую отчасти новой методѣ свѣтскаго обхожденія!...

№ 3.

Нынче жить нельзя безъ лести.

Мы должны, безъ всякихъ думъ,

Въ богачахъ дивиться чести,
 Въ дуракахъ же видѣть умъ,
 Восхищаться въ гордыхъ саномъ,
 Въ дѣвахъ прелѣстью живой,
 Въ горбунахъ же стройнымъ станомъ
 А въ уродахъ красотой!
 Убѣждаться тѣмъ, что можно,
 Бѣлымъ черное считать,
 Все хвалить, чего не должно
 И бездарность прославлять.
 Словомъ, надо лицемѣромъ
 Быть для счастья своего
 И повѣрь; такимъ манеромъ
 Ты достигнешь до всего!

ФАРКОВЪ. Этакой ты умный, Алеша!...

МИГУШКИНЪ. Ну, хоть и, не слишкомъ умный, по край-
 нѣй мѣрѣ смѣль и не застѣчивъ!... но ужъ ты, Антонъ,
 просто курица!... всего боишься, во всемъ видишь неудачи...
 курица! какъ честный человѣкъ, курица!..

ФАРКОВЪ. Чтожъ дѣлать, Алеша... ужъ я такъ съ мало-
 лѣтства... я вотъ все думаю и не могу придумать: отъ чего бы
 это?... полагаю одно только, что ужъ это такъ перешло отъ
 родителей,... покойный папенька ужасно боялся черныхъ та-
 ракановъ и мышей, а покойная маминька страшно пугалась,
 когда стрѣляли изъ пушки или изъ ружья!..

МИГУШКИНЪ. Но ужъ ты у меня теперь держи ухо о-
 стро... не острами себя... я, вотъ видишь, все сдѣлалъ что
 можно... не только что познакомился, даже сдѣлался здѣсь на-
 хлѣбникомъ!

ФАРКОВЪ. Какъ Алеша, нахлѣбникомъ?

МИГУШКИНЪ. Да... съ нынѣшняго дни. я здѣсь живу,
 сплю, ѣмъ, пью... словомъ, я теперь второй экземпляръ Ду-
 басова...

ФАРКОВЪ. Но какъ-же, Алеша... вѣдь на это нужны деньги?..

МИГУШКИНЪ. А ужъ это не мое дѣло!... мое дѣло по-
 могать а деньги платить тебѣ, Антонъ!

ФАРКОВЪ. Конечно такъ, Алеша... но у меня самого те-
 перь нѣтъ ни копѣйки!..

МИГУШКИНЪ. Ну, ужъ доставай гдѣ хочешь... тебѣ ско-
 рѣе повѣрять въ долгъ... вѣдь ты братъ не сегодня, такъ
 завтра получишь порядочное наслѣдство!...

ФАРКОВЪ. Это все еще буки, Алеша... конечно я узналъ

навѣрное, что дядюшка мой Василій Михайловичъ скончался на задѣ тому полъ-года въ Рязани... и оставилъ послѣ себя тысячь сто... я и писалъ въ Рязань... а мнѣ отвѣчали, что туда прїѣзжала его племянница... которую я никогда въ глаза невидаль... и получила что-то много денегъ... надо бы вотъ съ ней повидаться да нигдѣ немогу ее найти...

МИГУШКИНЪ. Да ты и никогда не найдешь,... если будешь такъ искать, какъ искалъ до сихъ поръ... видно мнѣ надо будетъ приняться и за это дѣло... а то, пожалуй, и наследство твое пропадетъ... какъ честный человѣкъ, пропадетъ!... но это послѣ... теперь намъ должно заняться предметомъ твоей страсти... твоей очаровательной Соничкой!...

ФАРКОВЪ. Соничка!... Ахъ, прелесть моя!...

МИГУШКИНЪ. То-то прелесть!... со мной-то ты храбръ а вотъ, я думаю, какъ придетъ время объясниться съ Соничкой, такъ ты и на понятный дворъ!

ФАРКОВЪ. Ахъ, Алеша, Алеша! странный я, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ!... вотъ вѣдь какъ я одинъ, да пораздумаю о моей Соничкѣ, такъ вотъ такъ бы кажется и обнялъ ее, такъ бы всю и разцѣловаль... такъ бы.

МИГУШКИНЪ. Ну, а какъ увидѣшь, такъ и слова не скажешь?

ФАРКОВЪ. Не отвѣчаю!... можетъ быть, не скажу ни слова... отъ волненія... отъ полноты чувствъ.

МИГУШКИНЪ. И отъ трусости?

ФАРКОВЪ. Не отвѣчаю... можетъ быть, и отъ трусости!..

МИГУШКИНЪ. Нѣтъ, ужъ. я не допущу тебя до этого... какъ честный человѣкъ, не допущу!

ФАРКОВЪ. И не допускай! сдѣлай милость, не допускай!

МИГУШКИНЪ. Но во всякомъ случаѣ, дай мнѣ, Антонъ, честное благородное слово, что ты при встрѣчѣ съ Соничкой, не сконфузишься?

ФАРКОВЪ. Не отвѣчаю!.. постараюсь!..

МИГУШКИНЪ. Нечего тутъ, постараюсь!.. Ты долженъ, какъ только возможно, быть съ нею смѣлымъ... говорить, любезничать!..

ФАРКОВЪ. Алеша! да вѣдь это все равно, какъ бы заставили меня тащить пудъ тридцать грузу!..

МИГУШКИНЪ. Такъ вотъ же мое условіе и ужъ я его ни за что не переменяю... если ты хоть на волосъ струсишь, такъ я тебя брошу и тотчасъ уйду отсюда... какъ честный человѣкъ.

ФАРКОВЪ. Алеша! я не буду трусить... только не уходи и помоги...

МИГУШКИНЪ. И будешь говорить, любезничать?

ФАРКОВЪ. Буду говорить и любезничать... только не уходи и помоги!..

МИГУШКИНЪ. Ну, увидимъ!

ФАРКОВЪ. Увидишь, Алеша!.. Боже мой! кто-то идетъ!.. Не она ли! (*увидя Соничку*). Она!.. Алеша! держи и поддержи меня!

Я В Л Е Н И Е XII.

ТѢЖЕ, СОНИЧКА.

СОНИЧКА. (*выходя изъ комнаты на право, въ сторону*). Къ намъ переѣхалъ жилецъ!.. Ахъ, какъ это весело!.. Маменька мнѣ строго приказала быть внимательнѣе къ нему и не капризничать!

МИГУШКИНЪ. (*взявъ за руку Фаркова*). Позвольте намъ, мадемуазель... (*толкаетъ Фаркова*).

СОНИЧКА. (*приспѣвъ и замѣтя Фаркова*). Ахъ! что я вижу! это онъ!..

ФАРКОВЪ. (*храбрясь. Мигушкину*). Пусти, я буду говорить!.. (*выходя впередъ*). Позвольте намъ...

МИГУШКИНЪ. (*замѣтя, что онъ конфузится*). Рекомендовать себя... Алексѣй Алексѣвичъ Мигушкинъ и другъ мой Антонъ Васильевичъ Фарковъ!.. (*Фаркову*). Смотри, уйду?....

ФАРКОВЪ. (*растерявшись*). Пусти я буду говорить Алексѣй Алексѣвичъ Мигушкинъ и другъ Антонъ Васильевичъ Фарковъ. (*Мигушкинъ выходитъ впередъ*).

СОНИЧКА. (*приспѣдала*). Ахъ, очень пріятно!.. Я, кажется, ужъ имѣла удовольствіе видѣть.

МИГУШКИНЪ. Моего друга?.. да, вы не ошиблись... онъ живетъ въ одной улицѣ съ вами.. (*Фаркову*)... Антонъ!..

ФАРКОВЪ. (*идя впередъ*). Пусти, я буду говорить... да-съ, въ одной улицѣ съ вами... въ домѣ мѣщанина Лоскуткина... № 17-й... (*Мигушкину*). Помоги, Алеша!..

СОНИЧКА. Ахъ, я знаю домъ Лоскуткина... это на углу переулка?..

МИГУШКИНЪ. Да-съ! вы не ошиблись!

ФАРКОВЪ. Пусти, я буду говорить... да-съ, вы не ошибсь!..

МИГУШКИНЪ. (*выходя впередъ*). Онъ прежде, знаете, жилъ на Нѣвскомъ проспектъ.

ФАРКОВЪ. (*толкая его тихо*). Когда это?

МИГУШКИНЪ. (*тихо ему*). Молчи!.. (*вслухъ*). Надобно правду сказать, аристократическая улица!.. всегда, этакъ, бо-мондъ... бывало, гуляешь, и ужъ непременно къ нему зай-дешь... такая веселая была квартира... пять комнатъ на про-спектъ... и все это такъ видно изъ оконъ... (*Фаркову*) Антонъ!..

СОНИЧКА. Ахъ должно бытъ, очень весело!..

ФАРКОВЪ. (*выходя впередъ*). Пусти, я буду говорить... да-съ... должно быть, очень весело!..

МИГУШКИНЪ. (*толкая его тихо*). Нѣтъ, видно ты невз-цѣлимъ! пусти, ужъ я лучше буду говорить... (*выходя впередъ, громко*). Да-съ! только бы, кажется, жизнь... да вдругъ съ ума сошелъ!.. вздыхать, скучать... не хочу жить на Нѣв-скомъ, да и только!.. переѣзжаю въ Коломну... и переѣхалъ!.. (*Миушкину*). Антонъ!

ФАРКОВЪ. Да-съ я переѣхалъ...

СОНИЧКА. (*съ удивленіемъ*). Съ Нѣвскаго въ Коломну?..

МИГУШКИНЪ. Ну; сузите сами!.. Думаю: не даромъ! вѣрно, есть причина!.. Сталъ узнавать, спрашивать и что же? вѣдь узналъ?

СОНИЧКА. Узнали?

МИГУШКИНЪ. (*смотря на Фаркова*). Ну, что мигаешь?.. боишься, что расскажу?.. а вотъ расскажу!

СОНИЧКА. Ахъ, расскажите!

МИГУШКИНЪ. Открылась весьма естественная вещь: влю-бился здѣсь въ Коломнѣ... (*Фаркову*). Что? неправда? (*Соницкѣ*). Вѣдь надобно его знать! Это, просто, огонь! пламя!.. да и не мудроно: сочинитель, поэтъ!

СОНИЧКА. Ахъ, вы поэтъ!

МИГУШКИНЪ. (*толкая Фаркова*). Да отвѣчай!

ФАРКОВЪ. (*Миушкину*). Пусти, я буду говорить... (*Со-ницкѣ*). Да-съ поэтъ!..

МИГУШКИНЪ. (*Соницкѣ*). А вы любите читать?

СОНИЧКА. Да-съ, французскіе романы!

МИГУШКИНЪ. А! мадемуазель! ву парле ву франсе!

СОНИЧКА. Вуй!

МИГУШКИНЪ. А русскіе книги читаете?

СОНИЧКА. Да-съ, иногда... но очень рѣдко...

МИГУШКИНЪ. Жаль, а тамъ въ разныхъ журналахъ есть тьма сочиненій моего друга Антона... Пойдите я вамъ доставлю

СОНИЧКА. Ахъ пожалуста.

МИГУШКИНЪ. Особенно у него тамъ есть одни стихи... какъ бишь. Антонъ?

ФАРКОВЪ. (*Миушкину*). Какіе стихи?

МИГУШКИНЪ. Да! къ ней!.. и это, знаете, къ ней... къ той самой особѣ, въ которую онъ влюбленъ!

СОНИЧКА. Ахъ, это, должно быть, очень интересно!

МИГУШКИНЪ. Чрезвычайно интересно! какъ честный человѣкъ... онъ описываетъ... да нѣтъ, пусть онъ лучше расскажетъ самъ... расскажи, Антонъ!

ФАРКОВЪ. (*тихо Миушкину*). Да что жъ я буду говорить!

МИГУШКИНЪ. (*тихо*). О, пустая голова!.. (*вслухъ*). Совѣстно! о, скромный поэтъ!.. Позвольте же, я ужъ вамъ расскажу... вообразите, онъ описываетъ дѣву... прелесть... совершенную красоту... и тоскуетъ, что она не знаетъ его страданій... онъ видите, увидѣлъ ее случайно, на улицѣ и влюбился... съ тѣхъ поръ, все его оставило: сонъ, аппетитъ... словомъ все удовольствія въ жизни... онъ ходитъ новѣся голову по улицамъ... смотритъ на ея окна и счастливъ, невыразимо счастливъ, если увидитъ ее на улицѣ... тогда онъ слѣдуетъ по ея стопамъ, завидуетъ той плитѣ, на которую ступала ея ножка и заключаетъ тѣмъ, что готовъ бы превратиться въ тѣ дрожки, на которыхъ она иногда ѣздитъ.... или хоть въ ту муху, которая дерзаетъ садиться на ея ланиты и улетать..

СОНИЧКА. (*улыбаясь во все время*). Ахъ, какъ это мило! какъ должно быть интересно!.. (*въ сторону*). Боже мой! это обо мнѣ напечатано?

МИГУШКИНЪ. (*Фаркову*). Такъ ли я рассказалъ? (*толкаетъ его*).

ФАРКОВЪ. Совершенно такъ рассказалъ!

МИГУШКИНЪ. А какой у него еще есть романсъ, тоже къ ней... просто, прелѣсть! онъ поетъ его день и ночь...

СОНИЧКА. Ахъ, спойте, пожалуйста!

ФАРКОВЪ. Ахъ, я, право немогу... у меня горло... (*Миушкину*). Помилуй, ты съ ума сошелъ!

МИГУШКИНЪ. (*тихо*). Пой! или я уйду!

СОНИЧКА. Ничего-съ... ахъ, спойте!..

ФАРКОВЪ. Право-съ, не знаю какъ... (*Миушкину*). Да чтожъ я буду дѣть?

МИГУШКИНЪ. (*тихо*). Да хоть изъ какого-нибудь водевиля!.. знаешь, хоть это: Цвѣтокъ любви...

СОНИЧКА. Да спойте же...

МИГУШКИНЪ. (*тихо*). Ну!.. смотри!..

ФАРКОВЪ. Если ужъ угодно... только, пожалуйста, не смѣйтесь... (*въ сторону*). Просто, духъ захватываетъ! (*поетъ робля*).

№ 4-й.

Цвѣтокъ любви! о дѣва не земная,
Дивлюся я на блескъ твоихъ очей!
Ты красотой небесной обладая,
Зажгла огонь любви въ душѣ моей!
На яву и во снѣ
Ты одна радость мнѣ,
Лишь съ тобой, жизнь моя,
Быть могу счастлива я!..

СОНИЧКА. Ахъ, какъ мило! какъ прелестно!

МИГУШКИНЪ. Не правда ли, шарманъ!

СОНИЧКА. Ахъ, да... шарманъ!.. Ахъ, нельзя ли достать ноты!

МИГУШКИНЪ. Достанетъ, непременно достанетъ! и слова принесетъ... замѣтьте, какія слова! сколько страсти! Ахъ, еслибъ вы знали, какъ онъ любитъ эту дѣвицу!.. (*тихо*). Антонъ!.. вѣдь ужъ пора!.. не то уйду!..

ФАРКОВЪ. Пусти, я буду говорить... (*вслухъ, въ замѣшательствѣ*). Ахъ... точно... мое сердце... душа... огонь... все!..

МИГУШКИНЪ. О, поэтъ!.. Не можетъ говорить отъ полноты страсти!.. И вотъ всегда такъ. . въ чемъ другомъ, не умолкаетъ... рѣчь такъ и льется, умъ такъ и работаетъ... а чуть попадетъ на любовь... и бѣда!.. и баста!... Но я одно скажу, что счастлива, вполне будетъ счастлива эта дѣвица, когда онъ назоветъ ее своей супругой!.. Какъ честный человѣкъ, будетъ счастлива!.. Не правда ли, мадемуазель?..

СОНИЧКА. Да-съ!..

МИГУШКИНЪ. И не правда ли, что когда она узнаетъ всю силу его любви, такъ сама наградитъ его взаимностію...

СОНИЧКА. Да-съ... я не сомнѣваюсь?

МИГУШКИНЪ. Антонъ! ты счастливѣйшій человѣкъ!... Софья Ивановна! вы возвращаете его къ жизни!

СОНИЧКА. Какъ?... я?..

МИГУШКИНЪ. (*тихо Фаркову*). Неужели и теперь будешь молчать... вѣдь уйду...

ФАРКОВЪ. Да-съ! вы!...

МИГУШКИНЪ. Неужели вы еще не догадались?... Неужели вы не узнали въ этомъ портретѣ...

ФАРКОВЪ. (*выходя впередъ съ рлиш.мостію*). Пустя, я буду говорить.... Неужели вы не узнали въ этомъ портретѣ... Ахъ, осчастливьте....

СОНИЧКА. Ахъ.... право....

МИГУШКИНЪ. (*толкая Фаркова, тихо*). Говори : умру если вы будете равнодушны!... Убью себя... застрѣлюсь!...

ФАРКОВЪ. Ахъ! умру, если вы будете равнодушны!... убью себя!... застрѣлюсь!...

СОНИЧКА. Ахъ, что вы... какъ можно!...

МИГУШКИНЪ. (*также*). Говори: согласитесь.... и я буду просить вашей руки....

ФАРКОВЪ. Согласитесь .. и я буду просить вашей руки.

СОНИЧКА. Но я, право... я незнаю...

МИГУШКИНЪ. (*также*). Скажи , что у тебя хорошее состояніе....

ФАРКОВЪ. Скажи, что у тебя.... (*Мигушкинъ его щиплетъ*). Ахъ!...

МИГУШКИНЪ. Неужели онъ такъ несчастливъ!.... Рѣшите же его участь.... Онъ васъ любитъ безъ ума.... имѣетъ очень хорошее состояніе.... Ахъ, отвѣчайте-же....

СОНИЧКА. Ахъ, я право.... если папенька и маменька....

МИГУШКИНЪ. Автовъ! ты счастливѣйшій смертный!... какъ честный человѣкъ!... (*Тихо*). Скорѣй, на колѣна! и клянись и цѣлуй ручку.... (*Принуждаетъ его стать на колѣна*).

АНТОНЪ. (*на колѣнахъ*). Ахъ! я счастливѣйшій смертный!...

СОНИЧКА. Ахъ, что вы!...

МИГУШКИНЪ. (*тихо*). Цѣлуй руку!...

ФАРКОВЪ. (*схвативъ руку Сонички, и цѣлуя ее нѣсколько разъ*). Ахъ!... ахъ!... какое наслажденіе!...

СОНИЧКА. Боже мой! что вы дѣлаете....

ФАРКОВЪ. (*продолжая цѣловать*). Еще... еще!... Ахъ, какъ упоительно!...

МИГУШКИНЪ. (*про себя, садясь къ столу*). Наконецъ , сдѣлалъ-таки изъ него путнаго человѣка....

Я В Л Е Н І Е XIII.

ТѢЖЕ, ДУБАСОВЪ.

ДУБАСОВЪ. (сходя въ среднюю дверь и увидя Фаркова на кольяхъ). Это что! гость на кольяхъ предъ моею дочерью!...

ФАРКОВЪ. (вскакивая). Ахъ!

ДУБАСОВЪ. (Соничкѣ). Соня! Это что ты тутъ дѣлаешь?

СОНИЧКА. Я, папенька... ничего... я слушала, какъ они разсказывали...

ДУБАСОВЪ. Ты слушала, какъ онъ разсказывалъ на кольяхъ... Вонъ! въ свою комнату!...

СОНИЧКА. Пожалуй, я и пойду!... Удивительно, какъ хорошо!... Развѣ я виновата... мнѣ маменька приказала, чтобъ я была внимательнѣе...

ДУБАСОВЪ. Вонъ! говорю вамъ!...

СОНИЧКА. (со слезами). Только у васъ и словъ, что бранитесь... (Уходитъ въ комнату направо).

ДУБАСОВЪ. (Мигушкину). Хорошъ вашъ гость, нечего сказать!

МИГУШКИНЪ. (читая газету). А что?

ДУБАСОВЪ. Развѣ вы не видѣли, что онъ дѣлалъ?

МИГУШКИНЪ. Нѣтъ, не видѣлъ... я читалъ Полицейскую Газету... послушай те, какое любопытное извѣстіе... Воздухоплаватель Леде....

ДУБАСОВЪ. Что мнѣ за надобность до вашего Леде.... (въ сторону). Незнаю, что меня еще удерживаетъ. Ну, ужъ нахлѣбникъ!... (вслушъ) Вы тутъ сидите и не видите, что дѣлаетъ вашъ гость.... Нѣтъ, послѣ этого я никакъ не позволю, чтобъ онъ здѣсь остался!... Лгу я или нѣтъ...

МИГУШКИНЪ. Одну минуту.... Вспомните, мы пригласили его обѣдать и онъ долженъ здѣсь обѣдать.... Развѣ я не нахлѣбникъ вашъ?... Развѣ я не имѣю права?...

ДУБАСОВЪ. И вы думаете, что я оставлю его въ своемъ домѣ?...

МИГУШКИНЪ. Кто вамъ говоритъ, чтобы вы его оставили.... Онъ отобѣдаетъ здѣсь и уйдетъ.... Да я увѣренъ, что, если вы все узнаете, такъ сами не отпустите.... какъ честный человѣкъ, не отпустите!

ДУБАСОВЪ. А вотъ увидите, какъ отпущу....

ФАРКОВЪ. (Мигушкину). Алеша! я лучше уйду!

МИГУШКИНЪ. (Фаркову). Ни съ мѣста!... Поди и объясни все, какъ слѣдуетъ!...

ДУБАСОВЪ. (показывая Фаркову на дверь). Милостивый государь! неуждо ли?...

МИГУШКИНЪ. Нѣтъ-съ, неуждо!... Я его не отпущу!...

ДУБАСОВЪ. Такъ убирайтесь же и вы съ нимъ сами!

МИГУШКИНЪ. Нѣтъ, не уберусь!... Я вашъ нахлѣбникъ!...

ДУБАСОВЪ. Ну, ужъ жена! поблагодарю я тебя!...

Я В Л Е Н І Е Х І V.

ТѢЖЕ, ДУБАСОВА И МАТРЕНА. (съ подносомъ, на которомъ стаканы съ кофе и въ корзинкѣ булки).

ДУБАСОВА. Вотъ и кофеи!... Матрена подавай!

ДУБАСОВЪ. Ненужно! не подавай!

ДУБАСОВА. Это что?

ДУБАСОВЪ. (Миушкину). Вотъ вамъ задатокъ!... ненужно мнѣ вашихъ денегъ!

МИГУШКИНЪ. Это не мои деньги!

ФАРКОВЪ. Алеша! да пойдѣмъ!

ДУБАСОВЪ. Возьмите! Я нехочу такого нахлѣбника!

ДУБАСОВА. Иванъ Кузмичъ! вы никакъ съ ума сошли!

ДУБАСОВЪ. Молчите, сударыня!... Вотъ навязала мнѣ на шею нахлѣбника! Какой это нахлѣбникъ! Это какой-то...

ДУБАСОВА. Иванъ Кузмичъ, образумтесь!... что съ вами?

ДУБАСОВЪ. Что со мною! А то, что вашъ нахлѣбникъ, мало того, что ничего невидя, распоряжается уже въ моемъ домѣ, какъ въ своемъ... нѣтъ, онъ притащилъ еще гостя, такого же фертка, какъ самъ, который до того забылся, что осмѣлился стать на колѣна предъ нашей дочерью...

МИГУШКИНЪ. Чтожъ, по вашему, это неучтиво?...

ФАРКОВЪ. Алеша! да пойдѣмъ!

ДУБАСОВЪ. А по вашему учтиво?

ДУБАСОВА. И я тутъ вижу еще ничего дурнаго!...

ДУБАСОВЪ. Что?

ДУБАСОВА. Бить можетъ, онъ съ хорошимъ намѣреніемъ...

ДУБАСОВЪ. Что?... чтобъ я позволилъ ему жениться на Сонѣ... какомунибудь гольшу...

МИГУШКИНЪ. Нѣтъ, извините... У моего друга Антона есть въ виду богатое наслѣдство...

ДУБАСОВЪ. Ну, такъ тогда и придетъ, когда получить наслѣдство!... Знаю я васъ... дудки!...

ДУБАСОВА. Иванъ Кузмичъ!

ДУБАСОВЪ. Знать ничего нехочу!...

Я В Л Е Н І Е Х V.

ТЪ ЖЕ, ЛАПКИНА.

ЛАПКИНА. Что это? Что за шумъ?

ДУБАСОВА. Ахъ, Степанида Федоровна!...

ЛАПКИНА. Что это у васъ?...

ДУБАСОВА. Нѣтъ, такъ... ничего... гости спорятъ о чемъ то....

ЛАПКИНА. А я къ вамъ, Иванъ Кузмичъ....

ДУБАСОВЪ. Что вамъ угодно? (*Дубасова разговариваетъ съ Мигушкинымъ и Фарковымъ*).

ЛАПКИНА. Вѣдь я пришла проститься съ вами... я нашла другую квартиру!...

ДУБАСОВЪ. Что?

ЛАПКИНА. Да-съ, въ Малой Мастерской... прехорошенькую, на улицу... и дешевле вашей... А все я обязана вашему гостю...

ДУБАСОВЪ. Какому гостю?

ЛАПКИНА, (*показывая на Мигушкина*). Вотъ имъ!.. они мнѣ присовѣтовали!.. Ахъ, какъ я вамъ благодарна! мерси, бо-ку мерси!

ДУБАСОВЪ. Опять мой нахлѣбникъ!.. Ну, Анна Прокофьевна, спасибо!..

МАТРЕНА, (*подходя къ Дубасову*). Иванъ Кузмичъ!.. я тоже ужъ хочу проститься съ вами!.. пожалуйста мой пашпортъ!

ДУБАСОВЪ. Это что значить?

МАТРЕНА. А то значить, что ужъ мнѣ не приходится жить за два цѣлковыхъ... вѣдь я не нищая какая...

ДУБАСОВЪ. Помилуй, да вѣдь ты десять лѣтъ живешь у насъ и до сихъ поръ всегда была довольна...

МАТРЕНА. Да я и не жалуясь... довольна всѣмъ... только ужъ за два цѣлковыхъ не приходится... вотъ если дадите четьре или ужъ по-крайности три...

ДУБАСОВЪ. Да ты съ-чего это взяла? какой дуракъ тебѣ сказалъ, чтобъ тебѣ дали три цѣлковыхъ?

МАТРЕНА. Нѣтъ-съ, не дуракъ, Иванъ Кузмичъ... это вотъ ихъ милость... (*показываетъ на Мигушкина*).

ДУБАСОВЪ. Нахлѣбникъ!.. опять нахлѣбникъ!.. ну, Анна Прокофьевна! покорнѣйше благодарю!..

ДУБАСОВА, *(отходя отъ Мигушкина)*. Да чему ты бѣснись!.. не узавши хорошенько дѣла, ужъ и на дыбы!.. вотъ вѣдь я и угадала... они съ прекраснымъ намѣреніемъ...

ДУБАСОВЪ. И слышать не хочу!

ЛАПКИНА, *(Дубасовой)*. Что это у васъ тутъ дѣлается... я не пойму... нахлѣбникъ... съ прекраснымъ намѣреніемъ...

ДУБАСОВЪ. Да вотъ разсудите сами, Степанида Федоровна... вотъ нашъ гость... Антонъ Васильевичъ Фарковъ...

ЛАПКИНА. Что-съ? Антонъ Васильевичъ Фарковъ!.. Боже мой! что я слышу! мой двоюродный братъ!..

ВСЪ. Какой двоюродный братъ?

ЛАПКИНА. Боже-мой! тотъ самый, котораго я такъ давно ищу... тотъ самый, которому дяюшка вмѣстѣ со-мною отказалъ наслѣдство!.. Ахъ, мнѣ дурно!.. *(Мигушкинъ поддержививаетъ ее)*.

ВСЪ.. Неужели?...

ФАРКОВЪ. О, счастье!..

МИГУШКИНЪ. О, судьба!

ЛАПКИНА, *(Мигушкину, открывая объятія)*. Братъ мой!..

МИГУШКИНЪ. Очень было-бы пріятно... да, къ несчастію, это не я... а вотъ, мой другъ Антонъ... Антонъ! въ объятія сестры!..

ФАРКОВЪ. Сестрица!, *(цѣлуетъ руку Лапкиной)*. Такъ это вы Степанида Федоровна...

ЛАПКИНА. Ахъ, братецъ! какъ я васъ давно ищу!..

ФАРКОВЪ. А я-то какъ васъ давно ищу!

ЛАПКИНА. Но наконецъ... наконецъ я могу исполнить священный долгъ!.. Ахъ, братецъ, позвольте же съ вами познакомиться и вмѣстѣ сообщить вамъ пріятную и горестную вѣсть!.. Нашъ дяюшка... *(со слезами)* нашъ добрый, незабвенный дяюшка Василій Михайловичъ скончался... и отказалъ вамъ пятьдесятъ тысячъ!..

ФАРКОВЪ, *(также со-слезами)*. Ахъ, я уже зналъ объ этомъ!.. О незабвенный дяюшка!

ДУБАСОВЪ. Пятьдесятъ тысячъ!.. а я... *(Фаркову)*. Ахъ, извините меня, пожалуйста... я никакъ не зналъ... позвольте поздравить васъ... весьма пріятно познакомиться...

МИГУШКИНЪ. Браво! все кончается благополучно!.. другъ! Антонъ! въ мои объятія!.. *(обнимаетъ Фаркова)*.

ФАРКОВЪ. Алеша! я чуть не плачу!..

МИГУШКИНЪ. (*Лапкиной*). Васъ, Степанида Федоровна, какъ добраго генія послала къ намъ судьба... примите мою благодарность.. (*тихо*). Я, просто очарованъ вами!..

ЛАПКИНА, (*стыдливо*). Ахъ, мерси!..

МИГУШКИНЪ. (*Дубасову*). А вы, папаша... взгляните на моего друга и сжаьтесь надъ его любовью... Ну, рѣшайте, можно-ли ему назвать васъ папашей?..

ДУБАСОВЪ, (*улыбаясь*). Ну, ужъ повѣса!

МИГУШКИНЪ. Улыбается!.. Антош! въ объятія къ отцу!..

ФАРКОВЪ, (*цѣлуетъ съ Дубасовымъ*). Папенька.

МИГУШКИНЪ. (*Дубасовой*). А вы... о, я въ васъ и не сомнѣваюсь... ваше сердце... ваша душа... ваша деликатность...

ДУБАСОВА. Ахъ, я давно уже была согласна!.. Я буду гордиться такимъ образованнымъ зятемъ!..

МИГУШКИНЪ. Антош! въ объятія къ матери!

ФАРКОВЪ, (*цѣлуетъ руку Дубасовой*) Маменька!..

МИГУШКИНЪ. А гдѣ-же наша невѣста!.. (*бѣжитъ къ дверямъ направо*). Софья Ивановна!.. Софья Ивановна!.. (*Соничка выходитъ; онъ беретъ ее за руку и подводитъ къ отцу и матери*). Добрые родители!.. благословите вашихъ дѣтей!.. (*тѣ благословляютъ*).

МИГУШКИНЪ. (*Фаркову*). Антош! доволенъ ли ты мной?..

ФАРКОВЪ, (*цѣлуетъ его*) Алеша! другъ! благодаръ! (*тихо*) Сколько хочешь проси въ займы!..

ДУБАСОВА, (*мужу*). Что теперь скажешь? худо я сдѣлала, что присоветовала вамъ взять нахлѣбника?

ДУБАСОВЪ. Нѣтъ, ужъ это первый и послѣдній!.. дочь выйдетъ замужъ, все пойдетъ по другому...

МИГУШКИНЪ. Такъ вы меня въ отставку?

ДУБАСОВЪ. Ужъ извините... такъ, милости прошу навсегда... будемъ рады!..

МИГУШКИНЪ. Антош! я буду твоимъ нахлѣбникомъ!.. (*Дубасову*). Квартира ваша не пропала.. ее займутъ ваши дѣти... (*Лапкиной*) Деньги ваши я отдалъ Ивану Кузмичу... (*Дубасову*). Десять цѣлковыхъ считайте за квартиру Степаниды Федоровны... Матрена, поди сюда! ты останешься здѣсь по прежнему... Антош! дай ей завтра три цѣлковыхъ... одинъ за меня и два за себя!..

МАТРЕНА. Благодаримъ покорно!

МИГУШКИНЪ. Все устроено... Уфъ!.. теперь можно выпить кофею!.. а чай простылъ... нѣтъ, позвольте, еще не все. (*публикъ*) Позвольте съ вами объясниться!..

Знаю, я нахлѣбникъ скверный,
 Лгуиъ, повѣса записной,
 Но за то другъ самый вѣрный,
 Словомъ, я моншеръ прямой!
 Горя я почти не знаю,
 Хоть въ карманѣ гроша нѣтъ ;
 А, какъ должно, щеголяю,
 Какъ моншеръ всегда одѣтъ!
 Не ропщу на мать природу,
 Что дала, съ тѣмъ кончу вѣкъ;
 Радъ для всѣхъ въ огонь и въ воду,
 Радъ, какъ честный человекъ!
 Для дѣвицъ я затанцуюсь,
 Для мамашенокъ заврюсь,
 Для папашекъ впухъ продуюсь,
 А для братцевъ закучусь!
 И за то, въ домахъ Коломны
 Я—какъ яркая свѣча.
 Фаворить Любви Петровны,
 Другъ Василья Ильича!
 Сухи все со-мнои сначала,
 И косятся и ворчатъ,
 А раскусятъ — снѣсъ пропала,
 Чуть на шеѣ не висятъ!
 Все на мой аршинъ ужъ мѣрятъ,
 Ставятъ всеъмъ меня въ примѣръ,
 Что скажу — всему повѣрятъ,
 Словомъ, чистый я моншеръ!
 Такъ ужъ вы въ меня ихъ вѣру
 Не извольте погубить,
 И на хлѣбахъ здѣсь моншеру
 Дайте крошечку пожить!

К О Н Е Ц Ъ .

7974

7024

14. *Послѣдній въ родѣ или въ халѣ, да не дождетъ.* Водевиль въ одномъ дѣйстви, пер. съ франц. *К. А. Гарновскимъ.*
 15. *Бой-жизнѣ.* Малороссійская опера-водевиль, въ одномъ дѣйстви, взятая изъ разсказа *Грицки-Основьяненко.*
 (Статья—*Ө. А. Коки.*)

УШ. ПАНОРАМА СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

1. Франція. 1) Парижскіе театры.—Альбони.—2) Опера Верди.—*Герусалимъ.*—3. Преобразование балета.—4. *Гамлетъ*—Шекспира, въ переводѣ *А. Дюма*—5. Атриды.—Грачи.—Всѣ отъ прощенья.—*Сюзанна де Круасси.*—Любовный шашка.—*Чейнибудь сынъ.*
2. Германія. 1) Лейпцигъ: *Семь музъ*—*Лангеншварца.*—2) Вѣна: *Разочарованные*—*Раупаха.*—3) *Мирта, или Ричмондскій рынокъ*—опера Флотова.—4) *Адрианна*—*Отто Прехлера.*
3. Англія.—Лондонъ.—Открытие *Национальной Оперы*, основанной Жульеномъ.
4. Испанія.—Будущая судьба драмы: новый театральный законъ.
5. Алжиръ.—Обѣд и спектакль.
6. Филиппинскіе острова. Театры и музыка.

ІХ. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

1. Екатеринбургскій. *Н. Мизко.*
2. Воронежскій. *И. Константинова.*
3. Вышневолоцскій. *А. Андрѣева.*
4. Харьковскій. *Н. М—ова.*
5. Астраханскій. *К. Б.*
6. Николаевскій. *И. Б—ва.*
7. Саратовскій. *А. Никитина.*

Х. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ АКТРИСЫ ФЛОРИ О ВѢКѢ НАПОЛЕОНА.

ХІ. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1. Сигналы музыкальные.
2. Сигналы литературные.
3. Сигналы общественной жизни.

ХІІ. СМѢСЬ.

1. Наполеонъ и Каталани.—2. *Гамлетъ* Шекспира по понятіямъ Гете. (*Изъ Вильгельма Мейстера*).—3. Драма-волшебъ въ почтовомъ дилижансѣ. (*Разказъ Байнера*).—4. Странности и причуды драматическихъ писателей.—5. Письмо Берліоза о Венгрии. *Пестъ.*—6. Дуэль на поросенкѣ.—7. Генриетта фонъ-Пальцовъ, *Некрологъ.*—8. Брюхо Дезессара, или наследство королевскаго слова.

ХІІІ. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

1. Театральныя новости и слухи.
2. Великое открытіе.
3. Малая промышленность въ крупномъ размѣрѣ.
4. Человѣкъ по опредѣленію одной Американской газеты.
5. Статуя, изображающая Баварію.
6. Отрывокъ изъ словаря общественныхъ знаній. *Ө. Коки.*
7. Провосудіе судьбы.
8. Голодный баринъ и его лакей. *П. Григорьева.*
9. Французскій столъ и русская кухня. *Н. Хмельницкаго.*
10. Берлинскіе вызовы жениховъ и невѣсты черезъ газеты
11. Анекдотъ *argopos de bottles!*

ХІV. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 1.

КОЛОМЕНСКІЙ НАХЛѢВНИКЪ И МОНШЕРЪ. Водевиль *П. С. Овдорова.*

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ перваго драматурга Германіи «Шиллера», гравированный на стали Гопвудомъ въ Лондонѣ и отпечатанный въ Парижѣ.

ПАНТЕОНЪ

Выходитъ ежемѣсячно, каждое 15-е число.

Годовое изданіе состоитъ изъ двѣнадцати книжекъ, отъ 20 до 25 листовъ компактной печати каждая ; при нихъ 12 номеровъ *Репертуара Русской Сцены*, заключающихъ въ себѣ отъ 16 до 20 новѣйшихъ и лучшихъ пьесъ, играемыхъ на русскихъ театрахъ, и 12-ть, отлично гравированныхъ на стали въ Парижъ и Лондонъ, портретовъ и картинокъ, изображающихъ предметы современнаго интереса.

Кромѣ того, подписчики получаютъ въ теченіе года премію, состоящую изъ литературнаго или музыкальнаго кипсека, роскошно изданнаго, цѣною въ 6 руб. сер.

=

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

10 руб., съ пересылкою **11 руб. 50 коп. сер.**

=

Подписка принимается въ *Конторъ Пантеона*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голландской церкви, въ книжномъ магазинѣ *Ратькова и комп.*

Иногородные благоволятъ адресоваться или въ *Редакцію Пантеона*, на имя издателя *Федора Алексѣевича Копа*, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Редакція отвѣчаетъ за *вѣрную доставку* только тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ выписаны изъ *означенныхъ мѣстъ.*

=

Редакція *Пантеона* находится: въ Вознесенскомъ переулкѣ, противъ церкви Вознесенія, въ домѣ Штакельберга.

